

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

КАНУН ТРАГЕДИИ

I

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 1: Канун трагедии — 2015. — 402 с., [16] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1301-3

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1301-3 (т. 1)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Марш на Париж», 1940 г., место съемки: Франция, автор съемки: не установлен, РГАКФД.
«Фашистский флаг над Парижем», 1940 г., место съемки: Париж, автор съемки: не установлен, РГАКФД.

Вступительное слово Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина

9 мая 2015 года наша страна и весь мир отметили знаковую дату — 70-летие Великой Победы, ставшей одним из главных событий в истории цивилизации. Не подлежит сомнению, что ключевая роль в разгроме фашизма принадлежит Советскому Союзу. Однако в ходе последующего противостояния стран — участниц антигитлеровской коалиции итоги Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса стали забываться и даже отвергаться недобросовестными политиками и историками. И тенденция к искажению исторических фактов лишь усилилась на фоне украинского кризиса.

К сожалению, с каждым годом с нами остаётся всё меньше тех, кто помнит, как это было. Уходит поколение ветеранов, способных освежить столь непрочную людскую память, рассказав правду о страшных лишениях и горе, которые нацизм принёс народам Европы и всего мира. И конечно — о том, кто и как победил общего врага, совершив великий подвиг во имя жизни.

Такие издания, как многотомный проект «Великая Победа», сегодня крайне важны. Приходится вновь и вновь фиксировать факты из хроники Второй мировой, выполняя наш общий священный долг перед павшими, защищая историческую память человечества. Подробное описание основных событий, документы и воспоминания очевидцев — это лучшее противоядие от манипулирования прошлым и клеветы. Именно первоисточники, а не досужие домыслы являются основой твёрдых знаний, в том числе о драматической эпохе глобальной войны, отгремевшей 70 лет назад. Уверен, память о ней поможет не допустить повторения подобных трагедий.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
С.Е. Нарышкин

A handwritten signature in blue ink, corresponding to the name S. E. Narushkin mentioned in the text. The signature is stylized and fluid.

Вступительное слово Ректора МГИМО (У) МИД России Академика РАН А. В. Торкунова

Сложность современного международного положения России заключается в том, что, осуществляя всестороннюю модернизацию общества и государства, она объективно включена в «битву идентичностей». В случае с Россией речь идёт о цивилизационной идентичности, которую В. В. Путин определил как основанную «на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности, независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹.

Одним из главных направлений и плацдармов в глобальном сражении идентичностей является история, так как именно она отбирает, фиксирует и подвергает испытанию временем их ценностные национальные системы. Особое место в этой битве занимает история Второй мировой войны, в переписывании которой проявляют активность как побежденные страны, заинтересованные в отбеливании своего недавнего исторического прошлого, так и западные страны-победители, стремящиеся перераспределить в свою пользу основной вклад в достижение Победы. В этом смысле Вторая мировая война для многих государств еще не закончилась, она продолжает играть важнейшую роль в понимании мировой политической истории всей второй половины XX и начала XXI вв. С этим связано и повышение градуса исторических антироссийских выпадов по мере приближения 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и освобождения Европы из-под гитлеровской оккупации.

В этой связи следует отметить, что профессорско-преподавательский коллектив МГИМО (У) МИД России уже многие годы ведёт систематическую работу по противодействию попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны и по восстановлению исторической правды. За последние годы в МГИМО было подготовлено несколько крупных работ, посвященных истории Второй мировой войны, среди которых

¹ Путин В. Стержень цивилизации — русский народ // Независимая газета. 23.01.2012.

особенно хотелось бы выделить издаваемую с 2009 года серию «Великая победа», которая за эти годы прошла несколько стадий — от однотомного и шеститомного издания до пятнадцатитомного труда.

Многотомник по жанру представляет собой научное летописное издание, в котором нашли отражение реальные усилия, жертвы и подвиги народов России по защите собственной независимости, спасению Европы и всего мира от коричневой чумы фашизма в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн. Многотомное издание может служить хорошим учебным пособием по истории России и международных отношений. Труд «Великая Победа» призван также выполнять просветительскую миссию, способствуя развитию исторической памяти наших соотечественников, оберегая их от вольных или невольных искажений в соприкосновении с проблемными вопросами российской истории. Каждый из этих томов посвящен отдельной, но очень важной теме. В частности, четвертый том «Другое лицо войны» затрагивает «болевые точки» исторической памяти, связанные с гримасами коллаборационизма и предательства, измены и янусовской двойственностью вопросов исторической и нравственной оценки деятельности национальных движений на Украине и в Прибалтике, в годы войны. Пятый том рассказывает об утраченных перспективах послевоенного сотрудничества между СССР и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции. Шестой том связан с проблемами сознательной фальсификации истории в историографиях западных стран. Девятый том полностью посвящен И. В. Сталину, его роли в руководстве воюющей страной. К 70-й годовщине Победы, одиннадцать ранее изданных томов под общим названием «Великая Победа» «приросли» еще четырьмя, увидели свет тома: «Освобождение», «Военная дипломатия», «Умиротворение Европы», «Великая Победа и современный мир».

В целом можно констатировать, что многотомник «Великая Победа», своей объективностью, подтверждает: истинные исторические знания являются наилучшим материалом для сохранения национальной идентичности и созидания наиболее благоприятного будущего.

Ректор МГИМО (У) МИД России
Академик РАН
А.В. Торкунов

Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова

Мне и всему коллективу Концерна ПВО «Алмаз-Антей» доставило большое удовольствие принимать участие в работе над проектом 15-томного издания «Великая Победа», посвященного 70-й годовщине победоносного завершения Великой Отечественной войны. Этот праздник с самого начала приобрел всенародный характер, а выражение «победа в сердце каждого россиянина» стало отнюдь не просто «фигурой речи», так как в нашей стране практически нет ни одной семьи, чьи предки не принимали участия в бессмертном подвиге советского народа. И этот праздник — день не только национального триумфа, но и скорби, вечной памяти о миллионах соотечественников, ценою своих жизней предотвративших угрозу фашизации всего человечества.

Мне и моим коллегам, отвечающим за безопасность воздушно-космического пространства нашей Родины, очень близка одна из главных тем многотомника — создание для послевоенного мира такой системы международной безопасности, которая исключала бы возможность возникновения новой войны глобального масштаба. И мы делаем всё возможное, а порой и невозможное для того, чтобы наши системы противовоздушной и противоракетной обороны не только гарантировали бы это, но и были лучшими в мире.

К сожалению, мы видим, что международная обстановка становится всё более и более напряженной, напоминающей канун Второй мировой войны. История повторяется. И, к сожалению, похоже, что она мало чему учит некоторых политиков. В том числе и тех, чьё блоковое сознание основывается во многом на различных интерпретациях сложных вопросов истории Второй мировой войны, а нередко и на сознательном искажении исторических фактов. Поэтому восстановление исторической истины военного периода сегодня — акт в высшей мере политический, от которого зависит безопасность народов не только Европы, но и всего мира. Речь идет об изменении в целом понимания безопасности в отношениях между Россией и Западом. Попытки отождествления СССР (Сталина) с нацистской Германией (Гитлером), оспаривание определяющей роли Красной армии в победе над Третьим Рейхом и в освобождении народов Европы от «коричневой чумы» искажают живую историческую память сотрудничества СССР с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, в которой безопасность была неделимой. Только отказ

от такого рода искажений в исторических интерпретациях может позволить создать условия для построения общеевропейской безопасности на новых кооперативных принципах.

Намерение Запада изолировать Россию в день 70-летия Великой Победы в Отечественной войне, как известно, провалилось. Присутствие на военном параде в Москве лидеров 26 стран, в условиях санкционного давления, и участие в нем 10 парадных расчетов иностранных армий выглядело как объявление о складывании вокруг России новой коалиции, которая исходит из того, что идеи силового превосходства и исключительности несут на современном этапе основную угрозу миру. «И сейчас, спустя 70 лет, история вновь взывает к нашему разуму и к нашей бдительности — отмечал в своем выступлении на московском параде В. В. Путин. — Мы должны не забывать, что идеи расового превосходства и исключительности привели к самой кровопролитной войне. В нее было вовлечено почти 80% населения Земли. ... Мы видели попытки создания однополярного мира, видим, как набирает обороты силовое блоковое мышление. Все это подтачивает устойчивость мирового развития. И нашей общей задачей должна стать выработка системы равной безопасности для всех государств, системы, адекватной современным угрозам, построенной на региональной и глобальной внеблоковой основе. Только тогда мы обеспечим мир и спокойствие на планете».

Уверен, что читатели этого многотомного издания: в первую очередь молодежь, а также специалисты, преподаватели, ученые, ветераны войны, включая, конечно же, и ветеранов заводов, конструкторских бюро и предприятий Концерна ПВО «Алмаз-Антей», получат огромную пользу, смогут гораздо лучше представить себе не только историческую атмосферу, но и ту конкретную героическую реальность, в которой происходили эти важнейшие для мировой истории события.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»
Я. В. Новиков

ҚАНУН ТРАГЕДИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ О ВОЙНЕ

Выступление У. Черчилля по радио в связи с нападением Германии на СССР, 22 июня 1941 года (извлечение)

(...) За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома... Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся, подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий (...).

Я должен заявить о решении правительства Его Величества, и я уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы (...).

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности (...)

Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара.

W. Churchill. The Second World War. Vol. 3. L., 1951. P. 331–333.

Выступление И. Сталина по радио, 3 июля 1941 г. (извлечение)

*Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!*

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не затрагивает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией (...).

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза (...).

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу...

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, ин-

теллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина–Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17

Обращение тов. И. Сталина к народу, 9 мая 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем права верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов мира и между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза М., 1947. С. 192–194.

Выдержки из выступления Президента Ф. Рузвельта на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената, 7 января 1943 г.

Господин вице-президент, 2-й вице-спикер, уважаемые члены Сената и Палаты представителей.

78-е заседание конгресса происходит в один из наиболее величайших моментов в истории нашей нации. Прошедший год стал, вероятно, поворотным пунктом в развитии цивилизации. Наступающий год, без сомнения, будет годом новых жестоких сражений, но он обещает принести нам и новые успехи...

Американцы доказали, что обладают несгибаемым боевым духом. До тех пор пока наш флаг будет развеяться над Капитолием мы будем чтить тех солдат и матросов, которые отстояли свои позиции против превосходящих сил врага. Мы будем чтить и погибших и живых героев, сражавшихся за Батаан и Гуадалканал, Яву и Мидуэй, охранявших североатлантические конвои. Память о них будет жить в веках.

Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте. Вначале была беспримерная оборона Сталинграда, за которой во второй половине ноября последовало мощное русское контрнаступление, эффективно продолжающееся до сих пор.

Другими важными событиями 1942 года стали: японское продвижение на Филиппинах, в Восточной Индии, Малайе и Бирме; остановка дальнейшего продвижения японцев на Тихом океане и на пороге Индийского океана, успешная оборона Ближнего Востока, британское контрнаступление в Египте и Ливии, американско-британская оккупация Северной Африки. Необходимо также упомянуть нашу борьбу за проводку конвоев, равно как и достижение превосходства над странами оси в воздухе.

Страны оси знали, что они должны обязательно выиграть войну в 1942 г., либо они потеряют все. И мне не нужно вам говорить, что наши враги не выиграли войну в 1942 г.

На тихоокеанском театре наша самая значительная победа была одержана у о. Мидуэй. Эта победа стала исторической, поскольку мы смогли обезопасить линии наших коммуникаций, простирающиеся на тысячи миль...

Мы знаем, что каждый новый день приносит Японии все большие потери в судах и самолетах. И в то же время, с каждым днем наши силы в судах и самолетах становятся все сильнее... Очевидно, что исход войны будет решен на основе превосходящего материального базиса. И это станет очевидно для самих японцев, которые вскоре испытают силу наших бомбовых ударов по самим Японским о-вам.

В наступлении против Японии мы будем вместе с героическим китайским народом, чей дух и мирные идеалы так близко соприкасаются с нашими собственными. И сегодня мы посылаем в Китай столько военных материалов, сколько способны переправить по Бирманской дороге... Мы будем вооружать китайскую армию всем необходимым для того, чтобы она могла продолжать сражаться против нашего общего врага. Окончание этой войны даст Китаю все необходимое для обеспечения своей безопасности, процветания и собственного достоинства, то есть все то, что Япония хотела так безжалостно уничтожить.

Период наших оборонительных акций на Тихом океане закончен. Теперь наша цель — заставить японцев обороняться. В прошлом году мы оборонялись, в этом мы собираемся наступать.

На Европейском театре военных действий нашей задачей было сделать все возможное, чтобы ослабить давление на Россию, сковать германские силы вдали от Восточного фронта. После месяцев секретного планирования и подготовки мы, совместно с нашими британскими союзниками, произвели высадку в Северной Африке. Мы достигли наших целей при минимальных потерях. Наши успехи уже произвели очень важный эффект. Они открыли возможность произвести удар, как образно выражается г-н Черчилль, «по подбрюшью стран оси»... Хорошо организованное и проведенное наступление 8-й английской армии из Египта явилось составной частью общей стратегии Объединенных наций. Сильные дожди, грязь, ограниченность линий коммуникаций на время замедлили наше наступление против Туниса. Но я уверен, что дело будет сделано и силы стран оси вскоре очистят южное побережье Средиземного моря.

Мы много чему научились на собственных ошибках. Наш опыт позволит нам в наступающем году улучшить механизм нашей военной экономикой, упростить административные процедуры управления...

В 1942 г. мы произвели около 48 тыс. боевых самолетов — больше чем произвели боевых самолетов Германия, Италия и Япония вместе взятые... наша промышленность выпустила 56 тыс. бронированных машин, включая танки и самоходные артиллерийские установки... 670 тыс. пулеметов, что в шесть раз больше, чем мы сделали в 1941 году... 29 тыс. противотанковых пушек... 181 млн артиллерийских снарядов. Арсенал демократии начинает работать на полную мощность...

Соединенные Штаты Америки отдают дань мужеству граждан России, Китая, Великобритании, сражающихся с нашими врагами... Мы понимаем, насколько важными для нас являются действия лидеров наших союзников Уинстона Черчилля, Иосифа Сталина, генералиссимуса Чан Кайши. Между нами существует реальное взаимопонимание. Наш союз позволяет нам эффективно планировать и осуществлять стратегические решения, поддерживать необходимые линии коммуникаций.

Я не пророк. Я не могу сказать вам, где и когда Объединенные нации собираются нанести следующий удар в Европе. Но мы собираемся нанести этот удар. И этот удар будет огромной мощи. Я не могу сказать вам, будем ли мы высаживаться в Норвегии или Голландии, Бельгии или во Франции; будем ли мы наступать на Сардинию или Сицилию, Балканы или Польшу, или где-либо в другом месте. Но я могу сказать вам, что не имеет значение, где и когда мы ударим по суши. Мы, британцы и русские, будем без усталости продолжать бить противника с воздуха. День за днем мы будем сбрасывать тысячи тонн бомб на военные заводы противника, на его предприятия жизнеобеспечения и морские порты. Гитлер и Муссолини поймут, насколько ошибочными были их представления о могуществе их авиации. Времена, когда они безнаказанно бомбили Варшаву, Роттердам, Лондон и Ковентри безвозвратно ушли в прошлое...

Можно не сомневаться, что какая-то часть американцев, даже теперь, еще продолжает думать, что наша нация может сейчас спокойно закончить эту войну — комфортабельно выйти из нее и спрятаться на своем континенте. Но большинство из нас уже выучили урок. Мы теперь знаем, что никогда не сможем зарыться в землю настолько глубоко, чтобы нас не достали оттуда хищные звери. Мы также осознали, что если мы не вырвем ядовитые клыки у этих хищников, они начнут размножаться и увеличивать свою силу. И если мы не сделаем этого сейчас, то они вновь, спустя некоторое время, будут пытаться впить свои клыки в горло нашей нации. Большинство американцев сейчас осознали, что новейшее оружие в руках наших врагов может угрожать непосредственно нашему континенту, существованию собственно американской нации.

Сейчас совершенно ясно, что если Германия, Италия и Япония останутся после войны вооруженными, или им будет позволено перевооружиться, то они, несомненно, вновь попытаются воплотить в жизнь свои завоевательные амбиции. Они должны быть разоружены при любых обстоятельствах и оставаться разоруженными. Они должны отказаться от той философии, которую исповедуют сейчас и которая принесла столько несчастий на нашу планету. После Первой мировой войны мы старались создать формулу всеобщего мира, основанную на прекрасном идеализме. Но мы просчитались. Но через эту ошибку мы поняли, что на этой стадии развития цивилизации мир не может поддерживаться лишь добрыми намерениями.

Сегодня Объединенные нации — самая большая и мощная военная коалиция. Эта коалиция представляет большинство населения нашей планеты... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь — «Не возжелай дома ближнего своего».

Я не пророк и не могу сказать, когда кончится эта война. Но я верю, что в наступившем 1943 году Объединенные нации существенно продвинутся по тому пути, который ведет к Берлину, Риму и Токио...

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 163.

Из воспоминаний Ш. де Голля об отношении Союзников к «Свободным французам»¹, 1942 г.

(...) И все же, хотя Вашингтон, Лондон и Москва думали о нас, свои официальные отношения с нами они ограничивали самым необходимым. Соединенные Штаты, опасаясь, что в Европе начнется путаница, собирались урегулировать в дальнейшем вопрос о мире прямым соглашением с Советской Россией и отнюдь не намеревались допустить Францию в тесный круг руководящих держав. Уже присутствие в этом кругу Англии зачастую казалось им неуместным, несмотря на то что Лондон всячески старался ни в чем не перечить Америке. А как мешала бы там Франция со своими принципами и своими руинами! Да кроме того, она оказалась бы глашатаем средних и малых наций. Как же тогда удастся добиться от Советов сотрудничества, о котором мечтал Белый дом и ради которого неизбежно пришлось бы пожертвовать независимостью привисленских, придунайских и балканских государств? Что касается Азии и ее рынков, то по американскому плану предусматривалось положить там конец империям европейских государств. В отношении Индии вопрос, по-видимому, уже был решен. В Индонезии Голландия вряд ли может долго продержаться. Но вот как быть с Индокитаем, если Франция оживет и вновь займет место среди великих держав? Итак, охотно констатируя наше возрождение, договариваясь с нами, когда это бывало полезно для дела, Вашингтон старался сколь возможно дольше рассматривать Францию как поле, оставленное под паром, а на правительство де Голля смотреть как на явление случайное, неудобное и, в общем, не стоящее того, чтобы с ним считались как с настоящей государственной властью.

Англия не позволяла себе такой упрощенной оценки положения. Она знала, что присутствие, сила и влияние Франции будут завтра, так же как это было вчера, необходимы для европейского равновесия. Она никак не могла примириться с отречением от Франции, каким являлся режим Виши, причинивший ей к тому же много зла. И по инстинкту и по соображениям политики она желала, чтобы Франция вновь стала ее партнером, таким же покладистым и хорошо знакомым, как прежде. Но к чему ускорять события? Победа теперь уже несомненна, и уже решено, что французские силы будут всемерно помогать союзникам. Что касается урегулирования в дальнейшем ряда вопросов, то, пожалуй, пусть в этом примет участие и Франция, но лишь при условии, что она согласится выступить в качестве величины вспомогательной и подчинится политической игре Соединенных Штатов, которую Англия всецело поддерживает. Но проявит ли генерал де Голль надлежащую податливость! Это более

¹ Имеется в виду к руководимому де Голлем из Лондона Французскому Сопротивлению. В 1941 г. де Голль возглавил Французский национальный комитет (с 1943 г. — Французский комитет национального освобождения).

чем сомнительно. Словом, учитывая все обстоятельства, выгоднее будет, если суверенитет Франции пока что останется несколько расплывчатым. Тем более что, пользуясь этой неопределенностью, можно покончить на Востоке с остатками французской конкуренции.

Советская Россия наблюдала, рассчитывала и остерегалась. Конечно, все склоняло Кремль к желанию возродить Францию, способную помочь ему сдержать германскую стихию и остаться независимым от Соединенных Штатов. Но торопиться не к чему. Сейчас надо победить, добиться, чтобы открылся второй фронт — от Ла-Манша до Адриатики, — и не занимать политическую позицию, слишком отличную от позиции англосаксов. К тому же, если Франция генерала де Голля примет непосредственное участие в урегулировании европейских дел, согласится ли она, чтобы исчезла независимость Польши, Венгрии, Балканских государств и — как знать, — может быть, и независимость Австрии и Чехословакии? И наконец, какую будет Франция завтра? От ее внутреннего положения будет в значительной мере зависеть ее внешняя «политика, в частности в отношении Советов. Кто поручится, что политика эта не будет враждебной под воздействием тех самых элементов, которые создали Виши? И наоборот, разве невозможно такое положение, что в Париже придут к власти коммунисты? И в том и в другом случае лучше будет не делать сейчас больших авансов алжирскому правительству. Короче говоря, выказывая нам любезность и сочувствие, Россия, по сути дела, считала, что надо подождать и посмотреть.

В общем, если дипломаты Вашингтона, Лондона и Москвы таили про себя далеко не одинаковые задние мысли, они были согласны в том, что за нами надо числить наше прежнее место в кругу держав, но не спешить с его возвращением. В отношении де Голля следует учесть, что он стал руководителем и символом возрождения Франции. Однако надо немножко сократить его размах — это весьма существенно. Уже тот факт, что де Голль пошел по пути объединения французского народа, который был так расколот, что ему удалось создать прочную и сплоченную власть, казался иностранным экспертам ненормальным и даже скандальным. Пусть под его воздействием Франция выберется из бездны. Но зачем же ей взбираться к вершинам?

Итак, официально с де Голлем обращались уважительно, но без особой готовности помочь ему. Зато неофициально поощряли все, что говорилось, писалось, замышлялось против намерений де Голля. А позднее стали делать все, чтобы Франция повела прежнюю свою, привычную для всех политику, легко поддающуюся давлению извне.

Надо, однако, сказать, что продолжавшаяся неопределенность в дипломатическом положении алжирского правительства мало меня беспокоила. Я чувствовал, что самое главное уже сделано и что, если мы и дальше будем так же упорны, как прежде, формальное признание, которого нам еще надо добиться, рано или поздно придет, так сказать, само собой. Да и совсем не подобает, чтобы наше положение сейчас и в дальнейшем зависело от чужой воли. Мы уже и теперь достаточно утвердились, чтобы заставить себя слушать, когда это нам понадобится. Будущность Франции в ее собственных руках, а не в руках союзников. Как только рейх будет разгромлен, крупнейшие государства займутся преодолением трудностей, которые встанут перед нами, и ничто не помешает Франции играть ту роль, какую она захочет — лишь бы она захотела. Я был в этом так уверен, что равнодушно смотрел на хмурые мины союзников. Я не скрывал, что с точки зрения общего нашего дела сожалею о некоторой сдержанности в их сотрудничестве с нами, но никогда не вставал в позу просителя (...).

Голль Ш. Де. Сражающаяся Франция. // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 244–246, 287–288.

Речь генералиссимуса Чан Кайши, произнесенная в Чунцине на заседании подготовительной комиссии по созданию конституционного правительства Китая, 1 марта 1945 г.

Мы должны выйти из этой войны как единая нация. Только единая нация может эффективно решать стоящие перед нами задачи по политическому и экономическому реформированию, подъему трудовых масс и разрешению международных проблем в обновленном мире. До начала японской агрессии мы были едины. И сегодня, несмотря на наличие коммунистов и их вооруженных сил, мы выступаем как единая нация. Нет, и не может, существовать каких-либо других сил или локальных правительств, которые подвергали бы сомнению авторитет центрального правительства Китая.

Я уже давно убедился, что разрешение коммунистического вопроса в нашей стране должно лежать в плоскости политической. И правительство разработала вариант этого политического разрешения. Поскольку общественность пока еще плохо осведомлена о наших последних усилиях достичь компромисса с коммунистами, то, я думаю, что настало время прояснить ситуацию.

Как вы знаете, переговоры с коммунистами являются нашей постоянной проблемой уже многие годы. Мы то и дело сталкивались с тем фактом, что не успеют коммунисты выдвинуть нам одно требование, как следом за ним идет другое. Последнее требование коммунистов состоит в том, чтобы правительство немедленно отказалось от контроля со стороны Гоминдана и перешло под контроль коалиции, состоящей из различных партий. Наша позиция следующая — мы не против включения в правительство представителей различных партий, включая коммунистов и беспартийных лидеров, однако, считаем, что руководящая роль Гоминдана в правительстве должна оставаться неизменной вплоть до созыва Национальной Ассамблеи. Мы даже предлагали создать параллельно специальный орган, включив туда коммунистов и другие партии. Этот орган выполнял бы те же функции, какие за рубежом обычно выполняет «военный кабинет». Пойти еще дальше и уступить требованиям коммунистов, означало бы не только войти в противоречие с политической программой доктора Сунь Ят Сена, но и создать непреодолимые трудности для всей нашей страны...

Мне приходится останавливаться на этом коммунистическом вопросе так подробно, поскольку я полагаю, что именно он сегодня является главной проблемой на пути создания конституционного правительства и достижения национального единства.

Позвольте мне сказать и о тех конкретных мероприятиях, которые мы считаем необходимым воплотить в жизнь ради создания действительного конституционного правительства. Вкратце они таковы:

1. *Национальная Ассамблея, которая объявит о создании конституционного правительства, соберется 12 ноября сего года, в день 80-й годовщины со дня рождения Сунь Ят Сена. Этот вопрос подлежит одобрению Конгресса Гоминдана, который состоится в мае.*
2. *После объявления о создании конституционного правительства все политические партии будут иметь легальный статус и равные возможности. Наше правительство уже*

заявляло, что готово признать права коммунистической партии, как только последняя согласится присоединить свое вооруженные силы и местную администрацию к национальной армии и правительству. Это предложение еще остается в силе.

3. В скором времени мы намерены собрать следующую сессию Народного Политического Совета, который будет иметь более расширенный состав и представительство политических сил. Совет и правительство вместе рассмотрят те меры, которые необходимо будет провести для созыва Национального Собрания.

Я с оптимизмом смотрю на будущее нашего национального единства и нашей демократии. Поток общественных требований достижения национального единства и проведения реформ становится все шире. Вскоре этот поток наберет такую силу, которую уже невозможно будет сломить. Никакая личность, никакая политическая партия уже более не могут игнорировать эти требования. Так давайте все вместе, невзирая на свою партийную принадлежность, работать во благо нашего общего дела — единства нации и проведения реформ.

Chinese News Service. 1945. March 1.

Из записки премьера польского эмигрантского правительства В. Сикорского² министру иностранных дел Великобритании А. Идену по вопросам о возможности открытия западными союзниками второго фронта в Европе, военно-политической ситуации в мире, взаимоотношений с СССР, 9 марта 1942 г.

Министру иностранных дел А. Идену
9 марта 1942 г.

С самого начала войны Германии против СССР я не разделял широко распространенного тогда мнения, что сила сопротивления Советского Союза будет крайне незначительной. Сегодня, однако, это не дает мне права переоценивать последние успехи Красной Армии в зимней кампании. У меня нет свидетельств, что Германии нанесено решающее поражение. Причина русских успехов кроется, прежде всего, в суровых зимних условиях, к которым германское командование оказалось неготовым. Кстати, в этой связи хочется заметить, что поджоги польскими подпольщиками германских складов с зимней одеждой, которые немцы уже собирались отправить на Восточный фронт, несомненно, оказали существенную помощь наступлению Красной Армии.

Зима, однако, подходит к концу, и все свидетельствует о том, что германские войска готовятся к новому наступлению (...).

Если открытие второго фронта на Западе Европы в настоящее время невозможно, то в целях оказания Советскому Союзу непосредственной военной поддержки необходимо расширить число диверсионных операций на континенте.

² Сикорский В. (1881–1943) — премьер-министр польского эмигрантского правительства, генерал. Подписал 30 июля 1941 г. в Лондоне договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений. В декабре 1941 г. вел переговоры со Сталиным в Москве. Погиб в авиационной катастрофе неподалеку от Гибралтара.

Относительно возможности открытия второго фронта в Европе, я хотел бы добавить следующее: опасения, что произойдет новый Дюнкерк, в настоящее время безосновательны. Четыре пятых всей германской армии находится сейчас на Восточном фронте, оставшаяся на западе одна пятая ее часть распределена на огромной территории. Более того, по своему боевому качеству германские дивизии, остающиеся сейчас на западе, не идут ни в какое сравнение с теми, с которыми союзники столкнулись в период Дюнкерка. Они также намного слабее соединений, задействованных сейчас на востоке. В основном на западе остались сейчас одни резервные дивизии, личный состав которых составляют солдаты старших возрастов, не получившие должной военной подготовки.

Увеличение Германией выпуска своей военной продукции также диктует необходимость незамедлительного осуществления решительной военной акции на континенте. Следует заметить, что в свете продолжающихся боевых действий на востоке одна дивизия западных союзников представляет сейчас для немцев даже большую угрозу, чем будут представлять целых пять союзных дивизий, но уже в 1943 г.

Мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть еще одно или несколько сражений. Значительные усилия потребуются Красной Армии, чтобы удержать за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат за собой существующую на сегодня линию фронта, то вполне вероятно, что они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края.

Мы должны также помнить, что Япония продолжает держать на Дальневосточных границах СССР значительные силы... Если же Япония все же не собирается пока нападать на СССР, подготовка к которому требует мобилизации больших людских и материальных ресурсов, то, следовательно, она прорабатывает планы кампании против Индии, и, возможно, против Австралии. В этом случае операции на Кавказе, в районе Суэцкого канала, в Индии или Австралии будут связаны войной в единое целое. Такое положение должно гарантировать союзников от обвинений Сталина в том, что они якобы не помогают ему в его войне против немцев.

Успехи Японии должны сойти на нет, когда Соединенные Штаты Америки, восприняв опыт ведения войны на море от Британского флота, будут готовы начать широкое контрнаступление (...).

Искренне Ваш В. Сикорский

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Cont. 161

Из речи премьер-министра Японии Х. Того на церемонии открытия заседаний императорского Парламента, 27 мая 1942 г.

(...) Я должен сказать несколько слов, касающихся нашей внешней политики. Таиланд и Маньчжоу-Го предприняли совместные с нами акции. Воодушевляет и доставляет удовольствие знать, что в будущем эти страны будут действовать в тесном сотрудничестве с Японией... Представляя свой народ и правительство Нанкина, Ван Цзинвей недавно посетил Маньчжоу-Го. Тем самым, связи между Нанкином и Маньчжоу-Го

значительно упрочились. Наша делегация также была на этой встрече, и это означает, что отношения между Японией, Маньжоу-Го и Нанкинским продолжают и далее развиваться...

В отношении Европы: Императорское правительство выражает свои искренние поздравления Германии и Италии, которые участвуют в борьбе совместно с Японией и, преодолевая большие трудности, достигают огромных военных результатов. Америка и Британия продолжают терпеть поражения. Их пропаганда обвиняет нашу страну якобы в совершении актов насилия. Корень зла политики Америки и Британии состоит в том, что они собирались жить беззаботно и беспечно за счет других наций и думали, что только они могут обеспечить прогресс для всего остального мира. В то же время, искренность, проявленная нашими императорскими войсками в отношении народа Бирмы, в тех районах, которые сейчас находятся под контролем нашей военной администрации, дает бирманцам хороший шанс получить собственную независимость...

Важнейшие британские базы обороны в Индии переходят под японский контроль. У индийского народа появилась сейчас замечательная возможность добиться независимости. Британо-индийские переговоры, инициированные Криппсом³, не принесли никаких результатов. Этот факт заставляет нас верить в то, что Индия подает сигнал о том, что намерена избавиться от британского правления и добиться независимости. Основания для британского присутствия в Индии исчезло. Первый шаг к независимости Индии уже сделан. Однако до сих пор Индия продолжает оставаться под британским господством и угнетением. До тех пор, пока в Индии будут присутствовать британские и американские силы, Япония будет стремиться уничтожить их. Это несомненно вовлечет в орбиту войны и самих индийцев. Народ Индии должен сам подняться на борьбу и выгнать из своей страны британские и американские войска... После карательных операций, проведенных нами в Бирме, Чунцинское правительство окончательно изолировано и находится на пороге полного уничтожения (...).

В результате тесного взаимодействия нашей императорской армии и флота, юго-западный регион Тихого океана находится сейчас под нашим полным контролем. Австралия осталась в Тихом океане сиротой. Недавно в Коралловом море, у северной оконечности Австралии, мы разгромили объединенные англо-американские морские силы. Теперь ничто не мешает нам овладеть Австралией (...).

Итак, в настоящее время Индия находится в неопределенном положении, Чунцин близок к коллапсу, а Австралия изолирована. Когда мы говорим, что овладели важнейшими базами в Тихоокеанском регионе, то мы тем самым утверждаем, что сделан важнейший шаг к основанию Великой Восточной Азии, к ее возрождению. Наш военно-морской флот продолжает расширять сферы своей активности в Тихом и Индийском океанах. Напротив, Британия продолжает терять свои владения в этом регионе. Наши войска берут под контроль важнейшие транспортные коммуникации, которые англичане использовали, чтобы перевозить сырье в метрополию. В результате военных неудач, внутривосточная обстановка в Великобритании значительно ухудшилась и достигла критической отметки (...).

Foreign Broadcast Monitoring Service. Federal Communications Commission (USA). May 27. 1942

³ Криппс Р. С. (1889–1952), политический и государственный деятель Великобритании; 1940–1942 — посол в СССР, 1942 — лидер Палаты общин; 1942–1945 — министр авиационной промышленности.

Отрывок из книги Г. Раушнинга⁴ «Говорит Гитлер. Зверь из бездны» о внешнеполитических устремлениях А. Гитлера

(...) Это было в начале 1934-го. Гитлер возвратился в Берлин из Берхтесгадена. Мне наконец представился случай доложить ему о результатах моего визита к маршалу Пилсудскому⁵. Гитлер принял меня очень дружелюбно и вынес мне благодарность за все, что я «сделал в интересах Германского Рейха». Он внимательно слушал меня и поначалу не делал никаких замечаний. Время от времени он задавал мне вопросы.

Заключение германско-польского пакта⁶, что бы там не говорили критики из числа буржуазных националистов и военных, существенно облегчало положение Германии. Этот пакт мог бы положить начало созданию обширной Германской Федерации. Так называемые посвященные считали, что пакт продержится до тех пор, пока Германия сможет наконец, не опасаясь удара с Запада, отобрать у Польши бывшие прусские земли. Но и это «истинное» намерение Гитлера могло оказаться всего лишь слухом, распространяемым для успокоения партийных кругов. Гитлер охотно прибегал к камуфляжу — как в международных отношениях, так и в отношениях со своей собственной партией...

(...) Потом он снова задумался и продолжил: «Во всяком случае, я дам полякам шанс. Мне кажется, они реалисты и относятся к демократам точно так же, как и мы. Но пусть эти господа будут великодушны. Только тогда они могут рассчитывать на великодушные с моей стороны». Гитлер спросил, готова ли Польша обменять некоторые области на равноценные области Германии. Я ответил, что не стоит начинать отношения с Польшей с такого вопроса — напротив, следует наладить отношения, и тогда этот вопрос решится сам собой. Гитлер никак не отреагировал на мои слова. «Борьба с Версальским договором — это только средство, а не цель моей политики, — продолжил он свою мысль. — Прежние границы Рейха меня не интересуют. Восстановление довоенных размеров Германии — не та задача, которая может оправдать нашу революцию».

- Вы собираетесь объединиться с Польшей и напасть на Россию? — спросил я.
- Вполне возможно, — ответил он.
- Разве не это вы имели в виду?
- Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать.

Я возразил, что поляки вряд ли согласятся принять русские территории в качестве компенсации за свои западные, если им не предложат тех земель, которые их безусловно интересуют. Они вряд ли удовлетворятся одной лишь Белоруссией. Им нужны Прибалтика и Причерноморье.

⁴ Раушнинг Г. (1887–?) В начале 1930-х гг. глава сената г. Данцига. Входил в круг лиц близких к Гитлеру. После конфликта с руководителем данцигских национал-социалистов уехал во Францию.

⁵ Пилсудский Ю. (1867–1935), политический и военный деятель Польши. 1918–1922 «начальник (диктатор) государства». 1926–1928 и 1930 гг. премьер-министр Польши.

⁶ Имеется в виду германо-польский пакт о ненападении, заключенный 26 января 1934 г.

— Об Украине пусть и не мечтают, — прервал меня Гитлер (...)

— Все договоры с Польшей имеют лишь временную ценность. Я вовсе не собираюсь добиваться взаимопонимания с поляками. Мне нет нужды делить власть с кем бы то ни было. — Гитлер в молчании прошелся по кабинету. — В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией. Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом. Но я этого не хочу. Это будет слишком дорого стоить. Я не стану делать этого, пока я могу без этого обойтись. Польша нужна мне до тех пор, пока существует угроза с Запада.

— Вы всерьез собираетесь выступить против западных государств? — спросил я.

Гитлер встал как вкопанный.

— А зачем же мы вооружаемся?

Я сказал, что агрессия в западном направлении определенно вызовет создание мощной антигерманской коалиции, и мы просто не сможем с нею справиться.

— Именно в том и состоит моя задача: предотвратить это, продвигаясь постепенно, шаг за шагом, так, чтобы никто не мог помешать нашему продвижению. Каким образом все это получится, я еще не знаю. Но я, безусловно, добьюсь своего — порукой тому нерешительность Англии и внутренняя разобщенность Франции... — Он сказал, что едва ли доживет до новой англо-германской войны. — Англии нужна сильная Германия. Англия и Франция никогда больше не объединятся, чтобы воевать против Германии.

— Вы собираетесь прорвать линию Мажино? — спросил я. — Или вы пойдете через Голландию и Бельгию? В последнем случае Англия наверняка вступится за французов.

— Если успеет, — ответил Гитлер. — Впрочем, я не собираюсь ни прорывать линию Мажино, ни устраивать поход через Бельгию. Я вытряхну Францию из линии Мажино, не потеряв при этом ни одного солдата... У меня есть одно тайное средство, — продолжал он, заметив мой скептицизм. — Я, конечно же, сделаю все возможное, чтобы не дать Англии и Франции сговориться между собой. Если мне удастся склонить на нашу сторону Англию и Италию, то первый этап нашей борьбы за власть пойдет очень легко. Вообще-то здесь нечего бояться: все эти запархатевшие демократические республики так же нежизнеспособны, как Франция или США. Моя задача — попытаться без конфликтов овладеть наследством этих разваливающихся империй. Но я не испугаюсь, если придется воевать с Англией. Я смогу сделать то, что не доделал Наполеон. Для нас не существует никаких островов. Я высажусь в Англии. Я буду уничтожать ее города обстрелами с материка. Англия еще не знает, насколько она уязвима.

— А если Англия и Франция объединятся с Россией?

— Тогда мне просто придет конец. Если мы не сможем победить, мы погибнем — но мы захватим с собой полмира, и никто не будет радоваться победе над Германией. 1918-й больше не повторится. Мы не капитулируем.

Гитлер остановил и умерил свой пыл: — Но этого никогда не случится. Иначе я был бы просто неудачником, который зря занимает этот кабинет» (...).

Если немецкий народ хочет быть глобальным народом, а не населением государства на европейском континенте — а он непременно должен стать глобальным народом, чтобы выстоять в борьбе, — то он должен требовать полного государственного суверенитета и независимости. Вы понимаете, что это значит? Неужели вы не видите, какие жестокие увечья наносят нам, второму по численности народу Европы, неприспособленность

и теснота нашего жизненного пространства? Глобальный народ — это нация, которая независимо живет на своей территории и может постоять за себя с оружием в руках. Только такие нации суверенны в полном смысле этого слова. Таковы Россия, Соединенные Штаты, Англия — и это ни в коей мере не обусловлено природой занимаемых ими территорий. Такова — до определенной степени — Франция. Чем мы хуже них? ...Поэтому я и хочу создать для Германии такое жизненное пространство, чтобы мы могли защитить себя от любой военной коалиции. Конечно, в мирное время мы еще кое-как переберемся. Но речь идет не об этом, а о свободе действий во время войны. На войне мы фатальным образом зависим от внешних сношений. Мы зависим от международного товарообмена, и к тому же у нас нет выхода к океану — это все время обрекает нас на роль политически несамостоятельного народа. Нам нужно пространство, которое сделает нас независимыми от любых политических раскладов, от любых альянсов. На востоке нам нужно господствовать до Кавказа или до Ирана включительно. На западе нам нужно французское побережье Атлантики. Нам нужны Фландрия и Голландия. И, прежде всего, нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой. Мы должны стать морской державой, хотя бы одного уровня с Англией. Потому что, чем выше военно-технические требования, тем большая материальная база требуется для независимости. Мы не можем, подобно Бисмарку, ограничиться национальными интересами. Мы будем править Европой — или мы снова распадемся на удельные княжества. Теперь вы понимаете, почему я не могу ограничивать себя ни на западе, ни на востоке? (...)

Раушнинг Г. *Говорит Гитлер. Зверь из бездны.* М., 1993. С. 96–104

Книга первая

НА ВЕСАХ ИСТОРИИ

Защитить нашу Победу

О. А. Ржешевский*

*Мифы о войне воспитывают иванов,
не помнящих родства с судьбой страны*

Нормальный человек знает, кто у него отец и мать, их биографии. Также естествен и его интерес к судьбе родной страны, в которой он черпает источник гордости, вдохновения, моральной и духовной опоры. В истории любого общества есть светлые и темные стороны. Задача каждого нового поколения — извлечь уроки из прошлого для настоящего и будущего, взяв на вооружение положительный опыт и отбросив негативный. Наконец, знание истории — это неотъемлемый признак человека как цивилизованного существа, признак достоинства. Знания не возникают вдруг. Это результат воспитания в семье, учебы, влияния СМИ, кино, литературы. О войне написано много, и поток информации продолжает возрастать. Важно уметь отделять в нем зерна от плевел. Специфика истории в том, что различные политические силы ее трактуют по-разному, в соответствии с узкопартийными или групповыми целями. Поэтому нередко одно и то же явление интерпретируется совершенно противоположным образом. На Западе есть целая школа историков, основанная немецкими учеными-нацистами в начале 50-х годов прошлого века. Потерпевшие поражение гитлеровские генералы и обслуживающие их летописцы перешли тогда в наступление, утверждая, что нападение Гитлера на СССР носило превентивный характер в целях упредить советскую агрессию против Германии. Эстафету подхватил сбежавший разведчик В. Резун в «Ледоколе». Он не скрывает, что замахнулся «на единственную святыню, которая у народа осталась, — на память о войне». И выставляет Советский Союз агрессором, развязавшим мировую бойню. Никакой документальной основы за этим тезисом нет, но деструктивные стрелы в общественное сознание попали, и сомнение посеяно. Книжки, в том числе по истории войны, сегодня труднодоступны из-за дороговизны, тираж их небольшой, иногда менее тысячи экземпляров. Но «Ледокол» по бросовой цене разошелся в количестве 2,5 миллиона экземпляров. Причем вычерчивает историю по нацистским лекалам не он один. О якобы готовившемся Ста-

линым упреждающем ударе по немецко-фашистской Германии писал и Д. Волкогонов, ссылаясь на разработанное Генштабом весной 1941 г. предложение о нанесении превентивного удара. Текст писал Василевский, но это было на уровне предварительных размышлений. Достоверно известно, что данный план отклонили. Уже 14–15 мая войска приграничных округов получили директивы на оборону, вплоть до указания, что именно эвакуировать в случае отступления. Там впервые упоминается о необходимости создания трех рубежей обороны: фронтового — по западной границе, стратегического — по рекам Западная Двина, Днепр и Днестр, государственного — на подступах к Москве. Эти свежие данные — результат стараний большой группы историков. С обнаруженными документами перекликаются и слова Молотова в беседе с Чуевым: «Мы знали, что слабее Германии. Мы знали, что нам придется отступить, но не знали докуда — до Смоленска или до Москвы». Лжи много. Недавно один автор уверял в статье, что Черчилль и Гитлер договорились о совместном нападении на Советский Союз. В налетах 22 июня 1941 г. на объекты Черноморского флота, намекает он, участвовали английские самолеты. Видимо, такие байки хорошо оплачиваются, особенно если бросают тень на историю Великой Отечественной войны, любого государственного или военного деятеля того периода. Бытописатель обязан стремиться к объективности взгляда. Ложь наносит прямой вред внешней и внутренней политике, позорит страну, история которой не ограничивается советским периодом, а берет свое начало от князя Олега, Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Эти нападки и очернительство представляют Россию как нечто чужеродное в Европе, как ущербное, недееспособное государство, которое не в состоянии проводить самостоятельную политику. Поэтому ей ничего не остается, как следовать в хвосте Запада. Такой подход характерен при освещении практически всех принципиальных вопросов, касающихся Великой Отечественной войны, особенно при анализе событий ее начального периода.

* Олег Александрович Ржешевский — президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

Это самый трагический период. Поражения 1941 г. толкуются как результат неспособности советского руководства подготовить страну к обороне, умело организовать боевые действия в первые месяцы войны. Просчеты, безусловно, были. Главный — ошибка в вероятных сроках нападения Германии. И правительство, и лично Сталин считали возможным избежать войны в 1941 г. Войска своевременно не были приведены в полную боевую готовность. Соответствующие директивы запоздали. Однако историк не имеет права рассматривать одну сторону явления и замалчивать другие. Мифологи «чернухи» умалчивают о том, что мы знали о неизбежности войны и прилагали колоссальные усилия по подготовке страны к обороне. Благодаря этому за несколько месяцев и удалось переломить ход войны. В том, что войска не были своевременно приведены в полную боевую готовность, — вина и конкретных командиров, прежде всего командующих приграничными округами (переименованными 22 июня во фронты), в частности командующего Западным фронтом генерала армии Д. Павлова и его соратников, которых расстреляли за развал фронта и неумелое руководство войсками. Они не заслужили такой жестокой расправы, но отрицать их долю вины за драматическое развитие событий в июне–июле 1941 г. нет оснований. Но...

О просчетах говорить надо, но в контексте ситуации, причин и следствий происходящих событий. Это тяжелые, но важные уроки истории. Мы очень долго называли одной из причин поражений 1941 г. внезапность нападения, но неожиданной явилась и мощь первого удара. Собрав 190 дивизий, Гитлер кулаком их первого эшелона нанес одномоментный удар сокрушительной силы. Этим, прежде всего? и объясняется трагизм первых недель войны, когда в плен сдалось более 2,5 миллиона человек. Они якобы сдавались в знак протеста против сталинизма. Нет, это был результат психологического шока и внезапности удара. Люди верили в непобедимость Красной Армии, а она отступала. Не только дивизии, но и целые армии теряли управление. В таком невероятно сложном положении многие действительно не выдерживали и при появлении противника поднимали руки вверх. А немецкая пропаганда обещала хорошее обращение в плену. К тому же надеялись на пролетарский интернационализм. Известны случаи, когда перед наступающими германскими войсками выставлялись транспаранты: «Стой! Здесь государство рабочих и крестьян».

Еще один ключевой вопрос, связанный с началом Великой Отечественной войны — это подписанный в 1939 г. СССР с Германией договор о ненападении с его секретным протоколом. Сегодня происходит поворот к более объективным оценкам этого акта. Он был предпринят в условиях неотвратимо надвигающейся угрозы начала войны в Европе. Еще с середины 1930-х гг. Москва стремилась к объединению ведущих европейских стран для противостояния фашистской агрессии. Мы заключили военные соглашения с Фран-

цией и Чехословакией, но этот каркас европейской безопасности был разрушен мюнхенским сговором, развязавшим руки Гитлеру в его военной экспансии, что в итоге и привело к возникновению Второй мировой войны. В августе 1939 г. Гитлер предложил нам договор о ненападении с указанием в секретном протоколе так называемых сфер раздела интересов. Реально же речь шла о линии, дальше которой немецкие войска не могли продвинуться в сторону СССР в случае своего наступления на Польшу. В условиях, когда существовала вероятность объединения многих европейских государств против нас, защита национальных интересов требовала от Кремля согласиться на этот вынужденный, но оправданный шаг. С крахом Советского Союза в исторической науке начался пересмотр явлений современной истории по всем линиям. Особой атаке подвергся и этот договор с секретным протоколом. Не разобравшись в деле, II съезд народных депутатов поспешил его осудить. Полагаю, что российскому парламенту надо вернуться к рассмотрению вопроса о договоре. Напомню, что ввод войск в 1939 г. (20–25 тысяч человек) в страны Балтии был осуществлен — на основе соглашений о взаимопомощи, вхождение их в состав СССР — на основе решения выборных законодательных органов этих стран — сеймов Латвии, Литвы и думы Эстонии. Даже самые злостные противники СССР признают, что значительная часть населения поддержала вступление частей Красной Армии на территории этих стран. После войны ими управляли национальные правительства. Жизненный уровень населения в них был выше, чем в любой другой республике из состава СССР. О какой «оккупации» может идти речь?

Перед Второй мировой войной на западных границах СССР был выстроен враждебный санитарный кордон, ныне им ограждают демократическую Россию с севера до юга. В государствах-новоделах идет борьба пророссийских сил с антироссийскими, на стороне которых открыто выступают некоторые ведущие западные державы. Политика государства должна быть ясна твоему конкуренту, сопернику, союзнику и собственному народу. Позиция II съезда народных депутатов СССР породила целый комплекс проблем, в том числе усложнила отношения современной России со странами Балтии да и с поляками. Именно отсюда затеянные ими позорные акции с памятником в Таллине и экспозицией музея в Освенциме. Так, территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедшие перед войной в состав СССР, поляки считают своими, хотя статус этих территорий подтвержден и в Ялте, и в 1975 г. в Хельсинки. Это очень мощные рычаги утверждения правоты и легитимности российской позиции.

Сегодня нужно поставить преграду на пути лгунов, безнаказанно фальсифицирующих историю. А они бьют по всем направлениям: по правительству, по военному руководству, по выдающимся полководцам. Архитектор Победы — Жуков. Значит, по нему основной огонь. Не так давно мы на заседании Ассоциации историков

Второй мировой войны обсудили любопытную книгу историка А. Исаева «Жуков. Последний ход короля». Автор в Центральном архиве Министерства обороны строго документально разобрался со всеми претензиями к маршалу (воевал, мол, не умением, а числом и кровью) и показал их полную несостоятельность. Тем не менее атаки продолжают. Еще один удар наносится по героям-символам: Зое Космодемьянской, Александру Матросову, «молодогвардейцам», партизанке Лизе Чайкиной, летчикам Виктору Талалихину и Николаю Гастелло. Сколько лет препарировали подвиг 28 героев-панфиловцев! Итог: не только эти 28, а целая рота сражалась героически! Не получается оболгать, так хоть бросить тень на светлые образы. Задача настоящих историков — вытравить у молодежи чувство гордости за свою страну. Спросите любого американца, кто выиграл II мировую войну. У него от зубов отскакивает: «Соединенные Штаты!» Попробуйте в Англии даже намекнуть на несостоятельность Черчилля, — вас под суд отдадут. Историка Дэвида Ирвинга за фальсификацию событий Второй мировой войны английский суд оштрафовал на миллион фунтов стерлингов, а в Германии его посадили в тюрьму за отрицание холокоста. А у нас пишутся чудовищные вещи — и с авторов как с гуся вода. Вокруг Сталина творятся невероятные спекуляции. Не выдерживает никакой критики тезис о том, что война выиграна вопреки руководству страны, о чем говорил Д. Волкогонов.

Победа оплачена небывалыми жертвами, особенно русского народа. Среди военнослужащих $\frac{2}{3}$ погибших — русские. Геноцид евреев в Европе унес жизни 6 миллионов человек. Их было бы еще больше, если бы не советский солдат. Мир это должен помнить. А сами-то мы помним? Все ли у нас дома сделано для ветеранов? Каково им слышать сравнения Сталина с Гитлером? Каждая страна бережет память о жертвах и героях войны, не позволяет чернить образ Победы. Но кому-то выгодно сводить войну к противоборству нацизма с большевизмом. Современное наступление на Россию отражает вечные геополитические интересы, борьбу за сферы влияния, рынки сырья, контроль над территорией. Сегодня геополитический императив проявляется в попытках завоевать экономическое господство над миром. Непрерывающаяся серия локальных войн, разжигание межцивилизационных противоречий чреваты угрозой большого взрыва. Такова особенность нынешнего исторического периода. И исход может быть печальным, если не противостоять наглым поползновениям на нашу независимость. А они ведутся по всем направлениям, в том числе и путем принижения и оскорбления нашей Победы. С точки зрения глобальной истории, самая большая мировая тайна — тайна происхождения войн. В этом смысле и Вторая мировая хранит еще немало секретов. Истина открывается по крупицам. Сколько состряпано инсинуаций по поводу заявления ТАСС от 13 июня 1941 г. — о том, что никто на нас не нападает, равно как и СССР не собирается на кого-то напасть.

Вот-де это дезориентировало народ, международную общественность и пр. А почвой для такого заявления послужили разведанные о выступлении Рузвельта на совещании в Белом доме. Он сказал, что, если Германия нападет на Советский Союз, США окажут помощь Москве, но если Сталин спровоцирует войну, то она будет рассматриваться как выступление против всего Запада, и тогда Кремль пусть не обижается... В таком контексте абсолютно понятны цель и смысл заявления ТАСС, адресованного одновременно Берлину, Лондону и Вашингтону.

Огромное количество материалов только начинают осваиваться. Взять документы НКВД, характеризующие настроение населения. Как правило, они состоят из двух частей — позитивной и негативной оценок. Первая касается большинства граждан, вторая — меньшинства. Те исследователи, которые в угоду конъюнктуре момента превратили историю в политическую прислужницу, берут отрицательные сведения и распространяют их для характеристики как бы всего общества. Результат — негативная картина истории войны. В литературе, выходящей в державах-победительницах: США, Великобритании, Китае, — подчеркивается важнейший вклад данной конкретной страны в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, возвеличивание роли союзников. В Соединенных Штатах недавно издана «Патриотическая история США». Нам впору учиться у американцев уважать историю своей страны. Теме войны придается там очень большое значение: за прошедшее десятилетие только на английском языке издано несколько тысяч книг. В последние годы и в России также вышел в свет ряд значительных трудов. Среди них военно-исторические очерки «Великая Отечественная война 1941–1945», «Мировые войны XX века» (второе издание опубликовано при финансовой поддержке Президента РФ), «Война и общество в XX веке», иллюстрированная энциклопедия «Великая Отечественная война», «Война 1941–1945. Факты и документы» и многие другие. Большая заслуга в воссоздании правдивой летописи судьбоносных для мира событий принадлежит Институту военной истории МО, Институту российской истории, Институту всеобщей истории и Институту славяноведения РАН. Особо следует отметить смелую и интересную книгу профессора МГИМО В. О. Печатнова «Сталин, Рузвельт и Трумэн: СССР и США в 1940-х годах». Вспомним солдатскую шутку, которая родилась, когда союзники затягивали открытие Второго фронта: «Не кажи гопкинс, пока нет рузвельтатов».

У меня сохраняется большая надежда, что современные российские исследователи и их коллеги из-за рубежа будут объективно подходить к фактам истории Второй мировой войны. Предстоящее 65-летие Великой Победы, празднование юбилея во всем мире, особенно в России, должно дать мощный импульс бережного отношения к памяти наших предков, отстоявших планету от сил зла.

Фальсификация истории — угроза современности

С. М. Миронов*

70 лет с начала Второй мировой войны — достаточный временной отрезок для непредвзятого осмысления ее истоков, событий, итогов и уроков. Как верно однажды заметил известный австрийский писатель Стефан Цвейг, «историческое деяние бывает закончено не тогда, когда оно свершилось, а лишь после того, как оно становится достоянием потомков».

Пора, наконец, с позиций политического мышления XXI века и современной исторической науки уяснить, почему созданные в предвоенную пору системы международной безопасности и мироустройства были сметены под натиском фашизма? Кто помогал ему развиваться? Как ведущие мировые державы могли «проморгать» развязывание самой кровавой в истории планеты мировой бойни, унесшей десятки миллионов человеческих жизней? Был ли фашизм мононациональным социально-идеологическим явлением, ведь история знает не только германский, но и итальянский, венгерский, румынский, хорватский фашизм? Каков истинный вклад каждого государства — участника антигитлеровской коалиции в победу над «коричневой чумой человечества»? Как не допустить повторения исторических ошибок?

Все это далеко не праздные вопросы. Они имеют самое что ни на есть прикладное значение и приобретают особую остроту сегодня, когда такие глобальные угрозы, как терроризм, распространение ядерного оружия и региональные вооруженные конфликты, становятся повседневной реальностью. На этом фоне совсем небезобидным выглядит смысловой дрейф в сторону переоценки Ялтинских и Потсдамских соглашений 1945 г., определивших современный миропорядок. А чего стоит недавняя резолюция о «воссоединении разделенной Европы», принятая Парламентской ассамблеей ОБСЕ! Под благовидным предлогом напоминания

о том, что «откровенное и обстоятельное обсуждение истории будет способствовать примирению на основе истины и почтения памяти погибших», что «знание истории помогает избежать повторения подобных преступлений в будущем», ставится знак равенства между нацистским и сталинским режимами.

Да, в результате репрессий и в Германии, и в Советском Союзе погибло много невинных людей. Но как можно сравнивать гитлеровский человеконенавистнический режим, основной целью которого было мировое господство и уничтожение «неполноценных», «неарийских» народов, и режим личной власти Сталина, который репрессиями и преследованием инакомыслия пытался как можно дольше остаться у руля государства?!

Ни в 1945 году, ни позже никому не могло даже в голову прийти создать что-то вроде Нюрнбергского процесса против СССР, победившего в войне. Так велик был его авторитет в мире, так реальна и опьяняющая была свобода, полученная из рук советского солдата. Свобода, за которую наша страна заплатила миллионами жизней.

Никто не собирается оправдывать преступления сталинизма. Я не за то, чтобы забелить «черные дыры» отечественной истории. Это напрасный труд. К тому же, правда никогда не обидит, если она и горька. Но однобоко выпячивать темные стороны прошлого, строить на них политику, лишать нас морального права называться народом-победителем мы никому не позволим.

Идеи воссоединения разделенной Европы и консолидации мирового сообщества на принципах демократии и гуманизма сверхактуальны. Не зря глава нашего государства Д. А. Медведев выступил с инициативой создания новой архитектуры европейской безопасности, чтобы закрепить юридически обязывающим международным документом те изменения на континенте и в мире,

* Сергей Михайлович Миронов — председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

которые произошли за время действия Хельсинкских соглашений. Взамен нам предлагают новое «яблоко раздора» — пересмотр, переоценку, интерпретацию, а иногда и откровенную фальсификацию итогов Второй мировой войны и роли в ней СССР.

Цель перелицовщиков истории вполне прозрачна — поменяв истёртую сторону исторической ткани на оборотную, где не так заметны неблагоприятные «пятна», «потертости» и откровенная «грязь» прошлого, принизить роль современной России, не допустить ее возрастающего влияния на мировые экономические и политические процессы, получить еще один инструмент политического давления. Суэта вокруг давно минувших дней выливается во вполне конкретные претензии экономического, политического и территориального характера.

То и дело из ближнего и дальнего зарубежья слышны заявления: «Россия должна покаяться...»; «Россия должна возместить...»; «Россия должна признать...». В чем каяться, перед кем? В том, что СССР переломил хребет фашистской гидре? В том, что принес долгожданное освобождение от гитлеровских оккупантов народам Восточной Европы? Если признать справедливыми требования прибалтийских и некоторых других государств о возмещении им ущерба за так называемую «советскую оккупацию», то это равносильно выставлению Россией финансовых претензий к Монголии за нашествие Батыя на Русь. Это ли не абсурд?

Что должна признать Россия? То, что бандеровцы, оуновцы, прибалтийские легионеры из «Ваффен-СС», другие фашистские прихвостни, замаранные кровью мирного населения, теперь стали национальными героями? Это издевка над памятью погибших и пренебрежение к решениям мирового сообщества на Нюрнбергском процессе.

Настало время воспользоваться доступными нам международно-правовыми рычагами. Поставить во всех авторитетных международных организациях, включая ООН, вопрос об ответственности государств и должностных лиц, позволяющих себе попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, очернительство участников антигитлеровской коалиции, прямое или косвенное оправдание нацистов и их пособников. У России есть правовые и моральные основания настаивать перед бывшими партнерами по коалиции на согласованных действиях по этим вопросам, вплоть до организации специального саммита глав государств, входивших в нее.

Бесспорно, эффективность российской дипломатии в этих условиях должна быть значительно большей. Хватит снисходительно взирать на потуги представителей некоторых восточноевропейских стран и бывших республик СССР, пытающихся путем искажения исторической правды, «войны с памятниками», клеветы на ветеранов

войны доказать состоятельность своих «молодых демократий».

Против нас действуют агрессивно, не церемонясь. Поэтому нужна продуманная и наступательная государственная политика по отношению к фальсификаторам истории, при которой каждый государственный орган, каждая политическая партия, общественная организация будут, говоря по-суворовски, знать свой маневр.

На одном из недавних заседаний Совет Федерации принял специальное Заявление в связи с 70-летием начала Второй мировой войны. Наша палата призвала мировое сообщество честно и непредвзято подойти к оценке причин и последствий этого исторического события.

Как говорится в Заявлении, «история вынесла свой вердикт — главными виновниками этой трагедии являются руководители нацистской Германии. Международный военный трибунал в Нюрнберге квалифицировал их действия по развязыванию агрессивной войны как тягчайшее преступление против человечества. Мировое сообщество признало этот приговор окончательным, не подлежащим пересмотру».

Именно с этих позиций было бы продуктивной рассматривать совместно с нашими европейскими партнерами перипетии Второй мировой, а не с точки зрения «взаимных болей, бед и обид».

Еще Цицерон говорил: «Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности».

Прецедентов взаимовыгодного сотрудничества в истории Второй мировой войны предостаточно. Ведь удалось же в экстремальной ситуации, несмотря на идеологические разногласия, создать эффективный военный союз — антигитлеровскую коалицию. Удалось договориться о послевоенном мироустройстве, выработать кодекс поведения государств, образовать важнейшие международные институты, прежде всего ООН. И сегодня было бы мудрее опираться на то, что нас объединяет, а не разъединяет.

Здесь уместно напомнить некоторые важные уроки Второй мировой войны, которые выстрадало человечество. Они имеют универсальный, вневременной характер. Например: политика умиротворения агрессора рано или поздно оборачивается против ее инициаторов; за аморальные политические поступки и политическое хамелеонство приходится очень дорого расплачиваться, иногда даже жизнями своих сограждан; предотвращение угроз международной безопасности требует совместных, своевременных, коллективных усилий всего мирового сообщества.

Наверное, мы никогда не получим достоверного ответа на то, что в большей степени подтолкнуло

Гитлера к широкомасштабной захватнической войне — Мюнхенское соглашение 1938 г. или так называемый «пакт Молотова–Риббентропа». А может, и то, и другое, и еще масса факторов. Кстати, в России в 1989 г. была дана негативная правовая и моральная оценка пакта между СССР и нацистской Германией. Наши же европейские партнеры свою политическую недалекость признавать не спешат.

Они до сих пор не избавились от шлейфа идеологических стереотипов времен «холодной войны». СССР перестал существовать как государство почти 20 лет назад, ниша оказалась пуста. Тогда ярлык «империи зла» прилепили к России, обратив на нее и весь разноликий арсенал информационной войны. Что ж, фальсификация прошлого всегда связана с политикой настоящего.

Чтобы Россию уважали в мире, признавали ее заслуги перед мировым сообществом, надо, прежде всего, уважать самих себя. В наших интересах не давать поводы для новых конфронтаций на исторической почве, а наоборот — предлагать всем заинтересованным сторонам открытый международный диалог, в том числе по самым острым эпизодам Второй мировой. Лучше переводить дискуссии в профессиональную, научную плоскость, вести их на основе обсуждения подлинных документов. Инициировать встречи историков, международные военно-исторические семинары, конференции, сделать их публичными. В спорах рождается истина. Это затруднит путь к читателю многочисленных изданий, выполненных на крайне низком уровне, авторы которых не утруждают себя более или менее внятыми аргументами своих сенсационных выводов и укрываются за принципом свободы слова.

По тем событиям войны, которые по-разному, иногда диаметрально противоположно расцениваются в различных странах, можно и нужно создавать совместные рабочие группы, экспертные комиссии, даже научно-исторические центры или институты, если речь идет об установлении объективной картины этих событий, а не о спекуляции на них.

В качестве крепкого бастиона на пути распространения лжи о России следует активнее использовать возможности народной дипломатии: встречи ветеранов, общественности, сотрудничество городов-побратимов, военно-исторических организаций, совместные культурные проекты и т. д. В мире, уверен, достаточно здравомыслящих людей, высоко оценивающих роль СССР во Второй мировой войне.

Не стоит забывать и о том, что хотя Российская Федерация является правопреемницей Советского Союза, в годы войны она была лишь одной из 15 союзных республик, в которой проживало только 55% населения. В Красной Армии

сражались представители всех народов, и все они внесли свой достойный вклад в Победу. Необходимо как зеницу ока беречь эту общую уникальную память, всячески содействовать тому, чтобы сопричастность к Великой Победе воспринималась в странах СНГ как лучшие страницы их национальной истории, передавалась от поколения к поколению и оставалась одним из духовных и моральных эталонов наших отношений. Хорошим подспорьем здесь мог бы стать специальный тематический исторический телеканал или историческая программа (например, «События и лица истории»), вещающие и на постсоветское пространство.

Пора ускорить подготовку новой «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.». Первое ее издание вышло в 1960–1965 гг. За прошедшие десятилетия накоплено новое знание о той войне, выявлены и проанализированы многочисленные архивные документы.

Вместе с тем, приходится констатировать, что тема нацистских зверств и геноцида населения Советского Союза практически не разрабатывалась в научной и научно-популярной литературе новейшего времени. У учителя истории общеобразовательной школы сегодня просто не хватает важнейших фактов и материалов, чтобы рассказать, чем грозила СССР победа Германии во Второй мировой войне. Вся грандиозная эпопея битвы с фашизмом в школьных учебниках по истории излагается в нескольких куцых абзацах, из которых невозможно узнать, кто такие Георгий Жуков, Константин Рокоссовский, Николай Гастелло, Александр Матросов.

Знание истории прошедшей войны необходимо не только ради удовлетворения любознательности, но и для ответа молодежи, которая продолжает спрашивать у наставников, родителей, представителей старших поколений: «Как и ради чего воевали? Как и почему победили? Какова цена Победы? Нужно ли быть патриотом своей Родины и зачем?»

Наша задача — способствовать появлению большого числа глубоких исследований, раскрывающих всю правду о подвиге советских людей, несмотря на все невзгоды выстоявших и отправивших фашизм на свалку истории.

При этом российским ученым и экспертам следует твердо следовать исторической достоверности. Ведь любые ошибки и неточности могут быть использованы нашими идейными противниками и недоброжелателями.

Хотелось бы выразить уверенность, что ученые МГИМО — одного из ведущих вузов России, признанной кузницы внешнеполитических кадров, — внесут достойный вклад в углубленную экспертную проработку наиболее запутанных узлов истории Великой войны.

История реальная и мнимая

С. В. Лавров*

Семь десятилетий назад, 1 сентября 1939 г., началась величайшая трагедия XX века — Вторая мировая война, ставшая самой жестокой и кровопролитной в истории и едва не обернувшаяся катастрофой для всего человечества. Она унесла жизни десятков миллионов людей, из них более 27 миллионов советских граждан.

Начальный этап Второй мировой явился прологом к Великой Отечественной войне, 65-летие Победы в которой мы будем отмечать в следующем году. Великая Победа стала, без преувеличения, высшим духовным достоянием всех народов бывшего Советского Союза. Наши отцы и деды не только отстояли нашу свободу, но и внесли решающий вклад в освобождение Европы от фашистского порабощения.

Историю переписать невозможно, как бы кому-то ни хотелось. Но и нельзя равнодушно относиться к тому, что события того периода, оценки причин войны и роли в ней Советского Союза в последние годы все чаще становятся предметом различных спекуляций, попыток разнородных политических сил посредством избирательного подхода фальсифицировать правду в угоду политической конъюнктуре, подвергнуть ревизии закрепленные в Уставе ООН и других международно-правовых инструментах итоги Второй мировой войны.

Сегодня такие попытки трудно расценить иначе, как стремление провести новые разделительные линии на нашем континенте, вот уже двадцать лет — после падения Берлинской стены — живущем без идеологической конфронтации. Острые их направлено против России. Похоже, само ее существование является источником нервозности у тех деятелей, которые ощущают, что оказались на обочине определяющих тенденций евроатлантической политики. Очевидно, что срежиссированная кампания по навязыванию нашему государству некой «исторической вины» является частью более широкого замысла воспроизведения политики «сдерживания» России уже в новых условиях.

Для того, чтобы разобраться с этим, достаточно обратиться к фактам, честно и непредвзято взглянуть на события тех лет. При таком подходе выводы очевидны.

Среди причин Второй мировой войны — порочность созданной по итогам Первой мировой войны Версальской системы, к которой Советская Россия не имела никакого отношения; последствия мирового финансово-экономического кризиса 1929–1932 гг.; агрессивная сущность нацизма — кстати, продукта западной политической мысли; проводимая в отношении стран «Оси» политика, включая попустительское захватническим аппетитам фашистских режимов Германии, Италии и Японии в расчете решить проблемы своей безопасности за счет безопасности и суверенитета других государств. Реализации планов нацистов во многом способствовала царившая тогда в Европе атмосфера взаимного недоверия и подозрительности, а также умело использованное Гитлером желание правителей Великобритании и Франции «разделаться» с идеологически чуждым им Советским государством, которое они не хотели видеть в качестве равноправного партнера в европейских делах.

В результате вместо коллективного отпора агрессорам европейские страны действовали по принципу «спасайся, кто может». По сути, все, что происходило в предвоенные годы, — трагедия без героев, в которой даже жертвы на определенном этапе становились пособниками агрессора.

Советскую политику того времени необходимо рассматривать в контексте общей ситуации в Европе накануне Второй мировой войны. Различие — причем принципиальное — состояло в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия активнее и последовательнее других стремилась наладить коллективное противодействие агрессии.

Даже после того, как западные державы изолировали СССР, а Чехословакия в результате Мюнхенского сговора 1938 г. была ликвидирована как независимое государство, Москва не прекращала

* Сергей Викторович Лавров — министр иностранных дел Российской Федерации.

попыток договориться о совместном отпоре Германии. Советские предложения от 17 апреля 1939 г. о заключении договора о взаимопомощи проложили дорогу к трехсторонним советско-англо-французским переговорам летом того же года. Однако последняя возможность остановить роковое сползание к мировой войне была упущена из-за взаимных подозрений, колебаний западных держав, нежелания Польши дать разрешение на проход советских войск через свою территорию.

В сложившейся ситуации советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., часто именуемый «пактом Молотова–Риббентропа», стал для СССР вынужденной альтернативой союзу с Великобританией и Францией, реакцией на сохранявшееся стремление западных держав направить германскую экспансию на восток. Заключение «пакта» позволило отсрочить нападение Германии на Советский Союз, отодвинуть в среднем на 300 км западную границу СССР.

Попытки возложить ответственность за начало войны не только на гитлеровскую Германию, целенаправленно осуществлявшую свои агрессивные планы, но и на преследовавший сугубо оборонительные цели Советский Союз, в корне неприемлемы и попросту антиисторичны. По меньшей мере бесосновательны и утверждения о некоем «сговоре» Сталина с Гитлером, «тождественности» нацизма и коммунизма — они оскверняют память миллионов погибших в борьбе с фашизмом граждан нашей страны, советских воинов, освободивших от него страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

В подобных подходах сквозит желание переложить бремя ответственности за развязывание конфликта с «больной головы на здоровую», затушевать далеко не безупречное поведение «своих» накануне и в период войны. Не случайно «радетели» переписывания истории стараются не вспоминать о политике «умиротворения» Гитлера и ее позорной кульминации — Мюнхенском сговоре, по сути развязавшем руки агрессору, о Странной войне на Западе, фактической сдаче Польши, масштабах коллаборационизма и других примерах подобного рода.

При обращении к истории важно избегать того, чтобы она становилась предметом манипулирования для недобросовестного использования в политических целях. Мы против политизации истории. Исходим из того, что историческую правду нужно искать на основе первоисточников, а не произвольных интерпретаций. Главное, что необходимо этому противопоставить — утверждение подлинно научного подхода. Историю необходимо рассматривать во всей ее полноте и целостности, анализировать совокупность событий и причинно-следственных связей в их историческом контексте. Только такой подход, основанный на добротной проработке исторического материала, может помочь извлечь должные уроки из нашей общей истории, в интересах созидания единой,

безопасной и процветающей Европы без разделительных линий.

Именно поэтому работа по противодействию ревизии истории Второй мировой войны, ее итогов и уроков, попыткам реабилитации и героизации нацистов и их пособников входит в число приоритетных направлений комплексной деятельности МИД России и наших дипломатических представительств за рубежом. Регулярно готовятся документальные сборники, публикации в СМИ, тематические выставки, конференции, широко используются Интернет-ресурсы, включая веб-сайты МИДа и наших загранучреждений. Эта тема занимает важное место в работе на «площадках» двусторонних переговоров, ключевых международных организаций, в наших отношениях с Евросоюзом и НАТО.

Вместе с нашими союзниками по ОДКБ и в рамках СНГ реализуется комплекс мер, включая совместные инициативы в ООН, Совете Европы и ОБСЕ, направленных на сохранение правды о Второй мировой войне, уважение к великому подвигу Победы, на заботу о ветеранах.

При содействии МИД России в нынешнем году прошли три крупные международные научные конференции по тематике предвоенной ситуации в Европе — 26–27 мая в Варшаве, 22–23 июня в Берлине и 9–10 июля в Москве. До конца года планируем провести еще ряд подобных конференций и встреч историков, посвященных проблематике Второй мировой войны, привлекая к этим мероприятиям совместные комиссии историков, учрежденные Россией с рядом зарубежных государств.

Важными событиями стали научный форум «Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», организованный в мае с.г. в Москве Институтом военной истории Минобороны России, круглый стол «К 70-летию начала Второй мировой войны: актуальные задачи внешней политики России по противодействию фальсификации и переписыванию истории этого периода», состоявшийся в марте этого года в МИД России.

Под эгидой Минобороны России с участием РАН, МИД, МГИМО и Дипакадемии продолжается работа по подготовке фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.».

Подготовлены к публикации тематические материалы в журналах «Международная жизнь» и «Консул» о «пакте Молотова–Риббентропа» и о Мюнхенском сговоре, статья о проблемах предвоенной ситуации в Европе и советско-германском договоре 1939 г. для документального сборника фонда «Историческая память». В МИД России развернута документальная экспозиция, приуроченная к 70-летию начала Второй мировой войны.

Координация предпринимаемых усилий находится под постоянным контролем Междепартаментской рабочей группы Министерства. На ее заседаниях в феврале и июне с участием представителей заин-

тересованных организаций предметно рассмотрены вопросы, связанные с противодействием ревизии истории предвоенного и военного периода, а также с реализацией плана мероприятий МИД по подготовке к празднованию 65-летия Победы.

Наращиванию скоординированных усилий ведомств, научного и экспертно-политологического сообществ против фальсификации истории в ущерб российским интересам будет способствовать Комиссия при Президенте Российской Федерации, возглавляемая Руководителем Администрации Президента, в создании которой МИД принял деятельное участие. С учетом того, что информационные атаки на отечественную, да и на мировую историю, стремление использовать ее как инструмент достижения геополитических целей стали в ряде стран составной частью государственной политики, наша работа по противодействию этой конфронтационной линии требует серьезного внимания на государственном уровне.

Сегодня Европа вновь находится перед выбором. Уже никто не отрицает системной проблемы в сложившейся архитектуре евробезопасности, суть которой — в необходимости преодоления блоковых, конфронтационных подходов к ее обеспечению. Убеждены, что это возможно только на путях создания механизмов, гарантирующих неделимость безопасности на всем пространстве от Ванкувера до

Владивостока. Отмечаем растущий интерес к инициативе Президента Д. А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности, которая исходит из необходимости обеспечения единства всего евроатлантического пространства, чтобы никто не пытался обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других. Для продолжения серьезного разговора на эту тему призываем провести представительную встречу руководителей международных организаций, действующих в сфере безопасности в Евро-Атлантике: ОДКБ, СНГ, НАТО, ЕС, ОБСЕ. Надеемся, что наши предложения встретят позитивный отклик со стороны всех, кому дороги мир и безопасность, перспективы созидательного сотрудничества.

Нельзя не видеть, что перелом к лучшему, отказ от менталитета и политики «холодной войны», ее инстинктов и предрассудков устраивает не всех, и это отражает противоречивость текущего момента в глобальной и евроатлантической политике. В таких условиях особую важность приобретает открытый, деполитизированный диалог, обращенный в будущее. Россия готова к такому диалогу, будет и впредь настойчиво продвигать в международных отношениях позитивную, объединительную повестку дня, добиваться формирования подлинно коллективной безопасности, как того и требуют незыблемые принципы Устава ООН — организации, созданной на основе уроков Второй мировой войны и призванной не допустить повторения подобных трагедий.

Предвоенные уроки нашему времени

А. В. Торкунов*

Приближение 70-й годовщины начала Второй мировой войны дает новый импульс дебатам о происхождении этой величайшей трагедии в истории человечества, об ответственности за нее и исторических уроках для сегодняшнего мира. Переосмысление исторического опыта — естественный процесс, обусловленный появлением новых документальных данных, сменой поколений и эволюцией исторической памяти.

К сожалению, в последние годы в этот процесс привносятся чисто политические и идеологические моменты, особенно со стороны молодых европейских государств, входивших ранее в состав СССР и социалистического лагеря. Озабоченные поисками своей новой идентичности, они пытаются пересмотреть генезис и даже саму природу Второй мировой войны для сведения счетов с советским прошлым и самоутверждения. В центре этих дебатов закономерно оказался предвоенный период — международный кризис 1938–1939 гг., имеющий ключевое значение для объяснения истоков войны и определения ее виновников.

Заметным событием в развитии этой международной дискуссии стала недавняя представительная конференция ведущих российских, польских и немецких историков и международников в Варшаве, на которой мне довелось выступать с основным докладом от российской стороны. В ней также приняли участие ученые стран Балтии, США, Венгрии и Финляндии. В ходе этой конференции отчетливо обозначились зоны консенсуса и разногласий, существующие по вопросу происхождения войны в академических и политических кругах разных стран.

Отрадно, что при всем разнообразии трактовок и мнений основополагающие тенденции развития международной обстановки тех предгрозовых лет не вызывают сомнений у подавляющего большинства серьезных исследователей. Это было нарастание смертельной угрозы не только версальско-вашингтонской системе международных отношений, но и самому существованию европейской цивилизации —

с одной стороны, и стремление противодействовать этой фашистской угрозе — с другой.

Двумя вариантами ответа на этот вызов стали политика совместного отпора агрессорам в рамках коллективной безопасности и политика умиротворения. Эти два начала переплетались в политике многих стран, но главным вектором к концу 1930-х гг. стало все-таки умиротворение. Особенно активно эту политику проводила Великобритания, тогдашнее руководство которой видело в сильной Германии эффективный противовес СССР и было не против «драки между большевиками и нацистами», по словам предшественника Невилла Чемберлена — Стэнли Болдуина, США рассчитывали пересидеть европейские распри за океаном и следовали законам о нейтралитете 1935 и 1937 гг., которые запрещали экспорт оружия и военных материалов воюющим странам. Франция, больше других опасавшаяся гитлеровской Германии, не решалась противостоять ей в одиночку и следовала в фарватере британской политики. Лига Наций оказалась бессильной не только активно противодействовать фашистской агрессии, но даже исключить из своего состава государства «Оси», покинувшие ее позднее по собственной инициативе.

Основные вехи углубления европейского кризиса хорошо известны и общепризнанны: ремилитаризация Рейнской области нацистской Германией, политика невмешательства западных демократий в годы гражданской войны в Испании, аншлюс Австрии, мюнхенская сделка и советско-германские соглашения лета — осени 1939 г. Не вызывает сомнения, что на всех стадиях этого процесса сохранялась реальная возможность совместными усилиями остановить страны «Оси» в их территориальных захватах. Вопрос о том, почему не удалось этого добиться и тем самым — предотвратить Вторую мировую войну, является одним из ключевых для понимания ее причин и исторических уроков.

Здесь действовал целый ряд факторов, как признавалось и на упомянутой конференции в Варша-

* Анатолий Васильевич Торкунов — академик РАН, ректор МГИМО.

ве. Во-первых, недопонимание качественно нового характера фашистской угрозы и недооценка ее потенциала. Политическая элита западных демократий в большинстве своем не понимала фанатизма и ненасытной агрессивности фашистского тоталитаризма, видела в Гитлере пусть опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий против столпов западной цивилизации и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого Советского Союза.

С этим был тесно связан и второй фактор — парализующий страх перед военной машиной нацизма, питаемый свежей памятью об огромных потерях в Первой мировой войне и стремлением любой ценой избежать новой глобальной бойни. Страх, который виртуозно использовал Гитлер в своей рискованной тактике наглого натиска, шантажа и угроз. Действительно, известие о мюнхенской сделке вызвало, по выражению лидера французских социалистов Леона Блюма, «двойственное чувство трусливого облегчения и стыда». Страх, как известно, пробуждает самые низменные чувства, толкает отдельных людей и целые страны на подлые деяния вплоть до предательства своих друзей и союзников ради спасения собственной шкуры.

Отсюда третий фактор — узколюбый эгоизм, стремление присоединиться к сильному и поживиться за чужой счет, не гнушаясь использовать бедственное положение своих соседей, ставших жертвой агрессии со стороны крупных хищников. Чем еще можно объяснить поведение во время Мюнхенского кризиса тогдашних правительств Польши и Венгрии, которые, по словам Уинстона Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии»? Польша выставила Праге собственный ультиматум с требованием уступить пограничную Тешинскую область под угрозой вооруженного нападения. Говоря о реакции европейского общественного мнения на эти действия, участник нашей конференции польский историк Станислав Жерко недавно писал: «Практически везде использовалось сравнение с шакалом, бросающимся на жертву, которой до этого нанес смертельный удар гораздо более сильный хищник». Да и после Мюнхена правительство Юзефа Бека не оставляло попыток «договориться» с Гитлером. Остается только удивляться способности некоторых польских деятелей изображать свою страну исключительно невинной жертвой.

Наконец, солидарности в борьбе против общей угрозы мешали взаимные подозрения и идеологическая враждебность, заслонявшие эту общность коренного интереса. Обе стороны видели друг в друге не столько союзников, сколько потенциальных противников и пытались отвести удар нацистской военной машины от себя в сторону идеологического соперника. Отвечая взаимностью западным расчетам на «драку между большевиками и нацистами», Сталин говорил своим соратникам: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга».

В результате вместо коллективного отпора агрессорам европейские страны действовали по принципу «спасайся, кто может», дав возможность Гитлеру и Муссолини вплоть до сентября 1939 г. добиваться своих целей без единого выстрела. Это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками.

Советская политика была частью этой общей картины и не может рассматриваться вне данного контекста. Разница состояла в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия была активнее и последовательнее французской и английской в стремлении наладить коллективное противодействие агрессорам. В преддверии мюнхенского кризиса одна Москва не отказалась от своих гарантий Чехословакии и открыто заявляла о своей готовности прийти ей на помощь, если и Франция выполнит аналогичное обязательство. Она также предупреждала Польшу о том, что в случае ее нападения на Чехословакию будет считать это актом агрессии и денонсирует советско-польский договор о ненападении. Нарком Максим Литвинов предлагал срочно созвать конференцию Великобритании, Франции и России с приглашением Румынии и других малых стран для разрешения кризиса вокруг Чехословакии. Однако Чемберлен усмотрел в этом опасность «усиления большевизма», и советская инициатива осталась без ответа. «Поистине поразительно, — писал впоследствии Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».

Циничное игнорирование интересов СССР, оставшегося после Мюнхена наедине с вермахтом, было одним из последствий этой позорной сделки. Она подорвала всю систему союзов и квазисоюзов, которая могла служить противовесом фашизму, — малую Антанту, французские гарантии Чехословакии и советско-французский договор 1935 г. Но главное — Мюнхен отделил пропастью, преодолеть которую впоследствии оказалось невозможно, Москву от западных демократий. Это хорошо понимали проницательные современники событий: так, ведущий внешнеполитический обозреватель США Уолтер Липпман говорил, что, «принося Чехословакию в жертву Гитлеру, Великобритания и Франция, по сути, жертвовали и своим союзом с Россией». Таким образом, Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «Оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и тем самым сделал для него приемлемым пойти на риск полного завоевания Европы. Так что если искать в роковой череде

событий тех лет поворотный момент, проложивший дорогу мировой войне, то это будет именно Мюнхен.

Даже после того, как западные державы изолировали Советский Союз, а Гитлер ликвидировал Чехословакию в марте 1939 г., Советское правительство не прекращало попыток договориться о совместном отпоре Германии. Его предложения от 17 апреля проложили дорогу трехсторонним переговорам в Москве. То была последняя слабая возможность остановить роковое сползание к мировой войне. К несчастью, и она была упущена: взаимные подозрения, колебания западных держав, упрямство Польши в вопросе о проходе советских войск через свою территорию, непрекращающиеся попытки Лондона и Москвы договориться с Гитлером за спиной друг друга — все это обрекало переговоры на неудачу. Свою роль сыграло и доминирующее на Западе отношение к сталинскому режиму, который после «большого террора» 1937–1938 гг. представлялся европейцам не только глубоко чужеродным, но и слабым партнером.

Для советского руководства пакетное соглашение с Гитлером стало зловещей альтернативой союзу с Францией и Великобританией, которая без лишних проволочек сулила гораздо более выгодное решение основных проблем безопасности: хотя бы временное ослабление германской угрозы, создание обширной буферной зоны на западных границах СССР, ослабление советско-японских противоречий. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в повестке дня Гитлера), сколько в пространстве, позволившем увеличить глубину обороны. Появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, оплатив ему той же монетой за Мюнхен. Одновременно исключалась (или по крайней мере затруднялась) самая кошмарная перспектива, в которую, похоже, всерьез верили в Москве, — создание единого антисоветского фронта всего Запада.

Но я далек от того, чтобы оправдывать действия Сталина или изображать его по появившейся моде последних лет «трезвым реалистом», избравшим в тогдашней критической обстановке единственно верный путь. Даже с точки зрения разумного эгоизма такие шаги Сталина, как расширение экономического сотрудничества и доверительных отношений с гитлеровской Германией, перенос идеологической борьбы со стран «Оси» на западные демократии, отказ от тактики единого фронта в деятельности Коминтерна, заигрывание с идеей присоединения к антикоминтерновскому пакту, были не оправданы рациональными соображениями «баланса сил» и ограничивали свободу рук Москвы. Этот крен в сторону нацистской Германии, как пишет в своей недавней книге «Канун трагедии» академик Александр Чубарьян, означал, что Сталин «утратил чувство меры и ощущение реальности», и привел к тому, что «Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий». Не

оправдалась и надежда хозяина Кремля на затяжную «междоусобную» войну в ее решающей заключительной стадии. Эти просчеты сталинской внешней политики усугубили катастрофу июня 1941 г.

Вместе с тем в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера и тем более — считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами. «Россия хладнокровно преследует свои интересы, — говорил Черчилль после вхождения Красной Армии на украинские и белорусские земли Восточной Польши. — Конечно, было бы лучше, если бы русские армии дошли до своих нынешних западных рубежей как друзья и союзники Польши, а не как армия вторжения. Но то, что они туда дошли, необходимо для безопасности России перед нацистской угрозой». Советско-германские соглашения 1939 г. облегчили Гитлеру разгром Польши, но и без них Гитлер не отказался бы от операции «Вайс», тем более что французы с англичанами даже после объявления войны Германии отнюдь не спешили на помощь Польше. А сталинский грех «пакта Молотова–Риббентропа» был искуплен кровью россиян на полях сражений, сломавших хребет казавшегося непобедимым вермахта.

Трагические события тех лет наводят на серьезные размышления об их уроках для сегодняшнего дня. Некоторые из этих уроков имеют универсальный и почти аксиоматичный характер: аморальная политика рано или поздно оборачивается против ее авторов, умиротворение агрессора никогда не окупается, а сопротивление большому злу требует своевременных коллективных усилий. Но есть и более конкретный урок, вытекающий из многострадальной истории Европы. Весь опыт межвоенного периода — от Версальского мира до начала Второй мировой войны — убедительно свидетельствует о невозможности создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе без действенного участия крупнейшей европейской державы — России. Даже во времена сталинизма политика стран Запада по обеспечению своей безопасности без участия России и за ее счет была близорукой и окончилась провалом. Тем меньше оснований и перспектив для такой политики сегодня, когда наша страна вступила на европейский путь демократического развития и прагматической внешней политики. Тем не менее в Европе до сих пор нет эффективной архитектуры безопасности с полноценным участием России, а российское предложение о ее создании встречает пока настороженное отношение наших западных партнеров. Неужели нужно ждать появления новой тотальной угрозы, чтобы объединить, наконец, наши усилия по созданию Европы, одинаково безопасной для всех?

От армии 1941-го — к армии 1945 года

М. А. Гареев*

Публикуемая ниже запись беседы И. В. Сталина с руководством Генштаба и главными редакторами журналов «Военная мысль» и «Военный вестник» в марте 1945 г. — документ, который нет надобности подробно комментировать. Но представляется необходимым поделиться некоторыми мыслями и соображениями, возникающими сегодня при ознакомлении с этим интересным историческим документом.

Прежде всего, обращает на себя внимание то поразительное обстоятельство, что в это время идет война: проводится крупнейшая Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, возникают не только сложные оперативно-стратегические проблемы на фронтах, взаимодействия с союзными армиями, но и многие политико-дипломатические задачи послевоенного устройства Европы, в предсмертной судороге извивается гитлеровская верхушка, стремясь склонить западных союзников к сепаратному миру. Необходимо напрягать последние усилия народа и армии для обеспечения окончательного разгрома врага в его собственном логове. С учетом всего этого не трудно себе представить всю степень занятости руководителя страны, сосредоточившего в своих руках все нити политической, социально-экономической жизни страны, стратегического руководства Вооруженными Силами.

И вот, несмотря на все это, в таких сложнейших условиях, Верховный Главнокомандующий, Наркомат обороны, Генеральный штаб не поглощены всецело текущей оперативной работой, а заглядывают уже вперед, думают о будущей военной идеологии, обобщении и освоении богатейшего опыта войны, о подготовке военных кадров в послевоенное время с учетом новых требований. В частности, Генштаб представил наркомату обороны проект приказа о задачах журналов «Военная мысль» и «Военный вестник». И. В. Сталин считает нужным не просто формаль-

но рассмотреть и подписать приказ, а побеседовать в течение более одного часа с главными редакторами журналов, поразмышлять вместе с ними о назревших проблемах, дает дельные советы.

Нет надобности идеализировать Сталина. По-разному можно относиться к таким неоднозначным личностям: за что-то их можно порицать, но есть и чему научиться.

Вместе с тем ради объективности нельзя не обратить внимания на емкость высказанных им мыслей, на четкость и лаконичность их изложения. Припоминается случай, когда в 1959 г. на приеме в честь выпускников военных академий к столу Академии Генштаба подошел Н. С. Хрущев и в своей беседе с нами бросил реплику: «Сталину тоже писали выступления». На вопрос: «А где сейчас эта люди, которые писали Сталину выступления, почему больше никому они так не напишут?» — внятного ответа не последовало. В последующие годы в выступлениях некоторых политических, государственных деятелей мы нередко слышим формально правильные трафаретные слова, но в них далеко не всегда содержится хоть какая-то человеческая мысль.

Кстати, и в послевоенные годы основные положения важнейших исторических или военно-теоретических трудов, уставных документов, военных энциклопедий обсуждались под руководством высших руководителей с привлечением не только соответствующих должностных лиц, но и ведущих ученых и ветеранов войны. Они стремились если и не стоять во главе передовой военно-научной мысли, то по крайней мере не быть в стороне от нее, осознанно воспринимать ее. Все это давало возможность в ходе ожесточенных споров глубже разобраться в рассматриваемых вопросах и более обоснованно их решать.

К сожалению, в последние годы эти традиции забываются. Руководители (даже более низкого уровня), как правило, не находят времени для всего того, о чем выше было сказано.

* Махмут Ахметович Гареев — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук.

Из вопросов, которые затрагивались Сталиным в упомянутой беседе, и в наше время сохраняют актуальность проблемы военной идеологии, изучения боевого опыта, подготовки общевойскового командира, освоения наследия выдающихся полководцев и др.

Особого внимания заслуживает тезис Сталина о том, что «самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию и это важнее многих других приобретений» (подчеркнуто мною. — М. Г.).

Наша держава победила сильнейших противников на Западе и Востоке, завоевала пол-Европы, возвратила Родине Сахалин и Курилы, освободила свою страну и многие другие государства Европы и Азии из-под вражеской оккупации, спасла весь мир от фашистского порабощения, при этом резко возрос международный авторитет СССР — это все достижения огромного исторического значения. Таких достижений и такой грандиозной победы не было во всей истории нашего Отечества. Но Сталин все же считал, что важнее всего этого — это то, что мы получили современную армию и закаленные на войне военные кадры. И это не является большим преувеличением. Безусловно, победа достигнута усилиями всего народа. Но судьба Отечества, быть или не быть ему, решалась на полях сражений. И в реализации усилий народа, экономических и духовных возможностей страны решающую роль сыграли воины Армии и Флота и прежде всего офицерские кадры.

К концу войны советские Вооруженные Силы обладали такой несокрушимой мощью, таким военным профессионализмом, были настолько слаженным во всех отношениях организмом, что никто им противостоять в Европе уже не мог. В связи с этим возникает один из самых глубинных и сокровенных вопросов военной истории. Чем же наша армия 1941 г., терпевшая тяжелые неудачи в начале войны, отличалась от армии 1945 г., уверенно и блистательно завершившей войну?

Люди (солдаты, офицеры) в 1941 г. формально были даже лучше (по возрасту, физическим данным, общей военной грамотности и образованности), вооружение качественно изменилось, но не столь существенно, не было особенной ломки организационной структуры армии, системы военного управления (кроме ВВС и организации Ставки ВГК), да и по некоторым другим параметрам. И в целом с точки зрения потенциальных возможностей (по укомплектованности личным составом, вооружению, боевой выучке и другим параметрам) боеспособность армии к началу войны была выше, чем ее непосредственная боевая готовность к отражению вражеской агрессии. Из-за известных просчетов политического руководства и высшего военного командования войска к началу нападения противника

не были приведены в полную боевую готовность, их оперативное развертывание не завершено, дивизии первого эшелона в большинстве своем не успели занять предназначенных оборонительных рубежей. Поэтому они оказались в тяжелейшем положении и не смогли в полной мере реализовать свои боевые возможности. Уже в начальный период войны была потеряна основная часть кадровой армии, и ее пришлось воссоздавать уже в ходе войны. Тем более значим качественный скачок ее боеспособности в ходе войны!

Что же превратило ее в армию 1945 г.? Коренные качественные изменения произошли прежде всего внутри ее. Война встряхнула всех людей, все общество, и военных, и гражданских, вынудила совсем другими глазами взглянуть на судьбу страны и свои задачи по защите Отечества.

Она вынудила всех, начиная от Верховного Главнокомандующего и кончая солдатом, стряхнуть с себя благодушие, привычки и «наrustы» мирного времени, мобилизовать до предела все свои возможности, оттачивать свое управленческое и боевое мастерство. Боевая обстановка не прощала формализма и ошибок и сурово наказывала за любые упущения в разведке, огневом поражении, обеспечении войск всем необходимым. Отодвигала в сторону все надуманное, нежизненное, все артикулы партократов и чиновников типа Мехлиса. В частности, со всей наглядностью выявилось, что в определенной мере нужны и контроль, и догляд сверху, но не может быть никакого эффективного управления без доверия к людям. Война вынудила ограничить существовавший «беспредел» и в этой области.

Непрерывные и напряженные боевые действия обогащали боевым опытом, закаляли военные кадры, делали их более стойкими, мудрыми и уверенными в своих силах, вынуждали овладевать еще непостижимыми в 1941 г. секретами военного искусства. Видимо, и в начале войны не было командира, который бы теоретически не знал о необходимости сосредоточения основных усилий на решающих направлениях, необходимости ведения непрерывной разведки и надежного огневого поражения противника. Но потребовались немалые жертвы и усилия, прошло немало времени, пока большинство командиров овладели искусством практического осуществления этих канонов военной науки. Со всей беспощадностью война показала, какая дистанция огромного размера между знанием теории и практическим овладением военным искусством. Достаточно напомнить и о том, что глубинная суть стратегической обороны была не уяснена и на самом «верху» не только в 1941 г., но и в 1942 г. Только в 1943 г., при подготовке к Курской битве ею удалось до конца овладеть. Немало было и других таких проблем, с которыми пришлось столкнуться и постигать во время войны.

Мужество и самоотверженный труд народа под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» — под-

крепляло армию не только все более совершенным оружием, материальными ресурсами, но и особой духовной силой. И помощь по ленд-лизу принесла свою пользу, появились сотни тысяч автомашин высокой проходимости, которые сделали нашу артиллерию и в целом войска более маневренными.

В мирное время 3–4-суточное учение считается большим событием и, конечно, многое дает для боевой выучки и боевого слаживания соединений и частей. А здесь 4 года (1418 суток) непрерывной учебы не просто в условиях, «приближенных» к боевым, а действительно в боевых условиях. Командиры, штабы и войска не только получали боевую практику. Они на протяжении всей войны и в перерыве между боями занимались напряженной боевой подготовкой. Перед каждым боем и операцией многократно тренировались в выполнении боевых задач, воссоздавая соответствующую оборону противника и на местности, схожей с той, на которой предстояло действовать.

Во время войны все было отлажено и доведено до совершенства. Приведу маленький пример. Кто был на учениях, не мог не заметить, например, сколько бывает суеты и бегогны, чтобы переместить на новое место командный или передовой командный пункт. Во второй половине войны командир дивизии, иногда не говоря ни слова, показывал начальнику оперативного отделения место, куда переместить пункт управления. И уже без особых указаний заранее назначенные для этого оператор, разведчик, связист, сапер, знали, на какой машине, куда ехать, что взять с собой и как все подготовить на новом месте. И такая слаженность в действиях была во всех делах и во всех звеньях от Ставки до подразделения. Все действия, функциональные обязанности каждого воина были отработаны до автоматизма. Это обеспечивало высокую организованность, взаимопонимание и слаженность управления.

Разумеется, в мирное время невозможно постоянно с таким напряжением заниматься боевой выучкой, как во время войны.

Вместе с тем, не получая длительное время боевой практики, любая армия постепенно «закидает», механизмы ее функционирования начинают ржаветь. Германия во второй половине 1930-х годов постоянно «обкатывала» свою армию в различного рода военных акциях и кампаниях, до нападения на СССР на протяжении двух лет армия участвовала в военных действиях. Одним из подспудных мотивов затяжной Сталиным Советско-финской войны также было стремление испытать свою армию в боевом деле. И многие послевоенные вооруженные конфликты, развязанные США, в том числе последняя военная акция Израиля в Ливане, имели также целью дать органам управления и войскам боевую практику и испытать новые образцы вооружения.

Причем для того, чтобы армия была и в мирное время в боеготовом состоянии, необходимо учения

и тренировки проводить не только с соединениями и частями, но и органами управления стратегического и оперативного звена. До войны почему-то считалось, что командир роты или батальона должен систематически тренироваться в управлении с подразделениями, а в стратегическом звене это не обязательно. В результате именно органы оперативно-стратегического звена оказались наименее слаженными и подготовленными к решению возложенных на них задач во время войны. Это существенно снижало боевые возможности Вооруженных Сил в целом. Этот вывод подтверждается и современными новейшими научными достижениями. Например, программно-целевое планирование, как и вообще системный подход, исходит из положения, что целое больше суммы своих составных частей. Целостная система обладает такими свойствами, которые не вытекают непосредственно из свойств составляющих ее частей, но соответствующим образом могут быть выявлены путем анализа всей системы в целом, ее внутренних связей и результатов взаимодействия различных частей между собой. В этом, собственно, разница между комплексным подходом, который позволяет рассмотреть лишь простую сумму элементов системы, и системным. Например, при программно-целевом методе планирования военного строительства мы оперируем боевыми потенциалами соединений и частей. Но в зависимости от рациональности организационной структуры и системы управления и прежде всего в высшем звене общий боевой потенциал Вооруженных Сил может быть меньше (как это было в 1941 г.), и значительно больше, чем простая сумма боевых потенциалов соединений и частей, составляющих объединения и Вооруженные Силы в целом, как это было в 1945 г. В свете всего этого тем более важно и в мирное время ответственно относиться к каждому занятию и учению, максимально приближать их к боевым условиям. Следует сказать, что и в послевоенные годы (особенно в период, когда министром обороны был Г. К. Жуков) было еще весьма строгое отношение к подготовке и проведению учений. Проводились они в очень требовательной обстановке. Достаточно сказать, что после каждого фронтового учения по его итогам издавался приказ министра обороны, нередко не справившиеся со своими задачами лица отстранялись от должности, получали строгие взыскания. Все еще помнили, как тяжело на войне приходилось расплачиваться за малейшие упущения, и считалось большим грехом не пресекать их.

В этом отношении характерны два эпизода, рассказанных И. С. Коневым на разборе учения в Закавказском военном округе. Перед войной, будучи командующим Северо-Кавказским военным округом, он проводил командно-штабное учение с 19-й армией. В это время его старшие начальники вызвали к правительственному телефону, и за несвоевременное прибытие он получил серьезное внушение. Некоторые чиновники считали: «какие там учения»,

когда вызывает Москва. После войны, в период, когда И. С. Конев как главнокомандующий сухопутных войск руководил командно-штабным учением с Закавказским военным округом, позвонил Сталин. Оперативный дежурный доложил, что маршал Конев на учении. Сталин сказал: «Хорошо, не отрывайте т. Конева от этого важного дела, пусть он мне позвонит, когда у него будет возможность для этого». Вот так война сурово учила и меняла людей, в том числе их отношение к боевой учебе даже на самом высоком уровне. В связи с этим приходится задуматься: неужели нужна еще одна война, чтобы руководители всех степеней снова уяснили роль и значение офицерских кадров в жизни государства, и что главное назначение армии, вообще военных людей — непрерывная подготовка к выполнению боевых задач. Если этого нет — армия теряет смысл своего предназначения. Как писал К. Симонов в повести «Товарищи по оружию»: «Война для кадрового офицера — это экзамен, который неизвестно, когда состоится, но к которому надо готовиться всю жизнь».

Разумеется, война, боевая практика совершенствовали боевую выучку не только наших войск, но и противника, боеспособность которого к концу войны значительно снизилась. Противоборствующие стороны перенимали опыт друг у друга. И в этом процессе решающую роль играли такие факторы, как справедливые цели войны, завоевание стратегической инициативы и господства в воздухе и в целом преимущество советской военной науки и военного искусства. Например, в нашей армии была выработана более совершенная система огневого поражения, осуществляемая в виде артиллерийского и авиационного наступления. В немецких дивизиях было примерно в 1,5 раза больше артиллерии, чем в наших дивизиях. Но наличие у нас мощного резерва артиллерии ВГК и маневр его на решающие участки фронта привели к тому, что у нас постоянно участвовало в активных боевых действиях до 55–60% артиллерии, в то время как в германских войсках — только около 40 % всей артиллерии. Зародившаяся в битве под Москвой уже под Курском была доведена до совершенства выработанная во время войны система противотанковой и противовоздушной обороны. Понесшие большие потери дивизии германское командование обычно расформировывало и формировало новые, что затрудняло их сплочение. У нас нередко сохранялись и вели боевые действия дивизии численностью 3–5 тыс. человек. Поэтому соответствующих соединений и объединений у нас было больше, чем у немцев. Но при сохранении костяка имеющего боевой опыт офицерского состава в дивизионном — полковом, а во второй половине войны и в батальонном звеньях легче было доукомплектовывать эти дивизии и включать пополнение в боевой строй.

Немало было и других подобных организационных и оперативно-тактических приемов, которые

приумножали боевую мощь армии и делали наше военное искусство более эффективным.

Советское командование в период Великой Отечественной войны придавало большое значение своевременному обобщению и доведению до войск боевого опыта, Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, Главное политическое управление, Наркомат Военно-Морского Флота, командование и штабы видов Вооруженных Сил и родов войск, объединений и соединений были не только органами практического руководства войсками, но и основными центрами военно-теоретической мысли. Руководство военными действиями было немислимо без творческой работы по подготовке обоснованных решений, разработке уставов, инструкций и приказов, обобщающих все передовое в опыте войны. Во время войны в Генеральном штабе было создано Управление по использованию опыта войны, в штабах фронтов и армий — соответственно отделы и отделения.

Богатый боевой опыт Советской Армии находит отражение в разрабатываемых и обновляемых во время войны уставах, наставлениях и инструкциях. Например, в 1944 г. были разработаны и переработаны Полевой и Боевой уставы пехоты, «Руководство по форсированию рек», «Руководство по действиям войск в горах», «Наставление по прорыву позиционной обороны» и др. Всего за 1943–1944 гг. было переработано и разработано вновь 30 уставов, наставлений и инструкций, связанных с ведением боевых действий и подготовкой войск.

Обращает на себя внимание конкретность и предметность военно-научных исследований, строгая подчиненность их интересам успешного ведения вооруженной борьбы на фронтах. В то же время армия Германии, несмотря на значительное несоответствие довоенных уставов опыту Второй мировой войны, особенно после нападения на Советский Союз, не переработала в ходе военных действий почти ни одного устава, хотя и вела боевые действия в течение шести лет. По захваченным трофейным документам, показаниям пленных офицеров установлено, что анализ и обобщение боевого опыта в немецко-фашистской армии велась лишь путем издания отдельных памяток и директив. Многие фашистские генералы в своих мемуарах называют одной из причин поражения то, что они и на Востоке воевали по тем же уставным документам, как и на Западе.

Таким образом, война еще раз подтвердила, что даже хорошо разработанная теория сама по себе мало что дает, если ею не овладевают кадры. Кроме этого, требуется развитое оперативно-стратегическое мышление, целый ряд организаторских и волевых качеств, без которых нельзя проявить высокий уровень военного искусства. Не случайно Сталин организаторские способности командного состава относил к постоянно действующим факторам, решающим исход войны.

Но и все сказанное далеко не полно отвечает на вопрос: откуда взялся феномен всепокрушаю-

щей победоносной армии к концу войны. Над этим таинством есть надобность задуматься более основательно, особенно, когда затеваются всякого рода реорганизации и реформы. Главный урок в этой области состоит том, что всякие внешне эффективные преобразования, если они касаются только поверхностных сторон войсковой жизни и не затрагивают внутренних пружин функционирования армейского организма, не меняют суть существующей системы, то эти преобразования мало что дают для повышения качественных параметров боеспособности и боевой готовности Вооруженных Сил.

Сталин в ходе беседы говорил, как об особо важной задаче, о взаимодействии родов войск и подготовке общевойскового командира, способного объединять в своих руках усилия всех родов войск. Конечно, в наше время в общевойсковых училищах готовят уже не пехотного командира (он овладевает там и танками, и артиллерией, и саперным делом), но проблема, например, хорошо отлаженного взаимодействия с авиацией в общевойсковом бою и сегодня остается не до конца решенной.

Есть и другие такие вопросы. Не теряют своего значения и суждения советского лидера об освоении офицерами военного наследия выдающихся полководцев и вообще об обобщении и изучении опыта войны. В том числе еще не початый край работы по исследованию опыта афганской, чеченской войны и других локальных войн и конфликтов послевоенного периода. Беседу свою он заканчивает советом: «Как изучать, описывать опыт? Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подальше держать от этой работы». Последнее пожелание труднее всего приживалось в военно-исторической работе и не только в советское время. Ложь и фальсификация истории войны, дискредитация Великой Победы стали обычным делом в неolibеральной печати, телевидении и в других СМИ. Этому особо удивляться не приходится: поставлена задача — унижить достоинство России, в том числе и историческое — и эти люди исправно отработывают свой хлеб. Но и печать, причисляющая себя к патриотической когорте, не всегда занимает принципиальную позицию. Например, сам Сталин после войны довольно самокритично говорил, что у нашего правительства было немало ошибок, были моменты отчаянного положения. Но в этой же «патриотической печати» об этом сегодня уже невозможно сказать. Вас могут даже оскорбить.

В последние годы выходит много разных книг о войне, формально плюрализм, казалось бы, беспредельный. Но антиросийские писания выходят и распространяются огромными тиражами, а для правдивых, честных книг эти возможности крайне ограничены.

С точки зрения содержательной направленности военно-исторической литературы (даже некоторых

серьезных исследований) больше всего губит дело чрезмерная ангажированность авторов, которые не считаются ни с какой объективной действительностью, ни с какими фактами, аргументами и доказательствами. Обычно в рамках заранее заданных схем, версий из всего многообразия фактов, суждений, высказываний собираются только нужные, подтверждающие точки зрения авторов, а все остальные, в том числе опровергающие их суждения, не только не анализируются, не сопоставляются, даже не упоминаются и просто отбрасываются.

У одних авторов Сталин все делал только правильно и никаких огрехов и ошибок в его деятельности не было. Во всем, в том числе событиях 1941 г. виноваты Тимошенко, Жуков, Павлов и другие должностные лица. Последние объявляются даже предателями и изменниками. Хотя очевидно, что есть за что покрывать и Сталина. И нельзя огульно отвергать любые замечания по поводу его деятельности.

Как уже говорилось выше, после войны Сталин по достоинству оценил значение военных кадров, многое сделал для повышения авторитета офицеров и их жизненного уровня. Но нельзя забывать и о том, как бесцеремонно и жестоко обошлись с командными кадрами перед войной.

Другие, наоборот, во всем клянут сталинизм и не видят ничего светлого в деятельности Сталина или Жукова. Говорят, что победу одержал народ вопреки сталинскому руководству. Народ, который потерпел поражение в Крымской, Русско-японской, в Первой мировой войне, вдруг вздумал победить в 1945 г. Так не бывает. Самый героический, самоотверженный народ без твердого и умелого руководства не может не только победить, но и элементарно организованно действовать. Тем более что вопреки Сталину ничего невозможно было делать, и без его ведома ни один серьезный вопрос не решался.

Подобные архангажированные писания не имеют ничего общего с исторической наукой. Они больше напоминают околосторическое баловство.

Любые исторические события или личности должны изучаться во всей их противоречивой сложности, при строгом соизмерении их меркой и 1941, и 1945 гг.

Как писал К. Симонов в «Зиме сорок первого года»:

*Не чтобы ославить кого,
Пожалуй, и ныне полезно,
А чтобы изведать до дна,
Не выпустив память из рук,
Зима сорок первого года
Той меркой, прямой и железной,
Нам верно меркой дана.
Проверить кого-нибудь вдруг.*

Опыт Великой Отечественной войны, локальных войн, в которых участвовало старшее поколение ветеранов, нужно изучать и осваивать сугубо

критически, творчески, с учетом современных условий, объективно вскрывая ошибки прошлого. Без этого невозможно извлечь должных уроков из опыта прошлых войн, необходимых для армии сегодня и завтра.

Вообще, востребованность новых идей, достижений военной науки и внедрение их в практическую деятельность — это один из главных уроков из прошлого и наиболее острая проблема нашего времени. В этом деле и сегодня важную роль призвана играть наша военная печать. После войны многие военачальники, историки сокрушались по поводу того, что мы неправильно предвидели начальный период войны. Но в 1940 г. по опыту начавшейся Второй мировой войны Г. С. Иссерсон написал книгу «Новые формы борьбы», где убедительно показал, что этот период не будет таким, как в 1914 году. Были и некоторые

другие такие исследования. Однако эти идеи не были замечены и восприняты.

Как сделать, чтобы это не повторилось? В наше время для руководителей особенно важно быть не только ближе к науке, а стоять во главе научных изысканий, быть более доступными к общению с людьми, военными учеными, не спешить отвергать новые идеи. В свое время программу военной реформы М. В. Фрунзе обсуждала вся Красная Армия. Нужен более широкий фронт военного творчества и в наше время.

Только на такой добротной, жизненной основе можно создать рассчитанные на будущее военную идеологию и военную доктрину, которые не только должны быть выработаны и внедрены сверху, их должен воспринять весь личный состав и осознанно проводить в жизнь, как свое кровное дело.

Указания и замечания, сделанные товарищем Сталиным при рассмотрении и подписании им приказа о журналах «Военная мысль» и «Военный вестник» (5 марта 1945 г., время от 22 ч 40 мин по 23 ч 45 мин)¹

О военной идеологии

Товарищ Сталин, рассматривая задачи журнала «Военная мысль», задал вопрос: нужно ли нам ставить задачу разработки вопросов военной идеологии? Не ограничиться ли только вопросами теории? И положительно отвечая на этот вопрос, ставит другой — какая нам нужна военная идеология?

Основные мысли товарища Сталина:

Большевики не против войны, мы не пацифисты, мы за справедливые войны, против захватнических, империалистических. Армия должна иметь военную идеологию. Мы начали войну, по существу, не имея военной идеологии. У нас был лозунг: чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Это, в сущности, оборонческая идеология. Это идеология гражданского лица. Армия должна не только обороняться, она должна наступать, защищать интересы государства всеми способами. Такую идеологию мы создали во время войны. Теперь у нас есть своя военная идеология.

Затем товарищ Сталин сравнивает немецкую военную идеологию с французской:

Немцы создали военную идеологию нападения, идеологию наступательной войны, захвата, идеологию борьбы за мировое господство. Эта идеология им сильно помогала в войне. Но она была односторонней и привела их к краху.

Идеология обороны при одностороннем ее развитии ведет к предпочтению пассивных методов войны, к строительству линий Мажино и т.п. А в войне линия Мажино была расстреляна, не оправдала себя. Одной обороной войну выиграть нельзя.

Нам нужна идеология готовности не только к обороне, но и к наступлению. Наша армия должна уметь защищать любые интересы нашего государства всеми способами. Эти мысли товарищ Сталин в беседе повторил несколько раз.

О взаимодействии родов войск и о подготовке общевойскового командира

Товарищ Сталин лично вписал в приказ в качестве задачи журнала «Военная мысль» «разработку вопросов взаимодействия родов войск и подготовки общевойсковых командиров». При этом он высказал следующие мысли:

Современный бой и современная операция основаны на взаимодействии всех родов войск. Не может ныне один род войск решить все задачи в бою. Общевойсковой начальник должен хорошо знать все рода войск — и артиллерию, и танки, и авиацию, и инженерное дело. Общевойсковой начальник — это не

¹ Историко-архивный отдел Генштаба. Фонд 19, опись 653, дело № 1, С. 86–89.

пехотный командир. Это командир, который объединяет и руководит всеми родами войск. И в прошлом все великие полководцы очень внимательно изучали военную технику, инженерное дело. Общевоинской начальник должен быть хорошо подготовленным в военно-техническом отношении. Он должен уметь правильно и грамотно поставить задачи начальником родов войск, критически воспринимать их доклады и давать им авторитетные указания и замечания. Товарищ Сталин очень нелестно отозвался о тех крупных военачальниках, которые не разбираются в калибрах артиллерии и для которых авиация — это просто самолеты без различия их технических и тактических особенностей. Товарищ Сталин подчеркнул, что нам нужно создавать, воспитывать общевоинского начальника нового современного типа. До сих пор наши командиры изучали отдельно тактику, артиллерию, танки, инженерное дело и т.п. Задача заключается в том, чтобы правильно связать эти отрасли подготовки так, чтобы основная подготовка нашего командира проходила, как подготовка общевоинского начальника, который на основе крепких знаний всех родов войск способен грамотно и умело организовать их взаимодействие в бою. Товарищ Сталин несколько раз подчеркнул мысль, что общевоинской начальник должен хорошо знать все рода войск и умело, не формально организовывать их взаимодействие.

О подготовке наших кадров

Самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне, — указал товарищ Сталин, — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию, и это важнее многих других приобретений. В войне сформировались хорошие кадры, и эти кадры сейчас обладают большим опытом, большей практикой. Нужно помочь им расширить кругозор, нужно подкрепить их теорией, помочь им осмыслить теоретически их большой практический опыт.

О разработке теоретического и практического наследства выдающихся русских полководцев и военных деятелей

Задачу расширения кругозора наших кадров товарищ Сталин связал с задачей разработки теоретического наследства наших выдающихся полководцев. Для военных людей, — отметил он, — является провалом то, что наши офицеры знакомятся с выдающимися русскими полководцами из книг гражданских людей. Почему, — задал он вопрос, — никто из серьезных военных работников не занимается разработкой деятельности таких полководцев, как Петр I, Румянцев, Суворов, Кутузов, Брусилов. Ввиду того, что деятельность этих полководцев у нас по-настоящему еще не разработана, много есть неправильного в их оценке. О Кутузове, например, до сих пор многие говорят и пишут, как о полководце, стоящем ниже Суворова, в то время как Кутузов командовал армией большей, чем Суворов, решал неизмеримо более сложные политические и стратегические задачи, успешно вел борьбу с более сильным противником. Теоретическое и практическое значение деятельности Кутузова много глубже и ценней, и стратегия его много умнее, чем составилось мнение в литературе. Нужно разбить ходячее мнение о том, что кутузовская стратегия была пассивной, что он был способен только отступать и хитрить. Стратегия Кутузова была умной, величественной, государственной. Товарищ Сталин оценил Румянцева, Петра, Суворова и Кутузова как основоположников русского военного искусства. Практическое и теоретическое наследие их и Брусилова должно быть глубоко разработано. Для этого нужны серьезные статьи в «Военной мысли», книги и брошюры.

О воспитании наших кадров

У нас хорошие кадры, много героев. Нужно этих героев и дела их показать народу. На делах этих героев нужно воспитывать наших людей. Недостаточно напечатать портрет героя и корреспонденцию о нем в газете. Нужно создавать брошюры для солдат и сержантов. Нужно создать библиотечку для них о наших выдающихся офицерах-героях, командирах рот, батальонов и полков, где написать биографии их и описать их боевые дела и боевой опыт. Это должна делать и «Красная звезда». Она должна создавать свою библиотечку. Кадры надо воспитывать, — несколько раз подчеркнул товарищ Сталин. Нельзя одними приказами людей кормить. Надо что-нибудь сочное давать. Не нужно излишнего восхваления только. Дела сами за себя будут говорить.

Об изучении опыта войны

Мы получили огромный военный опыт, такой опыт, которого нигде нет. К этому опыту приковано внимание всего мира. Мы сидим на золоте нашего опыта, но порой его лучше и скорее изучают за рубежом. Нужно развернуть глубокое изучение нашего опыта в большом и малом масштабе. На этой работе вокруг нашего журнала «Военная мысль» и газеты «Красная звезда» будут собираться люди, организовываться. Нужно привлечь к изучению опыта внимание наших людей.

Как изучать, описывать опыт? Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подалеже держать от этой работы.

Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы

Ю. А. Никифоров*

Чрез неделю после празднования очередного Дня Победы, 15 мая 2009 г., Президент России Д. А. Медведев подписал Указ о создании комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России¹. Этот Указ выражает давно назревшую необходимость борьбы с «переписыванием» отечественной истории, которое за последние два десятилетия приобрело немалый размах. Создание Комиссии не в последнюю очередь связано с непрекращающимся потоком недостоверных публикаций о Великой Отечественной войне, история которой в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти. Образ войны и Победы в современной России остается символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к постоянно повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в истории XX века.

Вместе с тем, Указ имеет и более глубокий смысл: он заставляет задуматься над природой и функциями исторического знания.

Прежде всего, следует осознать, что если мы говорим о фальсификации истории, то этот разговор имеет смысл лишь в том случае, если мы считаем историю наукой, способной получить истинное знание о прошлых событиях.

Научное познание стремится к получению знания, дающего нам адекватное представление об окружающем мире. Когда химики говорят, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, они убеждены, что это действительно так, и могут обосновать свои утверждения. Историки,

как и представители любой другой науки, стремятся высказывать истинные утверждения о прошлой реальности и так же способны обосновать свои утверждения. Что из того, что эта реальность недоступна непосредственному наблюдению или эксперименту? В конце концов, и астрономы судят о свойствах звезд и далеких галактик только на основе доходящего до Земли света. В распоряжении же историков имеются материальные следы прошедших эпох, вполне доступные для наблюдения и анализа.

Безусловно, существуют определенные границы при реконструкции прошлого, поскольку в распоряжении историка никогда не будет достаточного количества эмпирических свидетельств (источников), что делает неизбежной неполноту любых исторических описаний. Тем не менее, наука вырабатывает все более совершенный методологический аппарат критики исторических источников, который позволяет воссоздавать все более многогранную и объективную картину прошлого.

Разница между естественными науками и историей проявляется, главным образом, при изложении результатов научного исследования. В отличие от естествоиспытателя, констатирующего факты, формулирующего законы или описывающего некий процесс, используя общепризнанный язык своей научной дисциплины, историк описывает события, связанные, главным образом, с деятельностью людей. Поскольку человеческая деятельность интенциональна, т. е. направляется идеями, целями, желаниями, историк не может ограничиться только описанием внешней физической активности, — он вынужден стремиться понять и реконструировать мотивы, которыми руководствовались его герои. Представление о мотивах и целях оказывается неизбежно включено в установление причинно-следственных связей между событиями, и оказывает су-

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

■

щественное влияние на отбор фактов, включаемых в историческое повествование. При осуществлении этих процедур неизбежно проявляются мировоззренческие, национальные, социальные предпочтения историка, придающие его повествованию эмоциональную окраску и определенную идеологическую нагруженность. В результатах представителей естественных наук нет личности ученого: в законах классической механики нет личности Ньютона, в уравнениях электродинамики — личности Максвелла, в законах генетики — личности Менделя. Сочинения же историков всегда идеологически (в самом широком смысле) нагружены, и историк никогда не может быть полностью беспристрастным.

Осознание этого обстоятельства привело со второй половины XX в. к распространению в западной философии и методологии истории рассмотрения ее как некоей разновидности литературного творчества. С данной точки зрения, историк «творит историю», создает рассказ о прошлых событиях и может строить этот рассказ в жанре трагедии, комедии, сатиры и т. п. Этот подход к истории стал весьма распространенным в западной историографии с момента выхода в свет монографии Хейдена Уайта «Метаистория» (1973 г.). Отождествление истории с литературой снимает вопрос о фальсификации: каждый историк волен создавать свой образ прошлого, и мы не имеем права требовать от него объективности или правдоподобности.

Таким образом, вопрос стоит так: либо мы считаем историю наукой, и тогда имеет смысл говорить о фальсификации истории, либо же мы считаем историю жанром литературы — тогда ни о какой фальсификации речи быть не может. Поэтому выработка и осмысление критериев научности и объективности в историческом познании, которые позволили бы отличить добросовестные исследования от подделок, приобретают важнейшее значение. Вторым выводом, который можно сделать, касается терминологии: «фальсификация истории», «фальсификатор» — это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Это — термины, которые должны иметь достаточно определенное содержание.

Указ Президента России от 15 мая 2009 г., очевидно, исходит из того, что целью исторической науки является дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, и историки располагают необходимым инструментарием для создания его правдивого описания. Несмотря на то, что труд историка связан с необходимостью литературного изложения, нельзя абсолютизировать эту сторону исторических сочинений. В конце концов, и теорию биологической эволюции, и теорию происхождения Вселенной можно излагать как комедию или драму. Суть дела не сводится к форме изложения, важно содержание повествования. И если естествознание претендует на получение и изложение истинного знания

о мире и обладает методами получения этого знания, то и история с самого начала своего возникновения претендовала на истинное описание прошлого и выработала методы получения такого знания. История является, прежде всего, наукой, и противодействие фальсификации истории должно рассматриваться в русле той борьбы, которую ведет Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук. Организованная при Президиуме Российской академии наук в 1998 г. под председательством академика Э. П. Крулякова, комиссия разоблачает многочисленных шарлатанов, которые, пользуясь невежеством и доверчивостью государственных чиновников и населения, выкачивают средства из госбюджета и обирают людей, обещая им создание новых технологий или предлагая средства исцеления от всех болезней, — т. е., в основном, занята разоблачением лжеученых в области физики, биологии и медицины². Несомненно, способы излечения различных заболеваний и медицинские приемы, навязываемые населению с помощью средств массовой информации и недобросовестной рекламы, способны причинить здоровью людей огромный вред. Однако не менее, а возможно, и более опасны для общества шарлатаны, подвизающиеся в сфере общественных наук. Воздействие на сознание и память людей в этой сфере осуществляется не столько с корыстными целями, как это в большинстве случаев происходит в области техники и медицины, но стимулируется определенными политическими интересами. В области истории фальсификации могут преследовать цели разрушения исторической памяти, подрыва национальной идентичности, внушения таких представлений о прошлом, которые позволят тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем.

Можно предположить, что псевдонаучные построения в области истории должны иметь ряд сходных черт с приемами фальсификации в других областях научного знания, техники и медицине. И действительно, уже в первом приближении можно заметить несколько существенных общих признаков.

Во-первых, чаще всего подобные работы написаны научно-популярным языком, а их авторы, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремятся уйти от внутрицеховой полемики и апеллируют к массовому читателю, преподнося свое сочинение как раскрытие очередной «тайны» истории. Как правило, в них сообщаются малоизвестные или вовсе неизвестные широкой публике исторические факты, что придает этим трудам необходимую респектабельность. В то же время для критики общепринятых научных концепций здесь используются не столько научные, сколько идеологические аргументы. Общим местом является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» развитию новых актуальных и перспективных

научных направлений. Эта идея неизменно присутствует в построениях «альтернативных» историков, обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и пафосно обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории. Учитывая то, что в недавнем прошлом историческая наука действительно находилась под идеологическим надзором, подобные выпады укрепляют доверие читателей к содержанию таких работ.

Способы сокрытия правды могут представляться по-разному: А. Фоменко, например, апеллирует к заговору против «русской истории» западноевропейцев. Мурад Аджи (Аджиев) — к заговору европейцев против «тюрок-степняков», результатом которого стало целенаправленное уничтожение в течение столетий исторической памяти о великой цивилизации тюрок и их государстве Дешт-и-Кипчак. Обличая российскую академическую науку, М. Аджи утверждает, что «официальным историкам» по идеологическим причинам запрещалось в своих работах называть тюрок тюрками, поэтому они использовали эвфемизм «скифы»³. Аналогичным образом В. Суворов-Резун и его последователи обличают «коммунистических» и современных российских «казенных» историков, которые якобы «душат и топят слишком любознательных исследователей» и «скрывают от народа его собственную историю»⁴.

Характерной также является реакция этих авторов на критику в свой адрес. А. Фоменко и Г. Носовский, приводя в одной из своих книг перечень рецензий и откликов на свои работы, снабжают их краткими комментариями вроде: «доброжелательная статья, верно излагающая суть проблемы», либо же: «статья отрицательная, содержательных аргументов нет, одни эмоции, стиль развязный» и т. п.⁵. Poleмика с оппонентами по существу, таким образом, отсутствует. Между тем, критики «новой хронологии» в целом ряде работ продемонстрировали ошибочность астрономических расчетов Фоменко, на конкретных примерах анализа летописных текстов показали нелепость предложенной им методики выявления статистически зависимых текстов, уличили в невежестве по целому ряду сюжетов отечественной и мировой истории⁶. В ответ со стороны «фоменковцев» раздается: «никаких содержательных аргументов нет», «повода отвергать новую хронологию нет» и т. п. утверждения, рассчитанные, как представляется, в первую очередь на собственную паству: спокойно, мол, официальная наука ничего противопоставить нам не может.

Таким же образом реагируют на критику «резунисты». Ю. Цурганов, напечатавший в поддержку В. Суворова несколько статей в журнале «Посев», например, пишет: «В 2002 г. издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо... Это очередная попытка опровергнуть концепцию о под-

готовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологический — «книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе главный критик — Габриэль Городецкий. ...Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо — бездарно... Читать тяжело и неприятно. Второе — мелочность придирок»⁷.

Критиками Суворова была показана ущербность его аргументации, основанной на подлогах, нарушении логики и банальном невежестве⁸. Соответственно, изложенная в «Ледоколе» и «Дне М» альтернативная традиционной «версия» происхождения Второй мировой войны отвергнута как несостоятельная. В ответ популяризаторы Суворова твердят об «идеологизированности» и «мелочности придирок», настаивая, что «официальным» историкам не удалось ничего им противопоставить.

Такая позиция делает невозможной какой-либо продуктивный диалог между историками и авторами «альтернативных» концепций, поскольку основные усилия фоменковцев и резунистов направлены вовсе не на споры по существу, а на дискредитацию своих оппонентов как ангажированных «официальной идеологией» или прямо находящихся «на службе» у государства. Аргументы против их теорий представляются публике, таким образом, не просто как ложные, а как лживые и мошеннические.

Кроме того, бросается в глаза выраженное стремление переложить бремя доказательств на оппонентов. Отвечая критикам «новой хронологии», отвергающим предлагаемые А. Фоменко датировки исторических событий, его сторонники требуют от оппонентов дать развернутое описание того, каким образом получены общепринятые датировки. Со стороны резунистов также постоянно раздаются призывы к историкам доказать, что Сталин не готовил нападение на Германию: пока, мол, они этого не сделали, правота Суворова остается непоколебимой.

Как представляется, использование вышеописанных приемов — представление оппонентов некоей теории людьми заведомо необъективными, сочетаемое со стремлением на них же переложить бремя доказательства, — уже является достаточным основанием для того, чтобы признать ее ненаучной. Об этом же свидетельствует то бросающееся в глаза обстоятельство, что авторы и защитники псевдонаучных концепций избегают их обсуждения в научных журналах или на научных конференциях. Они обращаются к широкой публике, которой, конечно, трудно разобраться в обрушиваемом на нее ворохе фактов, цифр, статистических данных и т. п. Поэтому эти концепции могут пользоваться широкой популярностью, раздуваемой средствами массовой информации, в то время как профессиональные историки относятся к ним с пренебрежением и иронией.

Все науки прогрессируют в процессе своего развития. Прогресс научных знаний — одно из наиболее ярких и несомненных проявлений развития человечества. С течением времени та или иная область науки дает нам все более полное и точное знание об изучаемом фрагменте реальности. Но научный прогресс означает, что всякая следующая ступень в развитии той или иной дисциплины опирается на предшествующие достижения. Научное знание увеличивается, накапливается с течением времени. Новые теории, концепции не уничтожают прежнего знания, они его перерабатывают, уточняют, устанавливают сферу его применимости и верности. Даже научные революции, связанные с кардинальным пересмотром прежних представлений, не отбрасывают достижений прошлого. Теория относительности и квантовая механика не отбросили классическую механику, а лишь показали ее ограниченный характер. Химия Лавуазье, электродинамика Максвелла, теория эволюции Дарвина — все они выросли на материале предшествующих теорий, полученных ими результатов, и ассимилировали эти результаты. Преемственность в развитии научного знания нашла выражение в известном принципе соответствия Н. Бора, получившем статус общеметодологического принципа: новая теория, гипотеза, идея должна согласоваться с фундаментальными результатами прежних теорий.

Это имеет прямое отношение к историческому знанию. Новые идеи и открытия не могут существенно изменить картину прошлого, сложившуюся в результате развития исторической науки. Если же новая историческая концепция кардинально противоречит общепринятым представлениям, она лежит вне науки. Поэтому когда автор исторического сочинения обещает нам очередной «принципиально новый» взгляд на события прошлого, можно с уверенностью сказать: перед нами — псевдонаучное мифотворчество.

В то же время термин «фальсификация» несет дополнительную смысловую нагрузку: говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному описанию прошлого. Для фальсификатора главными оказываются вненаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

Методология исторического познания указывает на большие трудности и проблемы, имеющиеся как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззрения историка). Спекулирование на этих трудностях

и проблемах порождает множество возможностей для возникновения псевдонаучных теорий (фальсификации).

Во-первых, воспользовавшись неполнотой эмпирических сведений о прошлом, можно предложить некоторую общую гипотезу, объясняющую систематическое отсутствие сведений о том или ином периоде истории, а затем, опираясь на некоторые другие источники, перетолковать тот или иной отрезок истории в нужном ключе. Другая возможность заключается в переинтерпретации некоторых известных исторических сведений (переустановлении исторических фактов) и в построении на этом основании альтернативных версий объяснения тех или иных событий и процессов. Наконец, третья возможность — выдвинуть некоторую умозрительную гипотезу, на основании которой произвести перетолкование всего эмпирического исторического материала.

С точки зрения историков, придерживающихся существующей научной традиции, эти способы будут основываться на результатах некорректной работы с источниками. В первом случае производится отбор подходящих свидетельств, вместо того чтобы учитывать всю их совокупность. Во втором случае будет осуществляться искажение и подтасовка исторических фактов (будут выбираться либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретации сведений, содержащихся в исторических источниках). В третьем случае опора на источники вообще может отсутствовать, поскольку переистолкованию будет подвергаться тот или иной отрезок истории в целом. Конечно, отдельные цитаты или факты из источников могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новой версии или теории, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер. При этом, в зависимости от предмета рассмотрения, могут быть использованы различные сочетания методологических нарушений, в том числе и не упомянутых нами.

Анализ попыток «переосмысления» истории Великой Отечественной войны приводит к выводу, что чаще всего оно оказывается возможным лишь за счет игнорирования или даже демонстративного отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования, соответствующих тем критериями научности, которые выработаны сообществом историков и философов науки.

Так, в исторической науке выработаны и постоянно совершенствуются методы критики исторических свидетельств, и критическое отношение к источникам — необходимая предпосылка любого претендующего на научность исторического построения. Однако, что касается многих современных авторов, то предлагаемые ими объяснения и интерпретации основаны на использовании источников, аутентичность которых либо крайне сомнительна, либо это — прямые подлоги. В частности, это относится к так называемому тексту речи Сталина

на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., которому некоторые авторы пытались придать статус «решающего доказательства» в пользу тезиса о виновности Советского Союза в развязывании Второй мировой войны⁹. Еще один пример — внедрение в общественное сознание мифа о сотрудничестве НКВД и гестапо перед войной в целях борьбы с «мировым еврейством», осуществляемое путем публикации очевидных фальшивок, подаваемых как «совершенно секретные» документы, якобы до сих пор скрываемые «официальными» историками в недрах архивов¹⁰.

Еще одним приемом фальсификации можно считать выстраивание ложных причинно-следственных связей путем произвольного вырывания каких-то фактов из сложного исторического контекста. Например, приписывание советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. решающего значения с точки зрения обстоятельств развязывания Второй мировой войны основано на рассмотрении факта его подписания не как одного из звеньев причинно-следственной цепи, а изолированно, вне связи с Мюнхенскими соглашениями 1938 г. и другими предшествующими событиями. Произвольно разрывая ткань исторического повествования, непосредственное изложение обстоятельств развязывания Второй мировой войны начинают с 1939 г.; события предшествующего периода, в первую очередь Мюнхенский сговор, опускаются. В результате в общественном сознании утверждается мысль об отсутствии связи между Мюнхенскими соглашениями и началом Второй мировой войны.

К числу способов фальсификации следует также отнести введение без должного научного обоснования новых понятий. Например, в современной российской исторической литературе происходит постепенное утверждение термина «Ржевская битва» для обозначения сражений 1942–1943 гг., которые вели войска Западного и Калининского фронтов против немецкой группы армий «Центр». Собственно, с художественной точки зрения можно образно назвать битвой и столкновение двух взводов. Однако в последнее время усилиями ряда авторов сражениям в районе Ржевского выступа приписывается самостоятельное значение, предпринимаются попытки отделить «Ржевскую битву» от Московской и Сталинградской и поставить ее в один ряд с ними. Наиболее последовательно данная точка зрения высказывается региональными исследователями, краеведами г. Ржева — Кондратьевым и Герасимовой. Их старания ведут к тому, что постепенно термин Ржевская битва закрепляется в общественном сознании и входит составной частью в военно-исторические исследования, о чем свидетельствует создание тематической экспозиции в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, появление статей в интернет-энциклопедиях, создание документальных фильмов, в основу сценария которых положено соответствующее осмысление темы (показанный 23 февраля 2009 г. фильм А. Пивоварова, вызвавший оживленную дис-

куссию в СМИ). Внедрение термина Ржевская битва происходит без полемики на военно-теоретическом уровне, где понятия «битва», «сражение», «бой» имеют вполне определенный смысл, и решает, как представляется, исключительно идеологические задачи: навязать общественному сознанию образ «Ржевской мясорубки» как символа бездарности советского командования и его пренебрежения к сбережению жизни солдат, единственной битвы Великой Отечественной войны, в которой Красная Армия якобы не смогла одержать решительной победы.

Помимо вышеизложенного, можно обратить внимание на манипуляции вокруг исторического значения отдельных событий или личностей. Примером является современная историографическая судьба генерала А. Власова, который, вопреки своей реальной роли марионетки спецслужб Третьего рейха, усилиями ряда публицистов и историков из третьестепенной фигуры сегодня чуть ли не превращен в одного из ведущих деятелей российской истории XX века. Авторы учебников и пособий считают необходимым помещать рассказы о Власове (и его фотографии) наряду с рассказами о Ленине, Сталине, Жукове и т. д. В частности, материалы о Власове представлены среди биографий «людей, внесших заметный вклад в историю своей страны», в учебном пособии М. Н. Черновой «Люди и судьбы. Россия — XX век». Собственно, история Великой Отечественной войны в этом пособии представлена всего двумя биографическими очерками — Г. К. Жукова и Власова (биографии Сталина, Ворошилова и Буденного включены в него вне связи с войной). При этом характерно, что история Власова и его «армии» подается здесь в русле современных ревизионистских представлений: рассматривая «сталинизм как наипугающее, что было за всю российскую историю», Власов в борьбе с этим игром «решил использовать немцев»¹¹.

Широкие возможности для выдвигания псевдонаучных версий скрываются за попытками свести объяснение к субъективному фактору — намерениям, замыслам, мотивам отдельных лиц, — поскольку таят опасность подмены объяснения суждениями оценочного характера. Приписав историческому деятелю некоторую совокупность личностных черт (и, соответственно, определив свое, положительное или отрицательное, к ним отношение), фальсификатор начинает выстраивать на этой основе объяснение мотивов тех или иных его действий или поступков. Затем эти психические феномены: намерения, чувства, эмоциональные переживания — вставляются в описание реально происходившей в физическом мире цепочки событий. Например, И. В. Сталину приписываются некоторые намерения, а затем, исходя из них, как из факта, выстраиваются фантастические причинно-следственные связи. Именно так выглядит ситуация с теми публицистами, кто считает возможным обвинять советское руководство в сознательном содействии развязыванию Второй мировой войны

исходя из желания «раздуть революционный пожар в Европе», или же пытается обосновать тезис о подготовке Советским Союзом нападения на Германию на основе общих рассуждений о верности И. В. Сталина «ленинскому завету» сокрушить капитализм военным путем¹².

Наконец, в этом же ряду следует рассматривать ведущуюся с конца 1980-х гг. кампанию по «демифологизации» истории, целью которой является подрыв символов социальной памяти. Примером может служить попытка поставить под сомнение достоверность ряда хрестоматийных фактов, в первую очередь связанных с подвигами Н. Гастелло, З. Космодемьянской, 28-ми героев-панфиловцев, А. Матросова и др. Так, в ходе поисков места предполагаемой гибели экипажа Н. Ф. Гастелло было высказано предположение, что известный всем подвиг совершил экипаж другого бомбардировщика под командованием капитана Маслова, чья могила была обнаружена на месте знаменитого «огненного тарана». С точки зрения историка, это не может служить основанием для того, чтобы поставить под сомнение каноническую версию¹³. Но это и не главное. История существует как бы в двух измерениях: с одной стороны, как некое объективное знание о прошлом, добыванием которого занимаются профессионалы-историки, и с другой стороны — как память народа, коллективный миф, в котором воплощаются народные идеалы и представления о высоком и низком, прекрасном и безобразном, героическом и трагическом. Существование такого мифа нисколько не противоречит тому, что можно назвать «правдой истории». С точки зрения народной памяти, не имеет серьезного значения, чей именно самолет разбился на шоссе под Минском 26 июня 1941 г. Сохраняя в своей памяти подвиг Гастелло и его экипажа, мы чтим в его лице десятки, сотни подлинных героев войны, чьи имена нам, быть может, и неизвестны. С этой точки зрения миф о подвиге Гастелло — правда более высокого уровня, чем правда отдельно взятого факта.

«Горькая» правда, которой непременно потчуют обывателя накануне и в дни празднования 9 Мая, в течение уже ряда лет непременно подразумевает рассказы о «зверствах» советских военнослужащих в побежденной Германии. Сам факт того, что военнослужащими советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны, преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Мы постоянно сталкиваемся с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной Армии, благодаря чему создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей — чуть ли характерная черта

поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылками на искалеченные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводится один, два, три, десять почерпнутых из источников фактов. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение в первую очередь советских военнослужащих? Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию американской армии также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. Конечно, общей картины составить нельзя: имеющиеся в литературе данные фрагментарны, однако при должном рвении можно подобрать несколько криминальных эпизодов с участием американских военных и нарисовать для обывателя ужасающую картину вакханалии насилия, захлестнувшей американскую зону оккупации. В добросовестном историческом исследовании использование такого метода противопоказано, а в пропаганде — почему бы и нет?

На основе «клиповой» подборки образов современные русофобствующие идеологи делают выводы, лживые от начала и до конца. Известный публицист М. Солонин, например, заявляет: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад»¹⁴. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными доказательствами: таких документов нет. Напротив, существуют другие документы за подписью Сталина: например, директива Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г., в которой содержался приказ «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что наряду с разъяснительной работой в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности. Добросовестный ученый мог бы сравнить, сопоставить содержание приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат вермахта к советским людям, и приказы советского командования. Но это, по-видимому, «солониным» неинтересно.

Признание научного результата научным сообществом (как в физике, так и в истории) является важным показателем его корректности

и обоснованности. Наука — саморегулирующаяся система, и любая подделка рано или поздно будет разоблачена. Историки и астрономы достаточно быстро показали несостоятельность «новой хронологии» А. Фоменко, основанной на примитивном подлоге — произвольной выборке всего 8 звезд из 1022, чьи координаты приведены в каталоге Птолемея «Альмагест»¹⁵. Специалисты полагают, что Фоменко первоначально отобрал именно те звезды, широты (угловые расстояния от небесного экватора) которых, измеренные в древности недостаточно точно, позволяли построить теорию о более позднем создании каталога, а затем придумал обоснования для исключения из рассмотрения остальных¹⁶. Аналогичным образом обстояло дело с наиболее ярким фальсификаторским проектом в области истории Второй мировой войны — «версией» В. Суворова-Резуна: историки взвесили его аргументы и признали их ничего не стоящими.

Именно поэтому зубодробительная и громкая критика «казенной» или «официальной» науки оказывается необходимой составной частью любой псевдонаучной концепции, не имеющей возможности конкурировать со специалистами в рамках общепринятого в науке дискурса. Нетрудно заметить, что основные усилия сторонников «альтернативных» версий истории носят своего рода маркетинговый характер, т. е. направлены на продвижение и пропаганду своих идей в средствах массовой информации, поскольку доступ на страницы рецензируемых научных журналов или в академические конференц-залы для них сопряжен со значительными трудностями или попросту закрыт.

«Переосмысление» истории Второй мировой войны в настоящее время существует главным образом как проект, реализуемый средствами, характерными для пропаганды или рекламного бизнеса. Ярким примером может служить издание сборника документов под названием «Фашистский меч ковался в СССР»¹⁷. Несмотря на усилия авторов предисловия, Ю. Дьякова и Т. Бушуевой, обвинить «сталинизм» в ремилитаризации Германии, содержание сборника никоим образом не соответствует его названию; более того, непредвзятый анализ собранных там документов приводит к совершенно противоположному выводу — немецкие специалисты в 1920-х гг. помогли создать в нашей стране базу для танковой и авиационной промышленности¹⁸. Материалов же, указывающих на содействие Советского Союза Гитлеру и НСДАП, в книге вообще нет. Это не мешает «резунистам», однако, регулярно ссылаться на материалы этого сборника для придания убедительности идее о том, что Сталин содействовал приходу «ледокола революции» — Гитлера — к власти и развязыванию им Второй мировой войны. Расчет, очевидно, строится на том, что большинство читателей не станут разыскивать изданный довольно давно сборник и удовлетворятся «говорящим» названием.

После того, как «ледокольная» концепция была отвергнута научным сообществом, а авторитет «бренда» В. Суворова в глазах читающей публики был в значительной степени поколеблен, внедрение ее в общественное сознание осуществлялось путем «клонирования», а именно публикации сочинений, авторы которых (В. Бешанов, М. Солонин, В. Кольковский, В. Плешаков) повторяли и развивали основные «идеи» В. Суворова. В результате как сам Резун-Суворов, так и его популяризаторы (например, Д. Хмельницкий) в настоящее время имеют возможность заявлять, что «независимых» историков, способных «непредвзято» взглянуть на историю войны, становится в России все больше, а взгляды «а-ля Суворов» получают все более широкое признание в научном мире. Аналогичную задачу решает издательский проект ООО «Яуза-пресс», в рамках которого опубликована серия книг под общим названием «Правда Виктора Суворова» («Правда Виктора Суворова-1», «Правда Виктора Суворова-2» и т. д.), включающих наряду с апологетической публицистикой ряд статей российских и зарубежных историков (написанных в разное время и попросту перепечатанных здесь), материалы которых могут якобы подтвердить правоту Резуна. С другой стороны, публикуется серия книг под названием «Неправда Виктора Суворова», где представлены работы его критиков. Таким образом, создается впечатление, что «дискуссия продолжается», и вокруг выдвинутых Резуном тезисов до сих пор ведется научная полемика; между тем борьба ведется исключительно в сфере общественного сознания — за влияние на умы далеких от исторической науки людей, в первую очередь молодежи.

Постоянные претензии ревизионистов к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патристическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в атмосфере «нарастающей волны лжи»¹⁹ являются составной частью этой борьбы. Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

Поэтому историки, популяризаторы науки, публицисты должны поставить преграду на пути потока лжи о нашем прошлом — потока, который вот уже два десятилетия изливают на людей средства массовой информации. Перед профессиональными историками и методологами истории стоит задача выработки четких критериев научности, которые помогли бы людям отличить добросовестную работу историка от фальшивки, сочиненной сторонником очередной «нетрадиционной версии» и, в конечном счете, отстаивать за историей статус науки, не позволив средствам массовой информации создать в обществе обратное впечатление.

- ¹ http://text.document.kremlin.ru/SESSION/S__hSOZQkat/PILOT/main.html
- ² См.: В защиту науки; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука, 2006–2009. Бюллетень № 1–5.
- ³ Аджи (Аджиев) М. Европа, тюрки, Великая степь. М., 1998. С. 128–129.
- ⁴ Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2009. С. 17.
- ⁵ Носовский Г., Фоменко А. Библейская Русь. Русско-ордынская империя и Библия. В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 570.
- ⁶ См., напр.: Володихин Д. М. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005. С. 12–104.
- ⁷ Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 67–68.
- ⁸ Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2002; Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Исаев А. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004; Суворов В. Ледокол 2. М., 2003; Веселов В. Новый антиСуворов. М., 2009; Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008; и др.
- ⁹ См.: Случ С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.
- ¹⁰ См.: Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. 2-е изд. М., 2008. С. 20–25.
- ¹¹ Подробнее см.: Никифоров Ю. А. Лавровая петля генерал-лейтенанта А. Власова // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 3–7.
- ¹² См, напр., критику тезисов С. З. Случа германским историком Б. Бонвечем в предисловии к сборнику документов «Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941» (М., 2009. С. 17). «Тезисы подобных авторов (т. е., С. З. Случа. — Ю. Н.) представляют собой никоим образом не обязательную модель интерпретации мышления и побудительных мотивов Сталина. — Пишет Б. Бонвеч. — Отдельные его действия подгоняются исследователями под эту модель. Из самих же действий модель никак не явствует».
- ¹³ См.: Бабусенко Г. Д. Гастелло и Маслов: новое об известном // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 1. Минск, 1999. С. 8–19.
- ¹⁴ Солонин М. Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. <http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat>
- ¹⁵ См.: Астрономия против «новой хронологии». М., 2001.
- ¹⁶ Ефремов Ю. Н. Календарь, хронология и лженаука // В защиту науки. М., 2007. Бюлл. № 2. С. 108.
- ¹⁷ Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.
- ¹⁸ См., напр.: Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии — кто ковал советский меч? // Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008. С. 220–304; Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. Гл. 1. С. 9–42.
- ¹⁹ Эта позиция регулярно озвучивается на страницах журнала «Посев», см.: Цурганов Ю. Как читать постсоветских историков? // Посев. 2004. № 6; См. также: Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008.

Сталин–Рузвельт–Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет

В. О. Печатнов*

О взаимоотношениях лидеров антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны существует много мемуаров и других источников, среди которых важнейшее место занимает их знаменитая переписка военных лет. Тем не менее, эта большая и сложная тема далеко не исчерпана и именно переписка открывает новые возможности для её дополнительного изучения. Дело в том, что до сих пор сравнительно мало известно о том, как реально писались и воспринимались эти послания, за исключением переписки Ф. Рузвельта с У. Черчиллем, подробно исследованной и откомментированной известным американским историком Второй мировой войны У. Кимбэллом¹. Две другие стороны этого эпистолярного треугольника: Сталин–Рузвельт и Сталин–Черчилль — ещё только начинают изучаться историками². Хотя сами тексты посланий давно известны и часто цитируются, знание подоплёки переписки помогает лучше понять их зачастую скрытый смысл и тем самым обогащает наши представления об подлинных отношениях внутри «большой тройки».

Основные контуры этих отношений изучены достаточно хорошо, но здесь важны даже самые, казалось бы, незначительные детали и полутона, ибо в таком тонком и ответственном деле, как трехсторонняя дипломатия на высшем уровне, и они приобретали серьёзное политическое значение. Переписка «большой тройки» в этом смысле вообще уникальна: пожалуй, во всей истории дипломатии не найти ей аналога ни по значению, ни по формату, ни по калибру и исторической роли самих корреспондентов. Переписка стала для них главным каналом связи, обеспечивающим прямой личный контакт в критическое для судеб всего мира военное время. В её ходе лидеры не только информировали друг друга, но и согласовывали по-

зиции, отстаивали интересы своих стран, ведя порой острую полемику.

Специфика этого треугольника была ещё и в том, что он не был «равнобедренным», поскольку Рузвельт и Черчилль находились в гораздо более тесных отношениях между собой, чем со Сталиным. Их двусторонняя переписка (почти две тысячи посланий за 1939–1945 гг.) в два с лишним раза превышает их переписку с советским лидером, они намного чаще встречались в годы войны и поддерживали связь по телефону, не говоря уже об англо-американской солидарности по большинству вопросов союзной дипломатии. Неравной была и степень осведомлённости членов «тройки» о действиях партнёров: если Рузвельт и Черчилль постоянно держали друг друга в курсе своей переписки с Кремлём, то о содержании их переписки между собой Сталин мог лишь догадываться или полагаться в этом отношении на работу своей разведки. Эта асимметрия ставила его в менее выгодное положение по сравнению со своими партнёрами.

Различной была и технология подготовки посланий во всех трёх столицах. Подавляющая часть посланий готовилась помощниками, но и здесь были заметные отличия: во-первых, у Рузвельта с Черчиллем было намного больше соавторов, чем у Сталина, опиравшегося в основном на В. М. Молотова, (так, в переписке с британским премьером с американской стороны в общей сложности участвовало 17 человек, помимо самого президента)³; во-вторых, Сталин гораздо больше вторгался в подготовленные проекты посланий и чаще писал их собственноручно, чем Рузвельт и Черчилль. Установление подлинного авторства посланий, помимо чисто археографической стороны дела, важно для прояснения мотивов и образа мысли главных действующих лиц, их непосредственного

* Владимир Олегович Печатнов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории политики стран Европы и Америки.

вклада в переписку. Особенно интересен, как мы увидим, анализ правки, которую вносили лидеры в подготовленные проекты посланий.

По степени закрытости и персонализации переписки на первом месте шла советская сторона, где содержание посланий целиком определялось тандемом Сталин–Молотов и лишь иногда доводилось до сведения отдельных старших членов Политбюро по вопросам их компетенции. Наиболее открытой и коллегиальной была британская практика: послания Рузвельта и особенно Сталина регулярно обсуждались на заседаниях кабинета, который затем поручал (обычно — Министерству иностранных дел) подготовить ответ того или иного содержания. Сами послания регулярно рассылались королю и ключевым членам кабинета. Американская процедура была ближе к советской с той разницей, что в подготовке проектов посланий принимало участие гораздо больше людей, среди которых преобладали не дипломаты, а военные и личные помощники президента, прежде всего — Г. Гопкинс. По всем трём каналам послания, как правило, передавались шифротелеграммами через свои посольства и вручались адресату на языке оригинала.

Обратимся к подоплёке переписки Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, поскольку именно «сталинский угол» этой переписки остаётся пока наименее исследованным. Первое, что обращает на себя внимание при сравнительном анализе составления сталинских посланий в Вашингтон и Лондон — это весьма тонкая дифференциация, которую великий диктатор проводит в обращении со своими главными адресатами. Молотовские заготовки, как правило, не делали этого различия, но Сталин, как мы увидим, правит их в сторону «утепления» и уважительности в случае с Рузвельтом и, напротив, часто ужесточает в случае с Черчиллем. Эта дифференциация была, разумеется, не случайной и отражала различное отношение Сталина к двум лидерам англо-американского мира.

Отношение его к Рузвельту определялось целым букетом объективных и субъективных факторов: превосходящей военно-экономической мощью США, более позитивным образом Америки по сравнению со старым противником царской и советской России — Великобританией, меньшим конфликтным потенциалом советско-американских отношений по сравнению с англо-советскими, личной репутацией Рузвельта — инициатора дипломатического признания СССР и помощи ему в виде ленд-лиза по контрасту с ярым антисоветчиком, вдохновителем похода Антанты в годы Гражданской войны Черчиллем⁴. Имели значение и личные качества — демократическая обходительность Рузвельта и ершистая заносчивость британского премьера, проявлявшиеся как в переписке, так и в личном общении «большой тройки». В ходе переговоров в Тегеране и Ялте, как подтверждает главный посредник между Рузвельтом и Сталиным, посол США в Москве А. Гарриман, последний «обращался с президентом как со старшим

из участников»⁵; он был гораздо предупредительнее с Рузвельтом, чем с Черчиллем — чаще соглашался с ним, а если и возражал, то сдержанно, никогда не позволяя себе явных колкостей или грубоватых шуток, выпадавших на долю англичанина. Наверное, не случаен был и выбор разномастных кличек для обоих лидеров в донесениях советской разведки — «Капитан» (Рузвельт) и «Кабан» (Черчилль) — разведчики хорошо представляли себе вкусы и предпочтения главного адресата своей информации.

Не доверявший даже самому себе, привыкший и в союзниках видеть врагов, Сталин, конечно, не доверял до конца и Рузвельту, тем более что благодаря хорошо поставленной разведке отчётливо видел и его двойную игру (прежде всего, с разработкой атомного оружия и затягиванием открытия Второго фронта). И всё же президент был для него главным и наиболее удобным партнёром, которого можно было использовать в качестве определённого противовеса Черчиллю, играя на англо-американских разногласиях⁶. Однако при всей нюансировке своей переписки с англо-американцами Сталин прекрасно понимал интимный характер особых отношений между Рузвельтом и Черчиллем и избегал говорить одному то, что хотел бы скрыть от другого. Посмотрим теперь, как всё это выглядело в реальной жизни, взяв в качестве примеров наиболее важные проблемы, поднимавшиеся в переписке «большой тройки».

Первое серьёзное осложнение в союзных отношениях возникло летом 1942 г. в связи с решением Лондона о приостановке северных конвоев ввиду их больших потерь от немецких атак. Мало того, в проекте своего послания Сталину Черчилль связал этот шаг с необходимостью накопления сил для открытия Второго фронта в 1943 году, что шло вразрез с майскими договорённостями о его открытии в 1942 году, достигнутыми во время визитов Молотова в Лондон и Вашингтон. Черчилль послал этот проект на одобрение Рузвельту, который скрепя сердце согласился с предложенным текстом⁷. Получив суровый ответ Сталина (от 23 июля), союзники призадумались. Черчилль в послании Рузвельту предложил ограничиться посылкой Сталину своего меморандума, вручённого Молотову в мае, с его оговорками относительно возможности открытия Второго фронта в 1942 г. Рузвельт счёл это недостаточным. «...Ответ Сталину, — писал он, — должен быть продуман очень тщательно. Нам всегда нужно помнить о личности нашего союзника и той трудной и опасной ситуации, в которой он находится. Нельзя ожидать вселенского взгляда на войну от человека, в страну которого вторгся враг. Думаю, мы должны постараться поставить себя на его место»⁸. В качестве меры укрепления доверия президент предложил посвятить Сталина в стратегические планы на 1942 г., связанные с операцией «Факел» по вторжению в Северную Африку. Черчилль решил встретиться со Сталиным для откровенного объяснения на обратном пути из Каира.

Эта тяжёлая миссия Черчилля подробно описана в литературе, опубликованы записи его бесед со Сталиным⁹, хорошо известна вся гамма московских переживаний Черчилля, который был сначала подавлен сталинским холодом, а затем, особенно — во время знаменитой ночной беседы на квартире вождя, очарован гостеприимством хозяина Кремля и его ментальным проникновением в суть и стратегические преимущества «Факела». Сам Черчилль в подробном отчёте Рузвельту с искренним облегчением писал о том, что русские «проглотили эту горькую пилюлю», а ему удалось установить дружественные личные отношения со Сталиным¹⁰.

Однако, несмотря на внешнее радушие, Сталин, похоже, только утвердился в своём глубоком недоверии к Черчиллю. Этому способствовало критическое ухудшение ситуации под Сталинградом и история с пропавшими 154 «Аэрокобрами» — американскими истребителями, предназначенными для Сталинградского фронта, но скрыто переданными по указанию Черчилля американцам для нужд операции «Факел». В середине октября Сталин телеграфирует послу в Лондоне И. М. Майскому: «У нас в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счёт нашей страны». В ответ Майский (редкий случай) даже попробовал переубедить «Верховного», доказывая, что Черчилль не ставит перед собой такой задачи, хотя «объективно» его политика может к этому привести. Сталин (что тоже случалось редко) частично согласился с Майским, но остался при своём мнении о коварстве британского премьера. «Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы так же легко забыть о нём или даже грубо нарушить его... Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»¹¹.

В той же телеграмме Майскому Сталин писал, что «мало верит» в операцию «Факел», однако она развивалась успешно, превосходя ожидания самого англо-американского командования. Успеху союзников помогла циничная сделка американцев с командующим войсками вишистского режима в Северной Африке адмиралом Дарланом, который в обмен на признание его в этом качестве англо-американцами отказался от сопротивления их высадке и даже способствовал ей. В ответ на послание Черчилля с презрительным упоминанием об этой сделке с «мошенником Дарланом» Молотов составил проект послания, в котором решил окончательно заклеить продажного француза: «Что касается Дарлана, то подозрения в его отношении представляются мне вполне законными. Во всяком случае, прочные решения дел в Северной Африке должны опираться не на Дарлана и ему подобных, а на тех, кто может быть честным союзником в непримиримой борьбе с гитлеровской тиранией, с чем, я уверен, вы согласны». Сталин вычеркнул гневный молотовский пассаж,

показавший ему, видимо, неуместным чистоплюйством и заменил его очень выразительным своим: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и чёрта с его бабушкой»¹². Далеко было прямолинейному Молотову до макиавеллистской гибкости «Хозяина»!

В то же послание Сталин вносит ещё одно характерное добавление. В ответ на туманное упоминание Черчиллем «постоянных приготовлений» в районе Па-де-Кале и новых бомбардировок Германии он вставляет: «Надеюсь, что это не означает отказа от Вашего обещания в Москве устроить Второй фронт в Западной Европе весной 1943 года»¹³. Как видим, Сталин не упускает случая напомнить союзникам о данном обещании, ещё не зная, что те уже готовятся нарушить и его.

Хотя двойная игра в вопросе о Втором фронте велась совместно Рузвельтом и Черчиллем, последний был её главным вдохновителем, «ведя Рузвельта на буксире», по образному выражению посла СССР в США М. М. Литвинова¹⁴. Президент со своей стороны пытался смягчить болезненную реакцию Москвы на эту игру, в том числе — за счёт более активного подключения советского военного командования к англо-американскому стратегическому планированию, а также проведения трёхсторонней встречи на высшем уровне. Сначала он проговаривает эти идеи со скептически настроенным Черчиллем, а в начале декабря 1942 г. впервые предлагает такую встречу «в недалёком будущем» самому Сталину¹⁵. Тот не спешил с согласием, стремясь прийти на эту встречу максимально укрепленным новыми военными победами, способным предопределить её успех и даже само место проведения. Рузвельта, как доверительно поведал Черчилль Майскому, очень раздражала эта сталинская несговорчивость. «Президент меня спрашивал, в чём причина отказа Сталина приехать. Я говорил президенту: Сталин — реалист. Его не проймёшь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: „Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году?“ А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала, — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более что дома у него действительно делаются большие дела»¹⁶.

В данном случае премьер не лукавил. Он действительно писал Рузвельту нечто подобное ещё в конце ноября: «Я могу заранее сказать, какова будет позиция русских. Они спросят нас с вами: „Сколько германских дивизий вы сможете сковать летом 1943 года? А сколько вы сковали в 1942-м?“ Они наверняка потребуют крепкого Второго фронта в 1943 в виде массивного вторжения на континент с запада, юга или с обоих этих направлений»¹⁷. Ответить на это и в самом

деле было нечего, тем более, что обещанное открытие «крепкого Второго фронта» вновь отодвигалось.

Первый тревожный намёк на это Сталин уловил в послании Черчилля от 11 марта 1943 г., в котором премьер обуславливал начало операции на севере Франции «достаточным ослаблением» противника: он обводит эту фразу двойной чертой и ставит на полях жирный знак вопроса. Подозрения вождя быстро передались Молотову, который заготовил проект ответа с настойчивой просьбой устранить «неопределённость» заявлений премьера, вызывающую в Кремле «тревогу». Однако пока Сталин решил несколько смягчить тон послания, добавив к жёсткому напоминанию о важности вторжения во Францию в 1943 г. примирительную фразу о том, что «признаёт трудности» англо-американцев в осуществлении такой операции¹⁸.

В конце марта Рузвельт и Черчилль решили остановить посылку северных морских конвоев в Мурманск и Архангельск ввиду больших потерь от подкарауливавших их немецких подлодок. Набравшись духу, Черчилль сообщил эту тяжёлую новость Сталину в послании от 30 марта, подкорректированном Рузвельтом¹⁹. На следующий день премьер принял Майского и рассказал ему об этом решении, проверяя на нём советскую реакцию. «Я решил прямо сказать Сталину, что есть, — пояснил он. — Никогда нельзя вводить в заблуждение союзника. Мы же воины. Мы должны уметь мужественно встречать даже самые неприятные известия». «Не приведёт ли это к разрыву между мной и Сталиным?» — с нескрываемой тревогой спросил Черчилль. «Я не могу ничего сказать за товарища Сталина, — отвечал посол, — Он сам скажет. В одном я не сомневаюсь, что прекращение конвоев вызовет в товарище Сталине очень сильные чувства». Черчилль продолжал: «Всё, что угодно, но только не разрыв. Я не хочу разрыва, Я хочу работать с Вами. Я уверен, что я смогу работать со Сталиным. Я не сомневаюсь, что если мне суждено будет ещё пожить, я смогу оказаться Вам очень полезным в деле налаживания дружественных отношений с США. Мы — три великие державы — должны во что бы то ни стало обеспечить дружественное сотрудничество после войны»²⁰.

В Кремле эта взволнованная депеша Майского была получена 1 апреля — на следующий день после получения послания Черчилля. Таким образом, Сталин мог ответить ему уже с учётом информации посла о страхах и надеждах своего британского корреспондента. Может быть, поэтому его ответное послание Черчиллю от 2 апреля было таким лаконичным — Сталин квалифицировал этот «неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США». «Понятно, — скупое заключил он, — что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»²¹. Черчилль вздохнул с облегчением: «Считаю послание Сталина естественным и стоическим ответом, — писал он

Рузвельту, — Его последнее предложение для меня означает лишь одно — „советской армии будет хуже и ей придётся больше страдать“»²².

Гораздо более острый кризис в союзных отношениях разразился в июне 1943 года, когда Рузвельт и Черчилль после своей третьей вашингтонской конференции (кодовое название «Трезубец») сообщили Сталину об очередной отсрочке Второго фронта. На сей раз это было сделано в послании Рузвельта от 4 июня, на которое Сталин ответил жёстко, но сдержанно, подчеркнув, что это решение «создаёт исключительные трудности для Советского Союза». Сталин даже смягчил тон послания: содержавшееся в заготовке Молотова предупреждение о том, что решение союзников «будет иметь самые серьезные последствия и решающее значение для дальнейшего хода войны» заменяется на «могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего года войны»²³. Попутно в косвенной форме вообще отрицалось «решающее значение» действий союзников для хода войны, как бы оставляя эту роль только за Советским Союзом.

Гораздо более суровый отпор ждал Черчилля, когда тот в согласованном с Белым домом ответе попытался дать развёрнутое оправдание англо-американских действий. Кремлёвский затворник с цитатами из конкретных заявлений англо-американцев напомнил ему все предыдущие нарушенные обещания. Аргументы Черчилля были подвергнуты решительной и обоснованной критике, а в заключение послания была вставлена прямо-таки кованая фраза: «Должен Вам заявить, что дело идёт здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжёлым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идёт о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, по сравнению с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»²⁴.

Депеша Майского сохранила для историков картину бурной реакции Черчилля, более всего уязвленного сталинским обвинением в сознательном обмане. «В ходе разговора, — сообщал посол, — Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о „доверии к союзникам“ (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нём большое смущение». Премьер даже поставил под вопрос целесообразность продолжения переписки, которая, сказал он, «только приводит к трениям и взаимному раздражению». Майскому удалось несколько успокоить его напоминанием об огромных жертвах Советского Союза и о важности сохранения прямого контакта между лидерами союзников в критический момент войны. Черчилль, по его словам, «стал постепенно обмякать» и перешёл к оправданию своих действий, словно продолжая заочный спор со Сталиным: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным

полемическим документом, — сказал он по сообщению Майского, — оно не вполне учитывает действительное положение вещей...» В тот момент, когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков. «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — и мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей»²⁵. Вряд ли эти оправдания смогли в чём-то переубедить Сталина. В назидание союзникам в конце июня он отзывает популярных на Западе советских послов — Майского из Лондона и Литвинова из Вашингтона.

С особым вниманием Сталин вел переписку по вопросу о встрече в верхах. Его неприязнь к дальним поездкам и одержимость престижем СССР вели к упорному отказу встретиться с Рузвельтом и Черчиллем вдали от советской территории. В проект своего послания Рузвельту от 8 августа 1943 г. он вписывает длинный пассаж с предложением устроить такую встречу «либо в Астрахани, либо в Архангельске»²⁶. В конце августа он соглашается с предложением союзников о проведении совещания министров иностранных дел «большой тройки» в преддверии встречи в верхах. Черчилль предлагал провести его в Лондоне, Рузвельт — в Касабланке или Тунисе. В ответном послании Рузвельту на сей счет от 8 сентября Сталин добавляет к молотовскому проекту ключевую фразу: «...причем местом встречи я предлагаю Москву»²⁷. Несмотря на последующие попытки Рузвельта переиграть это место встречи, Сталин сумел настоять на своем. Так родилась Московская конференция министров иностранных дел трех союзных держав, ставшая прологом Тегеранской встречи «большой тройки».

Но даже на подходе к этой встрече Сталин не упускает случая одёрнуть англосаксов, когда видит малейшее ущемление ими советского престижа или интересов. Особенно достаётся Черчиллю, который, как хорошо знают в Кремле из сообщений советской разведки и дипломатии, продолжал уговаривать Рузвельта оттянуть форсирование Ла-Манша. Показательно сталинское послание Черчиллю от 13 октября, в проект которого он вносит существенную правку. Вместо молотовской благодарности за сообщение об отправке дополнительных северных конвоев он вставляет следующую фразу — это сообщение «обесценивается» заявлением премьера о том, что посылка этих конвоев есть не выполнение обязательства, а проявление доброй воли британской стороны. Отказывая в просьбе Черчилля увеличить контингент английского военно-морского персонала на севере России, Сталин усиливает выговор англичанам за «недопустимое» поведение британских военнослужащих в Архангельске и Мурманске, которые пытаются завербовать советских людей в разведывательных целях: округлую формулировку Молотова об использовании при этом англичанами «соблазнов материальных благ» он заменяет на гневно-обличительное — «подобные оскорбительные для советских людей явления, есте-

ственно порождают инциденты...»²⁸. Черчилль был настолько возмущён этим «обидным», по его словам, посланием, что отказался не только отвечать на него, но даже и принять, вернув документ новому советскому послу Ф. Т. Гусеву с разъяснением, что этим вопросом займётся Э. Иден на предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве (там, кстати, просьба англичан была удовлетворена)²⁹.

Тегеранская конференция, на которой, несмотря на сопротивление Черчилля, был, наконец, разрешён вопрос о Втором фронте, вносит явное потепление в отношения между «большой тройкой». В свое первое после Тегерана послание Черчиллю и Рузвельту от 10 декабря Сталин даже вставляет необычное для себя заключение: «Привет!» Заметнее всего утепляется тон его обращения с Рузвельтом. Подводя итоги встречи в послании президенту от 6 декабря, Сталин добавляет к молотовскому проекту следующие слова (выделены курсивом. — *Авт.*): «Теперь имеется уверенность в том, что наши народы будут дружно совместно действовать *и в настоящее время и после завершения этой войны*. Желаю наилучших успехов Вам и Вашим вооруженным силам в предстоящих *ответственных операциях*»³⁰.

7 декабря в Ставку приходит сообщение Рузвельта о назначении генерала Д. Эйзенхауэра командующим операцией по форсированию Канала (кодовое название «Оверлорд»). В Тегеране Сталин настаивал на скорейшем назначении командующего вторжением, и то, что им стал авторитетный Эйзенхауэр, порадовало его вдвойне, как подтверждение серьезности намерений союзников. Кроме того, в тот же день отдельным посланием Рузвельт и Черчилль информировали Сталина о дополнительных мерах по расширению масштабов предстоящей операции. Поэтому 10 декабря он отвечает Рузвельту кратким посланием, в проект которого вставляет от руки следующие слова (выделены курсивом. — *Авт.*): «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. *Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра*. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих *решающих операций*»³¹. (Сталин, как видим, поднимает значение высадки союзников во Франции по сравнению с предыдущим посланием.)

Что касается Черчилля, то уже в январе Сталин убирает тегеранские сантименты Молотова из проекта послания премьеру, вычеркивая его заключительный абзац: «Ваши сообщения о том, что Вы много работаете над обеспечением успеха решения о втором фронте, весьма обнадеживающи. Значит, скоро уже враг пойдёт, как велика роль Тегерана в этой великой войне»³².

Особенно пристально Сталин контролировал переписку по польскому вопросу, ставшему главным после Второго фронта камнем преткновения в отношениях между союзниками. Здесь он неизменно ужесточает молотовские оценки польского эмигрантского правительства и позиций союзников, не дифференцируя их тональность в зависимости от

адресата, хотя главной мишенью его критики остаётся Черчилль. Премьер давал для этого основания. Несмотря на то, что в Тегеране союзники в принципе согласились на изменение восточной границы Польши по «линии Керзона», Черчилль в своём послании Сталину от 21 марта заявил об отказе Великобритании признавать передачи «территорий, произведённые силой» (прозрачный намёк на присоединение к СССР Западной Украины и Белоруссии в 1939 г.) и сообщил, что собирается открыто сказать об этом в британском парламенте.

Сталин не мог оставить этот выпад без ответа. Его особенно покорила квалификация действий Красной Армии как насильственного захвата польской территории. Поэтому он вносит следующее изменение в проект Молотова (выделено курсивом. — *Авт.*): «Я понимаю это так, что Вы *выставляете Советский Союз как враждебную Польше силу* и по сути отрицаете освободительный характер войны Советского Союза против германской агрессии». Черчилль также обвинялся в грубом нарушении тегеранских договорённостей и в том, что он не прилагает достаточных усилий к тому, чтобы заставить «лондонцев» признать законность советских требований. Послание завершалось многозначительным предупреждением о том, что «метод угроз и дискредитации, если он будет продолжаться и впредь, не будет благоприятствовать нашему сотрудничеству»³³.

На сей раз Черчилль уклонился от продолжения полемики. «По моему, он (Сталин. — *Авт.*) больше лает, чем кусает», — поделился он с Рузвельтом и по рекомендации кабинета поручил сделать ответное заявление британскому послу в Москве А. Керру³⁴.

Долгожданное открытие Второго фронта на время сгладило межсоюзные противоречия. Сталин сдержал своё обещание поддержать действия союзников новым советским наступлением на советско-германском фронте. В послании Черчиллю от 9 июня он прямо называет дату начала первого тура этого наступления — 10 июня (вместо предложенной Молотовым фразы «в ближайшие дни»), понимая, насколько важна эта точная информация для союзников. Черчилль в тот же день с подъёмом ответил: «Весь мир может видеть воплощение тегеранских планов в наших согласованных атаках против нашего общего врага. Пусть же всяческие удачи и счастье сопутствуют советским армиям»³⁵. Реакция Рузвельта была более сдержанной: «Планы дядюшки Джо весьма многообещающи, — писал он Черчиллю, — хотя они наступают немного позже, чем мы надеялись, в конечном счёте это может быть к лучшему»³⁶. Что имел в виду президент в этой загадочной заключительной фразе, добавленной им к тексту, подготовленному его помощником адмиралом У. Леги? Стоит, видимо, согласиться с предположением У. Кимбэлла о том, что Рузвельта беспокоило слишком далёкое продвижение Красной Армии в глубь Европы³⁷. Видели это беспокойство и в Москве. Как скажет об этом потом сам Сталин в беседе с М. Торезом: «...Ко-

нечно, англо-американцы не могли допустить такого скандала, чтобы Красная Армия освободила Париж, а они бы сидели на берегах Африки»³⁸.

Но, даже понимая своекорыстие союзников, в Кремле отдавали должное грандиозной операции «Оверлорд». В послании Сталина Черчиллю от 11 июня говорилось, что «история войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения». Точное авторство этого послания остаётся неясным: сохранившийся в архиве Сталина черновик Молотова не содержит существенной сталинской правки, но зато его текст почти дословно совпадает с интервью Сталина газете «Правда» от 14 июня и с тем, что Сталин говорил в те же дни послу А. Гарриману³⁹. Возможно, он просто использовал понравившийся ему молотовский текст, но скорее всего нарком набросал его со слов самого Сталина, тем более что Молотов в переписке обычно остерегался влезать в вопросы военной стратегии, предоставляя их «Верховному». Эпизодические вылазки Молотова в этом направлении редко оставались без правки. Например, в том же июне он направил Сталину проект извещения союзников о втором туре советского наступления (операция «Багратион»), подготовленный велеречивым заместителем Молотова А. Я. Вышинским и слегка «подсушенный» самим наркомом. Сравнение чернового и окончательного вариантов ясно показывает особенности сталинского стиля:

Что касается нашего наступления, то мы не собираемся давать немцам передышку, а продолжат изю дня в день расширять фронт наших наступательных операций, усиливая мощь нашего натиска на немецкие армии, всё более и более начинающие чувствовать силу наших совместных ударов.

*Относительно нашего наступления можно сказать, что мы не будем давать немцам передышку, а будем продолжать расширять фронт наших наступательных операций, усиливая мощь нашего натиска на немецкие армии*⁴⁰

Союзная гармония, однако, длилась недолго, и главным раздражителем снова стал польский вопрос. Страсти сторон особенно разгорелись в связи с варшавским восстанием, поднятым Армией Крайовой и лондонским правительством в начале августа 1944 г. без уведомления советского командования. Сталин, как известно, отказался поддержать эту, по его словам, «авантюру» и не жалел красок для понижения роли и возможностей восставших. В проект послания Черчиллю от 5 августа он добавляет от себя заключительный пассаж: «Краевая армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой

немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию „Герман Геринг“. По мере выяснения масштабов варшавской трагедии Сталин начинает выказывать сочувствие её жертвам, которых „кучка преступников“ бросила „под немецкие пушки, танки и авиацию“. Но и из этого проекта послания Черчиллю от 22 августа он вымарывает показавшиеся ему, видимо, слишком эмоциональными слова своего заместителя о готовности «помочь нашим братьям полякам освободить Варшаву и отомстить гитлеровцам за их кровавые преступления в столице поляков»⁴¹. Польская проблема продолжала отравлять союзнические отношения вплоть до самого конца войны в Европе.

Так, в большом послании Сталина Рузвельту о польских делах от 27 декабря 1944 г. речь шла о попустительстве правительства Миколайчика антисоветским действиям Армии Крайовой в тылу Красной Армии. Для характеристики этих «подпольных агентов польского эмигрантского правительства» Сталин добавляет ключевые слова: «террористы», убивающие не просто «людей» (как это было у Молотова), а «солдат и офицеров Красной Армии»; «польских эмигрантов» в английской столице он превращает в «кучку польских эмигрантов в Лондоне». Главный сигнал послания — СССР видит будущее правительство Польши не в Лондоне, а в созданном под советской эгидой Польском Комитете Национального Освобождения. Понимая необходимость как можно более убедительной аргументации для союзников в этом ключевом и спорном вопросе, Сталин добавляет от себя чеканный пассаж с доводами об интересах СССР в Польше, которые он затем будет повторять и в переписке, и на конференции в Ялте: «Следует иметь в виду, что в укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несет главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной Армии в Польше в борьбе с немцами во многом зависят от наличия спокойного и надежного тыла в Польше, причем Польский Национальный Комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство и его подпольные агенты своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии и противодействуют успехам последней»⁴².

Ужесточение сопротивления союзников по вопросу о составе будущих правительств Польши и Румынии было во многом связано с внутривнутриполитическими соображениями — давлением общественного мнения и восточно-европейской диаспоры в США. Черчилль, который ещё в октябре 1944 г. с увлечением делил Балканы со Сталиным на сферы влияния, теперь шумно протестовал против советских нарушений «Декларации об освобождённой Европе», подпи-

санной в Ялте. Между тем, во внутренней переписке англо-саксы признавали уязвимость своей позиции. Ялтинское соглашение, напоминая Рузвельту Черчиллю в послании от 29 марта, «делает больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах»⁴³. Сам премьер сознавал непоследовательность апелляции к демократическим принципам самоопределения на фоне своей секретной («процентной») сделки со Сталиным. «Я очень не хочу, — признавался он Рузвельту в начале марта, — педалировать этот вопрос до такой степени, чтобы Сталин мог сказать: „Я не вмешивался в ваши действия в Греции, почему же вы не даёте мне такую же свободу рук в Румынии?“»⁴⁴. Но в Москве протесты союзников воспринимались именно как проявление двойного стандарта — лицемерное нарушение неписаного правила невмешательства в «чужую» сферу влияния. «Польша — большое дело! — в сердцах начертал Молотов на полях записки Вышинского по польскому вопросу в феврале 1945 г. — Но как организованы правительства в Бельгии, Франции, Германии и т. д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т. к. это зона действий англо-американских войск» (подчёркнуто в тексте. — *Авт.*)⁴⁵. Позднее этот крик души наркома в смягчённом виде перекоцует в послание Сталина Черчиллю от 24 апреля⁴⁶.

Один из последних драматических эпизодов переписки «большой тройки» связан с известным «Бернским инцидентом» — секретными контактами американской разведки с нацистскими представителями в Берне в марте 1945 г., которые Сталин не без основания счёл сепаратными переговорами о капитуляции германских войск в Северной Италии. С учётом главной роли в этом деле американской стороны он сосредоточил огонь на Белом доме.

Первое развернутое послание Рузвельту по этому вопросу от 29 марта было подготовлено Молотовым и оставлено Сталиным почти без поправок. Внимательно изучая полученный на него американский ответ, Сталин подчёркивает в нём ключевые места: «никаких переговоров о капитуляции не было», «целью было установление контакта», «Ваши сведения... ошибочны». Однако Рузвельт так и не смог ответить на главный вопрос — если союзникам нечего было скрывать, то почему они отказались пригласить в Берн советских представителей? Отталкиваясь от этих опорных точек, Сталин пункт за пунктом парирует оправдания президента в послании от 3 апреля, которое на сей раз составляет целиком сам. Перед тем как окончательно утвердить текст, Сталин решает предельно заострить звучание этого и без того гневного документа. В послание вносятся два последних добавления (отмечены курсивом. — *Авт.*): «Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу *сохранения* и укрепления доверия между нашими странами... Я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой *рискованный* шаг, сознавая, что минутная

выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»⁴⁷.

Послание Сталина дышит «подозрительностью и недоверием к нашим мотивам. — записал в своём дневнике У. Леги, — Я подготовил для президента направленный затем маршалу Сталину резкий ответ, настолько близкий к отповеди, насколько это возможно в дипломатических обменах между государствами»⁴⁸. Черчилль солидаризировался с президентом в послании Сталину от 5 апреля. Однако в конечном итоге суровый отпор Кремля возымел свое действие: инцидент был вскоре исчерпан и Рузвельт, преодолевая выражения своих «ястребов», предпочел закончить это тяжелое объяснение на примирительной ноте. 12 апреля за несколько часов до своей кончины он писал Сталину: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении Бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся никакой пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем»⁴⁹. Посол Гарриман, приложивший руку к раздуванию этого кризиса, задержал было передачу этого послания, предложив исключить из него термин «незначительный», но Рузвельт считал этот нюанс очень важным. «Я не намерен, — незамедлительно ответил он Гарриману, — опускать слово „незначительный“, так как хочу считать бернское непонимание незначительным инцидентом»⁵⁰. В своём последнем послании Черчиллю от 11 апреля (одному из очень немногих написанных своей рукой) Рузвельт также высказался за «минимизацию советской проблемы», поскольку имеющиеся разногласия «возникают и улаживаются почти ежедневно, как в случае со встречами в Берне»⁵¹.

Смерть Рузвельта устранила последнюю узду на растущий антисоветизм Черчилля. Последние недели войны и победный май отмечены целой серией его открытых и тайных шагов, направленных на ограничение советского влияния в Европе — начиная от попыток втянуть американцев в битву за Берлин и поддержку своих войск в отведённой для Красной Армии зоне оккупации Германии и кончая разработкой плана

войны с СССР (операция «Немыслимое»)»⁵². «Весеннее обострение» Черчилля проникало и в его контакты с советской стороной, в том числе — переписку со Сталиным, в которой он, пользуясь неопытностью Г. Трумэна, берёт на себя роль главного представителя союзников. 28 апреля Черчилль (незадолго до этого отправивший алармистскую телеграмму Трумэну о «железном занавесе» в Европе) шлёт длинное послание Сталину, в котором подробно излагались все после-ялтинские претензии союзников. Послание венчалось тем, что сам Черчилль назвал «излиянием моей души перед Вами» — прочувствованным предупреждением об угрозе послевоенного раскола на советский и англо-американский мир: «Вполне очевидно, что ссора между ними раздирает бы мир на части и что все мы, руководители каждой из сторон, которым приходилось иметь к этому какое-либо отношение, были бы посрамлены перед историей»⁵³. Излияние Черчилля осталось без ответа — Сталин проигнорировал его общую часть, ограничившись продолжением полемики по польскому вопросу.

Между тем он был хорошо информирован о настрое и кознях премьера, включая «Немыслимое», а также сохранение немецкого трофейного оружия и воинских частей для возможного использования против СССР. Всё это лишь укрепляло Сталина в его отношении к Черчиллю как главному и неисправимому потенциальному противнику, с которым бесполезно вести стратегический диалог. Не случайно, видимо, ощущая этот настрой «Хозяина», посол Гусев в своих депешах начинает предупреждать, «что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени»⁵⁴. Не внушал больших надежд и Трумэн, начавший отходить от политики своего прешествника. «Теперь, после смерти президента Рузвельта, — говорил Сталин Г.К. Жукову и Молотову, — Черчилль быстро столкуется с Трумэном»⁵⁵. Дальнейшая корреспонденция с западными партнёрами становилась всё более сухой и сугубо официальной. На заключительном этапе Сталин всё реже вмешивается в подготавливаемые Молотовым тексты. Переписка союзников подходила к концу — как и сам союз.

¹ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited With Commentary by W. Kimball. Vol. I-III. Princeton, 1984.

² Печатнов В. О. Как Сталин писал Рузвельту (по новым документам) // Источник, 1999, № 6; Idem. Сталин и Рузвельт (заметки историка) / Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004, кн. 1.

³ См.: Churchill & Roosevelt, Vol. 1, P. XXXII.

⁴ Эту репутацию Черчилля хорошо знали и в рузвельтовском Белом доме. Препровождая мужу одно из самых откровенных высказываний Черчилля против большевизма времен Гражданской войны, Элеонора Рузвельт приписала: «Не удивительно, если г-н Сталин никак не может это забыть» (Franklin D. Roosevelt Library, President's Secretary File, Great Britain, W. Churchill).

⁵ Staff Meeting, December 8, 1943. — Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 171.

⁶ Подробнее см.: Печатнов В. О. Сталин и Рузвельт (заметки историка), С. 402–403.

⁷ Churchill & Roosevelt, Vol. I, P. 529–533.

⁸ Ibid., P. 545.

⁹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

- ¹⁰ Churchill & Roosevelt, Vol. I, P. 570–571.
- ¹¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль, С. 376, 378.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Ф. 558, Д. 256, Л. 154. Столь же однозначно-позитивно Сталин оценил сделку с Дарланом в послании Рузвельту от 14 декабря // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, (далее — Переписка...) Т. 2, С. 43.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Архив Внешней Политики РФ (далее — АВП РФ), Ф. 06, оп. 5, П. 28, Д. 327, Л. 7.
- ¹⁵ Переписка..., Т. 2, С. 40–41.
- ¹⁶ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 221–222. В этой же депеше Майского содержится необычный для закоренелого антисоветчика отзыв Черчилля, сделанный под свежим впечатлением разгрома немцев под Сталинградом: «Черчилль в полном восторге и даже умилении от Красной Армии. Когда он говорит о ней, на глазах у него появляются слёзы». Сравнивая Россию прошлой войны и Россию (то есть СССР) нынешней войны, Черчилль говорил: «С учётом всех факторов я считаю, что новая Россия в пять раз сильнее старой». Слегка поддразнивая Черчилля, я с полусмехом спросил: «А как Вы объясняете это явление?» Черчилль в таком же тоне мне ответил: «Если Ваша система даёт счастье народу, я за Вашу систему. Впрочем, меня мало интересует, что будет после войны ... Социализм, коммунизм, катаклизм ... лишь бы гунны были разбиты». (Там же, Л. 224).
- ¹⁷ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 43.
- ¹⁸ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 260, Л. 62.
- ¹⁹ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 175–177.
- ²⁰ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 259–260.
- ²¹ Переписка..., Т. 1, С. 111.
- ²² Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 179.
- ²³ Архив Президента РФ (далее — АП РФ), Ф. 45, оп. 1, Д. 365, Л. 132.
- ²⁴ Переписка..., Т. 1, С. 138.
- ²⁵ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 295–296.
- ²⁶ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 366, Л. 22.
- ²⁷ Там же, Л. 71.
- ²⁸ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 264, Л. 38.
- ²⁹ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 536.
- ³⁰ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 367, Л. 44.
- ³¹ Там же, Л. 55.
- ³² РГАСПИ, Ф. 558, Д. 265, Л. 89.
- ³³ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 267, Л. 44; Переписка..., Т. 1, С. 215.
- ³⁴ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 69–74.
- ³⁵ Переписка..., Т. 1, С. 228.
- ³⁶ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 173.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Наринский М. М. Сталин и М. Торез. 1944–1947. Новые материалы / Новая и новейшая история, 1996, № 1, С. 28.
- ³⁹ Правда 14 июня 1944 г.; Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн, С. 151.
- ⁴⁰ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 267, Л. 176.
- ⁴¹ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 268, Л. 116, 158.
- ⁴² АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 369, Л. 110, 117.
- ⁴³ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 593.
- ⁴⁴ Ibid., P. 547.
- ⁴⁵ АВП РФ, Ф. 06, оп. 7, Д. 588, Л. 2.
- ⁴⁶ Переписка..., Т. 1, С. 335.
- ⁴⁷ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 370, Л. 98–100.
- ⁴⁸ Leahy Diaries, April 4, 1945. — National Archives, Record Group 218, William Leahy Records, 1942–1948, Cont. 4.
- ⁴⁹ Переписка..., Т. 2, С. 211–212.
- ⁵⁰ For Harriman from the President, April 12, 1945. — Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 178.
- ⁵¹ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 630.
- ⁵² Соколов В.В. Сталин и Черчилль — друзья и союзники поневоле // Война и общество, 1941–1945, кн. 1, С. 445–446; Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. // Новая и новейшая история, 1999, № 3.
- ⁵³ Переписка..., Т. 1, С. 349.
- ⁵⁴ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 357–358.
- ⁵⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, С. 713.

Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики

А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская*

Рубеж 1980–1990-х гг. явился крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войнах XX в. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно — Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР, включая постсоветскую Россию.

Следует отметить, что исторический поворот конца 1980-х гг. имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на эти страны и, соответственно, историческую память их народов. Речь идет о капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества» со всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно подверглась инверсии: говоря упрощенно, знаки плюса и минуса поменялись местами. Так, в Российской Федерации во многом изменилась трактовка истории революции 1917 г. и Гражданской войны. Внесены были существенные коррективы и в оценку внешнеполитического курса советской эпохи, включая военные события, хотя здесь изменения были не столь радикальными. Аналогично в бывших соцстранах корректировалась их история, особенно периодов «революционных переходов» и связанных с ними или предшествовавших им военных событий.

Другой пласт перемен с конца 1980-х гг. затронул геополитические изменения на карте мира, соотношение сил между государствами и их коалициями. Соответственно, с одной стороны, победители в «холодной войне» получили явное преимущество и в текущей политике, и в возможности продвигать такие свои интересы, которые были немыслимы в прежней системе международных отношений. С другой стороны, изменились или выявились скрывавшиеся прежде геополитические интересы стран — осколков «соцсдружества» и новых государств, возникших на развалинах СССР, что закономерно привело к попыткам ревизии многих исторических событий и вытекавших из них правовых следствий (в виде зафиксированных международными нормами границ и т. д.). Продвижение НАТО на Восток явилось мощным фактором, подкреплявшим эти претензии. Наконец, геополитический наследник СССР — Российская Федерация — оказалась в ситуации новых геополитических реалий и возможностей, причем существенно урезанных. Одновременно Россия стала объектом мощного давления со стороны стран Запада, навязывающего ей роль побежденной в «холодной войне» страны, и объектом разнообразных притязаний и претензий со стороны соседей, — как новых постсоветских государств, так и бывших союзников по «соцлагерю». И здесь интерес новой России во многом заключается в сохранении, возможно, более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которые способствуют обеспечению ее безопасности. Эта система сформировалась именно в советскую эпоху, главным образом в результате Второй мировой войны. В такой, очень

* **Александр Спартакович Сенявский** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века»;

Елена Спартаковна Сенявская — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

непростой ситуации происходила и трансформация исторической памяти, в том числе и о войнах XX века в указанных странах с очень разными «историческими» интересами.

Ревизии или «корректировке» в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростные атаки направлены на представления о Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамскую систему. Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире. Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х гг., естественно, поставили под вопрос не только существование самой системы, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны как основных победенных стран и их союзников, так и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире.

Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется практика двойных стандартов. СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений, обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский договор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший А. Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» пакт Молотова–Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на ситуацию, при которой не получалось иным способом гарантировать безопасность страны. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом. В октябре 1939 г., то есть через два месяца после подписания протокола, получив Вильнюс, Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором»¹. Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды.

Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с нацистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на восток, если та подержит притязания Польши на Украину. Польша,

которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, отнюдь не являлась таковой. Обвиняя сегодня СССР в очередном разделе Речи Посполитой, сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую Силезию (Заользье. — *Прим. ред.*). Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и интервенции, включая агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И. В. Сталин был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее — прагматичен, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с А. Гитлером о разделе СССР.

Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х гг., так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, открытие им памятников и проведение маршей ветеранов СС.

Особенно наглядно тенденции усиления профашистских настроений в Прибалтике проявились в год 60-летия окончания Второй мировой войны. Так, президенты Литвы и Эстонии отказались приехать в Москву на празднование Дня Победы. Несколько месяцев ранее, в начале февраля 2005 г. президент Латвии Вайра Вики-Фрейберга публично оскорбила ветеранов войны, заявив о том, что невозможно изменить сознание пожилых россиян, которые «9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они героически завоевали Балтию»², а 15 марта опубликовала официальное заявление, в котором призвала латышей воздержаться от празднования 9 Мая. 16 марта при попустительстве президента в Латвии прошел нацистский митинг. В столице Эстонии 8 мая 2005 г. состоялось открытие мемориала гитлеровскому вермахту и эстонцам, воевавшим на стороне нацистской Германии, участникам «оборонительных боев против Красной Армии», причем на церемонии присутствовал премьер-министр страны Андрус Ансип. В ночь на 9 мая в центре Таллина был осквернен Мемориал советскому воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника Вечный огонь³. Два года спустя, 27 апреля 2007 г., по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллина. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой мас-

совые волнения в Таллине и других городах Эстонии⁴. При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова–Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку. В данной связи В. В. Путин подчеркнул: «...Подобные претензии не имеют никаких оснований, носят откровенно спекулятивный характер. Полагаю, что их цель — привлечь к себе внимание, оправдать неблагоприятную, дискриминационную политику правительств в отношении значительной части собственного русскоязычного населения, прикрыть стыд бывшего коллаборационизма. У каждого нормального человека вызывает возмущение то, что в этих странах эсэсовцам устанавливают памятники, разрешают проводить свои сборища. ...Решения международного сообщества, в том числе Нюрнбергского трибунала, однозначно осуждают любые формы сотрудничества с нацизмом — вне зависимости от места и времени»⁵.

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. То, что при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-Потсдамской системы, открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники⁶. Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов.

Яркий тому пример — позиция политиков США в отношении Прибалтики. Так, 20 мая 2005 г., всего 11 дней спустя после празднования 60-летия Победы над нацизмом во Второй мировой войне, Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 г. по 1991 г. прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США⁷.

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических

столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над нацистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30%)⁸. Причем многие респонденты подчеркивают, что это было «большое мировое столкновение», «война справедливая, в которой мы сражались и победили», и война значимая, которая вызвала «создание новой мировой структуры»⁹. Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только «абстрактный» характер, но и всегда имело политическое значение.

Вместе с тем, в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. С конца 1980-х гг. началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом предметом «переосмысления» оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа и многое другое. После распада СССР беззастенчиво стали переставлять акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску И. В. Сталина и А. Гитлера, Третий рейх и Советский Союз.

Историческая память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Наиболее радикальные российские политики, публицисты, историки не только раскрывали «белые пятна», ставя запретные ранее вопросы и рассекречивая документы, но некоторые из них необоснованно переставляли акценты в оценках и даже откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии. Но дело в том, что в своей деятельности они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются далеко не только формально-идеологическими соображениями, но и собственными геополитическими интересами, враждебными интересам России как таковой, в том числе и «новой». И сегодня

ей для того, чтобы отстаивать свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Вместе с тем, российское историческое сознание демонстрирует весьма значительную устойчивость. Как и ранее, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признавалась Великая Отечественная война, занимающая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. По данным репрезентативного обследования ВЦИОМ в 1989 г., самым выдающимся событием XX в. ее назвали 77%, а в 1994 г. — 73% опрошенных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70% опрошенных в возрасте до 25 лет и 82% опрошенных старше 50 лет¹⁰. В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование «Великая Отечественная война в исторической памяти народа», в ходе которого более 90% респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы — 9 Мая — является для них праздником¹¹. Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. В условиях ценностной дезориентации российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки ревизии оценок событий и итогов этой войны, предпринятые в 1990-е гг.¹² Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая фактором общественного единения и мобилизации моральных сил народа для дальнейшего поступательного развития страны.

Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно масштабированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 г. — год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре «РИА Новости», подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало

способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие „темной стороны“ освободительного подвига Красной Армии, которую якобы замалчивают в современной России»¹³.

Таким образом, сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное — тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии А. Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом нацистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить нацистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 1980–1990-х гг.»¹⁴. При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления»¹⁵.

Официальное празднование Дня Победы в Российской Федерации с приглашением на торжества глав государств и политических лидеров многих стран еще более возбудило интерес мировой общественности к этому событию, заставив и средства массовой информации, и общественное мнение «сверить часы» в его освещении и оценке. Значимость этого юбилея подчеркивается еще и тем обстоятельством, что это был праздник прежде всего для ветеранов — для уходящего поколения, из которого мало кто сможет дожить до следующего юбилея. По существу, это последний юбилей, который отмечался при жизни непосредственных носителей памяти о той войне. Тот факт, что центр празднования этой даты находился в России, куда приехали лидеры почти всех крупнейших государств, подчеркнул определенную связь времен, связь исторической памяти с политической значимостью этого события в мировой истории даже сегодня. Он объективно подчеркнул и фактическое признание

решающей роли СССР в разгроме нацизма, хотя ряд государств (прежде всего Прибалтийских) воспользовался этим поводом для того, чтобы подчеркнуть свое неприятие праздника и исторической роли Советского Союза во Второй мировой войне.

В связи с многочисленными попытками ревизии исторической правды о Второй мировой войне российскому руководству пришлось напоминать о ней и расставлять адекватные акценты в интерпретации хода событий, их причин и следствий, роли СССР в Победе и многих других вопросов. Так, 7 мая 2005 г. во французской газете «Фигаро» была опубликована статья Президента России В. В. Путина «Уроки победы над нацизмом: Через осмысление прошлого — к совместному строительству безопасного гуманного будущего»¹⁶. Глава российского государства подчеркнул, что «...эта историческая дата по-прежнему остается священной для каждой нации, каждой страны, которой дороги идеалы свободы и гуманизма. ...Бесконечно долгие и трудные четыре года наш народ сражался за будущую Победу. На пути к бункеру Гитлера наш солдат разгромил 600 вражеских дивизий. Три четверти потерь во Второй мировой войне нацисты понесли на Восточном фронте. Освободив в 1944 г. собственную территорию, Советская Армия перешла государственную границу СССР, чтобы избавить от нацистского зла еще одиннадцать европейских стран». Подчеркнув решающую роль СССР в Победе над нацизмом и освобождении народов Европы, он отметил, что «Вторую мировую войну выиграла все союзники по антигитлеровской коалиции... Это наш общий праздник. День Победы принадлежит всем нам, это событие вселенского масштаба». Далее Президент РФ подчеркнул значимость памяти о войне: «Давая оценки событиям тех лет, мы должны в полной мере чувствовать нашу общую ответственность перед новыми поколениями. Поэтому важна не только историческая правда о войне, но и осознание ее нравственных уроков для современности». Напомнив о Мюнхенском соглашении, Путин подчеркнул, что никому не удалось «„отсидеться в стороне“, „умиротворить“ Гитлера за счет интересов других стран», «откупиться от зла „за счет соседа“». И потому память о Второй мировой войне служит всем нам предостережением против повторения ошибок прошлого. Наконец, Президент подчеркнул, что «...учебники истории призваны быть объективными. Они должны доносить до наших граждан бесспорную правду о событиях тех лет»¹⁷.

Отстаивать эту правду Президенту России пришлось не раз в праздничные дни, отвечая на многочисленные, в том числе острые и даже провокационные вопросы зарубежных СМИ. Так, в интервью газете «Билд» от 7 мая 2005 г. В. Путин еще раз напомнил, что именно Россия «внесла главный вклад в победу над гитлеризмом», потеряв почти 30 миллионов жизней и треть национального богатства. И совершенно недопустимо ставить знак равенства

между двумя разными режимами — гитлеризмом и сталинизмом, агрессором и жертвой. «...Не могу согласиться с приравниванием Сталина к Гитлеру, — заявил он. — Да, Сталин, безусловно, был тираном... Но он ведь не был нацистом! И не советские войска 22 июня 1941 года перешли границу Германии, а совсем наоборот»¹⁸.

В последние годы некоторыми кругами на Западе активно ставится под вопрос освободительная миссия Красной Армии в Европе, а также делается акцент на жестокость ведения советскими войсками боевых действий на территории Германии. На это российский Президент ответил так: «Безусловно, советские войска освободили Германию от национал-социализма. Это исторический факт. Естественно, во время войны пострадало и гражданское население Германии, но это не вина Советского Союза или Красной Армии. Не Советский Союз начал эту войну. В остальном же и наши западные союзники не отличались тогда особой человечностью. Мне до сих пор совершенно непонятно, зачем надо было уничтожать Дрезден. С точки зрения ведения военных действий в этом тогда не было абсолютно никакой необходимости»¹⁹.

Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий — на Тихом океане (при этом основные участники событий в этом регионе представляют их именно как отдельную войну, принципиально отличную от событий на европейском театре военных действий), в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадкой англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Отсюда и откровенная ревизия Ялтинско-Потсдамской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому договору. В этой связи весьма показательным является заявление Президента США Дж. Буша, произнесенное им на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 г.: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты»²⁰. Тем самым глава американского государства отождествил Ялтинско-Потсдамскую систему с нацистской агрессией, а великого президента своей страны Ф. Рузвельта фактически поставил на одну доску не только с допустившими предательский Мюнхенский договор лидерами Великобритании и Франции, но и с А. Гитлером.

Интересно и то, как в год 60-летия Победы оценивали Вторую мировую войну и роль в ней СССР

лидеры ряда Европейских государств. Несмотря на мощную тенденцию на Западе к пересмотру характера и итогов войны, некоторые из них вполне объективны и считают необходимым предостеречь от попыток переписать историю, предупреждают об опасности забвения ее уроков. Так, Президент Словацкой Республики И. Гашпарович назвал Победу над фашизмом «одним из самых важнейших событий словацкой, европейской и мировой истории в прошлом столетии... Повторение исторических ошибок, — подчеркнул он, — ждет любое общество, которое сознательно или из-за легкомысленности забыло об уроках своей истории. Ничего подобного произойти не должно — именно в этом заключается завет Победы над фашизмом». Об историческом значении Победы говорил и Президент Венгрии Ф. Мадл: «Мы никогда не сможем забыть о тех жертвах, которые понесли народы Советского Союза ради достижения Победы. В честь этого ведущие политики мира сейчас соберутся в Москве. Этот день имеет определяющее значение для истории Европы. Если бы история 60 лет назад сложилась иначе, мы сейчас едва ли смогли бы пользоваться теми ценностями, которые воспринимаются теперь как естественные». Председатель правительства Республики Сербии В. Коштуница подчеркнул: «Убежден, что истина о героическом подвиге Вашего народа, Вашей страны и их решающем вкладе в достижение Великой Победы за свободу всего человечества никогда не будет забыта. Сегодня мир был бы иным и не наслаждался завоеванной свободой, не прегради российский народ ценой невиданных миллионов жертв путь фашизму...»²¹.

Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической памятью о войне Президент Чешской Республики В. Клаус, подчеркнувший, что «победа над нацистской Германией была Великой и действительно исторической победой». Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. Историю, по его словам, нельзя переписать или исправить. В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал: «Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории. Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которая, вне всяких сомнений, означала освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать... Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с по-

зиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы „гуманистически нейтрально“ анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей „симметрии страданий“. Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие „жесты примирений“, которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами»²².

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом. Попытки умалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодны только тем силам, которые стремятся к усилению конфронтации. В этом отношении гораздо более позитивной оказалась инициатива России и группы стран СНГ, к которым присоединились и другие государства, объявить 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. Генеральная ассамблея ООН без голосования приняла соответствующую резолюцию, где говорится, что историческая победа в мае 1945 г. создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий войны, и что отныне 8 и 9 мая будут отмечаться ежегодно как дни памяти жертв Второй мировой войны²³.

Празднование 60-летнего юбилея Победы внесло свой вклад в защиту исторической памяти, правды о Второй мировой войне и вместе с тем обозначило все болевые точки по этому вопросу как в массовом сознании, так и в представлении политиков разных стран мира.

Важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в теме «Война глазами победителей и побежденных». Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т. д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно различались.

Память о войне весьма дифференцирована. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т. д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею

отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т. д.

Интересно то, как формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне. Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма — как поражение. ...За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. ...На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о „юстиции победителей“»²⁴.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в государствах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга „альтернативные истории“, и «причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям... является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем... Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»²⁵. Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становится вполне объяснимым: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А. Г. Здравомыслов: «Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей — средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение — фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен.

Этот „рассказ“ желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях „победителя“ и „побежденного“, палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления „фашизма“ и „коммунизма“. В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в „Черной книге коммунизма“. Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов»²⁶.

Отношение к войне потерпевших поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные — «исполняли приказ»), подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»), палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др. Однако наиболее объективные германские историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории»²⁷. Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентировку оценок характерны и для профессиональных историков, и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне, выявленные А. Г. Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями: «Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

- стремление ввести в дискурс концепцию „равной ответственности“ Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной „ужасности“ войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 1920-е, и даже 1930-е гг., при этом „проба сил“ в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;
- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как „неправильный союзник“. Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы „коллораборационизма“. Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;
- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? — „поражение“ или „освобождение“? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу „поражения“, несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об „освобождении“ (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);
- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, что приравнивается к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине „Топография террора“;
- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;
- признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения»²⁸.

Как отмечает А. Г. Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е гг. преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х гг. утвердилась концепция «коллективной ответственности нации»²⁹. Проблема вины немцев за нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях: «Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932–1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов — организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями... Наконец, третий уровень ответственности и вины — общенациональный, состоящий в вычлениении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом»³⁰.

Вместе с тем, в немецком обществе происходит смена поколений, а значит, и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом

которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. Поколенческие сдвиги наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти победленных и виновных».

В данной связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером в совместном интервью с Президентом России В. В. Путиным газете «Бильд» 7 мая 2005 г. «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача — строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее — наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда»³¹.

Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А. Г. Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью германского канцлера. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, Г. Шредер отметил, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода»³². Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника, — как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы, — отмечает Р. Рюруп. — Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э. Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как „карающая небесная рать“, руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или

расплаты той же монетой... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым — его не постигло правосудие»³³.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса „Армагеддон: Битва за Германию, 1944–1945“, посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его „первобытным „изнасилованием“ целой нации“»³⁴.

Однако мораль войны — совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Нацистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были — не могли не быть! — психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. В апреле 1945 г. 16-летний житель Берлина записал в своем дневнике слова одного из солдат вермахта, обращенные к толпе беженцев: «Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!»³⁵ Он знал, о чем говорил.

Но советское руководство принимало меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии³⁶. Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»³⁷.

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»³⁸, тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в отношении мирного населения и советских военнопленных. Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем указ А. Гитлера как верховного главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск»³⁹. Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»⁴⁰. В этом состояла политика нацистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило

перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права при ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Например, в докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»⁴¹. Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как аналогичные действия военнослужащих союзнических армий, чьи народы не испытали на себе ужасов нацистской агрессии и оккупации, замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. Серова наркому внутренних дел Л. П. Берии от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»⁴², а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»⁴³. Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т. п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение

и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»⁴⁴.

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от нацизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточные европейские страны»⁴⁵.

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». В XX в. русские дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами. Однако у русского народа восприятие немцев весьма существенно различалось после двух мировых войн: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошли десятилетия, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения — это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней — плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»⁴⁶.

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос: «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» — 53% респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24% — «ненависть ко всем немцам», 18% — «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5% затруднились ответить. На вопрос: «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» — самый большой процент ответов — 58% — был — «никаких», «ненависть»

назвали 15%, «сострадание» (!) — 17%, «уважение» — 9%, и только 1% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос, «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56% участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13% — отрицательно и 31% затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15% подтвердили, что желали бы такой встречи, 60% ответили, что такого желания не имеют, и 25% затруднились ответить на этот вопрос⁴⁷.

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь лично и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В. В. Путин сказал: «Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призвало население не идентифицировать всех немцев с нацистами: „Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается“. И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан... Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню... Но... ненависть и жесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупи-

рованных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить... При этом в некоторых других странах мира... многие граждане к такому примирению так и не пришли». А канцлер Г. Шредер подчеркнул, что «...ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом»⁴⁸.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, — политики, идеологи, журналисты, ученые, — принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подходить к их оценке; с другой, — существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

1. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36–37.

2. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно отдельных высказываний Президента Латвии В. Вике-Фрейберги. 03.02.2005 г. URL: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/BBA0F14BC6C1F9D4C3256F9D00567836 (дата обращения: 07.08.2009).

3. Таллин: осквернили монумент советскому солдату. URL: <http://www.proua.com/news/2005/05/09/142455.html> (дата обращения: 07.08.2009).

4. Бронзовый солдат установлен на таллинском военном кладбище. URL: <http://www.rian.ru/society/20070430/64691127.html> (дата обращения: 07.08.2009).

5. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/97B3AED890067D30C3256FFB0030159B

6. Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 66.

7. Цит. по: *Владимирский А.* Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2005. С. 237.

8. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 49.

9. См.: Там же. С. 57.

10. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 12–13.

11. См.: Меркушин В. И. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58, 60.

12. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.

13. «Зверства» Красной Армии, или Кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6–19 апреля 2005 г. С. 9.

14. *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 158.
15. *Трубникова Н.* Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.
16. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/97B3AED890067D30C3256FFB0030159B
17. Там же.
18. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E
19. Там же.
20. Цит. по: *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 66.
21. Из сообщения для печати «О юбилее Победы за рубежом» от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8
22. Там же.
23. См.: <http://www.from-ua.com/news/41a2f33b6e002>
24. *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.
25. Цит. по: *Владимирский А.* Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2005. С. 228.
26. *Здравомыслов А. Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарий. М.: РОССПЭН, 2003. С. 485.
27. *Рюруп Р.* Указ. соч. С. 79.
28. *Здравомыслов А. Г.* Указ. соч. С. 502–503.
29. Там же. С. 516.
30. Там же. С. 516–517.
31. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E
32. Там же.
33. *Рюруп Р.* Указ. соч. С. 80–81.
34. *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 157–158.
35. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р. Рюрупа. Berlin: Argon, 1992. С. 255.
36. См.: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314–315; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15(4–5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220.
37. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.
38. См.: Приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина... С. 46.
39. Там же. С. 45.
40. См.: *Рагинский М. Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.
41. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.
42. Власть. 2000. № 6(357). (15.02.2000). С. 47.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.
44. *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
45. *Крестовский В.* Указ. соч. С. 148.
46. *Медведев Р. А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 15.
47. См.: *Кузнецов В. Н., Иванов В. Н., Сергеев В. К.* Юбилей Великой Победы. Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М.: ИСПИ РАН, 2005. С. 36–37, 56–57.
48. Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E

Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе

О. Н. Каменчук, В. В. Федоров*

По данным ВЦИОМ, 47% опрошенных россиян в возрасте до 24 лет не знают точной даты начала Великой Отечественной войны, причем каждый второй из них не может назвать ни дня, ни месяца, ни даже года нападения гитлеровской Германии на Советский Союз¹. Историки еще долго будут ломать копья, дискутируя о болевых точках Великой войны, немало пройдет круглых столов, сотни книг еще будут написаны о тех тяжелых днях, и, тем не менее, память о страданиях и жертвах будет жива, лишь пока ее хранят люди, далекие от кафедр, архивов и диссертационных залов научных библиотек. В данной статье будет представлена Вторая мировая война так, как ее видят россияне — люди без научных заслуг и степеней, те, кто делает историю и, что главное, от которых зависит сохранение памяти о трагедиях и триумфах прошлого.

Прежде всего, будет рассмотрен уровень персонификации и актуализации ушедших побед, затем мы обратимся к событиям, которые выделяют россияне, поговорим о героях истинных и мнимых, а также проанализируем направления развития

«популярной» исторической памяти по обе стороны окопов минувшей войны. Кроме того, будет представлена позиция россиян по ряду ведущих «проблемных» вопросов, затрагиваемых и в научных трудах, посвященных этому периоду мировой истории: оправданность жертв в войне, вклад союзников в победу над гитлеровской Германией, героизация сталинизма, оценка пакта Молотова–Риббентропа и т.д.

Триумфы и трагедии в народной памяти

В течение долгого периода времени популярное сознание фокусировалось на трех легендаризированных событиях отечественной истории: Октябрьской революции 1917 г., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоении космоса. Со сменой идеологии внимание и интерес к свершениям Великого Октября ушли в прошлое, покорение космоса, которым мы, тем не менее, по-прежнему гордимся, также вышло из зоны актуализаций, осталась память о ранах и орденах отцов и дедов и по-прежнему увеличивающийся интерес к победам и драмам Великой Отечественной войны.

Таблица 1

Можете ли вы сказать про себя, что Вы:

(закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции, 2009 г.)

1) Интересуетесь историей своей страны	
Да	71
Нет	23
Затрудняюсь ответить	6

* Ольга Николаевна Каменчук — доктор психологических наук, директор ВЦИОМ по коммуникациям.
Валерий Валерьевич Федоров — кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ.

2) Интересуетесь историей других стран бывшего СССР	
Да	49
Нет	42
Затрудняюсь ответить	9
3) Знаете историю своей страны в XX веке	
Да	66
Нет	22
Затрудняюсь ответить	12

Необходимо отметить, что россияне в целом проявляют значительный интерес к родной истории. По утверждению респондентов, более 70% из них интересуются историей своей страны и 2/3 полагают, что знают новейшую историю своего государства (см. табл. 1). Вторая мировая война (отождествляемая в популярном сознании с Великой Отечественной войной) занимает особое место в исторической памяти россиян.

Значимость Великой Отечественной войны для российского общества может быть проанализирована по трем основным составляющим: знание, персонификации и интерес, актуализации. Степень ориентации в основных датах и именах войны демонстрирует наиболее низкие значения в триаде значимости данного периода для россиян. Несмотря на то, что большинство опрошенных считает, что знает историю своей страны, лишь треть респондентов может верно назвать основные даты,

связанные с войной. Так, только 34% респондентов знают год начала Сталинградской битвы и 35% — год снятия блокады Ленинграда. Ведущие исторические персоналии вызывают несколько меньшие затруднения (49% помнят, что верховным главнокомандующим в тот период был Иосиф Сталин), но что здесь выражено в большей степени (особенно в ситуации с персоналиями) — знания или угадывание, обусловленное ориентацией в историческом контексте?

Несмотря на не слишком высокий уровень знания событийной канвы, в российском обществе сохраняется значительный интерес к событиям военных лет. Так, треть опрошенных читает книги о войне и 86–90% смотрят о ней фильмы. Причем этот интерес почти одинаково высок во всех возрастных группах, т.е. молодежь, вопреки опасениям старшего поколения, не забывает о войне.

Таблица 2

Приходилось ли Вам в течение последнего года... (Данные по ответу «Да», 2007 г.)

	Всего опрошенных	Возраст, лет				
		18–24	25–34	35–44	45–59	60 и старше
Читать книги о Великой Отечественной войне	32	32	31	26	37	31
Смотреть фильмы о войне	89	86	86	89	92	90
Встречаться с ветеранами	38	33	27	31	42	54
Посещать места боевой славы, музеи, мемориалы	32	34	30	28	31	35
Посещать кладбища, захоронения погибших воинов	32	26	27	27	35	43

Проблема, однако, заключается в незначительном уровне активности в сохранении и воссоздании прошлого (иначе говоря — в угрозе развития лишь «диванных форм» интереса к своей истории), а также в нисходящей возрастной и образовательной направленности знаний и оценок. Чем моложе россияне, тем меньше интереса они проявляют к общению с ветеранами и тем реже посещают захоронения погибших воинов, музеи и мемориалы Великой Отечественной войны (см. табл. 2). Те же тенденции прослеживаются в том, что касается персонифицированной памяти. Чем мы старше, тем лучше помним и чаще обсуждаем события военных лет

(26–31% в возрастной группе 18–34 лет против 40% в группе 35–44-летних, 51% — среди 45–59-летних и 67% — среди россиян 60 лет и старше — «много знают о подробностях жизни своих близких в годы войны»), тем ближе мы к непосредственным участникам тех событий и тем более персонифицируем их, соединяя со своей жизнью.

Сказанное выше, тем не менее, не означает, что интерес к той войне уходит со сменой поколений. Молодежи в целом свойственна ориентация на будущее, большее значение имеют сверстники и кумиры отнюдь не прошлого — в процессе же взросления ориентиры и акценты смещаются. Также не послед-

ную роль играет наследие равнодушных 1990-х, в которые росло и взросло поколение нынешних 25–34-летних и 35–44-летних. Не случайно россияне младше 24 лет, формировавшиеся уже в 2000-е гг., проявляют больше интереса к победам и жертвам войны.

Рассматривая степень значимости Великой Отечественной в комплексе, нельзя утверждать, что эти события характеризуются низким уровнем значимости для российского общества ввиду декларативности некоторых так называемых «социально одобряемых» ответов. Например, сложнее признаться, что ты не знаешь свою историю в случае, когда вопрос задается напрямую, а не проводится замер уровня информированности хотя бы в виде своеобразного теста. В случае с историческими реалиями не всегда знание тождественно ориентации в событийной канве (которая, тем не менее, также необходима). Ведь зачастую речь идет не об «ответе экзаменатору», а о коллективной памяти о боли и потерях. Не случайно именно Великая Отечественная война как событие лидирует в народном списке как величайших трагедий, так и триумфов новейшей истории России.

Герои истинные и мнимые

Изучение восприятия обществом событий и имен военных лет невозможно без рассмотрения этих вопросов в общем историческом контексте всего XX века, а также без изучения ключевых фигур той поры (в частности — личности Сталина как лидера государства в военный период). В то время как ряд событий и имен отечественной истории XX века переходит в серую зону забвения и безразличия (а ряд попросту продолжает оставаться в ней), другие — сохраняют свою значимость.

Так, россияне равнодушны к антигероям советского времени: Александру Колчаку, Петру Столыпину, Николаю II. По ряду событий, уже менее значимых, они не находят консенсуса — как, например, в оценке февральских и октябрьских событий 1917 г., а также коллективизации и индустриализации в СССР в 1920–1930-е гг., но в одном сходятся все: Великая Отечественная война — и глубочайшая трагедия, и величайший триумф в новейшей отечественной истории.

Так, в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле–мае 2009 г. и посвященного оценкам россиянами событий новейшей отечественной истории, респондентам было предложено выбрать из списка событий величайшие триумфы и трагедии истории России XX века. Консолидировано общество по следующим событиям:

Трагедии:

- поражения начала войны — 1941–1942 гг. (91%);
- массовый голод в основных зернопроизводящих районах СССР (Россия, Украина, Казахстан) 1932–1933 гг. (81%);

- военно-политический кризис в Чечне в 1990 гг. (чеченские войны) (79%);
- политические судебные процессы 1937–1938 гг., массовые аресты, репрессии и расстрелы политических заключенных (75%).

Триумф:

- Победа Советского Союза в войне 1941–1945 гг. (89%)

В этой связи любопытно отметить две тенденции: виктимизация и биполярность общественного сознания. Если в первом случае речь идет об очевидном и, в общем, объективном акценте на трагедиях тяжелого XX века, нежели на достижениях того же периода, то во втором мы наблюдаем расхождения в соотношении трагедий с персоналиями на фоне предполагаемой героизации Сталина и его эпохи. Причем последний процесс идет в условиях практически единодушного отнесения трех из четырех величайших драм XX века к периоду правления этого лидера. Можно ли в таком случае говорить об идущем процессе символической реставрации сталинизма? Обратимся к героизациям российской истории минувшего века.

Отечественная история XX века не дала россиянам однозначных антигероев, героев же — два, и один из них связан со страницами истории Отечественной войны (Георгий Жуков). По данным второй части исследования ВЦИОМ от апреля–мая 2009 г., Юрий Гагарин (92%) и Георгий Жуков (80%) — герои россиян. За первым в мире космонавтом и великим советским полководцем следуют знаменитые диссиденты — Александр Солженицын (64%) и Андрей Сахаров (57%); кроме того, 63% россиян позитивно относятся к писателю Максиму Горькому. Политические лидеры прошлого пользуются заметно меньшей любовью: Андропов (43%), Ленин (41%), Брежнев (40%), Дзержинский (39%). Единодушия в оценке сталинского периода истории нашей страны, как и растущей ностальгии по сталинской эпохе с ее свершениями и методами, — нет.

Так героизируем ли мы Сталина? Очевидно, что о данном процессе (если таковой и есть) можно говорить лишь в контексте «поверхностной героизации», то есть проходящей на эмоциональном уровне оценки личности и вклада в развитие государства. Анализ глубинных оценок и мотивации позволяет отметить: не случайно большая часть величайших трагедий новейшей отечественной истории (по оценке подавляющего большинства населения нашей страны) связана с именем этого лидера. Героизация же в целом носит гуманитарный характер и фокусируется на полководцах-победителях, космонавтах, писателях, диссидентах, в то время как любые политические лидеры (в т.ч., например, и не менее спорный, с точки зрения «популярного» восприятия, Хрущев) заметно им уступают.

Таблица 3

22 июня исполняется 68 лет с начала Великой Отечественной войны.

Как Вы думаете, стоила ли победа в этой войне ту горькую цену, которую за нее заплатила наша страна — гибель 27 миллионов наших соотечественников?

(закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции, 2009 г.)

Определенно да	48
Скорее да	28
Определенно нет	16
Скорее нет	8
Затруднились ответить	4

Вероятнее всего, это тот самый случай, когда временной и эмоциональный факторы играют не последнюю роль при рассмотрении болевых точек и персоналий прошлого. Данная ситуация лишь подтверждает правило: оценка более приближенных во временном отношении политических деятелей и событий характеризуется большей эмоциональной окрашенностью², и лишь трагедия войны 1941–1945 гг. неизменно остается незаживающей раной. Не случайно $\frac{3}{4}$ опрошенных россиян по-прежнему считают, что победа в войне стоила ту горькую цену, которую за нее заплатила наша страна — гибель 27 миллионов наших соотечественников (см. табл. 3).

«Мы» и «они»

Уже само популярное смещение Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в российском обществе; само существование такого названия, как «Великая Отечественная война», относительно трагедии последней европейской войны, в которой участвовала наша страна; то внимание, которое уделяется событиям, разворачивавшимся именно на Восточном театре боевых действий, свидетельствует об особой роли, которую россияне атрибутируют Советскому Союзу в освобождении мира от нацизма. Но насколько отличается взгляд россиян на события последней мировой войны от позиций населения других стран? В чем наши мнения схожи? В каких вопросах мы расходимся?

В целом среди населения России сохраняется прежняя тенденция этноцентричности как в интересе, так и в знании и оценках исторических событий. Так, например, как и в случае с самооценкой знания истории своего государства (России), $\frac{2}{3}$ опрошенных утверждают, что знают историю СССР, но лишь 49% респондентов проявляют интерес к истории других бывших советских республик (см. табл. 1). Эти тенденции прослеживаются и в традиционной дискуссии о роли участников антигитлеровской коалиции в борьбе с нацизмом (см. табл. 5 и 6). 92% россиян полагают, что СССР внес «основной» и 7% «очень/довольно значительный» вклад; в то время как, по мнению большинства респондентов, вклад Великобритании был либо незначительным (42%), либо его вообще не было (11%), и лишь треть (32%) усматривает сколько-нибудь существенный вклад

британского народа в победу во Второй мировой войне. Любопытно, что с США ситуация обстоит несколько иначе: 47% опрошенных россиян оценили вклад Соединенных Штатов как (в разной степени) значительный, 45% заявляют, что он был либо незначительным, либо его вообще не было. Ясного понимания, устоявшейся позиции по данному вопросу нет — налицо классическое разделение общества на противников и сторонников с минимальным количеством затруднившихся дать ответ или определить позицию (9%).

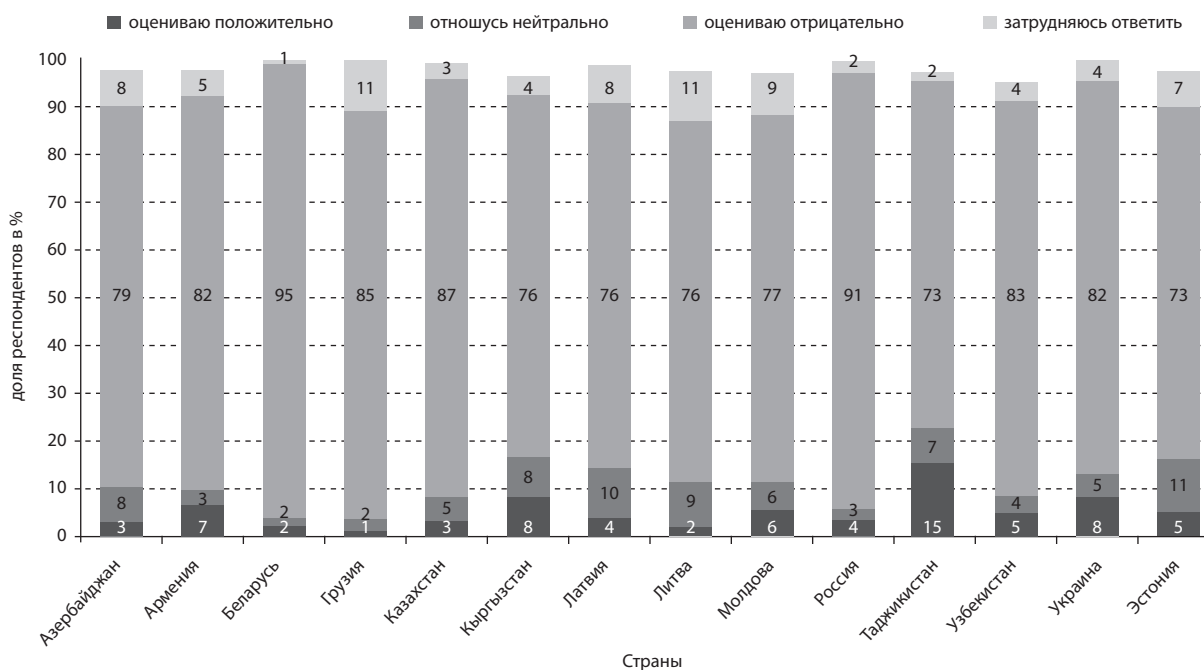
Как известно, данная позиция не вполне совпадает и с распространенными тенденциями зарубежной (в особенности американской) историографии³, и с т.н. «популярным мнением» в США и странах зарубежной Европы, что подтверждается серией исследований, проведенных по методике контент-анализа публикаций американских и европейских СМИ (как западно-, так и восточноевропейских) в период празднования 60-летия Победы над нацизмом (февраль–июнь 2005 г.)⁴, и не в последнюю очередь формируется не только с трибун и на страницах газет, но и в школьных классах и вузовских аудиториях этих стран, что очевидно при знакомстве с той литературой, которая используется в данных государствах в учебном процессе⁵. Это, впрочем, служит еще одним свидетельством тому, что *центричность собственной истории* (этноцентричность) — типичное явление в общественно-историческом сознании и особенно ярко проявляется в ситуациях, составляющих болевые точки исторической памяти⁶.

Тем не менее, выделим основные тенденции, выявленные в ходе ряда кросс-страновых исследований, которые ВЦИОМ провел совместно со своими зарубежными коллегами по данной тематике. Так, по результатам опросов, проведенных ВЦИОМ весной 2009 г., в рамках проекта международного исследовательского агентства «Евразийский монитор» совместно с коллегами — учеными из 14 республик бывшего Советского Союза (исключение составил лишь Туркменистан), стало очевидно, что население бывшего СССР в большей или меньшей степени единодушно в оценке нападения гитлеровской Германии на Советский Союз⁷. Подавляющее большинство граждан новых независимых государств ставит это событие в ряд крупнейших трагедий своей но-

вейшей истории (см. график 1). Общая выборочная совокупность превысила 16 000 человек (в каждой из стран по общенациональной репрезентативной выборке в опросе приняло участие от 1000 до

2000 человек, опросы проводились национальными социологическими центрами, в России исследование провел ВЦИОМ, на вопросы интервьюеров ответило 1600 респондентов из 46 регионов страны).

График 1
Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. (начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)

© НП «Евразийский монитор», апрель–май 2009

Другое исследование, проведенное в январе–феврале 2005 г. — в преддверии празднования 60-летия Победы антигитлеровской коалиции над нацизмом, затронуло население стран, оказавшихся в 1939–1945 гг. по разные стороны окопов. В опросе приняло участие в целом 10 000 человек из Австрии, Венгрии,

Германии, Польши, России, Словении, Украины и Чехии (часть данных приведена в табл. 4 и 5). В результате этого исследования можно выделить три основные группы стран: «постсоветская» (Россия и Украина), «западная» (Австрия и Германия), «восточно-европейская» (Венгрия, Польша, Словения, Чехия).

Таблица 4

В мае отмечается 60-летие окончания Второй мировой войны. Говорите ли Вы в своей семье о прошедшей войне, или эта тема вообще никак не затрагивается? (2005 г.)

	Австрия	Германия	Польша	Чехия	Венгрия	Словения	Россия	Украина
Говорят об этом часто	8	8	11	6	10	9	27	31
Говорят об этом время от времени	40	30	48	32	50	40	61	56
Таких разговоров практически не бывает	52	62	41	62	40	51	12	13

Таблица 5

Как Вы думаете, правильно ли, что о преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны, помнят сегодня, или нужно просто перелистнуть эту страницу истории и больше не говорить об этом? (2005 г.)

	Австрия	Германия	Польша	Венгрия	Словения	Россия
Хранить память	32	40	62	29	50	83
Главу закрыть	49	46	26	57	37	12
Затрудняюсь ответить	19	14	12	14	13	5

Таблица 6

Скажите, с каким из двух представленных на карточке мнений и суждений Вы согласны в большей мере?

Суждение 1: Советско-германский договор о ненападении 1939 г. — это вынужденный шаг советского правительства по обеспечению безопасности СССР и отсрочке войны с Германией.

Суждение 2: Пакт Молотова–Риббентропа — это преступный сговор двух кровавых тиранов — Сталина и Гитлера — о разделе Восточной Европы и начале Второй мировой войны (2009 г.)

	Образование				
	Всего опрошенных	Начальное или ниже, неполное среднее	Среднее (школа или ПТУ)	Среднее специальное (техникум)	Неоконченное высшее (не менее 3-х курсов вуза), высшее
Безусловно, больше согласен с первым суждением	26	29	27	23	26
Скорее с первым	22	24	23	21	24
В равной мере согласен и с первым, и со вторым	21	20	17	24	24
Скорее со вторым	9	5	8	10	11
Безусловно, больше согласен со вторым суждением	7	4	7	7	6
Затрудняюсь ответить	15	17	18	14	9

Таблица 7

Скажите, с каким из двух представленных на карточке мнений и суждений Вы согласны в большей мере?

Суждение 1: Разгромив фашистских агрессоров, Советский Союз не только отстоял свою свободу и независимость, но и сыграл решающую роль в избавлении народов Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Суждение 2: Для народов Восточной Европы победа Советского Союза означала смену одной оккупации другой. (2009 г.)

	Сторонники политических партий					
	Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Демократы (Партии «Правое дело» + Яблоко)
Безусловно, больше согласен с первым суждением	49	49	69	39	60	24
Скорее с первым	21	21	13	23	24	41
В равной мере согласен и с первым, и со вторым	15	14	5	19	9	12
Скорее со вторым	5	6	3	8	4	24
Безусловно, больше согласен со вторым суждением	4	3	3	3		0
Затрудняюсь ответить	6	6	7	8	2	0

Наиболее высокий уровень информированности и актуализации (обсуждение дома, сохранение памяти) наблюдается в странах постсоветской группы, самые низкие значения по этому показателю — среди государств, входивших некогда в гитлеровскую «Ось». «Западной» же группе наиболее присуща стратегия вытеснения как подход к сложному прошлому.

Так, немцы и австрийцы практически и не говорят о трагедии Второй мировой войны (в 5 раз реже украинцев и россиян), и более всего желают забыть о преступлениях, совершенных их соотечественниками в тот период (49 и 46% в Австрии и Германии «против» 12% в России). Поляки, венгры и словенцы находятся в зоне «перехода от сохранения к вытеснению» — в этих государствах общество делится пополам в вопросе о том, затрагивать победу над нацизмом в разговорах с близкими или нет. Отчасти это объясняется сложностью оценки итогов освобождения своих государств Красной Армией. Так, не окажутся сюрпризом данные, полученные в ходе первого из процитированных кросс-страновых исследований (прошедшего под эгидой агентства «Евразийский монитор» в 14 странах бывшего СССР).

Высказывая согласие-несогласие с парами суждений, россияне и прибалты (последних по использовавшейся типологии корректнее будет отнести к третьей группе в том, что касается обсуждения болевых точек Второй мировой войны) существенно разошлись в оценках ряда событий, в частности в оценке пакта Молотова–Риббентропа (как вынужденного шага или как преступного сговора) и освобождения Красной Армией Восточной Европы от нацистов (освобождение или оккупация). Любопытно, что по данным вопросам российское общество достаточно консолидированно — не наблюдается существенных расхождений в интерпретациях ни в зависимости от возраста, ни от уровня образования, ни от политических предпочтений (см. табл. 6 и 7).

Обобщая, акцентируем внимание на следующих основных тенденциях в подходах россиян к событиям военных лет:

- этноцентричность в подходах к общему прошлому;
- низкий уровень фактического знания и незначительная реальная вовлеченность в процесс сохранения памяти о Великой Отечественной войне на фоне сохраняющегося высокого интереса к событиям тех лет;
- «рубеж поколений и школ» — нисходящая возрастная и образовательная направленность знаний и оценки;
- низкая зависимость оценок болевых точек истории Великой Отечественной войны от политических предпочтений россиян;
- «геополитический водораздел»: расхождения в оценках, мотивациях и тенденциях изучения, знания и памяти о Второй мировой войне по трем основным страновым группам (победители — побежденные — жертвы);
- гуманитарный характер героизации;
- незавершенность дискуссионного процесса в отношении болевых точек и «фона» войн (например сталинизма);
- виктимизация (акцент на трагедиях, нежели достижениях сложного XX века), которая, впрочем, носит объективный характер.

Так почему же мы так плохо знаем историю войны, ставшей Великой и Отечественной для целых поколений? Как известно, историческое знание лежит не только в фактографической плоскости, а в случае со столь драматическими страницами истории народа жертвы и победы становятся символом. После безразличных и беспамятных 1990-х гг. пришло время, когда вновь пробудился значительный интерес к жертвам и подвигам военной поры. Остается надеяться, что глубоко впечатавшиеся в народную память символы со временем вернут себе частично утраченную опору из имен и дат.

¹ Процитированы данные исследования, прошедшего 16–17 июня 2007 г. Здесь и далее приводятся результаты исследований, собранные по общероссийской репрезентативной выборке в 46 регионах, 156 населенных пунктах РФ, в ходе которого было опрошено 1600 человек. Погрешность исследования не превышает 3,4%. Пресс-релиз с результатами данного опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доступен на сайте: <http://www.wciom.ru>

² Marcus E. George. *The Psychology of Emotion and Politics* // *Oxford Handbook of Political Psychology* / D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis eds. Oxford, 2003. P. 182–221.

³ Что отмечается и рядом зарубежных исследователей, например: Glantz D. M. *The Soviet-German War 1941–1945: Myths and Realities*. Clemson, 2001; Overy R. *Russia's war*. New York, 1998.

⁴ В ходе исследования было проанализировано более 140 материалов как в печатных, так и в электронных СМИ (в Австрии, Великобритании, Германии, России, Польше, США, на Украине, во Франции), затрагивавших тематику подготовки и празднования 60-летия окончания Второй мировой войны. Среди наиболее распространенных тематики, затрагивавшейся как в западных (например, в США, Великобритании), так и в восточноевропейских (например, в Польше) средствах массовой информации: пакт Молотова–Риббентропа, последствия освобождения Советским Союзом стран Восточной Европы (и раздел Европы на сферы влияния), игнорирование роли ленд-лиза и союзнической помощи в целом (со стороны СССР/РФ), но также и героизм советского народа и масштаб его жертв. Большинство из этих вопросов поднимается и в преддверии 70-летия начала Второй мировой войны.

■ Том 1. Канун трагедии

⁵ Среди них: Gilbert F., Large C. D. The End of the European Era, 1890 to the Present. New York, 1991. Thorne C. The Approach to War, 1938–1939. New York, 1978., Hilger, Thorne.

⁶ Staub E., Bar-Tal D. Genocide, Mass Killing and Intractable Conflict: Roots, Evolution, Prevention and Reconciliation// Oxford Handbook of Political Psychology / D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis eds. Oxford, 2003. P. 710–754.

⁷ Восприятие населением новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов // Евразийский монитор. 2009. Отчет доступен на сайте: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/files/154/file/090610.rar>

Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики

М. А. Мунтян*

Геополитическая инерция кануна Второй мировой войны

Крупные перемены в глобальном геополитическом раскладе сил, когда рождаются эпохи в геополитическом мышлении и происходит его бурное самообновление, всегда были связаны, как показывает история геополитики, с так называемыми «геополитическими катастрофами». Они сметали многие из существовавших правил международной жизни, в связи с чем исследователи в возникающем хаосе предпринимали осознанные попытки предугадать или предопределить контуры нового, рождавшегося на их глазах порядка. Само возникновение и становление классической геополитики обуславливалось тенденциями и процессами в мировом развитии, предшествовавшими и приведшими к Первой мировой войне, равно как и последовавшими за нею событиями. Версальский мир, продиктованный морскими государствами (Великобританией, Францией и США), в собственных интересах и за счет таких континентальных стран, как Германия, Россия и Китай, нес в себе зародыши нового, недалекого во времени, геополитического столкновения мирового масштаба. История демонстрировала, что и на этот раз победа моря над сушей была временной и неустойчивой.

Вторая в истории человечества мировая война вновь изменила соотношение сил в мире, заставив приверженцев геополитики пересмотреть ряд фундаментальных своих постулатов, создать новые геополитические модели, лишённые, как казалось их творцам, недостатков прежних теоретических доктрин. В годы этой войны и после нее все геополитические школы мира приложили существенные усилия, чтобы размежеваться с германской геополитикой,

скомпрометировавшей себя сотрудничеством с гитлеровским режимом. Речь шла, прежде всего, о тех ее положениях, которые были использованы Гитлером и его окружением для обоснования идей мирового господства германской арийской расы. В ходе состоявшейся ревизии теоретических основ классической геополитики учитывался такой очевидный факт, что чисто геополитические цели составляли суть помыслов и предопределяли деятельность ведущих мировых держав и в канун Второй мировой войны, и в процессе ее разворачивания, и после полной победы стран антигитлеровской коалиции. Это были:

- расширение национального, жизненного, государственного пространства;
- упрочение позиций и максимизация сфер влияния;
- перекройка международного баланса сил в собственную пользу.

Разница была лишь в том, что после безоговорочной капитуляции фашистской Германии и милитаристской Японии борьба разгорелась между победителями, вызвав к жизни феномен, названный «холодной войной». Причем позиции и претензии в сфере территориально-пространственных проблем главных участников этого противоборства удивительным образом перекликались с их военными и политическими расчетами накануне Второй мировой войны.

Германская геополитика конца 30-х годов XX века

Планы обретения власти над миром гитлеровской Германии общеизвестны, они были чудовищными не только сами по себе, но и тем, что возбуждали вкус к территориальной экспансии у многих других

* Михаил Алексеевич Мунтян — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета»

государств, включив их в вооруженное геополитическое соперничество и в годы войны, и после нее.

«31 марта 1941 г. Гитлер пытался объяснить свои планы собранию из 250 высших германских офицеров трех родов войск. Он говорил, что война против Франции — „конвенциональная“ война, как и вся война против Запада. Ее характер — военный, когда действуют законы военного времени. Но на Востоке все будет по-другому. Против России Германия будет вести тотальную войну. Целью кампании должны быть истребление, экспансия и заселение на колониальной основе... Военная цель „плана Барбаросса“ казалась в этой связи несущественной. Действительной целью было истребление большевизма и его еврейской зоны влияния, порабощение славянских масс в четырех „рейхскомиссариатах“ и создание автаркической экономической системы, способной выдержать любую блокаду, которую могли бы навязать англо-саксонские силы. Конечной целью Гитлера было создание 250-миллионного германского народа. Он говорил, что предполагает поселить 100 миллионов немцев на огромных равнинах западнее Урала. В 1941 г. он предполагал, что в течение 10 лет сумеет переселить на восток первые 20 миллионов.

Некоторые вопросы такого переселения народов были педантично определены до мельчайших подробностей:

- будет разрешено многоженство и свободный выбор жен для военнослужащих с орденами;
- Крым после того, как очистится от славян и евреев, станет огромным германским курортом под своим старым греческим именем Таврия, заселенным с помощью массового перемещения немецких крестьян из Южного Тироля;
- на обширных просторах Украины и южной части Европейской России была запланирована новая фольк-цивилизация.

Воображение Гитлера разыгрывалось и в дни опьяняющих успехов 1941 г. охватило всю Европу. Бельгия, Нидерланды, Люксембург, вся Франция к северу от Сомы должны были быть включены в одну Великую Германию, а имена городов стать другими: Нанси — Нанцигом, Безансон — Бизанцем. Трондхайм превратится в большой германский город и морскую базу с 250-тысячным населением. Альпы станут границей между „Германской империей Севера“ с новой „Germania“ в качестве столицы, и „Римской империей Юга“, тоже германской нации. Папа будет повешен со всеми своими регалиями на площади св. Петра в Риме. Страсбургский кафедральный собор будет превращен в гигантский памятник Неизвестному солдату. Гитлер собирался запретить курение, ввести обязательное вегетарианство, „воскресить“ кимврийское вязальное искусство, назначить „специального комиссара по уходу за собаками“ и „помощника-секретаря по защите от комаров и насекомых“... Сняв ответственность с членов специальных „эйнзацгруппен“ за их действия, фюрер указал им в качестве объектов

„немедленного уничтожения“ коммунистических руководителей вместе с евреями, цыганами и „неполноценными азиатами“. Практически эйнзацгруппен собирали всех образованных мужчин и общественных лидеров на оккупированных немцами территориях и расстреливали их всех подряд»¹.

Позднее, в сентябре 1941 года, когда советско-германский фронт был уже на подступах к Ленинграду, Гитлер недвусмысленно заявил: «Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно — за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины — закончен... Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья»².

Гитлеровская экспансия в Европе фактически поощрялась политикой умиротворения, которую Франция проводила нехотя, Великобритания же осуществляла довольно рьяно. Министр иностранных дел в кабинете Леона Блюма Ивон Дельбос заявлял в 1936 г., что «надо уступать Германии, подкармливая в мирное время, чтобы избежать войны». Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен подобное умиротворение сформулировал следующим образом: «Представляется желательным попытаться достигнуть какого-либо соглашения с Германией по Центральной Европе, каковы бы ни были цели Германии, даже если она захочет включить в свой состав кого-то из соседей. Можно будет на деле надеяться на отсрочку осуществления германских планов и даже на сдерживание рейха на такое время, в течение которого планы эти станут в долгосрочной перспективе непрактичными».

Геополитика уступок агрессору

29 сентября 1938 года Даладьё (Франция) и Чемберлен (Великобритания) в Мюнхене согласились на расчленение Чехословакии, отторжение у нее Судетской области. Менее чем через 6 месяцев, 15 марта 1939 года, последовал захват самой Чехии. В начале сентября 1938 года Н. Чемберлен решил осуществить проект, о котором сообщил лишь немногим доверенным лицам своего кабинета и для секретности называл его «планом Зет». В соответствии с этим планом он 12 сентября неожиданно обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече. В тот же день он изложил свой план в письме к ближайшему сподвижнику Ренсимену следующим образом: «Я сумею убедить его (Гитлера. — М. М.), что у него есть неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть

наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть „план Зет“»³.

Мюнхенское соглашение между Великобританией, Германией и Францией фактически стало пактом о разделе Европы, согласно которому Германия получала полное право распоряжаться в Восточной Европе. Лондон и Париж активно пытались канализировать германскую военную активность на восток, против Советского Союза, продемонстрировав при этом всю низость и опасность умиротворения фашистского агрессора. Но Гитлер рассудил иначе: через год он неожиданно для стран Запада заключил «пакт» с Советским Союзом и напал 1 сентября 1939 года на Польшу, заставив Францию и Великобританию 3 сентября объявить Германии войну. Это стало началом Второй мировой войны, но до 22 июня 1941 года ее во Франции называли «странной», в Германии — «сидячей», в США — «мнимой», или «призрачной» войной. В то время, когда гитлеровские войска в сентябре 1939 года громили Польшу, французская армия вела себя пассивно, откровенно отсиживаясь за укреплениями «линии Мажино»⁴.

Польше пришлось в одиночестве расплачиваться за патологически русофобскую политику своего руководства в предвоенные годы, сделавшей страну не жертвой, а активной пособницей всякого рода антисоветских планов, в том числе и германских. Советский Союз же в конце августа 1939 г. действовал в русле тех «правил игры», которые в то время практиковали другие великие державы. Каждая из них руководствовалась собственными целями, не считаясь с зыбкими нормами международного права того времени. Как отмечал академик А. В. Торкунов, «это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего оказывались ее пособниками»⁵.

«Странная война»

Начав боевые действия в сентябре 1939 года, к июлю 1940 г. Германия фактически объединила под своей властью всю континентальную Европу, и только Югославия и Греция были покорены несколько позже. К июню 1941 года из существовавших тогда двух десятков европейских государств (если не считать совсем крошечных) почти половина добровольно подчинилась Гитлеру или были им покорены (Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия). Они приняли участие своими вооруженными силами в войне гитлеровской Германии против СССР (правда, Испания и Дания сделали это без официального объявления войны Советскому Союзу)⁶.

В течение первого периода Второй мировой войны (1 сентября 1939 — 21 июня 1941 гг.) Германии удалось без больших людских и материальных потерь создать континентальную «германскую Ев-

ропу». Использование промышленных, сырьевых и военных ресурсов оккупированных и союзных стран превратило Третий рейх в мощнейшую военную державу, занявшую господствующее положение в Западной, Центральной, Центрально-Восточной и Юго-Восточной континентальной Европе. Обретенные стратегические позиции гитлеровской Германии оказались наиболее выгодными для нападения на СССР. Авторы труда «Мировые войны XX века» пришли к выводу, что «по существу, весь первый период войны явился для Германии подготовкой условий к дальнейшему расширению экспансии на восток, к ликвидации Советского Союза, к порабощению народов и государств всей Европы»⁷.

Вторгаясь в пределы той или иной европейской страны, германские войска обычно встречали способное изумить своей нерешительностью и слабостью их сопротивление. Особенно удивительно обстояло дело с Францией: немецкие войска, начав захват этой страны 5 июня 1940 года, уже 14 июня овладели Парижем. По Франции прокатился германский блицкриг, в результате которого фашистские войска продефилировали парадным маршем по Елисейским полям в Париже, повергнув в уныние всю Европу. Английский историк Алан Тейлор писал в изданном в 1975 году труде «Вторая мировая война» о ситуации во Франции после заключения ею «перемирия» с Германией 22 июня 1940 года: «Для подавляющего большинства французского народа война закончилась... Правительство маршала Анри Петэна осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, беспомощные протесты по поводу чрезмерных налогов... Единственное омрачение согласие: Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон... Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу. Лишь несколько сот французов откликнулись на его призыв»⁸. Разгромленная Франция, таким образом, проголосовала за спокойствие в виде вишистского унижения.

Британия чудесным образом сумела эвакуировать на острова свой практически окруженный немцами в мае — начале июня 1940 года в районе французского порта Дюнкерк⁹ 300-тысячный экспедиционный корпус. Она отказалась от услуг в качестве премьер-министра «мюнхенского соглашателя» Н. Чемберлена, избрав своим лидером У. Черчилля и уделом — сопротивление фашизму. Этот выдающийся политик, хотя и был романтической и воинственной личностью, тем не менее, слишком хорошо знал историю, чтобы тешить себя иллюзиями, что по окончании войны Великобритания останется первой державой мира или хотя бы одной из первых. Он точно знал, что Британия, даже вместе с Содружеством британских наций, не могла победить Германию. Черчилль был уверен, что рано или поздно в войну в Европе вмешаются США, и делал все, чтобы приблизить этот момент.

Британский лидер рассчитывал еще и на то, что перспектива установления особых отношений с Америкой позволит его стране сохранить остатки ее влияния в мире в будущем. 8 июля 1941 г. он пишет мрачное письмо министру авиационной промышленности лорду Бивербруку: «В поисках способа добиться победы в войне вижу, что есть только один надежный путь. У нас нет континентальной армии, которая могла бы разбить германскую мощь. Блокада прорвана, и Гитлер может снабжаться из Азии и, вероятно, из Африки. Если мы отобьем его отсюда или он не попытается вторгнуться, то он направится к востоку и нам нечем его остановить. Но есть один способ, который остановит его и погубит, и это абсолютно опустошительное, уничтожительное нападение с множеством тяжелых бомбовозов из нашей страны на вотчину нацистов».

Применение массовых бомбардировок было мерой отчаяния Британии. Министерство финансов предупреждало кабинет 5 июля 1939 г., что без решительной американской поддержки «перспективы продолжительной войны становятся исключительно мрачными». Когда при переходе к военному производству снизился экспорт, золотые и долларové запасы растаяли... К 1940 г. Британия истратила свою конвертируемую валюту: у нее остался запас только из 12 миллионов долларов, самый низкий в ее истории. Страна была вынуждена прекратить покупки за доллары¹⁰. Американские поставки продовольствия и вооружений в рамках программы ленд-лиза несколько скрашивал ситуацию, но не решал ее в сколько-нибудь длительной перспективе. В этой связи Черчилль рассчитывал на то, что приближавшееся столкновение Германии с СССР в целом улучшит военно-экономическое и политическое положение Великобритании.

Вступление во Вторую мировую войну Советского Союза и США обусловили тот очевидный факт, что и для Британии вплоть до операции «Оверлорд» в июне 1944 года война на самом деле оставалась довольно «странной». В. В. Кожин подтверждает это следующим образом: «На всем протяжении Второй мировой войны Великобритания противостояла Германии (и возглавляемой ею континентальной Европе) гораздо слабее, чем в Первую мировую войну. Об этом ясно говорит количество погибших британских военнослужащих в 1914–1918 гг. — 624 тысячи, а в 1939–1945 — 264 тысячи, то есть в 2,5 раза меньше. И это несмотря на гораздо более смертоносное оружие Второй мировой войны, в силу чего на ней вообще-то погибало в 2,5–3 раза больше военнослужащих, чем на первой». Лиддел Гарт, ознакомившись с военной документацией гитлеровской Германии после ее поражения, с удивлением констатировал, что «как это ни странно, но ни Гитлер, ни немецкое верховное командование не разработало планов борьбы против Англии». Очевидно, таким образом, что Гитлер рассчитывал добиться согласия британского

правительства на компромиссный и благоприятный для Англии мир на собственных условиях. Именно поэтому немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию, а в штабе сухопутных войск не только не планировали эту операцию, но даже не рассматривали возможность подобного развития событий¹¹.

Геополитический «торг» Сталина

Великобритания и Франция вступали во вторую мировую войну, чтобы отстоять свои колониальные владения от притязаний новых претендентов на добычу и лелеяли надежду восстановить в той или иной форме свои позиции в мире в соответствии с версальскими установлениями. Советский Союз, наоборот, делал все возможное, чтобы не допустить возвращения к версальскому порядку вещей. Принимая в июле 1940 г. вновь назначенного посла Британии в Москве сэра Стаффорда Криппса, Сталин отреагировал на его замечание, что поражение Франции ставит вопрос о необходимости восстановить баланс сил в Европе, ледяным тоном подчеркнул: «Так называемое равновесие в Европе до сих пор угнетало не только Германию, но и Советский Союз. Поэтому Советский Союз примет все меры, чтобы предотвратить восстановление прежнего европейского равновесия сил».

Будущая жертва гитлеровского вторжения на его территорию, СССР накануне второй мировой войны был занят сложным дипломатическим маневрированием. Все действия Москвы отражали стремление И. В. Сталина предотвратить вовлечение страны в войну на стороне той или другой группировки капиталистических государств, не допустить их сговора о направлении гитлеровской агрессии, прежде всего и исключительно, против Советского Союза. Но одновременно они были связаны и с решением ряда геополитических проблем на западном направлении советской внешней политики, укреплением геостратегических позиций страны. Комментируя подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. и секретного протокола к нему о разделе Восточной Европы, Г. Киссинджер отмечал, что Сталин, «похоже, не видел нужды маскировать свои геостратегические маневры каким-либо оправданием, кроме потребностей безопасности СССР». Этот автор подчеркивал, что «советский руководитель сделал окончательный выбор лишь в последнюю секунду, исходя из соображения, что Гитлер был готов бесплатно предложить ему то, что при наличии любого союза с Великобританией и Францией Сталин мог бы получить только после кровопролитной войны с Германией»¹².

«Всю весну и лето 1939 г. Сталин осторожно подавал сигналы готовности к рассмотрению германских предложений. Гитлер, однако, воздерживался от первого шага, чтобы Сталин не воспользовался этим для получения более выгодных условий от Великобритании и Франции. Сталин, в свою очередь,

испытывал подобные же опасения. Он также не решился сделать первый шаг, ибо, если этот шаг стал бы достоянием гласности, Великобритания могла бы снять с себя обязательства применительно к Востоку и вынудить его остаться с Гитлером один на один. К тому же Сталин не торопился: в отличие от Гитлера, он не ставил себе сроков, а нервы у него были крепкие. Итак, советский лидер выжидал, вызывая беспокойство у фюрера. 26 июля Гитлер призывно подмигнул. Если он собирался напасть на Польшу до начала осенних дождей, то не позднее 1 сентября ему было необходимо знать, что Сталин намеревается делать. Карлу Шнурре, главе германской делегации, ведшей переговоры о заключении торгового соглашения с СССР, были даны инструкции начать затрагивать в беседах политические вопросы... Лишь в середине августа Молотов принял посла Германии Шуленбурга с тем, чтобы уточнить, что же предлагает конкретно Шнурре... Теперь уже Гитлер нервничал как в лихорадке. Ибо решение о нападении нужно было принимать в считанные дни. 20 августа он написал непосредственно Сталину: «Я убежден, что содержание дополнительного протокола, желательного для Советского Союза, может быть уточнено в кратчайше возможный срок, если ответственный германский государственный деятель будет иметь возможность лично прибыть в Москву для переговоров».

Риббентроп был приглашен приехать в Москву через 48 часов, 25 августа. Советский руководитель проявил небольшой интерес к пакту о ненападении и еще меньший к заверениям в дружбе, которые Риббентроп то и дело вставлял в свои реплики. Предметом озабоченности Сталина был секретный протокол о разделе Восточной Европы. Риббентроп предложил, чтобы Польша была разделена по границе 1914 г. с одним лишь принципиальным различием — Варшава должна была войти в германскую сферу влияния. Будет ли придана некая видимость польской независимости или Германия и Советский Союз просто аннексируют завоеванные ими территории, не уточнялось. Что касается балтийских государств, Риббентроп предложил, чтобы Финляндия и Эстония вошли в русскую сферу влияния (что давало Сталину долгожданную буферную зону вокруг Ленинграда), Литва отошла бы к Германии, а Латвия была поделена. Когда Сталин потребовал всю Латвию, Риббентроп телеграфировал Гитлеру, и тот уступил. Точно так же, как он пошел на встречу сталинскому требованию относительно Бессарабии, которую Советский Союз хотел отобрать у Румынии...

17 сентября 1939 г., менее чем через 3 недели после начала Второй мировой войны, Красная Армия оккупировала ту часть Польши, которая предназначалась для вхождения в советскую сферу влияния... К ноябрю наступила очередь Финляндии... Через несколько месяцев героического сопротивления Финляндия усту-

пила сокрушительному превосходству Советского Союза... В июне 1940 г., когда Гитлер еще был занят Францией, Сталин предъявил ультиматум Румынии с требованием уступить Бессарабию, а также пожелал забрать Северную Буковину. В тот же месяц он включил балтийские государства в состав Советского Союза, вынудив их пойти на организацию бутафорских выборов, в которых приняли участие менее 20% населения. А когда этот процесс завершился, Сталин вернул всю территорию, которую Россия потеряла в конце Первой мировой войны; тем самым союзники заплатили последний взнос в счет штрафа за исключение как Германии, так и Советского Союза из участия в мирной конференции 1919 года»¹³.

Три момента в этой связи требуют определенного разъяснения. Во-первых, в мировой, а в последние почти два десятилетия — и в отечественной, историографиях заключение Сталиным советско-германского пакта 1939 года подвергается критике и осуждению. Действительно, указанный документ в силу различных причин, и в первую очередь морально-этических, не может вызывать энтузиазма и каких-либо позитивных эмоций у объективно оценивающих его людей. Но если вписать этот эпизод международной предвоенной жизни в общую картину стремительно скатывавшегося к новой мировой войне человечества, то объективный наблюдатель просто обязан прийти к выводу, что в августе 1939 года Сталин поступил точно так же, как Чемберлен в сентябре 1938 года. Ибо и тот, и другой старались отвести от своих стран угрозу гитлеровского нападения; и тот, и другой боялись сговора Гитлера с любым из них за счет другого. При этом каждый из них выступал в этих случаях с позиции соответствующим образом понимаемых ими национально-государственных интересов своих стран.

Разница заключалась только в том, что Сталин поступал таким образом в ситуации, которая сложилась после провала советско-англо-французских переговоров о военном союзе трех стран, после того как Чемберлен годом раньше реализовал свой «план Зет». «Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-Министр Великобритании, — объявлялось в официальном германо-английском коммюнике по этому поводу, опубликованном 30 сентября 1938 года, — рассматриваем подписанное вчера соглашение как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга»¹⁴.

Сталин не до конца понимал характер геополитических аспектов надвигающейся войны, но он чувствовал и знал, что в ней будет решаться вопрос не только о судьбе социализма, но и о России как государстве. Можно, как это сделал в 1991 году Д. Волкогонов, обвинять Сталина в том, что пакт с Германией стал «отступлением от ленинских норм внешней политики» и что «советская страна опустилась до уровня империалистических держав». Но тогда выходит, что СССР должен был абстрагироваться от мировой

политики, диктуемой именно этими державами, в то время как политика во все времена была инструментом возможного, а не желаемого. Н. Макиавелли и его последователи даже считали преступлением подмену в политике сущего должным.

Кроме того, те авторы, которые обвиняют Сталина в беспрецедентном цинизме и низости, не могут не знать, что нормы поведения государственных деятелей в международных делах в тот период, как и сейчас, выводились и выводятся не из личностных христианских или иных ценностей, а из так или иначе понимаемых национальными политическими элитами государственных интересов. Баланс же этих интересов устанавливался в соответствии с силой и могуществом каждого из субъектов международных отношений. В данном случае более эвристичным и соответствующим эпохе представляется геополитический подход, который позволил В. В. Кожинину сформулировать вывод о том, что «Сталин поступил именно так, как и любой правитель любой страны в аналогичных обстоятельствах, чему есть бесчисленные примеры»¹⁵.

Во-вторых, внешняя политика СССР в начальном периоде Второй мировой войны объявляется аморальной из-за суждения, высказанного Сталиным по поводу объявления 3 сентября 1939 года войны Германии Францией и Великобританией. «Мы не прочь, — сказал советский вождь в самом тесном кругу (К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов и Георгий Димитров, в то время генсек Исполкома Коминтерна), — чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»¹⁶.

Но известно также не менее аморальное заявление сенатора США Гарри Трумэна, произнесенное не в узком кругу сотрудников, а сделанное корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» 23 июня 1941 года, не помешавшее ему стать в недалеком будущем вице-президентом, а затем и президентом этой страны. «Если мы увидим, что выигрывает Германия, — заявил этот политик, — то нам следует помогать России. А если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». Но из-за этого ведь никто не обвиняет внешнюю политику США как аморальную. Так что при оценке сути политики вряд ли следует исходить из отдельных слов или высказываний тех или иных политических деятелей, а нужно оценивать их реальные действия, в данном случае — дипломатическое маневрирование двух стран, в недалеком будущем обреченных стать ведущими державами антигитлеровской коалиции. И Сталин должен быть осужден не за ту радость, которую он испытал от известия, что соперники Советского Союза «подрались» или за его намерение так или иначе их

«подталкивать». Советский руководитель, исходя из концепции внутренних противоречий капитализма, полагал, что междоусобная борьба в Европе будет столь же длительной и кровавой, какой она была в 1914–1918 годы. Поэтому он неправильно определял степень фашистской угрозы СССР и допустил возможность «неожиданного нападения» Германии на свою страну со всеми проистекавшими из этого тяжелейшими поражениями первого года Великой Отечественной войны.

В-третьих, как и Киссинджер, многие историки Второй мировой войны писали и пишут об оккупации СССР Восточной Польши, его участии в четвертом или пятом разделах этой страны, поглощении стран Балтии — Литвы, Латвии и Эстонии, присоединении Бессарабии и Северной Буковины, агрессии против Финляндии и отторжении Карельского перешейка. При этом они абсолютно не соотносятся с геополитической историей каждого из этих вопросов, путая их истинный смысл и некорректно применяя оценочную терминологию. Так, СССР не принимал никакого участия в разделе Польши 1939 года, ибо он возвратил себе только исконные украинские и белорусские земли, отторгнутые Польшей в 1920–1921 годах. Английский историк Алан Тейлор писал по этому поводу, что Великобритания предложила в 1919 году в качестве восточной границы воссоздаваемого Польского государства «линию Керзона». В соответствии с этой линией Министерство иностранных дел Англии и «считало по праву принадлежащей русским ту территорию, которую теперь (в 1939 г. — М. М.) заняли советские войска»¹⁷. По мнению этого автора, вся указанная проблема заключалась в том, что в «дальнейшем не было удобного случая признать законность наступления, предпринятого Советской Россией (в 1939 году)», в связи с чем этот вопрос позднее «постоянно осложнял отношения между Советской Россией и западными державами»¹⁸.

Известный американский историк Второй мировой войны Уильям Ширер писал в 1959 году: в 1939 году Сталин отказался от предлагавшихся ему Гитлером собственно польских территорий. «Хорошо усвоив уроки многовековой истории России, — отмечал этот автор, — он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости»¹⁹. Молодой российский историк А. Д. Марков в своей статье середины 90-х годов прошлого столетия подобную позицию аргументировал иными фактами. Он утверждал, что основное население Западной Украины и Западной Белоруссии не воспринимало введение войск СССР на эти территории в 1939 году как «агрессию», «захват» или «оккупацию». Напротив, пишет он, «в восточно-польских землях украинцы, белорусы и евреи (они составляли от 67 до 90 процентов населения этих территорий. — М. М.) нередко организовывали повстанческие отряды..., нападая на отступавшие польские части... Непольское население превра-

шало польские знамена в красные, отрывая от них белые полосы, засыпало цветами колонны Красной Армии..., указывало места, где поляки прятали оружие, участвовало в обезвреживании небольших польских частей»²⁰.

И в случае со странами Балтии, несмотря на явное попрание СССР права литовского, латышского и эстонского народов на самостоятельное государственное существование, дело обстоит не столь просто, как оно объясняется многими современными авторами. Россия никогда не захватывала, не завоевывала, не оккупировала территории Латвии и Эстонии, так как эти земли, вместе с Карельским перешейком между Финским заливом и Ладожским озером, были куплены Петром Великим у Швеции. Данная геополитическая сделка была закреплена в Ништадском договоре со Швецией 1721 года. Россия заплатила за указанные территории огромную по тем временам сумму — 2 млн. талеров²¹. Литва же, в отличие от Латвии и Эстонии, имела в прошлом свою государственность, которая позднее была поглощена Польшей. В конце XVIII века, при разделах Польши, литовские земли вошли в состав Российской империи вместе с территориями, населенными украинцами и белорусами.

И это произошло по чисто геополитическим причинам. Известно, что при указанных разделах к Пруссии отошли исконно польские земли, находившиеся западнее украинских и белорусских территорий. Если бы Пруссия потребовала себе еще и литовские земли, то тогда образовался бы врезающийся в российскую территорию почти 300-километровый германский «клин». Чтобы избежать такого геополитического казуса, Россия потребовала территорию Литвы себе. Собственно, эта же геополитическая модель была воспроизведена при распаде Польши в 1939 году, но с одной поправкой: 10 октября 1939 года СССР передал отошедший ему от Польши литовский город Вильно-Вильнюс с прилегающими к нему территориями Литвы.

В условиях начавшейся «большой войны» Латвия, Литва и Эстония как лимитрофные, пограничные государства между Россией и Германией должны были оказаться в сфере влияния одной из них. В Прибалтике было известно о гитлеровских намерениях в удобное время включить территорию всех трех государств в состав рейха. Требования СССР к Латвии, Литве и Эстонии заключить соглашения о взаимной помощи (конец сентября — начало октября 1939 г.) были восприняты правительствами этих стран как меньшее из возможных зол. Тем более что соглашения отнюдь не предполагали «территориально-политического переустройства» этих государств, как это было зафиксировано в секретном протоколе к «пакту Молотова–Риббентропа», а всего лишь предусматривали создание на их территории советских военных баз и размещения на них военных контингентов — по 25 тыс. человек в Латвии и Эсто-

нии и 20 тысяч — в Литве. Это должно было защитить государства Балтии от германской экспансии и обеспечивать большую безопасность СССР с прибалтийского направления.

«Эти соглашения еще не затрагивали общественного и государственного устройства Литвы, Латвии и Эстонии. Они были направлены против превращения их территорий в плацдарм для нападения на СССР. Советские гарнизоны, которые были размещены в трех прибалтийских республиках на основе заключенных с ними договоров о взаимной помощи, предписывалось не вмешиваться во внутренние дела этих стран. Народный комиссар иностранных дел писал полпреду СССР в Эстонии К. Н. Никитину 23 октября 1939 г.: „Вы не поняли нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи. Из ваших последних шифровок... видно, что вас ветром понесло по линии настроений «советизации» Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и анти-советским провокаторам. Вы также неправильным поведением сбиваете с толку эстонцев... Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли пакт о взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии“. Аналогичные указания давались и дипломатам, представлявшим СССР в Латвии и Литве»²².

Государственные деятели прибалтийских государств отмечали в своих выступлениях, что советские войска не вмешиваются во внутреннюю политику и социальные отношения их стран. К примеру, министр иностранных дел Литвы Ю. Урбисис в одном из выступлений в январе 1940 г. заявлял, что «войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши дела». С пониманием и спокойно вступление советских соединений в прибалтийские государства были встречены на Западе. Оно было расценено как сужение экономической и стратегической базы германского рейха. У Черчилля даже высказался в том смысле, что таким образом стал создаваться «восточный фронт» сдерживания Германии. Другое дело, что к лету 1940 г. под воздействием Советско-финской войны и успешной кампании германских войск в Западной Европе в правящих кругах прибалтийских государств усилились прогерманские настроения, в связи с чем правительство СССР направило руководству Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня) ноты, где указывалось, что считает совершенно необходимым и неотложным сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечивать «честное проведение в жизнь» соглашений о взаимной помощи с Советским Союзом и потребовало увеличить численность советских войск на территории Прибалтики.

Вступление дополнительных контингентов советских войск в Прибалтику, как докладывал в Лондон английский посланник в Латвии К. Орд, «значительная часть населения встретила приветственными возгласами и цветами». В это же время глава британского МИДа Э. Галифакс заявлял, что «концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера». Однако когда избранные 14–15 июля 1940 г. парламенты трех прибалтийских государств провозгласили советскую власть и приняли решения о вступлении в СССР, реакция многих влиятельных политических кругов на Западе стала однозначно отрицательной. Эти события в Прибалтике были расценены ими как «аннексия», проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», попытка «множить число советских республик» и т.п.

Но и здесь все было не так однозначно. С одной стороны, комментируя создавшуюся ситуацию, А. Тейлор отмечал, что «права России на балтийские государства и восточную часть Польши (украинско-белорусские земли. — М. М.) были гораздо более обоснованными по сравнению с правами Соединенных Штатов на Нью-Мехико (одну из захваченных американцами у Мексики территорий. — М. М.). Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которые они не применяли к себе»²³. С другой стороны, в западной прессе появлялись свидетельства того, что вступление в СССР было легитимизировано значительной частью населения трех прибалтийских республик, что делает неприменимым для этих событий по крайней мере термина «аннексия». И сегодня, когда правящие элиты ставших независимыми Латвии, Литвы и Эстонии обвиняют СССР-Россию в прошлой оккупации, закладывая этот тезис в основание антироссийской пропаганды и искажения истории, им следовало бы признать:

- существенную роль в советизации всех трех прибалтийских государств сыграла воля большинства их же народов;
- именно в составе СССР литовцы, латыши и эстонцы внесли свой вклад в победу Антигитлеровской коалиции над германским фашизмом в годы Второй мировой войны.

Летом 1940 года встал и вопрос об укреплении юго-западных границ СССР. 26 июня Советское правительство направило румынскому правительству ноту, в которой говорилось: «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом передачи той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»²⁴.

28 июня 1940 г. Красная Армия вступила на территорию Бессарабии и Северной Буковины. 2 августа из большей части Бессарабии и Молдавской автономной республики, с 1924 года входившей ранее в состав Украины, была образована Молдавская ССР, а Северная Буковина включена в состав Украинской ССР. В целом следует признать, что ввод советских войск в Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину свидетельствовал о принятии руководством СССР мер по созданию стратегического предполья на западе, на котором должна была развернуться предстоящая военная схватка с германским фашизмом и его союзниками.

Сугубо геополитической следует признать прискорбную войну Советского Союза с Финляндией, длившуюся с 30 ноября 1939 года до 13 марта 1940 г. В октябре 1939 года СССР предложил Финляндии совершить «территориальный обмен», главным элементом которого являлась передача (в сущности, возврат) в состав СССР Карельского перешейка. В обмен Москва предлагала превышающую в два раза этот перешеек территорию, расположенную севернее, в Карелии. Такого размена территориями требовали интересы обеспечения безопасности Ленинграда: с 1917 года граница независимой Финляндии проходила почти что по предместьям второго по величине и значимости советского города. Сталин на встрече с главой приглашенной в Москву финляндской делегации Ю. К. Паасикиви откровенно заявил: «Мы не можем ничего поделать с географией, так же, как и вы. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него границу»²⁵. Но «версальские державы» внушили Финляндии, что она должна оказать «противодействие СССР». Финский министр иностранных дел Э. Эркко заявил в этой связи: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдём и будем драться во что бы ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция».

На категорический отказ Финляндии согласиться с предложенным обменом территорий СССР ответил войной. СССР она обошлась в 87 506 погибших, 39 369 пропавших без вести, более 5 тысяч попавших в плен: Финляндия потеряла ходе военных действий 48 243 человек убитыми, более 43 тысяч ранеными и около 1 тысячи пленными²⁶. В конце «той войны незначительной» (по словам А. Т. Твардовского) требования Москвы были удовлетворены. Английский военный историк Лидделл Гарт писал о советских требованиях 1939 года к Финляндии: «Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии». И далее: даже после военного поражения Финляндии в марте 1940 года «новые советские требования были исключительно умеренными. Выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость»²⁷.

Карельский перешеек вошел в состав Русского государства в момент его рождения. Согласно «Повести временных лет», северное ядро Руси с центром в ее древнейшем городе Ладога создали совместно восточнославянские и угро-финские — чудь и весь — племена, притом как раз весь населяла Карельский перешеек. Позднее Карельский перешеек не раз пыталась отнять у Руси-России владевшая Финляндией Швеция. В 1617 году ей удалось его отторгнуть от ослабевшей за годы смутного времени России. Но уже в 1721 году Петр Великий возвратил Карельский перешеек, создавая безопасное пограничье вокруг новой столицы России, восстановив тем самым первоначальную границу Русского государства. Однако 90 лет спустя, в 1811 году, — два года после создания Великого княжества Финляндии, включенного в состав России, — эта территория была присоединена к нему в качестве щедрого дара Александра I. И после превращения Финляндии в суверенное государство после Октябрьской революции 1917 года в России получилось так, что граница между ними прошла не в 150-ти километрах от Петрограда, а в непосредственной видимости из его предместий. В принципе, это было весьма серьезным геополитическим дефектом в западной границе России, если исходить из ситуации приближавшейся большой войны²⁸.

Показательны в этом смысле рассуждения Уинстона Черчилля о Советско-финской войне, изложенные в его мемуарах «Вторая мировая война». Он пишет о западных границах СССР 1939 года, которые вызывали глубочайшую тревогу у правителей страны, — границах с прибалтийскими странами и Финляндией, усматривая в этом давнюю историческую проблему. «Даже белогвардейское правительство Колчака, — напоминал Черчилль, — уведомило мирную конференцию в Париже (речь идет о конференции 1919 года, подводившей итог Первой мировой войны. — М. М.), что базы в прибалтийских государствах и Финляндии были необходимой защитой для русской столицы. Сталин высказал ту же мысль английской и французской миссиям летом 1939 года». В начале Второй мировой войны «Сталин, — продолжал Черчилль, — не терял время даром». 28 сентября 1939 года был заключен соответствующий договор с Эстонией, и «21 октября Красная Армия и военно-воздушные силы уже были на месте», — заключает Черчилль. — «Та же процедура была одновременно проделана и в Литве. Оставались открытыми подступы только через Финляндию»²⁹.

В. В. Кожинов справедливо считает, что «определившуюся к 1941 году западную границу СССР-России от Ледовитого океана до Черного моря есть основания считать геополитической, соответствующей многовековому делению евразийского континента на два „субконтинента“: собственно Европу и то, что давно уже определяют термином Евразия. Это, в сущности, геополитическое обозначение России, являющей собой своеобразный субконтинент...

В 1939–1940 годах была восстановлена та геополитическая граница, которая существовала уже тысячулетие назад, в очередной раз утвердилась при Петре Великом на два века и была порушена в результате катаклизма Революции»³⁰.

Тем же авторам, которые упражняются в обвинениях России в бесчисленных агрессиях, предпринятых в Европе, можно напомнить мнение на этот счет одного из самых выдающихся историков XX столетия, Арнольда Тойнби, который писал в 1947 году: «На Западе бытует понятие, что Россия — агрессор... В XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территории. В XIX веке она — угнетатель Польши и Финляндии... Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке — это лишь контрастступление... В XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина, — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству... Польские завоевания исконной русской территории... были возвращены России лишь в последней фазе войны 1939–1945 годов.

В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века, а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915–1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918 году вторглись в Россию с четырех сторон. И, наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо.

Верно, что и русские воевали на западных землях. Однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»³¹.

Японская геополитика в годы Второй мировой войны

Япония включилась в мировую схватку, руководствуясь соображениями несколько другого плана. Задолго до начала войны в Европе она стала превращаться в нестабильное, полуголодное, все более отчаявшееся государство. Оно оттолкнуло от себя всех своих соседей, упразднило многие элементы

демократической и конституционной системы, не имело никакой осмысленной долгосрочной стратегии и убедило себя в необходимости использовать силу и расширить агрессию, чтобы найти выход из трудностей, которые оно само себе постоянно создавало. Не только гражданские партии, но и военные были разьединены: флот стоял за «южную» политику — экспансию в дальневосточные колонии, принадлежавшие Голландии, Англии и Франции, чтобы обеспечить Японию сырьем и нефтью, чего у нее не было; армейские генералы требовали экспансии в направлении азиатского материка, разбившись на фракции «северных», которые хотели укрепиться в Маньчжурии и напасть на Россию, и «южных», желавших завоевать китайские города и оккупировать огромные речные долины Китая.

Многие из них были блестящими тактиками, но никто — стратегом, способным задуматься о последствиях реализации планов, казавшихся столь привлекательными и многообещающими. Агрессивная политика Японии, стартовавшая еще в 1931 г., была в этом плане поучительной. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Токио Хью Байес писал 31 июля 1938 года: «Япония дошла до такой точки, когда длина спички и крысиная шкурка представляют собой важные экономические факторы для продолжения войны с Китаем. Нормирование и нехватка сейчас жестче, чем в Германии в 1918 г. Крысиные шкурки обрабатываются в качестве заменителей настоящей кожи. Хлопок-сырец, ткани, химикаты, кожа, металлы, нефть, шерсть и сталь исчезли с рынка. Нельзя купить зубную пасту, шоколад, жевательную резинку, мячи для гольфа, сковородку. Все сделанное из железа стало „дефицитнее золота“».

Страх перед будущим гнал правящий класс Японии по все расширявшейся «тропе войны». 27 сентября 1940 г. Япония подписала с Германией и Италией так называемый Тройственный пакт, обязывавший каждую из них вступать в войну с любым государством, если оно выступит в поддержку Великобритании. Этот сговор был явно направлен против США. Япония объявлялась ее союзниками той шпagoй, которая должна была угрожать тихоокеанским интересам американской державы в случае, если они решатся вступить в войну на европейском континенте. 13 апреля 1941 г. Токио заключил договор о ненападении с Москвой, обеспечив тем самым северный тыл для экспансии на юге. Для Советского Союза это была безусловная удача: спустя шесть месяцев Сталин сможет перебросить с Дальнего Востока хорошо обученные, полнокровные дивизии под Москву и выиграть битву, которая предрешила исход всей войны с гитлеровской Германией в пользу Советского Союза. Для Японии вступление в большую войну означало только одно: страна была обречена на то, чтобы испить сполна горькую чашу судьбы тех наций, которые меняют масло для людей на пушки для разбоя.

«После заключения договора о ненападении Сталин сделал беспрецедентный жест и проводил министра иностранных дел Японии Иосуге Мацуоку на вокзал. Это было признаком особой важности для Сталина договора с Японией, а также поводом в присутствии всего дипломатического корпуса призвать Германию к переговорам и одновременно придать себе еще больший вес как партнеру. „Европейская проблема может быть разрешена естественным путем, если Япония и СССР будут сотрудничать“, — заявил Сталин министру иностранных дел достаточно громко, чтобы все могли это слышать. Возможно, для того, чтобы намекнуть всем, что теперь, когда восточным границам обеспечена безопасность, его положение в Европе как партнера по переговорам улучшилось, ибо теперь Германии незачем воевать с Советским Союзом, чтобы обеспечить Японии тыл для войны с Соединенными Штатами. „Не только европейская проблема“, — ответил японский министр иностранных дел Мацуока. „Да, во всем мире все можно будет урегулировать!“ — согласился Сталин. И чтобы довести свои слова до сведения Берлина, Сталин затем подошел к германскому послу фон дер Шуленбургу, обнял его за плечи и объявил: „Мы должны оставаться друзьями, а вы должны сделать все для этого“³².

Г. Киссинджер, которому принадлежит вышеуказанное описание, связывал действия Сталина с его условиями присоединения к Тройственному пакту, которые были представлены в Берлин 25 ноября 1940 г. Этот автор писал, что, согласно этим условиям:

- Германия должна была вывести свои войска из Финляндии и предоставить Советскому Союзу свободу действий в этой стране;
- Болгарии предлагалось вступить в военный союз с СССР и позволить ему иметь военные базы на ее территории;
- Турция должна была согласиться на размещение советских военных баз на своей территории, включая Дарданеллы;
- Германия обязывалась оставаться в стороне, если бы Советскому Союзу пришлось добиваться осуществления своих стратегических целей на Балканах и в Дарданеллах при помощи силы;
- в развитие предложения, уже сделанного Гитлером, согласно которому территория к югу от Баку и Батуми будет считаться признанной сферой влияния советских интересов, Сталин расширил ее, включив Иран и территории до Персидского залива;
- Япония должна была отказаться от претензий на право разработки полезных ископаемых на острове Сахалин».

И далее этот известный американский историк и политический деятель заключает: «В течение последующего десятилетия, используя тактику царей, Сталин займется созданием этой сферы, где можно было — с помощью соглашений, где необходимо — при помощи силы. Он добивался целей, поставлен-

ных в меморандуме от 25 ноября, вначале вместе с Гитлером, затем на стороне демократических стран против Гитлера и, наконец, посредством конфронтации с демократическими странами. А затем, где-то ближе к концу жизни, Сталин, похоже, намеревался предпринять попытку договориться с демократическими странами в самом широком плане для сохранения того, что он перманентно считал советской сферой влияния»³³.

Когда спустя восемь недель после заключения советско-японского договора о нейтралитете Мацуока узнал о нападении Гитлера на СССР, он наивно признался своим коллегам по кабинету: «Я подписал пакт о нейтралитете потому, что думал, что Германия и Россия не будут воевать. Если бы я знал, я бы не подписал этот договор». Отсутствие координации военных планов Германии с Японией — одна из самых необъяснимых загадок во всей карьере Гитлера. Не проинформировав Мацуоку во время посещения им Берлина в начале апреля 1941 года об уже принятом решении напасть на СССР, Гитлер как бы подтолкнул японскую экспансию в южном направлении и тем самым фактически отказался от возможности открыть против Сталина еще один фронт. Именно Мацуока придумал для «южной стратегии» некую миссионерскую цель в виде создания «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». В эту сферу планировалось включить Китай, все большие города которого к этому времени были оккупированы, а экономика и коммуникации взяты японцами под контроль.

Расчеты Японии были ориентированы и на привлечение к сотрудничеству французских колоний в Индокитае, британских — в Юго-Восточной Азии, голландских — в акватории Тихого океана, а также американских Филиппин. 5 ноября 1941 г. начальник штаба армии генерал Сугияма докладывал о серии наступательных операций, которые планировались на ближайшее время: «Нам нужно 50 дней, чтобы закончить операции на Филиппинах, 100 дней — в Малае и 50 дней — в Голландских Восточных Индиях. Все операции закончатся в течение 5 месяцев с начала войны, и мы сможем вести продолжительную войну, если установим наш контроль над такими важными военными базами, как Гонконг, Манила и Сингапур». При этом он лишь упомянул об Индии и Австралии как о конечных целях предпринимаемой экспансии.

Для реализации всего или частично этого плана необходимо было избавиться от присутствия в Тихом океане американского военно-морского флота, так что война с США, с японской точки зрения, была делом предрешенным. Несмотря на то, что во многих своих аспектах, особенно в части территориальных захватов, программа экспансии Японии в южном направлении была реализована, тем не менее, о конечной победе в войне не думали даже наиболее оптимистично настроенные военные предводители

этой страны. Самый способный из них, японский адмирал Ямамото считал, что его страна не может надеяться выиграть войну против Британии и Америки, какими впечатляющими бы ни были ее первоначальные успехи. Полковник Ивакуро, специалист по материально-техническому обеспечению армии, приводил в этой связи показатели соотношения между американским и японским производством³⁴: а) стали — 20:1; б) нефти — 100:1; в) угля — 10:1; г) самолетов — 5:1; д) корабельного тоннажа — 2:1; ж) количеством рабочих — 5:1.

Начав войну против США 7 декабря 1941 г. нападением на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, Япония пошла по безрассудному пути, завершившемуся для нее в августе 1945 года ядерным апокалипсисом Хиросимы и Нагасаки. Огромное экономическое превосходство Америки означало, что в долгосрочной перспективе Япония не может помешать США развить стратегию победы, поэтому некоторые современные историки квалифицируют решение Японии открыть тихоокеанский театр Второй мировой войны как разновидность общенационального хакакири.

Обширными были пространственно-территориальные притязания еще одного верного союзника Гитлера — фашистской Италии. Благополучно завершившаяся для Муссолини агрессия в Абиссинии только разожгла аппетиты итальянского дуче. Его войска 7 апреля 1939 г. вторгаются в Албанию, 28 октября 1940 г. нападают на Грецию, где итальянцы терпят позорное поражение. 9 октября 1940 г. англичане предпринимают контрнаступление в Ливии и в феврале 1941 г. освобождают от итальянцев город Бенгази. С огромным нежеланием, но в соответствии с «Железным пактом» Гитлер все же пришел на помощь своему незадачливому союзнику, послав в Ливию африканский корпус во главе с генералом Роммелем.

Нападение Германии на СССР

28 февраля 1941 г. германские нацисты вступили в Болгарию. Спустя три недели они вынудили Югославию переориентироваться на Берлин, а когда прогерманское правительство в Белграде было свергнуто, Берлин предъявил ультиматум и Югославии, и Греции. После недели боев сдался Белград, еще через 6 дней капитулировали Афины. В мае германскими парашютистами были разгромлены английские войска, отступившие из Греции на Крит. К концу мая Каир и Суэцкий канал, нефтяные промыслы в Северном Ираке, Персия и Персидский залив, самый большой в мире нефтеперегонный завод в Абадане, морские и сухопутные пути к Индии — все они неожиданно оказались в зоне непосредственного воздействия германских войск.

Этот значительный успех был достигнут Гитлером недорогой ценой и с использованием лишь небольшой части его сил. Адмирал Редер и морское

командование просили у фюрера разрешения начать большое наступление на Ближнем Востоке. Они считали, что четверти из 150 германских дивизий могло быть достаточно для того, чтобы пробиться через Суэцкий канал и быстро продвинуться к Индийскому океану, а там — подать руку японцам, которые через Юго-Восточную Азию выйдут к Бенгальскому заливу в Индии. По мнению Редера, такой ход нанес бы Британии «более смертоносный удар, чем захват Лондона». Но Гитлер без колебания отбросил перспективы повторения пути, пройденного Александром Македонским. Его в это время привлекали лавры победителя России, которой он готовился нанести сокрушительный удар, назначив дату германского вторжения — 22 июня 1941 года.

Непосредственная подготовка Германии к войне против СССР завершилась в июне 1941 г. К этому времени в ее вооруженных силах насчитывалось 7,3 млн. человек, 71,5 тысяч артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тысяч танков и 5,6 тысяч боевых самолетов³⁵. Первостепенное внимание германское руководство уделяло сухопутным войскам. Если в мае 1940 г. перед наступлением на Францию в составе вермахта было 156 дивизий, в том числе 10 танковых и 6 моторизованных, то к лету 1941 г. — уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 мотострелковых. Для «войны на Востоке» было предназначено более 70% соединений — 156 дивизий, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также 3 бригады. Для авиационного обеспечения военных действий из 5 имевшихся у Германии воздушных флотов выделялись 3 флота полностью и один частично. Всего в подготовленных для нападения германских военных силах насчитывался 4,1 млн. человек, 40,5 тысяч артиллерийских орудий и минометов, около 4,2 тысяч танков и штурмовых самоходных орудий, более 3,6 тысяч боевых самолетов и 159 военных кораблей³⁶.

По решению Гитлера к антисоветской агрессии были привлечены войска Финляндии, Румынии и Венгрии. С их учетом для вторжения в СССР было выделено около 5 млн. человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тысяч орудий и минометов, около 4,4 тысяч танков и штурмовых орудий, более 4,3 тысяч боевых самолетов и 246 военных кораблей. Правители Италии, Словакии и Хорватии, как только узнали о нашествии на СССР, по собственной инициативе срочно направили на германо-советский фронт: итальянский экспедиционный корпус в составе 3 дивизий (62 тысячи человек), словацкий корпус с 2 дивизиями (28 тысяч человек), хорватский усиленный полк (более 3 тысяч человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских самолетов.

Располагая невиданной в истории войн мощнейшей армией вторжения, немецкое военное руководство не сомневалось в успехе предстоящего похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта фельдмаршал В. Браухич 30 апреля 1941 года заверял

Гитлера, что Красная Армия будет разбита в ходе ожесточенных пограничных сражений в течение первых четырех недель, после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением».

Черчилль, приходивший в отчаяние из-за возможности успешного германского похода на Ближний Восток, уже вечером 22 июня 1941 года связал Великобританию обязательствами рабочего сотрудничества с атакованной Россией. Он пытался соединить в одном антигитлеровском альянсе индустриальную мощь Англии и США с неисчерпаемой русской живой силой для тотального разгрома германской военной машины. Ради этого он готов был умерить свои имперские амбиции и на время войны забыть идеологическую несовместимость с долгожданным соратником в борьбе с нацистской Германией.

Вступление США в войну

Реализации Черчиллем этой задачи благоприствала политика по включению своей страны в глобальный конфликт, проводимая американским президентом Ф. Рузвельтом. Все возраставшая мощь Америки просто не могла не вовлечь ее в центр международных событий, ибо национальные интересы страны необходимо было защищать, имея в виду угрозу германской гегемонии в мире, и реализовать, перехватывая наследство клонившихся к закату колониальных империй Франции и Великобритании. Задача же Рузвельта заключалась в том, чтобы на этот раз вовлеченность США в мировую войну стала первым шагом на пути к обретению постоянного статуса мирового экономического и политического лидера.

11 декабря 1941 г. Риббентроп вызвал временного поверенного в делах США в Берлине Лиланда Мориса и от имени фюрера прокричал ему: «Ваш президент хотел войны, он получил ее». Германское руководство вряд ли отдавало себе отчет в том, что оно собственными действиями создавало международную антинацистскую коалицию стран и народов. Эта коалиция объединяла страны с населением 700 млн. человек против 70 млн. в Германии, к тому же экономическое ее превосходство было сокрушительным. Только США за год участия в войне довели количество построенных танков до 24 тысяч, самолетов — до 48 тысяч штук. В самом начале американская экономика увеличила свое военное производство до уровня всех трех стран «Оси», вместе взятых, а к 1944 году удвоила его. «Под ружье» в стране были поставлены более 7 млн. человек (в начале 1930-х годов американская армия насчитывала 132 069 офицеров и солдат, занимая по ее величине 16-е место в мире — после Чехословакии, Польши, Турции и Румынии).

США сделали решительный шаг в направлении участия в разгоравшемся мировом конфликте 2 марта 1941 г., когда конгресс принял закон о ленд-лизе.

Он разрешал президенту «продавать, перебрасывать, разменивать, сдавать в аренду, давать займы или предоставлять другим способом» материальные средства любой стране, оборону которой он считал жизненно важной для безопасности Америки. Теоретически это позволяло Рузвельту осуществлять неограниченные поставки, в частности, в Великобританию, без оплаты. Но в действительности Англия была вынуждена платить за большую часть вооружений. Кроме того, она, в обмен на соглашение о ленд-лизе, передавала США всю свою экспортную торговлю и была обязана после войны отменить имперские преференции, которые связывали ее с колониями. Это для американцев было «более важной целью в международной политике, нежели борьба с тоталитарными странами». Сенатор Артур Ванденберг следующим образом прокомментировал значение закона о ленд-лизе: «Мы кинулись прямо в пучину силовой политики и силовых войн Европы, Азии и Африки, мы сделали первый шаг в направлении, откуда уже не будет пути назад».

В апреле 1941 года Рузвельт сделал еще один решительный шаг в направлении войны, договорившись с датским представителем в Вашингтоне об оккупации американскими вооруженными силами Гренландии. Одновременно с этим американский президент информировал Черчилля о том, что военно-морские силы США будут патрулировать северную часть Атлантического океана к западу от Исландии, прикрывая, таким образом, две трети океанического пространства и «сообщая о местоположении возможного агрессора на море и в воздухе». В августе 1941 г. президент еще формально нейтральных США Рузвельт и британский премьер-министр Черчилль встретились на борту крейсера у побережья Ньюфаундленда, где подписали так называемую Атлантическую хартию — ряд общих принципов, на которых они основывали «свои надежды на лучшее будущее всего мира».

В сентябре 1941 г. США перешли черту, отделявшую их от прямого участия в военных действиях. 11 дня этого месяца Рузвельт распорядился, чтобы флот США топил «по мере появления» германские или итальянские подводные лодки, замеченные в зоне американской обороны, простиравшейся в Северной Атлантике вплоть до Исландии. Одновременно Рузвельт принял вызов Японии, прекратив после оккупации последней Индокитая действия торгового договора и введя эмбарго на многие традиционно поставлявшиеся в эту страну товары и материалы. Перл-Харбор как символ начала японской войны против США стал в этих условиях неотвратимым, что и произошло 7 декаб-

ря 1941 г. Объявление Гитлером через 4 дня войны США разрешило мучившую Рузвельта проблему, как подвигнуть американский народ к вступлению в войну³⁹.

Нападение гитлеровской Германии на СССР и объявление ею войны США превратили во многом «странную войну» в Европе в действительно мировое столкновение двух гигантских сил — Антигитлеровской коалиции и держав «оси Берлин — Рим — Токио». Отмечая в 2009 году 70-летие начала Второй мировой войны и празднуя в 2010 году 65-летие Великой Победы, человечество пытается, усвоив уроки прошлого, не допустить таких же или больших трагедий в будущем. И сегодня размышляющим о соответствии условиям ядерной эры формулы Клаузевица «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» все большему количеству людей становится ясно, что ни ядерные, ни обычные войны не должны быть средством и / или продолжением политики.

Ученые-политологи в то же время убеждены, что войны вне политики всегда были и будут невозможными. Они исходят из того, что качественные изменения в самом феномене политики и в средствах вооруженной борьбы все более усложняют взаимосвязи политики и войны: с одной стороны, повышается роль и ответственность политики, с другой — все более изощренное информационно-психологическое оружие (soft power) оказывает влияние на политику. При этом самым кардинальным образом изменяется характер современных войн и их последствия. В этом смысле искажение и фальсификация истории, в нашем случае истории Второй мировой войны, является важной составной частью разнообразных информационных войн, ведущихся разными странами с различными целями, но всегда связанными с политизацией исторического прошлого.

Информационные воздействия такого плана способны серьезно влиять на главный геополитический потенциал любого государства — национальный менталитет, культуру и моральное состояние его граждан. Вице-президент Коллегии военных экспертов России генерал-майор А. И. Владимиров отмечал в 2002 году: «Сегодня уже существует еще не оцененная нами и ставшая реальностью глобальная угроза формирования не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии»⁴⁰. В этом смысле борьба за честную и объективную историю России становится важным компонентом защиты национально-государственных интересов страны и обеспечения ее свободного и перспективного будущего.

¹ Джонсон П. Современность. Т. I. М., 1995. С. 437–438.

² Цит. по: Проектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 303, 304.

³ См. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 191.

⁴ В те дни 85 французским дивизиям, в составе которых насчитывалось 2300 танков, на западном фронте противостоя-

ла 31 немецкая дивизия, из которых только 11 были кадровыми а остальные — слабо обученными и плохо вооруженными формированиями, у которых не было ни одной моторизованной части, ни одного танка Наступление войск англо-французской коалиции могло бы поставить Германию на край катастрофы (Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2000. С. 72.).

⁵ Торкунов А. В. Предвоенные уроки нашему времени / «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 21.

⁶ См. подр.: Кожин В. В. Война и геополитика // <http://kozhinov.vjskres.ru/hist2/glava1.htm>. С. 6, 7.

⁷ Мировые войны XX века, с. 85.

⁸ Цит. по: Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 231–232.

⁹ По поводу «дюнкерского спасения» англичан в исторической литературе доминируют две точки зрения. Первая состоит в том, что Гитлер и его военачальники допустили грубейшую ошибку, в результате которой Лондон сумел организовать переправу своих войск через Ла-Манш. Вторая же утверждает, что Гитлер неожиданным приказом, переданным по радио в незашифрованном виде, приостановил наступление своих частей в районе Дюнкерка, дав возможность Англии сохранить свою единственную армию, надеясь договориться с Лондоном о выгодных для себя условиях мира. Об истинной сути дюнкерского «чуда» еще в 1956 году французский историк А. Гутар писал следующее: «Гитлер был убежден, что Англия ... будет вынуждена заключить мир. Он имел твердое намерение облегчить англичанам это дело и предложить им чрезвычайно великодушные условия. Было ли удобно при этих условиях начать с того, чтобы захватить у них единственную армию? Лучше позволить их войскам совершить посадку на суда, что не представляло никакой опасности, так как они не могли взять с собой оружие и война уже на исходе». (Цит по: Розанов Г. Л. Сталин. Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991. С. 204).

¹⁰ Джонсон П. Современность. Т. 1. С. 424–426.

¹¹ Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М., 1976. С. 94, 95.

¹² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 303, 299.

¹³ Там же, с. 297–303, 304, 307.

¹⁴ Цит. по: Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии мировой войны. М., 1971. С. 136.

¹⁵ Кожин В. В. Русское воскресение // <http://kozhinov.voskres.ru/hist2/glava1.htm>. С. 18.

¹⁶ Цит. по: Наринский М. М. Как это было // Другая война. М. 2001. С. 44.

¹⁷ Тейлор А. Указ. раб., с. 402. Министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон предложил в 1919 году установить примерно ту восточную границу Польши, которая существует и в настоящее время. Но в ходе войны 1920 года с Советской Россией Польша отодвинула ее далеко на восток, включив в свой состав земли Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Вильнюсский край бывшей царской России.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 8.

²⁰ Марков А. Д. Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 18.

²¹ См. подр.: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 118–131.

²² Мировые войны XX века, с. 88.

²³ Тейлор А. Указ. раб., с. 497.

²⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 515–516.

²⁵ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы второй мировой войны. М., 1992. С. 54.

²⁶ Риф секретности снят. М., 1993. С. 121, 1223.

²⁷ Лиддел Гарт. Б. Вторая мировая война. М., 1976. С. 56, 57.

²⁸ Кожин В. В. Указ. раб., с. 33, 34.

²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 191. С. 242–243.

³⁰ Кожин В. В. Указ. раб., с. 32–33.

³¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106–107.

³² Киссинджер Г. Указ. раб., с. 349–352

³³ Там же. С. 355

³⁴ Там же. С. 363

³⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторический очерк. М., 1998. Кн. 1. С. 80.

³⁶ Там же, с. 113.

³⁷ Там же.

³⁸ Мировые войны XX века, с. 132.

³⁹ Там же. С. 363

⁴⁰ Владимиров А. И. Стратегические этюды. М., 2002. С. 118.

Книга вторая

**ИСТОКИ
МИРОВОГО
ПОЖАРА**

Мюнхен: роковой перекресток на дороге войны

А. В. Торкунов*

Приближение годовщины начала Второй мировой войны дает новый импульс дебатам о происхождении этой величайшей трагедии. Переосмысление исторического опыта — естественный процесс, обусловленный появлением новых документальных данных, сменой поколений и эволюцией исторической памяти. К сожалению, в последние годы в него привносятся чисто политические и идеологические моменты, особенно со стороны молодых европейских государств, входивших ранее в состав СССР и социалистического лагеря. Озабоченные поисками своей новой идентичности, они пытаются пересмотреть генезис и даже саму природу Второй мировой войны для сведения счетов с советским прошлым и самоутверждения.

Основные вехи углубления европейского кризиса хорошо известны и общепризнанны: ремилитаризация Рейнской области нацистской Германией, политика невмешательства западных демократий в годы гражданской войны в Испании, аншлюс Австрии, мюнхенская сделка и советско-германские соглашения лета–осени 1939 г. Не вызывает сомнения, что на всех стадиях этого процесса сохранялась реальная возможность совместными усилиями остановить страны «оси» в их территориальных захватах. Вопрос о том, почему не удалось этого добиться и тем самым предотвратить Вторую мировую войну, является одним из ключевых для понимания ее причин и исторических уроков.

Здесь действовал целый ряд факторов. Политическая элита западных демократий в большинстве своем не понимала фанатизма и ненасытной агрессивности фашистского тоталитаризма, видела в Гитлере пусть опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий

против столпов западной цивилизации, и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого Советского Союза. Трагическую роль сыграл и узколобый эгоизм, стремление присоединиться к сильному и пожить за чужой счет, не гнушаясь использовать бедственное положение своих соседей, ставших жертвой агрессии со стороны крупных хищников. Чем еще можно объяснить поведение во время Мюнхенского кризиса тогдашних правительств Польши и Венгрии, которые, по словам Уинстона Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии»?

Солидарности в борьбе против общей угрозы не меньше прочего мешали взаимная идеологическая враждебность, заслонявшая общность коренного интереса. Обе стороны видели друг в друге не столько союзников, сколько потенциальных противников, и пытались отвести удар нацистской военной машины от себя в сторону идеологического соперника. В результате вместо коллективного отпора

* Анатолий Васильевич Торкунов — академик РАН, ректор МГИМО.

агрессорам европейские страны действовали по принципу «спасайся кто может!», дав возможность Гитлеру и Муссолини вплоть до сентября 1939 г. добиваться своих целей без единого выстрела. Это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками.

Советская политика была частью этой общей картины. Разница состояла в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия была активнее и последовательнее французской и английской в стремлении наладить коллективное противодействие агрессорам. В преддверии Мюнхенского кризиса одна Москва не отказалась от своих гарантий Чехословакии и открыто заявляла о своей готовности прийти ей на помощь, если и Франция выполнит аналогичное обязательство. Она также предупреждала Польшу о том, что в случае ее нападения на Чехословакию будет считать это актом агрессии и денонсирует советско-польский договор о ненападении. Нарком Литвинов предлагал срочно созвать конференцию с участием Великобритании, Франции и России с приглашением Румынии и других малых стран для разрешения кризиса вокруг Чехословакии. Однако Чемберлен усмотрел в этом опасность «усиления большевизма», и советская инициатива осталась без ответа. «Поистине поразительно, — писал впоследствии Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».

Циничное игнорирование интересов СССР, оставшегося после Мюнхена наедине с вермахтом, было одним из последствий этой позорной сделки. Она подорвала всю систему союзов и квазисоюзов, которая могла служить противовесом фашизму — малую Антанту, французские гарантии Чехословакии и советско-французский договор 1935 г. Но главное — Мюнхен вырыл между Москвой и западными демократиями пропасть, преодолеть которую впоследствии оказалось невозможно. Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и тем самым сделал для него приемлемым пойти на риск полного завоевания Европы.

Даже после того, как западные державы изолировали Советский Союз, а Гитлер ликвидировал Чехословакию в марте 1939 г., советское правительство не прекращало попыток договориться о совместном отпоре Германии. Его предложения от 17 апреля

проложили дорогу трехсторонним переговорам в Москве. То была последняя слабая возможность остановить роковое сползание к мировой войне. К несчастью, и она была упущена. Колебания западных держав, упрямство Польши в вопросе о проходе советских войск через ее территорию, непрекращающиеся попытки Лондона и Москвы договориться с Гитлером за спиной друг друга — все это обрекало переговоры на неудачу.

Для советского руководства пакетное соглашение с Гитлером стало зловещей альтернативой союзу с Францией и Великобританией, которая без лишних проволочек сулила гораздо более выгодное решение основных проблем безопасности: хотя бы временное ослабление германской угрозы, создание обширной буферной зоны на западных границах СССР, ослабление советско-японских противоречий. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в повестке дня Гитлера), сколько в пространстве, позволившем увеличить глубину обороны. Появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, отплатив ему той же монетой за Мюнхен. Одновременно исключалась (или, по крайней мере, затруднялась) самая кошмарная перспектива, в которую, похоже, всерьез верили в Москве — создание единого антисоветского фронта всего Запада.

Я далек от того, чтобы оправдывать действия Сталина или изображать его по появившейся моде последних лет «трезвым реалистом», избравшим в тогдашней критической обстановке единственно верный путь.

Вместе с тем в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера, и тем более — считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами. «Россия хладнокровно преследует свои интересы, — говорил Черчилль после вхождения Красной Армии на украинские и белорусские земли Восточной Польши. — Конечно, было бы лучше, если бы русские армии дошли до своих нынешних западных рубежей, как друзья и союзники Польши, а не как армия вторжения. Но то, что они туда дошли, необходимо для безопасности России перед нацистской угрозой». Советско-германские соглашения 1939 г. облегчили Гитлеру разгром Польши, но и без них Гитлер не отказался бы от операции «Вайс», тем более что французы с англичанами даже после объявления войны Германии отнюдь не спешили на помощь Польше.

Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков

В. П. Смирнов*

Мюнхенская конференция 29 сентября 1938 г. и советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. изучаются уже более полувека. Основные документы давно опубликованы; имеется обширная научная и публицистическая литература на разных языках, однако споры вокруг этих событий не прекращаются. В основном они ведутся вокруг оценок Мюнхенской конференции и советско-германского пакта, то есть вокруг таких вопросов, которые, по самому существу дела, трудно поддаются доказательству и проверке. Часто они носят болезненный характер, потому что Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении, сопровождавшийся секретным «дополнительным протоколом» о разграничении сфер влияния в Восточной Европе между Германией и СССР, определили судьбу ряда стран и народов и оказали глубокое воздействие на их историческую память, национальное самосознание, чувство национальной гордости. Содержание, характер и тональность таких споров во многом определяются международной обстановкой и политическими переменами в тех или иных странах.

В годы «холодной войны» изыскания по истории Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении широко использовались в идейной и политической борьбе между «Западом» и «Востоком». Советские историки занимались прежде всего Мюнхенской конференцией, потому что позиция Советского Союза накануне и во время нее выглядела безупречной с моральной, правовой и политической точек зрения, а позиция Англии и Франции, пытавшихся «умиротворить» гитлеровскую Германию, давала основания для серьезной критики. На Западе охотнее писали о советско-германском пакте, потому

что он положил начало предвоенному сотрудничеству СССР и Германии, привел к разделу стран Восточной Европы между ними и вызывал возмущение западного общественного мнения.

В 1948 г. государственный департамент США совместно с министерствами иностранных дел Великобритании и Франции издали сборник трофейных немецких документов о сотрудничестве Советского Союза и нацистской Германии в 1939–1941 гг.¹, где был опубликован и секретный «дополнительный протокол» от 23 августа 1939 г.

В ответ советское правительство опубликовало так называемую историческую справку «фальсификаторы истории»², которая, в свою очередь, обвинила США и Великобританию в пособничестве нацистской Германии, в том числе в попытках сговора с ней во время Второй мировой войны. Вышедшая в свет тиражом в 2 млн. экземпляров, распространяемая всеми средствами советской массовой информации, «историческая справка» на много лет вперед определила содержание и характер всех советских работ по истории международных отношений новейшего времени, включая оценки Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении.

После крушения советского режима и распада СССР, когда приоткрылись секретные советские архивы, и историки получили возможность свободно высказывать свои мысли, история международных отношений накануне и во время Второй мировой войны (особенно история советско-германского пакта о ненападении) привлекла большое общественное внимание. Она стала предметом многочисленных выступлений в средствах массовой информации и в научных дискуссиях. По подсчетам российского историка С. З. Случа, в 1992–2006 гг. в России было

* **Владислав Павлович Смирнов** — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

издано более 670 работ по истории и предыстории Второй мировой войны, в том числе 73 сборника документов³. С 1989 по 2008 гг. Институт славяноведения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Московский Государственный Институт Международных Отношений (Университет) и другие научные учреждения России провели более десятка «круглых столов» и четыре международных конференции на эти темы. В ходе научных и политических дискуссий изменились многие, унаследованные от советского прошлого представления и оценки, были высказаны новые точки зрения.

С.З. Случ обнаружил 34 «наиболее заметные новации, сопряженные с конкретным фактическим материалом и озвученные в том или ином виде в 1985–1991 гг., хотя, как правило, не разработанные ввиду отсутствия доступа к документам»⁴. 14 таких «новаций» относятся к оценке советско-германского пакта о ненападении и 3 — к Мюнхенской конференции.

В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, в российской историографии и публицистике сформировались два основных направления, которые условно можно назвать «традиционным» и «критическим». «Традиционалисты», в основном, следуют за исторической справкой «Фальсификаторы истории», оправдывая советскую внешнюю политику накануне и во время Второй мировой войны. «Критики» осуждают многие аспекты этой политики, считая, что они были порождены тоталитарным сталинским режимом, противоречили демократическим принципам и международному праву, затрудняли борьбу против фашизма.

Явная или скрытая полемика между сторонниками этих направлений в значительной степени определяет подход современных российских историков к изучению Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении.

Мюнхенская конференция

В последние годы в России опубликовано немало новых документов о Мюнхенской конференции⁵, однако они не меняют прежних представлений о ней. Подавляющее большинство современных российских историков вслед за своими советскими предшественниками оценивают Мюнхенскую конференцию как «сговор» правящих кругов Великобритании и Франции с гитлеровской Германией и одновременно как капитуляцию перед Гитлером; как наглядное проявление пагубной политики «умиротворения» агрессоров, которая разрушила отстаиваемую Советским Союзом систему коллективной безопасности и, в конечном счете, привела к войне⁶. Политика СССР в это время представляется им совершенно безупречной; они уверены, что «СССР настойчиво боролся за реализацию действенных мер по защите Чехословакии»⁷. С такими оценками советской внешней политики полемизирует С.З. Случ, по мнению которого «официально декларированный (Совет-

ским правительством. — В. С.) курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии... был не более чем тактическим маневром, удобным камуфляжем генеральной сталинской стратегии, направленной, как и ранее, на разделение мира и сталкивание одних государств с другими, на углубление противоречий и конфликтов, т.е. стратегии, связанной, в конечном счете, с экстраполяцией марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу межгосударственных отношений»⁸. С.З. Случ полагает, что нельзя говорить о настойчивой борьбе СССР в защиту Чехословакии; «документы позволяют сделать другой вывод, а именно, что политика Кремля в ходе чехословацкого кризиса была преимущественно изоляционистской, при всей — чисто внешней — дипломатической активности»⁹.

В подтверждение этого тезиса С.З. Случ приводит обнаруженное им в советских архивах письмо народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова советскому полпреду в Чехословакии от 26 марта 1938 г., где Литвинов пишет: «Моя декларация (с протестом против присоединения Австрии к Германии. — В. С.) является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе»¹⁰.

Такое доказательство представляется недостаточным. Во-первых, Литвинов лишь предположительно пишет о возможности занять в будущем «позицию малой заинтересованности», а во-вторых, — и это главное, — после захвата Австрии Германией СССР проявил очень большую заинтересованность развитием дел в Европе, и Литвинов неоднократно призывал демократические государства к сотрудничеству в защиту следующей жертвы агрессии — Чехословакии, причем особенно настойчиво в сентябре 1938 г., накануне и во время Мюнхенской конференции.

Точка зрения С.З. Случа пока не вызвала широкой дискуссии. Российских историков больше привлекали другие вопросы, связанные с Мюнхенской конференцией, а именно:

1. Действительно ли Советский Союз хотел оказать военную помощь Чехословакии, несмотря на отказ Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию?
2. Верно ли, что главной целью английских и французских «умиротворителей» было, как утверждал Сталин, стремление направить агрессию нацистской Германии против СССР?

Из публичных выступлений советских дипломатов и их секретных переговоров с французскими и чехословацкими представителями давно известно, что СССР не раз заявлял о готовности выполнить свои обязательства перед Чехословакией по пакту о взаимной помощи, если Франция, связанная с Советским Союзом договором о взаимопомощи, также придет на помощь Чехословакии, независимость ко-

торой она гарантировала. Однако Советский Союз не имел общих границ ни с Чехословакией, ни с Германией, и его войска могли помочь Чехословакии, только пройдя через Польшу и Румынию, которые этого не хотели.

2 сентября 1938 г. французское Министерство иностранных дел запросило СССР: «...на какую помощь может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии?» Литвинов ответил: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»¹¹. Для определения конкретной помощи Чехословакии Литвинов предложил «созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий»¹².

Касаясь вопроса о пропуске советских войск через Польшу или Румынию, Литвинов сказал, что было бы целесообразно поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций. «Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии». Может быть, не удастся добиться единогласного осуждения агрессора, но «даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности, если с большинством стала бы согласна и сама Румыния». Кроме того, Литвинов считал весьма желательным созвать «совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира» с участием Англии, Франции и СССР, которое (возможно, при поддержке США) могло бы принять декларацию, осуждающую агрессию¹³.

Из заявления Литвинова, тут же переданного чехословацкому правительству, видно, что советский план действий в защиту Чехословакии был планом коллективной безопасности. Он состоял в том, чтобы заручиться санкцией большинства членов Лиги Наций на отпор агрессорам и, может быть, получить одобрение США, а это могло бы побудить Польшу или Румынию дать согласие на пропуск советских войск. Конечно, Советский Союз надеялся, что Франция, — как она не раз заявляла, — тоже придет на помощь Чехословакии, но, в крайнем случае, был готов действовать самостоятельно, независимо от позиции Франции.

Это вытекает из заявлений Советского правительства правительству Чехословакии 20 сентября 1938 г. Как известно, 16 сентября премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен договорился с Гитлером о передаче Германии Судетской области Чехословакии, где немецкое население составляло большинство. 19 сентября Великобритания и Франция от своего имени предъявили это требование Чехословакии. Президент Чехословакии Э. Бенеш немедленно обратился к Советскому правительству с просьбой как можно скорее ответить на два вопроса:

1. Окажет ли СССР, согласно договору (о взаимной помощи. — В. С.) немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь?»
2. Поможет ли СССР Чехословакии «в качестве члена Лиги наций», если Чехословакия обратится туда за помощью в случае нападения Германии?¹⁴ Второй вопрос имел особо важное значение, ибо он подразумевал оказание помощи со стороны СССР независимо от Франции¹⁵.

На следующий день советское правительство дало утвердительный ответ на оба вопроса, проинформировав об этом французское правительство¹⁶.

Получив такой ответ, Чехословакия обратилась к Великобритании и Франции «с последним призывом», настаивая, чтобы они пересмотрели свою точку зрения», ибо «речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции»¹⁷.

Тогда Великобритания и Франция предъявили Чехословакии форменный ультиматум. Как это происходило, рассказал министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта в телеграмме посланникам Чехословакии в Лондоне и Париже. Явившись к президенту Бенешу в 2 часа ночи 21 сентября 1938 г., «французский и английский посланники сообщили:

1. То, что предложили Англия и Франция (т.е. передача Судетской области Германии. — В. С.), является единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии.
2. В случае если ответ Чехословацкой Республики будет отрицательным, она (а не Германия. — В. С.) будет нести ответственность за развязывание войны.
3. Это уничтожит франко-английскую солидарность, так как Англия не выступит.
4. Если же при этих обстоятельствах возникнет война, Франция не присоединится, т.е. не выполнит договора. Это было сказано именно так»¹⁸.

Англо-французский ультиматум вынудил чехословацкое правительство согласиться на передачу Судетской области Германии (хотя значительная часть населения Чехословакии требовала защищаться). «В Праге происходят потрясающие сцены, — докладывал в Москву советский полпред. — Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство... Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть»¹⁹.

Советское правительство осудило капитуляцию перед нацистскими агрессорами. Выступая на заседании Лиги Наций 21 сентября 1938 г., Литвинов заявил:

«Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценой удовлетворения appetitов ненасытных

агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств — не значит действовать в духе пакта Лиги наций»²⁰.

Литвинов подтвердил предшествующие заявления о том, что Советский Союз выполнит свои обязательства по договору о взаимной помощи с Чехословакией и готов немедленно принять участие в обсуждении военных вопросов с представителями французского и чехословацкого военных ведомств.

Литвинов вновь предложил план коллективных действий, который он обсуждал еще в беседе с французскими дипломатами 2 сентября 1938 г.: поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций и созвать «совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша»²¹.

Предложение Литвинова не было принято, но он продолжал призывать к отпору агрессорам. 23 сентября 1938 г. (уже после принятия Чехословакией, как сказал Литвинов, «Германо-англо-французского ультиматума»), Литвинов заявил, что в случае предъявления Германией новых требований, «решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках» и помощи Франции «вступит в силу советско-чехословацкий пакт». Литвинов добавил, что Советский Союз мог бы прийти на помощь Чехословакии, даже если Франция откажется выполнять свои обязательства, но «лишь в порядке добровольного решения, либо в силу постановления Лиги Наций»²².

Когда Чехословакия обратилась к СССР с просьбой заявить в Варшаве, «что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию»²³, Советское правительство немедленно выполнило эту просьбу и сообщило о своем демарше в печати²⁴. Эти заявления не допускают кривотолков, но оставалось неясным, как Советский Союз может оказать реальную военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, если Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска?

Поскольку следование принципам международного права и уважение национального суверенитета других стран вовсе не входили в число приоритетов сталинского руководства, можно предположить, что, получив просьбу Чехословакии о помощи, заручившись согласием большинства членов Лиги Наций, при условии вступления в войну Франции (и тем более, Франции и Великобритании), советское руководство решилось бы силой проложить путь своим войскам через Польшу или Румынию, несмотря на их возражения. Конечно, это только предположение. Несомненно, однако, что предпринять такие действия без готовности Чехословакии обороняться, без ее просьбы о помощи, без участия в войне, по крайней мере, Франции, Советский Союз никак не мог. С точки зрения международного права, они означали бы агрессию СССР против Польши и Румынии, а в военном отношении — крайне невыгодное для СССР

вступление в войну против Германии один на один, без всяких союзников. Но действительно ли Советский Союз собирался воевать с Германией в защиту Чехословакии или ограничивался декларациями? Ответ могут дать сведения о перегруппировках и передвижениях советских войск.

Многие документы еще недоступны исследователям, но, тем не менее, с 1958 г. известно, что 25 сентября 1938 г. Советское правительство сообщило начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену: «Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры:

1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.
2. Части, соответственно, пополнены резервистами.
3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности»²⁵.

В 1970-е гг. в архиве советского Министерства обороны были обнаружены директивы народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова командованию ряда военных округов (в первую очередь, приграничным — Киевскому и Белорусскому округам), предписывающие придвинуть к западным границам СССР крупные военные силы. В общей сложности в боевую готовность были приведены 1 танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых и одна мотострелковая бригада, 12 авиабригад и 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады, 16 полков и отдельные зенитные артиллерийские дивизионы²⁶.

Помимо этого, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоящий из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз²⁷. Ворошилов доложил Сталину и Молотову, что «в случае необходимости посылки авиации в Чехословакию готовят и могут быть отправлены 30.IX с.г. следующие авиачасти»: 4 полка бомбардировщиков — 246 самолетов и 4 полка истребителей — 302 самолета²⁸.

По свидетельству маршала М. В. Захарова, занимавшего тогда должность помощника начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационному и материально-техническим вопросам, в дни Мюнхенской конференции — 28 и 29 сентября 1938 г. — под видом учебных сборов началось «частичное отмобилизование войск» в европейских военных округах вплоть до Урала. В армию было призвано до 330 тысяч человек²⁹.

Эти сведения никем не опровергнуты и, очевидно, доказывают, что Советский Союз серьезно готовился к военным действиям в защиту Чехословакии. Однако чехословацкое правительство не обратилось за помощью ни к Советскому Союзу, ни к Лиге Наций,

не решилось оборонять свои границы и под давлением Великобритании и Франции капитулировало перед Германией.

В литературе неоднократно указывалось, что Мюнхенская конференция разрушила систему коллективной безопасности и привела к перегруппировке политических сил в Европе в пользу Германии³⁰; что «для гитлеровской Германии итоги мюнхенского сговора были сопоставимы с результатами победоносной войны, выигранной без единого выстрела»³¹.

Гораздо меньше внимания уделяли воздействию Мюнхенской конференции на психологию руководителей главных европейских держав, хотя оно имело большое значение. После первой личной встречи с Гитлером у Чемберлена, по его собственным словам, «сложилось впечатление, что это — человек, на слово которого можно положиться»³². Чемберлен и — в меньшей степени — глава французского правительства Э. Даладье думали, что в Мюнхене им удалось «откупиться» от войны за счет Чехословакии. После того, как Гитлер в марте 1939 г., вопреки данным им в Мюнхене обязательствам, захватил остатки Чехословакии, их иллюзии рассеялись, но далеко не сразу и не полностью.

У Гитлера Мюнхенская конференция породила уверенность в своей безнаказанности; в том, что ни Великобритания, ни Франция не решатся противодействовать ему военной силой и, следовательно, можно захватывать соседние государства, не опасаясь серьезного отпора. «Я видел этих жалких червей, Даладье и Чемберлена, в Мюнхене. Они слишком трусливы для того, чтобы напасть. Они не пойдут дальше блокады»³³, — говорил Гитлер своим генералам.

Сталин после Мюнхена чувствовал себя обманутым. Франция и Великобритания, которые накануне говорили о коллективной безопасности и о помощи Чехословакии, в последний момент предали ее, заставив капитулировать перед Гитлером. Советский Союз не был приглашен на Мюнхенскую конференцию и не хотел в ней участвовать, но Сталин был хорошо информирован о ее ходе благодаря советским разведывательным службам. Они имели свои источники в министерствах и посольствах ряда иностранных государств, а, кроме того, сумели добыть дипломатические шифры Великобритании. Сталин ежедневно получал копии донесений из британских посольств в Министерство иностранных дел, а также радиотелеграммы английских послов в Берлине, Париже, Праге и направляемые им инструкции³⁴.

В Мюнхенской конференции, которая завершилась договоренностью Германии, Италии, Англии и Франции, «советские лидеры увидели возможность соглашения Англии и Франции с Гитлером без Москвы и, может быть, за счет СССР. У Сталина эти действия лишь усилили его общее недоверие к английской политике, являвшейся мотором Мюнхена»³⁵.

Зная ход последующих событий, можно сказать, что представления всех четырех лидеров ведущих держав Европы были, по крайней мере, односторонними. Но в политике, как и во многих других областях, важнейшее значение имеют не сами факты, а представления о них, которые возникают в головах государственных деятелей и определяют их решения. Разрабатывая свою политику в «послемюнхенский период», Гитлер, Сталин, Чемберлен и Даладье исходили из тех оценок Мюнхенского соглашения и его возможных последствий, которые у них сложились.

Наряду с вопросом о роли и намерениях Советского Союза, в историографии постоянно дебатировался и другой вопрос, связанный с Мюнхенской конференцией: почему Чемберлен и Даладье пошли на столь невыгодное для их стран соглашение с Гитлером? Сами они оправдывали свои действия желанием избежать войны, к которой их страны не были готовы, стремлением сохранить мир путем уступок Германии за счет Чехословакии. Несомненно, такие соображения имели место. Если в 1936 г., когда немецкая армия еще только возрождалась, вероятно, можно было помешать ремилитаризации Рейнской области путем простой демонстрации превосходящей военной силы со стороны Франции и Великобритании, то в 1938 г. обстановка изменилась. После «аншлюса» Австрии Чехословакия была с трех сторон окружена территорией Германии; немецкая армия, превратившаяся в мощную силу, находилась в нескольких десятках километров от Праги, и ни Франция, ни Великобритания не могли помешать ей перейти границы Чехословакии. Тогда Гитлера можно было остановить только угрозой войны, причем войны европейского, а, может быть, и мирового масштаба. Но на такую войну, последствия которой никто не мог предвидеть, Чемберлен и Даладье не решались.

Советские руководители считали, что желание избежать войны — далеко не самая главная причина «мюнхенской политики» Англии и Франции. По их убеждению, ее суть состояла в другом — в стремлении направить экспансию гитлеровской Германии на восток, против СССР.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., Сталин сказал: «Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом». Сталин был уверен, что Великобритания и Франция ведут коварную игру: хотят дать всем государствам «увязнуть глубоко в тину войны, поощряя их в этом втихомолку; дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»³⁶

Высказывания Сталина, носившие директивный характер, повторялись в «Фальсификаторах

истории»³⁷, в трудах всех советских и почти всех современных российских историков, которые доказывают, что лидеры западных демократий «с невероятной настойчивостью и последовательностью пытались натравить Германию на СССР»³⁸.

Сообщение о подготовке публикации документов советской внешней разведки, относящихся к истории Мюнхенской конференции, было опубликовано в печати под заголовком: «Цель мюнхенского сговора — развернуть Гитлера на Восток». Готовивший публикацию ветеран службы внешней разведки генерал-майор в отставке Л. Соцков утверждает, что в Мюнхене у Чемберлена и Даладье «была сверхзадача», а именно — «добиться, чтобы Гитлер двинулся на Восток... Собственно, ради неё Чехословакия и была принесена в жертву»³⁹.

Советские и российские историки не объясняли, как именно Германия могла бы напасть на Советский Союз, отделенный от неё территориями Польши, Румынии и Литвы, пользовавшихся поддержкой Великобритании и Франции, но все они, начиная от авторов «Фальсификаторов истории», ссылались на то, что фактически частью мюнхенских соглашений были англо-германская декларация 30 сентября 1938 г. и франко-германская декларация 6 декабря 1938 г., равнозначные, по существу, пактам о ненападении⁴⁰. В этих декларациях говорилось, что Великобритания и Германия рассматривают мюнхенское соглашение как символ желания их народов «никогда более не вести войну друг против друга». Германия и Франция объявили, что у них «нет больше никаких спорных вопросов территориального характера»; они приложат все усилия для поддержания мирных отношений между своими странами и будут «поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран».

Большинство современных российских историков по-прежнему считают, что «в этих соглашениях с гитлеровской Германией совершенно ясно обнаружилось стремление английского и французского правительств отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчете на то, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии на Восток, в направлении Советского Союза»⁴¹. Лишь немногие историки, не приводя, впрочем, никаких доказательств, полагают, что «рассуждения относительно «подталкивания» германской агрессии на восток как чуть ли не одной из доминант британской внешней политики относятся к числу пропагандистских клише, в свое время взятых на вооружение советской исторической наукой, а не итогом серьезного анализа такого сложного явления, каким являлась политика «умиротворения»⁴².

Историки, убежденные в том, что Великобритания и Франция хотели направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, указывают, что вскоре после Мюнхенской конференции в печати Великобритании, Франции и США появились публи-

кации о возможности создания так называемой «Великой Украины», куда вошла бы отделенная от СССР советская Украина и Закарпатская Украина. Они напоминают, что 24 ноября 1938 г. Чемберлен и Даладье вместе со своими министрами иностранных дел Э. Галифаксом и Ж. Бонне обсуждали положение, сложившееся после Мюнхенской конференции. В записи их переговоров сказано: «Г-н Чемберлен спросил, какова бы была позиция Франции, если бы Россия попросила Францию о помощи на том основании, что Германия спровоцировала бы сепаратистское движение на Украине? Г-н Бонне объяснил, что французские обязательства перед Россией вступят в силу только в случае прямой атаки Германии на русскую территорию. Г-н Чемберлен сказал, что он расценивает ответ г-на Бонне как полностью удовлетворительный»⁴³.

При подписании франко-германской декларации министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне обсуждали вопрос о разграничении сфер влияния Германии и Франции. Касаясь договоров Франции со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, Риббентроп предупредил, что прочное соглашение между Францией и Германией возможно только в том случае, «если Франция раз и навсегда будет с уважением относиться к этой германской сфере влияния». Бонне ответил, что «после Мюнхена эти связи полностью изменились»⁴⁴. По словам Риббентропа, «в Париже г. Бонне заявил, что он больше не заинтересован в вопросах, касающихся Востока». Впоследствии Бонне это отрицал, но Риббентроп понял его именно так. Риббентроп атаковал формально еще остававшийся в силе советско-французский договор о взаимопомощи, который он объявил «препятствием на пути франко-германского сближения». Бонне сказал, что этот договор «был заключен в особых обстоятельствах» предшествующим французским правительством, за действия которого Бонне, следовательно, не отвечает.

Риббентроп предъявил претензии и на бывшие немецкие колонии, но Бонне отказался их обсуждать, подчеркнув, что Франция уже «пошла на очень значительные уступки в Мюнхене» и из-за давления общественного мнения «ничего не может сделать для Германии в колониальном вопросе». Тогда Риббентроп заявил, что декларация 6 декабря 1938 г. «не означает отказа от законных германских требований на ее бывшие колонии, которые сейчас находятся под французским мандатом»⁴⁵.

Французский посол в Берлине Р. Кулондр доносил своему правительству, что в Германии одобряют франко-германскую декларацию 6 декабря, полагая, что она позволяет Германии «предохранить себя на Западе» во время осуществления немецких завоевательных планов на Востоке. Отметив, что Германия стремится к подчинению Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии и Украины; что в немецких

«военных кругах уже говорят о военной прогулке вплоть до Кавказа и Баку», Кулондр сделал вывод: «Стремление Третьего Рейха к экспансии на Восток мне представляется столь же несомненным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе. Одно является необходимым следствием другого»⁴⁶. Новые исследования французских историков показывают, что во французских правящих кругах имелись влиятельные сторонники предоставления Германии «свободы рук» на востоке. Так, например, начальник штаба французского военного флота адмирал Дарлан в январе 1939 г. писал Даладьё: «Мы должны прежде всего сохранить нашу империю. Остальное — второстепенно. Итак (если Германия не поддержит колониальные притязания Италии), мы должны предоставить ей свободу действий на Востоке»⁴⁷.

По нашему мнению, эти документы позволяют утверждать, что после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать против СССР связанных с ней украинских националистов для отделения Украины от СССР, то есть прибегнет к тому, что позднее назвали «косвенной агрессией». Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по франко-советскому договору о взаимной помощи. Надо, однако, иметь в виду, что все эти документы относятся к периоду до 15 марта 1939 г., когда Гитлер, нарушив данные им в Мюнхене обещания, оккупировал Чехословакию.

После этого верх взяли не сторонники соглашения с Германией, а её противники, лидером которых в Великобритании был У. Черчилль, а во Франции — П. Рейно⁴⁸.

Еще одна важная проблема, связанная с Мюнхенской конференцией, к сожалению, не привлекла большого внимания российских историков. Её поднимал только Г. Ф. Матвеев⁴⁹.

Речь идет о защите интересов национальных меньшинств и праве наций на самоопределение. Именно защитой прав национальных меньшинств, их желанием воссоединиться с частью нации, проживающей в соседних государствах, Германия, Польша и Венгрия оправдывали свои территориальные претензии к Чехословакии. Германия требовала передать ей Судетскую область, населенную в основном немцами, Польша — Тешинскую область, где проживало многочисленное польское население, Венгрия — Закарпатскую Украину и часть Словакии, где издавна жили венгры. Официально Мюнхенская конференция и была создана как раз для того, чтобы урегулировать проблемы национальных меньшинств, проживавших в Чехословакии.

В Мюнхене было решено в течение 10 дней передать Германии Судетскую область, причем Германия и Италия обещали гарантировать новые границы

Чехословакии, «как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии»⁵⁰.

Уже на следующий день польское правительство при поддержке Германии предъявило Чехословакии ультиматум, требуя передачи ей Тешинской области. Чехословакия была вынуждена принять польский ультиматум, и 2 октября 1938 г. польские войска вступили в Тешинскую область⁵¹.

Через 4 дня, — 6 октября 1938 г., — Словакия объявила о своей автономии, сделав крупный шаг к отделению от Чехословакии. Еще через месяц — 2 ноября 1938 г. — решением так называемого Венского арбитража Германия и Италия передали Венгрии Закарпатскую Украину и часть Словакии. То, что осталось от Чехословакии, было оккупировано Германией 15 марта 1939 г.

Советско-германский пакт о ненападении

Пожалуй, самое удивительное в изучении советско-германского пакта о ненападении в СССР состоит в том, что его важнейшая часть — секретный «дополнительный протокол», в течение полувека оставался неизвестным большинству советских людей и даже многим историкам. Ознакомиться с текстом «дополнительного протокола», опубликованным США, Великобританией и Францией еще в 1948 г.⁵², могли лишь те, сравнительно немногочисленные советские специалисты, которые владели иностранными языками и имели «допуск» в «спецхраны» центральных советских библиотек.

Но и для них это было, так сказать, потаенное знание. Поделиться им публично они не могли, потому что цензура не допускала никаких упоминаний о «дополнительном протоколе» 23 августа 1939 г. (как и о советско-германском «договоре о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. и приложенных к нему трех секретных протоколах).

Конечно, каждый, кто удосужился бы заглянуть в старые советские газеты за сентябрь 1939 г., мог обнаружить там германо-советское коммюнике, где говорилось, что Германия и СССР установили «демаркационную линию» между германскими и советскими армиями, действующими в Польше, и увидеть на карте эту линию, полностью соответствовавшую «дополнительному протоколу»⁵³. Это показывало, что между гитлеровской Германией и СССР явно имеются какие-то договоренности о совместных действиях.

«Договор о дружбе и границе» (разумеется, без секретных протоколов) и карта новой германо-советской границы, проведенной по территории Польши, также были опубликованы в советской печати⁵⁴. Однако читателей старых газет было немного, а длительная и страшная Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии как бы вычеркнула из памяти советских людей факты сравнительно кратковременного довоенного

сотрудничества СССР и Германии. Мысль о том, что Советский Союз мог сотрудничать со своим злейшим врагом — нацистской Германией, — казалась им невероятной и оскорбительной.

Даже в 1988–1989 гг., в период «перестройки», начатой Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, когда цензура была фактически ликвидирована и стало возможно публично говорить о секретных протоколах, многие советские люди отказывались верить в их существование. В это время вопрос о секретных протоколах стал объектом острейшей политической борьбы, тесно связанной с развернувшимся в прибалтийских республиках движением за выход из Советского Союза.

На Первом съезде народных депутатов СССР летом 1989 г. депутат от Эстонии И. Н. Грязин впервые огласил текст «дополнительного протокола», который до этого оставался неизвестным подавляющему большинству советских людей. По инициативе депутатов от Прибалтики Съезд сформировал «Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», куда вошли 25 депутатов, в том числе представители прибалтийских стран, работники ЦК КПСС и будущий патриарх Московский и всея Руси (тогда еще митрополит) Алексей. Возглавил комиссию член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев.

Горбачев, руководивший работой Съезда, не препятствовал созданию комиссии, но утверждал, что подлинник секретного протокола 23 августа 1939 г. не обнаружен ни в СССР, ни в Германии⁵⁵, тогда как на самом деле он лежал в архиве Политбюро ЦК КПСС и, по свидетельству сотрудников Горбачева, был ему хорошо известен⁵⁶. Через полгода комиссия Яковлева доложила Второму съезду народных депутатов, что «секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах»⁵⁷. Комиссия предложила осудить факт подписания секретных протоколов и признать их юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Некоторые депутаты отказывались верить Комиссии; другие не соглашались с ее выводами. Они понимали, что признание «дополнительного протокола» недействительным с момента подписания ставит под сомнение законность присоединения прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу и может дать основание для обвинения СССР в их захвате. «Как же так согласиться нам, советским людям, что мы завоеватели!»⁵⁸ — с негодованием воскликнул депутат И. И. Сухов. «Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде!.. Я призываю вас к разуму! Взываю!»⁵⁹ — говорил депутат от Украины В. С. Образ.

Все критики представленного Комиссией проекта постановления ссылались на то, что подлинник «дополнительного протокола» не найден и, следовательно, — как сказал один из депутатов: «Съезд осуждает несуществующие документы»⁶⁰. От имени «жертв сделки 23 августа 1939 года — балтийских народов» им страстно возражал латвийский депутат, коммунист с 50-летним стажем М. Г. Вульфсон. Он требовал осудить «позорные последствия сговора двух алчных, жестоких тиранов двадцатого века» — Гитлера и Сталина — и заверял депутатов, как вскоре выяснилось, напрасно: «Нет для вас врага в Балтике, нет»⁶¹.

Поставленный на голосование проект комиссии Яковлева не собрал необходимого большинства голосов. Решено было внести в него поправки и снова поставить на голосование. На следующий день Яковлев опять доказывал, что «дополнительный протокол» все же существовал, хотя его подлинник не обнаружен. Комиссия внесла в свой проект несколько поправок, ослаблявших критику предвоенной советской политики, но и тогда часть депутатов голосовала против проекта. За постановление Съезда, одобрявшее переработанный проект комиссии Яковлева, голосовало 1432 депутата, против — 252, воздержались 264 депутата⁶².

В постановлении Съезда от 24 декабря 1989 года, подписанном Горбачевым, говорилось: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁶³. В угоду все еще очень влиятельным поклонникам Сталина в постановлении была сделана попытка отделить секретный протокол от собственно пакта о ненападении, содержание которого будто бы «не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований»⁶⁴.

После этого секретные протоколы были опубликованы в журнале «Международная жизнь»⁶⁵ и в сборниках дипломатических документов, изданных Министерством иностранных дел СССР⁶⁶ с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии».

Лишь через три года, когда Горбачев уже ушел в отставку, Советский Союз распался и президентом России стал Б. Н. Ельцин, газеты сообщили, что подлинники секретных протоколов обнаружены в советских архивах. «Известия» снабдили сообщения об этой «находке» выразительным заголовком «Подлинные протоколы позорного сговора»⁶⁷.

В 1992 г. секретные протоколы все еще с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии» были обнародованы в официальной публикации документов советской внешней политики, осуществленной Министерством иностранных дел Российской Федерации⁶⁸.

Формально постановление Съезда народных депутатов имело силу закона, но оно не остановило полемики вокруг советско-германского договора о ненападении, хотя ее содержание изменилось. Разумеется, никто больше не отрицал существования секретных протоколов. Не имели большого успеха и предпринятые в соответствии с постановлением Съезда попытки отделить осужденный Съездом секретный «дополнительный протокол» от самого договора о ненападении, который будто бы «не может вызвать сколько-нибудь серьезных правовых или политических нареканий»⁶⁹, несмотря на то, что дополнительный протокол, по словам подписавшего его наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, «представлял органическую часть пакта»⁷⁰.

Главное внимание российских историков теперь привлекали следующие вопросы:

1. Когда и кто начал процесс подготовки советско-германского пакта о ненападении? Германия или СССР? Сталин или Гитлер?
2. Какими соображениями руководствовалось сталинское руководство СССР, принимая решение о заключении пакта о ненападении с нацистской Германией?
3. Как оценить советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» с точки зрения национальных интересов СССР?

Комиссия Яковлева пришла к выводу, что инициатором сближения с СССР была Германия. В докладе Комиссии сказано: «Со стороны Германии с конца 1938 — начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР»⁷¹. С этим согласны почти все «традиционалисты»⁷².

Они считают, что «после Мюнхена германское правительство осторожно взяло курс на сближение с СССР»⁷³. Уже 1 декабря 1938 г. Германия поставила вопрос о возобновлении торгового соглашения и начала переговоры по торгово-экономическим вопросам. 1 января 1939 г. на традиционном дипломатическом новогоднем приеме в Берлине Гитлер подошел к советскому послу (полпреду) А. Ф. Меркалову и сказал ему несколько любезных слов; спросил о семье, о поездке в Москву, о житье в Берлине, пожелал послу успехов⁷⁴. Это было истолковано как желание Гитлера улучшить отношения с СССР⁷⁵.

С апреля 1939 г., когда Гитлер принял решение о нападении на Польшу и хотел ее политически изолировать, немецкие дипломаты начали говорить советским представителям в Берлине о желательности нормализации советско-германских отношений.

«Критиков» такие доводы не убеждают. Они уверены, что инициатором сближения СССР с Германией был Советский Союз и лично Сталин. По их мнению, «на всем протяжении 1933–1939 гг. заинтересованность в улучшении политических отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина»⁷⁶. После Мюнхена эта тенденция еще более усилилась. «Приоритетной задачей после-

мюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией», причем «это его решение было predetermined обозначившейся общностью внешнеполитических интересов советского и нацистского руководства»⁷⁷.

В качестве доказательства «критики» приводят доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., где Сталин обрушился на «провокаторов войны», которые хотели бы спровоцировать конфликт СССР с Германией «без видимых на то оснований». Сталин сказал, что Советский Союз должен «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Он дважды повторил, что СССР будет проводить политику мира и укрепления деловых связей «со всеми странами»⁷⁸, то есть и с нацистской Германией.

Это явно был сигнал, направленный Германии. В. Я. Сиполс полагает, что «из таких слов сделать подобные выводы никак нельзя»⁷⁹, но ближайший соратник Сталина, председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов думал иначе. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. с докладом о ратификации советско-германского договора о ненападении, он напомнил о высказываниях Сталина на XVIII съезде ВКП(б) и подчеркнул, что Сталин «еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, что в Германии, в общем, правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы»⁸⁰. 17 апреля 1939 г. во время встречи со статс-секретарем Министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзекером советский полпред, согласно его собственному донесению, «ставит вопрос, как смотрит В(айцзекер) на перспективы отношений между СССР и Германией?» Вайцзекер ответил: «Мы искренне хотим развить с Вами экономические отношения»⁸¹. В. Я. Сиполс почему-то считает, что в этой беседе инициатива «исходила не с советской, а с германской стороны»⁸², хотя в тексте донесения совершенно ясно сказано: «полпред ставит вопрос». С точки зрения «критиков», это доказывает, что «к началу весны 1939 г. Сталин уже сделал выбор в пользу активного сближения с Германией»⁸³.

Еще более наглядным показателем поворота в советской внешней политике они считают смещение Литвинова — самого известного на Западе поборника коллективной безопасности — и замену его Молотовым, который одновременно остался председателем Совнаркома. Молотов сменил Литвинова 3 мая 1939 г., и уже 20 мая во время одной из своих первых встреч с немецким послом в Москве, графом фон Шуленбургом заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁸⁴.

По мнению В. Я. Сиполса, Молотов тем самым дал «отрицательный ответ»⁸⁵ на предложения

Шуленбурга «урегулировать экономические отношения с СССР»⁸⁶, тогда как «критики» расценивают слова Молотова как предложение политического сотрудничества с Германией со стороны СССР, тем более что, по словам самого Молотова, «видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью»⁸⁷.

Достаточно ли этого, чтобы считать, что Сталин уже сделал окончательный выбор в пользу соглашения с Германией или он вел «двойную игру», выбирая, какой вариант будет выгоднее для Советского Союза: соглашение с Германией или союз с Великобританией и Францией? Нам представляется, что совокупность фактов говорит, скорее, в пользу предположения о «двойной игре». В течение примерно двух месяцев политических переговоров с Германией не велось, тогда как московские переговоры о тройственном союзе СССР, Англии и Франции против Германии продолжались очень интенсивно.

В конце концов, СССР сделал выбор в пользу соглашения с Германией, но когда именно это произошло? Некоторые исследователи пишут, что «все решилось в последний час»⁸⁸, но факты этого не подтверждают. В докладе комиссии Яковлева говорится, что 11 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем сообщить в Берлин»⁸⁹. Яковлев не сказал, было ли зафиксировано это решение в протоколе заседаний Политбюро или в каком-либо ином документе. Во всяком случае, историки до сих пор не смогли ознакомиться с таким документом. В официальной публикации документов советской внешней политики также нет сообщения в Берлин о том, что Советское правительство готово вступить в обсуждение поднятых немцами вопросов. Опубликована только телеграмма Молотова временному советскому поверенному в делах в Германии Г. А. Астахову 11 августа 1939 г.: «Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве»⁹⁰. Если указанная Яковлевым дата соответствует действительности, то, значит, переговоры СССР с военными миссиями Великобритании и Франции, начавшиеся в Москве 12 августа, велись Советским правительством только для отвода глаз или, может быть, для оказания давления на Германию, чтобы побудить ее к скорейшему заключению пакта о ненападении или выторговать более выгодные условия.

Есть, однако, серьезные основания думать, что принципиальное решение о соглашении с Германией было принято ранее 11 августа. В докладе комиссии Яковлева выделяется «принципиально важный рубеж» — с 26 июля по 3 августа 1939 года. «Именно в это время происходит активизация контактов на всех уровнях», причем «первый шаг делает германская сторона»⁹¹.

На самом деле речь шла не об «активизации контактов», а о начале переговоров по разграничению сфер интересов Германии и СССР, и не с 26, а с 24 июля 1939 г. В этот день заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики Министерства иностранных дел Германии К. Шнурре встретился с временным советским поверенным в делах Г. А. Астаховым и завел с ним речь о нормализации отношений с СССР. Посетовав на то, что «неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа», Шнурре заявил, что «налицо все данные для такого сближения». Развивая дальше эту тему, Шнурре сказал: «Если советская сторона не доверяет серьезности германских намерений, то пусть она скажет, какие доказательства ей нужны. Противоречий между СССР и Германией нет. В Прибалтике и Румынии Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР. Антикоминтерновское соглашение? Но ведь нам должно быть ясно, что оно направлено против Англии»⁹².

Через день, 26 июля 1939 г., Шнурре снова встретился с Астаховым и говорил с ним еще более конкретно.

Повторив, что руководители Германии хотят «нормализовать и улучшить» отношения с СССР, «но, к сожалению, СССР на это не реагирует», Шнурре сказал: «Мы не представляем себе, чтобы СССР было выгодно встать на сторону Англии и Польши, в то время как есть полная возможность договориться с нами»⁹³. Когда Астахов упомянул о немецком проникновении в Прибалтику и Румынию, Шнурре ответил: «Наша деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались (исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии)... Еще легче было бы договориться относительно Польши»⁹⁴.

Пересылая 26 июля записи своих разговоров со Шнурре заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, Астахов писал: «Стремление немцев улучшить отношения с нами носят достаточно упорный характер», и «если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам»⁹⁵. Из письма Астахова явствуют две вещи. Во-первых, инициатором переговоров об улучшении отношений являлась немецкая сторона; а во-вторых, решение вступить в далеко идущие переговоры с Германией еще не было принято советским руководством или, во всяком случае, Астахов о нем не знал.

В этом убеждает и телеграмма Молотова Астахову, посланная 28 июля:

«Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно»⁹⁶. Однако уже на следующий день, 29 июля, Молотов направил Астахову совсем другую телеграмму: «Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Всякое улучшение отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»⁹⁷. Еще ранее, 29 июня, в «Правде» появилась большая статья А. А. Жданова, который тогда вместе с Молотовым являлся наиболее приближенным к Сталину человеком, занимавшимся вопросами внешней политики. Статья была озаглавлена «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Жданов утверждал, что «англо-франко-советские переговоры зашли в тупик», потому что англичане и французы хотят только «такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств», а на это «ни одна уважающая себя страна» не пойдет. В заключение Жданов заявлял, что Англии и Франции нужны только разговоры о договоре с СССР, чтобы оправдаться перед общественным мнением и «облегчить себе путь к сделке с агрессорами»⁹⁸. Статья Жданова явно была направлена на оправдание возможного провала переговоров с Англией и Францией.

По-видимому, именно между 28 и 29 июля Сталин решил начать переговоры о соглашении с Германией.

2 августа 1939 г. Риббентроп пригласил к себе Астахова и заявил ему: «Никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться»⁹⁹. На следующий день Шуленбург повторил то же самое Молотову¹⁰⁰. Немецкие дипломаты намекнули, что возможно разграничить интересы Германии и СССР при помощи секретного протокола.

Советское правительство не сразу ответило согласием. 7 августа Молотов телеграфировал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»¹⁰¹. 8 августа 1939 г. Астахов написал Молотову письмо, в котором, перечислив различные экономические и административные вопросы, вызывавшие разногласие между Германией и СССР, добавил: «Фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами»¹⁰². Именно на это письмо Астахова Молотов 11 августа ответил приведенной выше телеграммой со словами: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует»¹⁰³.

Переговоры продолжались еще несколько дней, вплоть до 21 августа 1939 г., но очевидно, что принципиальное решение уже было принято.

Историком давно занимался и продолжает заниматься вопрос, какими соображениями руководствовался Сталин и его окружение, принимая такое решение? «Традиционалисты» вслед за авторами «фальсификаторов истории»¹⁰⁴ считают, что это было «вынужденное решение советского правительства» с целью обеспечить безопасность СССР, ограничить «продвижение германских армий к границам СССР», вернуть «государства и территории, ранее входившие в состав России, отнятые у неё после Первой мировой войны», а главное — «не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии»; предотвратить возможность соединения Германии, Англии и Франции в общую антисоветскую коалицию¹⁰⁵.

«Критики» утверждают, что «советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не был вынужденной акцией с советской стороны; в Кремле настойчиво стремились именно к такому соглашению с Берлином»¹⁰⁶.

По их мнению, «международная стратегия сталинского руководства как была, так и осталась заданной марксистскими парадигмами»¹⁰⁷; её суть определялась «расчетом на подрыв капитализма в новой мировой войне»¹⁰⁸.

Резко осуждая «экспансионистскую политику» Сталина, они полагают, что осуществление его «экспансионистской политики было возможно только с опорой на нацистскую Германию, а не на западные державы»¹⁰⁹. Высказывалась даже весьма экстравагантная точка зрения, согласно которой, заключая договор о ненападении с Германией, Сталин «стремился усилить военную мощь третьего рейха и тем самым добиться затяжной войны на Западе, которая обескровила бы обе стороны, дав, тем самым, возможность выиграть время для лучшей подготовки СССР к неизбежной войне в будущем»¹¹⁰.

К сожалению, все эти точки зрения основываются не столько на документах, сколько на более или менее вероятных умозаключениях и предположениях, потому что Сталин редко говорил о своих тайных замыслах, и они далеко не всегда находили отражение в документах.

Нам представляется, что наиболее надежным документом для понимания намерений и опасений советского руководства является оперативный план возможных военных действий Красной Армии на 1938–1939 гг. Этот сверхсекретный документ, написанный от руки начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым в единственном экземпляре, носил название «Записка начальника Генштаба Красной Армии Наркому обороны СССР, маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР»¹¹¹. План был представлен правительству 24 марта 1938 г., утвержден Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем

19 ноября 1938 г. и не пересматривался вплоть до августа 1940 г.¹¹². Из оперативного плана видно, что руководителей СССР больше всего беспокоила опасность войны на два фронта: на Западе — против Германии, на Востоке — против Японии.

Оговорившись, что «документальными данными об оперативных планах (возможных противников. — В. С.) как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб РККА не располагает»¹¹³, Шапошников писал: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Высказывая предположение, что в случае войны Литва будет изолирована Германией, Шапошников отмечал: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нарушении Германией их нейтралитета, нужно считаться с появлением германских войск на их территории»¹¹⁴.

Практический вывод состоял в следующем: «Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии»¹¹⁵. Генеральный штаб особо подчеркивал: «Главные противники и главный театр военных действий на Западе, поэтому здесь должны быть сосредоточены и главные силы»¹¹⁶.

Обращает на себя внимание, что главным противником Советского Союза считался «фашистский блок» и прежде всего Германия. Включение Польши в число союзников «фашистского блока» и предположение, что она может оказаться на стороне Германии в войне против СССР, по-видимому, объясняется тем, что во время и после Мюнхенской конференции Польша выступала вместе с Германией, требуя территориальных уступок от Чехословакии. Возможность выступления на стороне Германии так называемых «лимитрофов» (то есть прибалтийских стран) связывалась с нарушением Германией их нейтралитета, то есть «косвенной агрессией».

В оперативном плане не было никаких упоминаний о возможных союзниках СССР, хотя все еще существовал советско-французский договор о взаимной помощи. Очевидно, Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Великобританию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран.

Судя по оперативному плану, главная цель советской внешней политики состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта, которая казалась советским руководителям не только возможной, но и близкой.

В мае 1939 г. войска Японии и контролируемого Японией государства Маньчжоу-Го вторглись на территорию Монгольской Народной Республики

в районе реки Халхин-Гол, утверждая, что эта территория будто бы принадлежит Маньчжоу-Го. Советский Союз, с 1936 г. связанный с Монгольской Народной Республикой договором о взаимной помощи, направил в район конфликта свои войска. Военные действия между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками продолжались более 3 месяцев и закончились только в середине августа 1939 г. разгромом японских войск. По сравнению с гигантскими битвами Второй мировой войны масштабы военных операций на реке Халхин-Гол были сравнительно невелики: с обеих сторон в них участвовали по несколько дивизий. Однако летом 1939 г. невозможно было предвидеть, останутся ли бои на Халхин-Голе только локальным вооруженным конфликтом или они перерастут в полномасштабную войну между СССР и Японией.

Тем временем, на Западе назревал еще более опасный конфликт. После захвата Чехословакии Германия предъявила территориальные претензии к Польше и потребовала передать ей город Данциг, который до Первой мировой войны входил в состав Германии. 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал «Белый план» нападения на Польшу. От своей разведки Сталин получил информацию, что немецкое нападение на Польшу произойдет, скорее всего, в августе 1939 г.¹¹⁷.

В сложившейся обстановке советское руководство могло выбирать одну из трех возможностей: соглашение с Германией, союз с Великобританией и Францией или строгий нейтралитет. Соглашение с Германией сулило Советскому Союзу большие территориальные приращения и возможность на время остаться вне войны, грозившей начаться в ближайшие дни. Соглашение с Великобританией и Францией, которые поддерживали Польшу, обеспечивал СССР мощных союзников в борьбе с Германией, но предполагало немедленное вступление в войну в случае нападения Германии на Польшу, причем такой вариант не сулил СССР никаких территориальных приращений. Некоторые историки высказывали мнение, что СССР мог бы «сохранять статус подлинно нейтрального государства», не вступая в соглашения ни с Германией, ни с Великобританией и Францией, а «выигрывая время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне»¹¹⁸.

Вряд ли бы это спасло Польшу от разгрома, но, несомненно, не позволило бы Советскому Союзу расширить свою территорию.

В случае союза СССР с Великобританией и Францией опять, как во времена Мюнхена, неизбежно вставал вопрос: как Советский Союз, не имевший общей границы с Германией, мог бы развернуть наступление против Германии, если Польша и Румыния отказываются пропустить его войска через свою территорию? Возникал и другой, очень важный для Советского Союза, вопрос: какую помощь окажут ему Великобритания и Франция, если СССР вступит в войну с Германией в результате ее

нападения на Польшу? Советский Союз, естественно, был заинтересован в том, чтобы Великобритания и Франция направили против Германии максимально крупные силы.

Советские представители предлагали заранее согласовать их численность и планы возможных военных действий, однако Великобритания и Франция уклонялись от каких-либо конкретных обязательств и не готовили никаких планов совместных военных операций. Обе стороны не доверяли друг другу и подозревали своих партнеров в самых коварных замыслах. Советская разведка раздобыла «информацию об инструкциях, которые были даны правительствами Великобритании и Франции военным делегациям на переговорах в Москве»¹¹⁹. Теперь эти инструкции опубликованы, и мы знаем, что там написано. Британская военная миссия должна была вести переговоры «очень медленно» и не принимать на себя «какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при всех обстоятельствах». На важнейший вопрос о пропуске советских войск через Польшу или Румынию предписывалось отвечать уклончиво и, в крайнем случае, сослаться на необходимость получить дополнительные указания от своего правительства¹²⁰.

Инструкции французской военной миссии касались, главным образом, возможных поставок советских военных материалов и сырья Польше и Румынии, а также поддержания морских и воздушных коммуникаций между СССР и западными державами. Особо указывалось, что Польше и Румынии «следует дать заверения относительно их восточных границ»¹²¹, то есть против их возможного изменения в пользу СССР. Зная это, в советском руководстве опасались, что, заключив союз с СССР, Великобритания и Франция, вероятно, объявят войну Германии в случае ее нападения на Польшу, но вряд ли предпримут крупные наступательные операции, оставив Советский Союз один на один с Германией. Когда стали доступными французские архивы, историки выяснили, что французский Генеральный штаб действительно намеревался придерживаться в начале войны оборонительной стратегии. Его начальник генерал Гамелен говорил на заседании высшего военного руководства 25 ноября 1938 г.: «В начале конфликта наша позиция может быть выжидательной; мы особенно нуждаемся в обороне. Только когда военные усилия англичан достигнут достаточного уровня, мы сможем подумать о том, чтобы атаковать Германию»¹²². В начале войны именно этот план и проводился в жизнь. После нападения Германии на Польшу ни Великобритания, ни Франция не оказали ей сколько-нибудь серьезной военной помощи, хотя Франция обязалась на 15-й день войны развернуть наступление против Германии «главными силами»¹²³. Трудно вообразить, чтобы в случае участия в войне СССР, Великобритания и Франция действовали иначе.

Все советские и большинство российских историков придавали очень большое значение тому факту, что британское правительство во время московских переговоров летом 1939 г. тоже вело «двойную игру». Участвуя в переговорах о союзе с Францией и СССР против Германии, оно одновременно тайно обсуждало с Германией возможность заключения пакта о ненападении и о разграничении сфер влияния. Впервые это стало широко известно из «Фальсификаторов истории»¹²⁴ и трофейных немецких документов, в разное время опубликованных в СССР¹²⁵. В ходе московских переговоров в июне, июле и августе 1939 г. английский министр по делам заморской торговли Р. Хадсон и советник Чемберлена Г. Вильсон (готовивший в 1938 г. встречу Чемберлена с Гитлером), встречались с прибывшим в Лондон немецким уполномоченным по четырехлетнему плану Г. Вольгатом и немецким послом в Великобритании Г. Дирксеном. Один из лидеров лейбористской партии Ч. Бакстон также имел доверительную беседу с Дирксеном.

Согласно записям Дирксена, Вильсон заявил, что в случае широкого англо-германского соглашения и пакта о ненападении между Великобританией и Германией «ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Гораций Вильсон определенно сказал г-ну Вольгату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши»¹²⁶. Еще дальше пошел Бакстон, который 29 июля 1939 г. сказал Дирксону, что в обмен на обещание Германии «не вмешиваться в дела британской империи», Англия «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе». В этом случае она могла бы отказаться от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов», и действовала бы «в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе»¹²⁷.

Что это было: дипломатический зондаж или нечто большее? Российский историк В. Я. Сиполс, работавший в британских архивах, обнаружил там запись выступления Чемберлена на заседании правительства «в те дни» (т.е., видимо, в июле или августе 1939 г.). Чемберлен тогда сказал: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас»¹²⁸. Ссылаясь на эти данные и на сведения о будто бы намечавшейся на 21 августа 1939 г. поездке Геринга в Великобританию, В. Я. Сиполс приходит к выводу: Это была «попытка заключения с Гитлером нового соглашения Мюнхенского типа теперь за счет Польши и других стран Восточной Европы, которые Англия была готова признать сферой господства Германии»¹²⁹.

Ценная информация о планах Сталина содержится в его беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. М. Димитровым, которая

состоялась в присутствии Молотова и Жданова 7 сентября 1939 г. (через неделю после нападения Германии на Польшу), но была опубликована только 60 с лишним лет спустя¹³⁰.

Сталин тогда сказал Димитрову: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и за это ничего не платить. Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше, ничего не получая».

Пойти, по выражению Сталина и Жданова, «в батраки», разумеется, означает взять на себя главную тяжесть войны против Германии, но что значит «ничего не получая»? На какую плату рассчитывал Сталин? Скорее всего, примерно на такую, какую он получил от Германии по «дополнительному протоколу».

Оправдывая уже предрешенный «дополнительным протоколом» раздел Польши, Сталин назвал ее «фашистским государством», которое «угнетает украинцев, белорусов и т.д.». По его мнению, «что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»

Беседа Сталина с Димитровым показывает, что были правы и те историки, которые усматривали в его действиях намерения столкнуть две коалиции капиталистических государств, а самому остаться в стороне. Сталин говорил Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Не плохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»¹³¹.

Вопрос о мотивах действий сталинского руководства тесно связан с вопросом о политической, правовой и моральной оценке советско-германского пакта о ненападении и секретных советско-германских протоколов. Он до сих пор остается предметом ожесточенной полемики. «Критики» указывают, что секретные советско-германские протоколы самым вопиющим образом нарушали международное право; что они явились непосредственной причиной Второй мировой войны, привели к разделу Польши и ликвидации польского государства; к нападению СССР на Финляндию; к присоединению к СССР прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины вопреки воле их народов. Для них это «сговор» советского и нацистского вождей¹³²; «заговор» двух тоталитарных государств «против пяти суверенных государств

с целью лишить их независимости и территориальной целостности»¹³³. По их мнению, Германия воспользовалась соглашением с СССР «более эффективно, чем Советский Союз»¹³⁴, для которого это соглашение означало «фактическое участие СССР до середины 1941 г. в войне на стороне Германии против западных союзников»¹³⁵.

«Традиционалисты» отвечают, что секретные соглашения о разделе чужих территорий вовсе не новость в практике международных отношений. Достаточно вспомнить секретное англо-французское соглашение Сайкс-Пико 1916 г. о разделе азиатских владений Турции; тайные договоры о будущих территориальных приращениях, заключенные Великобританией, Францией, Италией и Россией во время Первой мировой войны, а в более позднее время — «процентное соглашение» Сталина с Черчиллем о разграничении сфер влияния на Балканах и ялтинское соглашение Сталина, Черчилля и Рузвельта о передаче Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов. С этой точки зрения «дополнительный протокол» не был каким-то исключительным, невиданным ранее событием. Конечно, Советский Союз заключил секретное соглашение с нацистской Германией, действия которой вызывали осуждение общественного мнения, но и Мюнхенская конференция была соглашением Великобритании и Франции (хотя и не секретным) с тем же нацистским государством. «Традиционалисты» подчеркивают, что после Мюнхена, когда Великобритания и Франция, по существу, отказались от политики коллективной безопасности, Советский Союз должен был защищать только свои, а не чужие национальные интересы. По «дополнительному протоколу» Германия и СССР (как когда-то Пруссия, Австрия и Россия) разделили между собой Польшу, и это было для нее страшной трагедией, но разве Советский Союз был обязан защищать Польшу, которая и не думала о защите интересов СССР?

Следуя за «Фальсификаторами истории», где было написано, что пакт о ненападении с Германией «явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»¹³⁶, «традиционалисты» доказывают, что «решение советского правительства заключить договор о ненападении с Германией было при тех обстоятельствах фактически вынужденным, но вполне естественным и обоснованным в условиях, когда добиться создания эффективной англо-франко-советской коалиции не удалось»¹³⁷.

Соглашение с Гитлером позволило Советскому Союзу вернуть территории, которые когда-то принадлежали России, и расширить свои пределы, что с геополитической точки зрения всегда считалось важнейшей целью любого государства. Благодаря пакту с Германией СССР смог «на какое-то время гарантировать страну от войны» и избежать грозившей ему войны на два фронта. Пакт с Германией исключил возможность возникновения коалиции

Германии, Великобритании и Франции против СССР, дал Советскому Союзу возможность выиграть время и почти два года оставаться вне войны; а когда она все же началась, встретить войска агрессоров немного дальше от своих границ¹³⁸.

Некоторые авторы добавляют, что важным результатом договора СССР с Германией было «определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться»¹³⁹.

Доводы «традиционалистов» встречают серьезные возражения. Осенью 1939 г. Германия еще не имела конкретных планов нападения на СССР. Они начали составляться только после поражения Франции летом 1940 г. Следовательно, до этого времени Советскому Союзу не грозила война на два фронта. Англо-франко-германская коалиция против СССР была очень маловероятной из-за непримиримых противоречий между этими государствами. Секретные англо-германские переговоры летом 1939 г. ни к чему не привели. Советский Союз действительно около двух лет оставался вне войны и встретил войска агрессоров значительно западнее своих прежних границ, но это задержало агрессоров всего на несколько дней и не спасло СССР от тяжелейших поражений. Зато пренебрежение международным правом и фактический, хотя и кратковременный, союз с нацистской Германией нанесли Советскому Союзу большой моральный и политический ущерб.

Советский Союз действительно вернул себе территории, которые раньше принадлежали России, а также Северную Буковину, которая в состав России никогда не входила, но все эти приобретения оказались непрочными. Насильственные методы их присоединения и последующая насильственная «советизация» породили у их населения сильное недовольство. «Как показали последующие события, — пишет А. О. Чубарьян, — тактические успехи обернулись стратегическими просчетами»¹⁴⁰.

Автор настоящей статьи также считает, что соглашение СССР с гитлеровской Германией было выгодно Советскому Союзу с точки зрения его ближайших геополитических и военно-стратегических интересов в конкретных условиях осени 1939 г., но

оно имело очень серьезные негативные последствия в более широкой исторической перспективе.

Иногда утверждают, что советско-германский пакт о ненападении подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и стал причиной Второй мировой войны. В наиболее отчетливой форме эта точка зрения выражена в книгах бывшего советского разведчика В. Б. Резуна, писавшего под псевдонимом Суворов. Началом войны он считал речь Сталина, которую тот будто бы произнес 19 августа 1939 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), объясняя причины заключения пакта с Германией¹⁴¹. Хотя странно считать началом войны день, когда никаких военных действий не велось, точка зрения Резуна встретила поддержку у некоторых российских историков.

Так, например, один из них, ссылаясь на ту же «речь Сталина» написал, что Сталин — «провокаатор Второй мировой войны». По его словам, «Сталин не только помог Гитлеру развязать ее, но инициативно, в собственных интересах развязал ее сам»¹⁴².

Подавляющее большинство современных российских историков отвергают такую точку зрения, потому что еще на Нюрнбергском процессе главных военных преступников было установлено, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил «Белый план» нападения на Польшу, а 3 апреля наметил его дату — «не позднее 1.09.1939 г.»¹⁴³.

Мнение о том, что Гитлер не решился бы напасть на Польшу, не заключив предварительно соглашения со Сталиным, относится к области предположений, которые невозможно проверить. Заметим только, что к лету 1939 г. подготовка Германии к войне завершилась, оперативные планы разработаны, Гитлер был полон величайшего презрения к руководителям Великобритании и Франции и нисколько не сомневался в своей победе.

Что касается пресловутой «речи Сталина 19 августа 1939 г.», то С. З. Случ показал, что она, по-видимому, носит апокрифический характер и не заслуживает доверия в качестве исторического источника¹⁴⁴.

Разумеется, советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» значительно облегчили Гитлеру изоляцию и разгром Польши, но их нельзя считать ни причиной нападения Германии на Польшу, ни причиной Второй мировой войны.

1. Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Washington. 1948.

2. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948.

3. См. «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. Ответственный редактор и составитель, С. З. Случ. М., 2007, с. 455–486.

4. «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война»..., с. 172–174.

5. См.: Марьина В. В. Еще раз о «Мюнхенском сговоре» (Новые документы из чешских архивов). // Славяноведение», 2006, № 3;

Марьина В. В. Еще раз о Мюнхене (Новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М., 2008;

Орлик И. И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений // «Новая и новейшая история», 2008, № 5;

Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // «Новая и новейшая история», 2009, № 1.

Мюнхенское соглашение — коронация войны. Из архива // «Правда», 30.IX.1998.

Маслов С. Правды стало больше. СВР России обнародовала ранее неизвестные документы о Мюнхенском сговоре западных держав с Гитлером в сентябре 1938 года // «Российская газета», 30.IX.2008; Соцков Л. Цель Мюнхенского сговора — вернуть Гитлера на Восток // «Известия», 30.IX.2008.

^{6.} См., напр., Мюнхен — преддверие войны. (Исторические очерки). Отв. ред. В. К. Волков. М., 1988. 1939 год. Уроки истории. Отв. ред. О. А. Ржешевский. М., 1990; Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Война 1941–1945. Факты и документы. Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2001.

«Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. Отв. ред. Е. Н. Кульков. М., 2002.

Война и общество в XX веке. В трех книгах. Руководитель проекта О. А. Ржешевский М., 2008. Книга 2.

^{7.} Прасолов С. И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен — преддверие войны, с. 60.

^{8.} СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 8–9.

^{9.} Там же, с. 11.

^{10.} Там же.

^{11.} Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 70 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР». М., 1977, с. 470–471).

^{12.} Там же, с. 71.

^{13.} Там же, с. 70–71.

^{14.} Новые документы из истории Мюнхена, с. 99 (Документ воспроизведен в издании «Документы внешней политики СССР», с. 498–199).

^{15.} Некоторые авторы почему-то считают, что в этом обращении «президент Чехословакии не поставил перед СССР основного вопроса, а именно об оказании советской помощи независимо от позиции Франции» // 1939 год. Уроки истории. С. 137–138.

^{16.} Новые документы из истории Мюнхена, с. 103 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 500).

^{17.} Там же, с. 110.

^{18.} Новые документы из истории Мюнхена, с. 113 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 515).

^{19.} Там же, с. 129.

^{20.} Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, М., 1946, с. 387.

^{21.} Там же, с. 378.

^{22.} Там же, с. 389–390.

^{23.} Новые документы из истории Мюнхена, с. 131 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 515–516).

^{24.} См.: «Предупреждение, сделанное советским правительством польскому правительству в связи с подготовкой Польшей акта агрессии против Чехословакии». 23 сентября 1938 года // «Внешняя политика СССР, т. IV, С. 390.

^{25.} Новые документы из истории Мюнхена, с. 139–140 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 530).

^{26.} Маршал М. В. Захаров. Накануне Второй мировой войны (май 1938 — сентябрь 1939). // «Новая и новейшая история», 1970, № 5, с. 7.

^{27.} «Правда», 30.IX.1988.

^{28.} Там же.

^{29.} Маршал М. В. Захаров. Ук. соч., с. 8.

^{30.} Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 15; Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 42; Война и общество в XX веке, с. 70; 1939 год. Уроки истории, с. 144–145.

^{31.} 1939 год, Уроки истории. С. 144.

^{32.} K. Feiling. Life of Nevill Chamberlain. London. 1946, p. 367.

^{33.} Nazi conspiracy and aggression. vol. VII. Washington. 1946, pp. 753–754.

^{34.} Подробнее см.: Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // «Новая и новейшая история», 2009, № 1, с. 22–23.

^{35.} А. О. Чубарьян. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008, с. 25–26.

^{36.} XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 13–15.

^{37.} Фальсификаторы истории..., с. 35.

^{38.} М. Ю. Мягков. От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006, с. 49. Ср. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 6.

^{39.} «Известия», 10.IX.2008.

^{40.} Фальсификаторы истории..., с. 34–35.

41. Война и общество в XX веке. Кн. 2, с. 70.
42. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 328.
43. Documents on British Foreign policy. 1919–1939. Third series. Vol. III. London. 1950. Doc. № 325, p. 307.
44. Documents on German Foreign policy. 1918–1945/ Series D. (1937–1945), vol. IV. October 1938 — March 1939. Washington. 1951, p. 474.
45. Там же, p. 474–476; 494.
46. Le livre jaune français Documents diplomatiques 1938–1939. Pièces relatives aux événements et aux négociations qui ont précédé l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne d'une part, la Pologne, la Grande-Bretagne et la France d'autre part. Paris. 1939, p. 45.
47. P.-M. de la Gorse. 39–45. Une guerre inconnue. Paris. 1995, p. 14.
48. E. du Réau. Gouvernement et haut commandement français devant la perspective de la guerre. (Septembre 1938 — Septembre 1939). // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1992, № 166, p. 152–153.
49. См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 317.
50. Новые документы из истории Мюнхена, с. 159.
51. Подробнее см. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004, с. 391–424.
52. Nazi-soviet relations..., p. 78.
53. «Правда», 23.IX.1989.
54. «Правда», 29.IX.1989.
55. «Известия», 3. VI.1989, С. 2–3.
56. В. И. Болдин. Крушение пьедестала. М., 1995, с. 261.
57. «Правда», 24.XII.1989; «Известия», 25.XII.1989, с. 5–6.
58. «Известия», 25.XII.1989, с. 6.
59. Там же, с. 11.
60. Там же, с. 6.
61. Там же, с. 7.
62. Там же, с. 11.
63. «Известия». 27.XII.1989, с. 2.
64. Там же.
65. «Международная жизнь», 1989, № 9.
66. Министерство иностранных дел СССР. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990, с. 17, 60–61; Министерство иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах. М., 1990, т. II, С. 321.
67. «Известия», 30.X.1992.
68. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Документы внешней политики. 1939 год, т. XXII. М., 1992. Книга 1. 1 января–31 августа 1939 г., с. 632. Книга 2. 1 сентября–31 декабря 1939, с. 135–136 (Далее ДВП).
69. 1939 год. Уроки истории, с. 345.
70. Памятная записка наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова немецкому послу в Москве фон Шуленбургу 17 августа 1939 г., ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 612.
71. «Известия» 25.XII.1989, с. 5.
72. Исключением является В. Я. Сиполс, который писал, что после Мюнхена в Германии не хотели сближения с СССР, и «в Берлине в то время рассматривались планы нападения на СССР, причем совместно с Польшей и Японией» (В. Я. Сиполс. Указ. соч., с. 43).
73. Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 50.
74. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 39.
75. Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 50–51. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 18.
76. Случ С. З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // «Международный кризис 1939–1941 гг.», с. 82.
77. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 11.
78. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 15.
79. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 49.
80. «Правда», 1.IX.1939.
81. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 292–293.
82. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 50.
83. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 13.
84. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 386–387.

85. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 52.
86. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 386.
87. Там же, с. 387.
88. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 23.
89. «Известия», 25.XII.1989.
90. Год кризиса, т. 2, с. 184 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
91. «Известия», 25.XII.1989.
92. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 555–556.
93. Год кризиса, т. II, с. 137 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
94. Год кризиса, т. II, с. 137.
95. Год кризиса, т. II, с. 139–140 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
96. Год кризиса, т. II, с. 145 (В публикации «Документах внешней политики» телеграмма Молотова перенесена в примечания). См.: ДВП, т. XXII. Кн. 2, с. 569 (Примечание № 154).
97. Год кризиса, т. II, с. 145 (В публикации «Документах внешней политики» телеграмма Молотова перенесена в примечания). См.: ДВП, т. XXII. Кн. 2, с. 569 (Примечание № 177).
98. «Правда», 29.VII.1939 г.
99. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 568.
100. Там же, с. 570–572.
101. Год кризиса, т. 2, с. 177 (В «Документах внешней политики» этот документ отсутствует).
102. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 586.
103. Дальнейшая судьба Г. А. Астахова, через которого велись основные переговоры между Германией и СССР, была трагической. В феврале 1940 г. его арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и шпионаже (почему-то в пользу Польши, а не Германии) и отправили в концентрационный лагерь, где он и умер.
104. Фальсификаторы истории..., с. 55–56.
105. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 24.
106. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 336.
107. Д. Г. Наджафов. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова–Риббентропа // Война и политика. 1939–1941. М., 2001, с. 90.
108. Там же, с. 101.
109. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 336.
110. Там же, с. 330–331.
111. 1941 год в 2-х книгах. М., 1998. Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. Кн. 2, с. 557–571 (Далее: 1941 год...).
112. Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995, с. 56.
113. 1941 год... Кн. 2, с. 559.
114. «1941 год...». Кн. 2, с. 559.
115. Там же, с. 558.
116. Там же, с. 561.
117. Очерки истории российской внешней разведки. Том 3. 1933–1941 годы. М., 1997, с. 8.
118. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 332.
119. Очерки истории российской внешней разведки. Том. 3, с. 9.
120. Documents on British Foreign Policy. Third series, vol. VI. London, 1953, p. 763–764.
121. Documents diplomatique français. 1932–1939. 2-e série (1936–1939). Tome XVII. (25 juin-12 août 1939). Paris, 1986, с. 552.
122. E. du Réau. Op. cit., p. 153.
123. Подробнее см. Чельшев И. А. СССР — Франция: трудные годы. 1938–1941. М., 1999, с. 190.
124. Фальсификаторы истории, с. 49–52.
125. Особенно подробно секретные англо-германские переговоры освещены в сборнике «Год кризиса», т. II, документы № 498, 499, 515, 516.
126. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948, т. II, с. 72–75.
127. Там же, с. 119–127.
128. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 107.
129. Там же, с. 107–108.
130. См. В. В. Марьина. Дневник Г. Димитрова. // «Вопросы истории», 2000, № 7, с. 32–55.
131. Из дневника Г. Димитрова об указаниях И. В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах коммунистических партий // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. Док. № 495, с. 779–781.
132. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 23.

133. Другая война. 1939–1945. М., 1996, с. 241.
134. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 71.
135. Другая война..., с. 28.
136. Фальсификаторы истории, с. 53.
137. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 106.
138. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 23–24.
139. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса. // Международный кризис 1939–1941 гг.: М., 2006, с. 59.
140. Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 года). // Война и политика..., с. 19.
141. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. М., 1992, с. 52.
142. Дорошенко В. Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // Другая война, с. 63–64.
143. См.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. исторические документы и материалы, т. 1. М., 1973, с. 359.
144. Случ С. З. Речь Сталина, которой не было. // «Отечественная история», 2004, № 1.

Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны

М. М. Наринский*

Подавляющее большинство российских и зарубежных исследователей согласно с тем, что основным фактором нарастания предвоенного международно-политического кризиса стала агрессивная политика нацистской Германии и ее союзников. Правители Третьего рейха выдвинули радикальные и далеко идущие планы территориальной экспансии и создания «нового европейского порядка» под эгидой Германии. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов в ходе беседы с британским лордом-хранителем печати Э. Иденом в марте 1935 г. подчеркнул, что у СССР «нет ни малейших сомнений в германской агрессивности. Германская внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями — идеей реванша и идеей господства в Европе»¹.

Союзниками (или потенциальными союзниками) Германии выступали фашистская Италия и императорская Япония. Блоку агрессоров противостояли державы — гаранты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений — Великобритания и Франция. Однако в условиях эскалации агрессии они избрали проведение политики «умиротворения» — политики уступок фашистским агрессорам в стремлении избежать новой большой войны. Особую роль в расстановке сил на международной арене играл Советский Союз, стремившийся отстаивать свои собственные интересы. Выжидательную позицию занимали Соединенные Штаты Америки, склонявшиеся к поддержке англо-французского блока².

Сложившаяся расстановка сил на международной арене обусловила процесс нарастания кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений³.

В этой ситуации советское руководство стремилось предотвратить формирование антисовет-

ской коалиции, избежать угрозы большого военного конфликта с участием СССР, добивалось создания выгодной для себя системы коллективной безопасности в Европе, последовательно работало над укреплением внешнеполитических позиций СССР, осуществляя контакты с различными потенциальными партнерами. Москва стремилась обеспечить себе максимальные возможности для внешнеполитического маневра.

Основной целью польской внешней политики являлось укрепление международных позиций страны. Теоретически Варшава оставалась на позициях «равноудаленности» между Берлином и Москвой, однако стремление решить свои собственные проблемы подталкивало Польшу к сближению с Германией. Как отмечают польские авторы, «minister Beck considered that in spite of cooperation with the Third Reich, which was anyway kept within defined limits, it was possible to maintain proper or even good relations with the USSR»⁴ («министр Бек полагал, что, несмотря на сотрудничество с Третьим рейхом, которое, впрочем, осуществлялось в определенных границах, возможно было сохранять надлежащие или даже хорошие отношения с СССР»). В действительности, отношения между Советским Союзом и Польшей во второй половине тридцатых годов неуклонно ухудшались. Полпред в Варшаве Я. Давтян писал в Москву в мае 1937 г.: «Подводя вкратце итог нашим отношениям с поляками, приходится отмечать их дальнейшее ухудшение. При полном отсутствии каких-либо положительных фактов, мы имеем ряд моментов обратного порядка: исключительно враждебное отношение польской прессы к нам, полный зажим нашего культурного проникновения, ухудшение торговых отношений и т.д.»⁵.

Важной вехой в развитии предвоенного международно-политического кризиса стал аншлюс

* **Михаил Матвеевич Наринский** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Австрии, который был осуществлен нацистской Германией 11–12 марта 1938 г. Советское руководство оценило всю важность и опасность этой акции. Нарком М. М. Литвинов 14 марта направил записку в политбюро ЦК ВКП(б), в которой отмечал: «Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватый величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»⁶. Аншлюс Австрии означал важный этап крушения Версальского порядка, его слома силовыми методами.

Советская позиция была четко обозначена в интервью наркома Литвинова представителям печати от 17 марта. Оно прозвучало страстным призывом к организации коллективного, с участием СССР, отпора наращиванию агрессии. «Завтра может быть уже поздно, — подчеркнул Литвинов, — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁷. Литвинов предложил срочно организовать обсуждение актуальных европейских проблем всеми заинтересованными государствами. Однако это предложение не встретило отклика. Сам нарком дал глубокую и в чем-то пророческую оценку своего заявления в письме полпреду в Чехословакии С. С. Александровскому: «Моя декларация является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»⁸.

По мнению руководства наркомата иностранных дел (НКВД), аншлюс Австрии заметно усилил позиции Германии в Европе и ухудшил положение Чехословакии. М. М. Литвинов отмечал, что он всегда рассматривал австрийский и чехословацкий вопросы как единую проблему — «изнасилование Чехословакии было бы началом аншлюса, точно так же как гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии»⁹. По его мнению, аншлюс Австрии уже обеспечил А. Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии. К тому же аншлюс Австрии означал укрепление сотрудничества нацистской Германии с фашистской Италией и ярко продемонстрировал последовательную политику невмешательства Великобритании и Франции.

События марта 1938 г. выявили стремление Польши использовать кризис Версальской системы в своих собственных интересах. В частности, это касалось конфликта с Литвой из-за Вильно и Виленской области. 17 марта литовскому правительству был вручен польский ультиматум с требованием немедленно установить дипломатические отношения, экономические связи, почтово-телеграфное сообщение между двумя странами, а также отменить статью конституции, указывающую, что столицей Литвы

является Вильно. Советское руководство поддержало в этом конфликте Литву. В беседе с польским послом В. Гжибовским 18 марта нарком М. М. Литвинов заявил: «Обращает мое особое внимание то, что Польша добивается своим ультиматумом не только установления дипломатических отношений без всяких оговорок, т.е. [полного] отказа Литвы от своей точки зрения относительно Виленщины и по другим спорным вопросам. Такие требования, да еще предъявленные в ультимативной форме, равносильны изнасилчанию Литвы, а я уже говорил послу о нашей заинтересованности в сохранении полной независимости за литовским государством»¹⁰.

Руководство Литвы вынуждено было удовлетворить требования Польши, использовавшей в своих интересах наращивание германской экспансии в Европе. Что касается Москвы, то своим демаршем она подчеркнула заинтересованность СССР в положении в Восточной Европе и стремилась не допустить решения проблем этого региона без его участия.

Тем временем международная обстановка становилась все более сложной и напряженной. Осуществив аншлюс Австрии, нацистский рейх приступил к подготовке агрессии против Чехословакии. Орудием Берлина стала действовавшая в стране «судетонемецкая» партия во главе с К. Гейнлейном; немцы составляли около 20% населения страны. Партия Гейнлейна развернула на германские средства кампанию протеста против мнимых притеснений этнических немцев, за автономию, а затем и за полное самоопределение Судетской области. В выступлении перед высшим генералитетом 28 мая 1938 г. А. Гитлер говорил, что Чехословакия должна исчезнуть с карты Европы, чтобы «освободить тыл [Германии] для наступления против Запада»¹¹.

Руководители Чехословакии весной и летом 1938 г. были настроены весьма оптимистично. Однако советские дипломаты оценивали ситуацию пессимистично. Так, в феврале 1938 г. полпред Я. З. Суриц писал Литвинову из Парижа: «Никто даже не сомневается, что Чемберлен „предает“ Чехословакию. Ожидают, что он усилит давление на Чехословакию, чтобы та пошла „по австрийскому пути“»¹².

В то же время советское руководство поддерживало решимость президента и правительства Чехословакии сопротивляться германскому нажиму. Именно в контексте заверений о готовности СССР «решительно помочь чехам, если они действительно будут драться за свою независимость», следует оценивать визит в Прагу в конце марта 1938 г. командарма Г. И. Кулика.

В середине мая на границе Германии с ЧСР сложилась тревожная обстановка. 19 мая чехословацкая разведывательная служба получила информацию о концентрации германских войск на границе с Чехословакией. Опасаясь, что во время предстоявших муниципальных выборов немцами может быть спровоцирован инцидент, который мог бы послужить

поводом для нападения Германии на Чехословакию, правительство ЧСР провело 20 мая мобилизацию одного призывного возраста. Оно сразу же проинформировало Францию и Великобританию о концентрации германских войск.

Правда, на этот раз дело до военного конфликта не дошло. Мобилизация в Чехословакии прошла организованно. 21 мая в Судетской области было объявлено военное положение, граница была полностью перекрыта. Британский и французский послы в Берлине предупредили И. фон Риббентропа, что германская акция в отношении Чехословакии будет означать европейскую войну. А. Гитлер вынужден был временно отступить.

М. М. Литвинов стал инициатором советского дипломатического демарша в связи с возможностью выступления Польши против Чехословакии. В телеграмме временному поверенному в делах СССР во Франции от 5 июня 1938 г. отмечалось: «Польша не скрывает своих намерений использовать возможное наступление Германии на Чехословакию для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии и совместным с нею наступлением на Чехословакию. Мы хотели бы знать заранее, будет ли Франция, в случае нашего решения помешать интервенции Польши, считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора»¹³. Смысл такого запроса, который должен был просочиться в печать, М. М. Литвинов видел в том, «чтобы действительно припугнуть Польшу, заставить Францию определить свое отношение к Польше и действительно оказать некоторую помощь, хотя бы дипломатическую, Чехословакии». Тем самым Советский Союз напоминал о своей собственной позиции.

Через несколько дней министр иностранных дел Франции Ж. Бонне ответил, что Польша заявила Франции о соблюдении нейтралитета. В случае же нападения Польши на Чехословакию франко-польский договор прекратил бы действовать¹⁴. Вместе с тем в ходе обмена мнениями в Париже польская сторона подтвердила, что поляки не пропустят советские войска на помощь Чехословакии и что они будут сбивать советские самолеты при их попытке пролететь над территорией Польши.

В этой сложной международной обстановке Москва делала все, чтобы избежать втягивания в серьезный международный кризис. Полпред в Праге С. С. Александровский писал наркому 15 июня 1938 г.: «Я понимаю, что в наших интересах сделать все возможное для того, чтобы, укрепляя силу сопротивления Чехословакии, одновременно не мешать, а помогать прохождению таких мероприятий, которые имеют хоть какое-нибудь значение для осуществления задачи разрядить атмосферу в Центральной Европе, а то и предотвратить опасность военного столкновения»¹⁵. В телеграмме

М. М. Литвинова полпреду СССР в ЧСР 25 июля сообщалось, в частности, для передачи президенту Бенешу: «Наши контакты с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии»¹⁶.

Советская позиция была ясно и четко определена М. М. Литвиновым в письме С. С. Александровскому от 11 августа 1938 г. Нарком проводил мысль, что противодействие ликвидации Версальской системы должно было быть делом западных держав, в первую очередь Великобритании и Франции. Советский Союз не являлся участником этих договоров, но «мы, все же в силу нашей концепции о борьбе с агрессией, готовы оказать свое содействие, но что сами напрашиваться на это содействие мы не станем, а тем более добиваться его. Я думаю, мы должны из этого исходить и в отношении чехословацкой проблемы». Литвинов подчеркивал заинтересованность СССР в сохранении независимости Чехословакии, в том, чтобы воспрепятствовать продвижению гитлеровской Германии на восток и юго-восток. Но Советский Союз не мог предпринять что-либо существенное без западных держав, «а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам не известно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным „друзьям“ на необходимость привлечения СССР»¹⁷.

Руководители Великобритании и Франции стремились к поиску компромисса с А. Гитлером за счет Чехословакии. В англо-французском танде ведущую роль все более явно играл Лондон. Советский полпред И. М. Майский в начале августа 1938 г. так оценивал позицию британского министра иностранных дел лорда Галифакса по вопросу о Чехословакии: «ЧС — искусственное государство, которое не в состоянии ни само защищаться, ни получить помощь извне. Англия не останется в стороне от центральноевропейских событий, но Франция должна сильнее нажать на Прагу, требуя от последней решительных уступок Гейнлейну. Надо заставить чехов договориться с немцами»¹⁸. Именно такова была основная цель миссии британского лорда Ренсимена, находившегося в Чехословакии в качестве посредника между судетскими немцами и чехословацким правительством в период с 3 августа по 16 сентября 1938 г.

Германия, используя судетских немцев, усиливала нажим на Чехословакию. В подписанном А. Гитлером проекте директив на операцию «Грюн»

от 18 июня 1938 г. говорилось: «На первом плане моих политических намерений в качестве ближайшей цели стоит решение чешского вопроса по собственной инициативе. Я намерен для осуществления этой цели использовать любой политический повод начиная с 1.10.1938 г. ... Однако я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден, как это имело место при занятии демилитаризованной зоны и при вступлении войск в Австрию, что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии»¹⁹.

К началу сентября обстановка вокруг Чехословакии еще более осложнилась. Нацистская пропаганда создавала впечатление неизбежности войны в случае отказа выполнить германские требования.

2 сентября французский поверенный в делах в Москве Ж. Пайяр официально поставил перед М. М. Литвиновым вопрос, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, создававшиеся Польшей и Румынией. Литвинов напомнил, что советская помощь Чехословакии была обусловлена оказанием французской помощи. Нарком добавил, «что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»²⁰. Для определения конкретных форм помощи Москва считала необходимым созвать совещание представителей вооруженных сил СССР, Франции и Чехословакии.

Германское давление на Прагу нарастало. А. Гитлер угрожал, шантажировал, провоцировал. Великобритания и Франция также предпочитали нажим на руководителей Чехословакии, чтобы вынудить их пойти на уступки Гитлеру. Ведущую роль играл премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен. 15 сентября в резиденции рейхсканцлера состоялась его беседа с Гитлером один на один. «Чехословакия прекратит свое существование», — прямо заявил нацистский диктатор. 19 сентября руководство Чехословакии получило англо-французское предложение об уступке Германии всех округов Судетской области, в которых немцы составляли больше 50% населения. Предполагалось, что новые границы Чехословакии определит специальная международная комиссия. Чехословакия должна была отказаться от договоров от взаимной помощи с Францией и СССР. При выполнении этих требований Великобритания и Франция выражали готовность гарантировать новые границы Чехословакии от прямой агрессии²¹.

Президент Бенеш вызвал полпреда СССР и попросил его срочно выяснить позицию советского правительства. Москва на следующий же день дала ясный ответ: СССР готов был, согласно договору, оказать «немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь». СССР заявил,

что готов был оказать помощь Чехословакии и как член Лиги наций на основании статей 16 и 17 ее устава²². Содержание этого ответа было передано советским полпредом президенту Бенешу по телефону 20 сентября.

Руководство Чехословакии вначале отвергло англо-французские предложения. Однако представители двух стран усилили нажим на Прагу. В беседе с Бенешем в ночь на 21 сентября дипломаты Великобритании и Франции настаивали, что англо-французские предложения являются «единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии. В случае, если ответ Чехословацкой республики будет отрицательным, она будет нести ответственность за развязывание войны». В этом случае Великобритания и Франция отказывались выступить в поддержку Чехословакии²³. Полпред в Лондоне И. М. Майский записывал в своем личном дневнике 21 сентября: «Нет предела англо-французской низости! Вчера вечером, получив чешский ответ с предложением решить германо-чешский спор с помощью арбитража, Чемберлен снесся с Даладье и поздно ночью (говорят, в 3 часа ночи) оба премьера направили чехпра (правительству Чехословакии — М. Н.) ультиматум: или ЧС принимает „англо-французский план“ или Лондон и Париж бросают ЧС на произвол судьбы в случае германского нападения. Французы даже заявили, что в этом случае они не будут считать себя связанными условиями чехо-французского договора... Положение создалось безвыходное, рано утром 21 сентября чехпра, со смертью в сердце, приняло англо-французский ультиматум»²⁴.

22 сентября состоялась новая встреча Н. Чемберлена с А. Гитлером. Почувствовав себя хозяином положения, Гитлер ужесточил свои требования к Чехословакии. Он потребовал установления новой границы Чехословакии без всякой международной комиссии и настаивал на том, чтобы эвакуация передаваемых Германии районов была завершена к 8 часам утра 28 сентября. Запугивая собеседника, рейхсканцлер угрожал, что в случае невыполнения изложенных требований «он будет вынужден искать военного решения вопроса».

24 сентября представителям Чехословакии был передан фактический ультиматум А. Гитлера, еще более ужесточивший требования Германии. Эти требования были отвергнуты Прагой, президент Э. Бенеш объявил о всеобщей мобилизации.

25 сентября в ходе очередных англо-французских переговоров французский премьер Э. Даладье признал, что гитлеровский ультиматум означает «расчленение Чехословакии и германское господство в Европе». Большинство британских министров отказались принять требования А. Гитлера, французский кабинет отверг их единогласно. Агрессивные действия нацистской Германии поставили Европу на грань войны.

В ходе кризиса СССР последовательно подтверждал свою готовность выполнить обязательства по союзному договору с Чехословакией в случае помощи со стороны Франции или по решению Лиги наций, оказывал Праге политическую и дипломатическую поддержку. Вместе с тем, как отмечают современные российские историки, «есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии, которая капитулировала в условиях диктата»²⁵. Необходимо было учитывать и негативную позицию Польши и Румынии.

Правда, нарком М. М. Литвинов, находившийся в Женеве на сессии ассамблеи Лиги наций, предлагал предпринять более решительный демарш. Он телеграфировал 23 сентября в Москву: «Считая, что европейская война, в которую мы будем вовлечены, не в наших интересах и что необходимо все сделать для ее предотвращения, я ставлю вопрос, не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе повести такую кампанию, что заставило бы А. Гитлера и Ю. Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»²⁶. Однако Кремль отверг предложения Литвинова, считая международное положение недостаточно ясным. Москва последовательно выступала за созыв конференции СССР, Франции и Англии по чехословацкому вопросу, за участие Советского Союза в урегулировании международного кризиса.

В ходе чехословацкого кризиса Польша фактически солидаризировалась с гитлеровской Германией. Польская пресса развернула кампанию за автономию поляков в Тешинской Силезии, а затем и за передачу этой области Польше. Польские дипломаты заявляли, что все решения относительно положения немцев в Чехословакии должны также относиться и к полякам. В начале 20-х чисел сентября Польша стала сосредотачивать войска на всем протяжении границы с Чехословакией. В этой ситуации Москва поддержала Чехословакию. 23 сентября заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин передал временному поверенному в делах Польши в СССР жесткое заявление советского правительства в связи с концентрацией польских войск на границе с Чехословакией, в котором оно предупредило Варшаву о нападении между двумя странами в случае акта агрессии со стороны Польши против Чехословакии²⁷. Французский посол в Москве Кулондр заявил Потемкину, что придает советской политической акции «крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции»²⁸. Позднее польский министр Ю. Бек отмечал, что в дни кризиса «русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместились непосредственно у линии границы»²⁹. Поляки готовы

были даже к нанесению удара по Красной армии, если бы советские войска выдвинулись на территорию Польши³⁰.

Тем не менее, Советский Союз оказался отнесенным от урегулирования чехословацкого кризиса. Маневры руководителей западных держав привели к созыву 29 сентября в Мюнхене конференции глав правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. Гитлер, Даладье, Муссолини и Чемберлен подписали мюнхенские соглашения, по существу удовлетворявшие все требования руководства Германии. В период с 1 по 10 октября Чехословакия должна была передать Германии все районы с преобладанием немецкого населения. Эта территория передавалась Германии со всеми имеющимися на ней сооружениями, включая военные укрепления и промышленные предприятия. Окончательные границы Чехословакии должна была определить международная комиссия. Дополнительное соглашение предусматривало урегулирование вопроса о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, т.е. удовлетворение территориальных притязаний Польши и Венгрии³¹. Тем самым осуществлялось фактическое расчленение Чехословакии, которая потеряла почти треть территории и населения, половину тяжелой промышленности.

Позиция советского правительства в отношении решений, принятых в Мюнхене, нашла отражение в сообщениях ТАСС от 2 и 4 октября 1938 г., в которых заявлялось о полной непричастности СССР к мюнхенской конференции³².

Что касается польского руководства, то оно активно участвовало в реализации мер по фактическому расчленению Чехословакии. Уже вечером 30 сентября польское правительство передало Чехословакии ноту, в которой потребовало немедленного отделения от Чехословакии части территории Тешинской и Фриштатской областей и передачу их Польше³³. Это было ультимативное требование, которое шло даже дальше договоренностей, достигнутых в Мюнхене. В письме министра иностранных дел Польши Ю. Бека польскому послу в Чехословакии К. Папэ от 30 сентября указывалось, что «срок... ультиматума истекает... 1 октября, в 12 часов дня» и «это требование является безоговорочным»³⁴. Советский полпред в Чехословакии С. С. Александровский в своей телеграмме охарактеризовал эту польскую акцию как «гитлеровскую провокацию»³⁵. По сообщению посла в Берлине Ю. Липского, И. фон Риббентроп изложил следующую позицию германского правительства в связи с польским демаршем: «1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию. 2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом

он ясно дал понять, что правительство Германии оказало бы помощь»³⁶.

Правительства Великобритании и Франции, указав через своих дипломатических представителей на «роковые последствия для Польши, которое имело бы ее вооруженное выступление против Чехословакии»³⁷, на практике не предприняли никаких мер по противодействию Польше. Правительство Чехословакии вынуждено было уступить — Тешинская область была передана Польше. Отторжение этой области от ЧСР чрезвычайно затрудняло связи между Чехией и Словакией, поскольку именно по этой территории проходила основная железнодорожная магистраль, связывавшая две части страны. Польский историк С. Жерко отмечает: «Польско-немецкое сближение достигло своего апогея во время Судетского кризиса 1938 г. Позиция Польши была Рейху на руку, и неоднократно германская сторона поляков за это благодарила. Польские лидеры были бы безумцами, если бы в эпоху политики умиротворения выступали против немцев, да еще защищая нелюбимую в Польше и недоброжелательно настроенную к ней Чехословакию. Другое дело, однако, активное участие в античехословацкой кампании. Непродуманное предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой вооруженного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов»³⁸.

Вслед за гитлеровской Германией и Польшей территориальные претензии к Чехословакии предъявила Венгрия. В октябре 1938 г. начались переговоры между Прагой и Будапештом по этому вопросу. Они не привели к соглашению, так как Чехословакия отказалась удовлетворить требования Венгрии. Правительство Венгрии, поддержанное Муссолини, обратилось к Германии, Италии и Польше с просьбой о третьей стороне. Участие Польши было отклонено Берлином, и роль арбитра взяли на себя Германия и Италия. Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в Вене (так называемый первый Венский арбитраж), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением около миллиона человек³⁹. Таким образом, «малые страны» Европы внесли свой вклад в нарушение европейской стабильности.

Каковы же были итоги Мюнхена и его значение?

Польский историк Э. Дурачински отмечает: «Среди историков доминирует практически единодушное мнение, что мюнхенский договор 29 сентября 1938 г., заключенный Германией, Италией, Францией и Великобританией в ущерб интересам Чехословакии, придал международным отношениям совершенно иное качество. Процесс дестабилизации в Европе, без сомнения, преодолел критическую отметку... В Мюнхене был нанесен решающий удар по Версальской системе, которая, несмотря на свои недостатки, стабилизировала ситуацию в Европе, а государствам

ее центральной части давала чувство безопасности, хоть и не лишённое беспокойства»⁴⁰. С этим мнением можно согласиться.

Жертвой мюнхенских соглашений стала Чехословакия. Решения Мюнхена были приняты без Чехословакии и за ее счет. Они означали фактическое расчленение страны и создавали угрозу самому ее существованию. Чехословакия потеряла почти половину своей тяжелой промышленности и важные укрепления на границе.

Проигравшим субъектом международных отношений стал и Советский Союз. Мюнхен стал примером решения важного вопроса в Восточной Европе без СССР и в какой-то степени против СССР. Мюнхен усилил недоверие И. В. Сталина к политике западных демократий. Складывалась самая неблагоприятная для СССР расстановка сил. Советский Союз оказался перед угрозой международной изоляции. Объективно Мюнхен подталкивал Москву к поискам сближения с Берлином. По информации французского посла в СССР Р. Кулондра, заместитель наркома В. П. Потемкин сказал ему после Мюнхена: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Для нас я не вижу другого выхода, кроме четвертого раздела Польши»⁴¹.

Бесспорное политическое поражение потерпела Франция. Был нанесен непоправимый ущерб всей системе французских союзов в Восточной Европе. Полпред СССР во Франции Я. З. Суриц сообщал в Москву 12 октября: «О том, что Франция пережила свой второй Седан, и что в Мюнхене ей было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз»⁴². Была поставлена под сомнение способность Парижа предоставлять эффективные гарантии. Мюнхен в полной мере выявил следование Франции в фарватере британской политики. Советский полпред в Великобритании И. М. Майский передавал в Москву мнение Д. Ллойд-Джорджа: «Западные „демократии“ понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой»⁴³.

Мюнхен стал апогеем англо-французской политики умиротворения, ведущую роль в реализации которой играла Великобритания. Основным фактором этой политики было стремление избежать новой большой войны, которая считалась бессмысленной, ненужной и опасной. Сторонники политики умиротворения оказались восприимчивы к демагогии А. Гитлера об «исправлении ошибок Версаля».

В проведении политики умиротворения важную роль играли разногласия в правящих кругах Великобритании и Франции. Сказывалась и общая нестабильность социально-политической обстановки, особенно во Франции. Лондон и Париж должны были принимать во внимание позицию своих военных руководителей, внушавших, что британские и французские вооруженные силы были не готовы к ведению активных военных действий. Следует

также учитывать опасения усиления «коммунизма» в результате потрясений в Европе.

Среди российских историков есть мнение, что Мюнхен стал своеобразной «точкой невозврата», обусловившей дальнейшее движение к началу войны. Так, Е. Н. Кульков и О. А. Ржешевский утверждают: «Фатальным политическим событием, которое, в конечном счете, привело ко Второй мировой войне, явилась Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 г.)»⁴⁴. Однако развитие международного кризиса после Мюнхена продемонстрировало наличие различных альтернатив, характеризовалось сложными политическими зигзагами в политике всех основных «игроков». Думается, можно согласиться с тем выводом, который делает российский историк С. З. Случ: «Мюнхенский договор не исключал альтернативного развития международных отношений и не был поворотным пунктом на пути к войне; его нельзя объяснить только антисоветизмом руководства западных держав, так как основным мотивом их действий являлось стремление любой ценой избежать войны»⁴⁵.

Мюнхен означал попытку заменить Версальскую систему новым международным порядком, основанным на концепции «пакта четырех». Во всяком случае, так воспринимали Мюнхен в Лондоне и Париже. Не случайно, мюнхенские соглашения сопровождалась англо-германской декларацией, подписанной 30 сентября 1938 г. Подчеркнув важность англо-германских отношений для двух стран и для Европы, А. Гитлер и Н. Чемберлен заявили о решимости использовать метод консультаций и «продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»⁴⁶. По существу, это было соглашение о ненападении и взаимных консультациях. Британские руководители искренне надеялись на новую стабилизацию европейской ситуации.

В фарватере британской политики шла Франция. 6 декабря министры иностранных дел Франции и Германии подписали в Париже франко-германскую декларацию. Она зафиксировала приверженность обоих правительств развитию мирных и добрососедских отношений между двумя странами и отсутствие каких-либо неразрешенных вопросов территориального характера между ними. Оба правительства решили поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям⁴⁷. Франко-германское соглашение о консультациях воспринималось в Париже как вклад в сохранение мира в Европе. Расчет делался на умиротворение нацистской Германии за счет уступок в Восточной Европе и в колониальной сфере.

Основной просчет инициаторов и сторонников умиротворения состоял в непонимании сущности

гитлеровского режима, в недооценке его агрессивности. Для германских руководителей все подписанные ими соглашения являлись лишь тактическим маневром на пути к достижению гегемонии в Европе.

Мюнхен означал безусловный выигрыш Германии. Нацистский рейх заметно укрепил свои геополитические позиции, увеличил военно-промышленный потенциал. Мюнхен стал и личным успехом А. Гитлера. Он сумел укрепить свое положение внутри страны и на международной арене. Характерную запись сделал в своем дневнике германский военачальник А. Йодль: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакия как государства больше не существует... Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»⁴⁸. Мюнхен поощрял Гитлера к наращиванию германской экспансии в Европе.

Что касается Польши, то она получила приращение территории в виде Тешинской Силезии. На какое-то время реализовалась идея сотрудничества Польши с Германией и ее союзниками. При этом Варшава заметно ухудшила свои отношения с Лондоном, Парижем и Москвой.

Стремясь восстановить утраченное «равновесие» между Берлином и Москвой, польское правительство проявило инициативу в деле улучшения отношений с СССР. В беседе с заместителем наркома В. П. Потемкиным 21 октября 1938 г. посол Польши В. Гжибовский поставил вопрос, не следует ли Польше и Советскому Союзу «подумать о существенном улучшении своих взаимоотношений»⁴⁹. Москва пошла навстречу Варшаве и проявила заинтересованность в том, чтобы закрепить положительный сдвиг в двусторонних отношениях взаимными обязательствами. 4 ноября нарком М. М. Литвинов предложил польской стороне проект совместного коммюнике, в котором подтверждалась приверженность обеих сторон советско-польскому договору о ненападении 1932 г. Проект коммюнике констатировал, «что, будучи заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на всем протяжении Востока Европы, оба правительства будут консультировать друг друга в случаях, когда миру и спокойствию будет угрожать какая-либо опасность»⁵⁰.

В ходе последующих переговоров польское правительство придало коммюнике довольно общий характер, в частности, исключив из него пункт о взаимных консультациях. М. М. Литвинов 26 ноября 1938 г. отмечал: «Польское правительство выхолостило наш проект, и получился документ довольно бесцветный»⁵¹. Тем не менее, оба правительства подтвердили, что основой их взаимоотношений оставались существующие двусторонние договоры, включая договор о ненападении 1932 г. Было отмечено, что этот договор «имеет достаточно ши-

рокую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами». Оба правительства выразили положительное отношение к расширению взаимной торговли и согласились «в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов»⁵². Однако польское министерство иностранных дел постаралось преуменьшить значение согласованного документа. В сообщении отдела печати польского МИД германским корреспондентам отмечалось, что «опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне»⁵³. Польское руководство выдерживало политическую линию на «равноудаленность» в отношении СССР и Германии с заметным креном в сторону Берлина.

Нацистская Германия после Мюнхена наращивала свое влияние в Восточной и Юго-Восточной Европе. 24 февраля Венгрия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту», заключенному Германией и Японией в ноябре 1936 г.

Еще 21 октября 1938 г. А. Гитлер в своей директиве поставил перед вермахтом задачу быть постоянно готовым к решению вопроса об оставшейся части Чехии и к овладению Мемельской областью⁵⁴. Англо-французские гарантии новых послемиюнхенских границ Чехословакии оказались фикцией, с которой фюрер не собирался считаться. В результате германского диктата 15 марта 1939 г. все чешские земли были объявлены «Протекторатом Богемия и Моравия» рейха и оккупированы немецкими войсками. Словакия стала «самостоятельным государством», полностью подчиненным Германии. Французский посол в Германии Р. Кулондр писал в Париж: «Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта»⁵⁵.

При этом Закарпатская Украина была занята Венгрией. Такое развитие событий положило конец рассуждениям и спекуляциям о намерениях А. Гитлера включить Закарпатскую Украину в состав рейха с тем, чтобы затем осуществлять германскую экспансию в направлении Советской Украины.

Советское правительство протестовало против полной ликвидации независимой Чехословакии. Оно заявило, что «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению советского правительства, действия Германии создали и усилили угрозы всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁵⁶.

Что касается Польши, то она реализовала свое давнее стремление иметь общую границу с Венгрией. Нарком М. М. Литвинов в беседе 16 марта с польским послом В. Гжибовским отметил, «что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше»⁵⁷.

Тогда же, в марте, А. Гитлер решил присоединить к рейху литовский Клайпедский край (Мемельскую область). В крае активизировались нацистские группировки, готовые в любой момент поднять восстание по указке из-за границы. Литовское правительство готово было ценой внутривнутриполитических уступок в Клайпедском крае получить от Германии гарантию неприкосновенности своих границ. 20 марта в Берлине состоялась встреча министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса с И. фон Риббентропом. В ходе этой беседы, как отмечал Урбшис, «Германия предъявила Литве ультиматум: или Клайпедский край, или германская армия вступает в Литву»⁵⁸. 21 марта литовское правительство решило уступить силе и согласилось передать Клайпеду Германии. Около полуночи 22 марта в кабинете Риббентропа был подписан «Договор между Литовской Республикой и Германской империей о передаче Клайпедского края».

После Мюнхена руководство нацистского рейха стало оказывать нажим на Румынию и Польшу, добываясь от них экономических и политических уступок. 17 марта румынский посланник в Лондоне В. Тиля даже запрашивал британское правительство о его позиции в связи с якобы имевшим место германским ультиматумом Бухаресту в ходе двусторонних экономических переговоров⁵⁹. Правда, через несколько дней румынское руководство опровергло информацию о германском ультиматуме. Румынский король подтвердил, «что ультиматума собственно не было, но что Германия выдвинула совершенно недопустимые требования»⁶⁰. Договор о развитии экономических отношений между Германией и Румынией, подписанный в Бухаресте 23 марта 1939 г., фактически поставил румынскую экономику под контроль Германии.

Одновременно Германия усиливала давление на Польшу. Еще в октябре 1938 г. И. фон Риббентроп выдвинул предложения «об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией». Они включали «воссоединение Данцига с рейхом», строительство экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье. Ответной мерой со стороны Германии могла бы стать гарантия польско-германских границ. «В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия

по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»⁶¹.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что можно обойти германские требования затягиванием решения и дипломатическими уловками. Польский историк С. Жерко дает такую оценку позиции Бека: «Трудно привести лучший пример дезориентации, беспечности и переоценки роли собственной страны»⁶². Всю серьезность сложившейся для Польши ситуации руководители страны смогли оценить в результате бесед министра Ю. Бека с канцлером Германии А. Гитлером и министром иностранных дел рейха И. фон Риббентропом 5 и 6 января 1939 г. Гитлер заверял Бека, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России». Вместе с тем Гитлер подчеркнул необходимость решения вопроса о Данциге и о польском коридоре. Фюрер заявил, что «он думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии». Что касается польского коридора, то Гитлер признал, что «связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией...». В обмен на польские уступки Германия могла бы предоставить Польше зафиксированную в договорном порядке гарантию ее границ. Бек принял к сведению «пожелания, высказанные фюрером», но подчеркнул сложность решения поставленных вопросов. Он заверял, что Польша и впредь будет верна политической линии, вытекающей из договора с Германией 1934 г.⁶³

Не менее категоричным был и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. В беседе с Ю. Беком он настаивал на следующих решениях: «Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ». Риббентроп высказал также пожелание, чтобы Польша присоединилась к антикоминтерновскому пакту⁶⁴.

Беседы в Германии стали для Ю. Бека настоящим шоком. Позднее он признавал, что именно тогда впервые задумался о возможности войны с Германией. Для Варшавы настало время трудных решений. 8 января в Королевском замке состоялось совещание польского руководства с участием президента страны и членов правительства. Принятое решение означало отказ удовлетворить германские

требования. Оно гласило: «а) Если Германия продолжит оказывать давление в отношении вопросов, представляющих для нее второстепенную важность, таких как Гданьск и автострада, то не будет никаких иллюзий, что эти вопросы служат лишь предлогом, и что мы находимся под угрозой крупного конфликта; б) В связи с этим колеблющаяся позиция Польши неизбежно привела бы ее к неминуемому упадку, а в результате к утрате ею независимости и к принятию на себя роли германского вассала»⁶⁵. Варшава не пошла на уступки А. Гитлеру.

Тем не менее, германское руководство наращивало свой нажим на Польшу. 21 марта И. фон Риббентроп пригласил польского посла и категорически потребовал удовлетворить требования Берлина относительно Гданьска и экстерриториальной автострады через польский коридор. Слова Риббентропа звучали явной угрозой. Он подчеркивал, что А. Гитлер не получил от Польши никакого позитивного ответа на свои предложения. Поэтому Риббентроп настаивал на срочном визите Ю. Бека в Берлин для переговоров с Гитлером. Однако позиция польского руководства исключала уступки германскому диктату. Таким образом, Польша отвергла требования Берлина.

Могла ли Варшава дать другой ответ? Думается, что нет.

Вместе с тем именно польская решимость отказать от удовлетворения требований А. Гитлера привела к изменению его планов и оказала влияние на весь ход международно-политического кризиса в 1939 г. После Мюнхенского соглашения фюрер все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. При нанесении первого удара на Западе Польше отводилась роль послушного сателлита и надежного тыла Германии. Выступая перед руководством вермахта 22 августа 1939 г., Гитлер разъяснял присутствовавшим: «Поначалу я хотел установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы повести борьбу против Запада»⁶⁶. Но этот замысел германского руководства реализовать не удалось.

События марта 1939 г., и в первую очередь наращивание германской агрессии, привели к началу серьезной перегруппировки сил на международной арене. Выявился провал политики умиротворения, проводившейся западными державами. Добиться новой стабильности в Европе путем уступок Германии не удалось. А. Гитлер нарушил все свои обещания и заключенные соглашения. 17 марта главный дипломатический советник министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт заявил советскому полпреду И. М. Майскому, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», что аннексия Чехословакии нанесла по ней окончательный удар и поэтому «политика умиротворения мертва и возврата к ней не может быть»⁶⁷.

Руководители Великобритании и Франции пришли к выводу о необходимости создать барьер на пути

гитлеровской агрессии, не допустить установления германской гегемонии в Европе. Шагом в этом направлении стало предоставление британских гарантий Польше. 31 марта премьер-министр Н. Чемберлен заявил в палате общин, «что в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»⁶⁸. Аналогичную позицию занимало и французское правительство. При всей нечеткости формулировок эта декларация означала важный поворот в британской политике, переход к «политике гарантий». При этом правительство Великобритании исходило из своих собственных интересов. При обсуждении вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета правительства премьер-министр отметил: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам»⁶⁹.

В результате визита Ю. Бека в Лондон 4–6 апреля 1939 г. была выражена готовность заключить постоянное двустороннее соглашение, которое гарантировало бы «взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»⁷⁰.

Нарастивая политико-дипломатическое противодействие дальнейшему усилению Германии, премьер-министр Н. Чемберлен 13 апреля огласил декларацию правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии. В случае какой-либо акции, которая бы явно угрожала независимости одной из этих двух стран, британское правительство «считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству... всю поддержку, которая в его силах»⁷¹. В тот же день с аналогичной декларацией о гарантиях Греции и Румынии выступило правительство Франции. Кроме того, оно подтвердило свои обязательства по франко-польскому союзу. Франция и Польша дали друг другу «немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам»⁷². Тем самым Лондон и Париж стремились создать политический барьер против дальнейшего усиления Германии, против установления ее гегемонии в Европе. Это не исключало переговоров с Германией и компромиссов по отдельным вопросам.

В период с 23 по 27 марта в Москве находился с визитом парламентский секретарь по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсон. Во время завтрака в британском посольстве Хадсон говорил заместителю наркома В. П. Потемкину, что «вооруженный конфликт между европейскими демократиями и Германией представлялся неизбежным. Общественное мнение Англии вполне убедилось в неотвратимости этого столкновения. Для противодействия агрессорам необходимо сотрудничество Великобритании, Франции и СССР»⁷³. Перед Лондоном и Парижем встал вопрос о привлечении Москвы к реализации политики гарантий.

Принципиальные подходы советского руководства к проблемам международной политики были обрисованы И. В. Сталиным в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. Сталин заявил: «Новая империалистическая война стала фактом... Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой». При этом основной пафос сталинского доклада оказался направленным против политики невмешательства, против политики попустительства агрессии, против попыток столкнуть Германию с Советским Союзом. Он серьезно предупредил западных руководителей: «Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом».

И. В. Сталин сформулировал основные задачи партии в области внешней политики:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁷⁴.

Тем самым советское руководство выдвигало на первый план борьбу за национально-государственные интересы СССР в своей собственной трактовке. Оно заявило о стремлении проводить осторожную, прагматичную политику, по возможности оставаться вне начавшейся империалистической войны, добиваться максимально выгодных договоренностей с потенциальными партнерами.

Четкое разъяснение советской позиции дал нарком М. М. Литвинов в беседе с британским послом У. Сидсом 1 апреля 1939 г. Говоря о советской реакции на британские инициативы, Сидс спросил: «Значит ли это, что вы впредь не намерены помогать жертве агрессии?». Литвинов ответил, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁷⁵.

Советское руководство проявило большую заинтересованность в том, чтобы не допустить нового

Мюнхена, чтобы активно участвовать в обсуждении возможностей отпора агрессии. В связи с нарастанием нажима Германии на Румынию и Польшу Советский Союз 18 марта предложил «немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии». На следующий день нарком М. М. Литвинов предложил добавить к возможным участникам конференции Турцию⁷⁶. Советский Союз выражал готовность подписать декларацию Великобритании, СССР, Франции и Польши, предложенную британским правительством. Проект декларации предусматривал обязательство соответствующих правительств «немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства⁷⁷. Правда, Литвинов делал оговорку, что без Польши СССР эту декларацию не подпишет⁷⁸.

Советское руководство явно опасалось возможных польско-германских договоренностей. Очевидно, этими соображениями было обусловлено стремление Москвы к улучшению отношений с Варшавой. Еще 19 февраля 1939 г. было подписано советско-польское торговое соглашение, предусматривавшее рост товарооборота между двумя странами⁷⁹. М. М. Литвинов писал 10 марта: «Новые отношения с Польшей можно выразить следующим образом: они стали менее враждебными, но отнюдь не более дружескими; между тем как польско-германские отношения стали менее дружественными и более враждебными. Бек по-прежнему продолжает лавировать между СССР и Германией, уменьшая несколько свой крен в сторону последней»⁸⁰.

В конце марта Кремль дал дополнительные доказательства стремления к советско-польскому сближению. В ходе беседы с заместителем наркома В. П. Потемкиным 28 марта посол В. Гжибовский обратился с просьбой решить некоторые вопросы двусторонних отношений до его намеченной поездки в Варшаву для консультаций. Посол перечислил важнейшие из упомянутых им вопросов: установление воздушной связи между Москвой и Варшавой, передача польскому правительству некоторых архивных документов, поиск ксендза для польского костела в Москве, освобождение ряда арестованных польских граждан⁸¹. Ознакомившись с записью этой беседы, И. В. Сталин по телефону продиктовал Потемкину положительные (или уклончивые) ответы на вопросы посла⁸².

Тем не менее, Польша отказалась подписать декларацию четырех держав, предложенную Великобританией. Польское правительство придерживалось твердой позиции: не заключать никаких соглашений ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии. Как сообщал из Лондона полпред И. М. Майский, «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что

они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»⁸³. По сообщению советского полпреда во Франции Я. З. Сурица, Э. Даладье уже тогда предупреждал, что польская политика, в конце концов, доведет Польшу до раздела. Отрицательная позиция Польши, нерешительность и колебания Великобритании и Франции не позволили достичь какого-либо реального результата.

Что касается советского руководства, то оно добивалось обязывающих конкретных соглашений, не соглашаясь помогать Польше без всяких предварительных договоренностей в случае германской агрессии. Нарком М. М. Литвинов стал инициатором опубликования в начале апреля заявления ТАСС, в котором опровергалось наличие каких-либо обещаний или обязательств СССР по оказанию помощи Польше⁸⁴. В тот же день Литвинов записал беседу с польским послом В. Гжибовским: «Но ведь когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР, вставил Гжибовский. На это я сказал, что она может обратиться, когда будет уже поздно, и что для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»⁸⁵. В чем-то слова Литвинова оказались пророческими. Еще более откровенно нарком определил советскую позицию в письме полпреду в Германии А. Ф. Мерекалову. Литвинов писал: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁸⁶. Идея платы партнеров за советскую помощь стала важной составной частью политической линии Кремля.

Тогда же, в конце марта, советское руководство обозначило некоторые свои геополитические приоритеты. Москва довела до сведения эстонского и латвийского правительств, что ранее заключенные с ними пакты и соглашения имели своей предпосылкой полную независимость и целостность Латвии и Эстонии. В случае попыток с чьей-либо стороны к уничтожению этой самостоятельности и целостности или добровольного отказа от независимости СССР намеревался пересмотреть свое отношение к указанным соглашениям.

Гитлеровская Германия со своей стороны усиливала нажим на Польшу. Как теперь известно, 3 апреля 1939 г. командование германских вооруженных сил приняло решение о подготовке нападения на Польшу (план «Вайс») к 1 сентября того же года. 11 апреля план военной кампании против Польши был утвержден. При этом в документе констатировалось: «Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т. е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей»⁸⁸. 28 апреля А. Гитлер объявил об аннулировании пакта о ненападении с Польшей 1934 г., давая тем самым понять, что Германия не исключает отныне войну против восточного соседа.

Нарком Литвинов был прав, когда утверждал, что создать барьер против агрессии в Европе без Советского Союза было невозможно. В связи с наращиванием германского давления на Польшу и Румынию встал вопрос о привлечении СССР к англо-французской политике гарантий. В середине апреля 1939 г. Советский Союз получил официальные предложения Великобритании и Франции о сотрудничестве. Лондон предлагал дать одностороннюю советскую гарантию Польше и Румынии, а возможно, и другим лимитрофным государствам⁸⁹. Париж выступил с инициативой расширения советско-французского пакта о взаимопомощи на случай предоставления одной из сторон помощи Польше или Румынии⁹⁰. Вместе с тем Франция готова была поддержать и британское предложение.

Информируя И. В. Сталина об этих предложениях, М. М. Литвинов сделал характерную оговорку: «Если мы хотим вообще сотрудничать с Англией и Францией...»⁹¹. Эта оговорка наркома позволяет предположить наличие разногласий в советском руководстве по этой проблеме. Минимум советских требований Литвинов формулировал следующим образом:

- «1. Взаимное обязательство о помощи между Англией, Францией и Советским Союзом в случае агрессии против одного из этих государств в результате помощи, оказываемой этим государством какому-либо европейскому соседу СССР», включая Прибалтику и Финляндию.
2. Англия, Франция и СССР обязуются друг перед другом оказать помощь европейским соседям СССР.
3. Представители трех государств приступают немедленно к обсуждению и установлению размеров и форм помощи.
4. СССР, Англия и Франция обязуются не принимать решений и не заключать соглашений с другими государствами по вопросам, касающимся востока Европы, без общего согласия трех государств. Равным образом они обязуются не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга»⁹².

17 апреля развернутые и доработанные советские предложения, направленные на то, чтобы объединить британский и французский подходы, были переданы на рассмотрение Лондона и Парижа. Основными пунктами советских предложений стало заключение Великобританией, Францией, СССР соглашения о немедленной взаимопомощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого участника соглашения; обязательства трех государств оказывать всяческую помощь, включая военную, восточноевропейским соседям СССР от Балтийского до Черного моря в случае агрессии против этих государств; безотлагательная выработка военной конвенции, подписываемой одновременно с политическим соглашением⁹³. Тем самым факти-

чески начались трехсторонние англо-франко-советские переговоры.

Советская позиция была направлена на формирование военно-политического союза трех стран с жесткими обязательствами по взаимопомощи и совместными гарантиями европейским соседям СССР. Реализация этой программы делала СССР равноправным участником решений по вопросам ситуации в Восточной Европе. Советские предложения означали гарантии европейским соседям СССР, но ничего не говорили о западных соседях Германии, кроме Франции.

Расхождения в позициях Великобритании, Франции и СССР были обусловлены и объективными, и субъективными факторами. Лондон и Париж уже проявили свою заинтересованность в недопущении дальнейшего усиления позиций Германии в Восточной и Юго-Восточной Европе, они уже связали себя определенными обязательствами в отношении Польши, Румынии, Греции. М. М. Литвинов подчеркивал: «Советское правительство свободно от всяких обязательств в отношении помощи Польше и Румынии, и ему теперь предлагают принять на себя односторонние обязательства, причем ему разъясняют, что это в его собственных интересах. Советское правительство, конечно, само отлично знает свои собственные интересы, знает также, что оно будет предпринимать и делать в соответствии с этими интересами»⁹⁴. К тому же Польша и Румыния выступали против советских гарантий и воспринимались в Москве как недружественные государства. Тем не менее, СССР последовательно поощрял Польшу к сопротивлению германским требованиям. Заместитель наркома В. П. Потемкин в ходе беседы с Ю. Беком 10 мая подчеркнул, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»⁹⁵. Однако на следующий день посол В. Гжибовский заявил В. М. Молотову, что Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР⁹⁶.

Британское правительство не готово было принять советское предложение о создании широкого военно-политического альянса трех держав, способного «оттолкнуть» многих потенциальных союзников и сплотить членов антикоминтерновского пакта⁹⁷. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о затягивании переговоров, что могло, по мнению Лондона и Парижа, «удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение»⁹⁸.

К этому добавлялись глубокая подозрительность и взаимное недоверие между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Москвой, с другой. Традиционную враждебность западных демократий к сталинскому режиму увеличивал эффект «большого террора» и массовых репрессий в СССР. Устойчивое недоверие к политике Великобритании и Франции, усиленное Мюнхеном, существовало и в Москве. Характерной была реакция на французские предложения полпреда

в Париже Я. З. Сурица. 11 апреля он писал в Москву, что ведь речь шла по существу о том, чтобы СССР принял на себя тяжелейшие обязательства без всякой взаимности и гарантии. «У меня нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». Поэтому, по мнению полпреда, надо было дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства, без встречных гарантий. Сам Сталин не верил, что западные демократии окажут Советскому Союзу в определенных обстоятельствах военную помощь.

К сожалению, шанс достижения договоренностей на основе советских предложений был упущен руководителями западных держав. Лондон затягивал с ответом, считая, что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения»⁹⁹. Париж 25 апреля внес новые предложения, которые, по оценке М. М. Литвинова, выглядели «почти издевательски»: «Мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией, и они будут получать нашу помощь»¹⁰⁰. Несмотря на это, Литвинов делал все возможное, чтобы продолжать переговоры в позитивном духе. Первое предложение Франции он считал «принципиально приемлемым»; во втором предложении находил изменения «положительного характера» — если первоначально говорилось о помощи лишь Польше и Румынии, то в новом предложении речь шла о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в Центральной или Восточной Европе¹⁰¹.

Линия М. М. Литвинова на достижение договоренностей с Великобританией и Францией (конечно, выгодных СССР) вызвала недовольство И. В. Сталина и В. М. Молотова. 21 апреля 1939 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совещание, в котором участвовали некоторые члены политбюро, нарком Литвинов, его заместитель В. П. Потемкин, а также вызванные из Лондона и Берлина полпреды И. М. Майский и А. Ф. Меркалов. Обсуждался кардинальный вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Политика Литвинова, ориентированная на союз с Великобританией и Францией, была подвергнута резкой критике. Со стороны главы правительства В. М. Молотова был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений для укрепления внешнеполитического положения СССР, в том числе и рассмотрения возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией¹⁰².

По мнению некоторых российских исследователей, именно это совещание предредило отставку М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел. 3 мая И. В. Сталин направил телеграмму двенадцати ведущим сотрудникам НКВД, в которой сообщил: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обра-

тился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹⁰³.

Смещение М. М. Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противостоящими группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения. Не случайно большинство германских газет расценивали смену наркома «как конец Женевской политики и политики союзов с западными капиталистическими державами, проводившейся якобы прежним наркомом»¹⁰⁴.

Однако руководители Великобритании и Франции не проявляли понимания всей серьезности международной ситуации и необходимости поиска компромисса с СССР. Их новые предложения в конце апреля — начале мая сводились либо к оказанию Советским Союзом помощи Великобритании и Франции в связи с выполнением ими своих обязательств, либо к односторонним обязательствам СССР в поддержку этих гарантий¹⁰⁵. Оценка В. М. Молотовым англо-французских предложений была резко отрицательной: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»¹⁰⁶. Эта оценка отражала и позицию И. В. Сталина, который говорил Г. Димитрову 7 сентября 1939 г.: «Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и при том за это ничего не платить!»¹⁰⁷. Таким образом, советская концепция переговоров с Великобританией и Францией недооценивала наличие общей угрозы и общей заинтересованности в противостоянии потенциальной агрессии. Советский Союз должен был получить безусловные гарантии Лондона и Парижа, да еще и «дополнительную плату» за союз Москвы с ними. Советское руководство настаивало на принципе взаимности в деле взаимопомощи Великобритании, Франции и СССР и на распространении гарантий этих трех стран на все пограничные с Советским Союзом страны Восточной Европы¹⁰⁸.

Однако нарастание германского давления на Польшу, заключение 22 мая германо-итальянского союза подталкивало участников тройственных переговоров к их активизации. Эксперты британского министерства иностранных дел пришли к выводу, что англо-франко-советский договор являлся, возможно, «единственным средством предотвращения войны»¹⁰⁹. 27 мая представители Великобритании и Франции в Москве вручили В. М. Молотову проект тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии¹¹⁰.

В. М. Молотов публично признал, что англо-французские предложения означали «шаг вперед», ибо предусматривали «на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией,

Францией и СССР на условиях взаимности»¹¹¹. Вместе с тем, в беседе с представителями Великобритании и Франции Молотов заявил об отрицательном отношении к предложенному документу, выдвигая различные замечания и оговорки. Основным нерешенным вопросам остался вопрос о гарантиях Финляндии, Эстонии и Латвии. «Во избежание недоразумений считаем нужным предупредить, что вопрос о трех Прибалтийских государствах является тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры», — писал В. М. Молотов И. М. Майскому 10 июня¹¹².

2 июня В. М. Молотов вручил представителям Великобритании и Франции советский проект тройственного соглашения. Проект предусматривал «немедленную всестороннюю эффективную помощь» друг другу, если бы одно из договаривающихся государств оказалось втянутым в военные действия с европейской державой либо в результате агрессии со стороны этой державы против любого из трех государств, либо в результате агрессии против Бельгии, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, которые участники соглашения обязались бы защищать. Политическое соглашение должно было вступить в действие одновременно с договоренностями по военным вопросам¹¹³.

Политические переговоры трех держав вступили в решающую фазу. Британское правительство не готово было принять советские пожелания. Оно полагало неудобным прямо называть в договоре Латвию, Эстонию и Финляндию. Лондон считал также, что предложение Москвы об одновременном вступлении в силу политического пакта и военного договора могло бы затянуть завершение переговоров. Наконец, британское правительство испытывало сомнения в связи с предложенным Москвой принципом незаключения сепаратного мира¹¹⁴.

Вместе с тем британское и французское правительства для выполнения уже данных ими обязательств по гарантиям были заинтересованы в соглашении с Москвой. 8 июня британское правительство решило направить в Москву заведующего центральноевропейским департаментом Форин Офис У. Стрэнга для ускорения хода трехсторонних переговоров.

15 июня Молотову были переданы новые англо-французские формулировки по вопросам трехсторонних переговоров. Предусматривалась немедленная взаимопомощь трех государств в случае агрессии против одного из них, а также немедленная помощь Советского Союза Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции «в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции»¹¹⁵. Кроме того, в случае необходимости предусматривались немедленные консультации участников соглашения.

Советское руководство проанализировало англо-французские предложения и сочло их неприем-

лемыми. В. М. Молотов писал 16 июня полпредам И. М. Майскому и Я. З. Сурицу: «Англо-французские предложения, полученные вчера, в основном повторяют их предыдущие предложения. В частности, от нас требуют немедленной помощи известным пяти странам, но отказываются от немедленной помощи трем Прибалтийским странам ввиду будто бы их отказа принимать такую помощь. Это означает, что французы и англичане ставят СССР в унижительное неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться»¹¹⁶.

В последующем тройственные переговоры сосредоточились вокруг списка гарантируемых государств, в частности на вопросе о гарантиях прибалтийским соседям СССР. К концу июня представители Великобритании и Франции согласились, что прибалтийские государства, Польша и Румыния являлись теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляла один из элементов безопасности СССР. Для Франции и Великобритании такими соседними государствами являлись Бельгия, Нидерланды и Швейцария, на которые и предлагалось распространить гарантии трех держав. При этом французский посол предложил, чтобы страны, которым предоставлялись гарантии трех держав, были перечислены в отдельном документе, не подлежащем опубликованию¹¹⁷. К англо-французским предложениям был близок и советский проект от 8 июля 1939 г.¹¹⁸ При этом на определенных условиях СССР готов был участвовать в гарантиях Нидерландам и Швейцарии, с которыми у него не было дипломатических отношений.

Думается, что англо-французские и советские предложения создавали приемлемую основу для заключения тройственного соглашения о взаимопомощи и о гарантиях. 14 июля французский премьер-министр Э. Даладье заявил советскому полпреду: «Надо скорее кончать, тем более, что сейчас никаких серьезных разногласий я не вижу»¹¹⁹. Что касается Парижа, то французский посол П. Наджар писал из Москвы в начале июля: «Главная цель обсуждаемого договора состояла с самого начала в том, чтобы интегрировать СССР в нашу систему и сохранить его на нашей стороне как базу снабжения и возможной помощи Польше и Румынии. Эта цель кажется в настоящий момент достигнутой, если учитывать основные положения договора, по которым мы уже согласны с СССР»¹²⁰. Для заключения соглашения не хватало политической воли с обеих сторон. Советское руководство настойчиво добивалось для себя равноправия и некоторых «бонусов» в Восточной Европе. В то же время Кремль относился к этим переговорам весьма серьезно, добиваясь наиболее выгодных условий возможного соглашения. Великобритания стремилась избежать слишком жестких обязательств и сохранить некоторую свободу рук для параллельных контактов с Берлином. Можно согласиться с выводом, который делает С. З. Случ:

«Неудача англо-франко-советских переговоров — результат «упущенных возможностей» всех участников»¹²¹.

В сложившейся ситуации советское руководство избрало линию на затягивание переговоров, используя вопрос о «косвенной агрессии» и о связи политического соглашения с военной конвенцией. Тройственное соглашение должно было предоставить гарантии не только против непосредственного нападения, но и против «косвенной агрессии». Это понятие было раскрыто В. М. Молотовым 9 июля. Советский проект дополнительного письма к тройственному соглашению предлагал: «Выражение „косвенная агрессия“ относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»¹²². Подобное определение «косвенной агрессии» было максимально широким и фактически предоставляло Советскому Союзу определенную свободу действий в сопредельных странах в кризисных ситуациях. Предложенная советская формулировка была совершенно неприемлемой для британской стороны, готовой пойти из-за нее даже на срыв переговоров¹²³. Перед надвигавшейся угрозой прямой гитлеровской агрессии дискуссии о «косвенной агрессии» не свидетельствовали о заинтересованности участников в скорейшем заключении тройственного пакта. В. М. Молотов признавал второстепенный характер расхождений, сохранявшихся по политическим вопросам¹²⁴.

В сложившейся ситуации советское руководство считало целесообразным перейти к рассмотрению конкретных военных проблем. Москва с апреля 1939 г. настаивала на подписании одновременно с политическим соглашением и военной конвенции. Британское и французское руководство в конце июля согласились направить в Москву миссии для ведения переговоров по военным вопросам¹²⁵. При этом британский министр Э. Галифакс рассчитывал на ответные советские уступки по вопросу об определении «косвенной агрессии»¹²⁶. Как бы то ни было, путь к тройственным военным переговорам в Москве был открыт. Тем не менее, в середине июля ситуация на тройственных переговорах заметно осложнилась.

Англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о политической части договора и только затем перейти к военному соглашению вызвало резкую критику В. М. Молотова. Нарком писал советским полпредам в Лондон и Париж 17 июля: «Только жулики и мошенники, какими и ведут себя все это время господа переговорщики

с англо-французской стороны, могут теперь делать вид, прикидываясь, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашения является чем-то новым в переговорах... Видимо, толку из всех этих переговоров не будет и придется их послать к черту. Тогда пусть пеняют на себя»¹²⁷. Советское руководство настойчиво добивалось обязывающего военно-политического соглашения с определенными преимуществами для СССР в Восточной Европе.

К тому же именно в это время усилилось советское недоверие к мотивам и целям британской стороны. В период с 17 по 20 июля в Лондоне состоялись экономические переговоры между парламентским секретарем по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном и ответственным чиновником ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольфатом, которые могли иметь неблагоприятные политические последствия для СССР. Кроме того, 22 июля в Токио было подписано англо-японское соглашение, которое улучшало позиции Японии в Китае и облегчало ей ведение войны против СССР¹²⁸. И Великобритания, и Советский Союз вели своеобразную «двойную игру», осуществляя параллельные контакты с Германией.

Понять ход тройственных переговоров невозможно без анализа развития отношений между СССР и Германией. В декабре 1938 г. германская сторона заявила о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры. Эти переговоры начались в январе 1939 г., они проходили трудно и медленно. Складывается впечатление, что советское руководство ожидало какого-то политического шага со стороны Германии, но Берлин его не предпринимал. В марте 1939 г. М. М. Литвинов отмечал: «Германия сама не прочь использовать советский козырь в своей игре с Англией и Францией, но не решается на соответствующие политические жесты, которые она хочет заменить, если возможно, экономическим сближением»¹²⁹.

Поворот к советско-германскому сближению наметился в апреле 1939 г. Осторожный обоюдный зондаж возможностей улучшения отношений между Москвой и Берлином был осуществлен в ходе беседы полпреда А. Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером 17 апреля. По советской версии записи беседы, германский дипломат, характеризуя состояние отношений между двумя странами, заявил: «Лучше, чем сейчас, они быть не могут... Вы знаете, у нас есть с Вами противоречия идеологического порядка. Но вместе с тем мы искренно хотим развивать с Вами экономические отношения»¹³⁰. По германской версии беседы, именно Мерекалов подчеркнул: «С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным отношениям между нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше»¹³¹. Этот зондаж вписывался в политику СССР и Германии. Что ка-

сается Москвы, то следует напомнить о совещании у И. В. Сталина 21 апреля 1939 г., на котором В. М. Молотов поставил вопрос о рассмотрении возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией. А в германском руководстве 11 апреля был утвержден план нападения на Польшу (план «Вайс»), включавший задачу ее изоляции. Весьма характерно и замечание советского представителя Г. А. Астахова в его письме В. М. Молотову от 14 июня: «Это, естественно, создало впечатление, что просоветский (условно выражаясь) маневр в германской политике последних двух месяцев задуман несколько глубже, чем могло многим казаться вначале»¹³². Таким образом, этот «просоветский маневр» начался именно в середине апреля 1939 г.

После отставки М. М. Литвинова в Берлине было решено активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов в первой половине мая советская сторона отвечала, что улучшение двусторонних отношений зависит от Германии¹³³. Характерным эпизодом стала беседа германского посла в Анкаре Ф. фон Папена с советским полпредом в Турции А. В. Терентьевым 8 мая. Терентьев сообщил в Москву, что германский дипломат, «внешне проявляя приторную любезность, особо подчеркнул, что его лично „очень огорчает“ отсутствие сердечности во взаимоотношениях СССР и Германии, „тем более, что нет никаких вопросов, которые разделяли бы обе страны и создавали бы между ними противоречия“»¹³⁴. Еще более показательными были указания В. М. Молотова по поводу этой беседы. Нарком телеграфировал Терентьеву, что в отношении фон Папена «Вы взяли неправильный тон. Вам надо быть с ним таким же вежливым, как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он захочет их сделать»¹³⁵.

Именно В. М. Молотов в мае 1939 г. сделал решающий шаг к политическому сближению с Германией. 20 мая в ходе обсуждения советско-германских экономических переговоров нарком заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов... Экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы»¹³⁶. Такой подход оказался совершенно новым для германского руководства. На расспросы посла, в каком направлении могут быть улучшены политические отношения между двумя странами, он услышал в ответ, «что об этом надлежит подумать обоим правительствам»¹³⁷. Советский демарш встретил благоприятный отклик в Берлине. 22 мая И. фон Риббентроп в беседе с французским послом Р. Кулондром откровенно говорил, что германо-советское сближение является «неизбежным и необходимым, это соответствует природе вещей и традициям». Тогда же он заявил,

что польскому государству «предстоит рано или поздно исчезнуть, разделенному между Германией и Россией»¹³⁸.

Характерно, что 23 мая А. Гитлер, определяя военно-политические задачи, выделил «проблему Польши». Он заявил: «„Проблему Польши“ невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом... Поэтому польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу»¹³⁹. Тем не менее, контакты между Германией и СССР оставались очень осторожными, основная цель Берлина состояла в том, чтобы удержать Москву от сближения с Великобританией.

Ответ на демарш Молотова был дан статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером 30 мая. Он обратил внимание советского поверенного в делах Г. А. Астахова на некоторые положительные изменения в отношениях между СССР и Германией: «Эти моменты создают возможность дальнейшей нормализации отношений, и от Советского правительства зависит сделать выбор»¹⁴⁰. Тем самым, не отвергая возможность улучшения германо-советских отношений, Берлин не выдвинул никаких конкретных предложений. В процессе улучшения советско-германских отношений наступила пауза, хотя 21 июля двусторонние экономические переговоры были возобновлены.

В конце июля гитлеровское руководство приступило к завершающей фазе подготовки нападения на Польшу. Варшава не шла на уступки, и в случае попыток захвата Данцига Германией готова была воевать даже без союзников¹⁴¹. В то же время контакты с Лондоном не давали Берлину гарантий британского неучастия в грядущем конфликте. Весной-летом 1939 г. происходило объективное нарастание противоречий между Германией и Великобританией, что делало практически невозможным достижение компромисса между руководством двух стран. К тому же тройственные переговоры в Москве вызвали растущее беспокойство в Берлине.

В сложившейся ситуации гитлеровское руководство решило активизировать контакты с Москвой. 24 июля энергичный и обаятельный советник экономического департамента германского МИД К. Ю. Шнурре пригласил на беседу советского поверенного в делах Г. А. Астахова. По словам Шнурре, благополучное завершение торгово-кредитных переговоров должно было явиться лишь первым этапом улучшения двусторонних отношений. Второй этап мог бы состоять в улучшении отношений по линии прессы, культурных связей и т. п. «После этого можно будет перейти к третьему этапу, поставив вопрос о политическом сближении... Противоречий между СССР и Германией нет», — подчеркнул Шнурре¹⁴². Он развивал соображения о возможности улучшения советско-германских отношений во время обеда с советскими дипломатами 26 июля в элегантном

берлинском ресторане «Эвест». Шнурре поставил вопрос о продлении или освежении советско-германского политического договора¹⁴³. В последующие дни к переговорам подключился германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург. 3 августа в беседе с В. М. Молотовым он подчеркнул: «Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий»¹⁴⁴.

В ответе В. М. Молотова Г. А. Астахову отмечалась желательность «продолжения обмена мнениями об улучшении отношений»; что касается других пунктов, то многое зависело от исхода торгово-кредитных переговоров в Берлине¹⁴⁵. Представители Германии форсировали переговоры и очень быстро поставили вопрос о фиксации в торговом договоре задачи улучшения политических отношений. По мнению Г. А. Астахова, немцы не прочь были бы «вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, производя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий „на всем протяжении от Черного моря до Балтийского“ может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами». Далее, остановившись на конкретных вопросах, Астахов подчеркивал: «Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей». При этом имелось в виду отсутствие англо-франко-советского военно-политического соглашения¹⁴⁶.

Кремль благожелательно воспринял германские авансы. 29 июля В. М. Молотов писал Г. А. Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение»¹⁴⁷.

3 августа в советско-германские переговоры вступил И. фон Риббентроп. Германский министр в разговоре с Г. А. Астаховым подчеркнул: «Мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обменяться мнениями более конкретным порядком»¹⁴⁸.

10 августа Г. А. Астахов информировал о кардинальном вопросе, поставленном германским руководством. Советский дипломат телеграфировал в Москву: «Со своей стороны германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет

и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства»¹⁴⁹.

Таким образом, речь шла не просто об улучшении советско-германских отношений, а о позиции СССР в надвигавшемся вооруженном конфликте, вызванном агрессивными действиями Германии.

Для Кремля настало время принципиальных решений. Приходилось учитывать, что 5 августа британская и французская военные миссии выехали в СССР для ведения трехсторонних переговоров, которые начались в Москве 12 августа.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что именно в эти дни августа в Москве были приняты важные решения. 7 августа К. Е. Ворошилов зафиксировал инструкции, которые были даны ему для переговоров с военными миссиями Великобритании и Франции. Предположительно, инструкции были продиктованы И. В. Сталиным. Суть документа — «переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал...»¹⁵⁰. Учитывая отрицательное отношение Польши и Румынии к пропуску советских войск через их территорию, позиция Кремля обрекала тройственные военные переговоры на неудачу.

Французские дипломаты в Москве понимали важность этого вопроса. По прибытии британских и французских военных в Москву глава французской миссии генерал Ж. Думенк имел беседу с послом П. Наджиаром. «Привезли ли вы что-либо конкретное о проходе [советских войск] через Польшу? — сказал он мне. — Имеете ли вы заверения по этому вопросу? И поскольку я заметил, что у нас их нет, то он воскликнул: „Значит, они не читали и не поняли мои телеграммы! Это коренной вопрос дискуссий, и его не обойдешь“»¹⁵¹.

И действительно, после выяснения вопроса о полномочиях делегаций и после общего обмена мнениями советские представители 14 августа прямо поставили вопрос: «Будут ли пропущены советские войска через территории Польши и Румынии для соприкосновения с противником в случае нападения агрессора на Англию и Францию, на Польшу или Румынию, а также на Турцию». В ответ на попытки британцев и французских обойти эту проблему К. Е. Ворошилов «в качестве предварительного условия для ведения дальнейших переговоров ставит получение ясного ответа на вопрос о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии»¹⁵².

После этого жесткого требования советского маршала был устроен перерыв. Выйдя в сад, глава британской делегации адмирал Р. Дракс сказал: «Я считаю, что наша миссия закончена»¹⁵³. Генерал Ж. Думенк признавал, что поставленные Ворошиловым вопросы были «совершенно законными»¹⁵⁴.

Французские военные и политические руководители были гораздо больше, чем британцы заинтересованы в достижении соглашения с Москвой. Они знали об отрицательном отношении Варшавы к праву прохода советских войск через польскую территорию. Но все же Париж предпринял отчаянную попытку спасти трехсторонние переговоры в Москве. 17 августа один из сотрудников Ж. Думенка капитан А. Бофр выехал в Варшаву, чтобы попытаться получить согласие польских руководителей на проход советских войск через Польшу в случае необходимости.

Однако польские военные руководители заняли сугубо отрицательную позицию. Главнокомандующий польской армией маршал Э. Рыдз-Смиглы и начальник генерального штаба генерал В. Стахевич заявили, что ни одно польское правительство не сможет рассматривать «какое-либо предложение, направленное на осуществление оккупации части польской территории русскими войсками, каковы бы ни были последствия этого отказа. Речь шла не столько о материальном вопросе, сколько о священном принципе, вытекавшем из политического завещания маршала Пилсудского: „С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, а с русскими мы потеряем нашу душу“»¹⁵⁵. Польские деятели не верили ни в добрую волю советских руководителей, ни в их желание эффективно участвовать в военных действиях против Германии.

Только после объявления 21 августа о предстоящем визите германского министра И. фон Риббентропа в Москву новый нажим французского и британского военных атташе вынудил польское руководство дать уклончивый ответ относительно возможности сотрудничества с СССР. 23 августа посол Франции в Польше Л. Ноэль направил в Москву следующую телеграмму: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно). Французский и английский генеральные штабы считают, что существует необходимость немедленно изучить все варианты сотрудничества»¹⁵⁶.

Как отмечал посол Франции в Москве П. Наджар, «эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства»¹⁵⁷. После заключения советско-германского пакта о ненападении тройственные переговоры потеряли всякий смысл, 25 августа они были прерваны.

Позиция польского руководства в августе 1939 г. трудно объяснима. Французский посол в Варшаве

Л. Ноэль подчеркивал, «что вопрос об ответственности Польши, над которой нависла большая, чем над кем-либо другим, угроза, причем речь идет о самом ее существовании, будет поставлен самым серьезным образом, если она будет упорствовать в чисто негативной позиции»¹⁵⁸.

Позиция Варшавы летом 1939 г. была связана с целым рядом ошибок и заблуждений. По мнению Ю. Бека, польско-советское сотрудничество могло бы ускорить удар Третьего рейха против Польши. Предположение, что И. В. Сталин не сможет договориться с А. Гитлером, стало главным просчетом польской политики этого периода. Польский историк М. Захариас отмечает: «Бек не предусмотрел, что Россия не даст себя изолировать, и что возникнет коалиция, которая не будет той, о которой он думал»¹⁵⁹.

Возвращаясь к решениям, принятым в Москве в первой половине августа 1939 г., следует отметить тот факт, что 11 августа, накануне начала переговоров военных миссий, политбюро решило «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»¹⁶⁰.

В условиях взаимной заинтересованности переговоры между Москвой и Берлином шли весьма энергично. 12 августа Г. А. Астахов сообщал из Берлина: «События развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных стадиях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т.п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в ускоренном темпе». Уже 13 августа германское руководство дало согласие на ведение переговоров об улучшении отношений между двумя странами в Москве и согласилось направить для этого лицо, близкое к фюреру. В памятной записке, врученной В. М. Молотову Ф. фон Шуленбургом 15 августа, подчеркивалось: «Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным»¹⁶¹. В ответ Молотов поставил вопрос о заключении пакта о ненападении и о необходимости предварительно обсудить конкретные вопросы.

В беседе с Ф. фон Шуленбургом 17 августа В. М. Молотов изложил план действий советского руководства по развитию отношений с Германией. Первым шагом должно было стать завершение переговоров о торгово-кредитном соглашении. Вторым шагом могло бы стать «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики с тем, чтобы последний представлял организационную часть пакта»¹⁶². Германское правительство со своей стороны настойчиво ставило вопрос об организации визита И. фон Риббентропа в Москву в ближайшие дни.

19 августа В. М. Молотов передал Ф. фон Шуленбургу текст проекта советско-германского пакта о ненападении с оговоркой, что пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола. Германская сторона вновь настаивала на скорейшем визите Риббентропа в Москву, ссылаясь на то, что «в Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей»¹⁶³.

Кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 19 августа 1939 г. А уже 21 августа А. Гитлер направил письмо И. В. Сталину. Рейхсканцлер принял советский проект пакта о ненападении. Он предложил в кратчайший срок согласовать вопросы, связанные с пактом и дополнительным протоколом. Гитлер настойчиво предлагал принять в Москве министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа не позднее 23 августа, подчеркнув, что «напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым»¹⁶⁴. Через два часа В. М. Молотов передал Ф. фон Шуленбургу ответное письмо Сталина Гитлеру, в котором советский лидер отметил, что согласие германского правительства заключить пакт о ненападении «создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами». Правительство СССР дало согласие на приезд в Москву министра Риббентропа 23 августа¹⁶⁵.

По прибытии Риббентропа 23 августа в Москву в тот же вечер состоялись его переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Обсуждался вопрос о разграничении сфер влияния двух государств. Немецкое предложение состояло во включении в советскую сферу Финляндии, Эстонии, восточной части Латвии (до реки Двина) и восточной части Польши до рубежа рек Нарева, Вислы, Буга и Сана. Сталин потребовал передачи в советскую сферу находящихся западнее намеченной линии латвийских портов Лиепая и Вентспилса. Риббентроп быстро получил на это согласие А. Гитлера.

В ночь с 23 на 24 августа министры иностранных дел двух держав В. М. Молотов и И. фон Риббентроп подписали договор о ненападении между Германией

и Советским Союзом, а также секретный дополнительный протокол¹⁶⁶.

Советско-германский пакт о ненападении, датированный 23 августа 1939 г., вступал в силу немедленно после его подписания и заключался сроком на десять лет. Обе стороны обещали «воздерживаться от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». В случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая сторона обязалась не поддерживать ни в какой форме эту державу. Характерно, что по настоянию германской стороны была снята оговорка о неприменении этого обязательства в случае, если бы один из участников договора сам стал инициатором военных действий. Гитлера она не устраивала, ибо советско-германский пакт заключался в преддверии агрессии нацистского рейха против Польши.

Неотъемлемой частью договора стал секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов двух держав. Было зафиксировано, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по северной границе Литвы. «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по линии рек Нарева, Вислы, Писсы и Сана. Участники пакта договорились выяснить в процессе дальнейшего политического развития вопрос о том, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства». Кроме того, в протоколе подчеркивался интерес СССР к Бессарабии, а германская сторона заявила о полной политической незаинтересованности в этих областях.

Таким образом, по секретному протоколу в сферу интересов Советского Союза включались восточная часть Польши, Финляндия, Эстония, Латвия, Бессарабия (в сентябре 1939 г. к ним добавилась Литва в обмен на некоторые районы Польши).

Участники переговоров были очень довольны достигнутым. Советско-германский пакт был направлен на военно-политическое переустройство Европы, на раздел сфер влияния в восточной части Европы.

Нацистское руководство договором с Москвой, который оно так спешило подписать, частично решало задачу изоляции Польши в грядущей войне Германии против этого государства. Еще 23 мая 1939 г. А. Гитлер поставил задачу «при первом же подходящем случае напасть на Польшу. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение»¹⁶⁷. Заключением советско-гер-

манского пакта Гитлер добился договора, по которому СССР обязался не оказывать Польше помощь в случае войны и не содействовать Великобритании и Франции, если западные державы выполнили бы свои обязательства после германского нападения на Польшу. Гитлер не скрывал удовлетворения по поводу соглашения, достигнутого И. фон Риббентропом в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному улучшению международных позиций Германии. Советско-германское сотрудничество на основе пакта о ненападении было желательным и выгодным для Гитлера. По словам В. М. Молотова, оно «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке», «Германия получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе»¹⁶⁸.

Что касается значения советско-германского пакта для СССР, то в российской историографии продолжают длиться дискуссии сторонников и противников этой акции.

Представляется, что можно говорить о некоторых принципиально неверных установках сталинского руководства в его международной деятельности накануне войны.

Во-первых, это непонимание характера и масштабов угрозы со стороны нацистской Германии, претендовавшей на порабощение Европы и установление мирового господства. И. В. Сталин и его окружение недооценивали опасность со стороны нацистской Германии, не усматривали существенной разницы между двумя группировками капиталистических государств. Более того, политика нацистской Германии представлялась им более гибкой и энергичной, чем политика буржуазных демократий. Поэтому гитлеровское руководство на каком-то этапе стало восприниматься как более удобный и надежный партнер на международной арене, а возможности достижения договоренностей с Великобританией и Францией не были использованы в полной мере. Сталин делал ставку на затяжной конфликт на Западе, который позволит ему играть роль «третьего радующегося». В беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. он заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», — сказал Сталин¹⁶⁹. События мая–июня 1940 г. показали несостоятельность этих расчетов.

Во-вторых, это геополитическое по своей сути мышление, стремление обеспечить безопасность страны за счет территориальных приобретений и сферы влияния. В действительности же в ситуации острого международного кризиса летом 1939 г. для подлинной безопасности гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров. Для достижения этой цели, очевидно, необходимы были уступки и компромиссы. Но ни

советское руководство, ни правящие круги Великобритании и Франции не проявили к этому последовательного стремления.

Принципиальные просчеты сталинского руководства явились основой курса на советско-германское сближение, выражением которого и стало заключение пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

В свете новейших документов несостоятельным оказывается десятилетиями утверждавшийся советской пропагандой и историографией тезис о том, что договор дал Советскому Союзу передышку, позволил оттянуть начало войны. Это утверждение и в наши дни повторяется некоторыми историками. Так, М. Ю. Мягков утверждает, что договор «на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками... С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке»¹⁷⁰. Но не существует никаких свидетельств того, что германское руководство планировало войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в тот момент не был готов к такой войне и всячески стремился ее избежать. Вместе с тем хорошо известная история разработки плана «Барбаросса» позволяет уверенно говорить о том, что А. Гитлер осуществил агрессию против СССР именно тогда, когда он ее подготовил и когда для этого сложились наиболее подходящие с его точки зрения условия. В. И. Дашичев отмечает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.»¹⁷¹

Заключением советско-германского пакта И. В. Сталин выиграл не время, а территорию. Он счел соглашение с А. Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку. Польский историк Э. Дурачински обоснованно утверждает: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше. Подписывая договор с Третьим рейхом, он мог рассчитывать на реальные территориальные приобретения у своих западных границ и отведение угрозы перерастания конфликтов и столкновения с Японией в полномасштабную войну»¹⁷².

Бесспорно, что советско-германский пакт о ненападении был тактическим выигрышем И. В. Сталина. СССР вошел в число ведущих держав, делавших мировую политику. Он сумел не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений. В результате, как утверждает М. И. Мельтюхов, исходя из тех целей, которые преследовало советское руководство, «это был вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей»¹⁷³.

Есть основания считать, что если советско-германский пакт и был тактическим успехом Кремля, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал стратегическим просчетом И. В. Сталина. Он позволил А. Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. Тактический выигрыш Сталина обернулся его стратегическим проигрышем к июню 1941 г.

Несостоятельными оказываются и утверждения, согласно которым в августе 1939 г. И. В. Сталин избежал войны на два фронта: против Германии и против Японии. Реальной угрозы со стороны нацистского рейха для СССР в тот момент просто не существовало. Что касается конфликта с Японией летом 1939 г. у реки Халхин-Гол, то 20 августа советские и монгольские войска перешли в решающее наступление, 23 августа они окружили 6-ю японскую армию, а 28 августа завершили ее разгром. Фактически этим вооруженный конфликт был уже завершён успешно для СССР.

Советская историография утверждала, что заключением советско-германского пакта И. В. Сталин избежал внешнеполитической изоляции СССР. Но о какой угрозе изоляции можно говорить в отношении периода, когда советское руководство вело переговоры с Великобританией и Францией, с одной стороны, и с Германией — с другой? На деле внешнеполитическое положение СССР летом 1939 г. было весьма благоприятным, и сталинское руководство имело широкое поле для маневра.

Наконец, нельзя не отметить, что подписанный В. М. Молотовым и И. фон Риббентропом секретный протокол противоречил нормам морали и международного права. Два государства не только разделили не принадлежавшие им территории на сферы влияния, но и поставили под вопрос само существование независимой Польши, признанного члена международного сообщества. Бесспорно, что при этом нарушался ряд советско-польских соглашений, в частности Рижский мирный договор 1921 г., двусторонний договор 1932 г. о ненападении, протокол 1934 г. Делалась циничная ставка на силу при пренебрежении интересами других государств.

Поэтому в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР констатировал, что предпринятые в советско-германских секретных протоколах 1939–1941 гг. «разграничения „сфер интересов“ СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Съезд осудил факт подписания секретного дополнительного протокола. Он признал «секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹⁷⁴.

Как уже было отмечено, советско-германский пакт о ненападении был выгоден А. Гитлеру. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований считать, что пакт стал решающим шагом к развязыванию Второй мировой войны. Хорошо известно, что принципиальное решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще в апреле 1939 г., то есть до начала серьезных контактов с СССР. В секретной директиве Гитлера утверждалось: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом»¹⁷⁵.

Последние дни августа 1939 г. были наполнены лихорадочными дипломатическими маневрами. При этом британское руководство стремилось политико-дипломатическим нажимом заставить А. Гитлера отказаться от начала войны, вернуть его за стол переговоров¹⁷⁶. В эту политическую линию вписывалось и заключение соглашения о взаимопомощи между Великобританией и Польшей 25 августа¹⁷⁷. Однако Лондону удалось лишь отсрочить гитлеровское нападение на Польшу до 1 сентября. Что касается германских усилий, то они были последовательно направлены на то, чтобы нейтрализовать Великобританию на случай германо-польской войны. Тем не менее, добиться этого Гитлеру не удалось.

1 сентября нацистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция, выполняя обязательства перед Польшей, объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Бесспорно, основным поджигателем войны стала гитлеровская Германия, а также ее союзники. Именно А. Гитлер сделал ставку на территориальную экспансию и агрессию, на установление германского господства в Европе, а затем и преобладание в мире.

Западные державы, и в первую очередь Великобритания, проводили порочную политику умиротворения агрессора, рассчитывая установить новый международный порядок с участием гитлеровской Германии. На деле эта политика поощряла агрессоров, позволила им без сопротивления Запада осуществить слом Версальской системы.

Советское руководство стремилось предотвратить новый Мюнхен, не допустить масштабного соглашения Великобритании и Франции с Германией без участия СССР. Недооценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам обусловили неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г.

В сложной международной ситуации сталинское руководство предпочло заключить договор о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 г. и пойти с Берлином на раздел сфер интересов в Восточной Европе. Договор о ненападении и секретный

дополнительный протокол стали тактическим успехом И. В. Сталина, но его стратегическим просчетом. Договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему связать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях.

Предвоенный международно-политический кризис дал яркие примеры недалёковидности и политических просчетов, следования устаревшим догмам и нежелания осознать принципиально новые явления в международной обстановке.

- ¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. XVIII. Док. № 146. С. 235.
- ² См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 89–93.
- ³ См.: Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений, 1918–1939 гг. М., 2006; Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007.
- ⁴ The History of Polish Diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005. P. 499.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 17. Папка 133. Д. 81. Л. 134.
- ⁶ Там же. Оп. 18. Папка 137. Л. 118–119.
- ⁷ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 82. С. 129.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 166. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 87. С. 132.
- ¹¹ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. М., 2005. Т. 1. С. 383.
- ¹² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 148. Д. 159. Л. 62.
- ¹³ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 216. С. 309–310.
- ¹⁴ Там же. Док. № 232. С. 333.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 166. Л. 77.
- ¹⁶ Цит. по: Дульян А. Мюнхенская конференция 1938 года, 70 лет спустя // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 20.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 166. Л. 24.
- ¹⁸ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. М.: Наука, 2006. С. 239.
- ¹⁹ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 411.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 324. С. 470.
- ²¹ См.: Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. № 138. С. 228–230.
- ²² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 356. С. 500.
- ²³ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. Док. № 154. С. 246.
- ²⁴ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 275.
- ²⁵ Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Глава 1. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 42–43.
- ²⁶ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 369. С. 520.
- ²⁷ Там же. Док. № 366. С. 516.
- ²⁸ Там же. Док. № 371. С. 522.
- ²⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 102. С. 173.
- ³⁰ Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 45.
- ³¹ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. Док. № 216. С. 329–331.
- ³² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 405. С. 559. Док. № 407. С. 560–561.
- ³³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. Док. № 6. С. 32–34.
- ³⁴ Там же. Док. № 5. С. 31–32.
- ³⁵ Там же. Док. № 7. С. 35.
- ³⁶ Там же. Док. № 10. С. 38–39.
- ³⁷ Там же. Док. № 10. С. 37.
- ³⁸ Politika. 24.01.2009.
- ³⁹ См.: Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. С. 389 (примечание).
- ⁴⁰ Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 157.
- ⁴¹ Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. London, 1988, p. 31.
- ⁴² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 417. С. 576.

- ⁴³ Там же. Док. № 403. С. 557.
- ⁴⁴ Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Глава 1. Истоки нового мирового конфликта. С. 41.
- ⁴⁵ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М.: Наука, 2007. С. 173.
- ⁴⁶ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 2. С. 29.
- ⁴⁷ Там же. Док. № 75. С. 136–137.
- ⁴⁸ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 459.
- ⁴⁹ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 432. С. 598–600.
- ⁵⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48.
- ⁵¹ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 466. С. 648–649.
- ⁵² Там же. Док. № 468. С. 650–651.
- ⁵³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 64. С. 118–119.
- ⁵⁴ Там же. Док. № 37. С. 77–78.
- ⁵⁵ Там же. Док. № 189. С. 283.
- ⁵⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 151. С. 202–204.
- ⁵⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 188. С. 280.
- ⁵⁸ Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 14.
- ⁵⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 147. С. 198.
- ⁶⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 209. С. 308.
- ⁶¹ Там же. Док. № 43. С. 85.
- ⁶² Politika. 24.01.2009.
- ⁶³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 102. С. 168–174.
- ⁶⁴ Там же. Док. № 103. С. 175–176.
- ⁶⁵ The History of Polish Diplomacy X — XX с. Р. 511.
- ⁶⁶ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 186.
- ⁶⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Примечания. С. 386
- ⁶⁸ Там же. Док. № 245. С. 350–351.
- ⁶⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Примечания. С. 390.
- ⁷⁰ Там же. Док. № 254. С. 361.
- ⁷¹ Там же. Док. № 266. С. 378.
- ⁷² Там же. Док. № 267. С. 379.
- ⁷³ Там же. Док. № 230. С. 335.
- ⁷⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939. С. 12–15.
- ⁷⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 248. С. 355.
- ⁷⁶ Там же. Док. № 198, 200. С. 294, 295.
- ⁷⁷ Там же. Док. № 210, 215. С. 310, 314.
- ⁷⁸ Там же. Док. № 215. С. 314.
- ⁷⁹ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. Док. 11. С. 34–38.
- ⁸⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- ⁸¹ Там же. Док. № 183. С. 233–235.
- ⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Папка 13. Д. 143. Л. 19.
- ⁸³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 187. С. 239.
- ⁸⁴ См.: Известия. 1939. 4 апреля.
- ⁸⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 251. С. 359.
- ⁸⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 199. С. 252–253.
- ⁸⁷ Там же. Док. № 180. С. 231.
- ⁸⁸ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 265. С. 375–378.
- ⁸⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 221. С. 273–274.
- ⁹⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 269. С. 380–381.
- ⁹¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 224. С. 278.
- ⁹² Там же. С. 277–278.
- ⁹³ Там же. Док. № 229. С. 283–284.

- 94 Там же. Док. № 223. С. 276–277.
- 95 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 332. С. 444.
- 96 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 298. С. 356–357.
- 97 См.: Коробочкин М.Л. Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах / Институт всеобщей истории РАН. М., 1992. С. 77–78.
- 98 Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941. С. 76.
- 99 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Примечания. С. 544.
- 100 Там же. Кн. 1. Док. № 259. С. 315.
- 101 Там же. Док. № 229, 259. С. 283, 315.
- 102 Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 236.
- 103 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 269. С. 327.
- 104 Там же. Кн. 2. Док. № 905. С. 472.
- 105 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 305, 327. С. 413–414, 438–439.
- 106 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 284. С. 342.
- 107 Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182.
- 108 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 343. С. 459.
- 109 Там же. Т. 2. Примечания. С. 396.
- 110 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 380. С. 380–381.
- 111 Там же. Док. № 386. С. 527.
- 112 Там же. Т. 2. Док. № 396. С. 17.
- 113 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 387. С. 5–6.
- 114 Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 409.
- 115 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 407. С. 33–34.
- 116 Там же. Док. № 408. С. 34–35.
- 117 Там же. Примечания. С. 398–399.
- 118 Там же. Док. № 465. С. 88–92.
- 119 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 426. С. 543.
- 120 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 462. С. 85.
- 121 СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. С. 173.
- 122 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 467. С. 90.
- 123 Панкрашова М. Англо-франко-советские переговоры 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 33–34.
- 124 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 496. С. 123.
- 125 Там же. Док. № 506. С. 141.
- 126 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 436. С. 567.
- 127 Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937–1939. Т. 2. М., 1981. Док. № 82. С. 139–140.
- 128 См.: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М.: Прогресс, 1991. С. 211–212.
- 129 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- 130 Там же. Док. № 236. С. 292–293.
- 131 СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вып. 1. Вильнюс, 1989. Док. № 1. С. 11.
- 132 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 370. С. 464–465.
- 133 Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. С. 66.
- 134 Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 1.
- 135 Там же. Л. 3.
- 136 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 326. С. 386–387.
- 137 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 8.
- 138 Белоусова З.С. Предвоенный кризис 1939 года в освещении французских дипломатических документов // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 11.
- 139 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 371. С. 493–495.
- 140 Там же. Док. № 384. С. 518–522.
- 141 Там же. Т. 2. Док. № 488. С. 112–113.
- 142 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 434. С. 554–556.
- 143 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 503. С. 136–138.

■ Том 1. Канун трагедии

- ¹⁴⁴ Там же. Док. № 525. С. 160.
- ¹⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 68.
- ¹⁴⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 455. С. 585–586.
- ¹⁴⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 511. С. 145.
- ¹⁴⁸ Там же. Док. № 523. С. 157–158.
- ¹⁴⁹ Там же. Док. № 538. С. 182–183.
- ¹⁵⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 453. С. 584.
- ¹⁵¹ Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 57
- ¹⁵² ДВП СССР. Том XXII, книга 1, док. № 506, стр. 665.
- ¹⁵³ Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 76.
- ¹⁵⁴ Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 76.
- ¹⁵⁵ Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 100–101.
- ¹⁵⁶ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 597. С. 316.
- ¹⁵⁷ Там же. Док. № 599. С. 317.
- ¹⁵⁸ Там же. Док. № 600. С. 318.
- ¹⁵⁹ Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 230.
- ¹⁶⁰ 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 485.
- ¹⁶¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Приложение. С. 581–582.
- ¹⁶² Там же. Кн. 1. Док. № 470. С. 609–612.
- ¹⁶³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 474. С. 615–619.
- ¹⁶⁴ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 582. С. 302.
- ¹⁶⁵ Там же. Док. № 583. С. 303.
- ¹⁶⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 484, 485. С. 630–632.
- ¹⁶⁷ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 180.
- ¹⁶⁸ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. Док. № 498. С. 45.
- ¹⁶⁹ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). С. 181–182.
- ¹⁷⁰ Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 58.
- ¹⁷¹ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 13.
- ¹⁷² Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 160.
- ¹⁷³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. С. 81.
- ¹⁷⁴ 1939 год: Уроки истории. С. 497.
- ¹⁷⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 265. С. 376.
- ¹⁷⁶ Подробнее см.: Там же. Т. 2. Примечания. С. 406–407.
- ¹⁷⁷ Там же. Док. № 606. С. 323–326.

Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа–Молотова: от умиротворения к политике гарантий?

Н. К. Капитонова*

Все дальше в прошлое уходит от нас Вторая мировая война, а интерес исследователей к ней не угасает. Могла ли Великобритания избежать войны, отказавшись от политики умиротворения агрессора, кульминационным моментом которой стал позорный Мюнхенский договор сентября 1938 г., пойдя совместно с Францией на военное сотрудничество с Советским Союзом? Можно ли было остановить агрессора с помощью предоставления Великобританией твердых гарантий малым странам Европы? Казалось бы, так и было сделано, но какова была цена этих гарантий, и было ли правительство Чемберлена искренним в своем стремлении защитить малые страны? Не намеревалось ли оно использовать эти гарантии в качестве средства давления на А. Гитлера с целью заставить его пойти на сговор с Лондоном? Эти, казалось бы, уже ставшие банальными вопросы продолжают задавать себе историки разных стран.

Мюнхенский договор по праву считается одним из самых позорных эпизодов британской истории. Не случайно в рейтинге британских премьер-министров XX века, составленном на основании опросов ведущих историков и политиков Великобритании в 1999–2000 гг., тогдашний руководитель страны консерватор Н. Чемберлен занял «почетное» предпоследнее место (последним — 20-м — неизменно стоит Э. Иден, с именем которого связан еще один позорный эпизод — Суэцкая авантюра 1956 г.) Чувство вины перед Чехословакией за Мюнхен заставляло выступать с его осуждением многих британских руководителей, однако понадобилось подписать в 1992 г. англо-чехословацкий договор, объявивший Мюнхенское соглашение ничтожным (nullifying) с самого на-

чала, чтобы Великобритания, наконец, смогла окончательно перевернуть эту страницу своей истории.

Признавая порочность решения о разделе Чехословакии, многие британские политики и специалисты не усматривали в этом злого умысла. Н. Чемберлен, по их мнению, вынужден был пойти на подписание этого позорного соглашения, поскольку так сложились «объективные обстоятельства». Другими словами, британский премьер-министр как бы выводился за скобки содеянного в Мюнхене. Будущий лидер лейбористской партии М. Фут и другие авторы книги «Виновные» еще в 1940-е гг. утверждали, что он привел страну к войне, так как наивно полагал, что можно умиротворить А. Гитлера. Один из ведущих современных британских историков М. Гилберт в своей книге «Корни умиротворения» также говорит о «благородных поисках» Чемберленом мира. Впоследствии, по мере рассекречивания архивных документов того периода, некоторые исследователи начали утверждать, что британский премьер-министр не был ни труслив, ни наивен и что политика умиротворения являлась реалистичной и чуть ли не единственно возможной, поскольку давала Великобритании время для того, чтобы осуществить планы перевооружения и как следует подготовиться к войне. Кроме того, она якобы опиралась на широкую общественную поддержку. Действительно, когда Чемберлен сообщил, что отправляется в Мюнхен на встречу с Гитлером, Палата общин устроила ему бурную овацию. Даже У. Черчилль, который сказал по этому поводу в узком кругу, что премьер-министр совершает глупейший поступок из всех, которые он когда-либо совершал, поддавшись настроению Палаты, поздравил его с удачей. Впоследствии Палата

* **Наталья Кирилловна Капитонова** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

общин одобрила Мюнхенское соглашение (366 — «за», 144 — «против» при 35 воздержавшихся), хотя многие ее члены наряду с чувством облегчения от того, что удалось избежать войны, испытывали чувство глубокого стыда за то, что Чехословакия была по существу отдана на растерзание агрессору.

Представители другого направления, осуждавшие политику умиротворения (к ним, в частности, принадлежат биографы Н. Чемберлена Я. Колвин, Р. Коккет, Р. Паркер) настаивали на том, что он отменял альтернативы умиротворению и умело манипулировал прессой, создавая видимость общественной поддержки проводимого курса.

По всей видимости, эти споры будут продолжаться. На наш взгляд, негативное отношение к Н. Чемберлену как к руководителю, который своей политикой уступок привел страну к войне, характерное для либералов, лейбористов и части консерваторов весной 1940 г., в результате чего он был, по существу, свергнут со своего поста, а премьер-министром стал У. Черчилль, представляется совершенно оправданным.

В начале 1939 г. правительство консерваторов продолжало проводить политику умиротворения. Еще более уверовавший после Мюнхена в свои способности решать с помощью личной дипломатии любые международные проблемы, Н. Чемберлен в сопровождении главы Форин Офис лорда Э. Галифакса отправился в январе в Италию на встречу с Б. Муссолини. Целью поездки было укрепление отношений сотрудничества между двумя странами и их руководителями, причем Чемберлен наивно полагал, что сможет таким образом «оторвать» Муссолини от Гитлера. На британского премьер-министра произвела большое впечатление постановочная часть визита — пышная встреча на вокзале с цветами, почетным караулом и прочими атрибутами подобного рода (итальянский министр иностранных дел граф Г. Чиано назвал это «лимонадом»), которые он принял за чистую монету. Об этом говорят комплименты Чемберлена в адрес итальянского диктатора, прозвучавшие из его уст уже после визита, а также — случай неслыханный в дипломатической практике — предварительный показ ему (для получения одобрения) текста предстоящего выступления премьер-министра в Палате общин с отчетом о «в высшей степени успешной» поездке в Италию. Впечатления итальянской стороны были прямо противоположными — она утвердилась во мнении, что британцы пойдут на все, чтобы избежать войны, что, в свою очередь, развязывало агрессорам руки.

Главные же усилия британского кабинета министров были направлены на умиротворение Германии. Несмотря на получение уже в конце 1938 г. информации о том, что А. Гитлер начинает всерьез рассматривать планы войны на западе (это было расценено Э. Галифаксом как козни ненавидевшего британцев И. фон Риббентропа), правительство Н. Чемберлена продолжало строить свою политику в вопросах обороны таким образом, чтобы не раздражать агрес-

сора. Так, в частности, предполагалось, что в случае германского вторжения в Нидерланды им пришлось бы оказать помощь (иначе имидж Великобритании в глазах ее доминионов, а также всего мира был бы окончательно подорван), однако Лондон стремился избежать официального заявления по этому поводу, опасаясь, что Гитлер мог расценить его в качестве угрозы в адрес Германии, что, в свою очередь, могло спровоцировать войну. По этой же причине перевооружение британской армии проводилось крайне медленно. Неоправданно затягивалось создание министерства снабжения, учреждение которого требовал военный министр лорд И. Хор-Белиша.

Среди членов кабинета и, в более широком плане, среди членов правительства не было единства в вопросе целесообразности проведения прежнего курса в отношении Германии. Заметное влияние на позицию кабинета оказывал британский посол в Германии Н. Гендерсон, который под впечатлением от своих «откровенных» и частых бесед с германским руководством (особенно с Г. Герингом, которого он даже предлагал в случае визита в Лондон наградить британским орденом) постоянно докладывал в центр об отсутствии у Германии агрессивных намерений и «относительной респектабельности» поведения А. Гитлера, если его не провоцировать. «Лучшим способом установления хороших отношений с Германией, — сообщал он министру иностранных дел, — является... уклонение от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых интересы Англии прямо или существенно затрагиваются, а также... сохранение нейтралитета... в случае, если Германия будет занята на Востоке»¹. Гендерсон призывал главу Форин Офис убедить Польшу в необходимости «в ее же собственных интересах быть разумной» и отдать Германии Данциг. Умозаключения посла вызывали порой раздражение его непосредственного начальника, которому приходилось время от времени напоминать ему, что надежды на улучшение англо-германских отношений являются призрачными². Что же касается премьер-министра, то он находил в депешах посла подтверждение своим мыслям. При этом как бы само собой подразумевалось, что вопросы Мемеля, Данцига, равно как и судьба Чехословакии, будут, в конце концов, решены на германских условиях. Главным для «умиротворителей» было урегулирование этих проблем таким образом, чтобы не спровоцировать войну и при этом постараться сохранить лицо.

Этим объясняется «вялая» реакция правительства Н. Чемберлена на захват А. Гитлером 15 марта 1939 г. всей Чехословакии. Действия Германии окончательно дискредитировали политику умиротворения, проводимую кабинетом, а по престижу премьер-министра был нанесен сильный удар. Неспособность Великобритании выполнить данные в Мюнхене обязательства относительно гарантий Чехословакии была подвергнута критике в парламенте. В оправдание полной пассивности британской стороны Чембер-

лен указал, что гарантии давались якобы на случай «неспровоцированной агрессии», каковая отсутствовала. Кроме того, согласно Мюнхенскому соглашению следовало провести консультации четырех держав, однако захват был осуществлен так быстро, что никакого смысла в этом уже не было. Правительство ограничилось нотой протеста, в которой выражалась «глубокая озабоченность» по поводу действий Германии. Выразив сожаление в связи с происходящим, премьер-министр констатировал прекращение действия гарантий по причине прекращения существования Чехословакии, что произошло «в результате внутреннего распада», а не в результате германской агрессии. Надо сказать, что реакция на действия правительства со стороны оппозиции, а также многих СМИ была настолько осуждающей, что Чемберлен и Э. Галифакс без обсуждения с членами кабинета поспешили дополнить ноту протеста вызовом в Лондон «для доклада» британского посла Н. Гендерсона. Была также оказана помощь беженцам, приостановлен платеж по 10-миллионному займу Чехословакии.

Обстановка в стране изменилась, и перед руководством встала необходимость смены провалившегося курса. Продолжать и дальше пассивно наблюдать за тем, как Германия поглощает одно за другим европейские государства, изменяя в свою пользу соотношение сил на континенте, Лондон позволить себе не мог. В речи 17 марта в Бирмингеме премьер-министр сообщил, что Великобритания готова достойно ответить на возможную угрозу со стороны Германии, что должно было произвести впечатление отказа от политики умиротворения агрессора.

Но так ли было на самом деле?

22 марта Великобритания и Франция предоставили гарантии военной помощи Бельгии, Нидерландам и Швейцарии, а 31 марта Лондон предоставил гарантии Польше — эту акцию глава Форин Офис Э. Галифакс охарактеризовал как «настоящую революцию» в британской внешней политике³. В апреле аналогично поступила Франция. Тогда же были даны англо-французские гарантии Греции и Румынии. Гарантировав независимость Польши, Великобритания, вместе с тем, не гарантировала ее территориальной целостности. Руководство прекрасно понимало, что подобные гарантии странам Восточной Европы не смогут помешать А. Гитлеру их захватить. «Наша политика в отношении Германии, — указывал Н. Чемберлен на заседании кабинета 13 июня, — не имеет в виду защиту от нее отдельных государств, которым та может угрожать, но имеет целью не допустить доминирования Германии на континенте, чтобы могущественная Германия не превратилась в угрозу нашей безопасности. Захват Польши или Румынии усилит ее военную мощь, именно поэтому мы даем гарантии этим странам»⁴.

Британские гарантии по существу являлись декларативными и не более того. Помощь Великобритании странам Юго-Восточной Европы, в частности, могла выражаться в лучшем случае в проведении опе-

раций, сковывавших германские армии на западной границе, в налетах и блокаде морского побережья. Но даже это, как показал впоследствии начальный период войны, не было сделано. Великобритания не собиралась в 1939 г. воевать на континенте основательно: как выяснилось в ходе последовавших через несколько месяцев англо-франко-советских военных переговоров в Москве, «к первой стадии войны» она лишь «планировала» мобилизовать 16 дивизий, имея, по словам генерала Т. Хейвуда, только пять готовых к немедленной отправке на континент⁵. Правительство не спешило с перевооружением, так как надеялось избежать войны. Помогать Польше, которая, по расчетам британского руководства, могла в случае агрессии со стороны Германии продержаться не более нескольких недель⁶, оно всерьез не предполагало. Что же касается западных стран, то, узнав цену британским гарантиям на примере Чехословакии, Нидерланды и Швейцария вообще от них отказались, а принявшая гарантии Дания поспешила для подстраховки заключить договор о ненападении с Германией.

Столкнувшись с негодованием оппозиции (в том числе внутрипартийной) по поводу попустительства А. Гитлеру со стороны британского правительства, по существу отдавшего ему всю Чехословакию, Н. Чемберлен захотел подкрепить свое заявление о гарантиях Польше авторитетом СССР. Для этого буквально за два часа до своего выступления в Палате общин он ознакомил советского полпреда в Великобритании И. М. Майского с содержанием заявления по Польше, заметив, что хотел бы сопроводить его сообщением, что данная гарантия находит одобрение со стороны Советского Союза. Это бесцеремонное предложение возмутило полпреда, так как премьер-министр прекрасно понимал, что у того не было физической возможности за такой короткий срок узнать мнение на сей счет советского правительства. Не получив согласия и выразив сожаление по этому поводу, Чемберлен, тем не менее, заявил в Палате, что не сомневается в понимании и сочувствии в отношении своих действий (в том, что касается Польши) со стороны СССР⁷. Этот намек был нужен ему для того, чтобы приглушить критику действий кабинета, создав у общественности впечатление тесного контакта с Москвой в вопросе противодействия германской агрессии.

Остановить агрессию А. Гитлера на востоке было невозможно без помощи Советского Союза, и в Лондоне это хорошо понимали. Без привлечения СССР гарантии малым странам ничего не стоили. После захвата Чехословакии между Лондоном и Москвой начинается обмен мнениями по поводу сложившейся в Европе ситуации. 17 марта британское правительство обратилось к Советскому Союзу и некоторым другим европейским странам относительно их реакции на возможное вторжение Германии в Румынию. Через несколько дней — 21 марта — британский посол У. Сидс вручил наркому М. М. Литвинову проект Декларации четырех держав (Великобритании, СССР, Франции

и Польши), в которой предлагалось проводить немедленные консультации о совместных действиях в случае возникновения угрозы независимости «любого европейского государства». Если Германия продолжит продвигаться в сторону установления мирового господства, она должна знать, что ей придется воевать на два фронта. 10 мая Н. Чемберлен информировал Палату общин об этой инициативе правительства.

Ответ Москвы не заставил себя ждать: уже 23 марта британской стороне сообщили о готовности СССР подписать предложенную Великобританией декларацию, как только ее подпишут Франция и Польша, хотя Москва находит данную меру недостаточно эффективной и предлагает, чтобы к декларации присоединились также балканские, скандинавские и балтийские страны. При этом М. М. Литвинов довел до сведения И. М. Майского, что «без Польши мы не подпишем»⁸.

В марте же в Москву был направлен парламентский секретарь по делам заморской торговли Р. Хадсон. Его встречи с советским руководством должны были создать впечатление готовности Лондона не только к оживлению торговых отношений с СССР, но и к общей их активизации. Он даже зондировал реакцию Москвы на создание военного союза, поставив такой вопрос — почему бы советскому правительству не послать в Лондон военную делегацию для обмена мнениями с представителями британского генштаба? Говоря о визите, М. М. Литвинов подчеркивал в письме И. М. Майскому, что «ни в политическом, ни в экономическом отношении он никакого эффекта не дал, а при таких визитах отсутствие положительных результатов должно считаться результатом отрицательным»⁹.

Новые акты агрессии в Европе — захват Германией 22 марта Мемеля, а также вторжение Италии в Албанию, начавшееся 7 апреля, — казалось, ясно говорили о том, что проведением политики умиротворения агрессоров не остановить. Следующей жертвой А. Гитлера должна была стать Польша, которой был предложен план «генерального урегулирования», включавший, среди прочего, претензии на Данциг. План вторжения в Польшу («план Вайс»), утвержденный Гитлером 11 апреля, предусматривал начать операцию в любой момент, начиная с 1 сентября. В это тревожное время поддержанный кабинетом министров Н. Чемберлен по традиции продолжал обращаться к Б. Муссолини с выражением «глубокой озабоченности» происходящим, в том числе и поведением Гитлера, надеясь на сдерживающее влияние дуче на Берлин. Сообщив членам кабинета, что в отношении действий Италии существуют четыре варианта ответа со стороны Великобритании, а именно — запрос, протест, угроза и действие, — премьер-министр отдал предпочтение первому варианту¹⁰. Поэтому неудивительно, что его послание было расценено Римом как подтверждение готовности британского кабинета продолжать мюнхенскую политику.

В начале апреля в Лондоне состоялись англо-польские переговоры. Представлявший польскую сторону министр иностранных дел Ю. Бек приветствовал идею с декларацией, высказавшись при этом против переговоров с Советским Союзом и твердо дав понять, что Польша в таком случае не присоединится к соглашению. Таким образом, инициатива британского правительства по существу провалилась. Стороны решили начать переговоры о заключении англо-польского договора о взаимопомощи. (Этот договор был впоследствии подписан всего за несколько дней до начала войны).

Поскольку Польша и Румыния отказались от международных гарантий с участием СССР, Лондон предложил Москве предоставить этим странам односторонние гарантии военной помощи по примеру Великобритании. Это положило начало «долгим, тщетным и обреченным» на провал англо-советским переговорам¹¹. Британское предложение было отклонено Москвой, расценившей его как стремление втянуть Советский Союз в войну с Германией один на один, без союзников. Требование Лондона, чтобы Румыния передала Болгарии Добруджу (в качестве своего рода взятки, способной якобы оторвать последнюю от держав «Оси»), было интерпретировано советской стороной как явное стремление «под благовидным предлогом сделать невозможным или, по крайней мере, подольше оттянуть предоставление гарантий Румынии и, таким образом, оставить для Гитлера свободным „коридор“ через Венгрию и Румынию к границам СССР»¹².

Происходящее в Европе не могло не вызывать беспокойства советского правительства, поэтому 17 апреля оно выступило с предложением к Великобритании и Франции заключить полноценный трехсторонний военно-политический союз сроком на 5–10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленную помощь, в том числе и военную. Проект пакта предусматривал также «оказание помощи государствам, расположенным на границе СССР от Балтийского до Черного морей». Формы, размеры и методы помощи должны были быть предусмотрены в военной конвенции, подписываемой одновременно с соглашением¹³. При обсуждении этого «крайне неудобного» советского предложения членами кабинета (когда надо было делать выбор между зафиксированным на бумаге обязательством СССР в случае войны прийти на помощь Великобритании и «ущербом» от того, что последняя «открыто свяжет себя с Россией») высказывалось мнение, что союзные отношения с Варшавой представляют для Великобритании большую ценность, чем отношения с Москвой. В результате было принято следующее решение: советское предложение неприемлемо, но надо посоветоваться с Парижем¹⁴. На раздумья и согласования ушло больше месяца.

Разрыв А. Гитлером — в ответ на введение Великобританией всеобщей воинской повинности —

англо-германского морского соглашения, а также польско-германского пакта о ненападении заставил Лондон внести коррективы в свой курс и более благожелательно отнестись к переговорам с СССР. При этом было решено настаивать на первоначальной идее — декларации.

После получения 28 мая положительного ответа на советское предложение стороны перешли к переговорам, которые продвигались крайне медленно, несмотря на заявления британских официальных лиц об отсутствии у правительства принципиальных возражений против такого союза и обещания приложить все усилия для того, чтобы он «возможно скорее стал фактом действительности»¹⁵.

Медлительность Лондона не удивляет, если иметь в виду, что он пошел на переговоры только под давлением общественного мнения, которое подвергало курс Н. Чемберлена острой критике. В беседе с И. М. Майским 15 мая лорд У. Бивербрук подчеркивал, что «британское правительство вынуждено будет пойти ему навстречу, ибо самые широкие круги общественного мнения в Англии сейчас стоят за блок с СССР»¹⁶. Именно эта критика, в том числе и со стороны некоторых министров правительства, критика, в которую включился и ряд средств массовой информации, заставила Чемберлена демонстрировать повышенную активность в установлении контактов с Москвой. Так, премьер-министр неожиданно принял приглашение и появился 1 марта на приеме в советском посольстве, что, по словам И. М. Майского, «произвело эффект разорвавшейся бомбы и вызвало шум не только в печати, но и в дипломатических и политических кругах», так как до этого момента ни один британский премьер-министр — ни консерватор, ни лейборист — никогда не переступали порога посольства¹⁷. Еще одной целью этой показательной акции было намерение «попугать немцев», особенно накануне англо-германских промышленных переговоров, заставить их считаться с интересами Великобритании. В то же время, контакты советского посла с главой Форин Офис в период с ноября 1938 по март 1939 г. практически полностью отсутствовали. Поэтому неудивительно, что Москва относилась к подобным акциям Лондона, равно как и к его инициативам, с достаточной долей скептицизма и недоверия. В письме Майскому от 19 марта М. М. Литвинов подчеркивал: «Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо высказываются по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу предоставить им». Москва исходила из того, что «пока Чемберлен остается главой правительства, нельзя верить в глупину сдвига в политике Англии и в серьезность ее намерений вести борьбу с агрессорами»¹⁸.

Большим раздражителем для премьер-министра был У. Черчилль, который резко усилил свою активность, выступая на разных собраниях и подвергая правительство постоянному давлению. Его призывы к ускорению военных приготовлений встречали широкую поддержку общественности, но заметно расходились с настроениями правительства: Черчилль постоянно говорил об угрозе безопасности страны, в то время как министр внутренних дел и один из «умиротворителей» С. Хор, в частности, отмечал возможность достижения «золотого века», основанного на дружеском сотрудничестве со странами-агрессорами¹⁹. В своей переписке с премьер-министром и другими членами правительства Черчилль настойчиво предлагал ввести состояние «полной готовности» для средств ПВО, создать национальное правительство (в этом его поддерживали Э. Иден и более 30 членов консервативной фракции парламента), установить контроль британских ВМС над Средиземноморьем и Балтикой, ввести всеобщую воинскую повинность (это, по его мнению, надо было сделать сразу после Мюнхена). В ответ на вторжение Б. Муссолини в Албанию он требовал немедленно оккупировать греческий остров Корфу, однако это не встретило поддержки кабинета. Более того, в составленном для Муссолини послании Н. Чемберлен заверял его в том, что у Великобритании нет планов захвата острова. После заверений итальянского посла в отсутствии у Италии агрессивных намерений в отношении Греции от направления послания Муссолини вообще отказались.

В средствах массовой информации все чаще высказывались предложения включить У. Черчилля в правительство. За это, согласно проведенному в мае газетой «Ньюс Кроникл» опросу, выступало 56% респондентов. В пользу этого высказывался даже член германского правительства граф Шверин фон Крозиг, который в беседе с британскими военными 6 июля указывал, что сам факт его включения в правительство в любом качестве подействовал бы на А. Гитлера отрезвляюще, ибо Черчилля тот действительно боялся, в то время как премьер-министра и главу Форин Офис он ни во что не ставил²⁰. Кампания в поддержку Черчилля нарастала по мере того, как приближалась война. 18 августа газета «Таймс» опубликовала призыв к премьер-министру 375 сотрудников британских университетов (включая 70 профессоров и шесть руководителей колледжей) включить его в правительство. Однако это не отвечало желанию Н. Чемберлена: он знал об отношении Гитлера к Черчиллю (этому «пугалу № 1 в некоторых частях Европы»²¹) и боялся его реакции. Кроме того, против Черчилля были настроены некоторые влиятельные члены кабинета, разделявшие с премьер-министром надежды на дальнейший успех политики умиротворения. Замученное постоянной критикой Черчиллем правительства, его многочисленными письмами с предложениями и звонками на Даунинг

стрит, 10, руководство консервативной партии даже предприняло попытку отозвать у него мандат, чтобы совсем убрать из парламента, однако эта идея не была поддержана избирателями округа.

У Черчилль начал выступать в пользу сближения с СССР еще до захвата А. Гитлером всей Чехословакии. В мае же 1939 года он опубликовал статью в газете «Дейли Телеграф», в которой, указав, что следующим объектом германской агрессии с высокой долей вероятности будет Польша, призвал поляков согласиться с привлечением к европейским делам России, являющейся, по его мнению, решающим фактором в предотвращении войны²². (Эта статья была запрещена в Польше.) Опасаясь, что правительство поступит с Польшей так же, как с Чехословакией, в начале мая он обрушился на правительство с критикой за неоправданную задержку в деле начала переговоров с СССР. «Нельзя терять время, — заявил Черчилль. — Уже прошло 10 или 12 дней с момента сделанного Россией предложения (о заключении союза. — *Н. К.*)... Надо не только пойти на полноценное сотрудничество с Россией, но и вовлечь в него три балтийских государства — Литву, Латвию, Эстонию». 19 мая, подчеркнув, что советские предложения «более просты» и «более эффективны», чем предложения кабинета Н. Чемберлена, он предупредил, что «Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной»²³. В июле Черчилль вновь подверг критике кабинет за «необъяснимую задержку» в деле заключения англо-франко-советского пакта.

Эти взгляды разделяли Э. Иден, который даже предложил главе Форин Офис свои услуги в ведении переговоров в Москве от лица правительства, и члены его группы. На переговорах в Лондоне в апреле 1956 г. в ходе визита в Великобританию советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым Иден подчеркивал, что «в то время он был решительным сторонником серьезных переговоров с Советским правительством о необходимости согласованных действий против Гитлера», доверительно сообщив при этом, что глава Форин Офис согласился с его предложением возглавить британскую делегацию, которую следовало направить в Москву, однако этому решительно воспротивился Н. Чемберлен. У Черчилль, по словам Идена, также был против этой идеи, но по другой причине: он считал, что тот не смог бы добиться успеха на переговорах, так как находился в то время в оппозиции к правительству²⁴.

Как отмечал И. М. Майский, «процесс отрезвления консервативных кругов» был весной 1939 г. на полном ходу. В партии и правительстве происходило «непрерывное почкование оппозиционных групп и группочек, постепенно разъедающих правительственное большинство»²⁵. Видный британский политик Д. Ллойд Джордж в беседах с советским полпредом также указывал на рост осознания Консервативной партией необходимости тесного сотрудничества с Советским Союзом, отмечая при этом, что

«кабинет отстает от партийной массы». Он ставил вопрос о заключении договора с Москвой в разговоре с премьер-министром 31 марта, доказывая ему, что никакого «восточного фронта» без активного участия в нем СССР быть не может и что заявление о гарантиях Польше, не подкрепленное таким соглашением, является «безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться»²⁶.

Согласно Д. Ллойд Джорджу, маневры кабинета в ходе англо-советских переговоров выглядели следующим образом: не желая пакта с СССР против Германии, «умиротворители», с одной стороны, через политические, военные и финансовые каналы давили на Польшу в вопросе о Данциге, с другой — через демонстрацию военных приготовлений, союза с Францией, жесткие заявления стремились припугнуть Германию, заставить ее не доводить дело до войны из-за Данцига.

«Если этот маневр удастся, — заявил бывший лидер либералов И. М. Майскому 14 июня, — и германская агрессия либо на время вообще приостановится, либо повернет своим острием в каком-либо ином направлении, не вызывающем для Англии необходимости выполнять данные ею европейским государствам обязательства, то потребность в срочном заключении пакта с СССР ослабнет и Чемберлен получит возможность еще раз попытаться договориться с агрессорами или, в крайнем случае, надолго затянуть подписание договора с советским правительством»²⁷.

По мнению крупнейшего российского англоведа В. Г. Трухановского, Лондон рассматривал возможность союза с Москвой в качестве веского аргумента, который «заставит Гитлера быть более сговорчивым и тем самым будет способствовать дальнейшему проведению мюнхенской политики»²⁸. В целях оказания давления на Германию с тем, чтобы Гитлер поверил в серьезность намерения Великобритании воевать из-за Польши, Лондон предпринял такой маневр: по указанию Э. Галифакса, сообщавшая об этом телеграмма была специально отправлена в мае в Берлин Н. Гендерсону таким шифром, который немцы читали. Однако это уже не имело значения: к тому времени Гитлер твердо решил воевать с Великобританией и Францией.

Еще одним побудительным мотивом в пользу переговоров с СССР о создании тройственного союза, разделявшимся членами кабинета министров, было опасение, что в противном случае СССР не останется нейтральным и пойдет на сближение с Германией. Эти соображения звучали достаточно часто при обсуждении вопросов, связанных с заключением пакта. Так, в частности, министр по вопросам координации обороны лорд Э. Чэтфилд, выражая мнение многих своих коллег, заявил 16 мая на заседании комитета по внешней политике при кабинете: «Если из страха заключения союза с Россией мы толкнем эту страну в германский лагерь, мы совершим ошибку с роко-

выми и далеко идущими последствиями»²⁹. Замена в начале мая наркома иностранных дел М. М. Литвинова на В. М. Молотова вызвала настоящую панику в британском внешнеполитическом ведомстве — не означает ли это отказ СССР от сотрудничества с Великобританией и Францией и — как результат — сближение с Германией, чего панически боялся Лондон. На заседании внешнеполитического комитета 4 июля Н. Чемберлен особо подчеркивал, что главной целью ведущихся с советским правительством переговоров является «предотвращение обязательств России с Германией». «Нейтральный» статус России в конфликте Великобритании и Германии также, по мнению комитета начальников штабов, был крайне нежелательным, ибо это «позволило бы ей доминировать после прекращения подобного конфликта»³⁰.

Сам премьер-министр не скрывал от коллег негативного отношения к пакту с СССР, к которому он относился «с подозрением», мотивируя свою позицию как возможными возражениями со стороны некоторых доминионов, так и нежеланием Польши и Румынии принять такие гарантии. Так, на заседании 19 мая он ссылаясь на мнение министров иностранных дел упомянутых стран, которые в частных беседах указывали на то, что «тесная связь Великобритании с Россией будет означать и связь Польши и Румынии с Россией», что, по их мнению, только приблизило бы войну. И Н. Чемберлен, и Э. Галифакс делали публичные заявления о невозможности навязывания каких-либо гарантий кому-либо. Высказывались также опасения, что подобный пакт подорвет позиции умеренных элементов в руководстве Германии и объединит ее «как ничто другое»³¹.

На втором этапе трехсторонних переговоров 26 мая СССР было сделано англо-французское предложение предоставить гарантии безопасности Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции. Контрпредложение Москвы дать гарантии прибалтийским государствам было отвергнуто. Более того, поддержанный Парижем Лондон стал «умышленно запутывать» этот вопрос: в то время как Эстония и Латвия сообщили, что готовы принять помощь СССР, Э. Галифакс заявлял И. М. Майскому об их категорическом несогласии³². На заседаниях комитета по внешней политике Н. Чемберлен убеждал коллег в необходимости отказа Великобритании от гарантий прибалтийским государствам³³. Такая позиция расценивалась советской стороной как прямое указание Германии, в какую сторону ей следует двигаться, не рискуя встретить сопротивление западных держав.

Британское (и французское) предложение о пакте, согласно сообщению заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского В. М. Молотову от 27 мая, было составлено «по всем правилам юридического крючкотворства... Кроме пунктов, в которых явно просачивается настороженность, недоверие и желание использовать СССР, ничего не давая ему, имеются пункты, в которых эти же намерения глубоко прикры-

ты ничего не значащими и двусмысленными фразами». (Так, например, взамен немедленной помощи в случае агрессии СССР предлагались — со ссылками на статью 16 пакта Лиги наций со всей сложностью процедуры — консультации с последующей дискуссией. Таким образом, как указывала советская сторона, создавалась ситуация, когда Москва будет подвергаться бомбардировкам в то время как, скажем, Боливия сможет заблокировать принятие действенных мер по прекращению агрессии. — *Н. К.*) «Кроме того, — подчеркивал Лозовский, — проект декларации умалчивает о некоторых весьма важных вещах. Все это вместе взятое делает невозможным принятие этого проекта». Заместитель наркома предложил радикально переделать текст, «изъяв из него все двусмысленности и ловушки, недоговоренности и умолчания»³⁴.

Документы показывают, что в ходе обсуждения британским руководством вопроса о заключении трехстороннего пакта красной нитью проходит мысль — не оказаться втянутыми в войну. Согласно заявлению британского посла в Москве У. Сидса, сделанному в беседе с В. М. Молотовым 8 мая, задачей Лондона было «не допускать чего-либо такого, что Германией могло быть истолковано, как провоцирование агрессии с ее стороны и, вместе с тем, принимать меры к созданию барьера против агрессивных действий». При этом Сидс уклонился от обсуждения вопроса о дополнении совместной декларации какой-либо военной конвенцией, заметив, что это дело будущего³⁵. На заседании кабинета 16 мая было подтверждено общее мнение: попытаться не вступать в союз, а ограничиться (ни к чему не обязывающей. — *Н. К.*) декларацией. Впоследствии, полагая, что СССР не посмеет прервать переговоры, было решено занять на них жесткую позицию³⁶. Н. Чемберлен не скрывал от коллег, что допускает возможность прекращения переговоров с Советским Союзом, в то время как другие члены кабинета считали, что их прекращение будет расценено Германией как «поощрение к (дальнейшему) насилию»³⁷.

Без конкретизации в военном соглашении все мелкие «уступки» Лондона Москве в вопросе заключения пакта сводились на нет. Понимая, что Запад ведет двойную игру, В. М. Молотов на встрече с У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 27 мая довольно жестко заявил, что «англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, как разговорами о нем»³⁸.

Вместе с тем, целый ряд моментов говорил в пользу того, что Великобритании все-таки придется продолжать переговоры. Во-первых, таково было желание

общественного мнения, которое, как хорошо понимали члены кабинета министров, просто не приняло бы отказ от переговоров с Москвой перед лицом столь явной угрозы со стороны Германии. Обращая внимание на медлительность правительства, британские газеты отмечали, что «его точка зрения сейчас более чем когда-либо не поддается пониманию». «Чем скорее наше правительство заключит этот союз, — указывала, в частности, „Дейли Экспресс“, — тем скорее оно пойдет в ногу с общественным мнением страны»³⁹.

К продолжению переговоров британскую сторону побуждала Франция, которая, идя на поводу у Лондона в более широком плане, в данном вопросе по понятным причинам занимала более вразумительную позицию. Париж понимал, что бремя британских гарантий Польше (по причине отсутствия у Великобритании необходимых сухопутных сил) ляжет в основном на него, поэтому Франция была готова действовать в отношении трехсторонних переговоров о заключении союза более конструктивно. Разъясняя эту позицию, Э. Галифакс сообщал коллегам 19 мая об обеспокоенности Парижа задержками в переговорах с Москвой, которая, как там считали, «плохо сказывалась на Германии и Италии». Опасаясь войны с последними, французский министр иностранных дел Ж. Бонне через британского посла в Париже Э. Фипса поспешил заявить о безусловной поддержке Парижем формулировок будущего пакта, «которые правительство Его Величества решит представить советскому правительству», что было расценено Галифаксом как «подписание чека, на котором не проставлена сумма»⁴⁰.

Обеспокоенность затягиванием переговоров звучала в телеграмме Ж. Бонне послу в Великобритании Ш. Корбену от 19 июля. В ней подчеркивалось, что «своими колебаниями накануне решающей фазы переговоров британское правительство рискует подорвать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе. Последствия провала, вызванного чрезмерно категоричной позицией в последний момент, были бы таковы, что французское правительство не может испытывать колебания в необходимости в самом срочном порядке обратиться на них внимание английского правительства с тем, чтобы оно взвесило всю ответственность, которую мы взяли на себя, подвергаясь риску разрыва или длительной приостановки переговоров»⁴¹. В его письме, направленном тогда же Э. Галифаксу, подчеркивалось: «...Мы вступаем в решающий момент, когда, как нам кажется, нельзя ничем пренебрегать, чтобы достичь успеха. Не следует скрывать губительные последствия не только для наших двух стран, но и для сохранения мира, которые повлечет за собой провал ведущихся переговоров. Я даже опасюсь, как бы это не стало сигналом для акции Германии в отношении Данцига». И далее: французская сторона считает, что «в этих условиях чрезвычайно важно прийти к завершению

переговоров, успех которых представляется нам сегодня одним из основных условий сохранения мира»⁴². Именно давление со стороны общественного мнения, а также со стороны Франции заставило Лондон сделать важный шаг: 8 июня СССР было сообщено, что в целях скорейшего заключения трехстороннего договора Великобритания считает целесообразным вместо обмена нотами на расстоянии, что неизбежно вызывает потерю времени, перейти к переговорам «за круглым столом» в советской столице.

Следующий раунд переговоров состоялся в Москве с 15 июня по 2 августа. Уровень представительства с британской стороны подтверждал отсутствие у Лондона намерения серьезно договариваться: Великобритания была представлена послом У. Сидсом и директором восточноевропейского департамента Форин Офис У. Стрэнгом, в то время как Советский Союз представлял нарком иностранных дел В. М. Молотов. Кстати, Париж признавал, что «советское правительство может быть оскорблено тем, что не нашлось фигуры поважнее Стрэнга, чтобы направить в Москву»⁴³. На это также обращал внимание и У. Черчилль, ожидавший, что британская сторона будет представлена по крайней мере главой Форин Офис. (Напомним, что в 1938 г. на поклон к А. Гитлеру трижды ездил сам премьер-министр). Однако Э. Галифакс проигнорировал намеки И. М. Майского на желательность его приезда в Москву, сославшись на большую занятость дома. Как считают В. Г. Трухановский и Д. Флеминг, направление в СССР чиновника низкого ранга было «тройным оскорблением», так как Стрэнг к тому же защищал британских инженеров, в 1933 г. обвиненных в СССР в шпионаже, а также входил в группу сопровождавших премьер-министра в его поездке в Мюнхен⁴⁴.

Трехсторонние дискуссии проходили в обстановке взаимного недоверия. Основным яблоком раздора был список европейских государств, которым стороны предполагали дать свои гарантии: в то время как СССР согласился дать гарантии пяти государствам — Польше, Румынии, Греции, Бельгии и Турции (Лондон снял свое требование к Москве дать гарантии также Нидерландам и Швейцарии, с которыми у СССР даже не было дипломатических отношений), Великобритания отказывалась дать гарантии прибалтийским государствам — Латвии, Эстонии, Финляндии. Такая позиция мотивировалась категорическим отказом вышеупомянутых стран принимать какую-либо помощь Советского Союза. Что касается советской стороны, то она рассматривала сохранение их независимости и нейтралитета в качестве своего важнейшего внешнеполитического приоритета и поэтому болезненно отнеслась к нежеланию Лондона пойти навстречу ее позиции в данном вопросе. В телеграмме полпредам СССР в Великобритании и Франции от 16 июня В. М. Молотов подчеркивал, что «англичане и французы хотят заключить с нами договор, выгодный им и невыгодный нам, т. е.

они не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств»⁴⁵. Эту точку зрения разделяют и западные историографы, в частности А. Тейлор, который отмечал намерение британского правительства «включать и выключать» русскую помощь по своему желанию «как электрический выключатель, причем, только оно да еще, может быть, поляки должны были иметь право поворачивать этот выключатель»⁴⁶. Кстати, У. Черчилль полагал требование СССР совершенно справедливым. В своем выступлении в июле в «Карлтон Сити клуб», посвященном международному положению и политике Великобритании в связи с ним, он, в частности, сказал следующее: «Полный и прочный альянс с Россией должен быть заключен без дальнейшего отлагательства. Требования русских о том, что мы все должны совместными усилиями оказывать сопротивление агрессии, направленной против балтийских государств, кажутся мне справедливыми и резонанными, и я не могу понять, почему мы колебались на протяжении всех этих недель»⁴⁷.

На неоправданное затягивание переговоров по вопросу заключения трехстороннего пакта обращала внимание британская пресса. Так, например, газета «Ньюс Кроникл» в номере за 8 июля дала в данной связи следующую карикатуру: в затканной паутиной комнате в окружении десятков томов британских «предложений» за 1939–1950 гг. изображен сидящий в кресле одряхлевший Чемберлен, который с помощью усиливающей звук трубки разговаривает с Галифаксом. Глава Форин Офис сообщает ему о том, что только что отправил последнее предложение. В роли курьеров выступают две черепахи, одна из которых только что вернулась из Москвы, а другая направляется туда с новыми предложениями. «Что мы будем делать дальше?» — спрашивает Галифакс. «О да, погода прекрасная», — отвечает ему Чемберлен⁴⁸.

Камнем преткновения на трехсторонних переговорах в Москве являлся вопрос о косвенной агрессии. Именно косвенная агрессия стала своего рода «визитной карточкой» А. Гитлера, предпочитавшего не применять военную силу в деле расширения жизненного пространства Германии, а использовать для этого пронацистские настроения многочисленных немецких общин, проживавших на территории целого ряда европейских стран, в том числе и в Прибалтике. Поэтому для Москвы этот вопрос не был праздным. Однако, не возражая против правомерности самой постановки вопроса о косвенной агрессии, Лондон настаивал на ее определении в качестве утраты тем или иным государством независимости или нейтралитета вследствие угрозы применения силы со стороны агрессора⁴⁹.

Великобритания упорно отказывалась от гарантий прибалтийским государствам, причем ряд британских и французских газет обвиняли Советский Союз в намерении сорвать переговоры. Лишь после того, как 16 июня СССР заявил, что этот отказ

угрожает срывом всего вопроса о гарантиях каким-либо государствам, Лондон согласился в своих предложениях от 1 июля включить их в общий список. Чтобы не спровоцировать протесты со стороны не желающих принимать помощь СССР, стороны договорились перечислить все восемь стран, которым давались гарантии, в специальном секретном протоколе. Британская сторона имела также «серьезные возражения» против статьи 5 советского проекта договора (не заключать перемирия и не подписывать мирного договора иначе, как с общего согласия)⁵⁰.

Ведя переговоры в Москве, Н. Чемберлен отнюдь не собирался отказываться от политики умиротворения. В связи с претензиями Германии к Польше из-за Данцига на заседании внешнеполитического комитета 4 июля обсуждался вопрос о том, как можно удовлетворить аппетиты А. Гитлера, не прибегая к войне. «Не пойдет ли Гитлер на особый статус для Данцига? — спрашивал Чемберлен. — Например, если Германия согласится на демилитаризацию Данцига, может быть договориться, чтобы Данциг имел своего представителя в Рейхстаге, чтобы Гитлер мог заявить, что Данциг является свободным городом в рамках Рейха?». Принимавший участие в заседании посол в Варшаве Х. Кеннард несколько охладил пыл премьер-министра, указав, что атмосфера в Варшаве делает такие переговоры невозможными, что, однако, не исключает возможности вернуться к этой идее позже, когда «атмосфера улучшится». После всестороннего обсуждения этого вопроса было решено направить в Варшаву высокопоставленного военного, чтобы на месте выяснить реакцию Польши на захват Данцига, а также чтобы «удержать поляков от опрометчивых и резких действий»⁵¹. В беседе с лордом Кэроузом премьер-министр сообщил, что если бы Гитлер попросил Данциг «обычным путем, то это можно было бы организовать»⁵².

Еще одним острым моментом было расхождение сторон в вопросе дополнения политического договора военной конвенцией. Москва выступала за одновременность подписания военной конвенции, в которой бы были определены конкретные формы, методы и размеры взаимной помощи, в то время как Лондон был заинтересован, прежде всего, в политическом договоре, который бы связал СССР определенными обязательствами, и совсем не желал военной конвенции. На заседании внешнеполитического комитета 10 июля Н. Чемберлен заявил, что хотя ему «очень не нравится предложение провести переговоры по военным вопросам», на это придется пойти, так как в противном случае правительство столкнется с большими трудностями (имея в виду, что этого не понял бы народ — Н. К.). В любом случае, премьер-министр, по его словам, не придавал бы этим переговорам большого значения. Говоря о позиции Франции, Чемберлен указывал, что она существенно отличается: французы готовы пойти на подписание военной конвенции, так как опасаются, что «провал

в деле достижения соглашения будет означать, что не будет подписано и политическое соглашение». Взгляды Парижа также «более эластичны» в вопросе косвенной агрессии в отношении балтийских государств⁵³. Глава Форин Офис также признавал, что «французов будет трудно уговорить принять нашу точку зрения» относительно перспектив подписания договора и что они «придут в ужас от одного только предположения об отсрочке» на переговорах. (Последнее заявление было сделано Н. Галифаксом при обсуждении вопроса о том, не следует ли отозвать У. Стрэнга в Лондон для консультаций)⁵⁴.

Компромисс все же был найден, и 23 июля британская и французская стороны согласились, чтобы политическое и военное соглашение вступали в силу одновременно. Это позволило перейти к решающей стадии — военным переговорам, на которые 25 июля после совещания в рамках «большой четверки» (Н. Чемберлен, Н. Галифакс, Дж. Саймон, С. Хор) согласился Лондон. Британцы делали все, чтобы охладить пыл французов, готовых начать военные переговоры незамедлительно, и настояли на том, чтобы военные делегации отправились в Москву морем. На заседании внешнеполитического комитета 1 августа был выбран именно такой способ проезда в столицу СССР. Члены кабинета министров пришли к единому мнению, что «лишние дни в пути большого значения не имеют»⁵⁵.

Переговоры военных миссий проходили в Москве с 12 по 21 августа. Великобритания была представлена «второстепенными» деятелями — комендантом Портсмута отставным адмиралом Р. Дрэксом (глава делегации), генералом Т. Хейвудом и маршалом Ч. Барнеттом (выдающимся летчиком, но не стратегом). Советскую же делегацию возглавлял нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов. На первом заседании выяснилось, что, в отличие от французского представителя генерала Ж. Думенка, адмирал Дрэкс вообще не имел письменного мандата. Это поразило даже немцев. В телеграмме германского посла в Великобритании Г. Дирксена в центр от 1 августа отмечался «поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров», которые, по убеждению посла, велись с британской стороны «главным образом с той целью, чтобы получить, наконец, представление о действительной боевой мощи советских вооруженных сил. Имеющиеся до сих пор у англичан немногочисленные данные не исключают возможности того, что доклад военной делегации, которая должна быть послана в Москву, будет негативным. Это впечатление усиливается благодаря тому, что... ни один из трех представителей вооруженных сил не имеет подготовки, которая дала бы ему возможность вести переговоры специально по оперативным мероприятиям. Однако все три господина являются фронтовыми офицерами, которые вследствие этого обладают вполне наметанным взглядом для суждения о боеспособности какой-либо части и ее оснащении пригодными для ведения войны материалами»⁵⁶.

Такое нарушающее общепринятые дипломатические нормы представительство на переговорах не могло быть расценено советской стороной иначе, чем неуважение к партнеру. Неудивительно, что переговоры проходили в атмосфере глубокого недоверия к Парижу и Лондону со стороны Москвы.

Р. Дрэкс сообщил, что в случае надобности он запросит Лондон и полномочия будут предоставлены ему в короткий срок. На самом деле полученные адмиралом секретные директивы заключались в том, что военные переговоры следует вести параллельно политическим переговорам и «как можно медленнее». «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁵⁷ до тех пор, пока не будут урегулированы «последние расхождения во взглядах по политической части соглашения». Лондон рассчитывал на то, что затягивание (по крайней мере, до середины осени) переговоров, которые задумывались как сдерживающее А. Гитлера средство, не позволит Германии из-за осенней распутицы развязать войну против Польши, а когда опасность пройдет — можно будет со спокойной совестью уклониться от принятия обязательств по оказанию военной помощи СССР.

Посол Франции в СССР П. Наджиар, сообщая в Париж об инструкциях Р. Дрэкса, подчеркивал, что они «противоречат тому, о чем было договорено между тремя правительствами (проводить военные переговоры одновременно с доработкой того, что остается урегулировать в политических переговорах)», и что «они могут очень навредить, если только британское правительство не намерено аннулировать уже достигнутые столь важные результаты и тайно не хочет провала переговоров, о желании успеха которых оно заявляло публично». Зная «независимость и патриотизм» адмирала Р. Дрэкса, французская делегация рассчитывала, что, несмотря на неловкость своего положения, он будет действовать «во имя лучшего, вопреки данным ему инструкциям»⁵⁸.

Наиболее острым вопросом на переговорах военных миссий, который неоднократно ставился советской делегацией, был вопрос о свободном пропуске Красной Армии к театру военных действий с Германией через территорию Польши и Румынии. Признавая в частном порядке законность постановки этого вопроса Москвой, британская сторона, равно как и французская, уклонялись от прямого ответа, мотивируя свою позицию тем, что вышеупомянутые страны являются самостоятельными государствами, и потому ответ на этот вопрос должен быть получен от них. После обмена информацией о состоянии вооруженных сил и стратегических планов участников переговоров К. Е. Ворошилов указал на абстрактность изложенных партнерами

■

принципов организации обороны, которые никого и ни к чему не обязывали. Пока советская сторона не получит ответа на «кардинальнейший» вопрос о пропуске войск через территории Польши и Румынии, о котором британская и французская миссии запросили свои правительства, всякая предварительная работа, по его словам, «представлялась до известной степени бесполезной»⁵⁹. СССР расценил уклонение англо-французской стороны от обсуждения данного вопроса как ее стремление «поставить СССР в положение гаранта, который приходит на поле битвы не в наиболее благоприятных условиях и с заранее обдуманым планом действий, а тогда, когда его позовут, т.е. в случае провала и, может быть, паники в лагере „гарантированного“ им государства»⁶⁰. Однако Р. Дрэк не мог сообщить ничего обнадеживающего относительно сроков получения ответа на этот вопрос из Лондона.

Столкнувшись с явным стремлением партнеров затягивать переговоры как можно дольше, советская сторона на встрече 17 августа предложила объявить перерыв на неопределенный срок — вплоть до получения из Лондона и Парижа внятного ответа на поставленные вопросы (предполагалось, что это может произойти уже 21 августа).

Слухи о возможном советско-германском сближении, вызвав «лихорадочную активность» на Уайтхолле, заставили британскую сторону действовать более активно. В ходе серии консультаций между членами кабинета министров, а также с французами было решено оказать давление на Польшу и Румынию, заставив их пойти навстречу предложениям Москвы. Будучи союзником Варшавы, Лондон, безусловно, располагал средствами, способными убедить ее пойти на сотрудничество с Москвой в интересах поддержания мира в Европе (а также в ее собственных интересах). Упорство польской стороны в вопросе прохождения советских войск через ее территорию было только на руку Н. Чемберлену, не желавшему союза с СССР и упорно надевавшемуся на сделку с А. Гитлером.

На заседании 21 августа адмирал Р. Дрэк сообщил о получении им письменных полномочий от центра, однако ответа на главный вопрос по-прежнему не было. В этом свете западным делегациям было предложено сделать перерыв не на 3–4 дня, а на неопределенный срок, при этом, как сказал К.Е. Ворошилов, «если ответы будут отрицательными, то вообще нет смысла собираться». В ответ Дрэк считал заявление о снятии британской и французской стороной с себя ответственности за отсрочку на переговорах, указав, что они готовы возобновить работу совещания в любой момент⁶¹.

Затягивание англо-франко-советских переговоров и крайне медленный прогресс на них объяснялся тем, что все эти месяцы Лондон не оставлял попыток заключить с Германией «всеобъемлющее» соглашение, а переговоры о союзе с СССР были для него своего рода страховкой на случай неудачи.

Содержание англо-германских переговоров, которые имели полуофициальный характер и велись параллельно с англо-франко-советскими в основном через доверенных лиц (дипломатов, чиновников и посредников из нейтральных стран, в частности шведского коммерсанта Б. Далеруса), держалось в тайне, но и того, что просачивалось в печать, было достаточно, чтобы подтвердить подозрения Москвы не только в неискренности Лондона, но и в его вероломстве. Центральное место на этих переговорах занимали совещания доверенного лица Н. Чемберлена, его главного промышленного советника Х. Вильсона, а также Р. Хадсона с чиновником по особым поручениям при Г. Геринге Г. Вольгатом, проходившие 18–21 июля 1939 г. в Лондоне. Все беседы проводились по инициативе британской стороны и с ведома посла Германии Г. Дирксена.

Х. Вильсон — этот «злой гений» премьера⁶², помогавший ему проводить политику умиротворения, — был не просто чиновником, а близким другом Н. Чемберлена, человеком, полностью разделявшим его взгляды и действующим с ведома и по указанию шефа. (Они были настолько близки, что Вильсон позволял себе фамильярность по отношению к премьер-министру, обращаясь к нему следующим образом: «Нэвил, дорогой...».) Это подтверждалось его заявлением о том, что если понадобится уточнение формулировок, он «может обещать, что уже сегодня или завтра будет изложено ответственное заявление премьер-министра».

Предложенная германской стороне широкая программа переговоров включала в себя подтверждение подписанной в Мюнхене декларации о ненападении между Великобританией и Германией (не заключение пакта о ненападении, а «общее провозглашение политического принципа, в соответствии с которым обе страны отказываются от использования нападения как средства политики»), а также «заявление о взаимном невмешательстве Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии».

Военная часть должна была состоять из «германо-английского заявления об ограничении вооружений и совместной политике по отношению к третьим странам, соглашений о военно-морском флоте, военно-воздушных и сухопутных силах» с учетом «особых стратегических и военных условий Британской империи и особого стратегического положения великогерманского рейха в Центральной Европе». Экономический раздел предложенного Вильсоном германской стороне проекта был разработан наиболее тщательно. Речь шла о создании англо-германского экономического союза. Германии предлагалось широкое экономическое сотрудничество двух стран не только в Европе, но и по всему миру, сотрудничество, которое должно было охватить Китай (здесь предполагалось содействие Японии), СССР (!) и даже Британскую империю (в частности Индию, Южную Африку, Канаду,

Австралию). Что касается колоний и подмандатных территорий, то правительство Н. Чемберлена было готово выступить со специальным германо-английским заявлением «о принципиальном пересмотре соответствующих положений Версальского договора». Идея совместного колониального освоения Африки заключалась в создании «колониального кондоминиума», на территории которого предлагалось «по единой системе организовать разработку сырья и продовольствия, осуществить капиталовложения и вести внешнюю торговлю, упорядочить валюту и транспортную сеть, административное управление, а также военный и полицейский контроль». Германии были также обещаны урегулирование ее долгов и предоставление кредитов⁶³.

Создание экономического союза, контуры которого были определены в подписанном в марте Дюссельдорфском соглашении между Конфедерацией британской промышленности и Имперским союзом германской промышленности, должно было стать основой для достижения широкой англо-германской договоренности. План «всеобъемлющего» соглашения с Германией по существу означал экономический раздел всего мира. Лондон был готов признать доминирование Берлина в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также обещал оказать давление на Францию, заставив ее аннулировать договор о взаимопомощи с Советским Союзом и отказаться от поддержки стран Юго-Восточной Европы. Посол Германии в Лондоне Г. Дирксен после бесед с Х. Вильсоном вынес убеждение, что «возникшие за последние месяцы связи (Великобритании. — Н. К.) с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»⁶⁴. «Дружественные державы» — Францию и Италию — предлагалось «информировать» и «в случае, если бы было сочтено желательным», «привлечь позднее». По существу, Великобритания выразила полную готовность сдать своего главного европейского союзника на милость А. Гитлера, низведя его до положения третьеразрядной державы. Видя соглашательскую позицию Лондона и идущего у него на поводу Парижа, называвший Н. Чемберлена и Э. Даладье «жалкими червями» Гитлер все более убеждался в том, что они не отважатся воевать с Германией.

Содержание переговоров британцев с немцами не было такой уж «тайной за семью печатями» для французов. Так, в частности, П. Наджиар сообщал на Ке-д'Орсе 31 июля о том, что «предложения Хадсона («соглашение между основными европейскими державами по извлечению пользы из районов мира, представляющих интерес для предприимчивых народов») были в Германии отклонены. «Нужно было совершенно не знать доктрину, которой пронизана вся жизнь Гитлера, чтобы полагать, что он будет прельщен пред-

ложением, которое в его глазах является проявлением моральной слабости и менталитета деловых людей, которых он презирает», — указывал посол, выражая при этом удивление тем, что «британский министр, имеющий опыт дипломатической и парламентской карьеры, опыт крупных дел, побывавший в Москве весной с официальной миссией, счел возможным делать без мандата подобные предложения Германии в тот момент, когда кабинет, членом которого он является, решает вопрос о направлении миссии экспертов в Москву в целях заключения военной конвенции. В этих условиях мы не должны удивляться недоверию со стороны советских участников переговоров»⁶⁵. Посол наивно полагал, что Р. Хадсон действует исключительно по своей инициативе, а не согласно директивам своего правительства.

Москва также располагала надежной информацией о ведущихся англо-германских переговорах и поднимавшихся на них вопросах. Эта двойная игра Н. Чемберлена мешала московским переговорам и не могла не отравлять англо-советские отношения.

Британский премьер-министр отлично понимал, что его стремление договориться с А. Гитлером противоречило общественным настроениям. В беседе с послом Германии Г. Дирксеном 3 августа Х. Вильсон особо отметил, что «переговоры с германским правительством связаны для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдет грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Долтон уже указал вчера в Палате общин на слухи о новых чемберленовских „попытках умиротворения“, а сам Вильсон получил анонимное письмо, в котором его и премьера «предостерегали от подобных маневров». Чтобы склонить общественность к принятию англо-германской сделки, Лондон обратился с просьбой к Гитлеру выступить с «умиротворяющим заявлением». Он может это сделать, — подчеркивал Вильсон, — так как «является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который, в сознании своей силы и достигнутых успехов, может сказать свое слово, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений»⁶⁶. Вину же за срыв трехсторонних переговоров, по-видимому, собирались возложить на советскую сторону.

Предложения Х. Вильсона Г. Вольтату настолько компрометировали консервативное правительство, что врученный германской стороне меморандум от 18 июля, написанный на бланке резиденции премьер-министра, не был включен в опубликованный впоследствии сборник британских документов того периода, и о нем стало известно лишь благодаря германским документам.

Надеясь на заключение сделки с А. Гитлером, Н. Чемберлен не знал, что война на Западе была для того уже решенным делом. Специальный представитель Лиги наций К. Буркхарт после встречи с Гитлером в августе записал в своем дневнике, что

фюрер, поддавшись порыву, поделился с ним своими дальнейшими планами, сообщив, что заключит соглашение с Москвой, нанесет поражение Западу, а затем повернет против России⁶⁷. Эту информацию не передали ни Лондону, ни Парижу, и о планах Берлина британцам стало известно лишь за несколько дней до войны.

Косвенным подтверждением готовности кабинета Н. Чемберлена к срыву или по крайней мере замораживанию переговоров с Москвой являлось решение премьер-министра в сложной международной обстановке конца лета 1939 г. распустить (до октября) на каникулы парламент. По всей видимости, это делалось для того, чтобы, избавившись от постоянных нападок со стороны оппозиции, получить большую свободу действий. Призывы У. Черчилля перенести продолжение работы парламента с 3 октября на 21 августа оказались напрасными: премьер-министр заявил, что расценит голосование по этому вопросу как вотум недоверия правительству, поэтому предложение Черчилля не получило достаточной поддержки. Чемберлен даже позволил себе в выходные (19–20 августа) поохотиться в Шотландии, и лишь телеграмма посла из Берлина, в которой тот сообщал, что война должна начаться уже через 6 дней, заставила его спешно вернуться в столицу. С подачи Н. Гендерсона было принято решение пригласить в Лондон Г. Геринга, переговоры с которым без лишнего шума предполагали провести в загородной резиденции премьер-министра. Визит был намечен на 23 августа, однако А. Гитлер посчитал нецелесообразным проводить эту встречу, дав 24 августа отрицательный ответ.

Слух о предстоящем приезде И. фон Риббентропа в Москву, который произвел ошеломляющий эффект в европейских столицах, толкнул союзников на принятие уже запоздалого решения. 22 августа генералом Ж. Думенком (но не адмиралом Р. Дрэксом) был получен положительный ответ французского правительства: оно согласилось на пропуск советских войск в тех точках, которые определит Москва. (В Париже было принято решение обойти упорство Польши и дать «принципиальное» согласие от ее имени.) Думенк поспешил сообщить об этом главе советской делегации, который в беседе с ним 22 августа указал, что без ответа британского правительства трудно будет продолжать переговоры. Кроме того, он выразил сомнение в том, что западные партнеры согласовали этот вопрос с Польшей (в этом случае она сама бы пожелала принять участие в переговорах в Москве). На приеме по случаю отъезда западных делегаций, состоявшемся 25 августа, К. Е. Ворошилов отмечал, что «польская пресса и отдельные политические деятели особенно энергично и непрерывно заявляли о том, что они не нуждаются ни в какой помощи со стороны СССР. В этих условиях рассчитывать на успех наших переговоров, разумеется, было невозможно»⁶⁸.

Позиция Великобритании загоняла Москву в тупик, и она вынуждена была договариваться с Германи-

ей: не приняв предложения Берлина подписать пакт о ненападении, СССР мог столкнуться с перспективой войны на два фронта — с Германией и Японией. Это было сделано только после того, как были исчерпаны все возможности договориться с Парижем и Лондоном. «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, — сказал К. Е. Ворошилов 27 августа в интервью газете „Известия“, — а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁶⁹.

Подписание пакта Риббентропа–Молотова вызвало в британских правящих кругах взрыв негодования. Оно и понятно: это был мощный удар по близорукой политике Н. Чемберлена, который сорвал его стремление договориться с А. Гитлером за счет СССР. Вот как прокомментировал это событие У. Черчилль: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»⁷⁰.

В шифротелеграмме в центр от 29 августа британский посол У. Сидс сообщал, что «известие о подписании пакта Риббентропа–Молотова произвело на нас и на всех зарубежных обозревателей эффект разорвавшейся бомбы». Выразив признательность главе Форин Офис за разрешение «после месяцев терпения и самоконтроля» обвинить Молотова в вероломстве, он признает, что инициатива подписания пакта (причем, многократно проявленная. — Н. К.) исходила от Германии и что советское правительство не знало о существовании тех предложений, которые Риббентроп привез в Москву⁷¹.

В сложившихся условиях Великобритании не оставалось ничего иного, как попытаться сохранить лицо. Невыполнение обязательств в отношении Польши было бы расценено в мире как полная капитуляция перед Германией, что самым катастрофическим образом сказалось бы на ее влиянии в Европе. Поэтому, проявив последовательность, она подписала 25 августа договор о взаимопомощи с Польшей, который, в отличие от имевшейся у нее на переговорах с Москвой реальной возможности остановить агрессию со стороны Германии, уже не мог повлиять на развитие событий.

При этом британские деятели вплоть до последнего не прекращали попытки договориться с А. Гитлером по типу Мюнхена. Эти переговоры велись по двум каналам: через посла в Берлине Н. Гендерсона, оправдывавшего в своих телеграммах в центр весьма

«умеренного», по его мнению, в требованиях к «нецивилизованным» полякам Гитлера, а также через шведского посредника Б. Далеруса, с лихорадочной активностью совершавшего челночные визиты из Лондона в Берлин и обратно. Он же передавал послания Э. Галифакса и Н. Чемберлена Г. Герингу и А. Гитлеру. Посредник докладывал в Форин Офис, что Геринг считает проведение второго Мюнхена «хорошей идеей» и обещал доложить о ней фюреру⁷². В качестве сильного средства, которое может повлиять на развитие событий в свете возможного заключения советско-германского пакта, посол предлагал, чтобы Чемберлен обратился с личным посланием к Гитлеру (желательно на немецком языке).

Лондон продолжал обращаться также к Б. Муссолини с просьбами оказать влияние на А. Гитлера, чтобы тот в обмен на согласие Польши передать Данциг дал гарантии ее независимости. При встрече с британским послом Гитлер, однако, не дал таких обещаний, но в то же время предложил в своем послании к Н. Чемберлену «всеобъемлющее урегулирование» с гарантиями для Британской империи (после «решения польской проблемы»)⁷³. Перед началом польской кампании, с проведением которой он очень спешил из-за предстоящей осенней распутицы, Гитлер хотел быть уверен, что Чемберлен не выступит в поддержку Польши. Для срочной передачи своего послания в Лондон он даже предоставил британскому послу немецкий самолет.

Забыв, что оправдывал ранее свое нежелание повлиять на Польшу тем, что она является самостоятельным государством, Лондон обрушил в эти последние перед началом войны дни сильнейшее давление на Варшаву, требуя от нее «пристойного»

поведения, немедленного вступления в переговоры с А. Гитлером и отмены решения о мобилизации.

Цепляющееся за умиротворение британское руководство не учло, однако, кардинального изменения общественных настроений. По словам главного дипломатического советника правительства Р. Ванситгарта, сама информация о благожелательном отношении Великобритании к союзу с Германией, выраженном Н. Гендерсоном в ходе его встречи с А. Гитлером 28 августа, — в случае, если бы об этом стало известно, — нанесла бы серьезнейший удар по англо-американским отношениям⁷⁴. Что же касается настроений внутри страны, то они были таковы, что Н. Чемберлен в таком случае не смог бы удержаться у власти. Отчасти понимая это, «умиротворители» не сочли возможным смягчить официальную риторику правительства в отношении требований Германии к Польше.

Таким образом, документы внешней политики Великобритании и СССР убедительно свидетельствуют о том, что никаких революционных изменений в британской политике весной 1939 г. не произошло. Лондон заявил о гарантиях малым странам, вступил в дипломатическую переписку, а затем и переговоры о создании союза с Москвой, используя это лишь как средство давления на Берлин с целью сделать А. Гитлера более сговорчивым, заставив его пойти на заключение всеобъемлющего англо-германского соглашения. Политика умиротворения агрессора продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. Собственно, надеждами руководства на проведение еще одной конференции по типу Мюнхена и объясняется возмущавшая многих британцев задержка с объявлением войны Германии после ее нападения на Польшу.

1. Год кризиса, 1938–1939. Том I (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. М., 1990. С. 256.
2. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. New York, 1971. P. 103.
3. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 375.
4. Английский государственный архив (далее — ИДА). Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 138.
5. Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 25.
6. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 36.
7. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. М., 1987. С. 384.
8. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 314.
9. Там же. С. 340.
10. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 133.
11. Ibid. P. 136.
12. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 365.
13. Там же. С. 386.
14. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 1.
15. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 74.
16. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 463.
17. Там же. С. 246.
18. Там же. С. 30.
19. Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. 5. 1922–1939. P. 1045.
20. Ibid. P. 1068, 1085.
21. Ibid. P. 1041.
22. Ibid. P. 1068.

23. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. Надвигающаяся буря. М., 1958. С. 333, 342.
24. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 390. Л. 99.
25. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 179.
26. Там же. С. 338, 354.
27. Там же. С. 98.
28. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. М., 1962. С. 345–346.
29. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 40.
30. Там же. Л. 237, 53.
31. Там же. Д. 10. Л. 64, 66.
32. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 51.
33. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 78.
34. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 64, 67.
35. Там же. Д. 8. Л. 6–7.
36. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 45, 109.
37. Там же. Д. 10. Л. 186.
38. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 509.
39. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а, Папка 25. Д. 2. Л. 43, 44.
40. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 62.
41. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. М., 1990. С. 110.
42. Там же. С. 112.
43. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 114.
44. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. С. 360.
45. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 35.
46. Цит. по: Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. С. 357–358
47. АВП РФ. Ф. 13. Оп. 1. Папка 1. Д. 5. Л. 38.
48. Там же. Л. 86.
49. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 89–90.
50. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 10. Л. 12.
51. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 233.
52. Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. 5. 1922–1939. P. 1082.
53. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 260, 258.
54. Там же. Л. 287, 292.
55. Там же. Д. 9. Л. 334.
56. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 147.
57. Documents on British Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. P. 763–764.
58. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 190.
59. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 44, 72.
60. Там же. Д. 7. Л. 54.
61. Там же. Л. 99.
62. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. С. 389.
63. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 127–134.
64. Там же. С. 168.
65. Там же. С. 146–147.
66. Там же. С. 166.
67. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 173.
68. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 122, 136.
69. Там же. Д. 1. Л. 28.
70. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. Надвигающаяся буря. С. 357–358.
71. ИДА. Ф. 836. Т. 39. Л. 142, 143. Шифропереписка по Советскому Союзу.
72. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 171.
73. Ibid. P. 186.
74. Ibid. P. 197.

Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий

Е. О. Обичкина*

В череде событий, предваривших гитлеровское нападение на Польшу, и «мюнхенская» политика, и советско-германский пакт носили не решающий, а подчиненный характер, поскольку их участники (Великобритания и Франция в первом случае, СССР — во втором), по сути, пытались обезопасить себя от гитлеровской агрессии, которая была главной причиной возникновения Второй мировой войны.

Анализ политики Франции с конца 1938 и до сентября 1939 г. позволяет ответить на вопрос о том, насколько желательным или вынужденным было для дипломатии Парижа развитие ситуации в последний предвоенный год. Центральным в этом анализе будет узел противоречивых отношений между ключевыми игроками, от взаимодействия которых зависела возможность возникновения накануне войны антигитлеровской коалиции между англо-французским тандемом и Польшей с одной стороны и Советским Союзом — с другой.

Противоречия «политики умиротворения» на западе и на востоке:

Политика умиротворения Германии, или «мюнхенская» политика, была прологом и одной из важных причин Второй мировой войны. Будущие жертвы гитлеровской агрессии делят ответственность за политику, лишившую их возможности коллективно противостоять агрессии. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, прощаясь с послом Франции

Р. Кулондром (R. Coulondre), которого перевели из Москвы в Берлин (16 октября 1938 г.), поведал о своем «жестоком разочаровании», порожденном поведением Великобритании, но особенно — Франции, в последнем (чехословацком. — Е. О.) кризисе. Он не верил в возможность какого бы то ни было общего урегулирования с национал-социалистическим Рейхом и заявил, что СССР, под надежной защитой своих границ, отныне оставалось лишь наблюдать за установлением германской гегемонии в Центральной и Южной Европе. В то же время, он признал, что для установления равновесия сил в Европе и сдерживания германской экспансии Великобритания и Франция могли бы предпринять еще одно гигантское усилие (*un effort suprême*). В этом случае, — добавил он, — две державы «должны будут обратиться к нам, и мы скажем свое слово»¹.

Р. Кулондр полагал, что А. Гитлер захочет договориться с Польшей и обменять Данцигский коридор на Мемель, чего и опасались прибалты. М. М. Литвинов, не отвергая этого варианта, считал, что опасность исходила непосредственно от Германии, которая хотела бы взять балтийские государства под свой контроль. По мнению Кулондра, несмотря на заверения наркома о том, что СССР нечего бояться Гитлера, в Москве уже в октябре 1938 г. рассматривали два сценария: возможное нападение Германии на Великобританию (после «нейтрализации» Франции) или на СССР. Оставляя свой пост в Москве, французский посол предвидел, что «будут предприняты усилия, чтобы

* **Евгения Олеговна Обичкина** — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

этот выбор был сделан в желательном направлении. Мы должны, следовательно, учитывать в будущем акцию Кремля с целью, конечно, тайно и не напрямую (*une action officieuse et indirecte*), войти в контакт с Берлином и прозондировать его намерения². Кулондр предположил, что в таком случае единственным приемлемым для Берлина вариантом может быть раздел Польши вследствие советско-польской войны. Запись этого разговора и комментарии французского дипломата, пусть даже речь идет не о первых лицах, отражают современное восприятие ситуации. Многие во Франции и в Восточной Европе перед лицом усилившейся германской угрозы рассматривали СССР не только как очевидного союзника против Гитлера. Наравне с этим, ими рассматривался сценарий соучастия СССР в силовом переделе центрально-европейских границ.

Неэффективность англо-французской политики дипломатического сдерживания агрессора, последовавшей за Мюнхеном, во многом была результатом кризиса в ориентации государств Центральной и Восточной Европы и западных демократий, которым следовало выбрать из «двух зол»: между замирением с А. Гитлером и союзом с И. В. Сталиным. Поэтому, как представляется, ключ к пониманию проблемы следует искать не столько в дипломатической деятельности отдельных стран, сколько в анализе подсистемы международных отношений в предвоенной Европе и логики ее эволюции.

Ее факторами были: ослабление международных позиций Франции (ключевого игрока Версальской системы) в пользу островной Великобритании; параллельное возрастание мощи государств «Оси» после нарушения суверенитета Чехословакии, что явилось и показателем, и сигналом к распаду системы антигерманских союзов, созданной Францией после Первой мировой войны; ключевая роль СССР — «несистемного» государства, опирающегося на многочисленные коммунистические партии, объединенные в Коминтерн и руководимые из Москвы. Последнее обстоятельство ставило европейские правительства, прежде всего правительства Франции и Польши, перед выбором (далеко не очевидным в те годы) между опасностью со стороны нацистской Германии и фашистской Италии и коммунистической опасностью со стороны Советского Союза и партий подчиненного ему Коминтерна. Добавим к этому, что вплоть до войны у большинства европейских политиков не было идеологического понимания нацизма, в котором видели новое издание германского реваншизма, отчего в те годы И. В. Сталин казался многим опаснее А. Гитлера — диктатора, но не разрушителя капитализма.

Это принимали во внимание в Москве и даже ставили на первый план, размышляя над перспективами пакта с Великобританией и Францией. 25 мая 1939 г. полпред СССР в Париже Я. З. Суриц писал В. П. Потемкину, заместителю наркома, кури-

ровавшему после отставки М. М. Литвинова советско-англо-французские переговоры: «В течение ряда лет они (Н. Чемберлен, Э. Даладье, Ж. Бонне) лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и, даже больше того, освободиться раз и навсегда от красной опасности... Организовать сопротивление без Москвы невозможно... а заключить союз с СССР боязно — это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд»³.

Важно также, что, несмотря на сопоставимость потенциалов Франции и Великобритании, с одной стороны, и Германии и Италии, с другой стороны, в 1938 г. было очевидно (и для правительств, и для общественного мнения), что противостоящие агрессивным державам демократии качественно проигрывают в могуществе, то есть, если воспроизвести формулу Р. Арона, в способности «навязать свою волю другому и не дать навязать себе чужую волю». Это понимали и в СССР. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу, анализируя причины Мюнхенского соглашения: «Когда приходится идти в окопы не ради непосредственной защиты границы, энтузиазма ждать не следует... Энтузиазм создается в таких случаях пропагандой... Верно то, что французское правительство ничего не сделало для разъяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов обороноспособности самой Франции»⁴.

Францию, которая 22 мая 1938 г. устами Э. Даладье заявила о верности своим обязательствам в отношении Чехословакии, подтолкнула к Мюнхену позиция Лондона, который в период чехословацкого кризиса играл первую скрипку и отказывался riskовать столкновением с А. Гитлером из-за Чехословакии. Эта политика была основана, с одной стороны, на признании превосходства германской военной машины и, особенно, национального сплочения немцев вокруг идеи реванша, с другой стороны, на надеждах, что политика умиротворения позволит избежать войны с Германией. Военные приготовления Гитлера были очевидны. Генерал Г. Ренондо (G. Renondeau), военный атташе Франции в Берлине, констатировал 20 сентября 1938 г.: «Германия стала одним большим военным лагерем»⁵.

Проблема меньшинств:

Судеты — «исключительный случай»

Во Франции предпочитали надеяться, что Чехословакия, вернее, Судеты, представляют особый случай, поскольку речь идет о воссоединении немцев, и вписывали эту политику в логику аншлюса Австрии. Ж. Бонне стремился избежать любых аналогий с решением проблемы судетских немцев в отношении судьбы остальных меньшинств Восточной Европы. Еще в сентябре 1938 г. Бонне в разговоре с польским послом Лукашевичем в связи с польскими требованиями относительно прав польского меньшинства в Чехословакии (в Тешине) разъяснял,

«насколько этот демарш был неуместным в момент начала переговоров между Лондоном, Парижем и Берлином по урегулированию статуса судетского меньшинства, поскольку многочисленность судетских немцев делала этот случай совершенно исключительным». Бонне предостерег Варшаву от желания соучаствовать в разделе Чехословакии и напомнил польскому послу о франко-польском союзном договоре и о том, что все мирные народы должны объединиться против гегемонистских устремлений Германии, иначе та не замедлит воспользоваться их разногласиями. Французский министр считал, что «интерес Польши состоял, следовательно, в том, чтобы остаться вне этого спора (о правах меньшинств — *Е. О.*), который, если разрастется, грозит опасными осложнениями для мира в Европе»⁶.

Французские гарантии: преимущество или осложнение?

После Мюнхена, с 30 сентября 1938 г., Франция вместе с Великобританией верит в политику собственных гарантий малым странам как в сдерживающий Германию фактор. В Мюнхенском соглашении предпочитают видеть подчинение А. Гитлера авторитету международного сообщества (что-то вроде мюнхенской «директории»), с согласия которого и под гарантией которого будут отныне вершиться международные дела. Но очень скоро становится очевидным, что французская дипломатия вследствие Мюнхена оказалась ослабленной, теряя влияние в Восточной Европе.

Отношение к Польше — этой «любимой кузине» Франции — у французской дипломатии в тот момент двойственное, и эта двойственность имеет результатом охлаждение франко-польских отношений. С одной стороны, Франция недовольна политикой министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Тот действует в пользу польско-германского сближения и не скрывает намерений воспользоваться разделом Чехословакии для территориальных приращений в пользу Польши. Э. Эррио, критикуя стремление Польши участвовать в разделе Чехословакии, сказал, что Польша выступает в роли «*младшего ассистента при старшем палаче*»⁷. С другой стороны, логика Мюнхена, кажется, ведет к стремлению освободиться от обязательств в отношении восточноевропейских стран.

Именно так оценивала в декабре позицию Франции советская дипломатия. В справке, направленной полпредом Я. З. Сурицем в Москву, содержится анализ «мюнхенского» курса правительства Э. Даладь. Отмечая, что «Франция слаба и утратила свое прежнее гегемонное (так в документе — *Е. О.*) положение в Европе, ... растеряла большую часть своих союзников» и видит в СССР союзника «ненадежного и опасного», Суриц приписывает французскому правительству стремление «пересмотреть все свои старые обязательства и договоры, заключенные при

иной обстановке и ином соотношении сил в Европе». Такие сомнения особенно часто возникали вокруг двух договоров: договора с СССР и договора с Польшей. Суриц считал, что они в тот момент являлись «отягчающей ипотекой, способной осложнить ее взаимоотношения с... Германией и вовлечь ее в... опасные военные конфликты.

Договор с СССР был заключен значительно позже, чем с Польшей, когда германская угроза уже стала заметно вырисовываться. С этим договором связывались надежды, что вокруг него сможет образоваться новая защитная линия... против германской агрессии на Востоке. Эти надежды из-за занятой Польшей позиции не оправдались... Прежняя Чехословакия больше не существует и не может быть использована как плацдарм для воздушной атаки против Германии». Польша выступает как очередная жертва германской политики. Чтобы не быть из-за Польши втянутой в историю типа Мюнхена, Бонне «воспылал священным гневом против (поляков) и стремится заморозить пакт с Польшей, как он уже заморозил пакт с СССР»⁸.

Определенность цели: избежать столкновения с Германией

Положение Франции тем тревожнее, что она опасалась «расползания» испанского конфликта с участием Италии у ее пиренейской границы. Поэтому она предпочитает признание Ф. Франко продолжению гражданской войны, а позже стремится через А. Петэна добиться нейтральной позиции от Франко. Политика Б. Муссолини на южной границе, в Средиземноморье и в Африке, внушает Парижу в тот период не меньшие опасения, чем политика А. Гитлера, который неустанно заверял в отсутствии у него территориальных претензий к Франции.

Если предположить, что Мюнхен имел целью отсрочить военное столкновение с Германией, предоставив англо-французским союзникам возможность нагнать их военное отставание от Германии, то приходится признать, что результат получился противоположным: присоединение новых (чехословацких) территорий с многочисленным населением и развитой инфраструктурой и экономикой усилило потенциал Германии. Французские военные сознавали, что вследствие Мюнхена военное положение Франции серьезно ухудшилось. «Чехословакия больше не в состоянии предоставить нам какую-либо помощь в Центральной Европе; новое государство, без естественных границ, у которого отняли часть его промышленности, может существовать теперь только в орбите Германии. Поведение чешских офицеров на заседаниях военной подкомиссии в этом смысле показательно. Со второго дня мы констатировали, что они избегали... прибегать к арбитражу Франции, Великобритании и Италии и предпочитали обсуждать все спорные вопросы напрямую с немцами». Такая перемена поразила

английского военного атташе, и он сказал своему французскому коллеге: «Смотрите, эти люди работают уже, как союзники»⁹.

Франция, ослабленная кризисом и парализованная внутривнутриполитическими разногласиями между бывшими партнерами по Народному фронту и социальными выступлениями, не смогла противопоставить германскому рывку в области вооружений адекватного прорыва в перевооружении и в моральной готовности к войне. Французский военный атташе в Берлине был впечатлен возможными размерами наступательных сил, которые немецкое командование предполагает задействовать в случае войны на западе, и «теми жертвами, на которые оно готово пойти, чтобы обеспечить своему наступлению решающий результат». Через три недели после Мюнхена он призывает «извлечь из этого должны выводы, особенно после событий, в которых перевес военно-воздушных сил Рейха над силами Франции и Великобритании был одним из главных факторов нашего морального поражения и потери наших позиций в Центральной Европе»¹⁰.

Кроме того, общество не было готово воевать за восточных союзников. Внешнеполитическая стратегия Франции, направленная на защиту союзников от германской агрессии, т. е. на наступательные действия в случае конфликта, противоречила ее оборонительной военной стратегии¹¹.

Проведенный французским генеральным штабом анализ военных приготовлений Германии (в конце 1938 г.) соответствовал, прежде всего, настроениям французских военных и политиков и в меньшей степени реальному положению. Сообщая, что Германия предпринимала в последнее время «неустанные и дотоле невиданные» военные усилия, генеральный штаб сделал несколько важных выводов. Во-первых, эти усилия явно наступательные. Во-вторых, хотя затруднительно было точно определить возможное направление главного удара, там полагали, что на французской границе германские силы являлись, главным образом, оборонительными. «На востоке Германии, наоборот, все признаки свидетельствуют, что германские военные усилия продолжатся в Центральной и Восточной Европе. Некоторые уточняют, что именно Украина является их целью»¹². Это сообщение вызвало скорее облегчение, чем опасение, что придется соответствовать обязательствам по франко-советскому пакту 1935 г.

Неопределенность тактики: «бумажный» пакт с СССР

Франко-советский пакт оставался в значительной степени бумажным, отношения с СССР — натянутыми, и выполнение военно-технических поставок Франции в СССР постоянно находилось под угрозой срыва. «Изменение климата в Париже» — «преклонение перед германской мощью и охлаждение к советскому посольству»¹³ — полпред Я. З. Су-

риц заметил еще в июле 1938 г., возвратившись из отпуска.

В то же время, в Париже отдавали себе отчет в том, что чехословацкий кризис принципиально изменил позицию СССР. Посол Франции в Москве Р. Кулондр не сомневался в искреннем желании СССР сохранить целостность чехословацкой территории, поскольку это являлось залогом его собственной безопасности. Бездействие Лиги наций «открыло глаза» советскому правительству: его упорные, но бесплодные попытки внести чехословацкий вопрос в повестку заседаний, и действия Великобритании и Франции в обход Лиги Наций, и небрежение пактом со стороны Франции, по мнению Кулондра, заставили Москву действовать в одиночку. С другой стороны, усилилась германская угроза, «к которой, как казалось, причастны и западные державы. Она удваивалась польским участием. Для СССР было в тот момент неуместно из тактических соображений подчинять свои действия политике других держав... Таким образом, в течение сентября можно констатировать эволюцию советской политики в сторону автономии». Доказательством явилась резкая реакция на польскую угрозу Чехословакии¹⁴. Кулондр предупреждал об опасном направлении эволюции советской позиции «после падения чешского бастиона»: «... Не захотят ли Советы, чтобы предотвратить германскую экспансию с юго-запада в направлении Украины, ... в стремлении отвести эту угрозу от наиболее опасного для себя направления, подставить Польшу, чтобы, открыв по своей инициативе польский вопрос, стать соучастником ее раздела?»¹⁵.

В свою очередь, СССР считал, что «мюнхенцы» стремятся к соглашению с А. Гитлером и не верил, что Францию интересовали какие-либо обязывающие комбинации (взаимные гарантии, пакты безопасности) на востоке. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу в начале декабря 1938 г.: «Бонне стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и отношение его к франко-польскому пакту такое же, как и к франко-советскому, т. е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, как будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на советскую Украину»¹⁶. Эти суждения подкреплены полученным от информатора пересказом слов французского посла в Берлине А. Франсуа-Понсе: «Я по-прежнему считаю, что мы устроили дело таким образом, чтобы иметь все неприятности от союза с СССР без каких-либо преимуществ»¹⁷.

А. Франсуа-Понсэ в Москве считали «капитулянтской», одержимым страхом перед германской и итальянской мощью. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу 11 апреля 1939 г.: «Франсуа-Понсе (тогда уже посол в Риме) ведет ту же тактику из Рима, как раньше из Берлина. Стремясь к скорейшему соглашению

с Италией, он в своих донесениях запугивает французское правительство, преувеличивая, конечно, итальянские военные приготовления»¹⁸. Действительно, записки Франсуа-Понсе свидетельствуют, что его впечатляли германская мощь и воинственный националистический дух, который А. Гитлеру удалось пробудить в немецком народе, но еще больше неустойчивость психики диктатора, которого он считал способным на любые, даже гибельные для него самого и Германии авантюры.

Посол Франции в СССР Р. Кулондр, покидая Москву перед тем, как сменить А. Франсуа-Понсе в Берлине, писал о причинах такого положения, при котором пакт с СССР оказался для французской дипломатии скорее недостатком, чем преимуществом, и предсказал опасность разворота Москвы в пользу соглашения с Гитлером. Ключевое значение здесь имела Польша.

Трагическое противоречие

Передавая свой прощальный разговор с М. М. Литвиновым, Р. Кулондр указал на два сценария последующего развития событий, которые рассматривали в Москве. Когда Рейх прочно установит свою гегемонию в Европе и Франция будет нейтрализована, он может напасть или на Британскую империю, или на СССР. Анализируя возможное направление германского удара, Кулондр считал, что «любая гипотеза по поводу германской экспансии на восток поразительным образом ставит Польшу и Россию в противоположные лагеря. Можно ли разорвать этот порочный круг? Ни одна страна не заинтересована в этом так, как Франция. Вообще, на этот вопрос охотно отвечают негативно, упирая на непреодолимую враждебность..., которую испытывает Польша к своему большому славянскому соседу, и это психологическое препятствие кажется трудно устранимым. Вместе с тем, надо заметить, что это убеждение утвердилось сегодня в гораздо большей степени, чем 10 лет назад и что эволюция польской политики тяготеет главным образом к развалу системы безопасности, установленной договорами».

Французский дипломат соглашался с тем, что, как и другие капиталистические страны, Польша могла опасаться социальной пропаганды большевиков, но она прекрасно знала, что в данный момент ей нечего опасаться территориальных захватов со стороны СССР, инертного и к тому же ослабленного крайностями своего диктаторского режима. СССР, наоборот, по сей день заинтересован в сохранении Польши как буферного государства, которое для России является тем же, чем Бельгия для Франции. Но если Польша рассчитывает, договорившись с Германией, использовать ее как сообщника, а СССР, со своей стороны, захочет сделать то же самое, то и СССР, и Польша, не видя никакой иной поддержки и опасаясь удара со стороны Германии, будут стре-

миться направить этот удар друг на друга. «Следует признать, — продолжал посол, — что именно слабость западных демократий восстанавливает друг против друга Польшу и Россию, заставляя каждую действовать в угоду Германии, в то время как, в конечном счете, у той и у другой нет иного врага, другого потенциального захватчика, кроме Германии»¹⁹. Далее посол «с прискорбием» констатировал, что в настоящих условиях франко-советский договор «потерял всякий смысл и ничего нам не дает, кроме осложнений... Он нас больше не гарантирует ни против соглашения СССР с Германией, ни против оживления деятельности Коминтерна во Франции. Если его не усилить английским участием, с одной стороны, и, с другой стороны, соглашением с Польшей, эта связь станет лишь препятствием, о котором мы, в конце концов, споткнемся»²⁰.

В советском посольстве в Париже знали об этих настроениях. В ноябре 1938 года Я. З. Суриц пишет М. М. Литвинову, что Э. Даладьё и Ж. Бонне «не остановятся перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры (с Германией) и если такой ценой можно будет купить соглашение с Германией»²¹.

Действительно, в период между Мюнхеном и гитлеровской оккупацией всей Чехословакии Франция стремилась, дистанцировавшись от своих обязательств в отношении Восточной Европы, получить, пусть временно, гарантии от А. Гитлера.

Спорная гарантия

Следует согласиться с тем, что для гарантии собственной безопасности французская дипломатия после Мюнхена и до оккупации А. Гитлером всей территории Чехословакии стремилась положиться на двусторонние декларации и соглашения с Германией. Посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсэ, передавая содержание разговоров Гитлера с британской делегацией, указывал, что «фюрер формально заверил, что у него нет ни малейшего желания нападать на нашу страну... Если Франция нападет на Германию, тогда, разумеется, фюрер начнет против нее войну; но он всячески будет стараться избежать, чтобы Германия выступила в роли агрессора»²². Обеспокоенная англо-германской декларацией 30 сентября, которая потенциально могла оставить Францию один на один с Германией, дипломатия Ж. Бонне добилась подписания аналогичной франко-германской декларации (6 декабря 1938 г.).

Она стала логическим продолжением Мюнхена. Франция боялась, что она будет исключена из складывающейся в новой европейской ситуации «директории» держав с обязательным участием Германии и не определенным пока составом прочих участников. Германские предложения по тексту декларации были отправлены французскому правительству 5 ноября 1938 г. Уже на следующий день после их получения от посла Германии в Париже,

Ж. Бонне отвечает согласием, настаивая лишь на том, чтобы в п. 3 о взаимных консультациях были внесены поправки с тем, чтобы сделать его идентичным англо-германской декларации²³.

В справке Политической дирекции МИД Франции в качестве действующих консультативных пактов с Германией указаны два документа. Первый — советско-германский консультативный пакт (Рапалло) от 1922 г.; второй — англо-германская декларация 30 сентября 1930 г., вызвавшая в свое время болезненную реакцию во Франции. Н. Чемберлену пришлось в оправдание сказать, что ее текст был предложен британской делегации перед самым отъездом, так что у него не было времени на консультации с французской стороной²⁴. Вместе с тем, Великобритания связана консультативным соглашением с Францией, заключенным в Лозанне 13 июля 1932 г. Благодаря этому соглашению французское правительство должно быть информировано о германо-британских консультациях, основанных на декларации Гитлера-Чемберлена. Несмотря на то, что франко-британское соглашение было названо «доверительным», Париж опасался, что Лондон будет стремиться к односторонним преимуществам в соглашениях с Берлином, как это было в Мюнхене. Поэтому французский МИД советовал своей делегации держаться при обсуждении текста франко-германской декларации в рамках, предусмотренных англо-германской декларацией, чтобы какими-либо особыми договоренностями не вызвать у Великобритании желания «пойти еще дальше в придании своему согласию с Берлином более исключительного характера» (*de donner à son entente avec Berlin un caractère plus exclusif*)²⁵. Возможная трехсторонняя англо-франко-германская комбинация казалась Парижу нежелательной, поскольку тогда возникал бы вопрос о ее расширении, например, на постоянной основе (на Италию, СССР) или на второстепенные государства, в зависимости от обсуждаемых вопросов.

Точно так же отвергалась идея заключения с Германией пакта о ненападении. Это означало бы, что правительство Франции пересматривает свои договоры с Польшей и СССР, не говоря уже о Чехословакии. Кроме того, под вопрос ставились взаимные англо-французские гарантии. «Очевидно, что было бы опасно компрометировать эту систему из одного желания получить простое обещание воздерживаться от агрессии, уже данное Франции Германией в Локарно, и от которого она отказалась»²⁶.

В МИД считали, что декларация «не внесет никакого нового элемента в безопасность (Франции), но будет, тем не менее, иметь реальную психологическую ценность». С точки зрения безопасности было бы лучше возобновить между Парижем, Берлином и Лондоном прерванные два года назад переговоры по Западному пакту, призванному заменить договор Локарно. В таком случае предварительно необходи-

мо было уточнить позицию по договорам с СССР и с Польшей.

В конце ноября 1938 г., во время англо-французских консультаций перед подписанием франко-германской декларации, Н. Чемберлен поинтересовался, что станет делать Франция, если оправдаются слухи о готовящемся Германией отторжении Украины от СССР с целью создания независимого украинского государства. Франция, связанная одновременно и пактом с СССР, и франко-германской декларацией, могла бы тогда оказаться в сложном положении. Одновременно ставился и вопрос о франко-польских отношениях. Признавая возможность роста националистического движения на Украине, косвенным доказательством которого Ж. Бонне считал опубликованные в Москве материалы процесса против «врагов народа»²⁷, французский министр уточнил, что его страна обязалась вмешаться в случае прямого нападения со стороны *сопредельного* государства. Даже в этом случае (что трудно себе представить, поскольку у Германии нет общей границы с СССР) вмешательство Франции возможно только: 1) после единогласного решения Совета Безопасности Лиги Наций; 2) в отсутствие этого единогласия, после консультаций с государствами-гарантами Локарно, что полностью удовлетворило Чемберлена, поскольку означало, что без его согласия Франция не выступит в поддержку СССР.

В инструкции министра к франко-германским переговорам о декларации содержится предупреждение против неосторожных гарантий чехословацких границ, по крайней мере, до тех пор, пока не будет окончательно определена, после консультаций с Прагой, франко-британская позиция²⁸. Впрочем, уже тогда было понятно, что Франция уже потому не должна сохранять свои гарантии, предусмотренные франко-чехословацким договором, что границ тех уже не существует. Кроме того, Франция явно не могла больше рассчитывать на ответные гарантии со стороны Чехословакии, что нарушало взаимный характер договоров от 25 января 1924 г. и 16 октября 1925 г. и делало их недействительными в глазах экспертов французского МИД²⁹.

Что касается Польши, то записка заместителя директора политического департамента от 5 октября свидетельствует о настроениях французского МИД после Мюнхена: «Предметом пересмотра должны стать скорее политические и военные соглашения, которые связывают нас с Польшей. Таким образом, мы сохраним чисто экономическую и финансовую форму отношений, несравненно более эффективную и менее опасную, чем та, которую мы подтверждали до сих пор. Тем самым, мы гармонизируем ее с политикой британского правительства»³⁰.

Данцигский вопрос тогда еще не стоял со всей остротой, но эвентуальный сценарий отторжения Украины, который доводил до сведения своего министра французский поверенный в делах

в Берлине М. де Монба (M. de Montbas), подразумевал, что А. Гитлер предложит Польше что-то вроде кондоминиума над Украиной. Тот же источник сообщал, что впоследствии Польшу предполагается устранить из этой конструкции или путем переговоров, «или силой, если она заупрямится»³¹.

Французские дипломаты опасались, что со стороны А. Гитлера декларация являлась тактическим ходом, возможно, имевшим целью постепенно разделить Францию и Великобританию. Но для них было важно, что декларация содержала признание франко-германской границы окончательной, заявляла об отсутствии между двумя государствами каких-либо территориальных споров, а также предусматривала взаимные консультации в случае международных осложнений³². В Париже предпочитали думать, что Гитлеру невыгодно «ссориться (с Францией) и он, наоборот, стремится прикрыться с запада, чтобы в наилучших условиях развивать свою экспансию на восток»³³.

Декларация усилила антимюнхенские настроения и подозрительность в отношении Франции в Москве. М. М. Литвинов не верил англо-французским заявлениям о том, что они не намерены исключать СССР из разрешения европейских вопросов: «Им незачем иметь такие намерения... , ибо решать будут не они, а Гитлер. Как Чемберлен, так и Даладьё-Бонне, ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые»³⁴.

Выстраивание системы гарантий

Для французской дипломатии франко-германская декларация была не более чем отсрочкой, позволявшей восстановить дипломатический и военный баланс в Европе. В переписке с министром посол в Берлине Р. Кулондр указывал: «Сотрудничество Франции с Германией может быть благом для обеих стран и нести мир Европе, но оно желательно и даже возможно, только если мы будем сильными. Если же Франция не хочет изнурять себя, упорно и дисциплинированно трудиться, то она должна будет не только отказаться от своего влияния в Европе. Нет такого договора, который гарантировал ее и ее империю от посягательств со стороны Германии»³⁵.

После Мюнхена для Франции наступило состояние тревожного ожидания, и главным стал вопрос об источнике и направлении следующего удара. Рассматривались несколько вариантов: продвижение Германии на восток; нейтрализация Франции (здесь Германия и Италия были одинаково опасны, особенно пока не закончилась война в Испании, в которой были задействованы и немцы, и итальянцы)³⁶; экспансия Германии на восток (в направлении Поль-

ши, для возвращения Гданьска и, возможно, захвата Украины), экспансия Италии в Средиземноморье и колониальная экспансия Германии и Италии против британских и французских владений.

Ввиду возможной войны с Германией и Италией, Франция и Великобритания договорились об организации франко-британского военного сотрудничества³⁷. Правительство Его Величества предоставило гарантии безопасности Франции, заверив Ж. Бонне через своего посла 13 февраля 1939 г.: «Всякая угроза жизненным интересам Франции немедленно должна вызвать совместные действия с Англией»³⁸.

В феврале 1939 г. американский источник предупредил о возможности начала германской агрессии на западе в отношении Нидерландов. Франция и Великобритания пришли к согласию в том, что они будут расценивать возможное нападение на соседей Франции — Бельгию, Нидерланды и Швейцарию — как *casus belli*³⁹. Однако Бельгия отказалась от франко-британских гарантий и от участия в франко-британском плане организации коллективной обороны на западе, заявив о желании сохранять свой нейтралитет⁴⁰.

Еще одним ударом по англо-французскому плану создания системы гарантий был категорический отказ А. Гитлера в ответ на запрос Великобритании и Франции (28 февраля 1939 г.) предоставить гарантии чехословацких границ⁴¹. Можно было предположить, что ближайшие события должны были разыграться на востоке Европы, и расстановка сил в этом регионе внушала тревогу французской дипломатии.

Опасные колебания

Было очевидно, что после чехословацкого кризиса система восточных союзов поставлена под вопрос. В выступлении И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта прозвучали слова, косвенно адресованные англо-французской дипломатии: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁴².

Польша не желала противодействовать перекройке версальских границ своих соседей. Она выступала за независимость Словакии, хотела бы обсудить с И. фон Риббентропом новый раздел чехословацкого государства и улучшить отношения с Румынией, которая больше не возражала против общей польско-венгерской границы⁴³. Не отказываясь от развития, прежде всего, экономических отношений с западными демократиями, восточноевропейские и балканские страны (Румыния, Болгария, Греция) хорошо встретили британскую и французскую экономические миссии, но результаты переговоров оказались незначительными. Венгрия, не отказываясь от сотрудничества с Западом, заявляла о верности державам «Оси». Балканская конференция 20–22 февраля 1939 г., высказавшись против пересмотра границ и пригласив Болгарию присоединиться к Антанте,

была лишь шагом к созданию балканского пакта, и его судьба была далеко не безусловной. Ориентация ключевых игроков на востоке Европы в возможном конфликте с державами «Оси» не была окончательно определена.

Очередной посол Франции в Москве П. Наджар был одним из сторонников реанимации системы восточноевропейских союзов Франции. Находясь в Москве, он был обеспокоен, так же как его предшественник Р. Кулондр, перспективой разворота СССР к Германии. В связи с появлением в газете «Temps» 16 февраля 1939 г. статьи, в которой было высказано сомнение в действенности франко-советского пакта 1935 г., он настаивал, чтобы Ж. Бонне твердо заявил советскому полпреду, что для него пакт полностью действителен: «Вследствие разочарования, вызванного политикой коллективной безопасности, СССР прилагает усилия, чтобы создать восточную систему безопасности, автономную и способную его прикрыть с Запада. От западных держав зависит, организуется ли эта система в пользу или в ущерб им (курсив мой. — Е. О.). Гармонизация интересов России и ее западных соседей представляет для Франции преимущество только в том случае, если мы к ней политически присоединимся, чтобы не создать у восточных стран — из безразличия к проблемам Востока и Центра Европы или из-за слабости перед лицом Италии — впечатления, что у них нет иного выхода... кроме как договориться с Рейхом, что освободит его для предприятий на Западе»⁴⁴.

Весной 1939 г. становится все более очевидным, что мюнхенская политика не принесла Франции желаемого и что никакого солидарного отпора А. Гитлеру на западе Европы ожидать не приходится. Для сдерживания Германии Франции оставалось вернуться к стратегии ее «окружения» в опоре на восточные пакты.

К гарантийному пакту

15 марта 1939 г. Богемия и Моравия стали протекторатами Рейха, и немцы вступили в Прагу. С одной стороны, стало понятным, что А. Гитлера интересовали не только «исконно немецкие», но и славянские земли, с другой стороны, Лондон и Париж, казалось, могли утешаться мыслью, что агрессивные устремления Германии направлены на восток. Французское правительство, вслед за Великобританией, решило воздерживаться от резких действий, но упрекало Германию за то, что она не прибегла к взаимной консультации, предусмотренной франко-германской декларацией 6 декабря 1938 г. Великобритания не предприняла никакой дипломатической акции в Берлине и вместе с Францией ограничилась приостановкой экономического сотрудничества с Германией⁴⁵.

«Начинается, как будто, какой-то решительный перелом в политике Англии и слепо следующей за ней

Франции», — докладывал в Москву полпред Я. З. Суриц⁴⁶. Отрезвление наступило в том смысле, что в Париже не сомневались в агрессивных планах А. Гитлера и не верили больше в возможность умиротворения. Гитлера начали бояться больше, чем Б. Муссолини. Особенно выросло беспокойство после 26 марта, в связи с угрозой Данцигу и твердой позицией Польши, заявившей о готовности защищать свои права. В начале апреля визит Ю. Бека в Лондон свидетельствовал о переориентации Польши с Германии на Францию и Великобританию. Но этот поворот уже не радовал: в сложившихся обстоятельствах он усиливал угрозу франко-германского столкновения, поскольку потребовал от Франции выполнения ее обязательств.

Только теперь Ж. Бонне внял настойчивым советам своих послов в Москве относительно реанимации восточных пактов Франции и проявил большую политическую волю, направленную на строительство общеевропейской системы гарантийных пактов, «опоясывающей» агрессивные державы, прежде всего Германию. Эта система должна была сдерживать Германию и Италию, отвращая их от агрессии, которая в силу франко-британских гарантий Польше могла привести к общеевропейской войне.

Хотя эта политика называлась, как и после Мюнхена, «политикой гарантий», ее содержание изменилось. По сути, Франция возвратилась к системе союзов кануна Первой мировой войны, стремясь приобщить к ней максимальное число сторонников. Ж. Бонне удалось добиться соглашения с Турцией, подкрепленного военной конвенцией. При этом французский посол в Анкаре Р. Массигли жаловался Бонне на досадные задержки в переговорах по политическому соглашению по вине Лондона⁴⁷. Польско-французский альянс 1921 г. еще действовал, но Франция считала необходимым уточнить взаимные обязательства. 21 марта польский представитель в Париже заявляет о готовности Польши выполнить все обязательства в отношении Франции.

Сложнее дело обстояло с франко-советским пактом, который Париж стремился реанимировать, и в теснейшем сотрудничестве с Лондоном. Настало время вспомнить о позиции СССР в момент чехословацкого кризиса, в сентябре 1938 г. Никаких конфиденциальных разговоров между Ж. Бонне и Я. З. Сурицем в то время не велось, что свидетельствует о формальном характере обращения Франции к СССР. Но в ответ на запрос французского правительства о позиции СССР в случае германского нападения на Чехословакию Москва заявила, что она намерена выполнить все свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии и что «военное ведомство СССР готово немедленно принять участие в совещании представителей французских и чехословацких военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом»⁴⁸. Выше говорилось о том, насколько французское

правительство было в тот момент не заинтересовано в том, чтобы задействовать франко-советскую ось безопасности.

В то время как Лондон не отказался от политики умиротворения вплоть до августа 1939 г., после 15 марта Франция осознала, что умиротворить Германию ценой новых политических соглашений типа мюнхенского вряд ли удастся. 1 апреля 1939 г. Ж. Бонне просил Я. З. Сурица запросить, какой будет позиция СССР, если Германия нападет на Польшу и Румынию. М. М. Литвинов в польском вопросе не доверял французскому министру: «Если англичане только ссылаются на антисоветскую позицию Польши, то Бонне, вероятно, эту позицию укрепляет, действуя заодно с Беком»⁴⁹. Действительно, внутреннее положение Бонне отличалось от положения Н. Чемберлена, он постоянно был под обстрелом коммунистической оппозиции — бывших союзников-соперников по Народному фронту, превратившихся в заклятых врагов. Коммунистическая угроза для него, так же как для Польши, имела не только международное, но и внутривластное измерение.

Через несколько дней Я. З. Суриц узнал, что на заседании французского кабинета 5 апреля Ж. Бонне, после согласований с Лондоном, предложил начать консультации с Москвой по трем направлениям:

- 1) реактивация франко-советского пакта и его пересмотр, поскольку в новых условиях им должны гарантироваться Польша и Румыния в случае нападения на них Германии и выполнения Францией ее союзнических обязательств в отношении этих стран;
- 2) заключение соглашения Великобритании, Франции, СССР и Польши о совместных мерах противодействия Германии;
- 3) заключение пакта взаимопомощи между Польшей, Румынией и СССР.

Система была основана на исторически проверенной стратегии «окружения» Германии. О невозможности противостоять Германии в отсутствие советско-польского соглашения еще 18 октября 1938 г. писал министру Ж. Бонне посол Франции в Москве, а потом в Берлине Р. Кулондр. Он задавался вопросом: «В случае, если проводимая ныне политика окажется неэффективной и если потерпят провал все попытки общеевропейского урегулирования, смогут ли Франция и Англия, вынужденные создавать оборонительную систему союзов для сдерживания германской агрессии, подтолкнуть Польшу к более правильному пониманию ее жизненных интересов и, во имя союза с западными державами и под страхом изоляции, которая оставит ее на милость Германии, заставить ее пойти на военный союз с Советами?»⁵⁰. В министерстве тогда этому предупреждению не вняли и не вели серьезных разговоров с Польшей в пользу военных польско-советских договоренностей вплоть до середины августа 1939 г.

7 апреля Ж. Бонне в разговоре с советским полпредом Я. З. Сурицем «в туманных выражениях» коснулся всех вышеперечисленных возможностей, но не сделал никаких официальных предложений. Докладывая о французских демаршах в Москву, Суриц предупреждал: «По-видимому, Бонне хочет, чтобы мы взяли на себя обязательство по отношению к Польше и Румынии и приняли на себя главный удар со стороны Германии»⁵¹. Только на следующий день французский министр попросил передать в Москву, что он считает желательным немедленное начало переговоров с СССР, чтобы выяснить меры в случае нападения Германии на Румынию и Польшу. Суриц прокомментировал: «Учитывая нежелание Польши присоединиться к общему пакту, Бонне предлагает, по-видимому, вариант № 1»⁵².

Консультации Ж. Бонне с советским полпредом происходили в те апрельские дни чрезвычайно интенсивно, но французской дипломатии не удалось преодолеть недоверие с советской стороны. 10 апреля, в дополнение к предложению от 8 апреля, Бонне прощупывал возможность заключения двусторонних пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Румынией, заявляя о готовности Франции «хоть сейчас» подписать декларацию трех держав — Франции, Великобритании и СССР.

11 апреля 1939 г. М. М. Литвинов из Москвы направил Я. З. Сурицу инструкцию: «Необходимо теперь быть особенно точными и скупыми на слова в переговорах о нашей позиции в связи с современными проблемами... После истории о совместной декларации в разговорах с нами англичан и французов не содержались даже намеки на какое-либо конкретное предложение о каком-либо соглашении с нами... Выясняется желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы наши интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств никакой выгоды для себя?»⁵³ (подчеркнуто красным в документе. — Е. О.).

Разногласие и взаимное недоверие

14 апреля последовал официальный демарш французской стороны. Ж. Бонне предложил СССР обменяться письмами следующего содержания: «В случае, если Франция, в результате помощи, которую она окажет Польше или Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, СССР окажет ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если СССР в результате помощи (подчеркнуто в документе — Е. О.), которую он окажет Польше и Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, Франция окажет СССР немедленную помощь и поддержку. Оба государства без промедления договорят-

ся об этой помощи и примут все меры для обеспечения ее полной эффективности»⁵⁴. Эти письма должны были стать дополнениями к франко-советскому пакту. 15 апреля английский посол У. Сидс запросил М. М. Литвинова, не пожелает ли СССР выступить с публичным заявлением о готовности оказать помощь любому из своих европейских соседей, просившему его об этой помощи⁵⁵. Ж. Пайяр (новый посол Франции в Москве) заявил В. П. Потемкину (замнаркома, курирующему отношения с Западом), что французское правительство присоединяется к этому демаршу, но не снимает собственных предложений.

Передавая французские предложения в Москву, Я. З. Суриц осторожно и не без оговорок высказался в пользу положительного ответа. Он констатировал изменение отношения французской печати и правительства к СССР: «Исчезли нападки в печати, ни следа от прежнего высокомерия в разговорах с нами. Говорят с нами скорее языком просителей, ... как люди, в нас, а не мы в них, нуждающиеся. Мне кажется, что это уже не только „маневры“, ... а сознание..., что война нависла. Мне кажется, что такого взгляда держится сейчас Даладьё. *Даладьё (по сообщению наших друзей) искренне сейчас добивается сотрудничества с СССР*»⁵⁶ (курсив мой. — Е. О.).

Однако недоверие к маневрам «классового врага» не покидало советского полпреда, и он предупредил: «Эта дипломатическая игра оставляет достаточно места для того, чтобы взвалить и на нас вину за „провал комбинации“. В такую ловушку мы можем попасть, если ответим немотивированным отказом и на последнее предложение французов. Но, с другой стороны, само предложение представляется мне крайне опасным. Ведь речь по существу идет о том, чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимной гарантии. *У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл* (курсив мой; по-видимому, речь идет о Польше и Румынии. — Е. О.). Мне, поэтому, кажется, что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий»⁵⁷.

Перед отправкой своих предложений Я. З. Сурицу Ж. Бонне поручил французскому военному атташе О. Паласу связаться с Наркоматом обороны. 13 апреля Палас просился на прием к К. Е. Ворошилову, чтобы поставить перед ним конкретные вопросы, относящиеся к возможностям сотрудничества французского и советского генштабов в случае военного конфликта с Германией, но Ворошилов его не принял, посоветовав обратиться в НКВД.

Наркомы ждали политического решения И. В. Сталина, и с его согласия 17 апреля последовало советское контрпредложение о заключении трехстороннего советско-англо-французского пакта на 5–10 лет о взаимных обязательствах оказывать друг другу «немедленную всяческую помощь,

включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств» (п. 1). Пункт 2 предусматривал оказание помощи государствам, расположенным на границе СССР от Балтийского до Черного морей. Согласно пункту 3, формы, размеры и методы помощи должны быть предусмотрены в военной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с политическим соглашением. Опасаясь сепаратных соглашений между западными демократиями и Германией, советская сторона включила пункт 6, согласно которому «Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»⁵⁸. Предполагалось, что пакт должен быть дополнен особым совместным соглашением о взаимной помощи с Турцией.

Отсылая эти предложения в Париж, М. М. Литвинов дал полпреду СССР во Франции Я. З. Сурицу указания, свидетельствующие о глубоком недоверии к руководителям французской внешней политики, особенно к Ж. Бонне. «Имея дело с Бонне, приходится принимать всякие меры предосторожности», поэтому желательно было передать точную версию непосредственно Э. Даладьё. При этом нарком не хотел «создавать впечатление нашей заинтересованности в принятии нашего предложения»⁵⁹. В свою очередь, Суриц высказал соображение, которое позволяет усомниться в том, что он вообще всерьез принимал начавшиеся переговоры: «Учитывая, что советский проект имеет мало шансов быть принятым Чемберленом и Бонне», он расценивает «его больше как очень *интересно задуманный тактический шаг*»⁶⁰ (курсив мой. — Е. О.). Означало ли это, что уже тогда рассматривалась возможность соглашения с Германией? В переписке наркомата с советским полпредом в Париже нет на этот счет никаких намеков.

Англо-франко-советские политические переговоры были осложнены тем обстоятельством, что их участники не собирались за одним столом — это следовало из специфики отношений между англо-французской парой, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Это был обмен предложениями через послов, паузы, заполненные долгим ожиданием ответа, согласованием англо-французских позиций. Каждая сторона принимала решения, исходя не только из международных, но и внутривнутриполитических интересов. Ответа на первое советское контрпредложение от 17 апреля пришлось ждать из Парижа — 8 дней, до 25 апреля, а из Лондона — 21 день, до 8 мая.

Важно также, что переговоры по соглашению проходили в обстановке крайнего взаимного недоверия и взаимных подозрений, отнюдь не беспочвенных, в стремлении договориться с А. Гитлером. В этом, думается, заключена главная причина их

провала. Предполагаемый пакт был вынужденным, продиктованным неотвратимой угрозой столкновения с Германией, и кардинальным образом расходился с политическими и личными предпочтениями Ж. Бонне и Э. Даладьё, которых в Москве называли «мюнхенцами». В Москве также понимали, что обращение к СССР было резким поворотом в их дипломатии, и не считали этот поворот окончательным. СССР испытывал сильное недоверие и неприязнь к «мюнхенцам», подозревая их в желании столкнуть его с Германией. Советский полпред считал главу французской дипломатии Бонне «главным соглашателем с Гитлером и Муссолини»⁶¹. Он отмечал, что после событий 15 марта (захвата Гитлером Праги) Бонне следует «за Чемберленом, который стремится построить барьер против дальнейшего продвижения германской агрессии и готов эту плотину строить даже совместно с СССР». Но французский министр иностранных дел «по примеру прошлогодних сентябрьских дней старается на первый план выпятить все трудности проекта, позиции Польши, колебаний Румынии и т. д. Можно ли хотя бы на один момент усомниться, что он в глубине души мечтает о скорейшем срыве всей этой английской затеи, перечеркивающей все, что он делал и над чем трудился в течение своего министерского стажа. Возможно, что Даладьё смотрит на все это иначе, но лишь до первого кивка со стороны Берлина и особенно Рима»⁶².

В ожидании ответа из Парижа и Лондона, 23 апреля 1939 г. М. М. Литвинов размышлял о причинах задержки: «Возможно, опять выжидают очередную речь Гитлера 28 апреля, — авось, опять запахнет миром и можно будет вернуться на мюнхенские позиции. Такой рецидив у Чемберлена и Бонне отнюдь не считаю исключенным»⁶³. Я. З. Суриц настолько не доверял Бонне, что опасался высказаться в пользу действительного соглашения с Францией. «Сейчас... дело похоже на то, что весь шум и вся канитель, поднятые вокруг „сотрудничества“ с нами, окончится обычным блефом... Бонне и Чемберлен, которые никогда всерьез этого „сотрудничества“ не желали, будут стараться возложить всю ответственность за провал на нас. Это для них может быть облегчено туманом и тайной, которыми окружены переговоры». Суриц жаловался, что в ответ на расспросы о переговорах ему «приходится вовсю юлить». «Я твердо уверен, — добавляет он, — что пока гром по-настоящему не грянет, здесь в Париже никакой „твердости“ не дожидаться»⁶⁴. Не стоит также забывать, что ожидание ответа из Парижа и Лондона, так же как весь период лета 1939 г., были осложнены серьезными и даже драматическими изменениями в наркомате иностранных дел. 3 мая М. М. Литвинова сменил В. М. Молотов, и подобная смена была чревата не только обновлением внешнеполитического курса, но и жестоким отстранением людей Литвинова. Неверный или расходящийся с новой

линией руководства дипломатический прогноз для полпреда мог обернуться трагически.

Несмотря на то, что в то время Франция была самым серьезным образом заинтересована в действенном договоре с СССР и французская позиция по существу отличалась от британской, в Москве этого по-прежнему не замечали или не хотели замечать. В противном случае советская дипломатия могла бы попробовать договориться, в первую очередь, с Парижем, что было бы вполне естественным благодаря существованию советско-французского пакта 1935 г.

11 мая 1939 г. в прямой связи с полученными ответами Франции и Великобритании на советские контрпредложения 17 апреля, в «Известиях» была опубликована статья «К международному положению», в которой намеренно была допущена неточность. Посол Франции Ж. Пайяр попросил В. М. Молотова, сменившего М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел, разъяснений по поводу содержащейся в статье фразы: «Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей... и т. д.». Молотов ответил, что эта фраза является «формально неточной». «У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос, эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование»⁶⁵. Эффективность означала дополнение политического соглашения военным.

Медлительность британского МИДа косвенно свидетельствует о том, что французская сторона гораздо больше была заинтересована в успехе переговоров. Ж. Пайяр настаивал перед В. М. Молотовым, чтобы СССР не рассматривал позиции Лондона и Парижа, хотя они и согласованы, как единую англо-французскую позицию. Французские предложения «идут гораздо дальше британских». В речи перед Национальным собранием 27 июня Э. Даладьё призвал закончить «чрезмерно затянувшиеся переговоры и добиться соглашения с народами, решившими сопротивляться агрессии»⁶⁶.

1 июля Ж. Бонне подтвердил через германского посла в Париже Г. фон Вильчека, что Франция выполнит обязательства, данные Польше 31 марта 1939 г. Продолжая строительство системы гарантий, Франция заключила соглашение с Турцией, уступив ей территорию нынешнего иля Хатай с центром в городе Александретта (тур. Искендерун), которую Турция оспаривала у Сирии. «Военная гарантия Румынии и Греции была бы пустым звуком без франко-турецкого и англо-турецкого соглашений», — писала газета «République»⁶⁷. То, что Турция — краеугольный камень восточно-средиземноморского равновесия — пошла на соглашение с западными демократиями, по мнению французской прессы, было залогом возможного соглашения с СССР. Статья одного из наиболее влиятельных правых журналистов-«антимюнхен-

цев» А. де Кериллиса (H. de Kerillis) демонстрирует новую расстановку сил в предвоенной Франции: для тех, кто видел главную угрозу Франции в гитлеризме, очевидна была необходимость союза с СССР, как и опасность союза СССР с Германией. «Разве могла Турция, — пишет А. де Кериллис, — находясь в течение 15 лет в тесном союзе с СССР, вступить в лагерь западных стран на другой день после проезда В. П. Потемкина через Анкару, если бы советский министр наложил свое вето или сделал хотя бы одно формальное возражение? Можно думать, что если Турция вступит в союз с западными демократиями, то и СССР вступит»⁶⁸. За месяц до того, в связи с назначением нового наркома, когда встал вопрос о продолжении курса М. М. Литвинова, тот же Кериллис предупреждал: «В течение последних пяти лет в СССР преобладала прозападная партия. Этим объясняется, что Тухачевский и генералы, которые выступали за соглашение с Германией, расстреляны. Этим объясняется подписание франко-советского пакта взаимопомощи, вступление СССР в Лигу наций, которую он когда-то называл „публичным домом буржуазных государств“. Но если, к несчастью, в СССР победит прогерманская партия, — тогда конец Европе»⁶⁹. Радикал П. Кот выступил в пользу союза с СССР. Он напомнил, что без русской помощи Франция не смогла бы выиграть войну 1914 г. «Мы, французы, никогда не будем достаточно многочисленны, чтобы создать плотину мира. Без русских восстановление фронта на Марне в 1914 г. было бы невозможно»⁷⁰, — вторил ему Э. Бюре в «Ордр».

Это была логика разрыва с Мюнхеном. К этой логике склонялись и Э. Даладьё с Ж. Бонне. Но Франция надеялась, что и СССР отойдет от логики Рапалло. Драматическим образом именно тогда, когда во французском общественном мнении произошел поворот от Мюнхена к союзу с СССР (Россией), в СССР победила жесткая прагматическая линия, выразителем которой был В. М. Молотов. Последующие события показали, что, в отличие от М. М. Литвинова, он допускал возможность договориться как с западными демократиями (при условии, что этот договор предоставит действительные гарантии безопасности СССР), так и с Германией.

Ключевым звеном в строящейся системе гарантий оставалась Польша, которая, как заключил В. М. Молотов из разговора с польским послом в Москве В. Гжибовским, «не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласиём на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее»⁷¹ (курсив мой. — Е. О.). И в Париже заинтересованно следили за развитием советско-польских отношений. Надежду вселяла поездка замнаркома В. П. Потемкина в Варшаву и его переговоры с Ю. Беком. Ж. Тувенен расценил улучшение советско-польских отношений как знак, «что может быть найдена практическая база для соглашения»⁷². В этой связи Поль Бонкур

(«Пари Суар», 11.05.1939) отмечал: «Франко-советско-польский пакт, связанный с франко-чехословацко-советским пактом и соглашением с Румынией..., могли бы гарантировать навсегда Польшу и мир. Необходимо Польше понять, что ее сопротивление гитлеровским предприятиям нельзя себе представить, каковыми бы ни были ее сила и храбрость, без соглашения с Россией, без помощи России»⁷³. Однако французская дипломатия на том этапе полагалась в этом вопросе на добрую волю советской и польской дипломатий и не стремилась оказывать давление на Польшу.

Советский Союз был не удовлетворен тем, что ему предложено дать односторонние гарантии Польше и Румынии без взаимных обязательств оказать ему помощь, если он будет вовлечен в войну. Кроме того, первостепенной угрозой для себя он считал возможное нападение Германии не через Польшу, которая уже гарантирована Великобританией и Францией и готова обороняться, а через прибалтийские государства. К тому же, в Москве добивались одновременного заключения политического и военного соглашения. Последнее могло придать эффективность трехстороннему пакту.

Париж в поисках компромисса

Начался второй раунд переговоров, и М. М. Литвинов, получив от Ж. Бонне новые французские предложения, сообщил И. В. Сталину 28 апреля 1939 г.: «1) Видоизмененное предложение Бонне звучит почти издевательски. Мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией, и они будут получать нашу помощь. 2) Есть разница положительного характера: в первоначальном предложении говорилось лишь о Польше и Румынии, в новом — о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в статус кво Центральной и Восточной Европы. К Восточной Европе должны быть причислены и Балтийские страны, если Бонне мысленно их не исключил». Далее Литвинов советовал выждать, пока очередная речь А. Гитлера «укрепит нашу позицию». Нарком дал Я. З. Сурицу распоряжение «не обращаться ни к Бонне, ни к Даладьё за какими-либо уточнениями, чтобы не создать у них впечатления о нашей готовности отнестись серьезно к французским предложениям»⁷⁴ (курсив мой. — Е. О.).

В конце мая англо-французская сторона пошла на уступки, согласившись с двусторонним характером обязательств и с расширением содержания переговоров. В ответе Москвы, переданном 2 июня, отклонен пункт, предусматривающий, в случае агрессии, обращение к процедурам Лиги наций. СССР настаивал на внесении в проект соглашения обязательства, исключающего возможность сепаратного мира или перемирия, и предложил определить срок действия договора на пять лет с предупреждением за полгода

относительно его возобновления. Это предложение вызвало серьезные возражения в Лондоне, но было принято Парижем (в проекте от 8 июля)⁷⁵.

Возникают расхождения в определении круга гарантируемых стран. Англо-французская сторона указывала в качестве таковых Польшу, Румынию, Грецию, Турцию и Бельгию, а также страны, которым они готовы оказать помощь, если те о ней попросят: Нидерланды, Швейцарию и все прибалтийские государства. СССР не был заинтересован в гарантиях странам, обеспечивающим только безопасность границ Франции. Требование СССР (02.06.1939) включить в список гарантируемых Латвию, Эстонию и Финляндию было на тот момент отклонено Лондоном. Зато Э. Даладь в статье о положении лимитрофов в случае германо-польского конфликта, опубликованной в «Эпоке», выступил в защиту советской позиции: «Германия желает нейтрализовать прибалтийские страны, имея целью конфликт с Польшей... Надо напомнить им, как Германия денонсировала свой пакт 1934 г. с Польшей, когда это показалось ей удобным... Лучшей гарантией независимости прибалтийских стран было бы их вступление в коллективные действия с Польшей и СССР, которые опираются на Англию и Францию. Но они как будто еще не готовы вступить на этот путь»⁷⁶.

В англо-французском проекте от 1 июля 1939 г. дано согласие не прибегать к длительным процедурам Лиги наций и дать гарантии Финляндии, Латвии и Эстонии, но в качестве гарантируемых стран фигурируют нейтральные Швейцария, Люксембург и Нидерланды. Французский МИД предложил не публиковать этот список, а дать его в приложении. Отсутствовал в новом предложении и важный для СССР пункт о невозможности сепаратного мира. В ответ Москва настаивала на исключении гарантий со стороны СССР нейтральным странам и на внесении в текст соглашения условия оказания помощи в случае не только прямой, но и косвенной агрессии⁷⁷. В. М. Молотов считал, что тем самым обходится важнейший для Советского Союза вопрос о гарантиях северо-западных границ. Кроме того, Москва так и не получила согласия на начало переговоров по военному соглашению в дополнение к политическому договору. Молотов заявил, что это «сводит весь проект к простой декларации»⁷⁸. Свое суждение он повторил после получения франко-британских предложений от 16 июля, несмотря на готовность Парижа и Лондона внести в договор определение косвенной агрессии. По мнению Кремля, все уступки западных демократий недействительны, пока они не конкретизированы в военном соглашении⁷⁹.

Несмотря на серию уступок советским требованиям, переговоры по тройственному пакту обнаруживали ответное недоверие с англо-французской стороны. В советском требовании внести в текст определение «косвенной агрессии» во второй версии (предусматривающей выполнение обязательств,

если сила или угроза силой приведет к власти в гарантируемых странах прогерманские правительства) западные державы усматривали опасные черты «политики à la russe», царистской или большевистской, т. е. стремление к экспансии на пространстве бывшей Российской империи⁸⁰. Ж. Бонне в беседе с Я. З. Сурицем (6 июля 1939 г.) заявил, что формулировка, внесенная советской стороной, означает вмешательство во внутренние дела этих стран⁸¹. Западные демократии с полным пониманием относились к чувствам прибалтов, поляков и румын, которые боялись восточного соседа.

Только сообщение НКВТ СССР о возобновлении переговоров о торговле и кредитах с Германией (22 июля) повлекло за собой согласие Парижа и Лондона (27 июля) на военные переговоры в Москве. Посол Франции в Москве П. Наджиар предупредил Ж. Бонне в начале августа, что неудача переговоров по тройственному пакту может привести к соглашению между Берлином и Москвой, а это «было бы сигналом к смерти для балтийских государств»⁸². Затягивание франко-англо-советских политических переговоров, по мнению французского поверенного в делах в Берлине де Сент-Ардуэна, могло «подать фюреру идею молниеносного броска для уничтожения польской армии, чтобы поставить англо-французских союзников перед свершившимся фактом. И опасность эта существует, пока не будет разрешена русская загадка» (пока не ясна позиция России)⁸³.

В августе многие во Франции чувствовали неотвратимость войны из-за Данцига и Польши. Ж. Бонне считал очевидным, что «в недели после 15 августа следует ожидать решающих событий»⁸⁴. Советское требование дополнить политическое соглашение по англо-франко-советскому пакту военной конвенцией не встретило возражений, тем более что оно повторяло схему соглашения с Турцией. Однако между британским и французским МИДами не было единства в отношении к этим переговорам.

Решающая стадия

Французская сторона усматривала в настойчивом желании СССР дополнить обсуждавшееся политическое соглашение военным признаком серьезности намерений дать гарантии Польше. Французской делегации на московских переговорах дано указание Ж. Бонне «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»⁸⁵.

Лондон по-прежнему возлагал надежды на умиротворение Германии, вел интенсивные переговоры с Германией, предлагая ей посредничество по Данцигу. Британской делегации, медленно плывущей в СССР вместе с французами (якобы для того, чтобы не подвергать опасности перелета группу высокопоставленных военных), было дано указание затягивать переговоры. Глава британской миссии ознакомил французского посла П. Наджиара с инструкциями Н. Чемберлена. Французский дипломат

был шокирован их содержанием. Он, так же как глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк, считал, что «во-первых, эти инструкции противоречат договоренностям между тремя правительствами, согласно которым военные переговоры продолжатся одновременно с урегулированием оставшихся разногласий по политическому соглашению. Кроме того, *они страшно опасны*, если только британское правительство не хочет аннулировать столь важные результаты, уже достигнутые, и не желает втайне провала переговоров, публично заверяя о надеждах на их успешное завершение»⁸⁶ (курсив мой. — Е. О.). Это сообщение, адресованное министру Ж. Бонне, свидетельствует о принципиальных расхождениях в намерениях Парижа и Лондона относительно действительных перспектив англо-франко-советского пакта и московских переговоров. Видимо, весьма скромный состав участников англо-французской делегации и их неспешная поездка в Москву — дело рук британцев. Несмотря на отмеченную французскими представителями сердечность, проявленную московскими хозяевами переговоров, те не упускали случая напомнить о несоответствии скромного статуса участников переговоров с англо-французской стороны статусу советской делегации, состоящей из пяти первых лиц советской военной верхушки⁸⁷.

СССР, который сам со 2 августа практически начал секретные переговоры с Германией, постоянно боялся сепаратного соглашения Берлина с Парижем и Лондоном. Кроме того, он не хотел быть простым орудием в политике и стратегии западных держав. Равноправие — главное требование советской стороны на переговорах по тройственному пакту. Таким образом, с начала и до разрыва московских переговоров Франция оставалась стороной, наиболее заинтересованной в их успехе.

В глазах И. В. Сталина о серьезности военных намерений Франции и Великобритании и о действительности пакта должен был свидетельствовать ответ на вопрос, будут ли пропущены советские части для оказания военной помощи в случае начала агрессии через территории Польши и Румынии. Даже если сомневаться в искренности советской стороны, отношение к этому вопросу французской стороны представляется принципиально важным.

В письме П. Наджиара Л. Ноэлю (послу в Польше) от 24 августа 1939 г. содержится косвенное подтверждение, что в течение пяти месяцев трехсторонних переговоров французская сторона не вела на этот счет с Варшавой никаких политических консультаций. Наджиар считал, что еще до начала военных переговоров в Москве следовало бы добиться от Польши хотя бы молчаливого секретного согласия на проход советских войск под французские гарантии территориальной целостности Польши (7 августа)⁸⁸.

Вопрос о пропуске советских войск через Польшу, вызвавший приостановку московских переговоров с 17 по 21 августа, когда счет шел буквально на

часы, был адекватно оценен французской стороной. Париж настоятельно советовал Варшаве воспользоваться советско-польскими торговыми переговорами и дополнить их соглашением о военном сотрудничестве. Докладывая о разговоре с послом Польши в Москве В. Гжибовским 7 августа, П. Наджиар писал Ж. Бонне: «Желая успеха англо-франко-русским переговорам и опасаясь, как бы их провал не создал условий для создания Германией вместе с СССР союза, который был бы губительным для Польши так же, как для Франции и Англии, правительство в Варшаве, кажется, не отдает себе отчета в неотложной необходимости внести в текущие (польско-советские торговые) переговоры пункт о сотрудничестве, без которого военная помощь России, как бы она ни была четко определена на бумаге, останется недействительной»⁸⁹. Видимо, именно уверенность в бесполезности давления на Польшу в этом вопросе была главной причиной того, что это давление не осуществлялось французской дипломатией до критической даты.

Только между 15 и 20 августа, после заявления К. Е. Ворошилова о приостановке переговоров до получения ясного ответа из Варшавы о пропуске войск, французское правительство начало энергичное давление на польскую сторону⁹⁰. Для членов французской делегации настойчивость СССР в этом вопросе свидетельствовала о том, что «русские не собираются с балкона наблюдать, но по-настоящему вмешаться» в случае агрессии против Польши⁹¹.

Неудача миссии Мюсса

16 августа, когда переговоры были приостановлены К. Е. Ворошиловым, Ж. Бонне и Э. Даладьё послали в Варшаву генерала Мюсса (Musse), военного атташе в Польше, для переговоров с польским генштабом. Бонне писал послу Ноэлю: «Надо убедить Варшаву принять помощь русских»⁹². «Главное, чтобы они не заняли позицию, которая приведет к разрыву наших переговоров с русскими», — настаивал П. Наджиар в письме Бонне 17 августа, сообщая об отъезде в Варшаву капитана А. Боффа от Ж. Думенка с информацией о переговорах⁹³. Похоже, неуступчивость Польши вызывала досаду союзников, хотя они и принимали весомость психологических и политических причин отказа.

Одновременно происходила англо-германская встреча по Данцигу, и на этом фоне непримиримость Ю. Бека вызывала в Париже еще большее раздражение. 16 августа Ж. Бонне поручил Л. Ноэлю срочно информировать польское правительство о том значении, которое он придает разрешению вопроса о пропуске советских войск. Сам он не надеялся на успех этого демарша. У него сложилось впечатление, что посол Польши Лукашевич «не отдает себе отчета в опасности, которой вследствие этого непонимания подвергается его страна»⁹⁴. Вместе с тем, резкость К. Е. Ворошилова не оставляла сомнений

в том, что от Варшавы необходимо для возобновления переговоров добиться положительного ответа, «официального, чисто формального, или хотя бы молчаливого согласия» (*officielle, officieuse et même tacite*)⁹⁵. Польской стороне переданы конкретные советские предложения. При этом ее внимание обращено на то, что условия прохода советских войск строго ограничены выполнением *союзнических* обязательств, а территориальная целостность Польши при этом гарантирована Великобританией и Францией⁹⁶. Складывалась достаточно парадоксальная ситуация, когда два западных гаранта вынуждены были дать Польше гарантии против третьего гаранта — СССР.

Как и предполагал Ж. Бонне, миссия военного атташе Франции в Польше генерала Мюсса не удалась. В Варшаве царили совершенно иные настроения. Там не придавали московским переговорам решающей роли. И эти настроения передались генералу Мюссу. Еще 7 августа 1939 г. он писал в своем донесении: «Польша не изменит своей позиции, и если Гитлер поймет, что, атаковав Польшу, он развяжет всеобщую войну, он вовремя остановится. Что касается возможного влияния исхода московских переговоров на решения фюрера, то не надо его преувеличивать. Главное, чтобы Рейх не мог в своих расчетах представить себе, что СССР может встать на его сторону. Впрочем, кажется, эта возможность исключена»⁹⁷.

19 августа, после трехчасовых переговоров с генералом В. Сташевичем и по соглашению с Ю. Беком британский и французский военные атташе вынуждены были заявить Э. Даладьё, что их миссия закончилась неудачей: «Наша делегация в Москве может действовать, как если бы никакого вопроса перед поляками не было поставлено»⁹⁸.

Мюсс не разделял раздражения своих коллег, находившихся в Париже и в Москве. Он сочувствовал польской позиции и 20 августа назвал сопротивление поляков «непреодолимым, поскольку оно основано на священном принципе». В дипломатической лексике решение, принятое на переговорах в Варшаве относительно франко-английского демарша, звучало достаточно категорично: его следовало расценивать как «*non du*». Из Варшавы доложили: «Французская делегация свободно может контратаковать русских по поводу их преждевременных и нечетких требований. Поляки уверены, что это шантаж и что Советы физически не способны осуществлять предусмотренные наступательные действия»⁹⁹.

В результате, к назначенной К. Е. Ворошиловым дате возобновления переговоров в Москве — 21 августа — согласие из Варшавы не было получено, и, несмотря на отчаянные попытки спасти переговоры, в одиночку предпринимаемые генералом Ж. Думенком, Ворошилов заявил о незаинтересованности в их дальнейшем продолжении. Дело в том, что Думенк, прекрасно осведомленный о провале миссии Мюсса, пытался уверить Ворошилова в ее успехе. Генерал

сообщил наркому, что «получил от (своего) правительства разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией». Ворошилов просил ознакомить его с официальным документом, это подтверждающим, и интересовался, имеется ли аналогичный ответ у английской миссии.

Ж. Думенк был вынужден признать, что прямого ответа нет, но правительство дало ему право подписать военную конвенцию, в которой будет упомянуто разрешение на пропуск советских войск в предложенных советской стороной пунктах. К. Е. Ворошилов ответил, что ему недостаточно заявлений только Думенка: «Английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначущую роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответов английского правительства на наш вопрос... трудно будет продолжать работу совещания». Ворошилов выразил сомнение, что «положительный ответ из Парижа согласован с поляками. В противном случае, они захотели бы присоединиться к переговорам. Поскольку этого нет, значит, они не в курсе или не согласны». Нарком хотел, чтобы «эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать», и предлагал подождать, «пока все станет ясным».

Ж. Думенк настаивал на немедленном подписании военного соглашения, поскольку «уже объявлено, что кое-кто должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия». Это был намек на прибытие в Москву И. фон Риббентропа. К. Е. Ворошилов ответил, что «если ничего в политике не произойдет за это время, тогда мы быстро сможем договориться» (курсив мой. — Е. О.). Ворошилов не мог сказать определеннее, но он намекал на готовящееся соглашение с Риббентропом. Думенк же подумал, что тот имел в виду декларацию польского правительства¹⁰⁰.

Одновременно (22 августа) из Парижа Ж. Бонне предпринял последнюю попытку спасения переговоров. Через посла Л. Ноэля он настоятельно требовал «в связи с неотвратимым подписанием советско-германского пакта добиться от Польши хотя бы молчаливого согласия, которое позволило бы генералу Думенку действовать от имени Польши, имея в виду единственно возможность войны, в которой Россия могла бы прийти ей на помощь». «Даже если это не даст результата, это, тем не менее, позволит возложить на Россию ответственность, которую в противном случае Польша с ней разделит. Польша не может ни морально, ни политически отказаться от последнего шанса спасти мир»¹⁰¹.

23 августа от Ю. Бека пришло согласие с формулировкой, что «сотрудничество между Польшей и СССР (в случае агрессии против Польши со стороны Германии) не исключается»¹⁰². П. Наджиар назвал это «запоздалой и недостаточной уступкой, по-

скольку она не дает четкого представления о решении польского правительства». И 24 августа генерал Мюсс получил принципиальное согласие Ю. Бека на техническое сотрудничество с СССР в случае совместных действий против германской агрессии¹⁰³. В тот же день посол Франции в Москве Наджиар написал по этому поводу своему коллеге в Варшаве Л. Ноэлю: «Гитлер без колебаний решил на шаг, который Бек, опираясь на наши гарантии, отказался совершить... Он договорился с новой Россией как держава с державой, отбросив тем самым Польшу на ее место, такое незащищенное. Она распластана между германцами и русскими»¹⁰⁴.

Упущенные возможности и их трагические последствия вызывают не только сожаления, но и вопросы. Неадекватная оценка значения позиции СССР в августе 1939 г. имела свои причины. Одна из них — невысокое мнение о военных возможностях Красной Армии, ослабленной «исчезновением» в 1937–1939 гг. ее командной верхушки (об этом писали французские военные журналы в 1939 г.).

Но главная причина — во взаимном недоверии сопричастных строительству тройственного пакта сторон, в противоречивом и нечетком понимании главной угрозы и, следовательно, в запоздалом появлении политической воли к соглашению. В отличие от П. Наджиара, Ж. Бонне и Ю. Бек не верили, что И. В. Сталин может договориться с А. Гитлером вплоть до момента, когда советско-германский пакт стал очевидностью. В августе 1939 г. в Париже предпочитали думать, что угроза германской агрессии и даже сама агрессия против Польши могла толкнуть Кремль к скорейшему заключению компромисса с западными державами.

Только шок, вызванный сообщением о советско-германском пакте, увенчавшем тайные переговоры В. М. Молотова с И. фон Риббентропом, стал тем моментом истины, который показал ключевое значение компромисса между СССР и Польшей для системы гарантий. Но заключение пакта означало крах этой незавершенной и столь несовершенной системы.

1. DDF — Documents diplomatiques français. Série 1936–1939. Paris, 1975. Т. 12. Р. 275.

2. Ibid. Р. 277.

3. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 45.

4. Там же. Оп. 22. П. 172. Д. 865 (19 октября 1938).

5. DDF. Т. 11. № 241.

6. Ibid. № 242 (20.09.38).

7. Слова Э. Эррио приведены Я.З. Сурицем в письме к наркоминдел М. М. Литвинову 27.12.38 (АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 105).

8. Там же. Л. 103–108.

9. DDF. Т. 12. № 196. Р. 339 (20.10.38).

10. Ibidem.

11. *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Т. 3. Paris: Hachette, 1994. Р. 713.

12. DDF. Т. 11. № 461. Р. 887.

13. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 148 (07.07.1938).

14. 23 сентября в виду концентрации польских сил на границе Чехословакии и польского ультиматума, СССР предупредил Польшу, что советско-польский пакт будет разорван, если польские войска нападут на Чехословакию. При этом СССР больше не ссылался на статью 11 Лиги наций. Соглашение Чехословакии на польский ультиматум В. П. Потемкин «с горечью» назвал «новой капитуляцией».

15. DDF. Т. 12. № 20. Р. 39–40.

16. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 8.

17. Там же. П. 174. Д. 897. Л. 61 (05.03.1938): «Je persiste à croire que nous nous sommes arrangés de façon à avoir tous les inconvénients d'une alliance avec elle (la Russie — E. O.) sans aucun des avantages».

18. Там же. П. 176. Д. 912. Л. 20.

19. DDF. Т. 12. Р. 277–278 (18.10.1938).

20. Ibid. Р. 279.

21. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 114 (11.11.1938).

22. DDF. Т. 11, № 387.

23. Ibid. Т. 12. Р. 397.

24. Ibid. Т. 11. № 490. Entretien Corbin-Galifax sur la récente déclaration anglo-allemande, le 1er octobre 1938.

25. Ibid. Т. 12. № 29. Р. 50.

26. Ibid. Р. 52.

27. В марте 1938 г.

28. DDF. Т. 13. № 35. Р. 7 (5.12.1938).

29. Ibid. Т. 12. № 334. Р. 647. Справка Генерального секретариата МИД Франции 19 ноября 1938.

30. Ibid. № 30. P. 55.
31. Ibid. Т. 13. № 44 (06.12.1938).
32. Ibid. Т. 13. № 45.
33. Ibid. Т. 12. № 385. P. 752 (de Coulondre à Bonnet, 24.11.1938).
34. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865 (письмо Литвинова Сурицу 19.10.38).
35. DDF. Т. 12. № 385. P. 753.
36. 24 февраля 1939 г., после голосования в Национальном Собрании, Франция и Великобритания одновременно признают правительство Франко. Таким образом, Франция обеспечивает себе стабильность на испанской границе.
37. DDF. Т. 14. № 30 (03.02.1939).
38. Ibid. № 106 (13.02.1939).
39. Ibid. Т. 14. № 5.
40. Ibid. № 293, 303 (09.03, 11.03.1939).
41. Ibid. № 29 (письмо посла Кулондра министру Бонне 03.02.1939). Согласно приложению 1 Мюнхенского соглашения, «после урегулирования проблем польского и венгерского меньшинств Германия и Италия, со своей стороны, дадут гарантии Чехословакии» (см.: DDF. Т. 11. P. 715).
42. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 1. Л. 1.
43. DDF. Т. 14. № 276 (07.03.1939).
44. Ibid. № 152 (20.02.1939).
45. Ibid. № 345 (20.02.1939).
46. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 42.
47. DDF. Т. 17. № 427.
48. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 174. Д. 897. Л. 12.
49. Там же. П. 176. Д. 912. Л. 22.
50. DDF. Т. 12. № 164. P. 278.
51. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 6. Л. 10.
52. Там же. Л. 12. (Суриц — Литвинову 25.05.1939, справка о франко-советских переговорах).
53. Там же. Л. 17.
54. Там же. Д. 5 (справка о франко-советских переговорах по сообщениям Сурица).
55. Там же. Д. 4 (беседа Потемкина с Пайяром 16.04.39).
56. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 28 (Суриц — Литвинову 16.04.1939).
57. Там же. Л. 28–29.
58. Там же. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 4. Л. 28.
59. Там же. Д. 6. Л. 1.
60. Там же. Д. 5. Л. 7.
61. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 24 (Суриц — Литвинову 26.03.1939).
62. Там же.
63. Там же. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 6. Л. 3.
64. Там же. Д. 5. Л. 7.
65. Там же. Д. 8. Л. 17.
66. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 31. Д. 436. Л. 6.
67. La République. 24.06.1939.
68. L'Époque. 27.06.1939.
69. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 2: L'Époque. 08.05.39.
70. Там же. Д. 2: L'Évre. 11.05.39; L'Ordre. 12.05.39.
71. Там же. Д. 8. Л. 21 (11.05.39).
72. Там же. Д. 2: L'Intransigeant. 11.05.39.
73. Там же. Paris Soir. 11.05.39.
74. Там же. Д. 5. Л. 9.
75. Там же. Д. 8. Л. 3.
76. Там же. Д. 2: L'Époque. 09.05.1939.
77. Там же. Д. 8. Л. 16.
78. Там же. Л. 28.
79. Там же. Л. 33.
80. DDF. Т. 27. № 456.

81. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 57.
82. DDF. Т. 27. № 456.
83. Ibid. P. 629 (01.08.39).
84. Ibid. № 527. P. 869. 12.08.39.
85. Ibidem.
86. Ibid. № 529.
87. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. № 11, 12.
88. DDF. Т. 17. № 410.
89. Ibid. № 455.
90. *Renouvin P.* Op. cit. P. 744.
91. DDF. Т. 17. № 94 (Думенк — Даладьё).
92. Ibid. № 68.
93. Ibid. № 88.
94. Ibid. № 70.
95. Ibid. Т. 18. № 90. P. 122 (Наджиар — Бонне 17.08.39).
96. Ibid. № 93.
97. Ibid. Т. 17. № 512. P. 833.
98. Ibid. № 147.
99. Ibid. Т. 18. № 147. P. 189, 215.
100. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. № 12. Встреча Ворошилова с Думенком вечером 22.08.39.
101. DDF. Т. 18. № 235.
102. Ibid. № 301.
103. Ibid. № 396.
104. Ibid. № 410.

Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 — июне 1941 гг.: новая тактика или стратегический просчет?

А. В. Мальгин*

К 1939 г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений фактически завершила свое существование, пройдя через несколько сменявших друг друга этапов. Эти этапы не всегда были синхронны на двух основных политических театрах тогдашнего мира — «европейском» и «дальневосточном».

Очевидно, что период с 1918 по 1922 г. характеризовался становлением основных политико-правовых механизмов нового миропорядка, которые оказались излишне статичными и потребовали изменения в следующий период (1922–1931), который характеризовался тем, что ни один из участников мировой системы не был готов сломать вооруженным путем хрупкий status quo. Нарастание напряженности на Дальнем Востоке, условный отсчет которому может быть положен 1932 г., а также последовавший в 1933 г. приход нацистов к власти в Германии влекут за собой, соответственно, разрушение Вашингтонского порядка и нарастание нестабильности в Европе.

Это четко осознают в Советском Союзе. В отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. в разделе «Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны» И. В. Сталин приводит «перечень важнейших событий, положивших начало новой империалистической войне». Констатируется, что «в 1935 г. Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 г. Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 г. Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Цен-

тральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 г. Германия захватила Австрию, а осенью 1938 г. — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 г. Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань. Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения...»¹.

Последовательно осуществленные (при попустительстве западных демократий) гитлеровским режимом ремилитаризация Рейнской зоны, аншлюс Австрии и реализация Мюнхенского соглашения привели не просто к ревизии, а к настоящему слому установлений Версаля. Это способствовало, прежде всего, ослабеванию самих западных демократий, прежде всего континентальной Франции. Эти потери кратко суммировал советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме в Москву: «О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз». Даже вчерашние поклонники политики умиротворения «уже усвоили ряд непреложных и... неприятных истин, а именно, что:

1. Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 миллиона человек и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;
2. Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. км²;
3. получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;

* Артем Владимирович Мальгин — советник ректора МГИМО, к.полит. н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, член российско-польской Группы по сложным вопросам.

4. захватила в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе; и что одновременно Франция:
- а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе,
 - б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1 млн — 1,5 млн человек...
 - в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника»².

Вывод, содержащийся в последнем пункте, оказался ключевым. Именно он в значительной мере и составлял значительную долю советской мотивации к изменению внешнеполитического курса весной 1939 г.

Объективно к 1939 г. «дальневосточный очаг» будущей мировой войны затеняется бурным развитием событий в Европе, на которых концентрируется преимущественное внимание мировой и советской дипломатии. Именно в 1939 г. Советский Союз становится непосредственным участником интриги по окончательному слову старого порядка. Однако это участие мотивировалось не желанием разрушать, а стремлением не быть погребенным под неудачно падающими обломками Версаля. Эта задача могла быть решена, в частности, через незамедлительное создание максимально широкого и подконтрольного СССР лимитрофного «пояса безопасности». Где-то это получалось сделать относительно элегантно, как в случае с прибалтийскими государствами, а где-то пришлось идти на явный сговор с будущим врагом, как в Польше. В отдельных случаях соответствующие усилия наталкивались на совершенно иное понимание ситуации национальными правительствами, чьи страны попадали в «зону безопасности» СССР и одновременно в зону интересов западных демократий или государств «Оси» — как в случаях с Финляндией и Балканами. Особо ярким и наиболее успешным вариантом формирования «пояса безопасности» стала географическая «переадресация» агрессора на другое направление, как это произошло с Японией, которая, испытав мощь советского оружия в событиях на Хасане и Халхин-Голе, в последующие годы сосредоточилась на китайском, индокитайском и тихоокеанском театрах.

Период 1939–1941 гг. традиционно характеризуется как этап поиска европейскими государствами коалиций или сознательного дистанцирования от них. Другими словами, это было время поиска наиболее «удобных» сценариев включенности в разворачивающийся мировой конфликт. В том, что таковой случится, не сомневался никто; другое дело — с какими позициями та или иная страна в него войдет. Значительное количество, казалось бы, непоследи-

тельных шагов, разнонаправленных внешнеполитических акций в тот период было подчиненно именно этой цели — поиску.

Утрата старых политико-правовых основ международного поведения порождала невиданный цинизм всех участников международных отношений. Как говорил И. В. Сталин в цитированном выше докладе «Война создала новую ситуацию в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности»³. Парадоксально, что все это было порождено угрозой со стороны всего трех государств — Германии, Японии и Италии, — но национальный эгоизм других участников этих исторических событий не позволил эффективно воспрепятствовать реализации агрессивных планов⁴. И это при том, что даже сама тройка агрессоров не была монолитной. Так, Италия все свои реальные внешнеполитические задачи поставила и решила к середине 1939 г. Внутренний же характер итальянского режима оставлял широкие возможности воздействия на его внешнюю политику как со стороны Лондона и Парижа, так и со стороны Москвы. Другой участник оси — Япония — глубоко увязла в китайско-маньчжурских проблемах. Реально динамичным агрессором являлась только Германия, где жесткая национал-социалистическая идеология служила инструментом консолидации режима и общества, из которого к 1939 г. были вырваны все элементы серьезного противления гитлеризму.

Советская внешняя политика в этот период была подчинена двуединой логике — страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени непосредственное вовлечение в конфликт. В отличие от Великобритании и Франции, «умиротворивших» А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть разрушившими Версальские установления, СССР пошел на сговор с Гитлером в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация ничуть не менее циничных, по сравнению с поведением Лондона и Парижа, действий Москвы, объективно была более резонной, более серьезной. Официально задачи СССР в области внешней политики ставились следующим образом:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами мира (в т.ч. с Германией);
2. Соблюдать осторожность и не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...»⁵.

Это говорилось 10 марта 1939 г. Но уже к лету того же года Германия на деле была выведена за скобки, а неудовлетворенность поведением «миролюбивых» западных демократий отлита в обвинительную формулу о том, что «Англия и Франция... стоят за продолжение войны и против заключения мира»⁶.

Замена М. М. Литвинова на В. М. Молотова — символ перехода к другой внешнеполитической тактике, которая в итоге обернулась стратегической ошибкой. Предыдущая ставка на создание системы коллективной безопасности в Европе слишком долго не приносила ярких, видимых результатов, что и неудивительно, так как любое кропотливое дело не может сопровождаться перманентными и громкими триумфами. Более того, когда Мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж — Прага — Москва, — политическому руководству СССР не хватило выдержки продолжить и в новых усилиях формировать систему коллективной безопасности с опорой на западные демократии. Можно сказать, что И. В. Сталину не хватило выдержки (очень редкий, впрочем, как и роковой, для него случай!), он «запаниковал» и принял одновременно вынужденное, хотя, как казалось, тактически элегантно решение о сговоре с агрессором, которое впоследствии оказалось стратегической ошибкой. Вместе с тем стоит отметить, что был период (с марта по август 1939 г.) попыток совместить две линии игры — взаимодействие с Великобританией и Францией и наращивание взаимодействия с Германией. Но здесь определенную негативную роль сыграли и сами англо-французы, которые, не увидев в этой игре элемента шантажа, сбавили обороты в нахождении компромисса с Москвой. Сталин пошел на контакт с Берлином, тем более что контакты с гитлеровским режимом и даже сговоры с ним — это сценарий, который первыми опробовали западные демократии. Рассуждения о моральных соображениях сталинского руководства, впрочем, как и руководства любой другой европейской страны в тот период, неуместны — слишком малую роль играли эти соображения для самих лидеров той эпохи.

Ошибкой сталинского руководства было не только и не столько сближение с Германией, тактический характер и временную ограниченность которого в Москве прекрасно понимали (хотя и ошибались в сроках), сколько нежелание, в сочетании с неумением, наладить эффективное взаимодействие с британцами и французами в 1940 — начале 1941 г., сделать советский нейтралитет в начале войны более «позитивным» по отношению к Лондону и Парижу. А это было бы вполне уместно, когда СССР уже обеспечил себе пояс безопасности за счет западных украинских и белорусских земель, за счет Прибалтики и приграничных территорий Финляндии. Москва же продолжала играть в азартную игру с Берлином, смысл которой теперь, после важных территориальных приобретений, заключался в том, чтобы путем взаимных стратегических поставок лучше обеспечить себя для будущей войны друг против друга. Территориальный аспект во втором тайме этой игры развертывали с успехом для себя только Герма-

ния и милостиво «приглашенная» Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Югославия — вот приобретения «Оси». Второй тайм разворачивался на фоне германской подконтрольности скандинавских «нейтралов» и поверженных стран Западной Европы, где самая прискорбная доля была отведена Франции.

У Москвы же выбор потенциальных союзников оставался небогатым: Великобритания в связке с США или дальнейшая интрига со странами «Оси». Как представляется, со второй половины 1940 г. Советский Союз возвращается к «перевернутому» сценарию марта–августа 1939 г. С одной стороны, продолжается сотрудничество с Германией и даже обсуждаются выгодные параметры присоединения к Тройственному пакту. С другой стороны, Москва начинает восстанавливать контакты с Великобританией и присматриваться к США. Очевидно, что вся игра вокруг и с Тройственным пактом была построена на старой идее — получить выигрыш во времени и оттянуть войну. А может быть — даже предотвратить ее. Другое дело, что этот выигрыш, наверное, уже не казался И. В. Сталину столь очевидным, как в августе 1939 г., да и советский вариант сговора с агрессором становился все более сомнительным в целом. Слишком большие военные и экономические силы вращали дипломатическую машину Германии, при том что сохранялся ее идеологический стержень — расширение *Lebensraum*⁷ «арийских» народов. Любой здравый человек в советском руководстве понимал, что почти миллионные силы вермахта по периметру СССР явно избыточны для контроля над поверженными территориями и готовы к дальнейшему походу на восток.

Смена руководства

То, что привело В. М. Молотова на пост наркоминдел, кажется достаточно полно исследованным и аргументированным. Однако не только смена внешнеполитического сценария, отказ от коллективной безопасности и переход к сближению с Германией могут служить объяснением этого кадрового решения И. В. Сталина. Очевидно, что М. М. Литвинов был чуть менее психологически приемлем для Германии, но так же очевидно, что и он вполне мог быть исполнителем новой внешнеполитической линии. Более того, при этом Литвинов бы не забывал напоминать Сталину о существовании Великобритании, Франции, США, как это делали в 1940–1941 гг. полпреды его школы — И. М. Майский, К. А. Уманский и в несколько меньше степени Я. З. Суриц.

Дополнительным объяснением смены руководства НКВД могут быть внутренние аппаратные мотивы. Положение В. М. Молотова в органах высшей государственной власти к 1939 г. оказалось странным. Он был номинальным руководителем правительства, а реальным предсовнаркома являлся И. В. Сталин. В то же время вполне равновесные Молотову по авторитету и влиянию на вождя деятели руководили

отдельными сферами экономики: Л. М. Каганович, возглавляя НКПС, фактически контролировал весь транспорт и тяжелую промышленность; А. И. Микоян руководил не только НКВТ, он также курировал внутреннюю торговлю, пищевую промышленность и, отчасти, сельское хозяйство; К. Е. Ворошилов и другие выжившие после репрессий маршалы (С. К. Тимошенко, С. М. Буденный) контролировали сферу обороны; вопросы госбезопасности находились в руках сверхэффективного Л. П. Берия; на идеологическом и организационном направлениях партийной работы сосредоточились Г. М. Маленков и А. А. Жданов. При этом во все усложнявшемся экономическом блоке возникали новые импонирующие Сталину фигуры — И. В. Тевосян, Н. А. Вознесенский, М. Г. Первухин, Б. Л. Ванников, Д. Ф. Устинов. Разумеется, Молотов понимал, что, оставаясь на высшем посту без реальных функциональных полномочий, он может превратиться в своего рода второго М. И. Калинина. Возглавив НКВД, он нашел для себя жизненно важную функциональную нишу⁸. Известно, что одним из последних поводов к снятию М. М. Литвинова оказалась поставленная ему в вину обнародованная беседа И. М. Майского с министром иностранных дел Финляндии, имевшая место во время транзитной остановки советского полпреда в Хельсинки. Разбор данного случая состоялся у Сталина 21 апреля 1939 г. Воспоминания И. М. Майского об этом заседании дают дополнительный штрих к характеристике роли Молотова в снятии Литвинова: «Обстановка на заседании была накалена до предела. Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно насакивал на Литвинова, обвинял его во всех смертных грехах»⁹.

Все это закончилось тем, что 3 мая 1939 г. наркомом иностранных дел был назначен В. М. Молотов. Показателен состав «комиссии», с которой новый нарком прибыл принимать дела в НКВД — Л. П. Берия и Г. М. Маленков¹⁰. Некоторое время спустя к ним присоединился заместитель Берии по НКВД В. Г. Деканозов¹¹, который впоследствии был переведен на пост заместителя наркома иностранных дел. На «усиление» наркомата в феврале 1940 г. была брошена и такая одиозная личность, как бывший генеральный прокурор СССР и государственный обвинитель на «больших процессах» А. Я. Вышинский, ставший первым заместителем Молотова вместо известного дипломата В. П. Потемкина, переведенного на пост наркома просвещения РСФСР.

Вместе с тем, в этот период прослеживается и некоторая неуверенность И. В. Сталина в окончательно решении о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел. Это иллюстрируют факт и текст телеграммы Сталина руководящим сотрудникам НКВД: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым

и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве неояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП (б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹².

Обращает внимание, что эта телеграмма не была разослана в качестве циркулярной всем полпредствам, а доведена до сведения выборочно — полпредам в наиболее важных странах, причем, как правило, «литвиновской» школы, а также высшим руководителям центрального аппарата НКВД. Как представляется, И. В. Сталин сознательно выбирал формулировки этой телеграммы. Он не считает нужным называть содержательные претензии к М. М. Литвинову, а указывает на причины аппаратного характера, приведшие к его отставке, — что нехарактерно для общения политического руководства с подчиненными. Очевидно, что рассылка подобной телеграммы имела своей целью не только информирование конкретных дипломатов, но и формирование установки для комментирования данного кадрового решения в их беседах с зарубежными представителями. Не указывая на ставшую общим местом впоследствии формулировку относительно литвиновской увлеченности «англо-французским направлением» Сталин, с одной стороны, как можно предположить, стремился заранее публично не демонстрировать намечавшееся расширение контактов с Германией. С другой стороны, вина за происшедшее косвенно возлагалась и на В. М. Молотова, который не сработался со своим наркомом и оказался одной из сторон конфликта. То есть создавалась возможность в нужной ситуации «отыграть назад». При этом арбитром вновь явилось бы политбюро ЦК ВКП (б).

Сам же В. М. Молотов не был столь осторожным — он обставлял свое назначение более серьезными — не тактическими, а идеологическими — ошибками М. М. Литвинова. Как свидетельствует в своих воспоминаниях А. А. Рощин, бывший тогда заведующим третьим западным отделом, на собрании в НКВД в июле 1939 г. Молотов говорил следующее: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии ЦК ВКП (б) в наркомате. Неверно определять прежний НКВД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, пришедшим в НКВД»¹³. Часто звучит тезис, согласно которому, начиная с 1939 г. это — сталинская внешняя политика. Но это не совсем так. Внешняя политика, так же как и внутренняя, была сталинской, начиная с середины 1930-х гг. Другое дело,

что личные свойства Литвинова, а также широкие профессиональные горизонты позволяли ему делать достаточно гибкую тактику советской дипломатии в рамках общего внешнеполитического курса. Что же касается Молотова, то первый год его работы в НКВД совпадает с периодом чрезвычайной внешнеполитической напряженности, что в отсутствие внешнеполитического опыта не могло не сковывать его действий.

В. М. Молотов фактически выступает в роли творчески слабого транслятора указаний политического руководства вниз по инстанции и информации от полпредств к политическому руководству. Эта скованность выражается в том, что директивы полпредам становятся максимально сухими, слабовариативными, и сам Молотов в беседах с зарубежными представителями следовал заранее заготовленному и утвержденному сценарию. И это тем более странно, что его полномочия предсовнаркома теоретически давали больше свободы, чем было у М. М. Литвинова¹⁴. Как представляется, образ Молотова как «мистера „нет“» стал формироваться именно в этот период. Непосредственное вмешательство И. В. Сталина во внешнюю политику на фоне подобного поведения наркоминдел становится явно положительным фактором, вносящим элемент настоящего, а не отложенного во времени дипломатического диалога. Другими словами, согласившись на установление во главе НКВД более верного (в тактическом плане, так как вряд ли М. М. Литвинова можно заподозрить в нелояльности), а точнее — приближенного человека, Сталин был вынужден сам больше заниматься внешней политикой. Не стоит также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что обязанности по СНК и участие в Политбюро занимали у Молотова определенную часть времени, и он объективно должен был нормировать время, отводимое наркомату. В сочетании же со стремлением контролировать всё, не делегируя полномочий, это вело к реальному торможению работы НКВД. Такой стиль работы стал передаваться и вниз по наркоминдельской инстанции. Полпреды в своих сообщениях в центр все меньше предлагают инициативных шагов, полпредства начинают запрашивать у Москвы разрешения даже по рутинным вопросам. В концентрированном виде характерная безынициативность и стремление действовать по указанию начальства проявляются в действиях нового первого замнаркоминдел А. Я. Вышинского¹⁵, который самым главным документом в своем общении с сотрудниками НКВД сделал рассылку записей бесед, проведенных им.

В результате репрессий в НКВД сложилась катастрофическая кадровая ситуация¹⁶. По разным оценкам, в 1936–1940 гг. репрессиям подверглись приблизительно 2–2,5 тысячи сотрудников центрального аппарата и полпредств. Только в высшем звене были репрессированы: семь заместителей наркома, более 40 полпредов, сменилось практически

все руководство оперативных отделов и управлений¹⁷. Учитывая, что такое же катастрофическое положение было и во внешней разведке¹⁸, можно только удивляться, как столь скудный информационный и аналитический «паек» позволял осуществлять внешнюю политику.

Приход нового наркоминдел ознаменовался так называемым «молотовским набором» дипломатов. Впрочем, его характеристики никак не связаны с личностью самого В. М. Молотова. 1939 год — последний год предвоенных массовых репрессий в НКВД. Кадровые потери начинают восполняться, прежде всего, из партийно-комсомольского актива передовых отраслей промышленности. В отличие от первых послереволюционных наборов здесь была и своя специфика: у советской власти уже появился небольшой резерв молодых ученых, преподавателей. Ярким примером выходцев из этой среды стал А. А. Громыко пришедший в НКВД из АН СССР. 19 августа 1939 г. для ускоренной подготовки внешнеполитических кадров учреждается Высшая дипломатическая школа (ныне Дипломатическая академия). ВДШ была создана на базе ранее существовавшего Института подготовки дипломатических и консульских работников¹⁹. В ВДШ отбирались лица, имевшие, как правило, высшее образование. По мнению известного исследователя советской дипломатической службы О. П. Селянинова, ВДШ представляла собой «специализированную аспирантуру», так как «по ее окончании слушатель получал право защиты кандидатской диссертации по истории международных отношений, истории внешней политики и международному праву»²⁰.

При В. М. Молотове продолжают внутренние реформы НКВД. 21 июня 1939 г. принимается решение коллегии, направленное на упорядочение организации региональных отделов. Складывается следующая структура. 1-й Западный отдел — к его ведению отнесены Франция, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Швейцария. 2-й Западный отдел — Великобритания с доминионами и протекторатами. 3-й Западный отдел — Италия, Югославия, Албания. Отдел Центральной Европы — Германия, Чехословакия, Венгрия. Отдел Восточной Европы — Польша, Румыния. Отдел Прибалтийских стран — Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. Отдел Скандинавских стран — Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды. Отдел Америки — США, Центральная и Южная Америка. Ближневосточный отдел — Турция, Болгария, Греция, Аравия. Средневосточный отдел — Иран, Афганистан. 1-й Дальневосточный отдел — Китай. 2-й Дальневосточный отдел — Япония, Маньчжурия. 3-й Дальневосточный отдел — Синьцзян, МНР, ТНР²¹. Позднее, приказом по НКВД от 27 апреля 1940 г., Восточноевропейский отдел (Польша и Румыния) из структуры НКВД был исключен²². Приказом же от 29 ноября 1940 г. 1-й и 3-й Западные отделы были реорганизованы в единый

1-й Западный отдел²³. Преобразования на этом не завершились. Так со 2 января 1941 г. работа по Югославии была передана в Ближневосточный отдел, а приказом от 26 мая 1941 г. Ближневосточный отдел переименован в отдел Балканских стран, работа же по Турции и арабским странам передана в Средневосточный отдел²⁴.

Важным для функционирования системы НКВД стало создание в 1939 г. генерального секретариата, руководитель которого — генеральный секретарь НКВД — являлся по должности заместителем наркоминдел²⁵. При М. М. Литвинове были заложены первичные функции Генсекретариата, которые концентрировались в руках помощника наркома — главного секретаря НКВД Э. Гершельмана (репрессирован) и «помощников помощника»²⁶.

Важным шагом становится приведение практики внешних сношений СССР с мировой практикой. Так, в течение всего послереволюционного периода дипломатические представители СССР именовались полномочными представителями, при этом в их верительных грамотах указывался их класс в соответствии с Венским регламентом 1815 г. Между тем, становилось все более очевидным, что «учреждение поста полпреда вместо ранее существовавших в России... наименований глав дипломатических представительств не принесло каких-либо политических выгод. Наоборот, это порой использовалось некоторыми странами в целях дискриминации советских дипломатов, которых пытались ставить ниже дипломатических представителей других государств»²⁷. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. для советских дипломатических представителей было установлено три «ранга»²⁸. В Указе говорилось, что «в целях установления для дипломатических представителей СССР рангов, общепринятых в международных дипломатических отношениях, и приведения этих рангов в соответствие со значением и объемом возлагаемых на дипломатических представителей СССР полномочий, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: 1. Установить для дипломатических Представителей СССР, аккредитуемых при иностранных правительствах, ранги:

- а) Чрезвычайного и Полномочного Посла,
- б) Чрезвычайного и Полномочного Посланника,
- в) Поверенного в Делах».

Интересно отметить небольшую правовую неточность в Указе — аккредитация дипломатического представителя в качестве посла в иностранном государстве предполагает аккредитацию при главе государства. Это условие является необходимым при установлении дипломатических отношений на уровне посольств²⁹. В том же случае если дипломатические отношения устанавливаются на уровне миссий, возможна (но не обязательна в то время) аккредитация главы миссии при главе правительства. В этом случае главой миссии является посланник. Поверен-

ный в делах аккредитуется собственно при министре иностранных дел. Другой вопрос, что личные ранги могут и не соответствовать названию должности. Эта неточность, в какой-то степени, может служить иллюстрацией того факта, что в НКВД того времени реально не хватало многих специалистов. В противном случае подобная оплошность была бы замечена на стадии подготовки проекта Указа или его согласования с НКВД.

Несомненно, приведение советской дипломатической службы и практики внешних сношений в соответствие с международными стандартами было необходимо. Так, те же протокольные несоответствия мировой практике ставили проблемы содержательного характера. Государственным протоколом большинства государств в то время, как, впрочем, и сейчас, была предусмотрена практика обмена краткими речами посла, вручающего свои верительные грамоты, и главы государства, эти грамоты принимающего. Такая процедура помогает сторонам «сверить часы», представляет послу возможность декларировать направления и приоритеты будущей работы, оценить в какой-то степени работу своего предшественника. Принимающая сторона также может высказать свои ожидания, пожелания и озабоченности. Все это было нехарактерно для советской дипломатической практики. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин представал неким «глухонемым» главой государства. Очевидно, что это сказывалось на динамике дипотношений и вызывало недоумение, а наверное, и раздражение иностранных послов. Так, когда посол Вишистской Франции Г. Бержери при посещении В. М. Молотова пожаловался на подобную процедуру, наркоминдел отреагировал в своей холодно-выдержанной манере, что «...в СССР нет никаких ограничений по поводу заявлений при вручении верительных грамот. Если посол пожелает и если ему поручено, то он сможет сделать такое заявление»³⁰. Очевидно, что послу иностранного государства не могут запрещать подобные действия, другое дело, что дипломатический протокол веками разрабатывался именно с целью поощрения и содействия содержательной части дипломатии. В целом, можно констатировать, что к концу 1930-х годов в НКВД и советской дипломатической практике существовало значительное число пережитков первых послереволюционных лет, которые были или изначально неуместными или явно устарели по прошествии двух десятилетий.

Приход В. М. Молотова в какой-то степени повысил роль НКВД в системе органов власти Союза ССР. Это, прежде всего, связано с тем, что впервые после краткосрочного пребывания Л. Д. Троцкого на посту наркоминдел оказался представителем руководства коммунистической партии, более того, глава правительства. Так, Г. В. Чичерин никогда не входил в состав политбюро, а в ЦК избирался уже в конце

своей карьеры — в 1925 и 1927 гг. М. М. Литвинов членом ЦК стал в 1934 г.³¹, но, конечно же, не имел никаких шансов стать членом политбюро.

Стоит отметить и такой факт, что НКВД при В. М. Молотове уже не имел функционального и политического соперника в лице Коминтерна и его исполкома, что осложняло жизнь предыдущих наркомов. ИККИ оказался физически разгромлен в 1936–1939 гг., а поворот в сторону налаживания контактов с Берлином не оставлял Коминтерну самостоятельного места в советской внешней политике. В то же время в партийно-государственной системе СССР отсутствовала структура, функционально напоминающая Международный отдел ЦК хрущевско-брежневского периода, и у Молотова на внешнеполитическом поле не было конкурентов. Что же касается здоровой профессиональной конкуренции с разведсообществом, то таковая для ведомства иностранных дел не может рассматриваться как препятствие, являясь постоянным фактором.

В целом можно констатировать, что НКВД с приходом В. М. Молотова и далее, под его руководством, превращался во внешнеполитическое ведомство того типа, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих пятидесяти лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие и талантливые личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной³². Машиной, где в силу ее значительных масштабов функция играла большую роль, чем ее конкретный исполнитель³³. Речь не идет о пресловутых сталинских винтиках. Дело в другом. Начало «молотовского периода» в дипломатии совпадает с мировыми тенденциями развития дипломатической службы. Ведомства иностранных дел «де-аристократизируются» во всех странах Западной Европы, они растут численно, причем прежде всего за счет кадров центрального аппарата, куда с развитием средств коммуникации стекается все больше информации³⁴. Роль посольств и их автономность в такой ситуации начинает снижаться, что продолжается и сейчас. Воздушный транспорт делает более доступными визиты руководителей внешнеполитического ведомства непосредственно в интересующую страну. Расширяются прямые контакты по линии специализированных ведомств (в нашем случае это НКО, НКВД, НКВД/НКГБ), которые идут параллельно или независимо от посольских контактов и согласуются с центральным аппаратом НКВД. Для большинства стран Европы период новой дипломатии наступает после Второй мировой войны, когда довоенные устои оказываются сломанными мировой трагедией. В Советском Союзе этот процесс, как ни парадоксально, начинается с репрессий и прихода В. М. Молотова в НКВД, когда только отлаженная

машина внешнеполитического ведомства могла частично компенсировать людские потери³⁵. Другое дело, что сохранение старых кадров и их организация в соответствии с новыми задачами могли бы дать несравнимо большую эффективность внешней политики.

«Параллельными курсами»

Отсчет переговорам с западными демократиями, как правило, ведется с 23 марта 1939 г., когда в Москву прибыл британский министр Р. Хадсон, формально отвечавший за внешнюю торговлю Великобритании, но, тем не менее, с самого начала его визит большинством наблюдателей расценивался как политическая миссия. К сожалению, коммюнике по итогам визита оказалось неутешительным, а его лейтмотив — справедливым и для последующих месяцев переговоров. В коммюнике говорилось, что «обе стороны выяснили свои позиции; при этом вскрылся ряд существенных разногласий...». Вместе с тем подчеркивалось, что «личный контакт, установленный между полномочным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира»³⁶. В дальнейшем переговоры велись в трехстороннем формате — Великобритания — Франция — СССР, основываясь на постоянном контакте глав дипломатических представительств указанных стран (У. Сидс и П. Наджиар, соответственно) с НКВД СССР. Последнее было не самым удачным дипломатически решением. Продвижение столь важных консультаций требовало вмешательства в них более высокопоставленных лиц, но ни французское правительство, ни, тем более, правительство Чемберлена, где по-прежнему были сильны «мюнхенские настроения», на это не шло.

Вместе с тем, необходимость большей инициативы со стороны западных демократий в тот момент была очевидной многим. «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву Галифакса, чтоб он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?», — такой прямой вопрос был задан Н. Чемберлену во время дебатов в Палате общин 19 мая 1939 г. Ответ премьера был очень показательным: «Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение... Нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран»³⁷. На настойчивые попытки депутатов уточнить, какие правительства, премьер не ответил.

С приходом В. М. Молотова позиция СССР на переговорах ужесточается. Психологически и политически советское руководство готово идти на

переговоры с Германией, тем более что в конце мая 1939 г. Берлин делает инициативные шаги в этом направлении, а остаться верным линии на сотрудничество с Лондоном и Парижем Москву могут побудить только серьезные уступки со стороны британских и французских правящих кругов. Ситуация в Европе говорила о том, что агрессоры становятся все более наглыми и сплоченными — 7 апреля Муссолини вторгся в Албанию³⁸, а 22 мая в Берлине Германия и Италия подписали «Стальной пакт», которые еще более упрочил их союз. «Неагрессивные» же страны оставались по-прежнему разрозненными. К концу мая Великобритания, Франция и СССР вышли на согласованное признание немедленного и автоматического характера взаимопомощи в случае агрессии. Непреклонность советского требования трехстороннего обязывающего пакта была подчеркнута В. М. Молотовым 31 мая 1939 г. в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР. Вместе с тем в переговорах сохранялась ситуация «когда уступки западных стран все время делались слишком поздно», а Москва «выдвигала все новые оговорки и дополнительные условия»³⁹.

В ходе переговоров можно выделить две основные содержательные проблемы. Во-первых, перечень стран, подпадающих под трехсторонние гарантии и, во-вторых, вопрос о «косвенной агрессии»⁴⁰. Возникновение первой проблемы вполне логично — у каждой из сторон были свои предпочтения. СССР пытался внести в «гарантийный» список Латвию, Эстонию и Финляндию. Противником таких гарантий выступали, прежде всего, правительства самих этих государств, опасавшиеся, что СССР может прийти им на «помощь» (и очевидно, что в силу своей близости сделает это массивнее и быстрее, чем западные союзники), используя тот или иной предлог, связанный с германской угрозой. Как покажет время, они оказались правы в своих опасениях. Великобритания и Франция, руководствуясь в какой-то степени именно этими соображениями, также не соглашались на подобные гарантии и увязывали свое согласие с советскими гарантиями Нидерландам и Швейцарии. Резонная позиция советской стороны о невозможности нашей действенной помощи столь удаленным (и незначительным с точки зрения советских интересов) странам восторжествовала.

К концу июля 1939 г. стороны нашли консенсус по списку стран, которым предоставлялись гарантии, — Бельгия, Греция, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Финляндия, Эстония. Если эта трудная проблема была в принципе решаемая — стороны обсуждали достаточно жестко сформулированные, но вполне понятные и законные интересы, — то постановку советской стороной вопроса о «косвенной агрессии» можно рассматривать как завышенное (по крайней мере, на тот момент) требование, ставшее непреодолимым барьером на переговорах. В целом,

в западных политических кругах тяжелый ход переговоров объясняли тем, что «Москва лавирует между Берлином и Парижем и Лондоном»⁴¹, хотя и успокаивали себя: «Лучше потерять несколько недель, чем допустить неясность и недомолвку»⁴². Вопрос о «косвенной агрессии» оказался фактически подвешен, что, наверное, не случайно — к середине лета становилось все более ясно, что наиболее вероятным объектом агрессии, причем прямой, может оказаться Польша. Соответственно, усилия трех держав — не столько всех вместе, сколько каждой по отдельности и разнонаправлено — концентрируются на Варшаве и векторе Варшава — Берлин. В трехстороннем формате стороны решают перейти к технической стороне обеспечения гарантий и начинают переговоры по военным вопросам. Решение об этом было принято 23 июля, а собственно переговоры начались 12 августа. Очевидно, что на тот момент — с выбором восточного направления в политике А. Гитлера — военная угроза была более актуальной для СССР; отсюда и ответ. Великобритания и Франция, понимая, что военная угроза от них гораздо дальше, а политико-дипломатическая подготовка активных шагов Гитлера на западном направлении гораздо слабее, к военным переговорам отнеслись существенно менее ответственно. Советская военная миссия, представленная наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, начальником генерального штаба Б. М. Шапошниковым, командующими ВВС и ВМФ, не встретила на переговорах столь же высокопоставленных лиц с англо-французской стороны. Кроме того, «британская и французская делегации, — по оценке главы французской миссии генерала Ж. Думенка, — ехали в Москву с „пустыми руками“». Предположения о таком характере миссии англо-французов были у советского руководства заранее; не случайно, в инструкциях к переговорам, имевшихся у Ворошилова, говорилось о необходимости выяснения полномочий переговорщиков⁴³.

В ходе переговоров советская сторона ставила, но не могла получить ответа, на вопрос о том, как СССР может помочь в предотвращении агрессии, не имея возможности прохода по территории Польши и Румынии. Задавались и другие вопросы — по возможной позиции Бельгии, об участии в сухопутных операциях Великобритании. Все задаваемые вопросы подчеркивали многосторонний характер возможного решения проблемы мира. Их решение могло быть достигнуто в рамках последовательно проводимого сценария «коллективной безопасности». Пауза, взятая СССР в содействии такому сценарию, а потом фактическая и скомканная попытка его возродить в узком, трехстороннем формате, не способствовали предотвращению европейского конфликта. Возвращаясь собственно к переговорам, надо сказать, что повторяющаяся настойчивая постановка вопроса о «польском транзите» для советских войск и отсутствие ответа

со стороны западных держав привели к свертыванию миссии. Вместе с тем, это только одна и, скорее, технико-дипломатическая причина срыва переговоров. Вторая причина лежит более глубоко — на момент ведения переговоров ни Москва, ни Лондон, ни Париж не прекращали обдумывать (да и реализовывать) запасные сценарии сговора с агрессором. Форма сговора не так важна — «умиротворение» или «раздел сфер влияния». Важен принцип — Берлин для всех трех столиц оставался политическим контрагентом на европейской арене, неудобным, бесноватым, но все-таки контрагентом, партнером, а не изгоем, как того заслуживал нацистский режим, не скрывавший содержания своей идеологии. Для историков по-прежнему остается открытым вопрос: разве лидеры Европы не знали германской действительности? или они не хотели ее замечать? или не верили в серьезную опасность бесчеловечной идеологии?

Активизация советско-германских отношений начинается в мае 1939 г. — в Берлине восприняли смещение М. М. Литвинова, как сигнал к началу целенаправленных контактов с СССР. Посол Германии Ф. фон Шуленбург на своей встрече с В. М. Молотовым 20 мая зондирует почву, говоря о торговом соглашении, которое, несомненно, было нужно Берлину, но, наверное, большую важность для Германии имела общеполитическая позиция СССР в случае развертывания германской активности на восточном направлении. Объектом этой активности предполагалась Польша — еще в начале апреля 1939 г. германское руководство одобрило план операции «Вайс», в котором ставилась задача «добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, то есть ограничить войну исключительно польской территорией»⁴⁴. Германия была тогда еще слаба, чтобы втягиваться в конфликт, который мог спровоцировать Великобританию, Францию или СССР на противодействие агрессору. Таким образом, начиная переговоры, Германия имела цель, как минимум, обеспечить нейтралитет СССР. Позиция советского руководства удачно совпадает с германским настроением и даже освобождает Берлин от излишней дипломатической работы. Так, на предложение Шуленбурга о торговом соглашении Молотов заметил, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁴⁵.

Во второй половине июля 1939 г. Берлин, опасаясь успеха англо-франко-советских переговоров, форсирует политические контакты с Москвой. Советское руководство находилось в состоянии выбора между двумя возможными коалициями и поэтому, так же как от демократических стран, от Германии требовали детального изложения ее позиции по интересующим советскую сторону вопросам. К началу августа 1939 г. Берлин выразил принципиальное согласие достигнуть договоренности с СССР «по всем

проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря»⁴⁶. Москве фактически делалось предложение оговорить зоны влияния и интересов и, тем самым, обезопасить (другой вопрос надолго ли?) свои западные рубежи. Несмотря на заманчивость такого предложения, Москва не спешила, даже после того как 11 августа состоялось решение политбюро о начале официальных контактов с Берлином по всем указанным вопросам. Торопился Берлин, который опасался как успеха переговоров Москвы с Лондоном и Парижем, так и результативности не прекращавшихся контактов Варшавы с этими европейскими столицами, откуда польское правительство надеялось получить гарантии без участия СССР. Внешнеполитическое ведомство Германии постоянно подталкивало Москву. К середине августа окончательно определилась будущая правовая формула советско-германского взаимодействия — «пакт о ненападении». Параллельно с этим советское руководство акцентирует внимание на торгово-кредитном соглашении. Оно подписывается 19 августа 1939 г. в Берлине. Этому соглашению, как и вообще экономическим связям с Германией, уделялось повышенное внимание. Абсурдная логика данного документа предполагала создание механизма взаимной экономической подготовки СССР и Германии к войне друг против друга. Грубо говоря, вопрос стоял о том, сумеет ли СССР перекрыть поставками германского оборудования, технологий, кредитов ту пользу, которую получала Германия от нашего сырья, леса, золота и т.п. После подписания соглашения А. Гитлер посчитал себя вправе личной телеграммой поторопить И. В. Сталина заключить пакт о ненападении, отметив, что «напряжение между Германией и Польшей сделалось нетерпимым». В телеграмме он называл и дату приезда министра И. фон Риббентропа в Москву для подписания пакта — 23 августа (Москва несколькими днями ранее указывала на 26 или 27 число).

В ночь с 23 на 24 августа Договор о ненападении был подписан, его логической неотъемлемой частью стал секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР. В протоколе было четко зафиксировано, что «1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами. 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии Нарева, Вислы и Сана...». В третьем пункте СССР также подчеркнул свой интерес к Бессарабии. Вопрос же о судьбе Польского государства в целом стороны откладывали на потом, так как он «может

быть выяснен только в течение дальнейшего политического развития»⁴⁷.

Политические итоги подписания пакта о ненападении достаточно противоречивы. С одной стороны, СССР открыл для себя дорогу к территориальным приращениям, и не случайно советскую внешнюю политику именно с того момента на Западе начинают характеризовать как имперскую: «...Изумительный поступок Сталина с Германией является русским актом, возобновляющим традиционную русскую политику, но при звуках „Интернационала“»⁴⁸. С другой стороны, этим шагом СССР нанес урон созданию единого фронта отпора агрессорам. Другое дело, что не только Москва позволяла себе подобные поступки. Третья и главная ошибка заключается в том, что СССР слишком пунктуально следовал букве, а главное, духу договоренностей с нацистской Германией вплоть до июня 1941 г. и не пересмотрел свою позицию даже тогда, когда абсолютно очевидной стала подготовка нападения на СССР, когда положения договора принесли уже все свои выгоды и стали исподволь нарушаться Германией. Советское руководство проявило поразительную, наивную честность и пассивную обреченность в отношении будущего врага. Естественно, что подписание пакта делало бессмысленными военные консультации с британцами и французами в Москве. Правда, СССР больше подчеркивал именно обратную связь. В своем интервью К. Е. Ворошилов утверждал, что «СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим (курсив мой. — А. М.), того обстоятельства, что военные переговоры зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁴⁹. Замечание «между прочим» вносит нотку честности в высказывание маршала и демонстрирует, что были и другие мотивы для этого шага.

Реакция на пакт в столицах западных демократий была негативной. Вот как об этом писал в своем дневнике полпред СССР в Великобритании И. М. Майский, для которого события 23 августа тоже оказались неожиданными: «Вчера поздно ночью в Москве подписан пакт о ненападении между СССР и Германией... Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны. Надо подождать дальнейших сведений из Москвы. В городе смятение и негодование. Особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отходе от прошлого, в протягивании руки фашизму... Смущаться, однако, не приходится. Надо показать выдержку и спокойствие. Лейбористы перебесятся. „И это пройдет!“ Консерваторы держатся много спокойнее. Они никогда всерьез не верили ни в Лигу наций, ни в коллективную безопасность и сейчас гораздо проще воспринимают возврат Европы к политике „национального интереса“. Точно возвращаются домой из „дворца мира“⁵⁰ — высокого, торжествен-

ного, но страшно неудобного и непривычного для них здания»⁵¹.

Советское руководство прекрасно понимало, что заключение пакта с Германией может сильно дезориентировать противников А. Гитлера из левой и коммунистической части политического спектра, ухудшить имидж СССР в глазах общественности. В этом плане очень иллюстративным предстает решение, принятое на заседании секретариата исполкома Коминтерна 22 августа [т.е. накануне подписания пакта. — А. М.]. Очевидно, что оно принималось в плане пропагандистского обеспечения внешнеполитического шага СССР. Секретариат ИККИ постановил: «Рекомендовать партиям перейти в наступление против буржуазной и социал-демократической печати со следующей установкой:

- а) Эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам.
- б) СССР ведет независимую политику, исходя из интересов социализма и дела мира...
- в) СССР решительный противник агрессоров, дружеско-словацкого народа и Испанской республики, преданных Англией и Францией, защитник народов, борющихся за свою независимость, много месяцев уже добивается соглашения с Англией и Францией для совместных действий против агрессоров. Английское и французское правительства сознательно затягивали переговоры, старались использовать переговоры с СССР как средство, чтобы добиться компромисса с Германией за счет СССР. Под их влиянием Польша отклонила возможную эффективную помощь СССР. Люди Мюнхена — Чемберлен и Бонне, являются главным препятствием для заключения соглашения между Англией и Францией... и СССР...
- г) Своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР помогает соседним малым Прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира.
- д) Этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов и капитулянтов Второго Интернационала, стремящихся направить агрессию против страны социализма.
- е) СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу.
- ж) Наконец, переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР»⁵².

Мягко говоря, не все пункты соответствовали действительности, например о прибалтийских странах... Вместе с тем, пункт о разъединении агрессоров, наверное, совпал с ощущениями ситуации, которые

были у самих союзников Германии — Японии и Италии. Судя по дневнику временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова «23.VIII. ...Газеты буквально заполнены вопросом предстоящего подписания пакта о ненападении между СССР и Германией... Нужно отметить общую растерянность прессы... Пресса почти вся целиком обрушилась на МИД и правительство за то, что они благодаря своим бессмысленным и длительным обсуждениям мероприятий по европейским делам проморгали этот важный шаг... Следующий момент, на который следует указать, это отмечающийся всеми большой удар по японо-германским отношениям и, в частности, по антикоминтерновскому соглашению в той его части, которая направлена против СССР. Небезынтересно и то, что газеты, правда, в очень осторожной форме, но сразу же начали обсуждать возможность заключения такого же пакта между Японией и СССР». Напомним, что как раз 20 августа советские и монгольские войска перешли в решительное наступление у р. Халхин-Гол, 23 августа окружили 6-ю японскую армию, а к 28 августа завершили ее разгром.

Но вернемся к дневнику Н. И. Генералова: «25.VIII. В газетах прямо указывается на то, что проводившаяся до сих пор Японией внешняя политика потерпела крах... Для Японии сейчас не остается иного пути, как только изменить ее... Провал внешней политики и необходимость изменения таковой стараются объяснить не результатом провала японской авантюры в Китае, а „вероломством“ Германии, отказавшейся „от антикоминтерновских принципов“... В связи с этим... ставится вопрос: в каком направлении должна Япония вести свою будущую внешнюю политику... Здесь имеются лишь два пути, каждый из которых диаметрально противоположен другому... Первый путь состоит в том, чтобы изменить политику по отношению к СССР в сторону улучшения... Однако вряд ли Япония пойдет по этому пути... Вступление на него было бы равносильно признанию провала японской авантюры в Китае, от которой ни военщина, ни дворцовые круги пока не думают отказываться... Поэтому наиболее вероятным путем этой „новой“ внешней политики Японии будут попытки сближения ее с Англией... Однако нужно отметить, что этот второй путь содержит в себе не меньшие противоречия, которые не позволят Японии легко договориться с Англией и Америкой... Если Япония не откажется от своего намерения установить новый порядок в Азии, то при ее попытках сближения с Англией, Америкой и Францией последние предложат Японии восстановить довоенный порядок в Китае...»⁵³.

Такое воздействие на Японию пакта о ненападении также можно считать еще одним выигрышем, правда, стоит отметить, что и без пакта имело место значительное число факторов и обстоятельств (подробнее см. ниже), которые вели Москву и Токио к документу о взаимном нейтралитете. Пакт только

продемонстрировал Токио, что пафос «антикоминтерновского» союза не очень тревожит Германию. А поражение на Халхин-Голе заставило японцев глубже задуматься о собственных интересах.

Как ни парадоксально, но самая невнятная реакция на пакт была из Варшавы. Руководство Польши между строк официального текста договора при желании могло прочесть намерения, зафиксированные в секретном протоколе. По крайней мере, в других европейских столицах это сделали. Такая близорукость, по всей видимости, объясняется тем, что Польша находилась в плену, как минимум, трех, в принципе взаимоисключающих, но наличествовавших в Варшаве иллюзорных сценариев. Первый из них, укрепившийся в сознании польского руководства, восходил еще к 1934 г., когда был подписан польско-германский протокол о мирном разрешении споров, и основывался, на уверенности в том, что Польша скорее союзник Германии, чем ее противник. Тем более что от реализации агрессивных германских планов Польша получала и свои «крохи» в виде передачи чехословацкой Тешинской области. Упрямых сторонников этого сценария в период мая–августа 1939 г. становилось все меньше и меньше, но они были.

Второй иллюзорный сценарий, который, впрочем, при более благоприятных обстоятельствах имел шанс стать реальным, предусматривал помощь западных демократий Польше. 25 августа 1939 г. был подписан польско-британский военный союз, но он отсрочил войну только на 5 дней, с предполагавшегося 26 августа до 1 сентября. А. Гитлер понимал, что если ему без дипломатического боя (не говоря уже о военных действиях!) сдали Чехословакию, то и за Польшу Запад не станет драться. А без участия в такой военной кампании СССР и Франции для Лондона она становилась просто нереальной. Обладая достаточно детализированной информацией, А. Гитлер понимал, что «английский и французский генеральные штабы оценивают перспективу вооруженного конфликта очень трезво»⁵⁴ и втягиваться в него в ситуации сложившейся на середину августа 1939 г. не собираются.

Третий миф в Польше был связан с Советским Союзом, который, как считалось, чтобы встретить германскую агрессию на дальних (т.е. польских) рубежах и без заключения какого-либо специального договора, «протянет руку помощи» Польше. Впрочем, носители данного мифа также понимали, что в эту руку в качестве компенсации придется вложить Западную Украину и Западную Белоруссию. В Варшаве, однако, не оценили степени охлаждения советско-польских отношений в период 1936–1939 гг.⁵⁵ В этот период и в Москве и Варшаве просто перестают адекватно оценивать политику друг друга, углубляется враждебная отстраненность. Для политического руководства в Москве и для И. В. Сталина лично была характерна огульная неприязнь к польским правящим кругам, что ил-

люстрируют те явно недипломатические термины, которые использовали советские руководители для характеристики Польши в начале войны⁵⁶. Некоторые исследователи в качестве важного фактора называют сильный «антипольский синдром» Сталина, сложившийся у него во время советско-польской войны 1920 г. То есть в этой ситуации, а тем более после подписания Пакта и протокола, надежды польских кругов на руку помощи из Москвы были сугубо иллюзорными.

Интересна оценка польского восприятия Пакта, данная советским полпредством на основе материалов польской прессы. «...Польша относилась с недоверием к переговорам с Москвой. Поляки упреждали Англии и Франции, что СССР не должен играть той роли, о которой думали Париж и Лондон. Начинаются антисоветские высказывания, как „офицерский корпус перебит“, „ни СССР, ни Германия не придают значения своим обязательствам“. Вопрос занимает в газетах две-три страницы. Много предложений о развале антикоминтерновского пакта, подающегося как направленный только против СССР»⁵⁷. Подобные рваные, незаконченные и неадекватные суждения, к сожалению, отражали не только понимание ситуации газетчиками, но и польским руководством. Впрочем, если бы произошло чудо и это понимание резко изменилось в лучшую сторону после 23 августа 1939 г., было бы слишком поздно. СССР и Германия начинали четвертый раздел Польши, вернее Германия начала захват Польши, а СССР старался максимально обезопасить свои интересы при реализации этих шагов. Альтернативой для Москвы было или согласиться с полной оккупацией Польши немцами, или вступить с Германией в войну. Москва выбрала наиболее приемлемый, но ничуть не менее тяжелый для самой Польши сценарий.

Советско-финляндская война (сентябрь 1939 — март 1940 г.)

Факт начала Второй мировой войны в архивных документах МИД за 1 сентября 1939 г. отражен по своему уникально — в рабочей записке В. Н. Павлова⁵⁸ наркому. Об абсолютно обыденном, рабочем характере этой записки говорит тот факт, что она даже не имеет ни официального адреса, ни входящего номера и т.п. Только вверху, посреди странички с машинописным текстом две буквы «В. М.» (т.е. для В. М. Молотова), подчеркнутые пунктиром. Такие записки обычно пишут референты и кладут начальнику на стол, чтобы он, придя на службу, сразу видел, кто звонил, кто хотел зайти, по какому вопросу. Также и здесь:

«В 11 часов 1 сентября явился Хильгер и передал мне для Вас несколько сообщений.

1. Хильгер сообщил, что ввиду отклонения Польшей предложения Гитлера о мирном урегулировании всех вопросов при посредничестве

Англии... Гитлер издал 1 сентября приказ войскам. Перевод приказа прилагается⁵⁹.

2. Сегодня... Гитлер... принял Данциг в лоно германской империи...».

Всего было четыре пункта. Каждый из них в другом контексте привлек бы должное внимание, если бы не приписка сделанная внизу В. Н. Павловым от руки. Под самой подписью, по нижнему обрезу бумаги идет текст «В 13:00. 1 сентября Хильгер сообщил, что сегодня в 5:45 начались военные действия между Польшей и Германией»⁶⁰. Именно так в НКВД узнали о начале Второй мировой войны.

В первой половине сентября СССР не предпринимал каких-либо действий с тем, чтобы обеспечить свои интересы в зоне, очерченной августовским секретным протоколом. Причина этого ясна — Москва ждала того, как будут развиваться военные действия Германии. С другой стороны, немедленное вступление СССР на польскую территорию поставило бы Советский Союз на одну доску с агрессором и абсолютно четко развело Москву и западные демократии, объявившие 3 сентября 1939 г. войну Германии, по разные стороны баррикад. СССР ждал. К середине сентября стало ясно, что война Польшей проиграна. Вместе с тем Москва стала опасаться, что на плечах у отступающих на восток поляков в зону советских интересов могут прийти немцы.

17 сентября польскому послу В. Гжибовскому⁶¹, «поднятому... с постели в 2 часа ночи и в явной тревоге прибывшему в Наркоминдел в 3 часа, мною [В. Потемкиным] была прочитана, а затем передана нота т. Молотова, адресованная польскому правительству»⁶². В ноте говорилось, что «польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать... Польша превратилось в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии...»⁶³.

В. Гжибовский был в глубокой растерянности и «ноту как документ» (по его выражению) принимать отказывался, считая ее «несовместимой с достоинством польского правительства». Следует признать, что В. П. Потемкин проявил такт и пытался успокоить (насколько вообще можно говорить об этом в подобной ситуации) посла. Тот в результате согласился передать содержание ноты польскому правительству, которое по его сведениям находилось в Кременце и с которым он имел крайне нерегулярную телеграфную связь через Бухарест. Саму же ноту доставили с курьером в польское посольство. Утром 17 сентября

текст ноты в почти неизменном виде прозвучал как радиообращение В. М. Молотова к советскому народу. В тот же день нота была разослана в советские полпредства для доведения до сведения соответствующих правительств. При этом в ноте сопровождения за подписью Молотова подчеркивалось, что СССР «будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (наименование страны)»⁶⁴.

Тогда же утром 17 сентября 1939 г. части Красной армии вступили на территорию Польши. За 12 дней боевых действий советские войска продвинулись на 250–300 км, заняв территорию около 190 тысяч км², на которой проживало более 12 млн человек⁶⁵. Польские войска получили от своего командования приказ не оказывать сопротивления Красной армии и в большинстве своем его выполняли. Вместе с тем, по некоторым сведениям, во время наступления с польской стороны погибло 3 500 военных и гражданских лиц, а Красная армия потеряла убитыми 735 человек. Эти цифры несравнимы с потерями польской армии в боях с вермахтом — она потеряла 66,3 тысячи убитыми⁶⁶. Именно фактическое несопротивление польских войска по приказу своего командования дает определенное оправдание действиям СССР, которые, несмотря на всю их неприемлемость в нормальной ситуации, были предпочтительней для польской стороны, чем германская оккупация. С другой стороны, это демонстрирует, что польское общество, часть правящих кругов и офицерства несли в себе потенциал дружественного или, по крайней мере, невраждебного отношения к СССР, который советское руководство не смогло активизировать в предвоенные годы. К концу сентября советские войска вышли на линию разграничения сфер интересов.

Новая ситуация требовала соответствующего правового закрепления. 27 сентября в Москву прибывает мининдел Германии И. фон Риббентроп, а 28 сентября подписывается Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Линия «границы между обоюдными государственными интересами» проходит по территории «бывшего Польского государства»⁶⁷. Статья 3 Договора закрепляла за СССР и Германией право на «необходимое государственное переустройство» на контролируемых ими польских территориях. Секретный протокол к этому договору подтверждал прибалтийские страны и Финляндию в качестве сферы советских интересов и технически корректировал территориальное размежевание.

Договор, впрочем как и международная ситуация в целом позволяли СССР начать реализовывать свои интересы в Прибалтике. Правовым оформлением соответствующих действий должно было стать подписание двусторонних пактов о взаимопомощи, которые давали бы СССР право размещать свои базы и воинские контингенты на территории прибалтийских государств. Пакты с Эстонией и Латвией были подписаны 28 сентября и 5 октября соответственно.

Договор с Литвой был более «выгодным» — помимо советских военных объектов Литва получала Вильно и Виленский край, который до начала войны принадлежал Польше. Договор СССР с Литвой был подписан 10 октября. «Пакетное» решение вопроса с Литвой сделало это республику наиболее склонной к взаимодействию с Москвой, что, в частности, сыграло свою роль в получении Советским Союзом информации о Балтийской Антанте, о других мероприятиях, в которые были вовлечены эти государства.

Пакты о взаимопомощи в целом были восприняты относительно спокойно как в самих этих государствах, так и в странах Западной Европы. Вот как объяснял своему народу президент Латвии К. Ульманис смысл заключенного пакта: «...Мы спасли себя от вмешательства в германо-польскую войну, мы избежали вмешательства в войну между Германией и великими державами на западе, мы избежали войны, в которой бы проливалась латышская кровь и жизнь латышей приносилась бы в жертву за дело, которое не касается нашего государства... Следует подчеркнуть, что пакт, как это обычно свойственно пактам Советского Союза, отличается своей ясностью и определенностью...». Вместе с тем, Ульманис отмечал, что «пакт... подписан в военное время, поэтому он необычен по своим условиям». Латвийский президент абсолютно однозначно понимал этот договор как мудрый путь, по которому пошла его страна, при этом он вполне прозрачно намекал на польскую альтернативу: «Пренебрегая добрососедскими отношениями и дружбой, подыскивая друзей только вдали, некоторые народы были вынуждены за это очень дорого заплатить, даже своей независимостью и самостоятельностью»⁶⁸.

Похожим образом реагировали и в Эстонии, главнокомандующий эстонской армией Й. Лайдонер в своей речи по радио заявил, что «мы [руководство Эстонии] связали судьбу своего государства и народа... с пактом о взаимопомощи с Советским Союзом, который в связи с этим вновь подчеркнул неизменность своей мирной политики и желание продолжить ее. Это большой положительный фактор для будущего нашего государства и нашего народа»⁶⁹.

Литовские правящие круги, по понятным причинам, высказывались еще более определенно в поддержку СССР. Так, во время ратификации договора в Сейме мининдел Ю. Урбшис заявил: «Всем прекрасно известно значение Вильно для Литвы. За такой поступок со стороны СССР выражаем ему свою благодарность». Бургомистр Каунаса А. Меркис не остановился на этом и добавил: «Мы надеемся также, что руководители СССР примут во внимание, что некоторые литовские районы не вошли в Литву, и исправит границы»⁷⁰.

Если в отношении прибалтийских государств секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г. были фактически реализованы, то Финляндия сохраняла свой прежний статус, и ее отношения

с СССР по прежнему определялись Договором о ненападении 1932 г., который в 1934 г. был продлен на срок до 1945 г. Наглядный пример прибалтийских государств, которые все больше попадали под советское влияние, не внушал Хельсинки веру в исключительно юридические средства защиты. Финляндия начала укреплять свои вооруженные силы. С учетом того что советско-финская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда, СССР не мог не выражать своего беспокойства. Очевидно, что это беспокойство было не только и не столько беспокойством за возможные действия Финляндии, сколько о том, чьим форпостом могла стать ее территория. Осенью 1939 г. Финляндия намеревалась получить дополнительные гарантии своей безопасности от Германии, но Берлин, сознавая стратегически выгодное положение финской территории в возможной будущей войне против СССР, в то время не мог себе позволить ссориться с ним и нарушать августовский пакт. Это понимали в Москве и старались как можно скорее решить проблему финской границы, а также «воссоединения» карельского и финского народов.

Первым шагом к просоветской нейтрализации Финляндии в Москве виделось заключение пакта о ненападении, сходного с теми, что СССР заключил с государствами Прибалтики. В качестве «пряника» СССР предложил обмен территориями: Советскому Союзу переходила бы территория на Карельском перешейке в результате удаления финской границы от Ленинграда, что компенсировалось вдвое большей территорией в отдаленной от промышленных центров приграничной зоне Карелии. Для контроля над Финским заливом СССР хотел также получения в аренду порта на полуострове Ханко. Если в случае с Прибалтикой советская внешняя политика сумела реализовать свое давление достаточно оперативно и без лишнего шума на предварительной стадии (то есть до ввода войск в Прибалтику), то по Финляндии пришлось втянуться в долгие и безрезультатные дебаты с Лондоном, Парижем и Вашингтоном, который также проявил повышенный интерес к этой относительно периферийной европейской проблеме.

Конец ноября 1939 г. ознаменовался рядом провокаций на советско-финской границе, которые Москва использовала в качестве предлога к началу военных действий. Дипломатическая подготовка военных действий, начатых 30 ноября, была молниеносной — 28 ноября СССР денонсирует Пакт о ненападении, а 29 ноября разрывает дипотношения с Финляндией. Пропагандистское же обеспечение финской кампании оказалось не на высоте. Созданное в Москве правительство О. В. Куусинена вряд ли могло развеять сомнения в своем марионеточном характере. При этом цель его «изобретения» была мгновенно подтверждена, когда в «договоре» от 2 декабря оно удовлетворило все требования СССР⁷¹.

Финская кампания по мере своего разрастания получала все более широкий и невыгодный СССР

международный резонанс. 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги наций. В феврале 1940 г. Москву покинул британский посол. Всего за полгода СССР прошел путь от переговоров по созданию союза с западными демократиями, к союзу против СССР, который были готовы создать Лондон, Париж и Вашингтон для предотвращения дальнейшей эскалации конфликта. С информационно-пропагандистской точки зрения финская кампания проигрывала даже польской кампании Германии, которая была осуществлена в очень краткие сроки. Советский Союз только ценой значительных потерь через три месяца упорных боев прорвал «линию Маннергейма». Весьма ощутимым оказался удар по имиджу Красной Армии как надежного военного партнера для западных демократий и как реальной устрашающей силы для Германии. В результате СССР все-таки удовлетворил свои основные требования, но их цена оказалось слишком высокой. 12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор, которым весь Карельский перешеек передавался Советскому Союзу. Хельсинки также уступал полуостров Ханко в аренду сроком на 30 лет. Позднее была достигнута договоренность о демилитаризованном статусе Аландских островов. «Зимняя война» повлекла за собой подписание в сентябре 1940 г. германо-финское секретное соглашение о войне против СССР. Вступление Финляндии в войну против СССР в 1941 г. стало прямым нарушением советско-финского мирного договора.

Таким образом, «включить Финляндию в советскую сферу влияния не удалось. Наоборот, «зимняя война» породила в правящих кругах и обществе Финляндии настроения реваншизма, усилила враждебность к Советскому Союзу.

Тройственный пакт и Советский Союз

Весна 1940 г. преподнесла советскому руководству неприятный сюрприз. С поражением Франции, оккупацией Бельгии, Нидерландов, после Дюнкеркской катастрофы становилось все яснее, что агрессия А. Гитлера на западном направлении вскоре придет к своему логическому завершению и вопрос о том, куда будет повернут маховик германской военной машины, звучал сугубо риторически. Молниеносный поход Гитлера по Европе катастрофически уменьшал надежды И. В. Сталина на выигрыш времени, и он пытается компенсировать это выигрышем территориальным.

С конца мая 1940 г. Москва намеренно акцентирует инциденты между советскими военнослужащими и литовским населением, а 25 мая литовскому послу делается официальное представление по данному вопросу, литовское правительство фактически обвиняется в пособничестве исчезновению двух красноармейцев. Москва постоянно подчеркивала, что все эти действия нарушают дух пакта о взаимопомощи. В связи с пактами о взаимопомощи СССР также по-

стоянно подчеркивал неуместность сотрудничества прибалтийских государств в рамках Балтийской Антанты. Соглашение 1934 г., по мнению СССР, было рецидивом прошлого и могло оказаться источником провокаций против СССР. Особое недовольство выражалось по поводу военного сотрудничества Латвии и Эстонии по договору 1923 г. 14, 15 и 16 июня Литве, Латвии и Эстонии, соответственно, были предъявлены почти идентичные ультиматумы, которые напрямую затрагивали суверенитет этих государств и право их народов самим определять свою жизнь. Для наглядности процитируем «Заявление Советского правительства правительству Латвии», врученное посланнику Латвии Ф. Коциньшу 16 июня: «Правительство СССР считает совершенно необходимым и неотложным:

1. чтобы немедленно было сформировано в Латвии такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-латвийского Пакта о взаимопомощи;
2. чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Латвии советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Латвии в количестве достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-латвийского Пакта...»⁷².

Ответ латвийская сторона должна была дать до 21 часа 16 июня. Учитывая, что заявление было вручено посланнику в 14 часов, то на раздумье и принятие решения, а оно предполагалось только положительным, давалось всего семь часов.

Подобная процедура была предусмотрена и для других государств Прибалтики. Несколько промежуточных бесед глав дипломатических миссий с В. М. Молотовым, в которых национальные правительства пытались минимально оговорить технические детали ввода войск в их государства, не меняли дела в принципе. Ультиматумы были приняты. 15 июня советские войска вошли в Литву, а 17 — в Латвию и Эстонию. Далее в течение месяца последовал период нахождения у власти «переходных правительств», в которых участвовали как представители местных левых сил, так и часть деятелей старых «буржуазных» правительств. 14–15 июля 1940 г. в этих странах прошли выборы, исход которых был предопределен позицией Москвы. Вновь избранные парламенты обратились с просьбой о принятии их стран в состав Союза ССР. 3–6 августа эта просьба была удовлетворена Верховным Советом СССР.

После того как вопрос с Прибалтикой был в основном разрешен, сталинское руководство обратилось к другой территории, зафиксированной в секретном протоколе от 23 августа 1939 г., — Бессарабии. При этом Москва неожиданно для Германии завысила свои требования и потребовала присоединения еще и Буковины. Это вызвало раздражение в Берлине, так как ситуация с Прибалтикой показала,

что СССР умеет быстро и эффективно воздействовать на своих соседей. При этом Румыния, в отличие от Прибалтики, носила для Германии стратегический характер — отсюда осуществлялись поставки нефти. В результате СССР ограничил свои требования по Буковине только ее северной частью, где проживало значительное число этнических украинцев. 26 июня 1940 г. Москва предъявила ультимативные требования к Румынии. Опасаясь неконтролируемого развития событий, Берлин в свою очередь посоветовал румынскому правительству удовлетворить требования СССР. 28 июня части Красной Армии вступили на румынские территории и к 1 июля вышли к новой государственной границе. Большая часть присоединенных территорий была отнесена к Молдавской АССР (находилась в составе УССР), которая 2 августа была преобразована в союзную республику (при этом Северная Буковина была включена в состав Украинской ССР).

Таким образом, к августу 1940 г. Советский Союз в основном приобрел те территориальные очертания, которые сохранялись вплоть до его распада в 1991 г. С точки зрения выигрыша в той конкретной ситуации, СССР получал территориальную «подушку безопасности», но ограниченность времени до нападения Германии в июне 1941 г. не дала реальной возможности осуществить долгосрочные меры по военно-стратегическому развитию присоединенных территорий.

Восточная Европа во внешней политике СССР

Страны Восточной Европы, как представляется, были наиболее слабым звеном Версальской системы. И это неудивительно. Молодые государства, которые к 1939 г. отметили двадцатую годовщину самостоятельного существования, возникли в ходе распада четырех империй, спровоцированного Первой мировой войной. Как правило, скоротечное государственное строительство оборачивается серьезными проблемами. Буквально все страны Восточной Европы и Балкан имели территориальные претензии к друг у другу или, как минимум, плохо скрываемое недовольство тогдашней политической картой. Значительные инородные этнические «вкрапления» как результат долгого проживания в рамках единых империй были характерны практически для всех новых государств. Молодая национальная элита, прежде всего на «южном фланге», была чрезвычайно зависима в своих действиях от «великих держав».

Характерной чертой для всех стран региона было то, что в период, как минимум, до первой половины 1930-х гг. они играли роль лимитрофов СССР, весьма прохладно настроенных по отношению к Москве. Период относительно нормальных отношений с этими странами Советского Союза был сравнительно краток — около пяти лет. Соответственно, отсутствовали отработанные сценарии

взаимодействия, понимание интересов друг друга, возможностей и глубины потенциальных компромиссов. Еще одной характерной особенностью этих стран является то, что именно они стали зоной приложения интересов и первыми жертвами территориальной экспансии Италии и Германии. Также и для СССР: ликвидация лимитрофного пояса и создание на его территории зоны безопасности становилась одной из важнейших задач. Вместе с тем, представлять Восточную Европу и Балканы исключительно жертвами начинавшегося мирового конфликта неправильно. Именно они, исходя из своих узких субрегиональных задач, тормозили планы стабилизации европейской ситуации в целом. Позиция Польши во второй половине 1930-х гг. служит ярким подтверждением этого тезиса.

Отечественные историки дипломатии и внешней политики освещают польский сюжет, как правило, лишь до окончания боевых действий и фактического раздела территории Польши между Германией и СССР. Вместе с тем, и в дальнейшем польский вопрос сохранял свою значимость в отношениях Москвы и Берлина. Польша стала, как представляется, важным психологическим моментом в формировании негативного имиджа нацистского режима, в том числе среди советских дипломатов. Так, в дневнике «Советской делегации в Центральной Смешанной СССР и Германии Пограничной Комиссии», который вел начальник Центрально-европейского отдела НКВД А. М. Александров звучит растерянность и тревога за будущее. «При поездке по улицам Варшавы наблюдается жуткая картина разрушения: нет почти ни одного дома, который бы не имел повреждений... В скверах и на улицах замечено большое количество свежих могил... В городе сохраняется военное положение; движение разрешено до 19 часов...». Интересно и такое наблюдение Александрова: «На всех улицах, на уцелевших зданиях... расклеены плакаты, изображающие на фоне развалин, трупов, потоков крови фигуру окровавленного польского солдата и Чемберлена, потирающего окровавленные руки... Надпись на польском языке: „Англия — твое дело“»⁷³. Кто бы ни был автором этого плаката, в очень значительной степени он был прав. Другое дело, что рядом с Чемберленом можно было бы поставить и польских руководителей, прежде всего Ю. Бека, а может быть, и советских.

Одной из проблем, которыми каждодневно приходилось заниматься НКВД, была проблема взаимного переселения уроженцев Западных Украины и Белоруссии с территории, подконтрольной немцам, на советскую территорию и наоборот, немецкого населения и немецких граждан с советской территории вновь присоединенных областей. Проблема переселенцев из Польши была очень многогранной и зачастую выходила далеко за пределы собственно западноукраинских и западнобелорусских земель. Так, управляющий Генконсульством СССР

в Данциге М. Коптелов инициативно докладывал В. М. Молотову, что «4 ноября генконсульство СССР в Данциге посетила делегация от бывших польских граждан, урожденных в Западной Украине и Западной Белоруссии, выехавших до войны на заработки в различные части бывш. Польши и очутившихся теперь на немецкой территории с просьбой взять под защиту украинцев, белоруссов, поляков уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, которые желают как можно скорее вернуться к себе на родину... В бывшем польском городе Гдыня... стихийно образовался комитет по возвращению на родину украинцев, белоруссов, поляков и евреев... В этом комитете на 4.11.39 г. зарегистрировалось уже 1217 человек... и делегация принесла этот список с собственноручными подписями регистрирующихся. Регистрация продолжается... В настоящее время они не имеют ни работы, ни средств для своего существования... В последнее время им даже начинают отказывать в продаже съестных продуктов под предлогом, что они продаются только для немцев и немецких граждан. ...Они слезно просят и молят, чтобы советское генконсульство в Данциге взяло их и их имущество под защиту и оказало им хоть какое-нибудь содействие. Сами они теперь считают себя советскими гражданами... Местные власти им заявляют, что если Советский Союз пропустит их через границу и возьмет под свою защиту, то они предоставляют все транспортные средства для отправки их на родину». Далее М. Коптелов прямо заявляет, что, кстати, нехарактерно для документов идущих начальству в молотовский период, — «Мой вывод: всех украинцев, белоруссов, поляков, евреев, уроженцев с Западной Украины и Западной Белоруссии... нужно как можно скорее эвакуировать». Самой последней строчкой в виде своеобразной приписки к этому весьма эмоциональному для служебных документов тексту значится: «Прошу Вас, тов. Молотов, указать — как нам поступить в этом вопросе»⁷⁴. На документе нет резолюции «тов. Молотова».

По целому ряду причин в отечественных исследованиях по внешней политике было не принято подробно освещать и словацкий сюжет в период 1939–1941 гг. Вместе с тем, он очень показателен и содержит некие дополнительные нюансы для понимания уже послевоенной Чехословакии и современной Словакии.

Под влиянием общего курса на сближение с Германией меняется отношение СССР к Словакии. До этого Москва старалась игнорировать наличие этого государства. Так, при М. М. Литвинове НКВД не шел на какое-либо подтверждение полномочий представителя несуществующей Чехословакии. Но Москва «не замечала» и обращений Германии о передаче ей полномочий чехословацкого посольства в СССР, равно как и официального уведомления о создании Словацкого государства⁷⁵. СССР исходил

из того, что «мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехословакии. Нужно выдерживать эту позицию, пока возможно без серьезных затруднений»⁷⁶. Москва продолжает контакты с Э. Бенешем, причем зачастую они носят публичный и даже невольный (или намеренно?) демонстративный характер. Подобную позицию, кроме СССР, позволяли себе только США. Так, на церемонии открытия чехословацкого павильона на международной выставке в Нью-Йорке 31 мая 1939 г., которая фактически превратилась в поддержанный Госдепом США про-чехословацкий митинг, советский полпред К. А. Уманский был единственным иностранным дипломатом⁷⁷.

Сохранение связей с чехословацкой эмиграцией еще сыграет свою службу в установлении дружественного СССР режима в послевоенной Чехословакии. В период же 1939–1941 гг. сохранение таких, явно раздражавших Берлин (нового партнера СССР!) контактов можно объяснить факторами политико-психологического характера. В свое время именно Чехословакия была наиболее активным сторонником советской внешней политики в Центральной и Восточной Европе, тесные контакты И. В. Сталина и Э. Бенеша по-прежнему помнили в Москве. Тем более, что Бенеш при своих встречах с советскими представителями в США и Великобритании по-прежнему предлагал свои услуги в таких чувствительных сферах, как, например, обмен развединформацией.

Подписание советско-германского договора 23 августа 1939 г. делает признание Словацкого государства логичным. Само признание марионеточного государства в условиях, когда вы соглашаетесь с его «патроном» свои внешнеполитические шаги, дело обиденное. Столь же обиденно это и произошло. В телеграмме полпреда СССР в Германии А. А. Шкварцева сообщалось, что «посланник Словакии Черняк 14 сентября при своем визите ко мне обратился с официальным предложением от своего правительства о признании нами Словакии и установлении с ней дипломатических отношений. Прошу указаний...». На телеграмме В. М. Молотов поставил односложную резолюцию — «Признаем»⁷⁸. 16 сентября 1939 г. СССР признал правительство Й. Тисо, советский полпред Г. М. Пушкин пробыл в Словакии недолго — с января 1940 по июнь 1941 г. Нападение Германии на СССР прекратило отношения с режимом, установленным весьма сомнительным образом, — Москва разорвала дипотношения с Братиславой 23 июня 1941 г.

Имело ли смысл установление отношений с подобным режимом? Стратегически, наверное, нет. Чисто прагматически — да. К осени 1939 г. Москва лишилась своих представительств в Вене, Праге и Варшаве, что реально осложняло задачу отслеживания ситуации в регионе. Вместе с тем, установление отношений с Братиславой, при мол-

чаливом признании (об обратном публично не было заявлено) того, что Германия представляет в Москве интересы «протектората Богемия и Моравия»⁷⁹, ставило перед СССР вопрос о поддержании отношений с Временным правительством Чехословакии, которое было сформировано в Лондоне в июле 1940 г. и явилось преемником Чехословацкого национального комитета, учрежденного в Париже в ноябре 1939 г. Проблема состояла в том, что в Москве продолжало работу Чехословацкое посольство под руководством З. Фирлингера. В своей записке И. В. Сталину от 23 марта 1939 г. М. М. Литвинов констатировал, что «хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, нам все же де-факто придется ее признавать и сноситься по чешским делам с Германскими властями. Придется, очевидно, ликвидировать наше полпредство в Праге»⁸⁰. Полпредство 25 марта 1939 г. преобразовали в Генконсульство⁸¹, а в Москве З. Фирлингер оставался на правах представителя «какого-то символического государства и правительства», которому пообещали, что «его пока трогать не будем, а дальше посмотрим»⁸². Миссия Фирлингера была завершена с прибытием в Москву 11 декабря 1939 г. словацкого посланника. «14 декабря заведующий протокольным отделом НКВД В. Н. Барков... вызвал к себе Фирлингера и сообщил ему, что с 1 января 1940 г. истекает срок аренды занимаемого им особняка...»⁸³. Таким образом, московское руководство сделало свой выбор в пользу официальных отношений со Словакией.

Для чего собственно Москве нужны были отношения, кроме уже упомянутого канала информации? Словакия — пример, когда советская внешняя политика пытается играть на чужом поле, в чужой зоне интересов. Сначала, действуя сообразно логике курса на сближение с Германией, СССР формально выходит на дипломатические отношения. Вместе с тем советскому руководству становится ясно, что под эгидой марионеточного режима Й. Тисо уживаются различные политические силы. Силы, которые не могут открыто сопротивляться Германии, но, желая большей самостоятельности, могут поспособствовать расширению советского влияния на эту страну. В такой ситуации советской дипломатии можно было уже ставить задачу превращения Словакии из марионеточной в нейтральную или буферную страну. Это было очевидно внимательным наблюдателям, тот же З. Фирлингер писал Э. Бенешу: «Признав сегодня „самостоятельную Словакию“, Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектората...»⁸⁴. Другое дело, что это было очевидно и немцам. Братислава со своей стороны также пыталась использовать Москву в своих внешнеполитических комбинациях, связанных, прежде всего, с Венгрией, где наиболее «популярным сюжетом» был вопрос о Карпатской Украине. В целом, попытки втянуть Советский Союз

в субрегиональные игры Братиславы оказались безуспешными. СССР не мог позволить себе серьезно заниматься столь тонкими интригами на второстепенном для него направлении.

Небезынтересна позиция Э. Бенеша по поводу Прикарпатской Руси. 30 мая 1939 г. в Нью-Йорке «в небольшой, довольно бедной гостинице близ Колумбийского университета» по инициативе Бенеша произошла встреча с советским полпредом в США К. А. Уманским, в ходе которой он заметил, что «в будущем возрожденная Чехословакия должна быть непосредственной соседкой Советского Союза. Он... всегда рассматривал Чехословакию в качестве „депонента“ Прикарпатской Руси, которая по праву так же, как и Западная Украина, должна входить в состав Советского Союза»⁸⁵.

Если до поражения Франции в войне Германия была недовольна, но все-таки допускала наличие просоветских настроений в Братиславе, где представлявшая их «группа Дюрчанского» позволяла себе соперничать с прогерманской «группой Туки-Маха», то в последующем Берлин «закрутил гайки». А в августе 1940 г. немцы назначили В. Тука на пост мининдел вместо Ф. Дюрчанского, а второй «портфель» также принадлежавший ему передали — А. Маху. Символом реализованного прогерманского курса стало присоединение Словакии 24 ноября 1940 г. к Тройственному пакту. С этого момента можно считать, что Словакия была потеряна для СССР. На территории страны были размещены германские части и подразделения, установлен безоговорочный контроль Берлина над военной промышленностью Словакии, над органами полиции и безопасности. Через ее территорию, начиная с декабря 1940 г. германские войска выдвигались дальше — в Венгрию и Румынию. Словакия становилась одним из плацдармов будущей войны против СССР. 22 июня 1941 г. президент Й. Тисо и министр обороны Ф. Чатлош призвали армию выступить на стороне А. Гитлера против СССР. Но словацкий народ своей партизанской борьбой в годы Второй мировой войны продемонстрировал, что он не желает следовать на поводу у заблудших «отцов нации».

Дипломатическая победа кануна большой войны

В отличие от европейского, дальневосточное направление внешней политики СССР по объективным результатам, достигнутым в период 1939–1941 гг, можно оценить более однозначно и, несомненно, положительно. Несмотря на удаленность региона от военно-промышленной базы страны, советское руководство смогло создать мощный военный щит на дальневосточных рубежах, который сыграл свою роль и в проведении собственно внешнеполитических мероприятий. Проверки СССР на прочность у озера Хасан летом 1938 г. и во время «малой войны»

в районе реки Халхин-Гол, продолжавшейся с мая по сентябрь 1939 г., показали, что Москва умеет и не боится применять вооруженные силы для отстаивания своих интересов.

Позиции СССР на Дальнем Востоке опирались на безоговорочные союзнические отношения (фактически — отношения протектората) с Монгольской Народной Республикой и Тувинской Народной Республикой. Фактический контроль СССР над Синцзяном также не мог эффективно оспариваться никем из региональных игроков. Япония, втянувшаяся в китайский конфликтный котел, при всем своем желании не могла сконцентрировать свои внешнеполитические и военные усилия на противостоянии СССР. Как ни странно, именно на Дальнем Востоке политика сговора с потенциальным агрессором могла оказаться эффективной. Территориально ограниченная и относительно бедная ресурсами Европа, в любом случае подталкивала Германию к агрессии против Советского Союза. Япония же имела более широкий выбор приложения своих внешнеполитических акций. Кроме того, ее политика становилась эффективной, прежде всего, на собственном азиатском направлении, где могла быть задействована идеологическая концепция «Азия для азиатов», которая реально помогала борьбе с присутствием старых европейских держав в регионе. Стабилизация советско-японских отношений развязывала руки на еще одном потенциальном направлении — американском.

На протяжении 1940 г. в Москве все более очевидной становилась неизбежность столкновения с Германией, и в такой ситуации любые действия и соглашения, нейтрализующие Японию, были крайне выгодны. Как оптимальную линию СССР выбирает курс на договор о нейтралитете. Дипломатической победой Москвы, плоды которой сохранялись вплоть до 1945 г., стало подписание 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Вместе с ним была подписана и советско-японская декларация о взаимном уважении и территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-Го — то есть имел место некий «мягкий» раздел сфер влияния, сфер, которые де-факто оформились ранее. Как представляется, это была первая после присоединения Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. и последняя в предвоенный период серьезная дипломатическая победа СССР⁸⁶.

К началу 1941 г. политическому руководству в Москве, НКВД становилось все более очевидным, что следующим объектом агрессии станет именно Советский Союз. Другого варианта просто не было — на собственно европейском театре А. Гитлер уже решил все возможные, «решаемые» задачи. Весной и в начале лета 1940 г. после непродолжительного сопротивления капитулировали Нидерланды (14 мая), Бельгия (28 мая), Норвегия (9 июня).

22 июня 1940 г. главная континентальная сила сопротивления нацистской Германии — Франция — подписывает Компьенское перемирие, коллаборационистский режим Виши контролирует незанятую агрессором и его сателлитами территорию страны. Далее Германия начинает «подбираться» к границам СССР — 22 сентября ею заключается с Финляндией соглашение об участии Финляндии в войне против СССР. 27 сентября следует акт консолидации агрессоров — подписание Тройственного пакта.

К концу лета 1940 г. Германии стало очевидно, что дальнейшая активная внешняя политика невозможна без обновления правовой базы сотрудничества с союзниками и сателлитами. Антиконтинентальный пакт уже устарел, кроме того, его «дух» был сильно подорван сотрудничеством Берлина и Москвы. Значительную роль в продвижении нового соглашения играла Япония, которая хотела иметь определенные союзнические гарантии на случай войны с США. Есть также мнение, что «сверхзадачей германской дипломатии было объединить все тоталитарные государства, включая Советский Союз, на базе противостояния с Великобританией и США»⁸⁷. Хотя эта интерпретация, скорее всего, основана на тех шагах, которые предпринимал СССР в процессе зондажа характера и направленности Тройственного пакта. В результате выяснилось, что соглашение на базе Тройственного пакта не может удовлетворить интересов СССР. Равно как и интересы СССР в случае их учета в тексте пакта нивелировали бы изначальный замысел пакта.

Выдвижение нацистской военной машины к границам СССР продолжается — 7 октября 1940 г. немецкие войска вводятся в Румынию. В ноябре, 20 и 23 числа соответственно, Венгрия и Румыния присоединяются к Тройственному пакту. Блок против СССР почти сколочен. 1 марта 1941 г. к нему присоединяется Болгария — можно приступать к военному планированию. 18 декабря принимается план ведения войны против Советского Союза — «план Барбаросса».

Только слепой мог не замечать подобного развития событий. Политическое руководство в Москве слепым не было, но оно не видело для себя разумного сценария поведения в такой ситуации — кроме как не провоцировать А. Гитлера. К сожалению, особого выбора, у И. В. Сталина, в отличие от 1939 г., в конце 1940-го — первой половине 1941 г. не было. Континентальная Европа уже была под контролем Гитлера, Муссолини и Франко. В такой ситуации даже во главе с анти-мюнхенцем У. Черчиллем Великобритания оказывалась слабым военным союзником. США, готовые к активному участию в дипломатической фазе европейского конфликта в 1938–1939 гг.⁸⁸, не были готовы к втягиванию в европейские военные действия, что было практически неизбежным для приостановки агрессоров в 1941 г. Кроме того, в то время как Германия активно соби-

рала в кулак своих союзников и сателлитов, СССР по-прежнему боялся сделать лишний шаг в сторону Лондона.

Здесь показательна реакция Москвы на предложения британского правительства (письмо Черчилля), доведенные до Сталина через посла С. Криппса. Сталин идет на беспрецедентный с августа 1939 г. шаг — напрямую встречается с британским послом и вместе с тем доводит содержание британских предложений до Берлина⁸⁹. Что это — демонстрация лояльности советско-германскому сотрудничеству или попытка поугубить Германию советско-британским сближением? По сути, уже не важно, что стояло за этой хитрой тактикой, — важно, то, что СССР опять отказался пойти на взаимодействие с Великобританией, формы которого, характер (в том числе до определенной поры, возможно, и скрытый) можно было бы оговорить с Лондоном. Сталин же исходил из другого. Он полагал «еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию это еще не значит господствовать в Европе... Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе... он такого желания со стороны Германии... не замечал...»⁹⁰.

Возможные позитивные шаги Москвы были ограничены акциями такого порядка, как снятие напряженности по азиатскому периметру СССР, прощупывание позиций Великобритании и США в случае широкомасштабного конфликта, оценка заинтересованности тех или иных сателлитов Германии в открытом конфликте с СССР, масштаба и направления их участия и т.п. Другими словами, в декабре 1940 — июне 1941 г. международная ситуация сложилась таким образом, что СССР потерял возможность эффективного внешнеполитического маневра. Подготовка народного хозяйства к войне, укрепление Красной Армии и другие меры внутреннего характера были единственно доступной возможностью укрепления собственной позиции.

Произнесенная в «закрытом» режиме 5 мая 1941 г., но быстро ставшая предметом дипломатических пересудов речь И. В. Сталина перед выпускниками военных академий ориентировала командиров РККА именно на такой сценарий. Лейтмотивом этой речи была угрозы со стороны Германии и необходимость в ответ на это укрепления советских вооруженных сил. «Чтобы готовится хорошо к войне, — отмечал Сталин наряду с этим, — не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически... Политически подготовить войну — это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников из нейтральных стран. Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справились с этой задачей»⁹¹.

К числу «не справившихся», к сожалению, можно отнести и Советский Союз.

1. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин; отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: МГИМО, 1997. С. 202.
 2. Там же. С. 201–202.
 3. Там же. С. 205.
 4. Интересную характеристику английским «умиротворителям» дал президент Ф. Рузвельт на частном обеде с полпредом К. А. Уманским 30 января 1939 г.: «Должен сообщить Вам по секрету и прошу не разглашать вне семейного круга: правительство Англии заболело тяжелым психическим заболеванием, среди них повальная эпидемия политического самоубийства. Кто этого не знает, тот ничего в английской политике не понимает» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Л. 35). К сожалению, эпидемия умиротворения правила бал в британских правящих кругах вплоть до осени 1939 г. Да и позднее ее рецидивы проявлялись в деятельности Н. Чемберлена и Э. Галифакса.
 5. Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х годов С. 207.
 6. «О внешней политики Советского Союза». Речь В. М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (Там же. С. 221).
 7. Жизненное пространство — нем.
 8. Официально назначение В. М. Молотова было оформлено указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. (см.: ДВП. Т. ХХП. Кн. 1. С. 327). Заметим, что в 1949 году назначение А. Я. Вышинского министром иностранных дел было воспринято как сигнал к завершению политической карьеры Молотова.
 9. Цит. по: *Шейнис* З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. С. 362.
 10. Указанные лица прибыли в здание НКВД утром 4 мая и участвовали в своеобразном представлении руководящего состава наркомата В. М. Молотову. Процедура происходила в форме индивидуальных бесед, а точнее — ответов на вопросы прибывших. При этом присутствовал и М. М. Литвинов. Подробнее см.: *Рощин* А. А. НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1995.
 11. В. Г. Деканозов «в 1939 г. всего несколько месяцев руководил 5-м отделом ГУГБ (внешняя разведка. — А. М.)... Разведки он не знал. Это скоро стало ясно всем, в том числе и руководству страны...» (Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. М., 1997. Т. 3. С. 17).
 12. Телеграмма генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина Я. З. Сурицу, И. М. Майскому, К. А. Уманскому, А. Ф. Мерекалову, Л. Б. Гельфанду, К. А. Сметанину, В. К. Деревянскому, К. Н. Никитину, И. С. Зотову, П. П. Листопаду, В. П. Потемкину, О. И. Никитниковой от 3 мая 1939 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313, Д. 2154. Л. 45.
 13. Цит. по: Российская дипломатия в свете мирового и исторического опыта. Ученые записки / Под ред. В. М. Матвеева, И. Г. Усачева; МГИМО МИД России. М., 1996. С. 62–63.
 14. Если верить книге Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (М., 1991), сам В. М. Молотов говорил, что «у нас централизованная дипломатия... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат» (С. 99).
 15. Как писал в своей статье о Вышинском его бывший помощник, известный дипломат, а впоследствии заведующий кафедрой и профессор МГИМО И. Г. Усачев «[Вышинский] не зарекомендовал себя как большой специалист по переговорам, где требуется вдумчивость, умение анализировать, разгадывать ходы противника, видеть пределы возможных уступок с его стороны и чувствовать, где нельзя переходить рубеж» (Усачев И. Г. Последняя роль (воспоминания дипломата) // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М.: Республика, 1992. С. 381). Еще более определенно о Вышинском высказывался А. А. Громыко: «Дипломатии он никогда не учился и фактически к ней не приобщился... Я должен со всей ответственностью заявить, что фигура Вышинского: зловещая» (Громыко А. А. Памятное. М.: Политическая литература, 1990. Т. 2. С. 511).
 16. Ситуацию, сложившуюся в НКВД с кадрами, М. М. Литвинов подробно изложил в записке адресованной И. В. Сталину 3 января 1939 г.: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений... Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии... С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46.
- Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК, ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека) или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведование полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКВД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих. Нет в НКВД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала... Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.
- Такое положение создано не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД. Дело в том, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники

не получают разрешения на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКВД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устраняются от секретной работы («рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКВД всякую ценность по распоряжению 7-го Отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года...

Можно было бы свернуть полпредскую сеть... Но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах, по крайней мере, консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т.п.» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2, Д. 2. Л. 4–7).

Остается дополнить, что репрессии продолжались и к маю 1939 года положение стало еще хуже.

17. Дипломатический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 499–500. Так, в цитируемых словах начальника ИДУ МИД СССР Ф. Н. Ковалева констатируется: «Установлено, что в 30-е — 50-е гг. репрессиям подверглись... по крайней мере 44 полпреда и 24 заведующих отделами».

18. Из отчета начальника разведки П. М. Фитина о работе за 1939–1941 гг.: «...К началу 1939 г. в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного раздела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого Отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном» (Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. С. 16–17).

19. Институт (сначала курсы) был учрежден в 1934 г., а в 1936 — состоялся его первый выпуск. Из 30 выпускников только 16 были направлены на работу в НКВД (Дипломатический ежегодник. М., 1994. С. 195).

20. Селянинов О. П. Тетради по истории дипломатической службы государств. М.: МГИМО, 1992. С. 131–132.

21. Архивно-справочная библиотека ИДУ МИД СССР. Оп. 33. П. 10. Д. 26. Л. 2–3.

22. Там же. Л. 4.

23. Там же.

24. Там же. Л. 7.

25. Структура Генерального секретариата и должность генерального секретаря в системе внешнеполитического ведомства несколько раз ликвидировались и восстанавливались вновь. После десятилетнего отсутствия они были воссозданы в российском МИДе в 1999 г. В настоящее время в ведении Генерального секретариата находятся секретариаты министра, его заместителей, оперативная информация, информация заграничных учреждений, генеральная инспекция, вопросы координации и работы Коллегии. Кроме того, ГС руководит работой группой советников министра, Департаментом лингвистического обеспечения и учебными заведениями министерства. В какой-то степени статус генерального секретаря российского МИДа аналогичен статусу секретаря МИД Великобритании. Указанные функции Генсекретариат начал аккумулировать еще в 1939 г.

26. См. воспоминания бывшего помощника главного секретаря А. А. Рощина: *Рощин А. А.* НКВД в 1930-е годы. С. 195–212.

27. Селянинов О. П. Тетради по истории дипломатической службы государств. С. 130.

28. В советской дипломатической практике на тот момент еще не установилось четкого разграничения между дипломатическими «классами» и «рангами». В данном случае правильнее говорить о «классах». Эта правовая неточность была исправлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1981 г., где в цитируемый ниже текст было внесено изменение: слово «ранги» заменено словом «классы».

29. До принятия в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. действовавшие в то время положения Венского регламента 1815 г. формально устанавливали, что послами обмениваются только «великие державы» (в 1815 г. это Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия и Франция). Впоследствии в число стран обменивающихся послами вошли США, Испания, Италия, Турция и Япония. Обмен послами между другими государствами или другими государствами и «первоклассными державами» в практике 1920 — 1930-х гг. еще требовал специальных двусторонних соглашений. СССР обменивался (данные на декабрь 1945 г.) полпредами в «ранге» послов с Афганистаном, Бельгией, Великобританией, Голландией, Грецией, Ираном, Италией, Канадой, Китаем, Мексикой, Норвегией, Польшей, США, Турцией, Францией, Чехословакией, Югославией и Японией.

30. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 631. Док. 802.

31. В 1940 г. М. М. Литвинов был выведен из состава ЦК ВКП (б).

32. Меняется стиль общения в самом НКВДе. Вместо привычного при Литвинове демократичного обращения «Дорогой Максим Максимович!» появляется «Многоуважаемый Вячеслав Михайлович!». Пропадает привычное «С тов. приветом», которое зачастую заменяется безликим «Полпред», без указания фамилии.

33. Внешняя политика без самостоятельных и инициативных дипломатов — абсурд. Дипломатия это прежде всего общение. Роль личных контактов, тем более сопровождающихся какими-то неформальными элементами, чрезвычайно важна. Зачастую важную роль играют обычные подарки, которые помогают придать общению необходимую тональность. Так, в письме (почему-то помеченным грифом «Секретно. Лично.») от советского поверенного в делах в Италии Л. Б. Гельфанда секретарю В. М. Молотова говорилось следующее: «Обращаюсь к Вам с просьбой: Чиано, Начальник

его кабинета, вице-директор Политического департамента МИД, очень хотят получить хорошие экземпляры наших палехских коробок. Такие подарки нам очень помогают проводить через Министерство разнообразные, интересующие нас вопросы...».

³⁴ Все эти проблемы наиболее ярко были представлены в британском внешнеполитическом сообществе, которое 1930–1940-е гг. оставалось, наверное, самым консервативным, аристократичным и клановым. То, какие это создавало проблемы в адаптации к новым задачам, хорошо прослеживается в книге А. Sampson «Anatomy of Britain» (London, 1962; имеется русская версия). В монографии В. М. Матвеева «Британская дипломатическая служба» (М., 1990) этому посвящена отдельная глава (С. 34–56). Аналогичные проблемы и процессы были характерны для «родственного» ведомству иностранных дел разведывательного сообщества (см.: Филби К. Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980. С. 67–84).

³⁵ Здесь есть несколько натянутая, но все же параллель с ситуацией в гитлеровской Германии — когда А. Гитлер избавляется от старых кадров в МИДе и рейхсвере. Хотя это можно считать и конфликтом между аристократическим прошлым и функционерами нового типа.

³⁶ Сообщение ТАСС от 28 марта 1939 года. Цит. по: История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 3. С. 675.

³⁷ Parliamentary Debates. May 1939. P. 1829–1850. Цит. по: История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. С. 677.

³⁸ Интересно, что первой страной признавшей «европейское приобретение» Италии — Албанию, стала Литва, оказавшаяся в схожей ситуации чуть позднее. Так, в письме от 1 августа 1939 г. поверенный в делах Л. Б. Гельфанд сообщал: «Новый литовский посланник в Риме Лазорайтис вручил на днях здесь вверительные [орфография оригинала; такое написание встречается в переписке и других сотрудников НКВД. — А. М.] грамоты, в тексте которых указан титул не только императора Абиссинии, но и короля Албании. Литва, таким образом, оказалась первой европейской страной, фактически признавшей захват Албании». В постскрипуме Л. Б. Гельфанд добавляет: «Перед уходом диппочты аналогичные вверительные грамоты вручил и новый норвежский посланник» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 10).

³⁹ Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.) / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: МГИМО — Университет, 1999. С. 16.

⁴⁰ «Выражение „косвенная агрессия“ относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета». Цит. по: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 17.

⁴¹ Телеграмма полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица в НКВД СССР, 7 июля 1939 года // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 529–530. Док. 415.

⁴² Там же.

⁴³ Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 18.

⁴⁴ Цит. по: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 20.

⁴⁵ См. там же. С. 21

⁴⁶ См. там же. С. 22.

⁴⁷ Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 209.

⁴⁸ Французская газета «Републик» от 24 августа 1939 г. Цит. по обзору прессы, присланному из советского полпредства во Франции (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 212. Л. 83).

⁴⁹ Интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа 1939 г. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 212.

⁵⁰ Таким красочным термином иногда называли комплекс зданий Лиги наций в Женеве, где сейчас располагается европейская штаб-квартира ООН.

⁵¹ Дневник полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского, 24 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 647. Док. 495.

⁵² Протокол № 477 (б) заседания секретариата ИККИ от 22 августа 1939 г. Присутствовали: тт. Готвальд, Димитров, Куусинен, Мануильский, Марти, Флорин // Архив Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1291. Л. 141–143.

⁵³ Из дневника временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова, 22–25 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626. Док. 482.

⁵⁴ Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. Институт славяноведения РАН. М.: Индрик, 1999. С. 149.

⁵⁵ Подробнее см. там же. С. 92.

⁵⁶ Там же. С. 92–93.

⁵⁷ Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в НКВД СССР 24 августа 1939 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2046. Л. 241–242.

⁵⁸ Переводчик и референт В. М. Молотова, а с 2 сентября 1939 г. — 1-й секретарь полпредства СССР в Германии. Несмотря на молодость и формально невысокий пост, его знал и ценил И. В. Сталин.

- ^{59.} Текст приказа был фактически письменной версией очередной бесноватой речи фюрера и не соответствовал параметрам военного приказа. Возможно, именно поэтому в основном тексте записки В.Н. Павлов не отразил начала войны — он просто не понял содержания переданного ему документа, а Г. Хильгер его не расшифровал. В приказе говорилось: «Польское государство отклонило мирное урегулирование соседских отношений, к которому я стремился. Вместо этого оно апеллировало к оружию...» и т.п. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Л. 21. Если в этом приказе вместо слово «Польша» во всех обвинениях поставить слово «Германия», тогда бы этот текст полностью соответствовал истине.
- ^{60.} Там же. Л. 20.
- ^{61.} В документах 1930-х гг. он часто называется «Гшибовским», что является неправильной транскрипцией польской орфографии. Именно такое написание присутствует в оригинале адреса ноты, врученной послу 17 сентября 1939 г.
- ^{62.} Запись беседы зам. наркоминдела В.П. Потемкина с Послом Польши в СССР В. Гжибовским // ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 94. Д. 596.
- ^{63.} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 205 (лист не пронумерован. — А. М.).
- ^{64.} ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 96. Док. 598.
- ^{65.} Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 189.
- ^{66.} Там же.
- ^{67.} Текст договора цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х с 1940-х гг. С. 216.
- ^{68.} ТАСС, служебный выпуск. «Речь Президента Латвии Ульманиса, произнесенная 12 октября 1939 г. г. Рига.» // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 3. Д. 22. Л. 52.
- ^{69.} Там же. Л. 56.
- ^{70.} Там же. Л. 48.
- ^{71.} Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 41.
- ^{72.} Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 226.
- ^{73.} АВП. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 75. Л. 75–83.
- ^{74.} Там же. Л. 12–13.
- ^{75.} Там же. П. 1. Д. 214. Л. 1.
- ^{76.} Из резолюции замнаркоминдел В.П. Потемкина от 13 июня 1939 г. Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 208.
- ^{77.} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 121–134.
- ^{78.} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2037. Л. 65.
- ^{79.} 9 мая 1939 г. Полпредство СССР в Германии получило ноту германского МИДа, в которой говорилось, что в соответствии с указом «фюрера и рейхсканцлера» от 16 мая 1939 г. «все внешние сношения протектората осуществляются Германской империей» (Там же. Ф. 011. Оп. 4. П. 28. Д. 68. Л. 9).
- ^{80.} ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 220. Док. 168.
- ^{81.} Там же. С. 226. Док. 174.
- ^{82.} Письмо М.М. Литвинова в Прагу от 28 марта 1939 г. Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 208.
- ^{83.} Там же. С. 214.
- ^{84.} Там же. С. 212.
- ^{85.} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 121–134.
- ^{86.} Как представляется, интересная и новая, хотя и спорная версия дополнительных мотиваций подписания советско-японского пакта приводится А.Д. Богатуровым в «Системной истории международных отношений». В первом томе на с. 400 автор пишет: «В апреле 1941 г. и даже позже Сталин не исключал возможности если не принципиального соглашения, то хотя бы частичного компромисса с Германией, который... обеспечил бы СССР отсрочку для подготовки к войне. Договор с Японией в этом смысле давал некоторые возможности. Москва пыталась политически обыграть факт заключения договора с Токио как свидетельство косвенного подключения к сотрудничеству на основе Тройственного пакта».
- ^{87.} Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4-х т. Т. 1: События. 1918–1945 / Под ред. А. Д. Богатурова; Научно-образовательный форум по международным отношениям; Московский общественный научный фонд; Институт США и Канады РАН; Факультет мировой политики Государственного университета гуманитарных наук. М.: Московский рабочий, 2000. С. 392.
- ^{88.} Другое дело, что их участия ни Москва, ни Лондон с Парижем, ни, разумеется, Берлин не хотели.
- ^{89.} ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 394–400. Док. 240. Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле 3 июля 1940 г.
- ^{90.} Там же.
- ^{91.} Там же. Кн. 2. Ч. 2, С. 648–651. Док. 812.

Внешняя политика СССР в 1935–1939 годах: некоторые соображения

Мариуш Волос*

Характерной чертой внешней политики СССР в 1930-е гг. была централизация и даже «гиперцентрализация»¹ принятия любых решений, касавшихся международных вопросов. Впрочем, то же происходило и во внутренних делах. Под этим я прежде всего подразумеваю центр принятия решений, который находился не в Наркомате иностранных дел, а в Политбюро ЦК ВКП (б), а со второй половины 1930-х гг. единолично в руках И. В. Сталина. Более того, историки по сей день спорят, отражает ли информация, содержащаяся в архивах Политбюро, личных записях Сталина или советской дипломатической документации, истинную точку зрения Сталина, образ его мысли, оценку текущей ситуации, планы на будущее, одним словом, «глубокую осведомленность» диктатора, или они носили лишь тактическо-пропагандистский характер². Это ключевой вопрос как для методологии исторических исследований, так и для понимания методов советской дипломатии накануне Второй мировой войны.

На практике «гиперцентрализация» стала причиной не только обязательных консультаций даже по самым мелким вопросам с «инстанцией»³. Советский диктатор и узкий круг его приближенных надели тесный корсет на дипломатическую службу, которая должна была беспрекословно и чрезвычайно точно выполнять распоряжения, которые порой ей были непонятны. Как представляется, не соответствует реальности точка зрения части российских и западных историков, согласно которой существует принципиальное различие между политической линией М. М. Литвинова и линией И. В. Сталина и В. М. Молотова. Конечно же, различия существовали, даже в области подходов к осуществлению внешней политики, однако они оставались внутри кремлевских стен. Наркоминдел мог только убеждать Сталина в верности той или иной точки зрения. Но

когда взгляды Литвинова, ранее всецело поддерживаемые «инстанцией», перестали отвечать планам и намерениям Сталина, Литвинов, несмотря на все свои заслуги и хорошую работу, был немедленно устранен с занимаемого поста⁴. Иными словами, не существовало «политики Литвинова» или «политики Молотова». Во второй половине 1930-х гг. все вопросы, касавшиеся внешней политики, вплоть до самых мелких, решало Политбюро под руководством Сталина. Внешняя политика СССР в интересующий нас период была политикой советского диктатора. И вся ответственность за ее проведение лежала на нем.

1936–1939 гг. стали апогеем сталинских чисток среди советских дипломатов. По подсчетам С. Дюлен, было физически уничтожено, сослано в лагеря или освобождено от должностей 34% сотрудников дипломатического ведомства СССР. Но если учесть потери во всей руководящей номенклатуре НКВД (около 100 высокопоставленных сотрудников центрального аппарата и зарубежных представительств, включая и четырех заместителей М. М. Литвинова — Г. Я. Сокольников, Л. М. Карахана, Н. Н. Крестинского и особо близкого наркому Б. С. Стомонякова), этот процент возрастает до 62. Среди 157 лиц, занимавших руководящие посты в советском дипломатическом ведомстве в 1940–1946 гг., целых 85% начали свою карьеру после 1936 г.⁵ Как следствие, в основном это были сотрудники, не имевшие опыта работы. В начале 1939 г. без руководства оказались советские представительства в Болгарии, Дании, Японии, Испании, Литве, Польше, Румынии, США и Венгрии⁶. Следующая волна чисток среди дипломатов началась после отстранения Литвинова (3 мая 1939 г.), когда под удар попали в первую очередь наиболее квалифицированные и опытные сотрудники. Сам Литвинов, над которым также сгущались тучи, отдавал себе отчет в том, что сталинские чистки, особенно в Красной армии и НКВД, ослабляют СССР как внешне, так

* Мариуш Волос — доктор исторических наук, представитель Польской Академии наук в Москве.

и внутренне, негативно влияют на эффективность всей политической и дипломатической деятельности. Опытных дипломатов сменяли неподготовленные кадры. Страх парализовал повседневную работу. Хорошим примером тут может быть личность поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада, который практически не покидал здания посольства в Варшаве. Крайняя ограниченность его контактов, отсутствие личных знакомств в польских политических кругах способствовали тому, что передаваемая в Москву информация была бледной и зачастую излагалась в условном наклонении⁷.

Внешняя политика СССР определялась, прежде всего, национальными интересами, а не идеологией или вопросами коллективной безопасности. В этом смысле она не отличалась от политики других держав. Примером этого является позиция СССР в Лиге наций (с сентября 1934 г.), где советские представители положительно отнеслись к т. н. Версальскому порядку, однако, не проявили никаких инициатив с целью его укрепить или обезопасить, так как в сущности это противоречило национальным интересам СССР.

Следует согласиться с результатами исследований российского историка В. А. Зубачевского, который констатирует состоявшийся в 1923 году отход СССР от идеологических установок во внешней политике (после неудачных попыток оказания помощи германской революции) и делает вывод о возврате к имперским подходам, характерным для дореволюционной России, отличительной чертой которых явилось стремление к объединению земель царства Романовых и даже «русских земель» (например, Западная Малая Польша или Западная Украина), а в географическом плане — к перемещению западных границ СССР на побережье Балтики и к Карпатам⁸.

Заключение пактов о взаимопомощи с Францией и Чехословакией 2 и 16 мая 1935 г., одновременно с которыми, однако, не были подписаны военные соглашения, было продиктовано не столько намерением укрепить политику коллективной безопасности, сколько стремлением обеспечить собственные национальные интересы: а) уменьшить риск нападения Германии и Польши на СССР, что позволило бы активизировать политику СССР на Дальнем Востоке и стало бы эффективной формой давления на Японию; б) предупредить теоретически возможное создание единого блока Франции, Германии и Польши, который мог бы политически изолировать Советский Союз в Европе; в) исключить возможность создания вокруг Польши или самой Польшей блока западных соседей СССР, который в Москве всегда считался чрезвычайно опасным и который невозможно было создать без французской поддержки⁹. В Кремле также серьезно обдумывали заключение пакта о ненападении с Велико-

британией. Однако этой цели достичь не удалось. При этом важно отметить, что СССР обязывался оказать помощь Чехословакии только при условии оказания ей помощи от Франции, что вновь подтверждает, что СССР перекалывал ответственность за поддержание «версальского порядка» на плечи его создателей, в данном случае — на Францию и Великобританию, последовательно избегая каких-либо инициатив в этом направлении.

В историографии, принадлежащей к «классическому» направлению, присутствует точка зрения, согласно которой корни всей «политики коллективной безопасности», проводимой СССР с начала 1930-х гг., кроются в ощущении военной слабости СССР и неподготовленности к войне, присутствовавшем в советской элите. Москве нужно было время для укрепления военной мощи. С целью уравновесить потенциальную угрозу со стороны Третьего рейха и Японии, требовалось искать союзников среди западных демократий, и в первую очередь внимание было обращено на Францию, с которой уже в ноябре 1932 г. был подписан договор о ненападении и начался поиск путей к военному сотрудничеству¹⁰, а также на Великобританию. Однако ни И. В. Сталин, ни его приближенные не сомневались, что одновременно с ростом немецкой военной мощи западные демократии будут гораздо активнее стремиться направить агрессию А. Гитлера на восток, не обращая внимания на смертельную угрозу для стран, находящихся между Третьим рейхом и СССР. По этой причине советский диктатор, пытаясь уберечься от агрессии с запада, хотел поспособствовать созданию конфликта между капиталистическими странами, а затем между Германией и западными демократиями. Сам же он планировал подождать и выбрать подходящий момент, когда воюющие стороны ослабнут, и начать марш на Запад, расширить свое влияние под лозунгом распространения коммунистической идеологии¹¹. Сталин еще помнил Первую мировую войну и, возможно, полагал, что конфликт на западе продлится достаточно долго, изматает обе стороны, что в результате облегчит ему реализацию собственных далеко идущих планов.

Ряд западных историков обращает особое внимание на идеологическую основу политического мышления И. В. Сталина, которая сочеталась с опытом диктатора, полученным в период гражданской войны и иностранной интервенции в России. Они обращают внимание на глубоко скрытую враждебность советского руководителя к «английским и французским капиталистам», на которых он возлагал основную ответственность за интервенцию иностранных государств в послереволюционную Россию. Враждебный настрой по отношению к «капиталистам», накладывавшийся на неприязнь Сталина к Лондону и Парижу, по всей видимости, был более серьезным, чем его негативное отношение к фашистам и нацистам, к которым он вплоть до 1941 г. не питал негативных

чувств. «Мелкобуржуазное» или «мелкокапиталистическое» происхождение итальянского фашизма или немецкого нацизма с идеологической точки зрения, в глазах Сталина, делало Б. Муссолини и А. Гитлера более выгодными и привлекательными партнерами для переговоров, чем были англичане и французы. Да и коммунистам было проще оказывать влияние и бороться с мелким буржуазством, чем с крупным капиталом¹². При этом недостаток твердого понимания Сталиным сущности фашизма или гитлеризма стал фактором, благоприятствовавшим именно такому видению мира из Кремля. Следуя этой логике, можно добавить, что военное сотрудничество СССР с Веймарской республикой в пострепубликанский период и, особенно, после подписания Берлинского договора, последовательными сторонниками которого с немецкой стороны были консерваторы (например, Ульрих фон Брокдорф-Ранцау) и военные (например Ганс фон Сект), в сталинском понимании носило позитивный характер. На таком фоне перспектива сотрудничества с Францией или Англией для советского руководства выглядела бледно, а опыт 1920-х и первой половины 1930-х гг. (проблема дореволюционных долгов и национализированного Советской Россией иностранного имущества, проблема получения кредитов, разрыв дипломатических отношений с Великобританией в 1927 г. и пр.) и вовсе лишил ее всякой привлекательности.

До 1936 г. советское руководство не принимало участия в вооруженных конфликтах. Изменениям в этой области способствовала гражданская война в Испании, а также нападение Японии на Китай. Оба этих события, как и совершенно различные театры военных действий, были для И. В. Сталина своего рода испытательными полигонами, на которых прошли апробацию как военнотрудовые, так и вооружение. По данным современных российских историков, в 1936–1939 гг. СССР предоставил испанским республиканским силам 648 самолетов, 347 танков, 1186 зенитных установок, 20 648 пулеметов и 497 813 винтовок. Уже в августе 1936 г. в Испанию прибыли первые советские военные советники. В интербригадах сражалось около 3 тыс. граждан СССР (в том числе 160 летчиков), из которых более 200 человек погибли¹³. После нападения Японии на Китай в августе 1937 г. СССР подписал с Китаем пакт о ненападении. Москва предоставила китайцам значительную военную помощь. В 1937–1942 гг. СССР поставил в Китай 1285 самолетов, а также направил специалистов для их обслуживания. Советские пилоты сбили 486 японских самолетов. В 1938–1939 гг. Москва предоставила Китаю кредиты на общую сумму в 250 млн долл¹⁴. Сталин стал убеждаться в военной мощи своего государства, тем более что военный потенциал СССР постоянно находился в центре его внимания, военные расходы росли год от года, при том что в 1930-е гг. все больший акцент делался на развитие наступательных форм и техник борьбы¹⁵.

После прихода к власти в Германии А. Гитлера И. В. Сталин ни на секунду не закрывал для себя путей к соглашению с Третьим рейхом. Несмотря на антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду новых немецких властей, никто в Кремле и не думал о том, чтобы отозвать из Берлина посла или ввести ограничения на экономическое сотрудничество. Ряд российских историков даже считает, что диктатор пытался решить некоторые внутренние и внешние проблемы при активном участии гитлеровской Германии. Растущее влияние фюрера и его партии успешно использовалось в качестве своеобразного пугала, тем самым объясняя наращивание собственных вооружений, а гитлеризм позиционировался как смертельная угроза для коммунизма. Однако у Сталина не возникало идеологических препятствий в тех случаях, когда возникала нужда в финансовых средствах, современных технических решениях или даже образцах подготовки армии. Ее удовлетворяли не только во Франции, но также и в фашистской Италии¹⁶ или нацистской Германии. Иногда соответствующие шаги интерпретируются как выражение прагматизма или даже хитрость советского диктатора. На международной арене гитлеровская Германия оставалась для Сталина привлекательным партнером, благодаря которому можно было успешно воздействовать и оказывать непосредственное давление на Англию или Францию. Эта точка зрения особенно важна для наших рассуждений. Я полностью согласен со взглядами В. В. Захарова и Ю. З. Кантор, согласно которым тайные военные контакты между СССР и Третьим рейхом в 1933–1939 гг. являлись важной сферой взаимоотношений по линии Москва — Берлин, смысл же их заключался в сохранении обоими диктаторами возможности быстрого возврата к прерванному после прихода Гитлера к власти военному сотрудничеству, которое в 1920-е и начале 1930-х гг. принесло немало выгоды обеим странам. Впрочем, советско-германские военные контакты тщательно скрывались от международного и внутреннего общественного мнения. Их существование было далеко от установок публичной дипломатии¹⁷.

Рассмотрим некоторые дипломатические шаги, предпринятые советской стороной по отношению к Третьему рейху во второй половине 1930-х гг.

В январе 1934 г. никто иной, как М. М. Литвинов, публично произнес слова, которые должны были выразить позицию советских руководящих кругов: «Мы можем поддерживать и поддерживаем хорошие отношения с капиталистическими государствами при любом режиме, включая и фашистский»¹⁸. Это была значимая декларация. Осенью 1935 г. полпред в Берлине Я. З. Суриц получил распоряжение активизировать контакты с политическими кругами Третьего рейха и изучить возможности улучшения двусторонних отношений. Проведенный им анализ не дал однозначных ответов. Суриц сообщал, что на

Шпрее по-прежнему доминирует курс, направленный против Советского Союза, однако Литвинов не имел ничего против дальнейшего экономического сотрудничества с Третьим рейхом, хоть и не хотел, чтобы львиная доля советского экспорта направлялась в Германию¹⁹. Этому сопутствовали и другие шаги, такие как, например, миссия торгового представителя в Берлине Давида Канделаки в 1935 г., который был отправлен туда не по дипломатической линии и, следовательно, минуя Сурица²⁰. Эти «конфиденциальные» контакты с Берлином длились практически непрерывно до весны 1937 г., то есть и после вовлечения обоих государств в испанскую гражданскую войну по разные стороны противостояния. Даже сам Литвинов допускал возможность «генерального соглашения» с Третьим рейхом, однако, лучше, по его мнению, было бы, если в таком соглашении участвовали Англия и Франция. Важно отметить, что в 1936 году И. В. Сталин не дал согласия на предложенную Литвиновым систематическую и сконцентрированную пропагандистскую акцию против «немецкого фашизма и фашистов»²¹. Можно даже поставить вопрос: не были ли пакты, заключенные с Францией и Чехословакией, если абстрагироваться от других политических выгод, методом «побуждения» Гитлера принять во внимание возможность начала переговоров и даже сотрудничества с СССР?

Установление администрацией президента Франклина Д. Рузвельта осенью 1933 г. дипломатических отношений с СССР открыло для Москвы возможности не только для укрепления экономического сотрудничества с США, но и эвентуального принятия совместных политических решений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Дальнем Востоке²². Инициативная М. М. Литвиновым попытка заключения пакта о ненападении с США, рассматривавшаяся как возможный шаг в реализации концепции коллективной безопасности на Дальнем Востоке, не принесла существенных результатов. В российской историографии вина за неудачу реализации этой идеи возлагается на американцев, которые сделали акцент на усилении собственной военной мощи, в особенности потенциала военного флота. В равной степени вину за неудачу в данном вопросе можно возложить и на Москву, которая в возможном пакте с США видела, прежде всего, эффективный элемент блокирования Японии и, как следствие, средство для достижения собственных политических целей в Маньчжурии, Монголии и северном Китае²³.

В короткой работе нет возможности достаточно подробно осветить деятельность советской дипломатии в 1938–1939 гг. Впрочем, в этом и нет нужды, так как соответствующие вопросы широко рассмотрены в литературе²⁴. Поэтому ограничимся лишь отдельными аспектами.

Аншлюс Австрии в марте 1938 г. не вызвал резкого протеста со стороны СССР, придерживавшегося принципа, согласно которому поддержание «Версальского порядка» должно быть проблемой его создателей. Впрочем, М. М. Литвинов был прав, когда писал, что «захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»²⁵. В Москве понимали, что следующей целью агрессии А. Гитлера будет Чехословакия. Поэтому 17 марта глава советского внешнеполитического ведомства предложил созвать конференцию держав, которая была бы посвящена аншлюсу Австрии и развитию ситуации в Европе после ее включения в Третий рейх. Предложение было адресовано Лондону и Парижу, но было лишено конкретики и появилось в прессе²⁶, в результате чего усилия Литвинова, направленные на то, чтобы Великобритания взяла на себя такие же обязательства по отношению к Праге, какие в 1935 г. взяли Франция и СССР, не принесли результатов²⁷. Согласно записке, направленной послу СССР в Праге С. С. Александровскому, декларация Литвинова от 17 марта была последним предложением по сотрудничеству. После нее наступил период ограниченной заинтересованности советской дипломатии развитием ситуации в Европе²⁸.

Сложно обнаружить какие-либо проявления дипломатической активности Москвы в период подготовки к разделу Чехословакии. Доминировала выжидательная позиция, хотя советские дипломаты пристально следили за развитием событий. Была ли пассивная позиция результатом большого террора, который свирепствовал внутри СССР? Наверное, в большей степени так оно и было, но тут также имели место и политические соображения. В Москве с подозрительностью и неприязнью отнеслись к объявлению о проведении Мюнхенской конференции. Эту подозрительность увеличивало то обстоятельство, что никто не пригласил советских политиков в Баварию и приглашать не собирався. Несложно было послать международному общественному мнению сигнал о том, что «капиталисты», собравшиеся в Мюнхене, готовят покушение на существующий в Европе уклад, решают судьбы третьих стран за их спиной и сами несут ответственность за последствия своих действий, и внушить, что ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности, любое государство может оказаться на месте Чехословакии. Правда, по просьбе Э. Бенеша было сделано исключение из пресловутой пассивности. Польше был направлен демарш, содержащий угрозу денонсации пакта о ненападении, если Варшава решит принять участия в разделе Чехословакии, точнее говоря — забрать себе Заолзье. Это не принесло ожидаемого результата. Как отмечал глава польского внешнеполитического ведомства Ю. Бек, во время мюнхенского кризиса «Москва начала... поговаривать о необходимости перехода войск через во-

сточную Малую Польшу, чтобы иметь возможность оказать помощь чехам. Однако в то же время самые старательные наблюдатели за СССР не обнаружили признаков того, что Москва ведет хоть какие-то приготовления к такой интервенции»²⁹.

Возникает вопрос: почему И. В. Сталин не согласился на предложение М. М. Литвинова (23 сентября 1938 г.) провести в связи с чехословацким кризисом хотя бы частичную мобилизацию Красной армии, если Мюнхенскую конференцию до сих пор в российской историографии, как правило, оценивают как смертельную опасность для СССР, определившую дальнейшее развитие событий на международной арене, в том числе и пакт Молотова–Риббентропа? Более того, советский нарком видел в этой, хоть и частичной, мобилизации наиболее эффективный способ сдерживания А. Гитлера и Ю. Бека³⁰. Конечно, можно ответить на этот вопрос относительно просто: предоставление вооруженной помощи Чехословакии от СССР было увязано с предоставлением такой помощи от Франции. Сталин, как и большинство наблюдателей за сложившейся в Европе ситуацией, имел все данные, чтобы понять, что в Париже никто всерьез не задумывался о спасении чехословацких союзников и французы не имеют никакого желания ввязываться в какую-то «восточную авантюру» во имя защиты верной им Праги. Позиция Франции на Мюнхенской конференции была лучшим тому подтверждением. Однако, отвергая предложение Литвинова о частичной мобилизации, не думал ли Сталин в первую очередь о том, чтобы оставить приоткрытой дверь в Берлин и просто не хотел раздражать Гитлера, чья сила росла день ото дня?

В российской историографии выдвигается тезис о тесной связи между Мюнхенской конференцией и пактом Риббентропа–Молотова. Даже утверждает, что этот пакт должен был предотвратить новый «Мюнхен», который планировалось организовать уже против СССР. Этот тезис имеет право на существование, но только после тщательного и целостного изучения советских дипломатических и политических архивов 1938–1939 гг., которые были и продолжают оставаться лишь в частичном открытом доступе для исследователей. Также подчеркивается угроза изоляции СССР на международной арене, которая достигла своего апогея во время Мюнхенской конференции и стала главной определяющей для действий советской дипломатии осенью 1938 г., а также весной и летом 1939 г. Можно поспорить со взглядами С. З. Случа, выдающегося российского исследователя истории международных отношений, который утверждает, что «приоритетом политики Сталина после Мюнхенской конференции было достижение соглашения с нацистской Германией»³¹. Представляется, что Сталин и после Мюнхенской конференции мыслил категориями многовариантного развития ситуации. В самом деле, он стал гораздо серьезней относиться к необходимости заключения договора с А. Гитлером,

отсюда и эта «приоткрытая дверь» в Берлин, но он все же не исключал возможности соглашения с Францией и Великобританией. Окончательное решение о повороте к Берлину Сталин принял несколько месяцев спустя, весной 1939 г.

В ноябре 1938 г. началось улучшение дипломатических отношений между СССР и Польшей. Оба государства подтвердили актуальность заключенных ранее двусторонних договоров. Этот период продлился до февраля 1939 г., когда был подписан польско-советский торговый договор³². Однако сложно сказать, был ли это устойчивый курс в политике Москвы. Можно даже поставить довольно провокационный вопрос: не было ли согласие И. В. Сталина на улучшение отношений с Варшавой всего лишь формой давления на Берлин, которому таким образом внушались возможность союза со следующим объектом агрессии А. Гитлера (после встречи посла Ю. Липского с И. фон Риббентропом 24 октября 1938 г. стало ясно, что новым объектом агрессии Гитлера будет Польша, это подтверждали также итоги разговоров Ю. Бека с А. Гитлером и И. фон Риббентропом в январе 1939 г.³³) и угроза изоляции Третьего рейха, что по сути дела побуждало к поиску компромисса между Берлином и Москвой? И не было ли это первым, еще очень завуалированным, сигналом Сталина Гитлеру, что удовлетворение очередных требований Берлина возможно только при сотрудничестве с Москвой и только с ее ведома и согласия? И был ли прав М. М. Литвинов, отправляя Сталину 23 сентября 1938 г. телеграмму из Женевы, в которой он акцентировал возможность вступления СССР в приближающуюся войну, утверждая, что этот вооруженный конфликт будет не в интересах СССР? Скорее всего, в это время Сталин думал уже по-другому и видел для себя выгоды в надвигающейся войне³⁴. Этот взгляд не сильно отличается от тезиса упоминавшегося выше С. З. Случа, согласно которому в Кремле думали о прекращении сотрудничества между Берлином и Варшавой, но отнюдь не для того чтобы реально сблизиться с Польской Республикой, а для того, чтобы, усложняя польско-немецкие отношения, создать платформу для сближения с Третьим рейхом за счет Польши³⁵.

В конце марта 1939 г., после аннексии Третьим рейхом Чехии и присоединения Клайпеды, Великобритания дала Польше гарантию ее независимости, в то же время воздержавшись от гарантии ее существования в границах II Польской Республики. Во время визита в Лондон Ю. Бек преобразовал эти односторонние гарантии в двусторонние обязательства, заложив тем самым основу польско-британского сотрудничества. Не подлежит сомнению то, что глава польского внешнеполитического ведомства верил в искренность британских заверений и возможность заключения союза с Лондоном, который будет полезен не только в дипломатических играх, но и на поле

битвы. Это была ошибка, в основе которой лежала как наивность, так и вера в латинскую максиму *sunt servanda*³⁶.

Уже в апреле 1939 г. Лондон и Париж подали сигнал о готовности начать переговоры с СССР, главной целью которых должно было бы стать сдерживание последующих агрессивных шагов А. Гитлера, и в особенности — предоставление гарантий Польше и Румынии. Отношение М. М. Литвинова к этим предложениям было позитивное. Он даже был готов расширить эти гарантии и предоставить их другим государствам Восточной Европы, имея в виду государство Прибалтики³⁷. 21 апреля 1939 г. в Кремле во время длившейся три с половиной часа встречи позиция главы внешнеполитического ведомства была полностью раскритикована В. М. Молотовым, действовавшим с ведома, согласия и по инструкции И. В. Сталина. Прикрываясь государственными интересами СССР, Молотов выступил против ориентации на соглашение с Великобританией и Францией³⁸. В Кремле, помимо самого Сталина, находились его самые близкие и надежные сотрудники: В. М. Молотов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов. Дипломатические круги представлял Литвинов, его первый заместитель В. П. Потемкин, полпред в Лондоне И. М. Майский, полпред в Берлине А. Ф. Мерекалов, а также советник посольства СССР в Париже П. Н. Крапивинцев³⁹. Не хватало полпреда во Франции Я. З. Сурица, которому Потемкин рекомендовал оставаться в Париже⁴⁰. Таким образом, судьба Литвинова была предрешена. 3 мая он был снят со своего поста. Его место занял Молотов. Свою роль здесь сыграло еврейское происхождение Литвинова, которое могло затруднить ведение переговоров с нацистами. Двумя днями позднее из Берлина был отозван Мерекалов, чье место занял Г. А. Астахов⁴¹. Для реализации нового курса требовались новые люди.

Эти факты однозначно и несомненно говорят о выборе И. В. Сталиным концепции взаимопонимания с Третьим рейхом. Только 21 апреля 1939 г. советский диктатор отверг теоретическую возможность сближения с Францией и Великобританией против А. Гитлера и велел переориентировать политический курс СССР на поиск путей к соглашению с Третьим рейхом. Что стало непосредственным мотивом этого поворота? Я полностью согласен с точкой зрения Марка Конрата, который считает, что «британские гарантии Польше стали катализатором сближения III Рейха и СССР»⁴². Также не исключено, что Сталин знал о подписанных не так давно приказах о нападении на Польшу («план Вайс»). Советский диктатор отдавал себе отчет в том, что успешному нападению Третьего рейха на Польшу должна предшествовать ее политическая и военная изоляция или, по крайней мере, попытка такой изоляции, что было невозможно без взаимодействия с СССР. Следовательно, развитие международной ситуации предоставляло Сталину

одни преимущества, время шло в его пользу, а роль Советского Союза в приближавшейся борьбе росла с каждым днем⁴³.

Возникает очередной вопрос — с какой целью велись дальнейшие переговоры с англичанами и французами, требования к которым становились все более завышенными и целью которых в августе 1939 г. было добиться согласия на проход советских войск через территорию независимой Польши, на эти переговоры не приглашенной? На мой взгляд, ответ ясен. И. В. Сталину требовался сам факт ведения переговоров с западными государствами, этот факт должен был оказывать влияние на А. Гитлера и стать лучшей детерминантой быстрого начала, а затем и продолжения переговоров с СССР. Кремль находился в необычайно привилегированном положении, к нему выстроилась очередь представителей держав, желающих вести переговоры. Диктатор СССР держал в своих руках всю колоду карт. Можно также задать и другой вопрос — что для Сталина было выгоднее: добиться в лучшем случае при посредничестве Англии и Франции согласия на проход Красной Армии через восточную Малую Польшу и Виленский край или без утомительных переговоров, моментально получить гораздо более обширные территории в Центральной и Восточной Европе с ведома и согласия Гитлера, который готовился к нападению на Польшу и был премного благодарен за предложения, поступавшие из Москвы? Ответ очевиден.

Тактика ведения переговоров с французами и англичанами на своей территории основывалась на все большем закручивании спирали требований, от выполнения которых советская сторона и непосредственно К. Е. Ворошилов ставили в зависимость подписание трехсторонних соглашений. Дело в том, что в Кремле прекрасно понимали тот факт, что очередные требования СССР невозможно выполнить. И когда становилось ясно, что подписание франко-англо-советского политического соглашения представляется возможным, Москва потребовала дополнить его военной конвенцией, тем самым успешно выигрывая время. Затем, когда и тут появился шанс достижения договоренности, Ворошилов потребовал согласия Варшавы на проход советских войск через ее территорию. Ю. Бек решительно отвечал послам государств-союзников, аккредитованным в Варшаве, что советское условие «сводит Польшу к роли мертвеца», а польское правительство не может допустить отношения к своей «территории как к предмету переговоров между третьими государствами»⁴⁴. В итоге было определено, что в случае немецкой агрессии Варшава будет готова сесть за стол переговоров с Советским Союзом с целью выработки взаимоприемлемого соглашения. Франко-английская делегация должна была потребовать от Москвы конкретного плана взаимодействия против Третьего рейха. В то же время дальнейшие переговоры шли за спиной поляков. 21 августа французы по собственной инициативе

уполномочили генерала Жозефа Думенка сделать заявление о том, что Варшава согласна на проход советских войск через свою территорию, что не соответствовало действительности, но отражало стремление сохранить мир любой ценой, в данном случае ценой Польской Республики. Думенк проинформировал Ворошилова о данном положении на следующий день. Советская сторона незамедлительно потребовала ответа на вопрос, знают ли об этой позиции британское, польское и румынское правительства. В то же время уже 7 августа 1939 г. Ворошилов получил письменную инструкцию, где ему было приказано прекратить переговоры с французами и англичанами, но таким образом, чтобы ответственность за их провал легла на делегации западных государств и их правительства⁴⁵. Этот документ лучше всего демонстрирует тактику И. В. Сталина.

Параллельно велись переговоры с Германией, которые стали набирать обороты в конце весны и летом 1939 г. Это было основное направление советской внешней политики в то время. Ранее А. Гитлер относился к возможности подписания пакта с СССР с особой осторожностью, и даже с недоверием. Однако возможность избежать войны на два фронта и рассорить потенциальных союзников — СССР, с одной стороны, и Францию, Англию, поддерживаемых Польшей, с другой, — стала причиной того, что на этот раз его реакция на предложение начать переговоры с Москвой была позитивной⁴⁶. Понимая суть проводимой Западом «политики умиротворения», Гитлер имел серьезные основания полагать, что изолированной советско-германским договором Польше, так же, как и прибалтийским государствам, никто не придет на помощь.

Суть пакта Риббентропа–Молотова, подписанного 23 августа 1939 г., содержится в секретном протоколе, который прилагался к двустороннему договору о ненападении. Сам договор напоминал ряд документов такого типа, подписанных ранее многими странами, и не был чем-то необычным. Однако в его подписании не было бы смысла, если бы не секретный протокол. На основе последнего германский диктатор был согласен отдать советскому диктатору в качестве сферы интересов Финляндию, Латвию, Эстонию, «Западную Белоруссию» и «Западную Украину», а также принадлежащую Румынии Бессарабию. Территория Польши была поделена вдоль рек Нарев, Висла и Сан. Однако не была предусмотрена одна деталь. Река Нарев не соприкасалась с границей Польши и Восточной Пруссии. Следовательно, требовалась корректировка намеченной линии, проведение ее также по реке Писсе. Таким образом, часть Варшавы, расположенная с правого берега Вислы, должна была оказаться в советской сфере интересов. Литва тем временем была включена в сферу интересов А. Гитлера, хотя оба диктатора признали ее права на Виленский край⁴⁷. Подписание договора означало неизбежность войны.

Утром 17 сентября 1939 г. войска Красной армии вторглись на территорию Польской Республики. Я полностью согласен с точкой зрения С. З. Случа, согласно которой это вторжение означало вступление СССР во Вторую мировую войну⁴⁸. Ночью с 16 на 17 сентября советская сторона пыталась вручить послу Польши в Москве Вацлаву Гжибовскому ноту, в которой военная агрессия обосновывалась «внутренним банкротством польского государства»⁴⁹. Польский дипломат отказался принять ноту, которую затем бросили в почтовый ящик посольства.

28 сентября 1939 г. СССР и Третий рейх подписали договор о дружбе и границе, к которому также прилагались секретные протоколы⁵⁰. Учитывая быстрое продвижение гитлеровских войск по территории Польши, была изменена граница сфер интересов. И. В. Сталин получил Литву, зато разграничение сфер интересов в Польше было перенесено на линию рек Сан и Буг, на т. н. линию Керзона, предложенную Великобританией в декабре 1919 г. Белосток с обширной прилегающей территорией Подляшья оказался в сфере интересов СССР, люблинские земли и часть Мазовии (то есть бывшего Варшавского воеводства) А. Гитлер включил в Генерал-губернаторство, созданное в октябре 1939 г. в центральной и южной части разгромленной Польши. Также было принято решение о ведении совместной борьбы с польским подпольем, которое вскоре было реализовано.

Договоры с Третьим рейхом от 23 августа и 28 сентября 1939 г. открыли И. В. Сталину путь к аннексии Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, а впоследствии и к нападению на Финляндию, которое было совершено в ноябре 1939 г.

Сталин не колебался, начинать ли переговоры с нацистской Германией, подписывать ли с ней договор, удивив тем самым деятелей Коминтерна, коммунистов на западе Европы и симпатизировавших коммунизму во многих странах, и даже вызвав их недоумение и протест⁵¹.

Завершение СССР вооруженного конфликта с Японией накануне нападения на Польшу 17 сентября 1939 г. не было случайностью. В результате переговоров В. М. Молотова с послом Шигенори Того 16 сентября были прекращены вооруженные действия⁵². Чтобы иметь возможность реализовывать свои военно-политические цели на Западе, нужно было позаботиться о мире на Дальнем Востоке.

В историографии существуют различные оценки заключения пакта Молотова–Риббентропа и его последствий. Ряд современных российских историков и публицистов подчеркивают, так же как и ранее советская историография и публицистика, факт своего рода исправления исторической несправедливости, какой в их понимании был раздел территорий,

населенных украинцами и белорусами по Рижскому миру. Вторгшаяся 17 сентября на восточные территории Второй Польской Республики Красная армия несла знамя освобождения от польского гнета притесняемых братских славянских народов, которые против собственной воли оказались оторваны от родных, живущих на территории СССР. При случае также приводится еще один аспект: защита братских народов от стремительно продвигавшихся на восток армий А. Гитлера в тот момент, когда польское государство под ударами Третьего рейха было не в состоянии обеспечить безопасность территорий, которые большевики называли «Западная Украина» и «Западная Белоруссия»⁵³, а поляки — Восточная окраина (Kresy Wschodnie). Однако немного авторов, представляющих данное направление в историографии, задаются вопросом — хотели ли на самом деле проживавшие в восточных воеводствах Польши белорусы, украинцы, литовцы и даже евреи жить в СССР? Доходившие в двадцатые и, особенно, в тридцатые годы до восточных территорий Польши сообщения о борьбе с религией, о коллективизации, раскулачивании, массовых репрессиях, голоде на Украине и проводимой И. В. Сталиным чистке в партийном и государственном аппарате, Красной Армии отнюдь не стимулировали объединение в границах Советского Союза⁵⁴.

Многие современные российские историки подчеркивают, что действия И. В. Сталина в августе и сентябре 1939 г. основывались на опыте Мюнхенской конференции. В Кремле опасались международной изоляции и большого заговора «капиталистических стран» против «родины рабочих и крестьян». Поэтому следовало предотвратить такую возможность и не дать произойти новому «Мюнхену». Именно поэтому Сталин последовательно оставлял себе «приоткрытую дверь» к А. Гитлеру и в 1939 г. вел параллельно переговоры с англо-французской и немецкой делегациями. Однако стоит задать вопрос, действительно ли после Мюнхенской конференции над СССР нависла угроза международной изоляции? Ведь как для Третьего рейха, так и для стран Запада дипломатический путь достижения собственных целей (в первом случае — территориальные приобретения на востоке, во втором — сохранение мира) проходил через Москву. Более того, Сталин осознавал это и сумел воспользоваться выгодной конъюнктурой для реализации своих целей.

Заключая 23 августа пакт с Третьим рейхом, советский диктатор оттолкнул от СССР угрозу гитлеровской агрессии, направив ее острие сперва против изолированной Польши, а затем против западных государств. Задача Москвы была настолько легкой, что она стояла как бы в стороне от борьбы, шедшей в Европе в последние месяцы перед началом войны, лишь пристально наблюдая, анализируя ситуацию и делая соответствующие выводы на будущее. Мало кто представлял себе масштаб закулисных действий,

зачастую скрывавшихся даже от высокопоставленных чиновников. Эта кажущаяся пассивность и недостаток активности СССР в ключевых европейских вопросах часто воспринимались политическими наблюдателями того времени как результат хаоса, царившего внутри советского государства, погрязшего в сталинском терроре. Многие опытные политики и дипломаты говорили о маргинализации роли Советского Союза на международной арене, о его повороте спиной к Европе, а чистки в Красной Армии⁵⁵ воспринимались как фактор, значительно ослабляющий военные и даже мобилизационные возможности советского государства. Только немногие обращали внимание на то, что у Москвы развязаны руки в плане выбора дальнейших действий. СССР не являлся союзником ни одного из двух блоков, которые противостояли друг другу накануне войны. Его не связывали военные обязательства ни с Третьим рейхом и его союзниками, ни с такими странами, как Польша, Франция или Великобритания. Договор о взаимопомощи с Францией не был дополнен военной конвенцией, и, кроме того, его исполнение обуславливалось целым рядом косвенных факторов. Участие в работе уже угасавшей Лиги наций, скомпрометировавшей себя неспособностью эффективно разрешать международные конфликты, в данном случае фактически не имело значения, а ее устав был лишь набором отшумевших фраз. Таким образом, перед И. В. Сталиным была открыта дорога в любом направлении. Заключение пакта Риббентропа–Молотова позволило опереть западную границу СССР, т. н. западную «границу коммунизма»⁵⁶, о Карпаты и Балтийское море. Как было сказано выше, в геостратегических категориях это была цель советской дипломатии, намеченная еще в 1923 г.

Некоторые российские историки до сих пор считают, что любое территориальное приобретение является успехом, а в данном случае в советских границах оказался 51% территории II Польской Республики. В историографии, и отнюдь не только в российской, можно даже встретить точку зрения, что присоединение «Западной Белоруссии» и «Западной Украины», а позже и прибалтийских государств, части Финляндии и части Румынии было равносильно созданию буферной зоны на западных окраинах советского государства, которая продлевала путь гитлеровских войск до таких политических и промышленных центров СССР как Москва, Ленинград, Киев, Донбасс и пр. Тем самым была создана дополнительная страховка на случай немецкой агрессии. Более того, следуя такой логике мышления, часто подчеркивают прагматизм, дальновзоркость, предусмотрительность и даже макиавеллизм И. В. Сталина, который, заключая пакт с А. Гитлером, сделал мастерский ход и довел дело до того, что «Drang nach Osten» на некоторое время был заменен на «Drang nach Westen».

Остановимся еще на вопросе о буферной зоне, которую якобы должен был создать И. В. Сталин в 1939–1940 гг. на западных рубежах своего государства. Можно ли согласиться с тезисом, представленным В. М. Молотовым, согласно которому подписанный им с И. фон Риббентропом пакт отвел армию А. Гитлера от «собственных», установленных в 1921 г. в Риге, границ СССР, создав тем самым что-то вроде пояса безопасности на землях, где проживали украинцы, белорусы и литовцы? Можно было бы принять такое утверждение, если бы не практически немедленное включение этих земель в состав СССР без сохранения хотя бы видимой автономии (то же самое касается прибалтийских государств, включенных в СССР в 1940 г.). Массовые депортации «вражеского» или «ненадежного» населения с территорий в Центральной Европе, присоединенных в 1939 и 1940 гг., призыв в Красную армию жителей этих территорий, установление советской администрации, расширение гарнизонов у новой границы с Третьим рейхом по сути противоречат утверждению о создании буферной зоны. Факты скорее указывают на то, что в результате подписания пакта Молотова–Риббентропа гитлеровские войска были приглашены соседствовать с СССР, риск агрессии с их стороны увеличился. Более того, для Советского Союза натуральным буфером перед немецкой агрессией были как раз независимые государства, существовавшие до 1939 и 1940 гг. в Центральной Европе (Польша, Литва, Латвия и Эстония, в некоторой степени также Румыния)⁵⁷. Этот буфер был уничтожен при активном участии Третьего рейха. Так действительно ли Сталин мыслил прагматично? Воспринял ли он всерьез нацистскую теорию обязательного уничтожения славян сразу же после «окончательного решения» еврейского вопроса?⁵⁸ Серьезно ли он отнесся к планам Гитлера по созданию «жизненного пространства» для немцев на востоке? Был ли Сталин дальновзорким политиком, способным предвидеть дальнейшее развитие событий или, чему я больше склонен верить, на принимаемые им решения большее влияние оказывали

консервативные каноны мышления, опирающиеся на опыт Первой мировой войны, гражданской войны в России, иностранной интервенции, а также польско-большевистской войны 1919–1921 гг.? Неприязнь советского диктатора к полякам, особенно к польскому офицерскому корпусу, высшим слоям общества и интеллигенции даже некоторые современные российские авторы объясняют желанием отомстить за проигранную кампанию 1920 г. и осознанием собственных ошибок, которые Сталин тогда совершил⁶⁰.

Ответственность за объявление и начало Второй мировой войны лежит на Третьем рейхе. В этом отношении роль СССР была второстепенной, хотя подписание пакта Молотова–Риббентропа сделало вооруженный конфликт практически неизбежным. В Москве очень рано заметили растущую политическую, экономическую и военную силу Германии во главе с А. Гитлером, сочетавшуюся с уступчивостью западных государств, хранителей «версальского порядка». И. В. Сталин пытался приспособить собственную тактику к развитию ситуации, стремясь получить максимум выгоды для СССР, имея в виду собственные стратегические цели, в особенности — расширение территории. Не будет преувеличением сказать, что, начиная практически с 1933 г. и до лета 1939 г., советский диктатор никогда не закрывал себе пути к переговорам с Гитлером. Эта тактика «приоткрытой двери» принесла в итоге результат. Политический поворот, совершенный в 1939 г., заключавшийся в отходе от линии на сотрудничество с западными государствами, выражавшейся хотя бы в тактической поддержке концепции коллективной безопасности, и заключение союзнических договоров с Третьим рейхом, принес измеримые результаты и немалые, хотя и временные выгоды Советскому Союзу. Однако это был недолговременный успех. Я полностью согласен с теми исследователями, которые видят в договорах, заключенных между СССР и Германией в августе и сентябре 1939 г., одну из главных причин трагедии, началом которой стала гитлеровская агрессия 22 июня 1941 г.

1. См. соображения французской исследовательницы Сабин Дюллен, автора книги: *Les hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930–1939*. Paris: Payot et Rivages, 2001. Для российских читателей будем ссылаться на перевод этой работы: *Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг.* М.: РОССПЭН, 2009. С. 214–217.

2. *Куп Д., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. С. 178.

3. Термин «инстанция» часто встречается в советских дипломатических источниках.

4. *O'Sullivan D.* The role of Narkomindel in formulation and implementation of Soviet foreign policy, 1939–1941 // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 3 (1999). №1. S. 119. О положении М. М. Литвинова в советской структуре власти косвенно, но при этом выразительно свидетельствует количество его визитов к И. В. Сталину. В 1939 г. диктатор принимал его 15 раз (последний раз 3 мая, в день его отставки с поста народного комиссара иностранных дел). В то же время его преемник, В. М. Молотов, уже как глава дипломатического ведомства был принят Сталиным в мае 16 раз, в июне 2 раза, в июле 23 раза, а в сентябре 1939 года — 28 раз. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М.: Новый хронограф, 2008. С. 651, 669.

5. *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 199–200.

6. *Наринский М. М., Васильева Н. Ю.* М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. // *Известные дипломаты России. Министры иностранных дел. XX век.* / Под ред. А. В. Торкунова. М.: Московские учебники, 2007. С. 217–218.

7. Wołos M. Dekompozycja obozu rządowego oraz elita sanacyjna po śmierci Józefa Piłsudskiego w oczach dyplomatów sowieckich // Polska bez Marszałka. Dylematy piłsudczyków po 1935 roku / Zbiór studiów pod red. M. Wołosa i K. Kani. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 2008. S. 51–61.
8. Зубачевский В. А. Политика Советской России на востоке Центральной Европы в 1923 году (по архивным документам) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 40–55.
9. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 210–211.
10. См.: Wołos M. Francja–ZSSR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń: Wyd-wo Adam Marszałek, 2004. S. 488 и далее; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-sovietiques et le facteur polonais dans les questions de securite en Europe (1924–1935). Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. S. 440. Для данной статьи важность представляют два последних раздела этой работы: Un axe Paris-Moscou sans Varsovie? (juillet 1932 — janvier 1934) и Le choix de l'integration sovetique (fevier 1934–mai 1935).
11. Roberts G. The Soviet Union and the origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933–1941. New York; St. Martin's Press, 1995; Haslam J. Soviet-German relations and the origins of the Second World War: The Jury is Still Out // Journal of Modern History. 1997. № 69. P. 785–797; Kun Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. С. 178–179.
12. Tucker R. Stalin in power: the revolution from above, 1928–1941. New York: Norton, 1990. P. 341 и далее; Raack R. C. Stalin's drive to the West, 1938–1945: The origins of the Cold War. Stanford: Stanford University Press. 1995; Hoffman J. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945: Planung, Ausführung und Dokumentation. München: Herbig, 1999; Kun А., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. С. 179.
13. Вахрамеев А. В., Кулешов С. Г. Очерки истории советской внешней политики (1917–1991 гг.). М.: Вузовская книга, 2007. С. 63.
14. Там же. С. 56–57; См. подробнее: Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 30-е гг. XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. С. 110–178.
15. В исследовании данной тематики огромное значение имеют публикации безвременно ушедшего Олега Кена. См.: Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х–середина 30-х гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2002.
16. Москва–Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939: Сборник документов / Отв. сост. И. А. Хормач, отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2002.
17. Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921–июнь 1941 г. М.: ГА ВС, 1992; Кантор Ю. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород; Воронеж; Ростов-на-Дону; Екатеринбург; Самара; Новосибирск; Киев; Харьков; Минск: Изд-во ПИТЕР, 2009. С. 286–287.
18. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 16. М.: Политиздат, 1970. С. 792.
19. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 213–214.
20. См.: Абрамов А. Н. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156.
21. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 213–214.
22. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933 гг. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 702 и далее.
23. Подробнее о политике СССР на Дальнем Востоке см.: Wojtowiak J. Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931–1941. Rozprawy z Historii, 2000; Сафронов В. П. Война на Тихом океане. СССР, США и Япония в условиях мирового конфликта, 1931–1945. М.: БИМПА, 2007.
24. Ограничимся книгами, опубликованными в последнее время в России и Польше, среди которых особого внимания заслуживают: Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939–июнь 1941. М.: Наука, 2008; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения). М.: Вече, 2008; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009; Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 2008; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941 / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М.: Наука, 2007 (здесь имеется солидный обзор литературы); Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских переговоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: Материалы международной конференции, Москва, 3–4 февраля 2005 г. / Под ред. Н. И. Егоровой. М.: Права человека, 2006; Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия: Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачински и А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2001 (особенно с. 139–230); из польских работ, вышедших в последние годы особую ценность представляют: Komat M. Polska 1939 roku wobec aktu Ribbentrop–Mołotow. Problem zbliżenia niemieckosowieckiego w polityce zagranicznej II Rzeczypospolitej. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002; Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2007.
25. Цит. по: Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 217.
26. ДВП. Т. 21. М.: Политиздат 1977. С. 138.
27. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 236.
28. Случ С. З. Предисловие к кн: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Предисловие. С. 11 (прим. 21).
29. Цит. по: Materski W. Na widziecie. II Rzeczpospolite wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza RYTM, 2005. S. 504–506; Polska polityka zagraniczna w latach 1926–1932 [winno być: 1926–1939] / Na podstawie tekstów min. Józefa Becka, oprac. A. M. Cienciąła. Paryż: Instytut Literacki, 1990. S. 218–220.
30. ДВП. Т. 21. С. 520.

31. Случ С.З. Предисловие к кн: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941 гг. С. 11–12.
32. Kornat M. Polska 1939 wobec paktu Ribbentrop–Mołotow. S. 249–260.
33. Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1938. / Red. M. Kornat, współpraca P. Długołęcki, M. Konopka-Wichrowska, M. Przyłuska. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2007. S. 725–730; Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939 styczeń–sierpień. / Red. S. Żerko, współpraca P. Długołęcki. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2005. S. 13–14, 48–52; см. также: Kornat M. Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków: ARCANA, 2007. S. 431–434.
34. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 220.
35. Случ С.З. Польша в политике Советского Союза. 1938–1939. // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, С. 172–175.
36. Dokumenty Polskiej Dyplomacji, 1939 styczeń–sierpień. S. 314–324. См. также: Cienciala A. M. Poland in British and French policy in 1939: determination to fight or avoid war? // The Polish Review. 1989. Vol. 34. № 3. P. 199–226; Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań: Instytut Zachodni, 1998. С. 265–291; Kornat M. Polityka równowagi. S. 434–438.
37. ДВП. Т. 22. Кн. 1: 1 января–31 августа 1939 г. М.: Международные отношения, 1992. С. 277–278, 283–284.
38. Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком. С. 221.
39. На приеме у Сталина. С. 257.
40. Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 202–203.
41. Там же. С. 250–255.
42. Kornat M. Polityka rownowagi. S. 438.
43. Ulam A. B. Expansion and coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. New York: Secker & Warburg, 2007. P. 267; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1920–1939 гг. С. 246–259.
44. Polska polityka zagraniczna. С. 252–257. Ход трехсторонних переговоров в кн: Вахрамеев А. В., Кулешов С. Г. Очерки истории советской внешней политики (1917–1991 гг.). С. 68–72.
45. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 584.
46. См. также: Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119; Печатнов В. О. В. М. Молотов — самый сталинский нарком // Известные дипломаты России. С. 257–260; в польской литературе наиболее полная картина советско-германских переговоров в 1939 г. представлена в кн.: Dębski S. Między Berli-nem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. S....
47. Российский текст договора был впервые опубликован в «Известиях» от 24 августа 1939 г.; российский текст секретного протокола см.: ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632; польский текст обоих документов см.: Polska polityka zagraniczna. С. 404–405.
48. Slutsch S. 17. September 1939: der Eintritt der Sowjetunion in den Zweiten Weltkrieg: Eine historische und völkerrechtliche Bewertung // Vierteljahresschrift für Zeitgeschichte. 2000. № 48. S. 219–254; см. у этого же автора: Случ С.З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос вступления СССР во вторую мировую войну. // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43; Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну. // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.
49. Цит. по: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Т. 7. Oprac. E. Basiński et altera. Warszawa: Książka i wiedza, 1973. S. 197. Польский перевод ноты см.: Polska polityka zagraniczna. S. 406.
50. Российский текст договора впервые был опубликован в «Известиях» от 29 сентября 1939 г.; российский текст секретного протокола об изменении границ сфер интересов см.: ДВП. Т. 22. Кн. 2: 1 сентября 1939–31 декабря 1939 г. М.: Международные отношения. 1992. С. 135–136; польский текст договора см.: Polska polityka zagraniczna. С. 407–408.
51. См. также: Bayerlein B. H. «Der Verräter, Stalin, bist Du!»: Vom Ende der linken Solidarität. Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941 / Berlin: Aufbau Verlagsgruppe, 2008. S. 103–129; Макензи К. Коминтерн и мировая революция, 1919–1943. М.: Центрполиграф, 2008. С. 207–211.
52. См.: Wojtkowiak J. Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931–1941.
53. Важно упомянуть, что польская дипломатия в межвоенный период безуспешно протестовала против публичного употребления советскими политическими деятелями названий «Западная Украина» и «Западная Белоруссия». См.: Dokumenty Polskiej Dyplomacji. 1931 / Red. M. Wolos. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008. S. 243–246.
54. Широкодар А. Б. Польша. Непримиримое соседство. М.: Вече, 2008. С. 379–401; Яковлева Е. Польша против СССР. 1939–1950. М.: Вече, 2007. С. 8–73; Кремлев С. (Брезкун Т. С.). Россия и Германия: путь к пакту. Коридоры раздора и пакт надежды. Историческое исследование. М.: АСТ; Астрель; ВЗОИ, 2004. С. 461.
55. Стоит подчеркнуть, что фундаментальные работы по теме репрессий в Красной армии были подготовлены и опубликованы польскими историками: Wiczorkiewicz P. P. Łącuch śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. Warszawa: Rytm, 2001; Wojtkowiak J. Polowania na «dálniewostoczników». Represje wobec korpusu oficerskiego dálniewschodniego zagrupowania radzieckich sń zbrojnych w latach 1936–1939. Poznań: Instytut Historii UAM, 2007.
56. См. подробно: Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la Révolution d'octobre au mur de Berlin, sous la direction de S. Cœuré et S. Dullin, Paris: La Découverte, 2007.
57. См.: Documents diplomatiques français. 2-ème série. Т. 18. Paris: Impr. nationale, 1985. P. 474.
58. См. подробнее: Borejsza J. W. «Śmieszne sto milionów Słowian...». Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera, Warszawa: Wyd-wo Neriton; Instytut Historii PAN, 2006.
59. См.: Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004.

Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны

Славомир Дембски*

Через семьдесят лет после начала II мировой войны очень трудно дать новый, оригинальный ответ на вопрос: как могло случиться, что через 20 лет после окончания одной кровавой бойни, какой была Первая мировая война, в Европе разразилась новая, еще более тотальная, кровавая и ужасающая, еще более всеобщая война. В отличие от трудов, поднимающих тему причин начала I мировой войны и появившихся особенно в межвоенный период, вопрос *Kriegsschuldfrage*, то есть ответственности за развязывание Второй мировой войны, не вызывает принципиальных разногласий. За возникновение войны и придание ей варварского характера, нарушающего все нормы морали и права, ответственность несет, прежде всего, Германия — государство и народ. Без констатации того, что ко Второй мировой войне привела агрессивная политика канцлера Германии Адольфа Гитлера, поддерживаемая всеми массами немецкого народа, не удастся понять сути Второй мировой войны. Не удастся объяснить, почему 1 сентября 1939 г. в 4:45 утра германский линкор Шлезвиг Гольштейн («Schleswig-Holstein») открыл огонь по польскому складу боеприпасов на Вестерплатте в Вольном городе Гданьске, подав тем самым сигнал к началу германского нападения на Польшу. Не удастся ответить на вопрос, почему двумя днями позже Великобритания и Франция объявили Германии войну, а 17 сентября нападение на Польшу совершил Советский Союз. Абстрагируясь от стремления Гитлера сломать сложившийся после 1919 г. порядок в Европе и создать на его руинах «тысячелетний Рейх», мы не поймем всей цепи событий, которые произошли позже: сражений на суше, на море и в воздухе, существования концентрационных лагерей, гетто, холокоста, истребления цыган и славян, массового

уничтожения гражданского населения, ковровых бомбардировок, атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Не поймем насилия и разбоя, примеров мужества и героизма, предательства и коллаборационизма, всего того, что составляет всеобщую историю между 1 сентября 1939 г. и 2 сентября 1945 г., когда в 9:25 утра на борту другого линкора — на этот раз американского «Миссури» — японская делегация подписала акт о капитуляции, положивший конец боевым действиям Второй мировой войны.

Польша и Версальская система

С началом Второй мировой войны окончательно завершился 20-летний период существования Версальской системы, созданной державами-победительницами после Первой мировой войны. Польша и Россия занимали в этой системе полностью противоположные места. Возрожденная Польша стала ее неотъемлемой составной частью и одним из главных бенефициантов. Александр Скшиньский, один из самых выдающихся польских министров иностранных дел межвоенного периода писал, что из Версаля Польша вышла как: «интегральная составная часть новой политической системы, которая, по мысли ее творцов, должна обозначить для будущей германской экспансии определенные границы, за которые та не должна выходить». В другом своем высказывании Скшиньский говорил, что «Версальский договор — это существование Польши». Он повторял, что «в руках Польши находится ключ к европейской безопасности — любая комбинация, которая попыталась бы его игнорировать, заранее обречена на полную неудачу»¹. Однако отношение Польши к государствам-основателям версальского миропорядка было все время двойственным. Возрожденное польское

* Славомир Дембски, директор Польского института международных дел, член российско-польской Группы по сложным вопросам, доктор исторических наук.

государство возникло в ноябре 1918 г. в результате совместных усилий, предпринимавшихся в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Риме сторонниками национально-консервативного лагеря, и самостоятельного взятия власти на польских землях представителями левого национально-освободительного движения. Пафос действия, традиция самостоятельной борьбы за собственное государство налагали свой отпечаток на внешнеполитический образ мышления поляков. В сферу государственных интересов Польши входило сотрудничество с Парижем и Лондоном в деле стабилизации новой системы международного устройства. Этому служили военные союзы с Францией и Румынией, заключенные в 1921 г., стремление к взаимодействию с Великобританией, поддержка в первом послевоенном десятилетии институтов Версальской системы, таких как Лига Наций. Предполагалось, что в сферу жизненных интересов Франции, базирующихся на концептуализации опыта поражения 1870 г. — Франции, являвшейся главным архитектором Версальской системы — будет входить защита этой системы. Французский военный потенциал, ставивший ее на первое место среди европейских держав, должен был служить гарантией мира в Европе. То есть в начале двадцатых годов польско-французский союз естественным образом вытекал из общности стратегических интересов обоих государств, которая, однако, начала подвергаться эрозии после заключения в 1925 г. договора в Локарно. Этот договор укреплял безопасность стран, расположенных на Рейне, и одновременно превращал Европу в регион с относительно низким уровнем безопасности. Такое различие вбило клин в польско-французский союз и в стратегическое содружество обоих государств².

Чуть ли не на следующий день после подписания Версальского договора появилось мнение, что в будущем необходимо потребуется его модернизация. Я употребляю выражение «модернизация», а не «реформирование», так как считаю, что оно лучше передает устремления сторонников изменений. Надо не забывать, что они стремились обеспечить Европе мир. На фронтах Первой мировой войны в сражениях участвовало 60 миллионов европейцев, 7 миллионов погибли, 27 миллионов стали инвалидами или были тяжело ранены, 4 миллиона женщин потеряли своих мужей, а 8 миллионов детей — отцов. Франция заплатила за победу 1,3 миллиона убитыми, то есть одной восьмой частью всего мужского населения, 4,3 миллиона были ранены, из которых 1,1 миллиона был нанесен необратимый вред здоровью. Французское государство должно было взять на себя заботу о 600 тыс. вдов, 750 тыс. сирот. Первая мировая война принесла Франции демографическую катастрофу, имевшую огромные стратегические последствия для извечного соперничества с многонаселенной Германией, всегда имевшей к тому же более высокий прирост населения³. Поэтому ничего удивительно, что французским и британским политикам было

трудно даже представить себе, что какой-нибудь европейский политик, находясь в здравом рассудке, может вообразить, будто во имя реализации неких политических целей может быть оправдано новая война в Европе. Поэтому они хотели мирным и эволюционным путем привести Версальскую систему в соответствие с новыми условиями, вытекающим из успехов в деле перевода Германии в главное русло европейской политики. Они считали, что суверенитет крупного, современного, высокоразвитого европейского государства, каким была Германия, не может вечно ограничиваться без ущерба для безопасности континента. То есть систему следовало модернизировать таким образом, чтобы Германия нашла в нем себе соответствующее место, а германский ревизионизм утратил свой основной мотив⁴.

По известным причинам Польша сдержанно относилась к концепции модернизации Версальской системы и поиска в ней места для усиления Германии. Варшава подозревала — преимущественно правильно — что за этим могут скрываться замыслы, направленные если не на ограничение сферы польского влияния, то на попытки подойти к проблеме безопасности в Центральной Европе с точки зрения ее инструментализации. Так, как это имело место на конференции в Локарно. Такие акценты все время появлялись в беседах, часто очень откровенных, польских дипломатов с их коллегами, представляющими западные державы. Например, в декабре 1935 г. Ральф С. Стевенсон, заместитель начальника отдела Лиги Наций в Форин Оффис, заявил в Женеве сотрудникам польского МИД Владиславу Кульскому и Яну Вшеляки, что «в отношении Германии надо выбрать один из двух путей: либо купить мир, либо вести войну. Англия до последней возможности будет стараться идти первым путем (...) В Европе вопрос Австрии завершится если не ее присоединением, то приобщением к германской идеологии. Это, однако, не остановит экспансию, которая может развиваться в направлении Чехословакии, а также, может быть, и Польши. Англия — утверждал Стевенсон — может вмешаться лишь для защиты *status quo* на западе Европы, но никакая палата общин не даст согласия на вмешательство для защиты существующего положения дел в Центральной и Восточной Европе, например, для защиты коридора [т. е. Гданьского Поморья]»⁵.

Способ, каким Польша появилась на карте Европы после 1918 г., в значительной степени наложил свой отпечаток на подход польской политической элиты к проблемам безопасности государства и к его внешней политике. Всегда, и в первом и во втором межвоенном десятилетии она делала упор на самостоятельность внешней политики. Критерием участия в разного рода европейских политических проектах для нее всегда было потенциальное влияние этих проектов на *status quo* между Польшей и Германией. Этот критерий всегда определял границы

польского сотрудничества с западными державами. Этого часто не понимали в Париже и Лондоне. В феврале 1933 г. советник посольства в Париже Анатоль Мюльштейн писал министру Беку: «...нормальный французский склад ума не в состоянии понять (...), чтобы Польша публично утверждала свою, отличную от французской точку зрения. Обычный француз считает нормальным, что в некоторых вопросах Франция и Польша солидарны. Обратная позиция для него непонятна и он считает ее в известной степени „предательством“»⁶.

Подход Польши к версальскому мироустройству и ее отношения с западными державами легче понять, если сопоставить его с политикой Чехословакии. Оба государства возникли после Первой мировой войны и были существенными элементами сформированного по ее итогам миропорядка. Однако Чехословакия обязана западным державам неизмеримо больше, чем Польша. Ведь Париж и Лондон имели значительно больший голос в процессе формирования границ Чехословакии. Иногда их претенциозно даже считали отцами-основателями этого государства, хотя пафос самостоятельной борьбы за свою государственность имел место также и в Чехословакии. Он был в основном связан с боевым путем чехословацких легионов в России, сражениями с войсками «Красной Венгрии» Белы Куна или, наконец, с отнятием у Польши Чешиньской Силезии в январе 1919 г. Однако его воздействие на чехословацкую внешнюю политику было несравнимо более слабым. Как следствие, в межвоенный период Чехословакия проводила в отношении западных держав политику более безоговорочную, чем Польша. Она более тесно сотрудничала с Парижем и Лондоном. Чехословацких политиков больше, чем польских любили и осыпали комплиментами в европейских политических салонах. Такой контраст еще сильнее проявился после майского переворота в Польше в 1926 г., когда его дополнительно усилили различия в общественном устройстве. Чехословацкие политики, особенно министр иностранных дел Эдуард Бенеш в разговорах с западными политиками и дипломатами каждый раз старались нарочито противопоставить свою скоординированную позицию «авантюристской» политике, проводимой Польшей⁷. Однако, польский историк недавно обратил внимание на то, что «Эдуард Бенеш, пользующийся — в отличие от Юзефа Бека [польского министра иностранных дел] — несомненной популярностью и признанием в глазах западноевропейского общественного мнения, не был в состоянии использовать эти достоинства для получения каких-либо выгод при принятии судьбоносных решений на мюнхенской конференции осенью 1938 г.»⁸.

Лучшей иллюстрацией разницы в подходах Польши и Чехословакии к западным державам и их планам реформировать Версальскую систему было отношение этих двух государств к так называемому Пакту четырех, заключенному Великобританией,

Францией, Германией и Италией 15 июля 1933 г. по инициативе Бенито Муссолини. Пакт предусматривал сотрудничество четырех европейских держав во всех «политических и неполитических» вопросах, в том числе и в деле пересмотра договоров. В одном из первых вариантов пакта, предложенном Италией, говорилось даже о возможности ликвидации польского коридора и непосредственного соединения Восточной Пруссии с Германией. Правда, из-за протеста Парижа и Лондона этот вариант пакта был модифицирован, но тем не менее французские политики и дипломаты не скрывали, что это не означает отказа от данной идеи и от пересмотра договоров путем соглашения, выработанного директорией европейских государств.

Чехословакия, а вместе с ней образующие Малую Антанту Румыния и Югославия опротестовали идею Пакта Четырех. Прага, однако, очень старалась, чтобы, показывая свое неудовольствие, не подвергнуть себя риску испортить отношения с Парижем и Лондоном. Малая Антанта критиковала идею директории, но, в конце концов, удовлетворилась французскими заверениями о доброй воле и интерпретационной декларацией. Польша же поставила свои отношения с Францией на лезвие ножа. Когда 6 апреля 1933 г. премьер Франции Эдуард Даладе заявил, что «никакой договор не вечен», министр Бек в разговоре с французским послом в Варшаве Жюлем Ларошем прореагировал очень остро: «Если какое-либо государство, одно или вместе с другими, захочет покуситься на один квадратный метр нашей территории, то заговорят пушки. Об этом знают в Берлине и это принято там к сведению. Боюсь, что об этом не знают достаточно хорошо в Лондоне и Риме, и даже в Париже...»⁹. Польша не изменила своего отношения к Пакту Четырех, несмотря на заверения со стороны Франции и Великобритании в том, что его положения будут интерпретироваться таким образом, чтобы учитывались интересы третьих государств. Министр Бек публично заявил, что польское правительство не будет сотрудничать с четырьмя державами как международным субъектом и не будет подчиняться их решениям, а в случае, если пакт переродится в неформальный орган, управляющий деятельностью Лиги Наций, пригрозил выходом Польши из этой организации¹⁰.

Польша стала искать пути выхода из ловушки, в которую ее толкала политика Парижа и Лондона, политика, направленная на модернизацию версальской системы в духе «нового Версаля» с участием Германии. И пока сохранялась напряженность в польско-германских отношениях, возможный успех такого предприятия мог привести к попытке удовлетворить германские притязания за счет западных границ Польши и включения Вольного города Гданьска в состав Германии. И хотя Пакт четырех не вступил в силу благодаря Адольфу Гитлеру, который потерял к нему всякий интерес, он стал импульсом

со стороны Польши к польско-германскому сближению, что привело к подписанию 26 января 1934 г. Декларации о неприменении силы, которая должна была действовать 10 лет.

Хотя с падением Версальской системы перестали существовать как Чехословакия, так и Польша, тем не менее нельзя не заметить, что Варшава оставалась субъектом этой системы до ее последних дней, что в начальной фазе войны ставило польские власти в значительно лучшую ситуацию, чем та, в которой оказались власти Чехословакии в 1938 г. Следует также признать, что к успехам этой политики нужно отнести факт, что германская агрессия против Польши 1 сентября 1939 г. не была началом локального, короткого конфликта, но переросла во всеобщую войну, в которой Польша участвовала, являясь союзником Великобритании и Франции — держав, которые уже победили Германию в одной мировой войне. Польша, правда, эту войну проиграла, ибо ей не удалось по ее окончании вновь обрести независимость. Однако, это не было результатом ошибочных решений польского руководства в первой фазе конфликта, а, скорее, следствием того, что в конце концов в лагере победителей оказался Советский Союз — держава, которая в сентябре 1939 г. вместе с Третьим Рейхом вновь навязала миру парадигму сфер влияния и привела к ликвидации польского государства.

Логика польско-германского сближения в 1934 г. основывалась на протесте против предлагаемого западными державами способа улучшения Версальской системы. И хотя мотивы обоих участников Декларации от 26 января были разными, их объединяла тактическая необходимость. Гитлер был ревизионистом, стремящимся уничтожить Версальскую систему, а не улучшать ее совместными усилиями, даже и ограниченную до «директории держав». Польша же категорически противилась всем замыслам модернизировать Версаль за ее счет. Благодаря Декларации от 26 января 1934 г., Польша на несколько лет отодвинула от себя угрозу превращения в платежное средство, за которое западные державы могли бы купить у Гитлера мир. Германия, в свою очередь, избегала изоляции после выхода из Лиги Наций.

Гитлер, в отличие от своих предшественников на посту канцлера, сначала не намеревался обязательно «прикончить» Польшу, что само собой вело к тому, что в Варшаве его считали политиком умеренным и разумным. Вначале фюрер отводил Польше роль «сторожевого поста» (*Vorposten*), «бастиона цивилизации на востоке», прикрывающего Германию, с одной стороны, от большевизма, а с другой — от потенциальных попыток Франции оказать давление на Рейх. В дальнейшей перспективе Гитлер рассчитывал крепче привязать Варшаву и подчинить ее германским целям на международной арене. Он готовился прежде всего к конфронтации с Францией. Поэтому в первую очередь он стремился лишить ее потенциальных союзников (французы многое делали, чтобы

ему в этом помочь). Лишь после победы на западе Европы Гитлер намеревался двинуться на Россию. И в этом деле он не исключал возможности взаимодействия с Варшавой. Таким образом, «роль Польши в перспективных планах Гитлера на востоке зависела от того, как будут развиваться отношения Германии с западными державами»¹¹.

Польско-германское сближение совпало по времени с эрозией германо-советского взаимодействия, начало которому было положено Рапалльским договором 1922 г. и подтверждено Берлинским договором от 1926 г. Сотрудничество двух соседей, враждебно настроенных к возрожденной Польше, с самого начала представляло угрозу ее существованию. По крайней мере, такую же угрозу, как возможные реформы версальского мироустройства за счет Польши. Маршал Сейма Казимеж Свигальский, один из ближайших соратников Юзефа Пилсудского, записал слова маршала, высказанные 7 марта 1934 г. на совещании узкого круга наиболее доверенных сотрудников: «В своей истории времен Екатерины и Фридриха Прусского Польша на своей собственной шкуре испытала, что произойдет, когда два могущественных соседа договорятся между собой. Тогда Польша была изорвана в клочья. Такая опасность для Польши существует всегда. После мировой войны она уменьшилась, потому что Германия была разбита Антантой, а Россию побил Комендант [т.е. Пилсудский]. И эти государства были ослаблены. Но они заключили между собой Рапалльский договор, который, правда, не был направлен исключительно против Польши, а против всего мира, но был опасен для Польши»¹².

Поэтому ничего удивительного, что с момента появления первых трещин в германо-советском сотрудничестве Польша пыталась извлечь для себя пользу из этой ситуации. Через два месяца после майского государственного переворота в 1926 г. по инициативе маршала Польши Юзефа Пилсудского состоялась его беседа с Петром Лазаревичем Войковым, советским полпредом в Варшаве. Целью Пилсудского было заверить советского дипломата в том, что изменения общественного устройства в Польше никоим образом не представляют угрозу Советскому Союзу. Пилсудский говорил Войкову: «Я сейчас стараюсь всеми средствами, которые имею в своем распоряжении, дать понять и известить всех, что мой приход к власти при помощи армии не означает войну. Мне понятно беспокойство, которое охватило не только вас, но и других. Что касается вас, — говорил маршал, — скажу совершенно открыто: Зачем мне война с вами? Я уже воевал с вами и из этой войны вышел покрытый славой. Думаю, что я оказался в этой войне победителем. Зачем мне теперь искать реванша? Мне не надо искать реванша. Это вам, может быть, следует искать реванша (...) Заявляю, — продолжал Пилсудский, — что я не хочу никакой войны и не буду ее хотеть». Войков запротестовал

и заверил, что Советский Союз также не будет искать никакого реванша. Через минуту разговор перешел на тему договора, в котором обе стороны обязались бы отказаться от взаимного нападения¹³.

В 1919–1939 г. перед лицом ревизионистской политики двух мощных соседей Польша стремилась сохранить равновесие (хотя по поводу термина «политика равновесия», который действительно использовался, спорят и до сегодняшнего дня)¹⁴. 4 апреля 1939 г., объясняя фундаментальные положения польской внешней политики премьеру Великобритании Чемберлену и министру иностранных дел лорду Галифаксу, министр Бек отметил: «Что касается Польши, то две истины, обусловленные ее географическим положением, имеют принципиальное значение. А именно: чтобы польская политика не опиралась ни на Германию, ни на Россию. Если бы Польша ставила свою политику в зависимость от одной из этих держав, то она перестала бы быть фактором мира и стала бы фактором, могущим спровоцировать конфликт (...) этот принцип имеет для нас жизненно важное значение»¹⁵.

Действительно, уже в 1919 г. Юзеф Пилсудский, автор основных принципов внешней политики возрожденной Польши, говорил: «Если бы мы были вынуждены соединиться либо с Германией, либо с большевиками, то это означало бы, что наше дело не доведено до конца. Цивилизаторская миссия Польши осталась бы невыполненной»¹⁶. Польская политика «не опираться ни на Германию, ни на Россию», стремящаяся сохранить самостоятельный характер, требовала, конечно, подстраховки в виде участия в укреплении Версальской системы, то есть упрочения связей с западными державами. Это имело важное значение, особенно в контексте германо-советского сотрудничества, в которое всегда вплетался элемент враждебности к факту существования польского государства.

В ситуации, когда в Европе доминировали тенденции к модернизации Версальской системы путем формирования нового состава держав-основателей европейского устройства, Договор о ненападении с Советским Союзом от 1932 г. и Декларация с Германией от 26 января 1934 г. были в польской внешней политике договорным проявлением стремления сохранить политическую самостоятельность. Удержание этого курса достигалось, с одной стороны, путем последовательного отказа от поступающих из Берлина намеков на необходимость установить польско-германское взаимодействие на российском направлении. С другой стороны — путем выражения готовности выступить в защиту Версальской системы в случае появления радикальных изменений в политике западных держав в отношении Германии и их отхода от политики «умиротворения» Гитлера.

Наиболее ярким проявлением такой политики была позиция Польши в вопросе о ремилитаризации Рейнской области. Получив известие о вступлении

германских войск в Рейнскую область 7 марта 1936 г., Бек провел консультации с президентом Мосцицким, премьером и начальником Генерального штаба и заявил французскому послу в Варшаве Ноэлю, что если Париж решится отреагировать, то Польша будет выполнять союзнические обязательства, вытекающие из договора от 1921 г.¹⁷ Но Франция осталась безучастной к германской акции. Такое решение уже на протяжении десятков лет историки считают кардинальной ошибкой. Ее последствия привели затем к аншлюсу Австрии, конференции в Мюнхене и, наконец, к началу Второй мировой войны.

Таким образом, несмотря на сближение с Германией после 1934 г., польское руководство последовательно считало, что если бы в Европе дело дошло до вооруженной конфронтации между Германией и западными державами, защищающими версальскую систему, то Польша должна была встать на сторону западных держав. В марте 1937 г. во время беседы с Уинстоном Черчиллем, ярким противником политики умиротворения, Бек дал понять британскому политику, что если дело дойдет до войны, вызванной «нарушением порядка в Европе со стороны Германии, то Польша встанет на сторону Великобритании»¹⁸. В свою очередь, еще в 1934 г. Бек предостерегал французского посла в Варшаве, что «лучше выяснить отношения сейчас, чем через два или три года консолидации гитлеровского режима». Но ни в Париже, ни в Лондоне на это не было ни желания, ни сил.

Советская Россия и версальский порядок

Отношение Советской России к версальскому мироустройству вытекало из ее периферийного положения¹⁹. Можно даже сказать, что в межвоенный период большевистская Россия была внесистемным элементом. Большевистская революция отодвинула Россию на задворки европейской политики, хотя, без сомнения, на версальской конференции ей полагалось место среди держав-победительниц. Во всей России, однако, не было никого, кто мог бы ее там представлять. Император Николай был зверски убит вместе со всей семьей, «Верховный правитель Государства Российского» адмирал Александр Колчак не контролировал европейскую часть России, поэтому не мог принимать решения о ее западных границах. А авантюристская интервенция Антанты исключила участие в конференции большевиков. Впрочем, эти последние разговаривали с представителями «буржуазного» мира только тогда, когда у них не было иного выхода или когда возникала угроза их власти. Да и какой смысл вести какие-то переговоры, если, по предсказаниям Маркса и Ленина, капиталистический мир со дня на день должен пасть под ударами пролетарской революции?

Потеря империи — вот цена, которую заплатили большевики за взятие власти в России. Но с этим они никогда не смирились. 7 ноября 1937 г. на ужине у Климента Ворошилова Сталин поделился со своими

сотрапезниками следующим соображением: «Русские цари наделали много зла. Они грабили и угнетали народ. В интересах помещиков вели войны и захватывали территории. Но они сделали одно хорошее дело — создали огромное государство — вплоть до Камчатки. Мы унаследовали это государство. И только мы, большевики, объединили и укрепили его не в интересах помещиков и капиталистов, но с пользой для трудящихся, всех народов, образующих это государство»²⁰. В этих словах, однако, мы находим только один источник советского ревизионизма. Мечта завладеть всем миром тем же способом, каким это удалось сделать в России, составляла второй источник внешней политики большевиков. В ней соединялись русская традиция и большевистское новаторство — мечта превратить Россию в новый центр мира. Такая мысль никогда бы и в голову не пришла русским царям. Даже самым решительным в деле преобразования России: Петру I, Александру I, Александру II и ни одному из более ранних российских реформаторов.

Отсюда и двойственный характер советской внешней политики, проводимой как Наркоминделом, так и Коминтерном²¹. Ревизионистская Советская Россия поддерживала такие же ревизионистские планы других «обиженных» в 1919 г.: Германии (в 1919–1932 гг.) и Венгрии, ищущей возможности вернуть себе Семиградье (в 1939–1940 гг.)²². В июле 1940 г. в разговоре с Стэффордом Криппсом, новым английским послом в Москве, Сталин заявил: «Мы хотим изменить старое равновесие сил в Европе, которое действовало против СССР»²³. Целью Сталина была ликвидация версальского мироустройства, а затем противодействие тенденциям, направленным на его воссоздание.

Оба ревизионизма, германский и советский, естественным образом тяготели друг к другу, следствием чего стала «линия Рапалло» в политике обоих государств. Локарнский договор изменил ситуацию. Германия стала полноправным участником Версальской системы, а Советский Союз продолжал оставаться на ее периферии. Правда, оба государства все еще стремились улучшить свое положение, но после 1925 г. Берлин получил возможность делать это в рамках Версальской системы. Поэтому обоим государствам стало труднее согласовывать способ совместных действий. В Берлине к «линии Рапалло» с самого начала относились как к элементу давления на западные державы, но после Локарно политический союз с Москвой утратил свой ранее рациональный характер²⁴. На рубеже двадцатых и тридцатых годов международная конъюнктура не давала Советам оснований надеяться, что Версальская система может рухнуть в результате нового глобального вооруженного конфликта в Европе. Поэтому Москве не оставалось ничего иного, как только пытаться изменить существующее устройство в Европе дипломатическими методами. Этому служила политика коллективной безопасности.

В приходе к власти фашизма в Германии, чему в значительной степени способствовала Москва, предписывая германским коммунистам бороться не с нацистами, а с социал-демократами, Сталин видел симптом кризиса капиталистического мира²⁵. «Победу фашизма, — говорил Сталин 26 января 1934 г. с трибуны XVII съезда ВКП(б), — следует рассматривать также как проявление слабости буржуазии, как проявление того, что буржуазия не в состоянии осуществлять власть при помощи старых методов парламентаризма и буржуазной демократии, (...) как проявление того, что она уже не в состоянии найти выход из нынешней ситуации на почве мирной внешней политики, в результате чего она вынуждена прибегать к политике войны...»²⁶. Фашизм был для Сталина лучше капитализма, а Гитлер лучше, чем какой-нибудь политик демократических взглядов. Прежде всего потому, что он высказывался за радикально противоположный, чем, например, Густав Штретземанн, способ изменения положения Германии в Европе. Опасность того, что Гитлер будет стремиться расширить жизненное пространство для германского народа в направлении на восток, представлялась Сталину как очень далекая и маловероятная перспектива. Целью фюрера — как считали в Москве — была не реформа, а уничтожение Версальского договора. Тем самым вновь начало вырисовываться совпадение интересов Берлина и Москвы.

В 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна генеральный секретарь этой организации Г. Димитров открыто заявил: «Наша борьба с варварским фашизмом не означает, что мы стали сторонниками лицемерной и подкупной буржуазной демократии. Да, мы не демократы! (...) Целью нашей борьбы с фашизмом не является установление буржуазной демократии, но завоевание советской власти»²⁷.

Поэтому Сталин открыто давал понять, что если только Гитлеру потребуется какая-либо поддержка со стороны Советского Союза для реализации его планов свержения Версальской системы, то он не видел бы преград для заключения такого соглашения: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восхищаться фашистским режимом в Германии. Но здесь речь идет не о фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить самые хорошие отношения с этой страной. Речь не идет также о, якобы, изменении нашего отношения к Версальскому договору. Не мы, которые испытали позор Брестского мира, будем петь хвалебный гимн Версальскому договору»²⁸.

После 1933 г. Советский Союз параллельно с официальной антифашистской риторикой и политикой коллективной безопасности неустанно предпринимал попытки восстановить германо-советское сотрудничество «в духе Рапалло». Такое предложение делал, в частности, Давид Канделаки, глава советской делегации на советско-германских переговорах по торговле, проходивших в Берлине в 1935–1936 гг.

(о чем Германия практически немедленно проинформировала Варшаву). Но Гитлер не был заинтересован в советских предложениях²⁹. Однако советская дипломатия все время питала надежду, что конъюнктура в отношении германо-советского взаимодействия изменится и приведет к ликвидации польского государства. 4 апреля 1938 г. Потемкин, заместитель Литвинова, писал Якову Сурицу, полпреду в Париже: «Германия толкает Польшу на конфликт с СССР. Гитлер уверен, что наши войска одержат над Польшей победу. Когда мы займем некоторые части Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически реализуя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и потерю национальной независимости»³⁰. Потемкин был советским дипломатом, особенно сильно привязанным к идее разделов Польши. В ноябре 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Робером Кулондром он предсказал «четвертый раздел» Польши³¹. Анализируя советскую политику того периода, французский посол пришел к выводу, что если в Кремле будет избран какой-нибудь новый курс во внешней политике, то он, можно сказать с полной уверенностью, будет направлен против интересов Польши³².

Мюнхенский договор

Во второй половине 1930-х гг. народы Западной Европы не допускали мысли, что выдвигаемые Германией требования пересмотра Версальской системы могут привести к европейской войне, да к тому же в защиту «этих удаленных стран, о которых мы так мало знаем». Политика «умиротворения» Германии была политически правильной и лежала в русле заботы о безопасности Европы. Лорд Галифакс, находясь в Германии в ноябре 1937 г., предлагал Гитлеру вернуться к концепции «исправления ошибок Версальского договора» путем заключения соглашения между четырьмя державами: Германией, Великобританией, Францией и Италией. Глава британской дипломатии имел в виду прежде всего изменения, касающиеся Австрии и Чехословакии. Он выразил также готовность начать с Германией переговоры о новом разделе колоний в рамках «общего урегулирования». Гитлер, в соответствии с основными направлениями своей политики, не был заинтересован в многостороннем решении вопросов; свои планы, касающиеся Австрии и Чехословакии, он намеревался реализовать без принятия на себя каких-либо обязательств в отношении западных держав.

Как Польша, так и Советский Союз были в стороне от поисков общего урегулирования между Берлином, Парижем, Лондоном и Римом. Но причины тому были разные. Нормализация польско-германских отношений после 1934 г. способствовала тому, что к Польше перестали относиться как к разменной монете западных держав в торгах с Германией за новый порядок в Европе. Ее стали воспринимать как тяготеющую к Берлину.

В свою очередь, Советскому Союзу, несмотря на старания Литвинова: заключение союза с Францией и вступление в Лигу Наций — не удалось получить статус полноправной державы. Проводимая Францией и Великобританией политика удовлетворения растущих запросов Германии путем заключения многосторонних соглашений не предусматривала участия в ней СССР. Здесь правила логика Версальской системы, сформированной без России. Парижская конференция 1919 г. породила уверенность в том, что изменение Версальской системы, проводимое великими державами — конструкторами версальского мироустройства — соответствует нормам международного права³³. Правда, такое мироустройство неоднократно подвергалось модификации (Локарно, планы Дауэса и Юнга, Пакт четырех), но всегда одним и тем же способом. Логика Версаля существенно ограничивала пространство для маневра советской дипломатии. Ее не могла преодолеть продвигаемая Литвиновым политика коллективной безопасности³⁴, впрочем, представляющая собой лишь суррогат политики, отвечающей, главным образом, устремлениям большевиков.

Конференция в Мюнхене было последней удачной попыткой модифицировать Версальскую систему. Франция и Великобритания хотели видеть в ней способ окончательно исправить недостатки Версальского договора и удовлетворить требования германского ревизионизма. Они намеревались заменить версальское устройство новым, справедливым и окончательным мюнхенским порядком. Именно поэтому Невилл Чемберлен хвалился, что из Мюнхена он привез «мир на наши времена». Корректировка германо-чехословацкой границы казалась британским и французским политикам малой, абсолютно легитимной ценой за мир в Европе.

Логика Версальской системы содержала элемент, угрожающий жизненным польским интересам. Поэтому Варшава старалась выдерживать дистанцию по отношению к проводимой западными державами политике уступок Германии. Одновременно она не хотела обременять свои отношения с ними, особенно в контексте проводимой Парижем и Лондоном политики уступок германским требованиям³⁵. Это стимулировало стремление Польши получить статус европейской державы³⁶. Это стремление переключалось с поиском Польшей путей к независимой и самостоятельной внешней политике³⁷.

Именно по этой причине Варшава не выступила в защиту Чехословакии, хотя последняя представляла собой важный элемент Версальской системы, в прочности которого Польша была заинтересована. Протест против германской акции в отношении южного соседа мог бы привести к включению «комплекса польских вопросов» в дискуссию по поводу «генерального решения»³⁸. Польша могла бы оказаться на одной скамье с Чехословакией и к ней тоже могли бы отнестись как к противнику мира в Европе.

С точки зрения Варшавы Мюнхенская конференция означала поражение многолетней политики, преследующей цель не допустить, «чтобы споры между великими державами (Францией, Англией, Германией и Россией) проходили за счет государств, не имеющих империалистических интересов» и противодействующей инструментальному подходу держав к меньшим европейским государствам. Конечно, могло быть еще хуже. Например, если бы голос в чехословацком вопросе получил Советский Союз — или если бы Гитлер отступил под влиянием какой-нибудь франко-англо-советской акции, или если бы политика западных держав — пусть даже на минуту — попала в зависимость от позиции Москвы.

В Варшаве считали, что ситуация, в которой оказалась Чехословакия, была результатом ее слишком близких отношений с Советами³⁹. Ведь Гитлер не скрывал своего враждебного отношения к польским. Он последовательно противодействовал советским устремлениям получить статус равноправного европейского государства. Не случайно во время мюнхенского кризиса Риббентроп пытался выведать у польского посла в Берлине Юзефа Липского возможность присоединения Польши к антикоминтерновскому пакту⁴⁰. Польша оставила эти попытки без внимания. Но созданную по этому поводу в 1935 г. франко-чехословацко-советскую комбинацию польская дипломатия считала негативно влияющей на ситуацию южного соседа. В соответствии с ней Советы обязались прийти Чехословакии на помощь, если раньше ей такую помощь окажет Франция. В Варшаве не верили ни в добрые советские намерения, ни в реальные возможности Советов выполнить это обязательство⁴¹. Зато концепция прохождения Красной Армии, спешащей на помощь Чехословакии, через территории западных соседей СССР везде вызывала беспокойство. Когда в сентябре 1938 г. латвийское правительство раздумывало, какую позицию занять в случае возникновения вооруженного конфликта в Европе и развязывания советской интервенции, министр обороны генерал Янис Балёдис категорически возражал против даже рассмотрения вопроса о перемещении советских войск через латвийскую территорию. Он считал, что Латвия «уже никогда не смогла бы избавиться от этих войск»⁴².

В мае 1938 г. польский посол в Москве Вацлав Гжибовский следующим образом сформулировал намерения Советского Союза: «(...) Суть позиции СССР по вопросу Чехословакии изложена в известной декларации Литвинова от 17 марта с. г. (...)»⁴³. Но «в позиции Советов, кроме моральной поддержки, невозможно разглядеть желания занять активную самостоятельную позицию по чехословацкому вопросу. Эта позиция заранее была обусловлена отношением Франции и Англии к вопросам Центральной Европы. (...) Позиция Советов в чехословацком вопросе аналогична позиции по вопросу Испании. Кроме общих заверений [в] союзнической солидарности

и мнимого желания сотрудничать в мирном урегулировании чехословацкого вопроса, в своих истинных устремлениях Советы последовательно стремятся обострить ситуацию в Центральной Европе в расчете на возможный вооруженный конфликт, в отношении которого Советы могли бы занять пока выжидательную позицию»⁴⁴. Столь трезвую оценку советской внешней политики посол Гжибовский дал за год до начала германо-советских переговоров, которые привели к заключению пакта Риббентроп–Молотов. По всем приведенным выше причинам во время мюнхенского кризиса Польша решительно и активно противодействовала любым инициативам, которые могли бы допустить в этот процесс Советский Союз⁴⁵.

Но противодействие замкнутой концепции формирования европейского устройства четырьмя державами и стремление сохранить обособленную позицию в отношении Мюнхенской конференции привели польскую дипломатию в ловушку. Вскоре после объявления о созыве в Мюнхене конференции четырех держав польские власти приняли решение провести самостоятельную акцию. Около полуночи 30 сентября 1938 г. посол РП в Праге Казимеж Папэ вручил чехословацкому правительству ультиматум с требованием уступить Польше Заользе⁴⁶. В специальной инструкции польскому послу по поводу ультиматума Юзеф Бек изложил свои мотивы: «В моем понимании нынешний польско-чехословацкий спор имеет два основных аспекта, когда речь идет о позиции нашего Государства: 1) Первый, безотлагательный — это вернуть себе земли, на которые мы имеем законное право⁴⁷. 2) Второй — это позиция Речипосполитой в отношении к новой Европе и к способу управления ею. В столь серьезный момент я считаю, что лишь смелое решение может определить принципиальное лицо нашего государства»⁴⁸. Самостоятельная польская акция должна была выражать протест против возрождающейся в Мюнхене и особенно опасной для Польши идеи директории европейских государств. Однако, как правильно заметили польские историки, «эта диверсия против духа Мюнхена» была Гитлеру только на руку. «Неприятие Польшей продвигаемого западными политиками принципа решения центрально-европейских споров исключительно мюнхенской директорией позволило канцлеру окончательно отказаться от связывающей германскую свободу движений необходимости согласовывать требования Рейха с Лондоном и Парижем»⁴⁹.

В тот же день, когда Польша вручила Праге ультиматум, Бек совершил еще одну ошибку. В беседе с германским послом в Варшаве Гансом-Адольфом фон Мольтке, выражая благодарность за лояльную в отношении Польши позицию Германии во время судетского кризиса, он спросил, займет ли Германия доброжелательную в отношении Польши позицию, если дело дойдет до польско-чехословацкого конфликта. Он спросил также, может ли Польша рассчитывать на такую же доброжелательность Германии

в случае вмешательства со стороны СССР, хотя ни Бек, ни Мольтке в такую возможность не верили⁵⁰. На следующий день Риббентроп сообщил Липскому, что в первом случае позиция Германии будет доброжелательной, а во втором случае «она пойдет в отношении Польши значительно дальше, чем доброжелательная позиция»⁵¹.

Исследования, проведенные польскими историками, выявили различия между ответом Риббентропа на второй вопрос, который Липский немедленно передал в Варшаву, и действительными намерениями Германии. Изучив записи Риббентропа, мы знаем, что в действительности он считал, что если бы на самом деле дошло до советского вмешательства, то для Германии сложилась бы совершенно «новая ситуация». Поэтому вполне вероятно, что поддержка Польши Германией не имела бы «безусловного характера, а была бы наверняка обусловлена выполнением Варшавой дополнительных условий»⁵².

Эти два вопроса Бека о германской позиции в отношении двух маловероятных сценариев развития событий, поставленные в непринужденной обстановке, следует признать серьезной ошибкой, вызвавшей диссонанс в проводимой им политике. Ее целью было сохранение собственной самостоятельной и независимой позиции в условиях быстро обостряющейся международной обстановки. А 30 сентября 1938 г. Бек поставил себя по отношению к III Рейху в положение просителя. Берлин же поспешил воспользоваться случаем. Риббентроп дал Беку положительный ответ, который ему ничего не стоил, но благодаря этому создал себе хорошую позицию для разговоров с поляками в будущем. И хотя можно понять мотивы польского протеста против директории держав, а также признать тот факт, что во время мюнхенского кризиса не было такого европейского политика, который не совершил бы ошибки, не исключив из процесса Гитлера, но, тем не менее, политику Польши в сентябре 1938 г. следует признать ошибочной. С точки зрения формирования собственной, отдельной позиции она, вопреки ожиданиям польского руководства, не принесла никакого усиления. В результате Польша оказалась в изоляции, которая усугубила ее положение, когда уже через три недели она сама оказалась под давлением германских требований. Было ли достижение самостоятельной позиции в то время возможным? Даже если мы предположим положительный ответ на этот вопрос, то со всей уверенностью можно утверждать, что добиться этого было чрезвычайно трудно. Польша балансировала между Берлином, стремившимся к гегемонии в Центральной Европе, и Лондоном и Парижем, не способными противостоять Гитлеру и выискивавшими в регионе средства платежа, за которые можно было бы выменять «мир на наши времена». Польской дипломатии не удалось найти истинного равновесия.

А Бек и его сотрудники — они таким же образом оценивали положение Польши? Все еще трудно дать

однозначный ответ на этот вопрос. В начале ноября на совещании руководящего состава министерства Бек оценивал ситуацию Польши как чрезвычайно благоприятную⁵³. В то время он знал результаты беседы посла Липского с Риббентропом 24 октября, в ходе которой германский министр иностранных дел представил польской стороне предложение «глобального урегулирования» польско-германских отношений с очень далеко идущими требованиями. Бек все еще заблуждался, полагая, что предложения Риббентропа были его собственной инициативой, но ведь риск, что именно Польша станет очередной целью Гитлера, был велик. Однако, с другой стороны, сразу же после Мюнхенской конференции польская дипломатия предприняла инициативу в отношении Советского Союза, которая должна была дать отчетливый политический сигнал о возможности развития взаимодействия двух государств, «исключенных» из мюнхенского процесса⁵⁴. Поэтому Варшава, по всей видимости, осознавала, что позиция Польши не так уж и хороша, чтобы не нуждаться в поддержке..., хотя бы со стороны СССР.

В ситуации Польши и Советского Союза после Мюнхенской конференции существовало определенное, правда, ограниченное и вызванное разными причинами сходство. Конференция стала явным поражением политики также и Советского Союза. Усилия, предпринимавшиеся Литвиновым и направленные на обеспечение СССР статуса равноправной европейской державы, оказались полностью безуспешными. Лондон и Париж продолжали относиться к Советской России как к *enfant terrible* Европы. В Лондоне у власти находились почти те же самые силы, которые одиннадцать лет тому назад порвали с ней дипломатические отношения⁵⁵. Достижения «эпохи Литвинова» — поддержка французской концепции «восточного Локарно», вступление в Лигу Наций, заключение союзов с Францией и Чехословакией — которые, как предполагалось, должны были обеспечить СССР роль одной из держав, определяющих судьбы Центральной Европы, в сентябре 1938 г. оказались полной иллюзией.

Симптоматично протекала беседа Ивана Майского, полпреда в Лондоне, с британским премьером Дэвидом Ллойд Джорджем сразу по окончании мюнхенской конференции. Британский политик, правда, делал комплименты позиции, которую в период кризиса занял Советский Союз, но при случае заметил: «Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях начинается эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака». В Англии правят силы, которые прежде всего боятся коммунизма, а Чемберлен, наконец, исполнил свою мечту о создании «пакта четырех»⁵⁶. Иными словами, все то, на что была направлена советская политика, руководимая Литвиновым, не подавало признаков жизни. А в то же самое время угрозы, которым она должна была

противодействовать, набирали силу. Если же мы сюда добавим точку зрения, высказанную примерно в это же время французским послом в Москве Робером Колондром — мы получим полную картину катастрофы советской внешней политики. В ходе его последней перед окончанием миссии беседы с Литвиновым он отметил, что на протяжении 1936–1938 гг. не удалось достичь улучшения франко-советских отношений⁵⁷. Французский дипломат спросил Литвинова, как тот прогнозирует дальнейшее развитие ситуации. Народный комиссар иностранных дел ответил, что Мюнхенская конференция — это катастрофа для всего мира (то есть не только для Советского Союза). Существует две возможности: «либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера, и последний получит господство над всей Европой, над колониями, а он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам, и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останутся только три великих державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное»⁵⁸.

Хотя упоминание Франции в списке великих держав следует приписать не столько дальновидности Литвинова, сколько той недоброжелательности, которой тот щедро одаривал французского посла, тем не менее не подлежит сомнению, что жажда взять реванш у западных держав была в Москве осенью 1938 г. чрезвычайно сильна. Не исключено, что именно в таком настроении Сталин выступал 1 октября 1938 г. Тогда он заявил, что большевики никогда не были и не являются пацифистами, вздыхающими о мире и «хватаящимися за оружие только тогда, когда на них нападут». Напротив, объяснял он, не исключено, что «большевики нападут сами, если это будет война справедливая, если ситуация будет благоприятная, если условия будут способствовать (...) [большевики] в общем не противники наступления, не противники войны как таковой (...) То, что мы сейчас кричим о мире — это лишь вуаль, вуаль! Все государства маскируются: с волками жить — по волчьей вить»⁵⁹. Чтобы ситуация начала способствовать такому сценарию Сталина, Гитлер должен был нарушить мюнхенское соглашение.

Советский Союз не намеревался выступать в защиту Чехословакии. Ни в коем случае он не мог этого сделать самостоятельно, а подход Лондона и Парижа исключал совместные действия. Франция и Англия, — писал Литвинов в октябре 1938 г. полпреду в Париже Якову Сурицу, — «обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином и последние предъявят требования, даже и для них неприемлемые»⁶⁰. Уже тогда Сталин думал, как заин-

тересовать Гитлера сотрудничеством с СССР. 17 октября в Кремле обсуждалась возможность разрыва советско-французского договора о взаимной помощи. В конце концов, Литвинову удалось отговорить Сталина от этого шага. Вся Европа восприняла бы это не иначе, как восторг недоверия западным державам. Ясно, что Советский Союз уже не намеревался участвовать в каких-либо акциях, направленных на сдерживание германской экспансии⁶¹.

После Мюнхена Сталин должен был отдавать себе отчет, что его стремление получить для Советского Союза статус, равноправный с другими европейскими державами, может быть реализовано лишь при условии, что Гитлер будет продолжать свою прежнюю политику. Если бы мюнхенское соглашение могло удовлетворить экспансивные устремления Гитлера, Сталину не оставалось бы ничего иного, как только постараться улучшить собственное положение методами, за которые много лет выступал Литвинов. То есть путем восстановления сотрудничества с Лондоном и Парижем. В стремлении уничтожить Версальскую систему, после Мюнхена Сталин должен был выступить на стороне за Гитлера. Литвинов тогда, наверное, и не подозревал, что в этой ситуации и его личная судьба зависела от перспектив мюнхенского курса.

Большие торги

Вся конструкция мюнхенской системы зиждилась на очень слабом фундаменте. Его прочность зависела исключительно от воли Гитлера и от соблюдения им своих обязательств. Уже через несколько недель после конференции в Мюнхене из Берлина начали поступать сигналы, что с этим могут быть проблемы. Великобритания и Франция превратились в заложников действий канцлера Германии, а Гитлер считал мюнхенский договор поражением. Его целью была локальная молниеносная война с Чехословакией, а тем временем, вопреки его воле, он был втянут в дипломатическую конференцию. В результате, правда, без единого выстрела и с согласия западных держав он изменил германо-чехословацкую границу и поставил в зависимость от Германии урезанное небольшое государство со столицей в Праге, но цену, которую ему пришлось заплатить, он считал слишком высокой и не соответствовавшей его замыслам. Он был вынужден признать за Лондоном и Парижем право соучаствовать в делах Центральной Европы, что связывало ему руки. Правда, польский ультиматум по вопросу Заользья позволил существенно ослабить эти путы, но Гитлер всегда считал Мюнхен своей самой большой ошибкой. Он упрекал себя в том, что не захотел, а может не смог перейти от пропаганды и дипломатии к военным действиям⁶². Помня этот горький для него урок, он был потом очень осторожным, чтобы его не повторить. В последующие годы он иногда переносил срок нападения, но никогда не менял решения о нем. Летом 1939 г. он

вызовет в Берлин своих послов из Варшавы и Лондона и уже не позволит им вернуться в свои посольства. И все ради того, чтобы — как он разъяснял высшему командному составу германских вооруженных сил 22 августа 1939 г. — не допустить, чтобы в последний момент какая-нибудь «свинья» выступила с предложением компромисса и попыталась его вновь обмануть. Намек на Чемберлена и Мюнхен был очевиден⁶³.

Надежды западных держав, связанные с созданием мюнхенской системы, основывались на уверенности в нерушимости политических норм и одного из основных положений международного права *pacta sunt servanda*. Считалось, что война не в интересах Германии, переживающей период расцвета. Напомним, что тридцатые годы XX века были временем ренессанса немецкой культуры. В 1929 г. Томас Манн получил Нобелевскую премию в области литературы. Мир узнавал Германию через великолепные произведения Эрнста Толлера и Бертольда Брехта. В историю вошли незабываемые актерские шедевры Элизабет Бергнер и Марлен Дитрих. Расцвет переживала немецкая музыка (оперы Рихарда Штрауса, его знаменитая Саломея на либретто Оскара Уайльда, мюзиклы проживавшего в Соединенных Штатах Курта Вейля, например, Трехгрошовая опера на либретто Бертольда Брехта), живопись (нельзя не вспомнить Макса Бекмана) и архитектура (мир восхищался стилем Bauhaus)⁶⁴. Популизмом Гитлера и нацистской идеологией мир мало интересовался. Из нескольких тысяч статей, опубликованных в британской прессе в тридцатые годы и рассказывающих о Германии лишь 25 (!) были посвящены феномену нацистской идеологии⁶⁵. Экстравагантных и харизматических ораторов, охотно подхватывавших популистские тезисы, в то время было много в Европе (Муссолини, Черчилль). Антисемитизм, который в тридцатые годы приобрел в Германии экстремальную форму, был в межвоенной Европе интегральным, полностью легитимным элементом политических дискуссий.

Гитлер считался политиком нового типа. Он не признавал традиционные правила политического этикета и отвергал «мещанскую мораль». Он утверждал, что договорные обязательства не должны ограничивать современного политика. Поэтому он не имел ни малейшего намерения выполнять мюнхенское соглашение.

Готовясь к решающему столкновению с Францией, Гитлер должен был определиться в отношениях с Польшей. 24 октября 1938 г. министр иностранных дел Третьего Рейха Иоахим фон Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Юзефом Липским представил германские условия «общего» урегулирования германо-польских отношений. Германский министр иностранных дел потребовал включения Гданьска в состав Рейха, признания за Германией права на экстерриториальную автостраду через «польский коридор» и вступления Польши в антикоминтерновский пакт, который должен был быть дополнен оговоркой

о консультациях. Тем самым Польша была обязана согласовывать свою внешнюю политику с Германией⁶⁶.

У Риббентропа были причины выбрать именно этот момент, чтобы выдвинуть претензии к Польше. Он хотел использовать изоляцию Польши и выставить ей счет за поддержку, оказанную в вопросе аннексии Заользья. Во-вторых, рассчитанный на четыре года план вооружения Германии начал уже приносить результаты, а по его выполнению к 1940 г. Гитлер собирался начать войну с Францией, гарантом Версальской системы. Но на горизонте германской экономики появилась перспектива кризиса. Выходом из ситуации был ее перевод на военные рельсы. Для этого Гитлеру и нужна была война. Сначала он не планировал, что это будет война с Польшей.

Готовясь к конфронтации с Францией, Германии необходимо было разбить формальный франко-польский союз, а также создать полностью зависимую и контролируемую ею «буферную» зону, отделяющую ее от Советского Союза. Поэтому основными требованиями Гитлера к Польше были не территориальные вопросы. Ключевое значение имели политические условия. Речь шла о подчинении Польши целям германской внешней политики, символическим проявлением которого должно было быть присоединение Польши к антикоминтерновскому пакту. То есть Варшава должна была отказаться от фундаментального принципа своей внешней политики после 1919 г. не вступать в союз с одним из своих великих соседей, направленный против другого соседа. «Для Гитлера (...) польский отказ означал как срыв планов экспансии на восток, против Советского Союза, так и создавал риск войны на два фронта в случае вооруженного конфликта на западе. При этом ничто не говорит о том, что в планах германского диктатора было начать войну уже в 1939 г.»⁶⁷.

5 и 6 января 1939 г. в Берхтесгадене и Мюнхене Юзеф Бек провел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Во время этих встреч германские политики, не прибегая пока еще к угрозам, ясно повторили свои предыдущие требования. Кроме того, Гитлер заявил, что Рейх заинтересован в существовании сильной и «национальной» Польши, независимо от того, какой строй будет господствовать в России, а сильная польская армия уменьшает нагрузку на военный бюджет Германии. «Если у министра Бека еще оставались иллюзии насчет того, что ввиду возможного отказа Польши Германия не будет настаивать на своих октябрьских требованиях и что поставленные тогда условия были лишь собственной инициативой самого Риббентропа, то теперь его вывели из этого заблуждения. Польско-германские отношения быстро ухудшались, Берлин постепенно увеличивал давление на Варшаву; тем не менее, как германские, так и польские дипломаты держали этот факт в тайне. Гитлер еще рассчитывал в конце концов принудить Польшу к покорности, постепенно увеличивая нажим на нее»⁶⁸. А с точки зрения Варшавы преждевременное

разглашение информации о германских требованиях в условиях проводимой Лондоном и Парижем политики «умиротворения» Гитлера никаким образом не могло положительно повлиять на положение Польши. Кроме того, польские политики льстили себя надеждой, что германское предложение «общего урегулирования» было лишь широко очерченной исходной позицией для переговоров и поэтому думали, что компромисс возможен, хотя все менее вероятно⁶⁹.

А в Москве тем временем беспокоились, не будет ли улучшение советско-польских отношений после Мюнхена использовано Польшей в качестве разменной карты в переговорах с Германией. «Потемкин (...) выразил опасение, что наша совместная декларация [от 26 ноября 1938 г.] может оказаться всего лишь маневром и предметом торга. Я категорически заявил, что если не считать независимость нашей политики аксиомой, то действительно очень трудно понять нашу политику. Тогда Потемкин выразился яснее, что Польша, имея на выбор гитлеризм и большевизм, скорее выберет гитлеризм. Я ему сказал, что такой альтернативы нет, и что мы считаем одинаково нежелательной как большевизацию Германии, так и гитлеризацию России» — писал в Варшаву посол Гжибовский после беседы с заместителем Народного комиссара иностранных дел 7 января 1939 г.⁷⁰

Так как в конце февраля 1939 г. в Москве продолжали разрабатывать планы боевых действий на случай совместной германо-польской военной акции против Советского Союза⁷¹, это может указывать на то, что в Москве не отдавали себе отчет в быстро ухудшающемся состоянии германо-польских отношений.

После Мюнхена из советской риторики исчезли лозунги, призывающие к созданию антифашистского фронта. Тем самым Советы старались показать, что теперь все варианты им доступны. В беседе с французским поверенным в делах в Москве Жаном Пайяром, состоявшейся в конце января 1939 г., Владимир Потемкин, заместитель Литвинова, правда, заявил, что франко-советский договор о взаимной помощи «сохраняет в наших глазах свою силу». Но на вопрос французского дипломата, не могут ли начинающиеся вскоре германо-советские переговоры о торговом соглашении перейти от экономических вопросов к политическим, он ответил, что хотя это и не кажется ему столь вероятным, но «мы никогда не отказывались от возможности нормализовать наши отношения с любым государством»⁷². Несколькими днями позже Литвинов в беседе с новым французским послом Полем-Эмилем Наджиаром был так же загадочен. «Мы готовы и впредь к действительному сотрудничеству, если оно угодно другим, но мы можем обходиться и без него и поэтому гнаться за ним не будем»⁷³.

Занятие вермахтом Праги 15 марта 1939 г., являющееся нарушением мюнхенского договора, стало поворотным пунктом в европейской политике. Гитлер не собирался согласовывать свои действия в Восточ-

ной Европе с западными державами. Хотя германские дипломаты были уверены, что и на этот раз он мог бы получить согласие западных держав на изменение восточных границ Рейха. В феврале 1939 г. Эрнст фон Вайцеккер, государственный секретарь министерства иностранных дел, отметил в своем дневнике, что присоединение к Рейху Гданьска, Клайпеды и получение сухопутного сообщения с Восточной Пруссией было бы «самым популярным в нашей стране и самым понятным для заграницы очередным актом германской внешней политики». Польшу, которая находилась в изоляции и не могла рассчитывать на чью-либо помощь, Германия могла бы легко «сократить» до размеров всего лишь «буфера», отделяющего Рейх от России⁷⁴. Аннексию Гданьска и даже ликвидацию «польского коридора» Гитлер мог осуществить в рамках мюнхенской системы. Но чтобы подчинить Польшу своим целям в Европе, лишить ее суверенитета, разбить польско-французский союз и ликвидировать Версальскую систему — ради всего этого, учитывая позицию польского руководства, которое отвергло его требования, он был вынужден нарушить мюнхенский договор.

Ликвидация остатков Чехословакии преследовала цель окружить Польшу и оказать на польское руководство окончательное давление. Наверняка Гитлер еще не имел в виду войну с Польшей⁷⁵. Если бы было иначе, то занятие Праги следовало бы считать крупнейшей ошибкой, которую он совершил за свою политическую карьеру. Ликвидация Чехословакии должна была привести к изменению политики западных держав. Этот шаг позволил Польше выйти из политической и военной изоляции. Локализовать конфликт с Польшей стало труднее, если вообще возможно. Владислав Кульский, в прошлом высокопоставленный дипломат, начальник юридического управления польского МИД, писал в своих воспоминаниях: «...если бы Гитлер в марте 1939 г. вместо занятия Праги и чисто национальных чешских и словацких земель потребовал от Польши согласия на включение в Рейх Гданьска и Поморья, то он, конечно, мог бы смело атаковать Польшу, не опасаясь ввязаться в войну с Англией и Францией, общественное мнение которых считало бы только сопротивление Польши виной за эту локальную войну»⁷⁶.

В ответ на нарушение Гитлером мюнхенского соглашения Великобритания сделала беспрецедентный в истории поворот в своей внешней политике. Она решила политически вмешаться в защиту status quo в Восточной Европе. Однако этот поворот не был подготовлен ни с точки зрения концепции, ни с точки зрения дипломатической методологии. В результате в действиях британской дипломатии в марте 1939 г. царил хаос.

20 марта лорд Галифакс выступил с предложением о совместной декларации Великобритании, Франции, Советского Союза, Польши (позже сюда должна была присоединиться Румыния), которая

предусматривала бы немедленный созыв конференции четырех по вопросу совместных действий в случае угрозы агрессии какому-либо европейскому государству со стороны Рейха. Эта инициатива, хоть и неподготовленная, сигнализировала о коренном изменении британской внешней политики. Но шансы на успех у этого проекта были нулевые. Ни Польша, ни Румыния, находясь под давлением Гитлера, не могли рисковать и участвовать в каком-либо даже символическом мероприятии без видов на реальную подстраховку со стороны западных держав⁷⁷. Польша, правда, была заинтересована в британской поддержке, которая дополняла бы ее союз с Францией. Но она с самого начала стремилась придать ей форму двустороннюю, а не многостороннюю. Многосторонний формат в Варшаве считали непрактичным и не приносящим Польше облегчения в отношении германских требований. Формат, ограниченный лишь Польшей, Великобританией и Францией, явно заблокировал бы Советский Союз. «Что касается Франции, то союз от 1921 г. создает такую ситуацию, когда новый договор предлагаемой длительности не представляется в данный момент нужным, так как Франция, ввиду существующего между нами правового состояния de facto входит в эту комбинацию, а приглашение ее сейчас в новый консультационный договор подчеркивало бы то обстоятельство, что СССР из него исключен, чего мы хотели бы избежать»⁷⁸.

В свою очередь, вариант с участием Советского Союза в Варшаве считали рискованным и потенциально увеличивающим угрозу германской агрессии. Министр Бек объяснял это британским дипломатам следующим образом: «(...) неприязнь, существующая ныне между Берлином и Москвой, носит такой характер, что включение Советов в договор может внезапно и чрезвычайно быстро привести к общему конфликту. (...) сотрудничество с Советами может вызвать резкое решение Германии»⁷⁹.

В Париже польские опасения вызвали беспокойство. Французы находились до такой степени под впечатлением поворота в британской политике, что любой ценой хотели укрепить англичан в этом решении. Обязательства, вытекающие из польско-французского союза, создавали ситуацию, когда в Париже считали, что отношение Варшавы к британскому предложению не имеет ключевого значения. Приоритетом Парижа было налаживание сотрудничества с Советским Союзом. Это облегчило бы французам выполнение союзнических обязательств в отношении Польши и помогло бы развить зачатки британского участия в делах в Центральной Европы. Поэтому премьер Даладьё был готов заключить франко-англо-советское соглашение, не оглядываясь на Польшу⁸⁰.

Но Советский Союз уже тянул время. Советские дипломаты решительно опровергали слухи, что в случае германской агрессии против Польши СССР автоматически придет ей на помощь⁸¹. Они давали

понять, что Москва не собирается никому навязывать свою помощь и чувствует себя очень хорошо в положении «ничем не связанного» «внимательного наблюдателя»⁸².

Британские гарантии Польше и Румынии явным образом ограждали СССР от опасности гитлеровской агрессии. Косвенно Сталин получил даже значительно более надежный страховой полис, нежели Польша. Потому что Гитлер не имел никакой реальной возможности напасть на СССР без того, чтобы перед этим не покорить Польшу, связанную союзом с Францией и поддерживаемую Великобританией. А это означало, как тогда могло казаться, военную кампанию, по крайней мере, на несколько лет. Такая ситуация только усиливала роль Москвы и ее позиции в торге. Москва повышала цену⁸³. 4 апреля Литвинов писал Алексею Мерекалову, полпреду в Берлине: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики»⁸⁴.

Поэтому, принимая во внимание как стратегические цели британской политики, так и тактическую необходимость сохранить поле для маневра в отношениях с Москвой, трудно не поддаться впечатлению, что предоставление Чемберленом гарантий Польше и Румынии было шагом преждевременным и ошибочным. Лондон даром отдал Сталину козыри, которые позволили ему определять судьбу Европы. Таковы были результаты хаотичных поисков какого-нибудь спасительного круга для тонущей империи.

Начали сбываться предсказания Литвинова, сделанные в октябре 1938 г. Великобритания и Франция в поисках новых возможностей обуздать Гитлера обратились за помощью к СССР. Однако Сталин не имел интереса спасти остатки версальского устройства и привилегированных позиций в нем Лондона и Парижа. 10 марта он сделал на XVIII съезде партии доклад, в котором обвинил Великобританию и Францию в том, что отвергая принципы коллективной безопасности, они проводят гибельную политику поощрения агрессии. Целью Лондона и Парижа, по мнению Сталина, было поссорить Германию и Советский Союз и спровоцировать конфликт между ними. Советский руководитель отметил, что для такого конфликта нет никаких существенных причин, что можно было принять за сигнал готовности начать переговоры с Гитлером⁸⁵. Сигнал, который Сталин хотел послать еще в середине октября 1938 г. в ответ на Мюнхенскую конференцию, когда он намеревался отказаться от союза с Францией, был, наконец, передан. Советский Союз «не будет таскать из огня каштаны» в интересах демократических держав, а сотрудничество с Третьим Рейхом вполне возможно⁸⁶.

15 апреля Литвинов предложил Сталину воспользоваться благоприятной для Советского Союза

обстановкой: «если мы хотим вообще сотрудничать» с Лондоном и Парижем. По его мнению, Советский Союз должен предложить заключить договор о взаимной помощи между тремя державами: Великобританией, Францией и Советским Союзом. Участники договора обязались бы также «оказать помощь европейским соседям СССР». В договоре было бы также записано, что его участники обязуются «не принимать решений и не заключать соглашений с другими государствами по вопросам, касающимся востока Европы, без общего согласия трех государств». Равным образом они обязуются не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга⁸⁷. Другими словами, Литвинов предлагал использовать крушение мюнхенской системы для достижения давних целей и получения Советским Союзом статуса равноправной европейской державы. Выражением нового статуса должно стать создание директории: СССР, Великобритания и Франция — своего рода «Соглашения Трех», которое и должно определять судьбы Восточной Европы. Это была цена, которую Литвинов предлагал западным державам уплатить в обмен за сотрудничество в сдерживании Гитлера.

У Сталина и Молотова были, однако, возражения. Председатель Совета народных комиссаров требовал, чтобы соглашение и трехсторонние гарантии охватывали также Турцию⁸⁸. Сталин же настаивал на том, чтобы Великобритания уточнила формулировку гарантий Польше и Румынии таким образом, чтобы было ясно, что они не касаются ситуации, в которой агрессором оказался бы Советский Союз. «Формально получается, — писал Литвинов Сурицу, — как будто Англия окажет помощь и против нас. Хотя мы, конечно, нападать на Польшу не собираемся, но считали бы существование такого обязательства Англии несовместимым с теми отношениями, которые мы желаем теперь установить с Англией»⁸⁹. На самом деле требование Сталина означало возможность пересмотра status quo советско-польской границы. В условиях, когда по Европе ходили сплетни, слухи и спекуляции на тему всегда возможного раздела Польши, этот постулат должен стать для дипломатов западных держав предупредительным сигналом, который подрывал доверие к Сталину как к их потенциальному союзнику против Гитлера. Следует помнить, что европейские дипломаты к тому времени уже накопили богатый опыт в области дипломатической методологии наращивания территориальных претензий и были чрезвычайно чутки ко всем фальшивым нотам, которые могли предвещать новые проблемы подобного рода. Из самого факта выдвижения такого требования можно сделать вывод, что уже в апреле Сталин начал искать возможности пересмотра границ с Польшей и не хотел, чтобы уже на начальном этапе переговоров с западными державами возникли какие-либо политико-правовые конструкции, которые связывали бы ему руки в этом вопросе.

В это же время к торгам за восточно-европейского союзника присоединились дипломаты Третьего Рейха. 17 апреля Мерекалов — впервые с момента вручения верительных грамот канцлеру Рейха, которое состоялось 5 июня 1938 г. — нанес визит Эрнсту фон Вайцзеккеру. Госсекретарь германского МИД, оправдываясь за невыполнение советских заказов чехословацкими предприятиями «Шкода», предположил, что в то время как германские экономические круги будут стремиться выполнить обязательства «Шкоды», военные, по всей видимости, будут этому противиться, задавая вопрос: «Можно ли давать СССР зенитные орудия, если Советское правительство ведет переговоры об участии в возможном пакте против Германии». Затем Вайцзеккер заявил: «Вы знаете, у нас есть с Вами противоречия идеологического порядка. Но вместе с тем мы искренне хотим развивать с Вами экономические отношения»⁹⁰. Намек на возможность попытки выяснить позиции обеих сторон был очень прозрачен.

Во второй половине апреля 1939 г. Сталин имел перед собой две возможности: он мог либо приступить к сотрудничеству с западными державами с целью сохранить status quo в Восточной Европе, либо начать проявлять расположение к Гитлеру, который стремился этот status quo разрушить. В Москву для консультаций были вызваны советские полпреды в Париже, Лондоне и Берлине. Перед отъездом Яков Суриц встретился в своей резиденции с представителями французских левых кругов. После официальной части он провел долгую секретную беседу с Франсуа де Тессаном и господином Лиоте, депутатом Национального собрания Французской Республики, «левыми радикал-социалистами (...) кандидатами на руководящие посты в министерстве иностранных дел на случай „реставрации Народного фронта“»⁹¹. В ходе этой встречи советский посол осветил позицию Москвы по главным международным проблемам. Он отметил, что проводимые британо-советские консультации по поводу пакта о взаимной помощи не имеют для Советского Союза приоритетного значения. Потому что такого рода договор не послужит обеспечению советских интересов. По мнению Сурица, Сталин не верит, чтобы государства «капиталистической демократии» были способны пересмотреть свою политику «откупаться» от Гитлера, они будут ее продолжать, стремясь направить «германский „динамизм“» на восток. Суриц сказал, что советский руководитель с особым недоверием относится к «мюнхенцам»: Чемберлену и паре Бонне-Даладьё, которых он считает сторонниками идеи «натравливания друг на друга СССР и Германии». Суриц объяснял, что Советский Союз опасается присоединиться к предлагаемому западными державами антигерманскому блоку, так как это может означать, «что именно Красная Армия должна будет принять на себя всю тяжесть главного удара германских вооруженных

сил, так как СССР граничит с теми странами, которые могут быть объектом германской агрессии». Советский дипломат сказал далее, что в Москве считается маловероятным, чтобы Германия ударила по Советскому Союзу и «поэтому помощь СССР в Европе считается „односторонней“ и не имеющей эквивалента с другой стороны». Тем более что, по мнению советской стороны, «Франция будет отсиживаться за линией Мажино, высовываясь время от времени, и то очень осторожно (...) Англия же может ограничиться защитой Голландии и, возможно, Бельгии и борьбой в воздухе». Суриц сказал также своим собеседникам, что Советский Союз может рассмотреть и другую возможность. «(...) Во время последней встречи Мерекалова с Риббентропом, *полпред* в Берлине получил далеко идущие заверения германского министра иностранных дел, что Германия считает действующим советско-германский договор о дружбе и нейтралитете⁹³ и готова подтвердить эту свою точку зрения любым формальным способом, даже в виде личного заявления рейхсфюрера. Риббентроп выразил надежду, что и СССР считает этот договор действующим и воздержится от подписания каких-либо обязательств, которые формально или фактически аннулировали бы его значение». В историографии не известна ни одна беседа Риббентропа с Мерекаловым, содержание которой хотя бы отдаленно напоминало изложение Сурица. Остальная же часть выводов Сурица находит подтверждение в других источниках⁹⁴. Литвинов действительно сомневался в готовности и решимости западных держав противостоять Гитлеру⁹⁵, а в Москве в это время действительно сравнивались два предложения — западных держав и Третьего Рейха, и анализировались потенциальные выгоды. Суриц действительно должен был ехать в Москву на консультацию.

21 апреля состоялось заседание Политбюро в составе: И. Сталин, В. Молотов, А. Микоян, Л. Каганович и К. Ворошилов, а также руководство Народного комиссариата иностранных дел: М. Литвинов и его заместитель В. Потемкин. Были приглашены также Майский, Мерекалов и Крапивенцев, советник советского представительства в Париже. Суриц, в конце концов, в Москву не поехал. Возможно, это было связано с желанием избежать сенсации, вызванной одновременным отсутствием руководителей советских загранучреждений в Лондоне, Париже и Берлине.

Заседание продолжалось с 13:15 до 16:50 и, по-видимому, на нем произошел резкий обмен мнениями на тему международной обстановки и внешней политики СССР. В ходе заседания Мерекалов, оценивая политику Гитлера и его цели на международной арене, высказал, якобы, точку зрения, что фюрер попытается совершить агрессию против Советского Союза через 2–3 года и поэтому следует отказаться от германских «авансов»⁹⁶. Литвинов высказался за создание тройственного союза Москвы, Парижа

и Лондона. При этом он был против участия Турции в предлагаемой системе гарантий. В свою очередь, именно за такое решение высказывался Молотов, который, по всей видимости, был также сторонником отказа от предложения западных держав в пользу сотрудничества с Гитлером⁹⁷.

Результаты этого заседания имели, по-видимому, решающее значение для выбора направлений советской внешней политики летом 1939 г. Литвинов вновь появился в кабинете Сталина лишь 3 мая, то есть в тот день, когда «ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей Наркома иностранных дел»⁹⁸. Его место занял Молотов. В тот же день в специальной телеграмме, разосланной советским послам в важнейших столицах, Сталин разъяснял, что причиной отставки Литвинова был «серьезный конфликт» между ним и Молотовым, возникший в связи с нелояльностью Литвинова в отношении Совета Народных Комиссаров⁹⁹. Вскоре судьбу Литвинова разделил Мерекалов, который после заседания 21 апреля выехал в Берлин, откуда 5 мая был вновь вызван в Москву и в столицу Рейха уже не вернулся. Советские интересы в Берлине в последние месяцы мира представлял советник-посланник Георгий Астахов, которого французский историк Сабина Дюллен считала человеком НКВД¹⁰⁰. Таким образом Сталин убрал из Народного комиссариата иностранных дел главных противников сближения с Германией.

Когда Гитлер узнал о британских гарантиях Польше, его охватило бешенство, он грозил «приготовить им (т. е. англичанам) дьявольский напиток»¹⁰¹. В своей речи в Вильгельмсхафене 1 апреля 1939 г. фюрер подверг Лондон нападкам за его политику «окружения» Германии при помощи «сателлитов». Он предостерегал от «таскания каштанов из огня для великих держав», потому что при этом можно обжечь себе пальцы. Он насмеялся над попытками Англии пойти на соглашение с «большевистской Россией Сталина»¹⁰². В речи Гитлера в Вильгельмсхафене можно усмотреть связь с речью Сталина от 10 марта. Вскоре после этого фюрер приказал германским штабам начать подготовку к войне с Польшей¹⁰³.

В Берлине быстро поняли, что ключевым моментом может оказаться позиция Советского Союза в отношении новой ситуации на континенте. После предоставления гарантий Польше и попыток Лондона и Парижа включить СССР в антигерманскую коалицию¹⁰⁴ перед германской дипломатией встала новая проблема. Возникла необходимость выбить из рук Великобритании и Франции «российскую шпагу». Проблема заключалась в том, что Гитлер отвергал даже мысль о сближении с Советами. Чтобы склонить канцлера к этой идее, по всей видимости, пришлось прибегнуть к обману. Германские дипломаты, с ведома Риббентропа, начали манипулировать записями переговоров с советскими дипломатами¹⁰⁵, вкладывая свои предложения в уста советских собеседников.

До Гитлера доходили известия, что в сближении заинтересован Сталин, советская же сторона была проинформирована о готовности Третьего Рейха возобновить политическое сотрудничество с СССР¹⁰⁶.

Кампания, направленная на нейтрализацию возможного идеологического сопротивления нацистского руководства по вопросу о сотрудничестве с большевиками, была проведена германским МИД с широким размахом¹⁰⁷. В начале мая 1939 г. в политическом департаменте *Auswärtiges Amt* появился анализ советской политики в первые месяцы 1939 г. под названием *Новая ориентация России*. По мнению его авторов, начало британо-советских переговоров свидетельствовало, что в случае вооруженного конфликта в Европе «внутриполитические и мировоззренческие различия не должны быть преградой для [создания — С. Д.] союза, даже тогда, когда идеологическая противоположность настолько глубока, как между ультракапиталистической английской монархией частного свободного рынка и радикально антикапиталистическим, атеистическим, коммунистическим большевизмом». В анализе отмечалось, что принятие такого принципа создаст для Третьего Рейха значительно более выгодную ситуацию, чем для «западных демократий». Идеологические различия между Россией и «германской национал-социалистической рабочей партией» были значительно меньше, чем различия, разделяющие «государство авангарда пролетариата» и «капиталистическую английскую монархию». В последние годы, говорилось в анализе, причина разногласий между Германией и Россией лежала исключительно в идеологической плоскости. Но в настоящий момент в связи с новым подходом советской стороны к проблеме «идеологических преград» они уже не будут создавать проблем. Тем более что, присоединившись к предлагаемому Лондоном антигерманскому блоку, Москва лишь усилит своих соседей — Польшу, Румынию и Британскую империю (Индия). Если дело дойдет до войны, то участие в ней Советского Союза «вместе с Германией против Польши было бы значительно менее рискованным и могло бы [помочь] вернуть старые белорусские и украинские земли, утраченные в пользу Польши»¹⁰⁸.

В мае 1939 г. МИД Германии точно предопределил цену, которую Третьему Рейху придется заплатить за сотрудничество Сталина в ликвидации остатков версальского устройства. Такие же аргументы использовал, наверное, и Риббентроп, убеждая Гитлера сделать германское предложение на объявленных в Кремле торгах. Следы этой аргументации мы можем проследить также в позиции Риббентропа, переданной Молотову 14 августа 1939 г. Она содержала предложение заключить германо-советское соглашение, предопределяющее судьбу мира в Европе¹⁰⁹. И так, это был ключевой момент заключительной фазы советско-германских переговоров, которая завершилась заключением договора Риббентроп–Молотов 23 августа 1939 г.

Гитлер рвался к локальной войне с Польшей, а Сталин мог ему помочь локализовать эту войну, отвергнув сотрудничество с западными державами. В свою очередь, Парижу и Лондону Сталин был нужен, чтобы попытаться сдержать Гитлера дипломатическими средствами и оказывая на него политическое давление. В конечном счете, чтобы быть в состоянии оказать Польше эффективную военную помощь. Сталин же стремился использовать европейский кризис для изменения status quo в Восточной Европе и подчинения себе западных соседей. В середине апреля Литвинов, докладывая Сталину свои предложения по тройственному союзу, распространял действие договора на всех «европейских соседей СССР». Тем временем, гарантии западных держав получили только Польша и Румыния, два центрально-европейских государства, наиболее подверженные риску германской агрессии. Любой, кто хоть немного разбирался в европейской политике, понимал, что риск германского нападения на прибалтийские страны или Финляндию без предварительного покорения Польши был практически нулевой. Еще менее вероятной была возможность таким же образом совершить агрессию против СССР. Поэтому, когда летом 1939 г. в ходе англо-франко-советских переговоров о союзе против Третьего Рейха Советский Союз прежде всего потребовал, чтобы помощь жертве агрессии могла быть оказана без ее на это согласия и даже могла быть ей «навязана», дипломатическим кругам в Европе стало ясно, что Советский Союз стремится не спасти мир, а определить свою сферу влияния в Восточной Европе. Контраст с условиями развивающегося с апреля 1939 г. англо-франко-польского сотрудничества был резким. Ведь Лондон и Париж согласились с тем, что гарантии будут реализованы тогда, когда сама Польша посчитает, что ее интересы были нарушены¹¹⁰. На таких же условиях в апреле 1939 г. Польша предложила свою помощь Литве¹¹¹.

Во второй половине июня произошла примечательная беседа лорда Галифакса с Иваном Майским. Глава британской дипломатии старался объяснить полпреду, что Лондон не может согласиться на включение в сферу трехсторонних гарантий Эстонии, Латвии и Литвы, потому что эти государства их просто не хотят, и до сих пор в истории не было прецедента предоставлять гарантии тому, кто их решительно не желает. Майский возразил и с удивительной для дипломатических стандартов откровенностью изложил советские намерения: «Что же касается (...) Вашего тезиса об отсутствии соответствующего прецедента, (...) во-первых, никто никому не запрещает создавать новые прецеденты. Во-вторых, (...) вспомните доктрину Монро. Если США в 1823 г. могли односторонним актом (не справляясь о чувствах южноамериканских республик) заявить, что всякую попытку держав „Священного Союза“, распространить „свою систему“ на Южную Америку, они будут рассматривать как

угрозу своим безопасности и благополучию (...), то почему три великие державы Европы в 1939 г. не могут сделать чего-либо подобного в отношении трех балтийских государств? (...)

— Так вы хотите, чтобы мы положили начало доктрине Монро для Европы — [спросил Галифакс]?

— Не для Европы, — [ответил Майский] — а хотя бы только для Прибалтики»¹¹².

Майский был очень доволен собой. Для Галифакса советские требования стали шоком. В Европе, построенной на фундаменте представлений В. Вильсона, отрицающих — правда, непоследовательно, но тем не менее — «старую дипломатию» абсолютных властителей, уже развивающих идею создания Европейского Союза (Бриан!), тезис определения сфер влияния, как сто лет назад, без согласия заинтересованных государств, вне демократического контроля со стороны парламентов, несмотря ни на что звучал как анахронизм. Особенно для ушей демократического политика. К сожалению, наступали времена варваров — Гитлера и Сталина.

Советские требования, по сути, ставили Лондон и Париж перед выбором: либо отдать Восточную Европу Гитлеру, который еще со времен Мюнхена последовательно добивался от западных держав развязать ему руки в Восточной Европе, либо отдать прибалтийские государства, а в будущем, наверняка, также и другие страны этого региона на откуп Сталину. Когда через несколько дней после беседы Галифакс-Майский Советский Союз потребовал признать *casus foederis* будущего союза также ситуацию так называемой косвенной агрессии, переговоры окончательно зашли в тупик. Все соседи СССР восприняли это как знак, говорящий о нарастании советского ревизионизма¹¹³. Действительно, возможность получить гарантии от большевистской России вызвала тревогу у всех ее западных соседей. Двадцать лет вся Европа относилась к Советам с опасением и недоверием и не считала их надежным партнером. И почему теперь, перед лицом общеевропейского кризиса доверия западные соседи СССР должны были доверить свою безопасность ревизионистской державе?

Начало англо-франко-советских переговоров по военным вопросам при отсутствии политического соглашения было в этой ситуации с обеих сторон лишь имитацией деятельности. Уже в июле германские дипломаты были уверены, что если до конца месяца западные державы не добьются соглашения с Москвой по прибалтийским государствам, то Третий Рейх и СССР быстро совершат раздел Восточной Европы¹¹⁴.

Сталин не был заинтересован в спасении мира в Европе. Выгоду ему могло принести лишь свержение версальского порядка. На его развалинах он мог построить собственную империю и обеспечить сферу влияния. Пока Гитлер не нарушил мюнхенский договор, он мог еще рассчитывать на изменение во-

сточных границ Рейха не прибегая к войне. Сталин же такой возможностью не обладал. Он мог расширить сферу своего влияния только в случае германской агрессии против Польши и возникновения войны в Европе. 7 сентября советский руководитель открыто изложил свои мотивы: «Мы ничего не имеем против, чтобы они [Третий Рейх, Польша и западные державы] хорошенько подрались и ослабили друг друга. Было бы неплохо, если бы руками Германии были подорваны позиции самых богатых капиталистических государств (особенно Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему (...) Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону на другую, чтобы они лучше подрались». Он заявил также, что Советский Союз будет сотрудничать с Германией с целью ликвидации польского государства. «Уничтожение этого государства означало бы, что одним буржуазным, фашистским государством меньше! Что плохого, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и новое население»¹¹⁵.

Единственное, чего Сталин мог потенциально опасаться — так это решения «польского кризиса» путем какого-нибудь «нового Мюнхена». Опять без участия СССР. Поэтому с апреля 1939 г. целью советских действий было блокирование возможности такого сценария. Основным в этой тактике было, с одной стороны, утвердить Гитлера в уверенности, что вооруженная конфронтация с Польшей не приведет к конфликту интересов с Советским Союзом. С другой стороны, этому служила имитация Москвой заинтересованности в создании совместно с Францией, Великобританией, Польшей и другими государствами Центральной Европы своего рода оппозиции германским планам в Центральной Европе.

Учитывая развитие политической ситуации в Европе летом 1939 г., сдержать рвущегося к войне с Польшей Гитлера можно было только путем реального британо-франко-советского сотрудничества, основанного на однозначных гарантиях уважения Советским Союзом суверенитета и территориальной целостности всех его соседей. Но Сталин был в этом никак не заинтересован. Заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Третьим Рейхом явилось венцом советских усилий по ликвидации преград, которые могли бы помешать Гитлеру вторгнуться в Польшу. Хотя шансы на создание антигерманского союза западных держав и СССР были невелики, тем не менее в Берлине опасались, что если, несмотря ни на что, такой союз возникнет, то он может нарушить все планы Гитлера. Чтобы исключить такую опасность, германские дипломаты из чисто тактических соображений вышли с предложением возобновить германо-советское сотрудничество на основе общих интересов, связанных с ликвидацией польского государства. 22 августа Гитлер, разъясняя мотивы, которыми он руководствовался при

■

заклучении соглашения со Сталиным, заявил: «Тем самым я выбил оружие из рук правительств [Англии и Франции]. Польша попала в ситуацию, которая нам необходима для достижения военного успеха»¹¹⁶. Если бы Москва отклонила его предложение, Гитлер бы пошел на попятную, созвав в Мюнхене съезд НСДАП «под лозунгом мира». Для Сталина же пакт Риббентропа–Молотова имел фундаментальное значение. Он толкал Гитлера к войне с Польшей и укреплял международные позиции Советского Союза, который, заключая этот договор, заявлял о своих претензиях на полноправный европейский статус. Вероятная польско-германская война, особенно в условиях пассивности со стороны Франции и Англии, исключала влияние этих государств на непосредственных соседей Советского Союза. «Буферная зона» теряла своих покровителей, что предоставляло Советам шансы вернуть Россию в ее предреволюционные границы. Однако ответственность за развязывание войны в 1939 г. ни в коем случае нельзя делить поровну между участниками пакта Риббентропа–Молотова. Гитлер хотел этой войны и к ней стремился. Сталин не намеревался спасти мир в Европе. Здесь есть определенная разница. Польша не могла уступить требованиям Гитлера. А западные державы — спасти европейский мир. Было уже слишком поздно.

Эпилог

Значение договора от 23 августа 1939 г. для обоих его участников постепенно росло по мере развития международной обстановки. Заключение англо-польского союза 25 августа 1939 г., начало германской агрессии против Польши, а затем объявление войны Третьему рейху западными державами — все это склоняло Гитлера более практично, чем он ранее намеревался, воспользоваться договором со Сталиным. Не только в тактико-пропагандистских, но и в чисто военных целях. Но Германия не была уверена, останется ли в силе соглашение о разделе сфер влияния между Третьим рейхом и СССР в условиях новой военно-политической ситуации в Европе. Об этом свидетельствуют предпринятые Риббентропом попытки оказать разного рода давление на Кремль, чтобы заставить его вступить в войну против Польши¹¹⁷. Но Сталин был осторожен. Решение о том, что Красная Армия в удобный момент совершит агрессию против Польши и займет согласованную с Германией часть ее территории, было принято в Москве, по всей видимости, 6 сентября. Но ожидание благоприятного момента для вступления в войну против Польши продолжалось еще несколько дней. Ключевое значение в этом вопросе имела не столько сила польского сопротивления Германии, сколько отсутствие активности французских и британских войск на западном фронте. По всей видимости, Сталин опасался, что слишком раннее вступление в Польшу может осложнить его отношения с Францией и Великобританией.

Речь шла даже не столько о хорошем политическом обосновании, которое могло быть одобрено французскими и британскими политиками, сколько о возможной реакции общественного мнения в этих странах. Чтобы не ограничивать себе пространство для маневра в будущем, Советский Союз, несмотря ни на что, старался избегать создавать такие ситуации, которые позволили бы политическим наблюдателям назвать его агрессором и поставить в один ряд с Третьим рейхом. Проводникам такой тактической политики следует отдать должное — они реализовали ее очень эффективно.

Решение Высшего союзнического совета о не оказании Францией и Великобританией помощи Польше, принятое на секретном совещании в Аббевилле 12 сентября 1939 г., окончательно развеяло последние опасения Советов. 11 сентября вечером Гитлер узнал, что Красная Армия, наконец, войдет в Польшу. 17 сентября 1939 г. Советский Союз совершил агрессию против Польши. Тем самым он вступил во Вторую мировую войну. В связи с этим следует помнить, что первый Парад Победы, в котором участвовала Красная Армия, состоялся 22 сентября 1939 г. в Бресте на Буге, а принимали его комбриг Семен Кривошеин и генерал Ханс Гудериан.

Хотя польская дипломатия информировала союзников о возникновении состояния войны между Польшей и СССР, советское вторжение в Польшу не было воспринято международной общественностью как начало очередной войны. Неясность в отношении действительной природы германо-советского сотрудничества предписывала дипломатам западных держав проявлять большую осторожность в формулировании позиции по вопросу дальнейшего развития отношений с Советским Союзом. В результате оба союзника Польши избрали тактику, сводящуюся к тому, чтобы «не толкать русских в плохую сторону», то есть в направлении Берлина. Расчеты Сталина строились в значительной мере на предвидении именно такого решения. Ситуация, которая явилась его следствием, позволяла советской стороне маневрировать между сторонами, участвующими в боевых действиях, в соответствии с образом мышления, который Сталин продемонстрировал руководству Коминтерна 7 сентября.

Проведение Советским Союзом «параллельной военной акции» в Польше — как определил советскую агрессию Вайцеккер в беседе с итальянским послом 27 сентября — окончательно положило конец боевым действиям на Висле. Это помогло Германии завершить военные действия на востоке и отдалило от нее угрозу ведения войны на два фронта¹¹⁸.

Если с сентября 1939 г. в течение полугода на западе Европы мы имели дело со «странной войной», когда военные действия происходили, главным образом, на море, то на востоке континента действовал «странный союз». Советы оказывали ведущей войну военную помощь, хотя и в ограниченных масштабах,

сначала облегчая наведение немецкой авиации на польские города, а затем предоставляя базы германским подводным лодкам. Но более важную роль играла экономическая помощь, благодаря которой Гитлер смог быстро подготовиться к войне на западе. Начиная с 17 сентября 1939 г., в течение, по меньшей мере, года СССР поощрял действия Гитлера, направленные на ослабление позиций западных держав и пользовался результатами его политики. Сталин, однако, отвергал возможность такого укрепления советско-германских отношений, которое ставило бы его в положение невоюющего союзника Германии. Когда 28 сентября 1939 г. Риббентроп вновь прибыл в Москву для подписания договора о дружбе и границе и при случае сделал Сталину завуалированное предложение о заключении формального союза, что было его собственной инициативой, советский руководитель ловко вывернулся. Он сказал, что такое решение возможно в будущем, если у Германии начнутся проблемы. Он заверил германского политика, что в подобной ситуации Советский Союз придет Третьему рейху на помощь. Намерением со-

ветского руководителя было подпитывать идущую войну и избегать любых ситуаций, которые могли бы его в эту войну втянуть. В беседах с Риббентропом Сталин маневрировал, склонял Рейх к началу наступления на западе Европы, обещал Германии далекоидущую помощь, если ее можно было скрыть от мировой общественности. Но демонстративная поддержка планов Гитлера уже не была в его интересах. В период со второй половины сентября 1939 г. до августа 1940 г. Советский Союз пользовался счетом, который он выставил Гитлеру за помощь в расправе над Польшей и в нейтрализации западных держав. После раздела Польши за германо-советское соглашение пришлось заплатить Эстонии, Латвии и Литве, затем пришла очередь Финляндии и, наконец, Румынии. Первая фаза Второй мировой войны характеризовалась германо-советским взаимодействием. «Странный союз» начал рушиться после падения Франции. А германская агрессия против Советского Союза 22 июня 1941 г. привела к великому «перевороту союзов». Началась новая фаза Второй мировой войны.

1. P. Wandycz, *Aleksander Skrzyński, Minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej*, Warszawa, 2006, s. 47–48, 141. В свою очередь Август Залевский, преемник Скиншинского утверждал: «Польше не за что вести войны», A. Zalewski, *Przemowy i deklaracje*. Warszawa 1929, t. 1, s. 6 i 16.
2. P. Wandycz, *The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French — Czechoslovak — Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, 1988.
3. F. McDonough, *The Origins of the First and Second World Wars*. New York 1997, p. 43; B.F. Martin, *France in 1938*. Baton Rouge, 2005, p. 17.
4. J. Record, *The Specter of Munich. Reconsidering the Lessons of Appeasing Hitler*. Washington D.C., 2006.
5. Цит. по: Wojciechowski M. *Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938*. Poznań, 1965. S. 211.
6. Такое наблюдение было сделано на фоне отрицательного отношения Польши к проекту Пакта четырех. *Письмо советника А. Мюльштейна министру Беку по поводу польско-французских разногласий, возникших на фоне вопросов разоружения*, Париж 25 февраля 1933 г., в Хрониках Яна Шембека (далее DTJS), Londyn 1964, tom 1, opr. Tadeusz Komarnicki, dok. 5, s. 7.
7. P. Wandycz, *The Twilight of French Eastern Alliances...*
8. M. Kornat, *Polityka równowagi. Polska między Wschodem a Zachodem*, Kraków 2007, s. 478.
9. J. Laroche'a, *Polska lat 1926–1935*, Warszawa 1966, s. 123.
10. *Заявление министра Бека от 8 июня 1933 г.*, DTJS, t. 1., s. 23.
11. M. Wojciechowski. Цит. соч. s. 111.
12. K. Świtalski. *Dariusz 1919–1935*, oprac. A. Garlicki, R. Świątek. Warszawa, 1992, s. 658.
13. Отчет Войкова об этой беседе был обнаружен в российских архивах лишь в 2004 г. *Беседа Пилсудского с Войковым 12 июля 1926 г.* Piotr Wandycz, Jerzy Borzęcki. *Rozmowy Piłsudskiego z Wojkowem. Fragmenty Raportów.*// «Zeszyty Historyczne», z. 149/2004, s. 15 i 17–18.
14. S. Żerko, *Polska polityka zagraniczna w styczniu–sierpniu 1939 r.* // «Polski Przegląd Dyplomatyczny», t. V, nr 5/27, 2005, s. 22, przypis 5. С. С. Жерко полемизирует М. Корнат, считающий обоснованным понятие «политика равновесия». S. Kornat, *Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem*, Kraków 2007.
15. *Запись беседы между министром иностранных дел и премьером, министром иностранных дел Великобритании, 4 апреля 1939 г.* Polskie Dokumenty Dyplomatyczne, 1939, styczeń–sierpień, red. Stanisław Żerko, Warszawa 2005, dok. 173, s. 280. Подобная формулировка была использована Беком в отдельной беседе с Галифаксом 4 апреля: «Две вещи невозможны с точки зрения Польши, а именно зависимость ее политики либо от Берлина, либо от Москвы». См. там же, dok. 171, s. 267.
16. J. Piłsudski, *Pisma zbiorowe*, Warszawa 1937, t. 5, s. 111.
17. *Notatka z 7 marca 1936 r.* DTJS, t. II, s. 110. См. также источники, приложенные к записям от 7 марта (s. 402). Впервые об этом вопросе вспоминал в своем дневнике тогдашний французский посол в Варшаве Л. Ноэль (L. Noël). *L'Aggression allemande contre la Pologne. Une ambassade a Versovie*. Paris, 1946. p. 125.
18. J. Beck. *Ostatni raport*, Warszawa 1987, s. 120; J. Gawroński, *Moja misja w Wiedniu*. Warszawa, 1965, s. 391–392. Подобные намерения были высказаны также два месяца спустя во время пребывания Бека в Лондоне на торжествах, посвященных

коронации Георга VI. Бек беседовал в этом смысле с Н. Чемберленом, в то время главным государственным казначеем Англии. См.: M. Nurek, *Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1932–1938*, Warszawa, 1983, s. 71–72. См. также: M. Zacharias, *Geneza układu o wzajemnej pomocy między Polską a Wielką Brytanią* // в: Z. Błażeński (red.) *Władze RP na obczyźnie podczas II wojny światowej*, Londyn 1984, s. 84–92.

19. Анджей Новак, выдающийся знаток польско-российских отношений в первые года существования возрожденной Польши, считает, что более точным определением системы международных отношений в период между двумя мировыми войнами было бы «версальско-рижская система». Германия выступала против этой системы в Западной Европе, а большевики — в восточной части континента. A. Nowak, *Stosunki polsko-rosyjskie i polsko-sowieckie (1919–1921) a ład wersalski //: Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918–1945*, red. A. Koryn, Warszawa, 1996, s. 30–42
20. Г. Димитров. *Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949)*. София 1997, p. 128.
21. Классические подходы: A. Ulam, *Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1973*. New York, Washington, 1974; J. Jacobson, *When the Soviet Union Entered World Politics*. Berkeley, New York, London, 1994; M. Heller, A. Niekricz, *Utopia u władzy. Historia Związku Sowieckiego*, t. 2. Wrocław 1989, s. 33. J. Librach, *The Rise of the Soviet Empire: A Study of Soviet Foreign Policy*. New York 1964; A. Bregman, *Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium współpracy sowiecko-niemieckiej 1939–1941*, Londyn 1987; A. Tarulis, *Soviet Policy Toward the Baltic States 1918–1940*, Oxford, 1963. См. также: F. Furet, *Przeszłość pewnego złudzenia, Esej o idei komunistycznej w XX w.* Warszawa, 1996, zwłaszcza s. 393 и след.; E. Nolte, *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. National-socialismus und Bolschewismus*. Frankfurt a. Main, 1987.
22. G.F. Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, 1965. См. также: R. C. Raack, *Polska i Europa w planach Stalina*, Warszawa, 1997, s. 19 и след.
23. *Запись беседы Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с Кривцом*, 1 июля 1940, Документы внешней политики, том XXIII, кн. 1, док. 240, с. 395.
24. H-W. Rautenberg: *Zusammenbruch und Neubeginn deutscher Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg (v:) Jürgen Förster u. a. , Deutschland und das bolschewistische Russland von Brest-Litowsk bis 1941*. Berlin, 1991, s. 9 и след.
25. См. K. Niclauss, *Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935*, Bonn 1966. Об отношении Коминтерна к NSDAP и роли коммунистов в победе Гитлера читай: T. Weingartner, *Stalin und der Aufstieg Hitlers*, Berlin 1970.
26. И. В. Сталин, *Отчетный доклад на XVII съезде партии о деятельности ЦК ВКП(б)*, в: J.W. Stalin, *Dzieła*, Warszawa 1951, t. XVIII, s. 299.
27. *Проект итогового раздела «За власть Советов» резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу Г. Димитрова*, Москва, 21.7.1935, в: *Коминтерн и идея мировой революции*, Москва 1998, док. 216, с. 882, 881.
28. И. В. Сталин, *Отчетный доклад на XVII съезде партии о деятельности ЦК ВКП(б)*, с. 307.
29. Pisali o tej sprawie między innymi: A. M. Niekrich, op.cit., s. 91–98, L. Bezymiensky, *Geheimmission in Stalins Auftrag, David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre*, «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», Juli 1992, 40, Heft 3, s. 340–342. О innych ofertach strony sowieckiej świadczących o jej gotowości do odnowienia współpracy z Rzeszą w «duchu Rapallo», pisał: A. M. Niekrich, *Partners, Predators, German-Soviet Relations 1922–1941*, p. 63–101. Zob. też. S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*, Warszawa 2007, s. 70, przypis 24.
30. S. Dullin, *Des hommets d'influences. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, s. 296.
31. R. Coulondre, *De Stalin á Hitler*. Paris, 1950, s. 165.
32. Szerzej M. Kornat, *Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop–Mołotow*. Warszawa, 2002, s. 247.
33. Чехословацкие политики в годы Второй мировой войны приложили много труда, чтобы склонить западные державы признать Мюнхенский договор противоречащим международному праву, но все же им удалось добиться лишь половинчатого успеха.
34. Историки, находящиеся под впечатлением этой политики, даже приходили к выводу, что она имела для Москвы фундаментальное значение: J. Haslam, *The Soviet Union and the Struggle for the Collective Security*. London, 1978. См. также: J. Hochman, *The Soviet Union and the Failure of the Collective Security 1934–1938*. Ithaca, 1984.
35. Станислав Жерко считает, что по этой причине можно говорить о попытках проведения «политики равновесия», но не между Россией и Германией, а между Германией и западными державами. S. Żerko, *Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939*. Poznań, 1998, s. 462.
36. Этот феномен подробно анализирует М. Корнат, «*Polska jest mocarstwem*» — czyli z dziejów polskiej kultury politycznej, // *Ego же, Polityka równowagi...*, s. 60–126.
37. В инструкции послу в Лондоне от 29 сентября 1938 г. министр Бек указывал: «Прошу постараться без промедлений провести с видными политиками в Англии беседы, в ходе которых подчеркнуть, что польскому правительству непонятна явно недоброжелательная позиция английского правительства в отношении нас в начале чешского кризиса (...) Мы располагаем серьезными данными, чтобы считать, что мы постоянно имеем дело с желанием исключить нас из переговоров на тему Центральной Европы, которая нас непосредственно касается. Такого рода отношение затрудняет нам проведение политики равновесия, которая ранее всегда пользовалась признанием Англии». Шифротелефонограмма министра иностранных дел послу в Лондоне: инструкции к беседам по вопросу Чехословакии — PDD, 1938, dok. 337, s. 618.
38. 30 сентября 1938 г. в разговоре со своими ближайшими сотрудниками министр Бек следующим образом прокомментировал конференцию в Мюнхене: на конференции в Мюнхене «директорией великих государств предпринята попытка навязать другим государствам кабальные решения (на что Польша согласиться не может, ибо тогда она превратится в политический объект, которым другие будут дирижировать по своему усмотрению)». DTJS, t. IV, s. 283–284.

- ³⁹ Шифротелефонограмма посла в Париже министру иностранных дел с предложением созвать конференцию по вопросу Чехословакии, 28 сентября 1938 г. — PDD, 1938, dok. 321, s. 604. В инструкции послам от 29 сентября 1938 г. министр Бек писал: «В разговорах прошу указывать на интригу Праги и некоторых ее покровителей, направленную на то, чтобы исключить нас из дискуссии по Центральной Европе. В соответствии с нашими принципами, мы не одобряем решений, принятых без нашего участия, а свои интересы мы будем обеспечивать собственными средствами». Циркуляр министра иностранных дел по поводу бесед о позиции Чехословакии в отношении польских требований, 29 сентября 1938 г. — PDD 1938, dok. 338, s. 619.
- ⁴⁰ Доклад посла в Берлине на тему переговоров о Чехословакии — PDD, 1938, dok. 320, s. 602.
- ⁴¹ 25 сентября министр Бек информировал посла в Берлине: «(...) Советы предприняли ряд демонстраций на нашей границе, которые, если рассматривать их с военной точки зрения, не имеют большого значения и которые мы оставили без внимания, а в случае необходимости ответим более энергично». Шифротелеграмма министра иностранных дел послу в Берлине: инструкции на беседы в МИД Германии, 25 сентября 1938 г. — PDD 1938, dok. 293, s. 571.
- ⁴² Отчет посла в Риге о беседе с латвийским министром обороны, 28 февраля 1939 г. — PDD, 1939, styczeń–sierpień, dok. 61, s. 120. См. S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą*, s. 242–243.
- ⁴³ В ней говорилось, что советское правительство «готово принять активное участие во всех мероприятиях, направленных на оказание коллективного отпора агрессору, даже если это могло бы привести к ухудшению его отношений с агрессором». Интервью Народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям прессы — ДВП, том XXI, док. 82, с. 128.
- ⁴⁴ Рапорт посла в Москве о позиции Советского Союза в отношении Чехословакии, 25 мая 1938 г. — PDD 1938, dok. 122, s. 286.
- ⁴⁵ «Правительство РП констатирует, что своей позицией оно парализовало возможность вмешательства Советов в чешский вопрос в более широких масштабах. (...) Польша считает недопустимым, чтобы Советский Союз вмешивался в европейские дела». Инструкция министра иностранных дел послу в Берлине к беседе с канцлером Гитлером: позиция Польши по вопросу Чехословакии, 19 сентября 1938 г. — PDD 1938, dok. 239, s. 510.
- ⁴⁶ См. ультимативная нота, врученная послом в Праге министру иностранных дел Чехословакии, 30 сентября 1938 г. — PDD 1938, dok. 353, s. 640–642.
- ⁴⁷ В 1938 г. в вопросе границ Чехословакии западные державы под давлением Гитлера окончательно решили признать приоритет этнических критериев перед историческими, что немедленно открывало проблему равного отношения ко всем соседям Чехословакии. В 1919–1920 гг. западные державы признали аннексию Тешинской Силезии Чехословакией и тем самым поддержали выдвигаемые Прагой аргументы об исторической принадлежности этих земель короне Св. Вацлава. См. М. К. Kamiński. *Konflikt polsko-czeski 1918–1921*. Warszawa, 2004.
- ⁴⁸ Инструкция министра иностранных дел послу в Праге по вопросу ультимативной ноты. 30 сентября 1938 г., PDD 1938, dok. 352, s. 638–639.
- ⁴⁹ S. Żerko. *Stosunki polsko niemieckie...*, s. 96. См. также: S. Stanisławska. *Polska a Monachium*. Warszawa, 1967, s. 263.
- ⁵⁰ ADAP, D, V, dok. 54.
- ⁵¹ Шифротелефонограмма посла в Берлине о беседе с министром иностранных дел Германии, 1 октября 1938 г. — PDD 1938, dok. 361, s. 649.
- ⁵² M. Wojciechowski, *Stosunki polsko-niemieckie*, s. 476. S. Żerko, там же, s. 97–98.
- ⁵³ *Записи Яна Шембека от 4 ноября 1938 г. на совещании у министра Бека*, DTJS, t. IV, s. 339–343.
- ⁵⁴ *Отчет посла в Москве о беседе с Народным комиссаром иностранных дел СССР, 26 октября 1938 г.*, PDD 1938, dok. 401, s. 731–733. Запись этой беседы советской стороной: ДВП, том XXI, док. 434, с. 601–602. В результате 26 ноября 1938 г. было согласовано совместное коммюнике. Более подробно см. W. Materski. *Na widocie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943*. Warszawa, 2005, s. 511 и след.
- ⁵⁵ На эту тему см: S. Dębski, *Zerwanie przez Wielką Brytanię stosunków dyplomatycznych ze Związkiem Sowieckim w 1927 r.. Studium przypadku*, // W. Borodziej, S. Dębski (red.), *Modernizacja, Centrum, Peryferie, Księga jubileuszowa z okazji 70. rocznicy urodzin Prof. Ryszarda Stemplowskiego*, Warszawa 2009, s. 73–100.
- ⁵⁶ *Телеграмма Полномочного представителя СССР в Великобритании И. И. Майского Народному комиссару иностранных дел*, 2 октября 1938 г. — ДВП, том XXI, док. 403, с. 557.
- ⁵⁷ *Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР Колондром* 16 октября 1938 г. — там же, док. 423, с. 589.
- ⁵⁸ Там же. С. 590.
- ⁵⁹ И. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда // «Исторический архив» 1994, № 5, с. 13; В. Невежин, «Если завтра в поход». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 1930-х — 1940-х годах. Москва, 2007, с. 111.
- ⁶⁰ Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я.З. Сурицу, 19 октября 1938 г., ДВП, том XXI, док. 428, с. 594.
- ⁶¹ S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, p. 303. *Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я.З. Сурицу*, 4 ноября 1938 г., ДВП, том XXI, док. 446, с. 619.

62. S. Żerko. *Niemiecka polityka zagraniczna 1933–1939*. Poznań, 2005, s. 297.
63. F. Halder. *Dziennik wojenny*, t. I, zapis z 22 sierpnia 1939 r., s. 52.
64. J. Ramsden. *Don't Mention the War. The British and the Germans since 1890*. London, 2007, p. 153–159.
65. Там же, p. 159.
66. После этой беседы были составлены две записки: в стандартном секретном отчете Липского вопрос германских требований не упоминался (*Notatka ambasadora w Berlinie: rozmowa z ministrem spraw zagranicznych o sytuacji w Europie*, PDD 1938, dok. 399, s. 725–729). Информация по этому вопросу содержалась в другой «неофициальной» записке посла, предназначенной лично министру Беку (*Notatka z rozmowy ambasadora w Berlinie z ministrem spraw zagranicznych Niemiec — nieoficjalne, uzupełniające sprawozdanie*, PDD 1938, dok. 400, s. 729–730).
67. S. Żerko. *Stosunki polsko-niemieckie*. s. 246–247.
68. Там же, s. 183. Во время визита в Париж в декабре Риббентроп в беседах с министром Бонне вообще не касался этого вопроса. ADAP, Serie D, Bd. 4, doc. 370, doc. 372. 13 января государственный секретарь министерства иностранных дел Вайцеккер в беседе со шведским послом А.Г. Рихертом заявил: «не существует никакой новой ориентации поляков и это даже не принимается во внимание, потому что Польша очень заинтересована в нашей дружбе». Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (в настоящее время в Берлине) (далее: PAAA), Büro des Staatssekretärs, Polen, Bd.1, sygn. 29683, k. 34524. S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą*, s. 75
69. По поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги Наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе этого города. Также и по вопросу «экстерриториальной автострады» Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далекоидущие предложения министра Бека от 25 марта 1939. Waclaw Jędrzejewicz (ed.), *Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoires of Józef Lipski...*, dok. 139, s. 504–507. См. также: J. Beck. *Ostatni raport*. Warszawa, 1987, s. 116–118. (изданное сначала на французском языке: *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939*. Neuchâtel, 1951, также англоязычное издание: *Final raport*. New York, 1957).
70. *Grzybowski do Pana Ministra Spraw Zagranicznych*, 7.1.1939 — PDD 1939, styczeń-sierpień, dok 4, s. 13.
71. В.Н. Барышников, *Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период*, в: *Зимняя война...*, с. 87.
72. Запись беседы заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, 27 января 1939 г. — ДВП, том XXII, книга 1, док. 56, с. 79–80.
73. Письмо Народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полпреду СССР в Париже Я. Сурицу, 10 февраля 1939 г., — ДВП, том XXII, книга 1, док. 82, p. 119.
74. L. E. Hill (Hrsg.). *Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950*. Frankfurt a. M., Berlin, Wien, 1974, s. 150, 146.
75. S. Żerko. *Stosunki...*, s. 274–275. Еще в начале мая германский посол в Бухаресте в беседе с литовским дипломатом Тураускасом заявил, что Гитлер не хотел провоцировать войну с Польшей, так как *фюрер именно так, а не иначе предъявил германские требования в отношении Польши, не желая военной конфронтации, и что в этом отношении он не мог сильно ошибаться, обладая неплохим чувством политической действительности*. Рачиньский [Бухарест] Министру иностранных дел, 17 мая 1939 г. Секретно — AAN, MSZ, Rumunia, sygn. 6368.
76. W. Kulski, *Pamiętnik byłego dyplomaty // Zeszyty Historyczne*, 1977, nr 42, s. 156. Занятие Гитлером Праги и Клайпеды (Мемель) он считает шагом, увеличивающим давление на Польшу: A.L. Sowa. *U progu wojny*. Kraków, 1997, s. 243–244. См. также: G. Weinberg, *Munich after 50 Years*, p. 174–175.
77. S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, p. 304.
78. *Письмо начальника западного управления послу в Лондоне об отношении Польши к британским предложениям*, 23 марта 1939 г. — PDD 1939, styczeń-sierpień, dok. 126, s. 197.
79. *Письмо директора кабинета министра иностранных дел послу в Лондоне о британских предложениях*, 23 марта 1939 г. — PDD 1939, styczeń-sierpień, dok. 127, s. 199.
80. Суриц — Наркоминдел, 22 марта 1939 г. — ДВП, том XXII, книга 1, док. 165, с. 218.
81. Сообщение ТАСС от 22 марта 1939 г. — Год кризиса, т. 1, с. 314; *Записка Литвинова Сталину*, 3 апреля 1939 г. — ДВП, том XXII, книга 1, док. 194, с. 246.
82. S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, p. 305–306.
83. Так оценивает британские гарантии Польше А. Улам: A. Ulam. *Expansion and Coexistence*, New York 1975, s. 267 и W. Murray. *The Change in the European Balance of Power 1938–1939: The Path to Ruin*. Princeton, 1984, p. 290.
84. Литвинов — Мерекалову, 4 апреля 1939 г. — ДВП, том XXII, книга 1, док. 199, с. 252–253.
85. J.W. Stalin. *Referat sprawozdawczy na XVIII zjeździe Partii o działalności KC WKP (b)*. Warszawa, 1950, s. 16–22.
86. У германского посла сначала были проблемы с правильным прочтением слов Сталина: «Позиция советского правительства по этому вопросу была принципиально уточнена Сталиным только на XVIII съезде Коммунистической партии: Советский Союз окажет поддержку любому государству, подвергшемуся нападению агрессора. В чем будет состоять эта поддержка, Сталин не сказал, а в другом месте своей речи указал на то, что будет избегать осложнений с другими странами». *Schulenburg do AA*, 13.3.1939 — PAAA, Pol. Abt. V, Polen, Politischen Beziehungen zwischen Polen und Rußland, Bd.1, sygn. R 104130, k. 338480–338481. Более подробный отчет о речи Сталина см.: *Schulenburg do AA*, 13.3.1939, — ADAP, D, Bd. VI, dok. 1, s. 1–3. S. Подробнее см.: S. Dębski. *Między Berlinem a Moskwą*, s. 79; Beloff M. *The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929–1941*. London. New York, 1955 (1949), vol. II, 1936–1941, p. 224–228., R. C. Tucker, *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*, New York, 1991. См. также: D.C. Watt. *The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact. A Historical Problem, // Essays in Honor of E. H. Carr*, London, 1974, pp. 152–168.

- ^{87.} *Записка Литвинова Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину*, 15 апреля 1939 г. — ДВП, том XXII, книга 1, док. 224, с. 228.
- ^{88.} S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, p. 310.
- ^{89.} *Литвинов — Сурицу*, 17 апреля 1939 г. — ДВП, том 22, книга 1, док. 230, с. 284–285. См. также: *Предложения, врученные Литвиновым послу Великобритании*, 17 апреля 1939 г., — ДВП, том 22, книга 1, док. 229, с. 283–284.
- ^{90.} *Запись беседы Мерекалова с фон Вайцеккером*, 17.04.1939 — ДВП, том. XXII, книга 1, док. 236, с. 291–292. Ср. ADAP, Bd. VI, dok. 217. О различиях в записях этой беседы, сделанных обоими этими дипломатами, а также об их последствиях для историографии я подробно писал в своей монографии. S. Dębski. *Między Berlinem a Moskwą*, s. 84–85.
- ^{91.} *Записка о высказываниях посла СССР в Париже*, 20 апреля 1939 г., PDD 1939, styczeń–sierpień, dok. 218, s. 361–365.
- ^{92.} Это подтверждают и иные источники. 4 апреля Литвинов писал Мерекалову: «Мы прекрасно знаем, что без нас нельзя остановить и задержать германскую агрессию в Европе, и чем позже [западные державы] к нам обратятся за помощью, тем дороже нам заплатят. Поэтому мы так спокойно относимся к шуму, который поднялся вокруг так называемого изменения английской политики». DWP, t. XXII, 1939, dok. 199, s. 252.
- ^{93.} По всей видимости, речь шла о «берлинском договоре» от 24 апреля 1926 г.
- ^{94.} *Записка без подписи о высказываниях посла СССР в Париже*, 20 апреля 1939 г. — PDD 1939, styczeń–sierpień, dok. 218, s. 361–365. Этот документ первым опубликовал Марек Корнат, M. Kornat. *Polska w 1939 r...*, Aneksy, dok. 7, s. 549. Критику этого источника см: S. Dębski. *Między Berlinem a Moskwą*, s. 83
- ^{95.} *Литвинов — Майскому*, 19 марта 1939 — ДВП, том. XXII, книга 1, док. 155, с. 206–207.
- ^{96.} См.: Л. А. Безыменский, *Советско-германские договоры 1933 г.* // «Новая и новейшая история», № 3, 1998, с. 13–14.
- ^{97.} S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, s. 310–312.
- ^{98.} РГАСПИ, Ф. 17, опись. 3, дело 1009, с. 18.; *Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина*, «Исторический архив», 1995, № 5–6, с. 35–36.
- ^{99.} ДВП, том. XXII, 1939, книга 1, док. 269.
- ^{100.} S. Dullin. *Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939*. Paris, 2001, s. 313.
- ^{101.} По словам Канариса. См.: H. V. Gisevius, *Bis zum bitteren Ende*. Hamburg 1947, Bd. 2, s. 107.
- ^{102.} M. Domarus. *Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945*. München, 1963, Bd. II, s. 1119 i n.
- ^{103.} S. Žerko, *Stosunki...*, s. 292–293.
- ^{104.} О ходе переговоров весной и летом 1939 г. между Парижем, Лондоном и Москвой о создании антигерманского блока см: A. Ulam. *Expansion and Coexistence*.
- ^{105.} S. Dębski. *Między Berlinem a Moskwą*, s. 85.
- ^{106.} Там же; G. Roberts. *The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany*, // «Soviet Studies», vol. 44, No. 1, p. 59
- ^{107.} Большую роль в этих мероприятиях сыграл посол III Рейха в Москве фон Шуленбург. На эту тему читай в: Фляйшхауэр. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1990.
- ^{108.} «Если уж дело идет к войне, войне за внешнеполитические интересы, вне всяких идеологических вопросов, почему это должна быть именно война за Польшу против Германии, неприбыльная война, требующая огромных усилий, в то время как, наоборот, война Германии против Польши была бы значительно менее рискованная и могла бы вернуть утраченные в пользу Польши старые белорусские и украинские земли». Документ появился между 4 и 10 мая 1939 г. Месяц спустя он с незначительными изменениями и под другим названием «*Проблема русской политики*» (27.6.1939) он был разослан к сведению во все министерства Рейха при посредничестве связанного с абвером аналитического бюро в Гамбурге (Aufklärungs-Ausschluss Hamburg-Bremen), S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą*, Aneks, dok. 1, s. 677; Por, dok 2, s. 678–679.
- ^{109.} *Риббентрон — Шуленбургу*, 14 августа 1939 г. — ADAP, Bd. VII, dok. 56, s. 51.
- ^{110.} Запись беседы министра иностранных дел с премьером и министром иностранных дел Великобритании, 5 апреля 1939 г. — PDD, styczeń–sierpień, dok. 180, s. 293–294.
- ^{111.} Отчет посла в Ковно о беседе с министрм иностранных дел Литвы, 18 апреля 1939 г. — PDD 1939, styczeń–sierpień, dok. 204, s. 342–343.
- ^{112.} Дневник Майского, 24 июня 1939 г. — ДВП, том XXII, док. 388, с. 497. Использование Майским в своем дневнике термина «Прибалтика» могло говорить о сущности советских намерений.
- ^{113.} В начале июля 1939 г. латвийский высокопоставленный дипломат следующим образом оценивал ход московских переговоров: «советская тактика представляет собой явно сознательное выискивание трудностей (это, по его мнению, касается и вопроса гарантий прибалтийским государствам) и поэтому следует прийти к заключению, что Советы не видят пользы от заключения какого-либо пакта с Западом и хотели бы сохранить для себя свободу действий». Запись беседы I секретаря посольства в Риге с начальником балтийского управления латвийского МИД, 1 июля 1939 г. — PDD 1939, styczeń–sierpień, dok. 375, s. 653.
- ^{114.} S. Dębski. *Między Berlinem a Moskwą*, s. 91.
- ^{115.} Г. Димитров. *Дневние (9 март 1933 — 6 февруари 1949)*, София 1997, p. 181–182.
- ^{116.} F. Halder, *Dziennik wojenny*, t. I, zapis z 22 sierpnia 1939 r., s. 52.
- ^{117.} Они описаны мной подробно в моей монографии. S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą*, s. 109–110.
- ^{118.} Там же. s. 146.

Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 гг.

М. И. Мельтюхов*

В условиях краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений обострилась борьба великих держав за свои интересы. Мюнхенское соглашение, изменив равновесие сил в Европе в пользу Германии, чрезвычайно усложнило международную обстановку и обострило существующие противоречия. Англо-германская, а затем и франко-германская декларации о ненападении в представлении правящих кругов СССР свидетельствовали об усилении тенденции создания временного единого фронта европейских империалистических держав. Перед советским руководством вновь возник призрак возрождения «Пакта четырех», и главной задачей внешней политики Москвы стало недопущение консолидации великих держав Европы без ее участия. Для решения этой задачи Советский Союз должен был, во-первых, постараться улучшить отношения со своими непосредственными западными соседями, а во-вторых, тщательно отслеживать взаимоотношения Великобритании, Франции, Германии и Италии, чтобы использовать имеющиеся между ними противоречия в своих интересах. Осенью 1938 г. активность внешней политики Москвы снизилась. Советское руководство было вынуждено выжидать дальнейшего развития событий в Европе.

Пока же Советский Союз стремился расколоть сложившийся в ходе чехословацкого кризиса германо-польский тандем. 8 октября 1938 г. польскому послу в Москве было заявлено, что советская сторона не отказывается «от мирного сотрудничества с любым государством»¹. Получив этот намек, Польша, продолжавшая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 20–22 октября начала зондаж СССР с целью нормализации отношений, обострившихся в период чехословацкого кризиса. 24 октября Германия предложила Польше обсудить пограничные проблемы. Варшаве предла-

галось согласиться с включением Данцига в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Германия была готова продлить на 25 лет соглашение 1934 г. и гарантировать существующие германо-польские границы².

4 ноября Москва предложила Варшаве принять коммюнике о нормализации отношений, которое в итоге было подписано 27 ноября. Подготовка этого документа породила в Москве надежды на то, что «в случае нужды Польша протянет руку за помощью и к Советскому Союзу». Конечно, в данном случае советская сторона под влиянием момента выдавала желаемое за действительное, так как Польша ни при каких обстоятельствах не собиралась обращаться за помощью к СССР. Это стало очевидно сразу же после подписания советско-польского коммюнике. Если Москва старалась создать впечатление об антигерманской направленности документа, то Варшава уже 28 ноября уведомила Берлин, что декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем³.

Вместе с тем, польское руководство опасалось слишком тесного сближения с Германией, хотя и не отказывалось от обсуждения германского предложения. В принципе Польша не исключала возможности создания германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью и 2 января 1939 г. установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, что было с настороженностью воспринято в Москве. Однако Варшава не желала становиться сателлитом Берлина и была согласна на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Германии. Визиты министра иностранных дел Польши Ю. Бека 5–6 января 1939 г. в Берлин и германского

* **Михаил Иванович Мельтюхов** — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела.

министра иностранных дел И. фон Риббентропа 26 января в Варшаву показали, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией. В итоге германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁴.

Со своей стороны Варшава решила вновь прибегнуть к тактике лавирования на международной арене. Начавшиеся еще в декабре 1938 г. зондажи Москвы о торговом договоре переросли в январе 1939 г. в переговоры, завершившиеся 19 февраля подписанием первого в истории советско-польского торгового договора⁵. Видимо, в этот момент обе стороны решили продемонстрировать определенный уровень контактов и, хотя не все экономические вопросы были согласованы, документ все же был подписан. Однако по мере нарастания трудностей в германо-польских отношениях и Москва, и Варшава стали склоняться к отказу от демонстрации сотрудничества.

Тем временем Великобритания и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими политических изменений в духе Мюнхена. Начавшиеся в октябре 1938 г. секретные экономические англо-германские переговоры привели к подписанию в Дюссельдорфе 15 марта 1939 г. картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией. Лондон и Париж в принципе не исключали возможности признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению британского руководства, это открывало перспективу для всеобъемлющего соглашения Великобритании, Франции, Германии и Италии⁶.

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Великобритании и Франции, что было невозможно без демонстрации силы. В Берлине полагали, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Для этого следовало окончательно устранить с политической карты Чехословакию, что позволяло припугнуть восточных соседей, сделав их более сговорчивыми. Возвращение Мемеля (Клайпеды) усилило бы германское влияние в Прибалтике, обеспечивая тем самым тыл для войны на западе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁸.

Поэтому, продолжая политику балансирования между западом и востоком, германское руководство с конца 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил Москве возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей норма-

лизации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита Ю. Бека в Германию, советская сторона 11 января 1939 г. согласилась начать экономические переговоры. Со своей стороны, стремясь подтолкнуть Варшаву к соглашению, А. Гитлер 12 января несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась намеками на возможность дальнейшего развития контактов с Советским Союзом вынудить Великобританию, Францию и Польшу к уступкам. Вновь не добившись ясного ответа от Польши на свои предложения, Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем «Великой Украины»⁸.

Подписав соглашение с Великобританией о поставках угля, Германия 20 января уведомила Советский Союз о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в британскую печать. Опасаясь ухудшения отношений с Великобританией и Польшей, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Москва осталась недовольна тем, что Германия оглядывается на Великобританию и Францию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «Пакта четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом выступил заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. Статья дает общее представление о советской внешнеполитической доктрине, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Великобритания, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и Советского Союза, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Великобритания и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха существующих там режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути

наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Великобритании, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Как отмечал автор, «фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира», когда «между двумя жерновами — Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»⁹.

Схожие идеи прозвучали в выступлении кандидата в члены политбюро ЦК ВКП (б) и первого секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что в силу этого фашизм — «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» — угрожает главным образом Великобритании и Франции. В этих условиях Великобритании очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»¹⁰.

Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную И. В. Сталиным в отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии 10 марта, в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Великобритании, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны,

привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами». Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями» войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Великобритания, Франция и США¹¹. В этих условиях стратегической целью советского руководства продолжало оставаться использование противоречий между великими державами для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества.

В середине марта 1939 г. США, СССР, Великобритания и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехословакии, но державы-участники Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия¹². 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Великобритании и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения они ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» британский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Великобритания, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу¹³.

Слухи об угрозе германского нападения на Румынию дали Великобритании повод 18 марта запросить Советский Союз, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского удара по Румынии. В свою очередь эти страны запросили Лондон о его намерениях, а Москва предложила созвать для обсуждения ситуации конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции. 21 марта Великобритания выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Обсуждение этого предложения Лондона выявило, что Польша и Румыния не хотят подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши. В итоге к концу марта 1939 г. вопрос о декларации отпал¹⁴.

Тем временем 21 марта Германия вновь предложила Польше решить вопрос о передаче Данцига и о «польском коридоре» в обмен на присоединение к Антикоминтерновскому пакту с перспективой антисоветских действий. Для переговоров в Берлин был приглашен Ю. Бек. В ходе германо-польских

контактов из Берлина раздавались предложения обменять «польский коридор» на Литву и Латвию¹⁵. Ожидая ответа из Варшавы, германское руководство все еще надеялось для достижения своей цели ограничиться дипломатическим давлением. 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Мемеля (Клайпеды) Германии и о ненападении¹⁶. 23 марта были подписаны германо-словацкий договор о гарантии и охране и германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившие влияние Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе¹⁷.

Тем временем с конца февраля 1939 г. польское командование приступило к разработке конкретного плана войны с Германией. 23 марта Польша предложила Великобритании соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии. В тот же день в польской армии была проведена мобилизация четырех пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады, усилены соединения в ряде округов и созданы управления четырех армий и одной оперативной группы¹⁸. Одновременно польская пресса начала шумную антигерманскую кампанию¹⁹. В 10 часов утра 24 марта начальник 2-го отдела польского генштаба передал советскому военному атташе официальное сообщение: «В связи с событиями в Европе польское командование приняло соответствующие меры к усилению военной готовности армии и страны. Это усиление армии следует рассматривать как мероприятия к обеспечению своих границ. Все эти мероприятия ни в коем случае не направлены против СССР»²⁰. Вместе с тем Берлину было сообщено, что Варшава остается противником привлечения Москвы к решению европейских проблем²¹.

25 марта А. Гитлер заявил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику В. фон Браухичу, что, хотя он не собирается в ближайшее время «решать польский вопрос», его следует разрабатывать. Не желая быть младшим партнером Третьего рейха, Польша 26 марта окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии²². Тем временем в ходе начавшихся 27 марта военных переговоров Великобритания и Франция договорились, что в случае войны они будут вести оборонительные операции и экономическую блокаду Германии, действия ВВС ограничатся только военными объектами, а варианты помощи Польше даже не рассматривались²³. Пытаясь не допустить перехода Польши в лагерь Германии, добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Великобритания 31 марта пошла на односторонние гарантии независимости Польши. При этом Лондон

не отказался от содействия германо-польскому урегулированию. Однако Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой.

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». В тот же день СССР уведомил Великобританию, что, поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерена ли Москва впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»²⁴. 1–2 апреля в ходе контактов с польским послом в Москве советская сторона вновь убедилась в том, что Польша не готова к антигерманскому сотрудничеству²⁵. 4 апреля было опубликовано сообщение ТАСС, в котором указывалось, что, вопреки заявлениям французских газет, Советский Союз не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»²⁶. В тот же день, информируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком М. М. Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»²⁷. В ходе беседы с Литвиновым 4 апреля польский посол в Москве В. Гжибовский высказал мысль, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР». В ответ Литвинов вполне здраво заметил, что «она может обратиться, когда уже будет поздно», и для советской стороны «вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»²⁸. Тем самым польскому послу давали понять, что вопрос о советской помощи следует согласовать заранее.

4–6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укрепления мира»²⁹. Польское руководство было уверено, что нормализация советско-германских отношений невозможна, и надеялось, что англо-польское сближение укрепит франко-польский союз и заставит Германию нормализовать отношения с Великобританией и Польшей. Однако, по мнению Берлина, сближение Варшавы с Лондоном свидетельствовало о нарастании неуступчивости Польши и требовало именно военного решения этой проблемы. Двойная игра Великобритании и Франции в отношении Германии также убеждала германское руководство в незначительном риске в случае войны с Польшей³⁰. 5 апреля Германия усилила дипломатическое давление на Польшу. Од-

новременно в соответствии с утвержденной А. Гитлером 11 апреля «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» началось конкретное военное планирование. Теперь Германия была озабочена локализацией будущего конфликта и 11 апреля зондировала Советский Союз на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию.

В тот же день Великобритания запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции М. М. Литвинов отметил, что Лондон и Париж стремятся получить от Москвы одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?». Нарком выразил озабоченность британскими гарантиями Польше, которые могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность³¹. 13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г., а 14 апреля предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Великобритания предложила Советскому Союзу заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля Москва предложила Лондону и Парижу заключить договор о взаимопомощи и выразила дипломатический протест Берлину, который после оккупации Чехии стал препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. При этом стороны прозондировали намерения друг друга³². В тот же день Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР³³.

18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым Польша вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Великобританию, чтобы та не пошла на соглашение с Советским Союзом без учета интересов Варшавы³⁴. 22 апреля В. Гжибовский сообщил М. М. Литвинову, что Польша отклонила германские предложения, «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику и, как и СССР, заинтересована в независимости государств Прибалтики³⁵.

25 апреля Париж предложил Москве взять на себя обязательство помочь Великобритании и Франции в случае их вступления в войну и тем самым обеспечить себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том

смысле, что в случае вступления Великобритании, Франции или Советского Союза в войну с Германией они обязуются помогать друг другу³⁶. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет³⁷. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., заявив при этом о готовности к переговорам о новом соглашении. 30 апреля германская сторона неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Берлин будет вынужден наладить отношения с Москвой³⁸.

Естественно, советское руководство тщательно отслеживало развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Великобритания, СССР старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем, Москва негативно оценивала нежелание Варшавы взаимодействовать с Советским Союзом в коллективных действиях против агрессии³⁹. 29 апреля М. М. Литвинов предостерег польскую сторону от уступок Берлину и указал на антисоветскую направленность польско-румынского союзного договора⁴⁰. Однако Польша вновь подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к Советскому Союзу не изменилось⁴¹. Понятно, что СССР, стремившийся вернуться в Европу в качестве великой державы, гораздо больше внимания уделял начавшимся в середине апреля 1939 г. переговорам с Великобританией и Францией о договоре о взаимопомощи и контактам с Германией⁴², играя на противоречиях которых, можно было, по мнению советского руководства, обеспечить свои интересы.

3 мая, когда стало ясно, что Великобритания и Франция не приняли советское предложение, вместо М. М. Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен В. М. Молотов, сохранивший и пост председателя СНК СССР⁴³. Отставка Литвинова была положительно воспринята не только в Берлине, но и в Варшаве. Уже 5 мая Германия заявила об удовлетворении требований Советского Союза относительно возобновления поставок из Чехии. В тот же день, выступая в Сейме, Ю. Бек заявил о готовности к равноправным переговорам с Германией. Фактически этот ответ на выступление А. Гитлера означал новый отказ Варшавы от германских предложений, поскольку они содержали «недостаточные компенсации»⁴⁴. Это выступление было негативно воспринято в Берлине, где был сделан вывод о том, что Польшу не удастся разложить изнутри, как Чехословакию. Вместе с тем до сведения Германии было доведено, что выступление Бека — «это только дипломатическая игра», т. к. Польша не может согласиться на передачу Данцига Германии, иначе правительство потеряет власть над страной. Более того, англо-французские гарантии вовсе не меняют польскую политику в отношении Германии.

«Если бы Польша... вступила в соглашение с Советским Союзом, то тогда и только тогда имелись бы основания для утверждения об изменении внешней политики. Но Польша отказывалась участвовать в такой комбинации в прошлом и продолжает делать это теперь». Просто в данный момент Бек, стараясь удержаться у власти, не мог открыто продолжать политику сотрудничества с Германией⁴⁵.

8 мая В. М. Молотов вызвал В. Гжибовского и, ознакомив с советскими предложениями Великобритании и Франции, задал ему вопрос, «что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений». В ходе беседы выяснилось, что польская сторона выступает против того, «чтобы англо-польское соглашение истолковывалось как направленное исключительно против Германии». На это Молотов заявил, что для советской стороны неприемлемо «такое положение, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР». Предложение же «о придании польско-румынскому договору 1926 г. общего характера, направленного против всякой агрессии, или же об аннулировании этого договора» вызвало упреки Гжибовского относительно «навязывания чужой воли»⁴⁶. 8 мая в Москву поступил британский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором Советскому Союзу предлагалось помочь Великобритании и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. По мнению британского руководства, союз с СССР перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому британское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве⁴⁷.

10 мая германское руководство решило активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. Тем временем новые советско-польские контакты показали, что Варшава не собирается менять свою политику в отношении Москвы. Уже 11 мая польская сторона заявила Советскому Союзу, что не поручала Франции вести с кем-либо переговоры о гарантиях Польше и «не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Вместе с тем, Варшава была не против заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи, но не желала получать какие-либо гарантии от СССР. Однако польский посол в Москве старался создать впечатление, что в будущем политика Польши может и измениться⁴⁸.

11 мая в передовой статье газеты «Известия» анализировались изменения международной ситуа-

ции в последние недели. По мнению газеты, остановить агрессию может только союз Великобритании, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что Советский Союз не имеет пактов о взаимопомощи ни с Великобританией, ни с Францией, ни с Польшей⁴⁹. 14 мая советская сторона вновь предложила своим западным партнерам заключить договор о взаимопомощи с военной конвенцией и дать гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Великобритания неофициально предложила Германии углубить экономические переговоры⁵⁰.

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР⁵¹. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании германо-польских отношений, в которых в 20-х числах мая возникла видимость готовности Варшавы к соглашению. Поэтому советский посол в Варшаве Н. И. Шаронов провел 25 мая и 2 июня беседы с Ю. Бекком, в ходе которых убедился в том, что Польша согласится только на почетные предложения со стороны Германии, но на уступки, затрагивающие ее независимость, она не пойдет. Со своей стороны Шаронов, предостерегая Польшу от уступок Германии, вновь напомнил о готовности договориться о размерах советской помощи⁵². 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией⁵³. Советская сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»⁵⁴, а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлемые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае 1939 г. Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от этого. 14–19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция обещала поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Правда, подписание соглашения было отложено до заключения политического договора. Англо-польские переговоры 23–30 мая привели к тому, что Лондон обещал в случае войны предпринять воздушные бомбардировки Германии силами не менее 1300 боевых самолетов. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще⁵⁵. Еще 4 мая Великобритания и Франция договорились, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою

очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале»⁵⁶. Более того, уже 20–25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии⁵⁷. 27 мая Великобритания обратилась к Польше с просьбой в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия⁵⁸.

20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона намекнула на необходимость подведения под советско-германские отношения «политической базы», то есть предложила Германии внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала Германию на предмет улучшения отношений. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве. 24 мая Великобритания решила какое-то время поддерживать переговоры с Советским Союзом, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие Лигу наций. Этот шаг Великобритании, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о «политической базе», но советская сторона предпочла занять позицию выжидания⁵⁹.

Тем временем 7 мая был парафирован, а 22 мая подписан «Стальной пакт» между Германией и Италией. 23 мая, выступая перед военными, А. Гитлер четко обозначил основную проблему германской внешней политики — стремление вернуться в число «могущественных государств», для чего требовалось расширить «жизненное пространство» и создать продовольственную базу на востоке Европы на случай дальнейшей борьбы на западе. С этой проблемой был тесно связан вопрос о позиции Польши, которая не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Великобритании и Франции⁶⁰.

31 мая в выступлении В. М. Молотова на III сессии Верховного Совета СССР прозвучала критика позиции Великобритании и Франции, которые на переговорах с Москвой лишь демонстрировали уступки и не хотели давать гарантии государствам Прибалтики. Поэтому «пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему разворачиванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление

этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить прикрытием к развязыванию агрессии в других районах?». Советскому Союзу следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, «мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей» с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться⁶¹. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Великобританию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а Москва вручила Лондону и Парижу новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий их независимости со стороны Великобритании, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6–7 июня Великобритания и Франция высказались в пользу соглашения с Советским Союзом, а Париж сообщил Москве, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии», и «надеется на расширение торговли с СССР»⁶². 8 июня Москва согласилась на предложение Берлина возобновить экономические переговоры. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания «политической базы», ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил.

9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергнутому нападению, даже без согласия этого последнего мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергнувшимся нападению, и СССР»⁶³. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе торговых переговоров в начале 1939 г. Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите, и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения⁶⁴. Убедившись в нежелании Варшавы идти на соглашение, советская сторона вернулась к традиционной политике, направленной на недопущение германо-польского сближения.

12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий государствам Прибалтики не пойдет на подписание договора. 13 июня Великобритания зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний. 14 июня в Москву прибыл заведующий отделом Центральной Европы МИД Великобритании У. Стрэнг, получивший задание затягивать переговоры, избегая вместе с тем создавать

впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день советской стороне был передан новый британский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь предложил Великобритании и Франции дать гарантии государствам Прибалтики или заключить тройственный договор без гарантий третьим странам⁶⁵.

14 июня советский полпред в Берлине в беседе с болгарским послом получил сведения о тех проблемах, которые Берлин, вероятно, будет готов обсудить с Москвой. Экономические консультации 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Германия посчитала советские требования слишком высокими. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор. 26 июня от итальянских дипломатов советская сторона узнала о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключения пакта о ненападении или гарантий Прибалтике и заключения широкого торгового соглашения. 27 июня Великобритания вновь зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Берлин в очередной раз заявил о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку Гитлер запретил торопить события⁶⁶.

29 июня в газете «Правда» появилась статья члена политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданова, в которой отмечалось, что англо-франко-советские переговоры «зашли в тупик», поскольку Великобритания и Франция «не хотят равного договора с СССР». Именно Лондон и Париж затягивают переговоры, что «позволяет усомниться в искренности» этих стран, не желающих дать гарантии государствам Прибалтики и стремящихся возложить на Советский Союз «всю тяжесть обязательств». Скорее всего, Великобритания и Франция хотят «лишь разговоров о договоре» с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета советских интересов Москва не пойдет на подписание договора, поскольку «не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками»⁶⁷. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу». К этим вопросам он отнес «колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»⁶⁸.

В апреле–июне 1939 г. в Германии был разработан конкретный план операции против Польши, для чего намечалось выделить 40 пехотных дивизий, 4 легкие,

3 горнострелковые, 6 танковых, 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду⁶⁹. Еще в мае 1939 г. были приведены в боевую готовность управления шести армий, 11 армейских корпусов и 24 дивизии. Готовя операцию против Польши, германское командование исходило из того, что Великобритания и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Однако, вопрос о том, будет ли их вмешательство полностью исключено, так и не был решен. Поэтому для прикрытия западной границы Германии на недостроенной «линии Зигфрида» планировалось развернуть 31 пехотную дивизию. Продолжая политику изоляции Польши на международной арене, германское руководство решило тщательно маскировать свои военные приготовления, чтобы не дать Великобритании и Франции повода для ускорения их военной подготовки.

Начавшееся в марте 1939 г. оформление англо-франко-польской коалиции привело к тому, что польское военное планирование основывалось на расчете, что Великобритания и Франция поддержат Польшу в войне с Германией. Поэтому перед польской армией ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизационное развертывание и сосредоточение своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Великобритания и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад. Для осуществления этого плана следовало развернуть 7 армий, 3 оперативные группы и корпус вторжения в составе 39 пехотных дивизий, 3 горнострелковых, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованных бригад. Однако в ходе очередных англо-французских военных переговоров в июне 1939 г. было решено, что союзники не будут помогать Польше, постараются удержать Италию от вступления в войну и не станут предпринимать контрударов по Германии. Также Великобритания отказалась поставлять в Польшу новейшую технику, а просимый Варшавой кредит был урезан с 50 до 8 млн фунтов стерлингов⁷⁰.

1 июля в ходе переговоров с Советским Союзом Великобритания и Франция согласились дать гарантии государствам Прибалтики, предложили перенести список гарантируемых держав в секретный протокол и дали свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Москва намекнула Берлину, что «ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР»⁷¹. 3 июля Советский Союз отказался дать гарантии Нидерландам, Люксембургу и Швейцарии, поставив условием гарантий заключение двусторонних договоров с Польшей и Турцией, и выдвинул свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Берлин предложил Москве договориться о будущих судьбах Польши и Литвы. 4 июля СССР информировал Италию, что пойдет на договор с Великобританией и Францией только тогда, когда они примут все советские условия, и вновь заявил,

«что ничто не мешает германскому правительству доказать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР»⁷². 7 июля Германия решила возобновить экономические контакты с Советским Союзом на советских условиях, о чем 10 июля было заявлено Москве. 8 июля Великобритания и Франция отметили, что договор в целом согласован, но началась дискуссия по советскому определению «косвенной агрессии», которое 9 июля было еще более расширено. 10 июля Великобритания решила попытаться достичь компромисса с СССР на базе взаимных уступок, но «обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Однако выяснилось, что Москва не идет на уступки по этому вопросу и настаивает на одновременном заключении политического договора и военной конвенции, хотя и согласна на парафирование договора⁷³.

Весной–летом 1939 г. Великобритания и Франция старались найти приемлемую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с Советским Союзом. При этом они не желали иметь Москву в качестве равноправного партнера. Как откровенно заявил 4 июля британский министр иностранных дел Э. Галифакс, «наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»⁷⁴. Не случайно, в конце июля 1939 г. Великобритания довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией, и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»⁷⁵. Понятно, что Великобритания и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля 1939 г. фактически провалились.

Опасаясь англо-германо-японского сговора, СССР пошел на уступки в ходе возобновившихся с 18 июля в Берлине экономических переговоров. 19 июля британское руководство решило никогда не признавать советской формулировки «косвенной агрессии», но пойти на военные переговоры для того, чтобы затруднить советско-германские контакты и усилить позицию Великобритании в отношении Германии. Считалось, что военные переговоры позволят не допустить советско-германского сближения и затянуть время до осени, когда Германия в силу погодных условий не решится начать войну. Франция более осторожно отнеслась к военным переговорам до заключения политического соглашения. Выполняя

задачу изоляции Польши, Германия 22 июля решила возобновить политический зондаж СССР, который в тот же день заявил о возобновлении экономических переговоров с Берлином. 23 июля в очередной беседе с англо-французскими представителями Молотов отметил, что «три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем». 25 июля Лондон и Париж сообщили Москве о согласии на предложенные ею военные переговоры⁷⁶.

Тем временем продолжались неофициальные англо-германские контакты. 10 июля в Берлине стало известно, что британское правительство придерживается курса на компромисс с Германией. Этот вывод подтверждался беседами Г. Вольтата с Р. Хадсоном и Г. Вильсоном 18, 20–21 июля, в ходе которых Великобритания предложила Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (вопросы снабжения сырьем, торговой, валютной политики и колоний) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества, что позволило бы достичь главной цели британского руководства — умиротворить Германию и обеспечить стабильность в Европе.

Понятно, что на фоне столь щедрых британских предложений компромисса заявления Лондона о поддержке Польши в случае войны не воспринимались в Берлине всерьез. Со своей стороны Германия предложила Великобритании раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора. Но 21 июля об этих контактах узнала Франция и, опасаясь англо-германского сближения за свой счет, передала эти сведения в прессу. Появившиеся 24 июля публикации не добавили доверия Великобритании со стороны ее партнеров. Несмотря на шумиху в прессе, 29 июля Великобритания вновь неофициально предложила Германии раздел «сфер интересов» и невмешательство в дела друг друга. Со своей стороны Великобритания прекращала бы переговоры с СССР, а Германия согласилась бы на сотрудничество с Великобританией, Францией и Италией, предоставление автономии Протекторату Богемии и Моравии и на всеобщее сокращение вооружений. В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция неоднократно заявляла, что поддержит Польшу в случае нападения на нее, но при этом конфиденциально проинформировала Германию, что эти заявления предназначаются лишь для успокоения французской и польской общественности⁷⁷.

24 июля Германия в очередной раз зондировала СССР, предлагая учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии в обмен на отказ Москвы от договора с Великобританией. 26 июля Германия предложила Советскому Союзу согласовать интересы в Восточной Европе. 27 июля Великобритания, Франция и СССР оговорили подготовительный период для военных переговоров в 8–10 дней, но компромиссная

формула по «косвенной агрессии» так и не была найдена, а советская сторона отказалась опубликовать коммюнике о согласовании политического договора. 29 июля Москва высказалась за улучшение отношений с Германией и пожелала узнать германские предложения поподробнее. Опасаясь неблагоприятного для себя исхода военных переговоров в Москве, Берлин увеличивал ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики. 31 июля в британском парламенте от имени правительства было заявлено, что соглашение об определении «косвенной агрессии» не было достигнуто, так как СССР якобы предлагал формулу, посягающую на независимость государств Прибалтики. 2 августа было опубликовано сообщение ТАСС с опровержением этого заявления. В тот же день советская сторона выразила свое недовольство и по дипломатическим каналам, а Великобритания и Франция предложили, чтобы в случае возникновения не подпадающих под их определение обстоятельств, они стали бы поводом для проведения консультаций между договаривающимися сторонами⁷⁸.

Будучи вынужденными согласиться на ведение военных переговоров с Советским Союзом до заключения политического договора, Великобритания и Франция стремились использовать их для дальнейшего давления на Германию, чтобы склонить ее к компромиссу. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»⁷⁹. Французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а британская делегация вообще не имела письменных полномочий⁸⁰. Британское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁸¹. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые следовало затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях Великобритании и Франции, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего, следовало выяснить полномочия сторон «на

подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Великобритании, Франции и Советского Союза в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной армии⁸². В этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем 2–3 августа Германия вновь предложила улучшить отношения с Советским Союзом на базе разграничения интересов сторон в Восточной Европе, но уклонилась от внесения конкретного предложения. По мнению Берлина, следовало заключить экономическое соглашение, расширить культурно-научный обмен и перейти к дружественным политическим отношениям. 4 августа Москва согласилась продолжить обмен мнениями с Германией, но прежде следовало подписать экономический договор. 2 августа на переговорах с Великобританией и Францией СССР вновь подтвердил свою неизменную позицию по определению «косвенной агрессии», а 7 августа У. Стрэнг уехал из Москвы, что означало окончание политических переговоров. 8–10 августа Советский Союз получил сведения о том, что интересы Германии распространяются на Литву, Западную Польшу, Румынию без Бессарабии, но, в случае договоренности с Берлином, Москва должна будет отказаться от договора с Великобританией и Францией. 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. 13 августа Германия уведомила СССР, что согласна вести переговоры в Москве, но просила ускорить их начало⁸³.

3 августа Великобритания вновь предложила Германии заключить договор о ненападении, соглашение о невмешательстве и начать переговоры по экономическим вопросам. При этом Германия должна была не допустить нового витка напряженности в Европе⁸⁴. Это было самое щедрое предложение Лондона, открывавшее перед Германией широкие перспективы, которое также усилило в Берлине мнение, что Великобритания не выступит в поддержку Польши. Однако германское руководство посчитало, что это, скорее всего, британский блеф с целью оттянуть время, и 20 августа отказалось рассматривать столь широкое предложение до решения данцигского вопроса, который, как было заявлено Лондону, является «последним требованием» по пересмотру Версаль-

ского договора. Кроме того, Великобритании было заявлено, что «после урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намерен пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз»⁸⁵. В ходе секретной встречи Геринга с британскими бизнесменами 7 августа Лондону было сделано предложение договориться на базе признания германских интересов на востоке⁸⁶.

Получив из Рима сведения о том, что, несмотря на напряженность в германо-польских отношениях, до 1942–1943 гг. войны не будет, Ю. Бек полагал, что любые действия Германии — «это блеф Гитлера, он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»⁸⁷. Поэтому было решено занять жесткую позицию в обострившихся польско-данцигских отношениях. В итоге власти Данцига пошли на нормализацию ситуации. Понятно, что Варшава увидела в этом подтверждение правильности своей твердой линии, а пресса заговорила о поражении Гитлера. 9 августа Германия предупредила Польшу, что ее дальнейшее вмешательство в дела Данцига приведет к ухудшению германо-польских отношений. Со своей стороны Польша заявила, что отвергает любое вмешательство Германии в польско-данцигские отношения и будет в дальнейшем расценивать его как акт агрессии⁸⁸. События вокруг Данцига вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультроваться⁸⁹.

9 августа Великобритания заявила Германии, что прекращение односторонних действий Берлина в Европе привело бы к успокоению общественного мнения и позволило бы «обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели»⁹⁰. 11 августа зондаж был возобновлен через комиссара Лиги наций в Данциге К. Буркхарда, встретившегося с согласия Великобритании, Франции и Польши с А. Гитлером, который высказал ряд угроз в адрес Польши и заявил, что Германия хочет мира с Великобританией и переговоров, но без участия Франции. Если Запад будет мешать походу против СССР, то Германии придется разбить его в первую очередь. Получив эти сведения, в Великобритании стали ожидать дальнейших германских предложений, которые так и не поступили, так как ставка Гитлера на войну блокировала многие выгодные Германии предложения Лондона⁹¹. 12 августа Гитлер отдал приказ о начале сосредоточения и развертывания вермахта для операции против Польши и назначил «день X» на 26 августа⁹². Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа 1939 г. была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. С июля 1939 г. в Восточной Пруссии, а с 18 августа по всей Германии начались предмобилизационные мероприятия.

14 августа в Берлин поступило новое неофициальное британское предложение о разделе сфер интересов (Германии — Восточная Европа, Великобритания — ее империя), решении колониального вопроса, общеевропейском урегулировании и взаимном разоружении. Соответственно, Германия должна перестать поддерживать Испанию, дать автономию Протекторату Богемии и Моравии и отказаться от самостоятельной экспансии⁹³. В тот же день в ходе совещания с военными А. Гитлер заявил о своем решении начать войну с Польшей, поскольку «Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому»⁹⁴. 16 августа британское министерство авиации неофициально уведомило Берлин, что возможен вариант, когда Великобритания объявит войну, но военные действия вестись не будут, если Германия быстро разобьет Польшу, а британские ВВС не станут бомбить незащищенные города⁹⁵. Все эти британские зондажи усиливали у германского руководства уверенность в том, что Великобритания пока не готова к войне, и в этих условиях следует не связывать себе руки соглашением с ней, а воевать.

В ходе начавшихся 12 августа в Москве военных переговоров советская сторона 14 августа подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразным индикатором намерений западных партнеров. Хотя Великобритания и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к этой проблеме, было решено еще раз запросить ее и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры в Москве⁹⁶. Однако 19 августа Ю. Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь», и не уполномочивали никого обсуждать «вопрос использования части нашей территории иностранными войсками»⁹⁷. Даже накануне заключения советско-германского договора о ненападении Польша 23 августа вновь заявила, что «наша принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений»⁹⁸.

13–18 августа в Польше началась скрытая мобилизация еще девяти дивизий и бригад. В это время Великобритания и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18–20 августа Польша, категорически отвергавшая сотрудничество с СССР, была готова обсудить германские условия территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Великобританию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись. Со своей стороны Лондон и Париж отказались от давления на Варшаву относительно вопроса о проходе Красной Армии на польскую территорию⁹⁹. В свою

очередь Москва была озабочена тем, что для Великобритании «Польша — форпост против СССР. Англия воевать не будет и Польше не поможет»¹⁰⁰.

15 августа Берлин выразил готовность направить в Москву для переговоров министра иностранных дел. В ответ советская сторона согласилась обсудить проблемы гарантий государствам Прибалтики, нормализации советско-японских отношений и договора о ненападении. 17 августа Германия приняла все советские предложения и вновь просила ускорить переговоры путем приезда И. фон Риббентропа в Москву. В ответ СССР предложил сначала подписать экономический договор, а затем подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. или заключить договор о ненападении с протоколом о взаимных интересах. 19 августа было подписано советско-германское экономическое соглашение, Берлин сообщил о своем согласии «учесть все, чего пожелает СССР», и вновь настаивал на ускорении переговоров. Советская сторона передала Германии проект договора о ненападении и дала согласие на приезд Риббентропа 26–27 августа. 21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Г. Геринга для переговоров, а Москве — Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Великобритания ответили согласием. Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с Советским Союзом, А. Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон. Пока же британское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. 22 августа советская пресса сообщила о предстоящем визите Риббентропа в Москву, одновременно СССР информировал Великобританию и Францию, что «переговоры о ненападении с Германией не могут никоим образом прерваться или замедлить англо-франко-советские переговоры»¹⁰¹.

22 августа А. Гитлер вновь выступил перед военными и заявил, что вмешательство Великобритании и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, а с СССР будет заключен договор, что снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад¹⁰². Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал «договор (с СССР) как разумную сделку. Разумеется, по отношению к Сталину надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте с советским лидером шанс устранить Англию из конфликта с Польшей»¹⁰³. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда И. фон Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа¹⁰⁴. 23 августа гауляйтер Данцига был провозглашен главой города, что было нарушением его статута, но с протестом выступила лишь Польша, тогда как члены Лиги наций промолчали. В тот же день Париж заявил, что поддержит Варшаву, но Верховный совет национальной обороны решил, что никаких

военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. 23 августа Гитлеру было передано письмо премьер-министра Великобритании, сообщавшего о том, что в случае войны Великобритания поддержит Польшу, но при этом демонстрировавшего готовность к соглашению с Германией¹⁰⁵. В Великобритании все еще ожидали визита Г. Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл И. фон Риббентроп, и в ходе переговоров с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия¹⁰⁶. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Великобритании и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

24 августа Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются британские гарантии. В тот же день Франция порекомендовала Польше воздержаться от применения силы, а ограничиться дипломатическими средствами, если Данциг объявит о присоединении к Германии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Великобритания 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было¹⁰⁷, поскольку Лондон не собирался оказывать реальную военную помощь Варшаве. Это была все та же политика давления на Берлин с целью добиться нормализации англо-германских отношений. В тот же день Германия уведомила Великобританию, что «после решения польской проблемы» она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи Британской империи¹⁰⁸. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англо-польском договоре, а Италия известила об отказе участвовать в войне. В итоге в 19.30 А. Гитлер отменил нападение на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент. Однако приказ о проведении с 26 августа общей мобилизации отменен не был, и она продолжалась до 31 августа¹⁰⁹.

Подписав договор о ненападении с Германией, советская сторона 25 августа заявила англо-французским военным миссиям, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл»¹¹⁰. Правда, в тот же день Франции было сообщено, что договор 1935 г. все еще остается в силе, а политические переговоры с западными странами могли бы быть продолжены. Советское руководство было готово рассмотреть любые предложения Великобритании и Франции, если они согласятся на советские условия, но Лондон и Париж решили не идти на уступки СССР, который втайне от них осмелился предпочесть собственные интересы «общему делу» защиты западных демократий, и в ночь на 26 августа их военные миссии покинули Москву¹¹¹.

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации, а на следующий день предложили ей организовать взаимный обмен населением с Германией. Великобритания, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать, поскольку считалось, что англо-польский договор удержит ее от войны. 26 августа из Лондона в Берлин поступили сведения, что Великобритания не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет¹¹². 28 августа Великобритания отказалась от германских предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой.

Лондон полагал, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны»¹¹³. Если бы германо-польские «переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией»¹¹⁴. Лондон вновь предупредил Берлин, что в случае войны Великобритания поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на нее в пользу переговоров с Германией.

Во второй половине дня 28 августа А. Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в «польском коридоре» и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Великобританией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Великобритании, Гитлер надеялся, что «он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей»¹¹⁵. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Великобритании по урегулированию германо-польского конфликта и о том, что Германия настаивает на сохранении договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без Советского Союза, вместе

с которым следует решать все вопросы Восточной Европы¹¹⁶. 29 августа польское руководство сообщило своим западным союзникам о готовности начать мобилизацию, но они потребовали отложить этот шаг. Однако, благодаря начатой в Польше еще 23 августа скрытой мобилизации, к утру 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60%, но начавшееся 26 августа развертывание польских войск не было завершено — лишь 46,8% войск находилось в районах предназначения, но и они не успели полностью занять свои позиции, поскольку приказ об этом был отдан только 30 августа¹¹⁷.

30 августа Великобритания вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет, и Германия прекратит антипольскую кампанию в печати. В таком случае Лондон был согласен на созыв в будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу, поскольку ожидалось, что Великобритания пойдет на уступки, и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае «войны уже не будет совсем», поскольку «приезд поляков в Берлин = подчинению»¹¹⁸. 30 августа Великобритания получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы, но не известила о них Польшу, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомила Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время. Рано утром 31 августа А. Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться в 4:45 утра 1 сентября¹¹⁹. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Великобританией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией. Однако Варшава оказалась не готова к прямым переговорам с Берлином. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Великобританию и Францию, что не будет воевать¹²⁰. 1 сентября Германия напала на Польшу, а европейский кризис перерос в войну, в которую 3 сентября вступили Великобритания и Франция.

Таким образом, начало политического кризиса 1939 г. в Европе активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Поскольку и Великобритания с Францией, и Германия были заинтересованы в благожелательной позиции СССР, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как

при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Великобританией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой.

Определенную роль в срыве этих переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Великобритании и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны. Подобный

ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Великобритания и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

1. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 130. Прим. 197.
2. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 85–86.
3. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 132–135.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 7. М., 1973. С. 29–30; Год кризиса. Т. 1. С. 75–77, 79–80, 85–86, 93–94, 117, 118, 130–137, 163–164, 168–177, 191–192, 194–196, 200–201, 210; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933–1939. М., 1963. С. 560–566, 571–575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 112–118, 120–122; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. Пер. с нем. М., 1990. С. 85–89; *Случ С. З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 326; *Карлей М. Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005. С. 132–135.
5. ДМИСПО. Т. 7. С. 23–25, 34–49; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 41–43.
6. Год кризиса. Т. 1. С. 207–209, 211, 276–278; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 156–160.
7. Год кризиса. Т. 1. С. 253–254, 272–274.
8. Там же. С. 167–168, 184–186; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 75–85, 93–95; *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26; *Случ С. З.* Указ. соч. С. 325.
9. *Гальянов В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.
10. *Наджафов Д. Г.* Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова–Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 89–90.
11. Год кризиса. Т. 1. С. 258–264.
12. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 351; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). М., 1955. С. 263–264.
13. Год кризиса. Т. 1. С. 272–274, 289–291; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 160–196; *Севостьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992. С. 177–178.
14. ДМИСПО. Т. 7. С. 57–64, 66, 68, 69; Год кризиса. Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 216; *Иванов А. Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158–160; *Карлей М. Д.* 1939. Указ. соч. С. 143–159.
15. Год кризиса. Т. 1. С. 288, 293–294, 295, 296–297, 308–310; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 201–212; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112; *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 153–154; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 43; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 125.
16. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. 5. Baden-Baden, 1953. S. 435–441; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112.
17. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 200–201; *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 года // Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 147–149; *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934–1939 гг. М., 1963. С. 263.
18. *Grzelak C. K.* Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998. S. 116–119.
19. *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 140.
20. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 35.

21. Гришин Я.Я. Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 221.
22. Год кризиса. Т. 1. С. 341–342; Мосли Л. Указ. соч. С. 212–218; Иванов А.Г. Указ. соч. С. 163–164; Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 289–303.
23. Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 42–46.
24. Год кризиса. Т. 1. С. 355.
25. ДМИСПО. Т. 7. С. 71–75, 78–80; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 62–64.
26. Известия. 1939. 4 апреля; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246.
27. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.
28. Год кризиса. Т. 1. С. 357–359.
29. Там же. С. 361.
30. Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 219–230.
31. Год кризиса. Т. 1. С. 370–372, 373–378.
32. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 69–72; Год кризиса. Т. 1. С. 379–383, 384–387, 389.
33. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
34. ДМИСПО. Т. 7. С. 88–89; Год кризиса. Т. 1. С. 389–390; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
35. Год кризиса. Т. 1. С. 394–395.
36. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 74; Год кризиса. Т. 1. С. 399, 413–414; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 119–127; Карлей М.Д. Указ. соч. С. 167–183.
37. Вишнев О.В. «Большая политика»: март–май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 222.
38. Год кризиса. Т. 1. С. 378–379; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 218–221; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933–1939. С. 567–571.
39. Год кризиса. Т. 1. С. 314–315.
40. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320–321.
41. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 57.
42. Некрич А.М. Указ. соч. С. 322–401; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1989; Альтернативы 1939 г. М., 1989; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Фляйшхауэр И. Указ. соч.; Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. С. 136–374; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992; Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 17–114; Карлей М.Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны; и др.
43. Год кризиса. Т. 1. С. 424; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 129–139.
44. Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 107–109; Гришин Я.Я. Диктатор внешней политики. С. 238–241.
45. Фомин В.Т. Указ. соч. С. 109–110; Год кризиса. Т. 1. С. 498–500.
46. Год кризиса. Т. 1. С. 437–438.
47. Там же. С. 435–436, 438–439.
48. Там же. С. 437–438, 441–442, 444, 448–449, 465–466; Т. 2. С. 394. Прим. 111; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова. 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 79–80.
49. Год кризиса. Т. 1. С. 451–454.
50. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.–август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 396–398; Год кризиса. Т. 1. С. 461–463.
51. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145–154, 159, 178–179; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216–219; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939–июнь 1941 г. М., 2008. С. 81–84.
52. ДМИСПО. Т. 7. С. 111–112, 115–116; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 393, 418.
53. ДМИСПО. Т. 7. С. 114–115.
54. Год кризиса. Т. 1. С. 496–497, 498; Т. 2. С. 112–113; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 160–161.
55. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353; Мосли Л. Указ. соч. С. 246–248; Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. С. 55–67; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. С. 595–596; Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 95–100.
56. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. М., 1962. С. 17.
57. Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 310–311; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова. 1938–1939 гг. С. 78.
58. ДМИСПО. Т. 7. С. 112–114.

59. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 94–95; Год кризиса. Т. 1. С. 482–484, 508–513, 518–522; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 155–156; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 102–103.
60. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 132–137; Год кризиса. Т. 1. С. 493–495; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161–164.
61. Год кризиса. Т. 1. С. 523–527.
62. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 427.
63. ДМИСПО. Т. 7. С. 120–121.
64. Там же. С. 40; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450–451; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 162–163.
65. Год кризиса. Т. 2. С. 5–6, 17, 27–28, 31–36; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. С. 103.
66. Год кризиса. Т. 2. С. 29–30, 38–40, 45–48, 61–62, 64–67.
67. Там же. С. 71–73.
68. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 378.
69. *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 341–343, 370–373; *Прозектор Д. М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. М., 1963. С. 20–26; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 92–99.
70. *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 39; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 68–90.
71. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 516; Год кризиса. Т. 2. С. 75–80.
72. Год кризиса. Т. 2. С. 75–77, 78–82, 84–85, 400, прим. 135; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 207.
73. Год кризиса. Т. 2. С. 88–94, 102–105; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. С. 103–104.
74. *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 28–29.
75. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 193–198.
76. Год кризиса. Т. 2. С. 117, 122–125, 134.
77. Там же. С. 95–97, 127–134, 135, 147–152; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 248–253; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 94–97; *Севостьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. С. 272–276; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 236–240.
78. Правда. 1939. 2 августа; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 390; Год кризиса. Т. 2. С. 153–154, 136–139, 141–142, 145.
79. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 168.
80. Год кризиса. Т. 2. С. 192–193; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 241–247.
81. Там же. С. 169; *Челышев И. А.* СССР — Франция: трудные годы. 1938–1941. М., 1999. С. 131–133.
82. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 386.
83. Год кризиса. Т. 2. С. 153–163, 175, 177, 178–180, 182–183, 184–188, 209; Европа в международных отношениях 1917–1939. М., 1979. С. 393–395; *Челышев И. А.* Указ. соч. С. 134–141.
84. Год кризиса. Т. 2. С. 163–168.
85. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 318–321.
86. Там же. С. 205–211; *Безыменский Л. А.* «Второй Мюнхен»: замысел и результаты (из архивов Форин оффиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 93–110; № 5. С. 143–160.
87. *Мосли Л.* Указ. соч. С. 258–259.
88. Там же. С. 278–282; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 405.
89. *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 129–131.
90. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 201–204.
91. *Безыменский Л. А.* Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 40–50.
92. *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945 // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 174; *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 222–223.
93. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 248–249; Год кризиса. Т. 2. С. 248–250.
94. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 1. Пер. с нем. М., 1968. С. 33–40.
95. Год кризиса. Т. 2. С. 250–252.
96. Там же. С. 191–208, 210–229, 235–246, 256–269, 292–293, 295–301, 305–311.
97. Там же. С. 278–279; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 301.
98. ДМИСПО. Т. 7. С. 144–146, 160–165, 166, 176; Год кризиса. Т. 2. С. 255–256, 268–269, 294–295, 305–306, 316–318; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 299–302; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 76; *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. С. 257–261; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 260–261.
99. *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 86; *Малафеев К. А.* Позиция французских правящих

кругов на англо-франко-советских военных переговорах 1939 года // Из истории классовой борьбы и международных отношений новейшего времени. Рязань, 1974. С. 26–53; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 76–77.

^{100.} *Парсаданова В. С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. №7. С. 15–16.

^{101.} Год кризиса. Т. 2. С. 229–233, 269–273, 274–278, 280–291, 302–303, 304–305; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 298–302.

^{102.} *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 138–140, 384–385; Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 89–94.

^{103.} Новая и новейшая история. 2001. №4. С. 177; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 294.

^{104.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 59–61.

^{105.} Год кризиса. Т. 2. С. 313–314.

^{106.} *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 319–321.

^{107.} Год кризиса. Т. 2. С. 323–326.

^{108.} Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 336–338; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 316.

^{109.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 64–66; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 315–321; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 412–428; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Пер. с нем. Т. 1. М., 1956. С. 81–86; Т. 2. М., 1958. С. 10–13, 20.

^{110.} ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 669.

^{111.} Год кризиса. Т. 2. С. 327–328; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 112–113.

^{112.} *Фомин В. Т.* Указ. соч. С. 141–148; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 117–128.

^{113.} *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329.

^{114.} *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 135.

^{115.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 79.

^{116.} Год кризиса. Т. 2. С. 338; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 322–347; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 129–140.

^{117.} *Прозектор Д. М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. С. 42; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 2. S. 104–110; Начальный период войны. М., 1974. С. 134–136, 148–149; *Згорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 358–359.

^{118.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 83–84.

^{119.} Там же. С. 84.

^{120.} Год кризиса. Т. 2. С. 339–344, 354–355; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 84–86; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 148–152, 154–155; *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. С. 264.

Документы

Введение

В настоящем томе, равно как и в последующих томах, приведены источники, взятые как непосредственно из фондов различных архивов (российских и зарубежных), так и документы, уже опубликованные в академических и других изданиях. Содержание материалов призвано не только иллюстрировать и дополнить приведенные выше статьи, но и стать своего рода хрестоматийным пособием для всех интересующихся историей Второй мировой войны. Отбор материалов и аннотации к ним открывают возможность для выработки собственного суждения по многим актуальным проблемам Второй мировой войны: причинам войны, целям сторон, особенностям политического, экономического и военного противоборства коалиций и др.

Документы к Первому тому отражают многие дискуссионные вопросы, относящиеся к особенностям предвоенного политического кризиса, готовности государств к войне, причинам поражений вооруженных сил англо-французской коалиции в 1940 г., дипломатическим маневрам лидеров противоборствующих держав. Читатель может глубже познакомиться с возникновением в мире фашистской опасности и эскалации предвоенного политического кризиса. Представлены материалы о политике Германии, Италии и Японии, попытках западных союзников умиротворить агрессоров, мюнхенском соглашении. Особое внимание уделено документальному освещению причин срыва летом 1939 г. англо-франко-советских переговоров и истории заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г., мероприятиям Германии по подготовке операции «Барбаросса», равно как и акциям, предпринятым СССР в Прибалтике, западных областях Украины и Белоруссии, директивам командования Красной Армии накануне 22 июня 1941 года. Отражены также военные действия в Азии и сопротивление Китая расширяющейся японской агрессии. Заголовки документов и материалов даны составителями.

Из книги А. Гитлера «Моя борьба»¹

(...) Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. /.../ В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможность прилежного труда на новых землях, которые завоеует нам немецкий меч. (...)

...Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. (...)

Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен.

К этому однако надо добавить следующее.

1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили.

Нельзя забывать и того факта, что правители современной России это — запятнавшие себя кровью низкие преступники, это — нагипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, которую когда-либо только знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством. Ни на минуту нельзя забыть того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий. Кто же заключает союз с таким партнером, единственный интерес которого сводится только к тому, чтобы уничтожить другого партнера? (...) Чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России (...)

Гитлер А. Моя борьба. Б. м.: ИТФ «Т-Око», 1992. С. 556–563

¹ Первое издание своей книги «Майн кампф» (Моя борьба) А. Гитлер подготовил в 1925 г.

Из воспоминаний У. Черчилля² о перевооружении Германии в 1930-х гг. и встрече в 1937 году с послом Германии в Великобритании И. Фон Риббентропом³

(...) Как только гитлеровской Германии позволили перевооружиться без активного противодействия со стороны союзников, возникновение второй мировой войны стало почти неизбежным... Летом 1935 года Германия в нарушение договоров восстановила обязательную воинскую повинность. Великобритания простила это, а заключив с ней сепаратное соглашение, позволила ей восстановить флот⁴, и если бы та пожелала, строить подводные лодки в одинаковом количестве с Англией. Нацистская Германия тайно и незаконно создала военно-воздушные силы, которые к весне 1935 года открыто претендовали на равенство с английской авиацией. Она уже второй год после длительной тайной подготовки усиленно производила вооружение. Великобритания и вся Европа, а также далекая, как в то время считали, Америка оказались перед лицом организованной мощи и воли к войне самой боеспособной 70-миллионной нации Европы, жаждавшей вернуть себе свою национальную славу. А если бы она заколебалась, безжалостный военный, социальный и партийный режим погнал бы ее вперед.

Гитлер имел теперь полную возможность нанести удар. Ряд его последовательных шагов не встретил сколько-нибудь действенного сопротивления со стороны двух европейских либеральных демократий и, если не считать дальновидного президента Соединенных Штатов, лишь постепенно возбудил внимание этой страны. Таким образом, битва за мир, которую в 1935 году можно было выиграть, была теперь почти наверняка проиграна. Муссолини одержал победу в Абиссинии⁵ и бросил успешный вызов Лиге Наций и особенно Великобритании. Теперь он находился в жестокой вражде с нами и объединился с Гитлером (...)

Между занятием Гитлером Рейнской области в марте 1936 года и захватом им Австрии в марте 1938 года прошло целых два года... В этот период Германия не теряла времени. Укрепление Рейнской области, или Западного вала, шло быстрыми темпами, и постепенно росла грандиозная линия постоянных и полупостоянных укреплений. Германская армия, методически пополнявшаяся теперь на основе обязательной воинской повинности и укрепленная за счет многочисленных добровольцев, с каждым месяцем становилась все сильнее как по своей численности, так и по боеспособности своих соединений. Германские военно-воздушные силы сохраняли и неуклонно увеличивали свое превосходство над Великобританией. Германские военные заводы работали с большой нагрузкой. В Германии день и ночь крутились колеса и били молоты. Вся промышленность Германии превращалась в арсенал, и все население сплывало в одну дисциплинированную военную машину. Осенью 1936 года Гитлер приступил к осуществлению четырехлетнего плана реорганизации германской экономики, с тем чтобы она была более самообеспеченной на случай войны. За границей он заключил тот «сильный союз», который, как он заявил в «Майн кампф», был необходим для внешней политики Германии. Он договорился с Муссолини, и была создана ось Рим — Берлин (...)

Однажды в 1937 году я встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом... Наша беседа продолжалась более двух часов. Риббентроп был чрезвычайно учтив, и мы прошли с ним по всей европейской арене, обсуждая вопросы военного и политического характера. Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы с Англией. Он сказал мне, что ему предлагали пост министра иностранных дел Германии, но что он просил Гитлера отпустить его в Лондон, чтобы добиться англо-германской антанты или даже союза. Германия оберегала бы все величие Британской империи. Немцы, быть может, и попросят вернуть им немецкие колонии, но это, конечно, не кардинальный вопрос. Важнее было, чтобы Англия предоставила

² Черчилль У. (1874–1965) — государственный, политический и военный деятель Великобритании. С сентября 1939 до мая 1940 г. — военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 и в 1951–1955 гг. — премьер-министр Великобритании.

³ Риббентроп И. (1893–1946). В 1933 г. — советник Гитлера по внешнеполитическим вопросам; в 1934 г. — «уполномоченный по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителю фюрера Р. Гесса»; в 1936–1938 — германский посол в Лондоне; в 1938–1945 — министр иностранных дел Германии. Казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

⁴ Имеется в виду англо-германское морское соглашение от 18 июня 1935 г. по которому Германия получила право иметь флот, по тоннажу равный 35% тоннажа ВМС Британской империи, а по подводному флоту — 45%.

⁵ Италия развязала агрессию против Эфиопии (Абиссинии) в октябре 1935 г. К 9 мая 1936 г., несмотря на стойкое сопротивление эфиопской армии, итальянские войска оккупировали страну.

Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсraum, или жизненное пространство, для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов душ. На меньшее согласиться нельзя. Таким образом, единственное, чего немцы просили от Британского содружества и империи, — это не вмешиваться. На стене комнаты, в которой мы беседовали, висела большая карта, к которой посол несколько раз подводил меня, чтобы наглядно проиллюстрировать свои планы.

Выслушав все это, я сразу же выразил свою уверенность в том, что английское правительство не согласится предоставить Германии свободу рук в Восточной Европе. Хотя мы и в самом деле находились в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидели коммунизм не меньше, чем его ненавидел Гитлер, но Риббентропу следует твердо знать, что, если бы даже Франция и была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой. Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом сказал: «В таком случае война неизбежна. Иного выхода нет. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит, и ничто не остановит нас» (...)

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1–2. М.: Воениздат, 1991. С. 90, 98, 99, 102, 134–135, 150–152.

Из воспоминаний бывшего министра финансов Германии Фон Крозига о подготовке Германии ко Второй мировой войне

(...) Вооружение Германии перед второй мировой войной

Военные расходы Германии с 1934 года до 31 августа 1939 года по всем трем видам вооруженных сил, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили 60 млрд. марок. В этот же период общие бюджетные расходы Германии равнялись 101,5 млрд. марок, то есть военные расходы составляли 59,1% этой суммы.

Налоговые сборы дали в общей сложности 62,2 млрд. марок. Их вполне хватало для финансирования гражданского сектора (41,5 млрд.), и, кроме того, оставалось еще 20 млрд. марок на покрытие военных издержек. Еще одна треть военных расходов (20 млрд. марок) покрывалась «прочими хозяйственными сборами», то есть за счет прибылей железных дорог, почтовых сборов, доходов государственного банка и т. д., а также за счет кредитов, выдаваемых в первые годы в виде краткосрочных, а позднее — долгосрочных долговых обязательств...

Система централизованного управления экономикой

Тотальная война требует централизованного управления производством. Во время войны Германия не нуждалась в создании новой организации, так как вся экономическая система, которая была неразрывно связана с финансовой политикой, могла быть оставлена без изменений. Еще до войны процесс централизации руководства экономикой характеризовался рядом этапов. Так называемый «Новый план» 1934 года поставил внешнюю торговлю под государственный контроль; в том же году вся экономика была разбита на 7 «имперских групп», причем каждое предприятие должно было административно принадлежать к одной из этих групп; с введением четырехлетнего плана в 1936 году государственное управление хозяйством подверглось еще большему укрупнению. С этого времени особое значение приобрело централизованное распределение важнейших видов сырья. Таким образом, когда закончился период подготовки к войне и довоенное хозяйство стало военным, создавать новые учреждения было уже некогда, нужно было более полно использовать то, что уже имелось. Перевод экономики на военные рельсы был осуществлен при помощи регулирования производства и сбыта товаров, правильного распределения сырья, четкого руководства всеми работами и запрещения новых капиталовложений в определенные отрасли мирной промышленности. Необходимое для промышленности сырье, главным образом сталь, распределялось по отдельным отраслям промышленности, что сильно ограничивало частное предпринимательство. Сокращение потребления населения осуществлялось не путем повышения налогов или, как в первую мировую войну, путем повышения цен, а новым способом, заключавшимся в том, что на все основные предметы обихода были установлены строгие нормы расхода, а покупательная способность населения обеспечивалась системой твердых (низких) цен (...)

Крозиг Л. Как финансировалась вторая мировая война // Итоги второй мировой войны. Сб. ст. Пер. с нем. М., 1957 С. 422–426

Берлинский протокол, 25 октября 1936 г.

Берлин, 25 октября 1936 г.

Секретно! Публикации не подлежит.

ПРОТОКОЛ

Германский имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат и итальянский министр иностранных дел граф Чиано от имени и по поручению своих правительств 21–22 октября сего года обсудили в Берлине ряд еще не решенных, имеющих большое значение политических, экономических и социальных вопросов. При этом достигнуто соглашение между двумя правительствами по следующим пунктам:

1. Оба правительства, как и прежде, при ведении переговоров о Западном пакте⁶ будут занимать общую позицию, поддерживая друг с другом тесные контакты.
2. До тех пор, пока Италия остается членом Лиги наций, итальянское правительство будет проводить в Лиге наций политику, полностью учитывающую совместные интересы двух стран, и поддерживать с этой целью контакты с германским правительством. Прежде всего, итальянское правительство обязуется согласовывать с германским правительством те вопросы, которые касаются его участия в специальных мероприятиях Лиги наций (конференциях, комиссиях и т. д.). Поскольку не исключено, что Италия решит выйти из Лиги наций, то такое решение явилось бы новым удобным поводом для отказа германского правительства от предложений, сделанных им от 7-го и 31-го марта сего года. И в этом случае Германия и Италия продолжали бы по возможности согласовывать свое отношение к Лиге наций в будущем.
3. Оба правительства констатируют, что наибольшей угрозой для мира и безопасности в Европе является коммунизм. Они подтверждают свое намерение направить все свои силы на борьбу против коммунистической пропаганды и активизировать свою деятельность в этом направлении.
4. Поскольку в Испании националисты владеют большей частью страны, а Германия и Италия имеют там значительные экономические интересы, то оба правительства обязуются как можно скорее признать де-факто националистическое испанское правительство. Они будут контактировать друг с другом с тем, чтобы в последующем совместно заявить об его признании де-юре. Затем оба правительства подтвердят соблюдение ими принципа невмешательства, а также свое уважение целостности и территориального единства Испании, ее протекторатов и колоний. Оба правительства совместно определяют момент признания де-факто. При этом они объявят недействительным существующее эмбарго на поставку оружия.
5. Итальянское правительство выражает свое удовлетворение соглашением от 11 июля сего года между Германией и Австрией⁷ и начавшейся на его основе нормализацией германо-австрийских отношений. Германское правительство и итальянское правительство единодушны в своем стремлении содействовать плодотворному развитию этих отношений в будущем.
6. В тех случаях, когда будут проводиться международные конференции по экономическим и финансовым вопросам, германское и итальянское правительства будут заблаговременно согласовывать свои позиции и, по возможности, проводить на этих конференциях совместную линию.
7. Итальянское правительство обязуется поддерживать дипломатическими средствами усилия Германии, направленные на получение ею колоний с целью создания собственной сырьевой базы. Германское и итальянское правительства во взаимном согласии будут стремиться к тому, чтобы облегчить снабжение сырьем обеих стран другими путями, не зависящими от решения колониального вопроса.
8. Германское и итальянское правительства будут информировать друг друга об основных направлениях их торговой политики. Признавая ценность такого сотрудничества, оба правительства сохраняют за собой право контролировать и устанавливать его вид и объем через двусторонние технические органы. Оба правительства подтверждают также свое отрицательное отношение к любым попыткам создать в будущем в районе Дуная без участия Германии и Италии новые экономические организации,

⁶ Западный (Рейнский гарантийный) пакт 1925 г. был нарушен в результате оккупации немецкими войсками Рейнской демилитаризованной зоны в марте 1936 г. В данном случае под переговорами о Западном пакте подразумевается его замена германо-французским и германо-бельгийским пактами о ненападении, предложение о заключении которых излагалось в меморандумах германского правительства западным державам в марте 1936 г.

⁷ Имеется в виду германо-австрийское «Джентльменское соглашение» от 11 июля 1936 г., согласно которому Австрия обязалась амнистировать австрийских национал-социалистов, совершивших ранее политические преступления, и проводить в дальнейшем политику, исходя из принципа о том, что Австрия является вторым «германским государством».

например, такие как экономическое слияние Малой Антанты или экономическое объединение в духе плана Тардье⁸.

9. В связи с признанием Германией присоединения Абиссинии итальянское правительство выражает свое согласие с тем, что действие германо-итальянского торгового договора от 31 октября 1925 г. и германо-итальянского клирингового соглашения от 26 сентября 1934 г., а также дополняющих их договоренностей будет распространено на итальянские колониальные владения, включая Абиссинию. Кроме того, относительно колоний и владений, включая Абиссинию, будут оформлены соответствующие договоренности, аналогичные той, которая достигнута относительно товарооборота с Итальянской королевской империей в германо-итальянском соглашении о товарообороте от 16 апреля 1935 г. и в дополнительном к нему соглашении. Итальянское правительство будет, по возможности, поощрять стремление германских экономических кругов оказывать содействие хозяйственному освоению Абиссинии.

Итальянское правительство изъявляет готовность немедленно вступить в переговоры о введении в действие приобретенных до 5-го октября на законном основании германскими имперскими подданными концессий в Абиссинии и вести эти переговоры в духе дружбы и полной доброжелательности.

Итальянское правительство оставляет за собой право от случая к случаю высказывать свое отношение к вопросу о предоставлении таких концессий в будущем.

Для претворения в жизнь вышеизложенных пунктов необходимо как можно скорее заключить соответствующие договоры и соглашения. Ведение переговоров об этом будет поручено германской и итальянской правительственным комиссиям по урегулированию германо-итальянских экономических связей, которые должны вскоре собраться на свое очередное заседание.

Протокол составлен в двух подлинных экземплярах и скреплен подписями.
фон Нейрат

Чиано

Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 355–357

Германо-японское «Соглашение против Коммунистического Интернационала», 25 ноября 1936 г. («Антикоминтерновский пакт»)⁹

Правительство германской империи и имперское правительство, сознавая, что целью Коммунистического Интернационала (так называемого «Коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены в том, что терпимое отношение к вмешательству Коммунистического Интернационала во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в области обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

СТАТЬЯ I

Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала, консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

СТАТЬЯ II

Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа Коммунистического Интернационала, принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

⁸ Планом Тардье был назван подготовленный по инициативе премьер-министра и министра иностранных дел Франции меморандум французского правительства «Об экономическом сближении Центральной Европы» от 2 марта 1932 г. Планом предусматривалось заключение между пятью придунайскими странами (Австрией, Венгрией, Румынией, Чехословакией и Югославией) соглашения об экономическом сотрудничестве, которое исключало бы участие в нем какой-либо из великих держав.

⁹ Германо-японское соглашение против Коммунистического интернационала юридически закрепило присоединение Японии к т.н. оси «Рим-Берлин», оформленной Берлинским протоколом 25 октября 1936 г.

СТАТЬЯ III

Настоящее соглашение составлено на немецком и японском языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

Дополнительный протокол к «Соглашению против Коммунистического Интернационала»

При подписании соглашения против Коммунистического Интернационала полномочные представители договорились о нижеследующем:

- а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности Коммунистического Интернационала, а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью Коммунистического Интернационала;
- б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического Интернационала или содействующих его подрывной деятельности;
- в) в целях облегчения указанного в пункте «а» сотрудничества между компетентными органами обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности Коммунистического Интернационала.

Из секретного дополнительного соглашения к «Соглашению против Коммунистического Интернационала»

СТАТЬЯ I (...)

В случае, если одна из высоких договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая высокая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации высокие договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

СТАТЬЯ II

Высокие договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

СТАТЬЯ III

Настоящее соглашение составлено на немецком и японском языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Оно вступает в силу одновременно с соглашением против Коммунистического Интернационала и имеет одинаковый с ним срок действия. (...)

*Akten zur Deutschen Auswartigen Politik. 1918–1945. (Далее: ADAP).
Ser. C.: Das Dritte Reich: Die Ersten Jahren 1933–1937. Gottingen, 1973–1975. Bd. VI. 1. S.114–116.*

Директива верховного командования Вермахта № 1, 11 марта 1938 г. (о вторжении в Австрию)

1. Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением.
2. Командование всей операцией в целом я принимаю на себя (...)

3. Задачи:
- а) Сухопутным войскам:
Вступить на территорию Австрии в соответствии с представленным мне планом. Ближайшая задача сухопутных войск — оккупировать Верхнюю Австрию, Зальцбург, Нижнюю Австрию, Тироль, быстро овладеть Веной и выставить заслон на австрийско-чешской границе.
 - б) Военно-воздушным силам:
Вести демонстративные действия и сбрасывать пропагандистские материалы; овладеть австрийскими аэродромами для возможного приема дополнительных сил; оказывать необходимую поддержку сухопутным войскам соответственно их запросам, а также держать боевые соединения в готовности к выполнению особых задач.
4. Выделенным для операции соединениям сухопутных войск и военно-воздушных сил находиться в походной и боевой готовности не позднее 12.00 12 марта 1938 г. Право разрешить переход и перелет через границу, а также назначить соответствующие сроки для этого я оставляю за собой.
 5. Войскам действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия. Переходящие на нашу сторону австрийские соединения немедленно принимать под немецкое командование.
 6. На границах Германии с другими государствами никаких оборонных мер до особого распоряжения не принимать.
- Адольф Гитлер

*Nuremberg. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal:
Nuremberg, 14 Nov. 1945 — 1 Oct. 1946: Official Text. (Далее: IMT).
Nuremberg, 1947. Vol. XXIV. P. 336–337.*

Из текста телеграммы премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена посланнику Чехословакии в Великобритании с изложением годесбергского меморандума Гитлера, 22 сентября 1938 г.¹⁰

(...) Годесберг, 22 сентября 1938 г.

Сообщения, поступающие ежечасно и во все возрастающем количестве относительно инцидентов в Судетской области, показывают, что сложившееся там положение стало абсолютно невыносимым для судетских немцев и, следовательно, представляет собой угрозу для мира в Европе. Поэтому необходимо, чтобы отделение Судетской области, на которое согласилась Чехословакия, было осуществлено теперь без дальнейшего промедления. На прилагаемой карте судето-немецкая территория, подлежащая отделению, окрашена в красный цвет. Районы, в которых, помимо территорий, подлежащих оккупации, должен быть еще проведен плебисцит, окрашены в зеленый цвет...

... В целях обеспечения немедленного и окончательного решения судето-немецкой проблемы германское правительство предлагает следующее:

1. Вывести все чешские вооруженные силы, полицию, жандармерию, а также таможенных чиновников и пограничную охрану с территории, подлежащей эвакуации, как она обозначена на прилагаемой карте. Эта территория должна быть передана Германии 1 октября.
2. Эвакуированная территория должна быть передана в ее нынешнем состоянии. Германское правительство согласно на прикомандирование к штабу германских вооруженных сил полномочного представителя чешского правительства или чешской армии для урегулирования частных вопросов эвакуации.
3. Чешское правительство немедленно увольняет всех судетских немцев, служащих в вооруженных силах и в полиции по всей чешской государственной территории, и позволяет им вернуться домой.
4. Чешское правительство освобождает всех политических заключенных немецкого происхождения.

Годесберг, 23 сентября 1938 г.

¹⁰ В данной телеграмме Н. Чемберлен излагал содержание т.н. годесбергского меморандума, врученного ему А. Гитлером во время их личной встречи в резиденции германского канцлера. Посланником Чехословакии в Великобритании на то время являлся Я. Масарик.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эвакуированная судето-немецкая территория должны быть передана без каких-либо разрушений или приведения в негодность любым путем военных, хозяйственных или транспортных предприятий, включая наземные службы воздушного транспорта и все радиостанции...

Премьер-министр выражает надежду, что любой ответ чехословацкого правительства на германский меморандум будет передан через него. Если бы чехословацкое правительство сочло возможным и пожелало направить своего представителя в Лондон для обсуждения данного вопроса, мы были бы весьма счастливы принять его, предпочтительно в понедельник.¹¹

Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1938 М. 1979, С. 288–291.

Из ноты посланника Чехословакии в Великобритании премьер-министру Великобритании, 25 сентября 1938 г.

Лондон, 25 сентября 1938 г.

(...) Мое правительство уже изучило этот документ и карту. Это действительно ультиматум, который предъявляется побежденной нации, а не предложение суверенному государству, проявившего максимально возможную готовность принести жертвы в интересах мира в Европе. Правительство г-на Гитлера до сих пор не продемонстрировало ни малейших признаков подобной готовности к жертвам. Мое правительство крайне удивлено содержанием меморандума. Его предложения идут значительно дальше того, на что мы согласились в так называемом англо-французском плане. Они лишают нас всякой гарантии нашего национального существования. Мы должны уступить значительную часть наших тщательно подготовленных оборонительных укреплений и пустить германские войска в глубь территории нашей страны раньше, чем сможем создать такие укрепления на новой основе или провести мероприятия по их защите. Наша национальная и экономическая независимость с принятием плана г-на Гитлера автоматически перестанет существовать. Процесс перемещения населения должен быть сведен к паническому бегству тех, кто не принимает германский нацистский режим. Они должны оставить свои дома, не имея права взять с собой даже личные вещи, а когда это касается крестьян, даже свою корову.

Мое правительство намерено заявить самым торжественным образом, что требования г-на Гитлера в их настоящей форме абсолютно и безусловно неприемлемы для моего правительства. Мое правительство считает необходимым этим новым и жестким требованиям оказать самое решительное сопротивление, и с помощью бога мы это сделаем. Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов.

Мы полагаемся теперь на две великие западные демократии, пожеланиям которых мы следовали часто против собственного убеждения с тем, чтобы они были с нами в час испытаний.

Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1938 М., 1979. С. 291–293.

Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией (мюнхенское соглашение), 29 сентября 1938 г.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето- немецкой области, договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.
2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений,

¹¹ Взяв на себя роль посредника между Германией и Чехословакией, британский премьер в сущности отстранил представителей последней от обсуждения вопроса отторжения от Чехословакии Судетской области.

- и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.
3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.
 4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте будут заняты германскими войсками в следующем порядке:
Зона, обозначенная цифрой I, — 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.
Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.
 5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области¹². Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.
 6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.
 7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.
 8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

А. Гитлер, Н. Чемберлен, Б. Муссолини, Э. Деладье

ДОПОЛНЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию¹³.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

А. Гитлер, Н. Чемберлен, Б. Муссолини, Э. Деладье

¹² * 15 января 1935 г. в Саарской области (в соответствии с Версальским договором управлявшейся комиссией Лиги Наций), был проведен плебисцит по вопросу принадлежности этой территории Германии или Франции. В результате плебисцита область отошла к Германии.

¹³ Польша и Венгрия еще до Мюнхена выдвинули территориальные претензии к Чехословакии. Воспользовавшись ситуацией, в которую попала Чехословакия в результате мюнхенского соглашения, они аннексировали часть ее территории (Польша — Тешинскую область — 650 кв. миль; Венгрия — Закарпатскую Украину — 7500 кв. миль). Правительство Чехословакии, капитулировав перед рейхом, уступило 1 октября 1938 г. и польским требованиям. Оно согласилось также начать переговоры с Венгрией. Территориальные претензии Венгрии к Чехословакии были удовлетворены путем «арбитража», т. е. по существу в результате диктата Германии и Италии (так называемый первый Венский арбитраж от 2 ноября 1938 г.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

А. Гитлер, Н. Чемберлен, Б. Муссолини, Э. Даладьё

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. № 100. М., 1981. С. 237–239.

Англо-германская декларация, 30 сентября 1938 г.

Мюнхен, 30 сентября 1938 г.

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом¹⁴.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

А. Гитлер

Н. Чемберлен

Документы и материалы кануна второй мировой войны.

Т. 1. № 102. М., 1981. С. 241.

Из заявления государственного секретаря США К. Хэлла на пресс-конференции, 30 сентября 1938 г.

Вашингтон, 30 сентября 1938 г.

(...) «Что касается непосредственных мирных результатов, то нет необходимости говорить, что они вызывают всеобщее чувство облегчения. Я не пытаюсь входить в существо разногласий, касающихся подписанного вчера в Мюнхене пакта четырех держав.

Можно надеяться, что в любом случае силы, которые отстаивают принципы мирных и упорядоченных международных отношений и их применение, не ослабят, а удвоят свои усилия с целью сохранения этих принципов порядка в рамках закона, опирающегося на здоровую экономическую основу».

Foreign Relations of United States. (Date: FRUS). 1938. Vol. 1. Washington. 1955. P. 705.

Из книги У. Ширера¹⁵ «Взлет и падение Третьего Рейха» о заключении мюнхенского соглашения

(...) Во втором часу ночи 30 сентября Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладьё (именно в таком порядке) поставили свои подписи под Мюнхенским соглашением, позволявшим немецкой армии вступить на территорию Чехословакии 1 октября, как и обещал Гитлер, и закончить оккупацию Судетской области к 10 октября...

Я помню этот роковой вечер — победный блеск в глазах Гитлера, спускавшегося после встречи по широким ступенькам Фюрерхауса, напыщенность Муссолини, одетого в сшитую по специальному заказу

¹⁴ Англо-германское морское соглашение было расторгнуто гитлеровской Германией 28 апреля 1939 г.

¹⁵ Ширер У. (1904–?) — известный американский историк и журналист. С 1926 по декабрь 1941 г. находился в Германии, представляя газету «Чикаго трибюн», а затем «Коламбия бродкастинг сервис». С осени 1945 г. — вновь работал в Германии. Автор ряда книг по истории второй мировой войны и нацистской Германии.

форму, позевывание Чемберлена и его состояние блаженной сонливости по возвращении в отель «Регина Палас». В тот вечер я записал в своем дневнике:

«Даладье казался сломленным и подавленным. Он заехал в „Регину“, чтобы попроситься с Чемберленом... Кто-то спросил, вернее, начал спрашивать: „Месье президент, вы удовлетворены соглашением?“ Он обернулся, словно хотел что-то ответить, но был слишком утомлен и подавлен, чтобы говорить, и предпочел уйти молча...» (...)

Чемберлен вернулся в Лондон, а Даладье — в Париж с триумфом. Размахивая заявлением, которое он подписал совместно с Гитлером, ликующий премьер-министр приветствовал толпу, запрудившую Даунинг-стрит. Выслушав возгласы «Да здравствует старый добрый Невилл!» и песню «Потому что он веселый парень», Чемберлен, улыбаясь, произнес несколько слов из окна второго этажа дома номер десять: «Друзья мои! Во второй раз в нашей истории сюда, на Даунинг-стрит, из Германии прибывает почетный мир. Я верю, что мы будем жить в мире» (...)

В Праге настроение было, естественно, совсем иным. В 6.20 утра 30 сентября германский поверенный в делах поднял с постели чешского министра иностранных дел доктора Крофту, вручил ему текст Мюнхенского соглашения и сообщил, что правительству Чехословакии надлежит к пяти вечера того же дня прислать в Берлин двух представителей на первое заседание «международной комиссии» по надзору за исполнением соглашения. У президента Бенеша, который все утро совещался во дворце Градчаны с политическим и военным руководством, не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться (...)

...Раздробленной и беззащитной стране по наущению Берлина надлежало создать пронемецкое правительство явно фашистского толка. Стало очевидно, что впредь существование Чехословакии будет всецело зависеть от вождя третьего рейха.

Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. С. 454–458

Из письма посла США в Испании К. Бауэрса бывшему послу США в Германии У. Э. Додду о результатах мюнхенского соглашения, 3 ноября 1938 г.

Сан Жоан де Люс. 3 ноября 1938 г.

Дорогой Додд!

(...) «Мюнхенский мир» за одну ночь свел Францию до положения жалкой второсортной державы, лишив ее тщательно культивировавшихся друзей и всеобщего уважения, а Англии нанес такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена засадили бы в Тауэр, а Даладье казнили на гильотине.

Я по горло сыт мифами о красной коммунистической угрозе. Могут ли даже дураки не видеть, что, начиная с 1935 г. мы находимся в гуще всемирного фашистского развития? Я внимательно следил за русскими в Лиге Наций и в Комитете по невмешательству и без колебаний скажу, что Литвинов¹⁶ является единственным министром иностранных дел, который говорит на языке элементарной честности. Коммунистическая опасность наступает нам на пятки! Но ведь именно фашистская Япония пытается сокрушить Китай с помощью оружия; фашистская Германия изнасиловала Австрию — с помощью оружия; фашистская Италия похитила Абиссинию — с помощью оружия; фашистская Германия надругалась над чехами — с помощью оружия; фашисты Германии и Италии и профашистски настроенный Чемберлен сделали то же самое с Испанией, где они все еще выступают с оружием в руках! А что сделала Россия?

Вы совершенно правы относительно фашистской опасности у нас дома. Я вижу многих американцев, которые живут здесь и в Биарице на дивиденды и являются явными фашистами.

...Я сожалею о Лиге [Наций]. Это уже не Лига Вильсона¹⁷. Она потерпела полный провал, так как стала собственностью чемберленовской Англии. Франция содействовала ее краху, но она была принуждена к этому Чемберленом, как, насколько мне известно, и в случае с Испанией...

Привет и наилучшие пожелания

Искренне Ваш Клод Бауэрс

USA. Library of Congress. Manuscript Division. Dodd's Papers. Box 56

¹⁶ Литвинов М.М. (1876–1951), гос. и парт. деятель, дипломат. С 1918 г. на дипломатической работе. В 1930–1939 гг. нарком, в 1941–1946 гг. зам. наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941–1943 гг. посол СССР в США и в 1942–1943 посланник в Республике Куба.

¹⁷ Вильсон В. (1856–1924), президент США (1912–1921). Один из инициаторов создания Лиги Наций.

Из плана германо-итальянских военных переговоров, подготовленного в штабе верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ), 26 ноября 1938 г.

1. Вид переговоров.
Начало переговорам положит министр иностранных дел, который будет поддерживать связь с начальником штаба ОКВ.
2. Основные принципы ведения переговоров.
Предусматривается не совместное ведение войны в одном районе под единым командованием, а распределение особых задач и театров военных действий для каждого государства, на котором оно должно вести войну самостоятельно.
3. Военно-политические основы ведения переговоров.
Война Германии и Италии против Франции и Англии с целью добиться прежде всего разгрома Франции. Благодаря этому понесет поражение также и Англия, потому что она утратит базу для продолжения войны на континенте и все военные средства Германии и Италии окажутся направленными против нее одной.
При этом следует ожидать строгого нейтралитета со стороны Швейцарии, Бельгии и Голландии, благожелательного нейтралитета — со стороны Венгрии и Испании; сомнительной позиции — со стороны балканских стран и Польши; враждебной настроенности против Германии и Италии — со стороны России. Страны за пределами Европы остаются вне поля зрения.
4. Распределение задач в общих чертах.
Германия: сосредоточение всех сил на суше, море и в воздухе на западном фронте.
Благодаря строгому соблюдению бельгийского и голландского нейтралитета ограничена протяженность этого фронта и, по-видимому, достигнуто такое положение, что противник также должен будет соблюдать нейтралитет этих государств.
Война на суше: массированное немецкое наступление против Франции между Мозелем и Рейном в юго-западном направлении, таким образом, чтобы восточное крыло соприкасалось с западной окраиной Вогез (прорыв через линию Мажино — возможен. Это доказано пробным обстрелом чешских укреплений, которые построены по образцу линии Мажино. В нашем распоряжении имеются современные наступательные средства и дальнобойная артиллерия под защитой собственных укреплений. Обоснование этой точки зрения нужно будет изложить более подробно в устной форме).
Война на море: борьба против английских и французских морских коммуникаций в Северном море и Атлантике. Более обстоятельно вопросы о разграничении театров войны на море и о взаимной поддержке (снабжение горючим и материалами, ремонт и т. д.) следует выяснить в ходе переговоров непосредственно между двумя флотами.
Воздушная война: одновременное ведение наступательной воздушной войны против Англии и Северной Франции. Нарушение английских морских коммуникаций во взаимодействии с военно-морским флотом.
- в) Италия
Общие положения: сохранение нейтралитета Балкан (совместная база снабжения), усиление влияния на Испанию, оккупация Балеарских островов (с целью воспрепятствовать проходу и перелету со стороны Франции). Создание угрозы английской и французской сферам влияния в Северной Африке, Египте, Палестине и на Ближнем Востоке. Активное содействие повстанческому движению в Марокко, благодаря чему должно быть достигнуто распыление сил Англии при ведении войны на море и в воздухе.
Война на суше: сковывание как можно большего числа французских войск на итальянско-альпийском фронте.
Предотвращение угрозы тылу Германии на ее восточной и юго-восточных границах посредством использования итальянских сил (совместно с Венгрией) против Польши, в том случае, если последняя займет враждебную позицию.
Наступательная война против Французской Северной Африки, захват Корсики.
Война на море: Борьба на английских и французских морских коммуникациях в Средиземном море, особенно прорыв связи по морю Франции с Северной Африкой. Подавление Гибралтара. Относительно разграничения театров ведения войны на море смотри подпункт 4а.
Война в воздухе: Ведение воздушной войны против Франции южнее линии Женевское озеро — Ла Рошель, против северо-африканских колоний и французских морских коммуникаций в Средиземном море (...)

ADAP. Ser. D. Bd. IV. S. 464.

Франко-германская декларация, 6 декабря 1938 г.

Париж. 6 декабря 1938 г.

Г-н Жорж Бонне, министр иностранных дел Французской Республики, и г-н Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха, действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.
2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.
3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям. В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую Декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.
Жорж Бонне
Иоахим Фон Риббентроп

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. № 117. М., 1981. С. 257–258.

Из воспоминаний В. Шелленберга¹⁸ о намерениях Гитлера после Мюнхенского соглашения, октябрь 1938 — март 1939 г.

[...] Уже в самом начале октября 1938 года из различных замечаний, сделанных Гейдрихом¹⁹, мне стало совершенно ясно, что Гитлер нацеливается на полное уничтожение Чехословакии и не удовлетворится значительными экономическими уступками, на которые было готово пражское правительство.

В январе 1939 года Гитлер созвал Гейдриха и других руководителей секретной службы на совещание, где отдал следующий приказ: «Внешняя политика Германии требует, чтобы Чехословацкая Республика была уничтожена в течение ближайших месяцев — если необходимо, то силой оружия. Чтобы подготовить и облегчить выступление против Чехословакии, представляется целесообразным поддерживать и стимулировать словаков в их движении за автономию. После этого Германии будет легко иметь дело с оставшейся чешской частью Республики» (...)

В марте 1939 года Гитлер решил, что настало время выступить против Чехословакии. 12 марта, ночью, два представителя германской секретной службы имели окончательный и решающий разговор с доктором Тисо²⁰. Он заявил о своей готовности провозгласить независимость Словакии под защитой Германии и 13 марта был доставлен в Берлин на самолете германской секретной службы.

Тем временем в Словакию были посланы террористические группы германской секретной службы с провокационной целью усилить напряженность в отношениях между словаками и центральным правительством.

Гитлеру удалось закончить переговоры с доктором Тисо о провозглашении словацкой автономии до прибытия в Берлин доктора Гахи, президента Чехословацкой Республики, которому во время его визита к Гитлеру было сообщено о происшедшем как о свершившемся факте.

¹⁸ Шелленберг В. (1910–1952), бригаденфюрер СС. В 1935–1939 гг. сотрудник главного управления службы безопасности (СД) Германии; в 1939–1941 гг. — помощник начальника, а в 1942–1945 гг. начальник 6 управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) В 1944–1945 гг. начальник объединенной разведки СД и абвера.

¹⁹ Гейдрих Р. (1904–1942) — обергруппенфюрер СС. В 1931 г. под руководством рейхсфюрера СС Г. Гимmlера (1900–1945) создал службу безопасности (СД), которую возглавлял до 1942 г. Казнен бойцами чешского сопротивления в 1942 г.

²⁰ Тисо Й. (1887–1947) — президент Словакии (1939 г.).

14 марта доктор Тисо провозгласил автономное Словацкое государство, а на следующий день Гитлер и Гаха подписали широко известное соглашение об учреждении протектората Великой Германии над чешским народом. Сразу же за этим последовала мирная оккупация Чехословакии германскими войсками.

Для того, чтобы первым попасть в Градчаны, древний замок в Праге, Гитлер ночью в сопровождении своего окружения и охраны СС помчался туда по обледеневшим дорогам на бешеной скорости, обгоняя по пути колонны продвигавшихся германских войск (...)

Шелленберг В. Лабиринт. Пер. с англ., М. 1991, С. 47–48.

Из воспоминаний Ш. Де Голля²¹, 1937–1938 гг.

(...) Во всех актах трагедии [1937–1938 гг.] Франция играла роль жертвы, ожидающей, когда наступит ее очередь. ...Эти события не удивляли, но чрезвычайно огорчали меня... Но главное заключалось в том, что упорство правительства в отстаивании оборонительной военной системы, в то время как немцы проявляли в Европе крайний динамизм, слепота политического режима, занятого всякими пустяками перед лицом готовой ринуться на нас Германии, глупость ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию, — все это, по сути дела, было результатом глубочайшего национального самоотречения, против которого я был бессилён. И все-таки в 1938 году, предчувствуя надвигающуюся бурю, я опубликовал книгу под названием «Франция и ее армия». В ней я показывал, как на протяжении столетий армия являлась зеркалом, в котором неизменно отражаются душа страны и ее будущее. Это было моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы (...)

Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1957. Т. 1. С. 55–56

Из обращения президента США Ф. Рузвельта к конгрессу США, 4 января 1939 г.

Вашингтон, 4 января 1939 г

(...) Войны, грозившей охватить пламенем весь мир, удалось избежать, но становится все более ясным, что мир во всем мире не обеспечен.

Повсюду вокруг нас бушуют необъявленные войны — боевые действия и экономическая борьба. Повсюду вокруг нас растет количество все более смертоносного оружия — боевого и экономического. Повсюду вокруг нас растет угроза новой агрессии — военной и экономической (...)

Мы готовы внести свою лепту в защиту нашего полушария, нашего спокойствия и наших идеалов от бурь из любого конца света... Это ни в коей мере не означает, что американские республики отделяют себя от государств на других континентах... Мы, как одна из республик, вновь подтверждаем нашу готовность помочь делу мира во всем мире (...)

Но мир стал так мал, а орудия нападения столь быстры, что ни одна страна, желающая мира, не может чувствовать себя в безопасности, если любая другая могущественная держава отказывается урегулировать разногласия за столом переговоров.

Поскольку, если любое правительство, ошестившееся орудиями войны, проводит политику силы, то лишь оборонительное оружие может обеспечить безопасность...

Мы поняли, что богобоязненные демократические народы мира, соблюдающие нерушимость договоров и добрую волю в отношениях с другими странами, не могут без опасности для себя оставаться равнодушными к международному беззаконию где бы то ни было. Они никогда не должны без эффективного выражения протеста позволять совершаться актам агрессии против других стран — актам, подрывающим безопасность нас всех.

Конечно, они должны продолжать вести практическую мирную политику. Но тот факт, что мы справедливо отказываемся от вооруженного вмешательства для предотвращения актов агрессии, не означает, что мы должны действовать как будто агрессии вообще не существует (...)

По крайней мере, мы можем и должны избегать любых действий или бездействия, способствующих зарождению, содействию или поощрению агрессии. Мы поняли, что когда мы намеренно возводим нейтралитет в закон, действие нашего законодательства о нейтралитете может быть неравноправным и несправед-

²¹ Голль Ш. Де (1890–1970), бригадный генерал (1940). В 1940 г., после германской оккупации большей части Франции, возглавил патриотическое движение «Свободная Франция». С 1941 г. председатель Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Председатель временного правительства (1944–1946), премьер-министр (1958), президент (1959–1969) Франции.

ливым, — оно может фактически предоставлять помощь агрессору и отказывать в ней жертве. Инстинкт самосохранения должен подсказать нам, что мы не должны позволять этому повториться.

И мы поняли еще кое-что — старый-старый урок — что вероятность нападения резко уменьшается при наличии обороны, находящейся в постоянной готовности (...)

The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt. 1939. N.Y., 1941. P. 1–4

Из «Оценки европейской ситуации 1939–1940», разработанной комитетом начальников штабов Великобритании для англо-французских штабных переговоров, 20 февраля 1939 г.

Лондон, 20 февраля 1939 г.

(...) Сила наступления, которое Германия сможет обрушить на Францию, окажет немалое влияние на вопрос о нашей помощи Франции на суше. В апреле 1939 г. только две дивизии и вспомогательные войска, «промежуточный контингент», будут находиться в исходном положении для отправки за границу. Эти силы все еще не будут иметь достаточного оснащения и поддержки резервами... и их непосредственная тактическая ценность будет ограниченной.

Тем не менее, моральный аспект помощи Британской империи на суше на ранней стадии не пойдет ни в какое сравнение с количеством выделенных войск, и это является вопросом, которому сами французы придадут огромное значение. Оказавшись лицом к лицу с Германией и Италией, общее население которых достигает 125 миллионов, Франция вполне может отказаться от неравной борьбы, если не получит заверений, что мы поможем ей всеми силами. Если Францию «поставят на колени», это поставит под угрозу дальнейшее ведение войны. Устанавливая роль, которую должна играть армия, кабинет в 1937 г. на первое место поставил оборону Соединенного Королевства и на последнее участие в обороне территории наших союзников. Однако трудно сказать, как обеспечить безопасность Соединенного Королевства, если Франция будет вынуждена капитулировать... Окончательное решение, конечно, может быть принято только правительством Его Величества в свете конкретных условий и с учетом возможных потребностей в британских войсках на других театрах (...)

Grand Strategy. Vol. I. Rearmament Policy. By N. A. Gibs. L., 1976, P.665.

Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Польше, 31 марта 1939 г.²²

Лондон, 31 марта 1939 г.

Как я заявил на сегодняшнем утреннем заседании, правительство Его Величества не имеет официального подтверждения слухов о каком-либо планируемом нападении на Польшу, и поэтому их нельзя принимать за достоверные.

Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы снова сделать заявление об общей политике правительства Его Величества. Оно постоянно выступает за урегулирование путем свободных переговоров между заинтересованными сторонами любых разногласий, которые могут возникнуть между ними. Оно считает, что это естественный и правильный курс в тех случаях, когда существуют разногласия. По мнению правительства, нет такого вопроса, который нельзя было бы решить мирными средствами, и оно не видит никакого оправдания для замены метода переговоров методом применения силы или угрозы применения силы.

Как палате известно, в настоящее время проводятся некоторые консультации с другими правительствами. Для того, чтобы сделать совершенно ясной позицию правительства Его Величества на то время, пока эти консультации еще не закончились, я должен теперь информировать палату о том, что в течение этого периода в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому

²² 1 апреля 1939 г. Великобритания предоставила также гарантии Греции и Румынии, а Франция — Польше, Греции и Румынии.

правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом.

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества .

Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. М., 1981. С. 62.

Резюме переговоров между военным министром Польши генералом Карпшицким и начальником генерального штаба национальной обороны Франции генералом Гамеленом, 19 мая 1939 г.

Париж, 19 мая 1939 г.

Представители верховного командования Франции и Польши, действуя в рамках решений, принятых двумя правительствами и обменявшись

- а) взглядами о силах и стратегических возможностях Германии;
 - б) данными о силах и возможностях польской армии и французской армии для проведения мобилизации и сосредоточения — пришли к заключению.
- I. В случае германской агрессии против Польши или в случае угрозы ее жизненным интересам в Данциге, которая может вызвать вооруженные акции со стороны Польши, французская армия предпримет немедленные действия различными видами вооруженных сил.
 1. Франция немедленно осуществит действия авиацией в соответствии с заранее разработанным планом.
 2. Как только часть французских сил будет готова (на третий день), Франция начнет наступление с ограниченными целями.
 3. Как только основные усилия германской армии сосредоточатся против Польши, Франция начнет наступление против Германии своими главными силами (на пятнадцатый день).
 - II. На первой фазе войны Польша будет проводить всеми своими силами оборонительные операции против германских сил, переходя к наступательным действиям, как только позволят обстоятельства, в общих условиях, согласованных между двумя командованиями.
 - III. Если главные силы Германии предпримут наступление на Францию, в частности через Бельгию или Швейцарию, что приведет к действию французских армий, польская армия предпримет усилия для отвлечения максимального количества германских сил, действуя в общих условиях, согласованных между двумя командованиями.
 - IV. В целях усиления материального потенциала польской армии представители двух верховных командований считают необходимым в общих интересах оказать немедленную материальную и финансовую помощь польскому правительству со стороны Франции. Эта помощь позволит увеличить силу польской армии и развить военную промышленность Польши для удовлетворения как потребностей польской армии, так и потребностей ее союзников на восточном театре военных действий.
 - V. Два верховных командования считают необходимым продолжить более детальные переговоры для того, чтобы развить принципы, содержащиеся в этом протоколе .

Каспршицкий

Гамелен

Bellona. Kwartalnik wojskowo-historyczny. Zeszyt II. L., Lipiec, 1958. P. 176–177.

Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, врученный послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову, 21 марта 1939 г.

Москва, 21 марта 1939 г.

Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот, и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической

независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям.

Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937–1939. Т. 2. Январь–август 1939 г. М., 1981. С. 55.

Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу, 22 марта 1939 г.

Москва, 22 марта 1939 г.

Сегодня в 20 часов заявил Сидсу следующее:

«Солидаризуемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только и Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Далее я высказал пожелание, чтобы было предложено присоединиться к декларации четырех государств не только Балканским странам, о которых говорил Галифакс²³, но также соседним с нами Финляндии и Балтийским странам, а также Скандинавским. Предупредил Сидса, что завтра дадим наш ответ в печать. Декларация может быть подписана отдельно во всех четырех столицах и вручена там английским послам.

Нарком

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 56.

Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля²⁴ по вопросу сроков нападения на Польшу (План «Вайс»), 3 апреля 1939 г.

Содержание: распоряжение для вооруженных сил на период 1939–1940 гг.

Распоряжение для вооруженных сил о единой подготовке военных действий на период 1939–1940 гг. перерабатывается.

Часть I («Обеспечение границы») и часть III («Данциг») будут разосланы в середине апреля. Они в основном остаются неизменными.

Часть II (план «Вайс») содержится в приложении. Подпись фюрера будет получена позднее.

Относительно плана «Вайс» фюрер распорядился о следующем:

1. Разработка плана должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.
2. На верховное главнокомандование вооруженных сил возлагается задача разработать точную таблицу взаимодействия по плану «Вайс» и обеспечить взаимодействие во времени между тремя видами вооруженных сил.
3. Свои соображения и материалы для таблиц взаимодействия командующие видами вооруженных сил должны представить верховному главнокомандованию вооруженных сил к 1 мая 1939 г.

Кейтель

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971. С. 301.

²³ Галифакс лорд (Эдуард Фредерик Линдли Вуд) (1881–1959) — министр иностранных дел Великобритании в марте 1938 — декабре 1940 г. Посол Великобритании в США в 1941–1946 гг.

²⁴ Кейтель В. (1882–1946), генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). В 1938–1945 — начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Выдержки из выступления У. Черчилля в палате общин британского парламента, 19 мая 1939 г.

(...) Я никак не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством?²⁵

Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз мог бы распространить свои преимущества на другие страны, если они их пожелают и, когда они выразят такое желание. Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Я не вижу, что в этом предосудительного. Что плохого в этом простом предложении? Говорят: «Можно ли доверять русскому Советскому правительству?» Думаю, что в Москве говорят: «Можем ли мы доверять Чемберлену?» Мы можем сказать, я надеюсь, что на оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Я искренне надеюсь на это.

Churchill W. The Second World War. Vol. 1. L., 1948. P. 362.

Из «Пакта о дружбе и союзе» («Стальной пакт») между Германией и Италией, 22 мая 1939 г.

Берлин 22 мая 1939 г.

СТАТЬЯ I

Договаривающиеся стороны будут постоянно поддерживать друг с другом контакты с целью согласования своих позиций по всем вопросам, касающимся их совместных интересов или общего положения в Европе.

СТАТЬЯ II

В том случае, если какие-либо международные события будут угрожать совместным интересам договаривающихся сторон, то они безотлагательно приступят к консультациям о принятии мер по защите этих интересов.

Если безопасность или иные жизненные интересы одной из договаривающихся сторон подвергнутся угрозе извне, то другая договаривающаяся сторона окажет ей полную политическую и дипломатическую поддержку с целью ликвидации этой угрозы.

СТАТЬЯ III

Если вопреки желанию и надежде договаривающихся сторон обстоятельства сложатся таким образом, что одна из них окажется в состоянии войны с одним или несколькими другими государствами, то другая договаривающаяся сторона немедленно выступит на ее стороне в качестве союзника и окажет ей поддержку всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе.

СТАТЬЯ IV

Для того, чтобы обеспечить быстрое выполнение взятых на себя в III-й статье союзных обязательств, правительства обеих договаривающихся сторон будут и далее углублять свое военное и военно-экономическое сотрудничество.

Равным образом оба правительства будут проводить текущие консультации и по другим вопросам, касающимся мероприятий, необходимых для практического осуществления положений этого пакта.

Оба правительства для достижения указанных в первом и втором абзацах целей создадут постоянные комиссии, которые будут находиться в подчинении и под руководством их министров иностранных дел .

²⁵ 17 апреля 1939 г. советское правительство выступило с предложением о заключении между СССР, Англией и Францией договора «о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такие же обязательства в аналогичном случае три державы брали бы на себя и в отношении государств, «расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР». Англия и Франция выдвинули к СССР встречные предложения: если бы они «оказались в состоянии войны с Германией» оказать помощь им и тем странам, которым Англия и Франция дали свои гарантии. После этого начались переговоры представителей дипломатических ведомств трех стран. Одновременно с ними, в августе 1939 г., в Москве начались англо-франко-советские военные переговоры (см. также № 47, 52).

СТАТЬЯ V

Договаривающиеся стороны уже сейчас обязуются в случае совместного ведения войны заключать перемирие или мир только при наличии полного согласия друг с другом в этом вопросе.

СТАТЬЯ VI

Обе договаривающиеся стороны сознают то значение, которое имеют их совместные отношения с дружественными государствами. Они полны решимости совместно развивать и поддерживать эти отношения на основе связывающей их с такими государствами общности интересов.

СТАТЬЯ VIII

Этот пакт вступает в силу одновременно с его подписанием. Обе договаривающиеся стороны согласились, что первый период его действия составит 10 лет. Заблаговременно до истечения этого срока они договорятся о продлении действия пакта (...)

ADAP. Ser.D. Bd.VI. S. 467–468.

Из записи совещания А. Гитлера с командованием вермахта, 23 мая 1939 г.

Берлин, 23 мая 1939 г.

(...) **Предмет обсуждения:** сообщение о положении и о целях политики.

Фюрер указывает цели совещания:

- 1) фактический ход развития с 1933 по 1939 год;
- 2) неизменная на длительное время ситуация, в которой находится Германия.

За период 1933–1939 годов достигнут прогресс во всех областях. Наше военное положение в огромной степени улучшилось.

Жизненное пространство, соразмерное величине государства, является основой любого могущества. Некоторое время этим можно пренебрегать, но в дальнейшем разрешение проблемы так или иначе делается неизбежным. Остается выбор между подъемом и упадком. На протяжении 15 или 20 лет решение поневоле станет для нас необходимым. Дольше никакое германское государство уклоняться от этого вопроса не может.

В настоящее время мы переживаем подъем национального духа, выражающего общность мировоззрения двумя другими государствами: Италией и Японией.

Истекшее время использовано хорошо. Все шаги были последовательно направлены к цели.

Спустя шесть лет положение таково:

Национально-политическое объединение немцев, за незначительными исключениями, свершилось. Дальнейшие успехи могут быть достигнуты более без кровопролития.

Установление границ имеет важное военное значение.

Поляки не представляют собой дополнительного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников. Несмотря на пакт о дружбе²⁶, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любой случай.

Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке и об обеспечении продовольствием, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение возможно только из тех областей, которые мало заселены.

Проблема «Польша» неотделима от столкновения с Западом.

Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому Польша — тоже сомнительный барьер против России.

Нажим со стороны России польскому режиму не выдержать. В победе Германии над Западом Польша видит для себя опасность и постарается нас этой победы лишить.

Таким образом, вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение: при первом же подходящем случае напасть на Польшу.

О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение.

Поэтому отдачу окончательного приказа о нанесении удара фюрер оставляет за собой. Одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя.

Накануне. 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну.

Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 209–210

²⁶ Имеется в виду германо-польский пакт о ненападении, заключенный в 1934 г.

Из меморандума сотрудника министерства иностранных дел Германии А. Тротт Фон Зольца о беседе с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом по вопросу мирного урегулирования вопросов между двумя государствами, июнь 1939 г.²⁷

(...) В среду (8 июня) мне также удалось побеседовать с самим премьер-министром... Встреча получилась самым естественным образом. Тем не менее, я подчеркнул, что в Англии я нахожусь как абсолютно частное лицо, но что я буду рад обрисовать ему чувства простого немца, в качестве которого я и нахожусь перед ним.

На это он сказал, что чувства простых немцев не так уж неизвестны ему, поскольку он получает от них много писем. Сразу после Мюнхена он получал из Германии благодарные и оптимистические послания, но сейчас получает лишь злые обвинения и упреки в стремлении окружить Германию (...)

Я повторил то, что говорил лорду Галифаксу, особенно о «гарантиях» Польше и ожесточении против Британии, которое вызвал этот шаг у германского народа.

Он сказал, здесь я цитирую: «Вы что, считаете что я с радостью принимаю эти обязательства? Герр Гитлер заставляет меня делать это». Мы заставили Британию занять оборонительную позицию нашей оккупацией Чехии и теперь британский народ рассматривает любую уступку как капитуляцию перед агрессором, вызванную слабостью (...)

После Мюнхена он вновь и вновь пытался предотвратить возникновение такого кризиса. Но его усилия были отвергнуты Германией (...)

В глубине души он все еще желает мирного урегулирования с Германией. С того самого дня, как он пришел к власти, отстаивал идею о том, что европейские проблемы могут быть решены лишь на линии Берлин-Лондон. Напротив, его нынешние меры, как он приблизительно выразился, являются страховкой на случай необходимости, и об их совместимости с германо-британским урегулированием он никогда не забывал.

Сегодня спорный вопрос между Британией и нами заключается в том, что в Праге Германия перешла к «уничтожению» других народов, и из-за этого все соседи Германии охвачены чем-то вроде психоза самообороны. Если Германия сможет восстановить доверие к себе в этом отношении, он снова сможет отстаивать политику «прохождения половины пути нам на встречу», как он пытался делать после Мюнхена.

DGFP. Ser. D. Vol. VI. Wash., 1956. P. 678–682 (Documents of German Foreign Policy — ? DGFP)

Из записи бесед германского представителя Х. Вольтата с британскими официальными лицами Х. Вильсоном, Ш. Боллом и Р. Хадсоном²⁸ (Программа германо-английского сотрудничества), 24 июля 1939 г.²⁹

Лондон, 24 июля 1939 г.

(...) Сэр Хорас [Вильсон] в очень приятных выражениях сказал мне, что хотел бы по-дружески поговорить со мной как со своим коллегой.

Мы оба, заявил он, заинтересованы в том, чтобы какие-либо не поддающиеся контролю факторы, вытекающие из мощного процесса нарастания сил, не привели к военному столкновению, которое переросло

²⁷ Во время неофициального визита в Англию с 1 по 8 июня 1939 г. А.Тротт фон Зольц, провел беседы не только с Н. Чемберленом, но и с другими политическими деятелями Великобритании, в т.ч. с министром иностранных дел Э. Галифаксом

²⁸ Вольтат Х. — сотрудник ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии; Вильсон Х. — главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности; Болл Ш. — член консервативной партии Великобритании; Хадсон Р. — министр внешней торговли Великобритании

²⁹ Встреча проходила в кабинете Вильсона на Даунинг Стрит, который находился вблизи кабинета премьер-министра. В ходе переговоров Вольтату было сделано предложение получить подтверждение изложенных главным экономическим советником правительства идей премьер-министра, однако германский эмиссар отказался из-за отсутствия полномочий на ведение официальных переговоров.

бы масштабы вопроса о Восточной Европе и вылилось бы в новое принципиальное столкновение между группами, руководимыми Германией и Англией. Мы оба придерживаемся интересов наших правительств, которые заключаются в том, чтобы были сохранены установившиеся формы правления, и чтобы современная цивилизация не оказалась ввергнутой в величайший кризис вследствие такого столкновения...

Сэр Хорас, вероятно, подготовил для нашей беседы меморандум, который он велел принести своему секретарю и который начинался словами: «Предполагая, что... Этот меморандум, очевидно, содержал одобренные Невилем Чемберленом пункты, которые подлежали обсуждению между германским и английским правительствами. Эти пункты были выставлены им в качестве предмета переговоров в связи с речью фюрера от 28 апреля.

Сэр Хорас придерживается мнения, что переговоры следует проводить тайно. Пока переговоры должны проходить только между Англией и Германией; Францию и Италию следует привлечь лишь позднее. Оба правительства могли бы договориться о том, чтобы в известный момент информировать дружественные державы. Сэр Хорас заявил, что Великобритания желает говорить с Германией как с равноправным партнером. В ходе переговоров следовало бы установить контакт между самыми высокопоставленными лицами. Кроме того, в англо-германских соглашениях и заявлениях следует всячески выразить волю к сотрудничеству. Результатом переговоров должны явиться соглашения, в которых будут изложены основные линии совместной англо-германской политики, которые необходимо будет разработать в отдельных договорах в процессе осуществления дальнейшего постоянного сотрудничества.

Сэр Хорас сказал, что если я интересуюсь конкретной формулировкой позиции английского правительства, то он может обещать, что уже сегодня или завтра мне будет изложено ответственное заявление премьер-министра. Конечно, важно решить, какой путь окажется наилучшим для таких переговоров. Как полагают англичане, не следует допускать, чтобы о переговорах узнали лица, которые в принципе враждебно относятся к установлению взаимопонимания. В данной ситуации речь может идти не о политическом маневре, а об осуществлении одной из самых крупных политических комбинаций, о которых вообще только можно подумать. Все же английское правительство не хотело бы создать впечатление, будто оно при всех обстоятельствах стремится к переговорам. Если никакое иное решение невозможно, то Англия и Британская империя готовы в настоящее время к военному столкновению и встретят его исполненные решимости. Учитывая образ мышления в некоторых кругах, он считает до чрезвычайности важным, чтобы не возникло ложного впечатления ни о готовности Англии к миру, ни о ее готовности к войне.

ПРОГРАММА ГЕРМАНО-АНГЛИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (Сэр Хорас В.)

А. Политические вопросы

1. Совместное германо-английское заявление о том, что обе страны не будут прибегать к нападению с применением силы как к средству международной политики (...)
2. Заявление о взаимном невмешательстве Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии.
Я подчеркнул, что в данном случае речь идет не только о границах государств и владений, но и о территориях, являющихся сферами особых интересов и экономического влияния. Что касается Германии, то для нее это, в частности, распространяется на Восточную и Юго-Восточную Европу. Сэр Хорас ответил, что этот пункт нуждается в особо тщательной политической формулировке и что политическое определение, вероятно, лучше всего сделать после изучения экономических интересов Германии. Англия заинтересована только в том, чтобы сохранить свое участие в европейских делах. Примечание: С помощью принципиальных заявлений, указанных в п.1 и п. 2, англичане, видимо, хотят создать новую платформу для рассмотрения вопросов, возникающих между Германией и Польшей. После установления взаимопонимания на широкой основе между Германией и Англией для последней вопрос о Данциге играл бы уже второстепенную роль.
3. Колониальный вопрос и мандаты. Германо-английское заявление о принципиальном пересмотре соответствующих положений Версальского договора (...)

Б. Военные вопросы

Германо-английское заявление об ограничении вооружений и совместной политике по отношению к третьим странам (...)

В. Экономические вопросы

1. Германо-английское заявление о совместной политике в области снабжения обеих стран сырьем и продовольствием и соглашение о вывозе германской и английской промышленной продукции на главные рынки (...)

Планомерное германо-английское сотрудничество распространялось бы прежде всего на экономическое развитие трех крупных рынков:

Британская империя (в частности, Индия, Южная Африка, Канада, Австралия);

Китай (в сотрудничестве с Японией);

Россия (в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом) (...)

2. Колониальные вопросы.

В связи с германо-английским экономическим сотрудничеством Хадсон изложил план создания колониального кондоминиума в Африке. В основу этого плана положена идея совместного освоения Африки европейскими колониальными державами (...)

Вольгат³⁰

СССР в борьбе за мир ... С. 508–515.

Совместное заявление правительства Великобритании и Японии («Соглашение Арита–Крейги»), 24 июля 1939 г.³¹

Токио, 24 июля 1939 г.

В результате переговоров, имевших место между нами, начиная с 15 июля 1939 г. было согласовано следующее заявление, которое должно быть опубликовано одновременно в Токио и Лондоне в понедельник 24 июля:

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные действия в широком масштабе, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им, или выгодные их противникам. Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей, и пользуется этой возможностью, чтобы в подтверждение своей политики в этом отношении разъяснить британским властям и британским подданным в Китае, что им следует воздерживаться от таких действий и мер.

Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937–1939. Т. 2, С. 146

Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру, 22 августа 1939 г.

Вашему Превосходительству, очевидно, известно относительно некоторых мер, предпринятых правительством Его Величества, о которых сегодня вечером было сообщено в прессе и по радио. Эти шаги, по мнению правительства Его Величества, были необходимы в связи с военными передвижениями, о которых сообщалось из Германии, а также в связи с тем, что сообщение о заключении советско-германского договора, по-видимому, было воспринято в некоторых кругах в Берлине как свидетельство того, что вмешательство Великобритании на стороне Польши более не является тем случаем, с которым нужно считаться. Это было бы самой большой ошибкой. Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло, и которое оно намерено выполнять.

³⁰ Данный документ был передан Г. Герингу и вручен последним И. фон Риббентропу. В Берлине предложения Вильсона «о широком англо-германском сотрудничестве» были восприняты как «официальный английский зондаж», направленный на заключение соглашения политического, военного и экономического характера.

³¹ Соглашение Министра иностранных дел Японии Х. Арита и английского посла в Токио Г. Крейги было заключено после длительных переговоров, начавшихся еще летом 1938 г. и проходивших в обстановке все возраставших требований со стороны Японии относительно признания своих захватов в Китае.

Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того, справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования.

Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты. Было бы опасно обольщаться тем, что если война начнется, то она быстро закончится, даже в том случае, если будет обеспечен успех на одном из нескольких фронтов.

Ясно изложив нашу позицию, я хочу повторить Вам мое убеждение в том, что война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить. Я уверен, что ни наш, ни ваш народы не желают этого. Я не считаю, что существующие разногласия между Германией и Польшей не могут быть и не должны быть разрешены без применения силы, если будет восстановлен дух доверия, это даст возможность продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время. Мы были и всегда будем готовы содействовать созданию условий, при которых такие переговоры станут возможными, и при которых были бы совместно обсуждены более широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Трудности, стоящие на пути любых мирных переговоров при существующей напряженности, вполне очевидны, и, чем дальше это напряжение будет сохраняться, тем труднее будет осуществлять разумный подход к данной проблеме.

Однако эти трудности могли бы быть уменьшены, а возможно, и устранены, если бы вначале установилась разрядка между обеими странами — а лучше сказать, между всеми сторонами, — то прекратились бы подстрекательство и полемика в прессе.

Если бы можно было добиться такого перемирия, то в конце этого периода, в течение которого могли бы быть предприняты шаги по рассмотрению и урегулированию жалоб, выдвигаемых обеими сторонами в отношении обращения с национальными меньшинствами, разумно было бы надеяться на создание соответствующих условий для ведения прямых переговоров между Германией и Польшей по имеющимся между ними спорным вопросам (при содействии нейтрального посредника и при условии, что обе стороны сочтут, что это будет способствовать успеху).

Однако я должен сказать, что надежда на успешное завершение этих переговоров была бы слабой, если бы заранее не было договоренности о том, что любое соглашение, будь оно достигнуто, получит гарантии других держав. Правительство Его Величества, если будет на то желание, готово сделать посильный вклад в дело эффективного осуществления таких гарантий.

Признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого выхода, чтобы избежать катастрофы, которая может вовлечь Европу в войну. Ввиду тех серьезных последствий для человечества, которые могут возникнуть в результате действий руководителей государств, я надеюсь, что Ваше Превосходительство с величайшим вниманием взвесит высказанные мною Вам соображения.

Н. Чемберлен

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 313–314.

Совещание Гитлера с руководством вермахта, 22 августа 1939 г.

Выступление фюрера перед командующими войсками, 22 августа 1939 г.

Я созвал вас для того, чтобы обрисовать вам политическое положение, дабы вы получили представление о тех отдельных элементах, на которых основывается мое решение действовать и тем самым укрепить ваше доверие.

Затем мы обсудим военные детали.

Мне стало ясно, что раньше или позже столкновение с Польшей должно произойти. Я принял решение еще весной, но считал, что сначала мне в ближайшие годы придется выступить против Запада, а уже потом только — против Востока. Но последовательность действий не поддается определению заранее. Закрывать глаза на угрожающее положение нельзя.

Поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада. Однако этот привлекательный для меня план оказался неосуществимым, так как изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно, что при столкновении с Западом Польша нападет на нас.

Польша стремится получить выход к морю. После занятия Мемельской области дальнейший ход событий прояснился, и мне стало ясно, что при создавшихся условиях столкновение с Польшей могло бы произойти в неблагоприятный момент. Привожу основания для этих соображений (...)

В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет.

Для нас принятие решений — дело легкое. Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. Нам не остается ничего иного, как действовать. Наши же противники рискуют многим, а выиграть могут мало. Англии придется вложить в войну невероятно много сил. Руководители у наших противников — ниже среднего уровня. Это — никакие не повелители, не люди действия.

Наряду с персональными факторами для нас благоприятна и политическая обстановка: на Средиземном море — соперничество Италии, Франции и Англии, в Восточной Азии — напряженные отношения между Японией и Англией, на Ближнем Востоке — напряженность, вызывающая тревогу всего магометанского мира (...)

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Проводившаяся мною до сих пор политика вступила в противоречие со взглядами народа. Мои предложения Польше (Данциг и коридор) были сорваны вмешательством Англии — Польша изменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности длительное время невыносимо. Допустить переход инициативы в чужие руки нельзя (...)

Сейчас вероятность того, что Запад не вмешается, еще велика. Мы должны пойти на риск с не останавливающейся ни перед чем решимостью. Политик должен брать на себя риск точно так же, как полководец. Мы стоим перед суровой альтернативой: либо нанести удар самим, либо раньше или позже наверняка оказаться уничтоженными (...)

Запад имеет только две возможности бороться против нас.

1. Блокада — но она окажется неэффективной ввиду нашей автаркии и наличия у нас вспомогательных источников на Востоке.
2. Наступление на Западе с линии Мажино — это я считаю невозможным.

Оставалась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. Я не сомневаюсь в том, что все эти государства, а также и Скандинавия будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитет этих стран не нарушат...

У противника была еще надежда, что после захвата Польши в качестве нашего противника выступит Россия. Но противник не учел моей огромной способности принимать решения. Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене... Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве.

Этим наши политические цели не исчерпываются. Начало разрушения господствующей позиции Англии положено (...).

IMT. Vol. XXVI. Doc. 798-PS. P. 338–344

Англо-польский договор о взаимопомощи и секретный протокол, 25 августа 1939 г.

Лондон, 25 августа

СТАТЬЯ I.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон будет вовлечена в военные действия против европейской державы вследствие агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, ведущей военные действия, поддержку и помощь всеми силами.

СТАТЬЯ II.

(1) Условия статьи I касаются также любой акции со стороны европейской державы, представляющей явную угрозу, прямую или косвенную, независимости одной из Договаривающихся Сторон, и имеющей такой характер, что упомянутая Сторона будет считать необходимым оказать ей сопротивление своими вооруженными силами.

(2) В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется в состоянии войны с европейской державой в результате акции этой державы, которая поставит под угрозу независимость или нейтралитет другого европейского государства, и тем самым представит явную угрозу безопасности этой Договаривающейся Стороны, положения статьи I будут применимы к этому случаю, однако, без ущерба прав упомянутого другого европейского государства[...]

СТАТЬЯ VIII.

- (1) Настоящее Соглашение будет действовать в течение пяти лет.
- (2) Если Соглашение не будет денонсировано за шесть месяцев до окончания этого срока, оно будет оставаться в силе и в дальнейшем; с этого времени каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право денонсировать его в любое время, сообщив о своем намерении за 6 месяцев предварительно.
- (3) Настоящее соглашение вступает в силу сразу после подписания.

Галифакс

Рачиньский³²

ПРОТОКОЛ

Польское правительство и правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии договорились о следующем истолковании Соглашения о взаимопомощи, подписанного сегодня, как единственно достоверном и обязательном:

- I. (а) Под выражением «европейская держава», употребляемом в Соглашении, следует понимать Германию.
- (в) В случае действий, упоминаемых в статьях I и II Соглашения, со стороны другой европейской державы, а не Германии, Договаривающиеся Стороны проведут консультации друг с другом относительно принятия совместных мер (...)

Галифакс

Рачиньский

Documents on International Affairs 1939–1946.
Vol. 1. March–September 1939. L., 1951. P. 469–471

Из директивы верховного главнокомандования вермахта о нападении на Польшу, 31 августа 1939 г.

1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирным путем положение на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой.
2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану «Вайс», учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершено стратегического сосредоточения и развертывания сухопутных войск. Распределение задач и оперативная цель остаются без изменений. День наступления — 1 сентября 1939 г. Начало наступления — 4 час. 45 мин. Это же время распространяется на операции против Гдыни и в Данцигской бухте...
4. Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задача действующих на западе войск будет состоять в том, чтобы, максимально экономя силы, создать предпосылки для победоносного завершения операций против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо нанести по возможности большой урон вооруженным силам противника и источникам его военной экономики. Приказ о начале наступления в любом случае оставляю за собой.

А. Гитлер

IMT. Vol. XXXI. Doc. 126-C

Из воспоминаний У. Черчилля о нападении Германии на Польшу и положении на западном фронте, сентябрь 1939 г.

(...) 1 сентября [1939 г.] на рассвете Германия напала на Польшу. В тот же день утром последовал приказ о мобилизации всех наших вооруженных сил. Премьер-министр [Н. Чемберлен] попросил меня посетить его вечером на Даунинг-стрит. Он сказал мне, что не видит никакой надежды на предотвращение войны с Германией и что для руководства ею предполагает создать небольшой военный кабинет в составе министров,

³² Рачиньский Э. (1891–1993) посол Польши в Великобритании в 1934–1945, одновременно в 1941–1943 исполняющий обязанности министра и министр иностранных дел польского эмигрантского правительства в Лондоне.

не возглавляющих никаких министерств... Он предложил мне войти в состав военного кабинета. Я принял его предложение без возражений, и на этой основе у нас состоялся долгий разговор о людях и планах...

Меня удивляло, что в течение всего дня 2 сентября, когда положение обострилось до крайности, Чемберлен хранил молчание. Я подумал, не предпринимается ли в последнюю минуту попытка сохранить мир, и оказался прав. Однако, когда после полудня собрался парламент, произошли короткие, но довольно бурные дебаты, во время которых нерешительное заявление премьер-министра подверглось резкой критике. Не было никакого сомнения, что палата [Палата общин] настроена в пользу войны. Мне казалось, что она была настроена более решительно и выступала более единодушно, чем в аналогичном случае 3 августа 1914 г., при котором я тоже присутствовал...

Позже я узнал, что 1 сентября в 9 часов 30 мин. вечера Англия предъявила Германии ультиматум, и что 3 сентября в 9 часов утра за ним последовал второй и последний ультиматум. В утренних передачах 3 сентября сообщалось, что премьер-министр выступит по радио в 11 часов 15 мин...

Премьер-министр сообщил по радио, что мы уже находимся в состоянии войны...

Английское правительство стало очевидцем быстрого и почти механического уничтожения более слабого государства в согласии с методами и давними планами Гитлера. Польша была открыта германскому вторжению с трех сторон. Всего армии вторжения состояли из 56 дивизий, в том числе из 9 танковых (...)

За два дня польская авиация была фактически уничтожена. За неделю германские армии вторглись вглубь Польши. Повсюду им оказывалось мужественное, но тщетное сопротивление (...)

12 сентября 14-я армия [немецкая] достигла предместий Львова и, двинувшись на север, 17 сентября соединилась с частями 3-й армии, прошедшими через Брест-Литовск. Всякая возможность бегства для смелых одиночек исключалась. 20 сентября немцы назвали битву за Вислу «одной из величайших битв всех времен на уничтожение».

Наступила очередь Советов. Вступило в действие то, что они ныне именуют «демократией». 17 сентября русские армии хлынули через почти незащищенную польскую восточную границу и покатались широким фронтом на запад (...)

Советские армии продолжали наступать к линии, договоренной с Гитлером. 29 сентября состоялось официальное подписание русско-германского договора о разделе Польши³³.

Я по-прежнему был убежден в глубоком и, на мой взгляд, непреодолимом антагонизме между Россией и Германией и цеплялся за надежду, что Советы будут перетянуты на нашу сторону силой событий... В меморандуме для военного командования, написанном 25 сентября, я холодно отметил: «Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствие с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием... Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвинуться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт... Поэтому Восточный фронт потенциально существует...» (...)

Тотчас же как разразилась война, нашу экспедиционную армию начали перебрасывать во Францию (...)

Французы смогли бы предпринять крупное наступление не ранее конца третьей недели сентября. Но к этому времени польская кампания уже закончилась. В середине октября у немцев на Западном фронте стояло 70 дивизий. Кратковременное численное превосходство французов на Западе сходило на нет. В случае наступления французов с их восточной границы они обнажали бы гораздо более важный для себя Северный фронт. Даже если бы французским армиям и удалось добиться успеха вначале, уже через месяц им стало бы чрезвычайно трудно сохранить свои завоевания на востоке, вследствие чего они оказались бы беззащитными в случае мощного немецкого контрудара на севере.

Таков ответ на вопрос: «Почему оставались пассивными, пока не была уничтожена Польша?» Это сражение было заранее проиграно, еще за несколько лет до того, как оно началось. В 1938 г. представлялась отличная возможность победы, пока еще существовала Чехословакия. В 1936 г. не могло быть сколько-нибудь серьезного сопротивления. В 1933 г. достаточно было рескрипта из Женевы, чтобы добиться бескровного подчинения. Нельзя обвинять одного только генерала Гамелена³⁴, что в 1939 г. он не пошел на возросший в огромной мере риск после всех предыдущих кризисов, перед которыми в ужасе отшатнулись французское и английское правительства (...)

*Черчилль У. Вторая мировая война.
Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991.*

³³ Имеется в виду договор о дружбе и границе, подписанный В. Молотовым и Й. Риббентропом в Москве 28 сентября 1939 г. (См. №...)

³⁴ Гамелен М.Г. (1872–1958). В 1938–1939 начальник генштаба национальной обороны. В 1939–1940 главнокомандующий французскими сухопутными силами и одновременно английскими экспедиционными войсками во Франции.

Телеграмма Риббентропа послу в Москве Шуленбургу по вопросу вступления частей Красной Армии в восточные районы Польши, 15 сентября 1939 г.

Берлин, 15 сентября 1939 — 20 час. 20 мин. Получена в Москве 16 сентября 1939 — 7 час. 15 мин. Совершенно секретно! Лично послу.

Я прошу Вас немедленно передать господину Молотову следующее:

1. Уничтожение польской армии, как это следует из обзора военного положения от 14 сентября, который уже был Вам передан, быстро завершается. Мы рассчитываем занять Варшаву в течение ближайших нескольких дней.
2. Мы уже заявили советскому правительству, что мы считаем себя связанными разграниченными сферами интересов, согласованными в Москве и стоящими обособленно от чисто военных мероприятий, что, конечно же, также распространяется и на будущее.
3. Из сообщения, сделанного Вам Молотовым 14 сентября, мы заключили, что в военном отношении советское правительство подготовлено, и что оно намерено начать свои операции уже сейчас. Мы приветствуем это. Советское правительство, таким образом, освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы. Кроме того, если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств.
4. С целью политической поддержки выступления советской армии мы предлагаем публикацию совместного коммюнике следующего содержания:
«Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, имперское правительство и правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них [Германии и СССР] естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов».
5. Предлагая подобное коммюнике, мы подразумеваем, что советское правительство уже отбросило в сторону мысль, выраженную Молотовым в предыдущей беседе с Вами, что основанием для советских действий является угроза украинскому и белорусскому населению, исходящая со стороны Германии. Указание мотива такого сорта — действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными германскими жизненными интересами. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения, представит всему миру оба государства как врагов.
6. Поскольку военные операции должны быть закончены как можно скорее в связи с наступающим временем года, мы будем благодарны, если советское правительство назначит день и час, в который его войска начнут наступление, чтобы мы, со своей стороны, могли действовать соответствующе. С целью необходимой координации военных операций обеих сторон нужно также, чтобы представители обоих правительств, а равно германские и русские офицеры, находящиеся на местах, в зонах операций, провели встречу для принятия необходимых мер, для чего мы предлагаем по воздуху собрать совещание в Белостоке.

Прошу ответить немедленно телеграфом...
Риббентроп

Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/ Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. Рабочий, 1991. — 367 с. — (Фонд правды). — С. 99–101.

Соображения верховного командования вермахта о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании и Швеции, 26 февраля 1940 г.

Докладная записка

1. Приводимые соображения основываются на той предпосылке, что. оккупация северных государств будет осуществлена на начальном этапе в следующих объемах:
 - а) Норвегия.
Оккупируется вся территория страны.
В первую очередь создаются немецкие военные базы в Осло, Арендале, Кристиансанне, Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике. [От руки добавлено:] Андалснесе.
Далее важно обеспечить работу следующих линий железных дорог:
Осло — Лиллехаммер — Тронхейм;
Нарвик — Риксгрэнсен — (Лулеа).
 - б) Дания.
[Следующая фраза зачеркнута].
Оккупация ограничивается базами Скаген и Фредериксхавн. [От руки:] Вся территория страны подвергается оккупации или берется под защиту германской империи.
Следует обеспечить работу железной дороги Шлезвиг — Ютландия — Скаген и морских путей через проливы Большой и Малый Бельт и Зунд.
 - в) Швеция.
[Обе следующие фразы трижды зачеркнуты].
Необходимо обеспечить возможность полного использования порта Лулеа и железнодорожной линии Лулеа — Нарвик.
В остальном оккупация не производится.
2. Эти соображения исходят из той предпосылки, что
 - а) Норвегия подчиняется оккупации, и дело не доходит до тяжелых боев с участием в них населения;
 - б) Дания [следующие два слова зачеркнуты] и Швеция соглашаются с немецкими требованиями относительно обеспечения транспортной связи между Германией и Норвегией и сохраняют в период оккупации лояльную позицию.
В случае, если эти страны будут создавать трудности или оказывать сопротивление, то возникнет потребность в расширении масштаба военных мероприятий. Отсюда вытекают и дальнейшие выводы, касающиеся политической и административной области.
3. Оккупация Норвегии и [следующие в тексте три слова зачеркнуты и заменены словом «Дания»] северной оконечности Ютландии и установление таким образом военного контроля Германии над Скагерраком и западным побережьем Скандинавии будет иметь своим следствием установление полной блокады стран Северного и Балтийского морей со стороны Англии. Вследствие этого прекратится ведущаяся по морю в направлении запада внешняя торговля этих государств. Поставки продовольствия и сырья с этого направления прекратятся.
Таким образом, государства, лежащие в районе Северного и Балтийского морей, полностью лягут бременем на европейский континентальный экономический район. Снабжение их необходимо по меньшей мере в таких пределах, чтобы объем их поставок стратегических товаров Германии сохранился и по возможности был бы увеличен. Однако само снабжение их должно ложиться на империю возможно меньшим бременем. Из этого вытекает необходимость планомерного включения северных и балтийских государств в континентальную европейскую экономическую систему под германским руководством. Решающую роль будет играть здесь проблема транспорта.
Изучение всего этого вопроса в комплексе — без ссылки на планируемую операцию — возложено на управление военной экономики и военной промышленности.
4. Проекты общего направления политических, административных и экономических мероприятий прилагаются при сем по трем странам отдельно...

*Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма.
М., 1973. Т. 1. С. 409–410*

Из записки главнокомандующего объединенными сухопутными силами Франции и Великобритании генерала Гамелена председателю совета министров Франции П. Рейно³⁵, 22 марта 1940 г.

Выступление союзников против русских нефтяных районов на Кавказе³⁶ имеет целью: либо лишить Германию нефти, которую она получает с Кавказа; либо лишить Россию сырья, необходимого для ее экономики, и тем самым поколебать мощь Советского государства. Одновременно этим наносится удар по Германии, так как прекращается снабжение ее русским горючим.

Для достижения этой цели предлагается:

атаковать на Черном море танкеры, направляющиеся в Германию;
атаковать основные центры нефтедобывающей промышленности на Кавказе;
спровоцировать волнения среди мусульманского населения на Кавказе (...)

Заключение

1. *Перехват судов, перевозящих нефть по Черному морю с Кавказа в Германию, представляет лишь ограниченный интерес в связи с незначительным количеством нефти, вывозимой Германией из России, по сравнению со всем объемом нефти, потребляемой Третьим рейхом.*
2. Напротив, действия, направленные на уничтожение русской нефтедобывающей промышленности, представляют большой интерес для союзников. Эти действия позволяют нанести чувствительный, если не решающий, удар по советской экономике и военной мощи. Предполагается, что затруднения эти в течение нескольких месяцев спустя после нападения увеличатся настолько, что страна подвергнется риску полного разгрома. Как только это произойдет, Германия предстанет перед фактом прекращения поступления нефти с Востока и вынуждена будет довольствоваться тем, что она получает из скандинавских и Балканских стран — последнего ее экономического источника, благодаря которому она еще сможет противостоять блокаде. Это будет уже последней ее надеждой.
3. *Военные действия против нефтяных районов Кавказа либо приобретут политический характер, имея целью вызов волнений мусульманских народностей на Кавказе, либо явятся просто военной операцией, направленной против наиболее важных центров русской нефтяной промышленности.*

*Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.
Т. I. Кн. 1. М., 1995. С. 374–377.*

Из письма Гитлера Муссолини, 25 мая 1940 г.

Дуче!

С момента моего последнего письма к вам прошли дни, наполненные большим историческим содержанием. Я ничего не писал вам пока об этом, потому что столь важные решения и мероприятия, которые сегодня стали реальностью, всегда таят в себе опасность неудачи. Но отныне эта опасность окончательно устранена. Число пехотных соединений, устремившихся в брешь, пробитую танковыми, моторизованными дивизиями, увеличилось настолько — и оно продолжает ежечасно расти, — что любая попытка англо-французского руководства изменить судьбу приведет лишь к новым еще более тяжелым поражениям³⁷. Прежде чем отдать приказ об окончательном прорыве в направлении пролива Па-де-Кале, я был убежден, что даже в случае отвода и отхода отдельных англо-французских частей все же должна наступить пауза в нашем продвижении вперед. В течение двух дней, которые мы смогли в результате этого выиграть, удалось привести в порядок зачастую настолько страшно разрушенные дороги, что теперь благодаря созданию крупных транспортных

³⁵ Рейно П. (1878–1966) — французский политический деятель, председатель Совета министров Франции с 21.03 по 16.06.1940 г.

³⁶ Штабы англо-французских союзников зимой-весной 1939/40 г. прорабатывали планы нанесения удара по Советскому Союзу, который по их мнению проводил политику в интересах нацистской Германии. Однако эти планы не были реализованы.

³⁷ Немецкие войска прорвали фронт союзников к северу от линии «Мажино», начав 10 мая 1940 г. наступление через территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга

групп нам не угрожают какие-либо трудности в подвозе. Удалось также вновь подтянуть к вырвавшимся вперед танковым и моторизованным соединениям пехотные дивизии, следовавшие за ними форсированным маршем. В настоящий момент фронт на юге прикрыт мощными силами, а на севере мы уже миновали Кале. Сегодня утром все армии вновь переходят в наступление против противника, сила сопротивления которого начинает ослабевать. На территории, окруженной в настоящее время, находятся:

- 1) 20 бельгийских дивизий, либо их остатки;
- 2) 13–14 английских дивизий, либо также их остатки;
- 3) По меньшей мере 28 французских дивизий первой линии, по меньшей мере 10, но возможно и больше, французских дивизий резерва.

Таким образом это означает, что объединенные голландско-бельгийско-франко-английские силы вместе взятые утратят в ближайшие дни примерно 60% своего общего состава. Что касается английских войск, то на континенте южнее нашего окружения осталось наряду с плохо обученными резервами, по-видимому, меньше двух дивизий. А французских дивизий осталось максимум 60, большая часть которых уже очень сильно потрепана. Против этих максимум 60 дивизий, которыми в настоящее время располагает еще Франция и Англия и часть которых скована на сохранившемся фронте либо на линии Мажино и в Альпах, в ближайшее время развернется немецкая ударная группировка в составе около 165 дивизий.

Достигнуто полное превосходство в воздухе над французской авиацией, а по отношению к английской авиации оно обеспечено настолько, что континент в любой момент прикрыт от ударов английских военно-воздушных сил.

Невозможно сказать, сколь долго продлится сопротивление окруженных союзных войск. Подтянутые основные силы тяжелой и сверхтяжелой артиллерии, подвоз достаточного количества боеприпасов, а также введение в бой свежих пехотных дивизий позволят отныне перейти на этом фронте к самым беспощадным действиям. Очевидно, этот фронт рухнет в ближайшие дни под мощными ударами переходящих в настоящее время в наступление войск [...].

*Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма.
М., 1973. Т. 1. С. 606–607*

Из воспоминаний У. Черчилля об эвакуации союзников из Дюнкерка, 26 мая — 4 июня 1940 г.

(...) С момента образования правительства я, за отдельными исключениями, не видел многих моих коллег вне военного кабинета и считал целесообразным созвать в моем кабинете в палате общин заседание всех министров, не входивших в состав военного кабинета. Нас собралось, пожалуй, человек 25. Я охарактеризовал ход событий и ясно показал им, каково наше положение и все, что поставлено на карту. Затем я совершенно непреднамеренно и не придавая особого значения этим словам заметил: «Конечно, мы будем продолжать сражаться, независимо от того, что произойдет в Дюнкерке».

Мое заявление вызвало бурную реакцию, которая, учитывая состав присутствовавших на заседании 25-ти опытных политических и парламентских деятелей, представлявших до войны различные точки зрения, будь они правильные или неправильные, — поразила меня. Многие из них, вскочив со своих мест, подбежали ко мне с возгласами похвалы по моему адресу. Нет никакого сомнения, что, если бы я в этот момент проявил колебания в руководстве страной, меня вышвырнули бы из правительства. Я был уверен, что каждый министр готов скорее быть убитым и потерять всю свою семью и имущество, чем сдаться. В этом отношении они представляли палату общин и почти весь народ. В предстоявшие дни и месяцы на мою долю выпало выразить в соответствующих случаях их настроения. Я был в состоянии это делать потому, что таковы же были и мои настроения. Весь наш остров был охвачен грандиозным порывом.

Об эвакуации английской и французской армий из Дюнкерка написаны обстоятельные и превосходные отчеты. Начиная с 20 мая под контролем адмирала Рамсея, командовавшего в Дувре, происходило сосредоточение кораблей и мелких судов. Вечером 26 мая (в 6 часов 57 минут) по сигналу военно-морского министерства началась операция «Динамо», и в ту же ночь в Англию были доставлены первые войска. После потери Булони и Кале в наших руках находилась только часть порта Дюнкерка и открытого побережья вблизи бельгийской границы. В то время предполагали, что мы сможем спасти за два дня максимум 45 тысяч человек. Рано утром следующего дня, 27 мая, были приняты чрезвычайные меры, чтобы найти дополнительное количество мелких судов «для специальных заданий». Под этим подразумевалась ни более ни менее как полная эвакуация английской экспедиционной армии. Было ясно, что для действий у побережья потребуется большое количество таких судов в дополнение к более крупным кораблям, которые могли грузиться в Дюнкеркской гавани. По предложению Х. С. Риггса из министерства судоходства различные лодочные пристани от Теддингтона до

Брайтлигси были обследованы офицерами военно-морского министерства; это дало свыше 40 находившихся в годном состоянии моторных лодок и баркасов, которые на следующий день были собраны в Ширнесе. В то же время были мобилизованы спасательные лодки с океанских пассажирских пароходов в лондонских доках, буксиры с Темзы, яхты, рыболовные суда, лихтеры, баржи и пассажирские катера — словом, все, что могло быть использовано вдоль побережья. К ночи 27 мая великое множество мелких судов вышло в море, сначала в наши порты в проливе, а затем к побережью Дюнкерка и к нашей любимой армии.

Военно-морское министерство не колеблясь предоставило полную свободу стихийному движению, охватившему моряков, проживавших на нашем южном и юго-восточном побережье. Каждый владелец судна любого типа, парового или парусного, выходил в море и направлялся в Дюнкерк; приготовления, к счастью, начатым неделей ранее, сейчас помогала блестящая импровизация добровольцев, достигавшая замечательного размаха. 29 мая прибыло мало судов, но они были предвестниками примерно 400 мелких судов, которым с 31 мая было суждено сыграть исключительно важную роль в перевозке почти 100 тысяч человек от побережья до кораблей, стоявших на якоре. В общей сложности в спасении армии под непрерывной неприятельской воздушной бомбардировкой участвовало около 860 судов, из которых почти 700 были английские, а остальные принадлежали союзникам.

Тем временем занятие плацдарма вокруг Дюнкерка проводилось с большой точностью. Войска прибывали из хаоса и располагались вдоль укреплений, которые даже возросли за эти два дня (...)

31 мая и 1 июня наступил кульминационный момент, хотя это не был еще конец Дюнкерка. В эти два дня в Англию было благополучно доставлено свыше 132 тысяч человек, причем примерно одна треть была вывезена с побережья на небольших судах в условиях ожесточенных воздушных налетов и артиллерийского огня. 1 июня, начиная с самого рассвета, неприятельские бомбардировщики напрягали все усилия, зачастую приуроченные к тому моменту, когда наши истребители улетали для пополнения горючим. Эти налеты влекли за собой большие потери среди сгрудившихся судов, и они пострадали не меньше, чем за всю предыдущую неделю. Только в этот день наши потери от воздушных налетов, мин, торпедных катеров и от других злополучных причин составили 31 потопленное судно и 11 поврежденных судов.

Конечная фаза была завершена с большим искусством и точностью. Впервые оказалось возможным составлять планы на ближайший отрезок времени вместо того, чтобы полагаться на ежечасные импровизации. На рассвете 2 июня со значительными французскими войсками, удерживавшими сужавшийся участок обороны Дюнкерка, оставалось примерно 4 тысячи англичан с 7 зенитными орудиями и 12 противотанковыми пушками.

Теперь эвакуация была возможна только в темноте, и адмирал Рамсей решил сделать в эту ночь массивную высадку в гавань всеми имеющимися в его распоряжении ресурсами. Помимо буксира и мелких судов, в этот вечер из Англии были отправлены 44 корабля, включая 11 эсминцев и 14 минных тральщиков. Участвовали также 40 французских и бельгийских судов. Английский арьергард был посажен на суда до полуночи.

Однако это не означало конца дюнкеркской истории. Мы готовы были в ту ночь погрузить значительно большее количество французов, чем они сами это предлагали. В результате, когда нашим кораблям, многие из которых были еще пустые, пришлось сняться с якоря на рассвете, большое количество французских войск, значительная часть которых находилась в соприкосновении с противником, осталось на берегу. Необходимо было предпринять еще одно усилие. Команды кораблей, несмотря на изнеможение после много-суточного напряжения без отдыха и передышки, откликнулись на призыв. 4 июня в Англию было высажено 26 175 французов, причем свыше 21 тысячи прибыли на английских кораблях и судах (...)

Наконец в 2 часа 23 минуты пополудни в этот день военно-морское министерство в согласии с французами объявило, что операция «Динамо» сейчас завершена. К сожалению, на берегу осталось несколько тысяч человек, доблестно прикрывавших эвакуацию своих товарищей.

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 350–353, 356–357

Обращение генерала Де Голля к французам примкнуть к нему для сопротивления агрессору, 18 июня 1940 г.³⁸

Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

³⁸ Вне пределов Франции возникло движение французов, стремившихся к освобождению своей страны от немецких захватчиков. Это движение, получившее название Свободная Франция, было возглавлено генералом Шарлем де Голлем, обратившимся к французам с призывом 18 июня 1940 г. из Лондона, куда он выехал еще до капитуляции Франции.

Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные наземные и воздушные силы противника.

Нас вынуждает отступить не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев в такой степени захватили наших руководителей врасплох, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся.

Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

Поверьте мне, ибо я знаю, что говорю: для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые нанесли нам поражение.

Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать мощную промышленность Соединенных Штатов (...)

Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, с оружием или без оружия; к инженерам и рабочим, специалистам по производству вооружения, которые находятся на британской территории или могут там оказаться, с призывом установить контакт со мной.

Что бы ни произошло, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Charles de Gaulle, Memoires de Guerre. L'Appel. 1940–1942, Paris. 1954, P. 267–268,

Условия перемирия между Германией и Францией, подписанные в Компьенском лесу, 22 июня 1940 года (извлечение)³⁹

Статья 1. Немедленное прекращение военных действий. Уже окруженные французские войска должны сложить оружие.

Статья 2. Для обеспечения германских интересов Германия оккупирует территорию, лежащую к северу и западу от линии, проходящей через следующие пункты: Женева, Доль, Шалон (на Соне), Парэ-ле-Моньял, Мулен, Бурж, Вьерзон, затем через пункт, находящийся в 20 километрах восточнее Тура, далее на юг параллельно железной дороге, идущей из Ангулема к Мон-де-Марсан и Сен Жан-пье-де-Пор. Районы, входящие в эту территорию и еще не оккупированные, должны быть оккупированы немедленно после заключения этого соглашения.

Статья 3. На оккупированной территории Германия должна иметь все права оккупирующей державы, за исключением местного управления. Французское правительство должно обеспечить для этого все необходимые условия. Германия сократит до минимума оккупированную территорию на западном побережье после прекращения Военных действий с Великобританией. Французское правительство может по своему усмотрению выбрать себе резиденцию на неоккупированной территории или даже переехать в Париж, если оно этого пожелает. В случае если французское правительство решит переехать в Париж, Германия предоставит ему необходимые условия для управления как оккупированной, так и неоккупированной территорией.

Статья 4. Французские военные, военно-морские и военно-воздушные силы должны быть демобилизованы и разоружены в срок, который будет установлен дополнительно, за исключением войск, необходимых для поддержания порядка. Численность и вооружение этих войск будут определены соответственно Германией и Италией. Французские вооруженные силы, находящиеся на оккупированной территории, должны быть отведены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Предварительно эти войска должны сложить оружие в тех местах, где они находились в момент заключения перемирия.

Статья 5. В качестве гарантии Германия может потребовать сдачи в хорошем состоянии всей артиллерии, танков, противотанкового оружия, военных самолетов, вооружения пехоты, тракторов и боеприпасов, находящихся на территории, не подлежащей оккупации. Германия определит, в каком размере эти вооружения должны быть ей переданы.

Статья 6. Все оружие и военные материалы, находящиеся на неоккупированной территории, которые не остаются в распоряжении французских вооруженных сил, предусмотренных этим соглашением, должны быть помещены в склады под контролем Германии или Италии. Производство новых военных материалов на неоккупированной территории должно быть немедленно прекращено...

³⁹ Переговоры о перемирии в Компьенском лесу (на том же месте, где в 1918 г. были продиктованы условия перемирия побежденной в первой мировой войне Германии) начались 20 июня 1940 г. Французскую делегацию возглавлял генерал Ш. Хютцингер, немецкую — генерал В. Кейтель.

Статья 8. Весь французский флот, за исключением той части, которая будет оставлена Франции для обеспечения французских интересов в колониях, должен быть собран в порты, которые будут для этого назначены, для демобилизации и разоружения под германским и итальянским контролем. Германское правительство торжественно заявляет, что оно не имеет намерения использовать в своих собственных интересах в течение войны французский флот, который будет находиться в портах под германским контролем, за исключением судов, необходимых для несения береговой службы и для вылавливания мин. За исключением той части флота, которая будет предназначена для защиты колониальных интересов и размеры которой должны быть еще определены, все остальные корабли, находящиеся вне французских территориальных вод, должны быть немедленно отозваны во Францию...

Статья 10. Французское правительство не должно предпринимать никаких враждебных действий при помощи остающихся у него вооруженных сил. Французским военнослужащим будет запрещен выезд из Франции. Франция не должна передавать Англии никакой материальной части. Ни один француз не должен состоять на службе у других держав против Германии.

Статья 11. Ни одно французское торговое судно не должно покидать портов. Торговое судоходство может быть возобновлено лишь с предварительного разрешения германского и итальянского правительств. Торговые суда, находящиеся вне Франции, будут отозваны или, если это окажется невозможным, зайдут в нейтральные порты.

Статья 12. Ни один французский самолет не должен подниматься в воздух. Аэродромы должны находиться под германским или итальянским контролем. Все иностранные самолеты, находящиеся на неоккупированной территории, должны быть переданы германским властям...

Статья 14. Все радиопередаточные станции на французской территории должны быть закрыты.

Статья 15. Французское правительство должно содействовать перевозкам товаров между Германией и Италией через неоккупированную территорию.

Статья 16. Французское правительство должно вернуть население на оккупированную территорию.

Статья 17. Французское правительство должно предотвратить вывоз ценностей и запасов с оккупированной на неоккупированную территорию или за границу.

Статья 18. Расходы по содержанию германской оккупационной армии должны быть оплачены Францией...

Статья 20. Все французские военнопленные, находящиеся в немецких руках, останутся там до заключения мира...

Статья 23. Перемирие вступит в силу, как только французское правительство заключит такое же соглашение с итальянским правительством. Военные действия будут прекращены через 6 часов после того, как итальянское правительство сообщит о заключении этого соглашения. Германское правительство оповестит об этом по радио.

Статья 24. Данное перемирие будет действительным до заключения мирного договора и может быть расторгнуто в любой момент, если французское правительство не будет выполнять свои обязательства.

Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. №7. С. 101–162,

Из директивы Гитлера №16 о подготовке операции по высадке в Англии, 16 июля 1940 г. (План «Зееleve»)

Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к достижению взаимопонимания, я принял решение: подготовить и, если это станет необходимым, провести операцию по высадке войск на ее территории.

Цель операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее.

Посему приказываю:

1. Высадка войск должна произойти в форме неожиданной переправы на широком фронте примерно от Рамсгейта до района западнее о. Уайт, причем на долю авиации выпадает роль артиллерии, а соединений военно-морского флота — роль минеров.

Вопрос о целесообразности перед началом общей переправы предпринять частные операции (скажем, для овладения о. Уайт или графством Корнуэлл) следует изучить с той точки зрения, какой именно составной части вермахта это следует сделать, и результат доложить мне. Принятие решения оставляю за собой.

Подготовительные операции закончить до середины августа.

2. К этим подготовительным мерам принадлежит также создание тех предпосылок, которые сделают возможной высадку в Англии:

а) Английская авиация должна быть настолько, морально и фактически подавлена, чтобы она больше не противодействовала переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания наступательной силы.

- б) Должны быть проделаны свободные фарватеры в минных полях.
- в) Плотными минными заграждениями следует преградить Дуврский канал (Па-де-Кале) на обоих его флангах, а также западный вход в канал Ла-Манш примерно по линии Олдерней — Портленд.
- г) Под прикрытием сильного огня береговой артиллерии овладеть прибрежной полосой водного пространства и средствами артиллерии отрезать его.
- д) Желательно незадолго до переправы сковать английские военно-морские силы как в Северном, так и действиями итальянцев в Средиземном море, причем уже сейчас следует попытаться по возможности нанести налетами авиации и торпедными атаками урон английским военно-морским силам, находящимся в метрополии.(...)

Адольф Гитлер

Иодль⁴⁰

Кейтель

Опубликовано в: Якобсен Г.-А. Вторая мировая война: Два взгляда. — М., 1995. С. 111–112.

Пакт трех держав, 27 сентября 1940 г. (извлечение)⁴¹

(...) Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они, далее, берут на себя обязательство поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, в случае если одна из трех Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте.

Статья 4. Для осуществления данного пакта немедленно будут созданы общие технические комиссии, члены которых будут назначены правительствами Германии, Италии и Японии.

Статья 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу немедленно после его подписания и будет действовать в течение 10 лет, считая со дня его вступления в силу.

*Мировое хозяйство и мировая политика.
1940. № 10. С. 117.*

Из протокола допроса бывшего премьер-министра Румынии И. Антонеску о германо-румынском сближении 1940–1941 гг.⁴²

(...) На всем протяжении своего пребывания у власти в Румынии я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле переобучения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером. Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 года,

⁴⁰ Иодль А. (1890–1946). Генерал-полковник 1944 г. 1939–1945 — начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

⁴¹ Подписанный в Берлине представителями Германии, Италии и Японии пакт окончательно оформил блок фашистских агрессоров. Впоследствии к пакту присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Испания, Таи (Сиам), марионеточные правительства Хорватии, Маньчжоу-Го и китайское правительство Ван Цзин-вэя.

⁴² Антонеску И. (1882–1946) военный диктатор Румынии в 1940–1944, маршал (1941). По приговору народного трибунала Румынии казнен как военный преступник. Ниже публикуется документ, представленный обвинением во время процесса над главными военными преступниками в Нюрнберге.

вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера Шмидта. Беседа с Гитлером длилась более четырех часов. Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к тройственному пакту (...)

Я и Гитлер согласились, чтобы находившаяся в Румынии германская военная миссия продолжала вести работу по перестройке румынской армии по немецкому образцу, а также заключила экономическое соглашение, согласно которому немцы в последующем поставляли в Румынию самолеты марки «Мессершмидт-109», танки, тракторы, зенитную и противотанковую артиллерию, автоматы и другое вооружение, получая взамен из Румынии хлеб и бензин для нужд германской армии.

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами по подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 года через германского посла в Румынии Фабрициуса я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали: Риббентроп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Бухаресте Киллинггер. Кроме них, присутствовали также представители германских вооруженных сил фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль.

В начале беседы Гитлер, представляя мне Киллинггера, подчеркнул, что последний является его ближайшим другом.

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией Муссолини обратился к нему за помощью, и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам...

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом военных действий со стороны Советского Союза, и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отмобилизована. На это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции...

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 года в Мюнхене.

На этой встрече, где, кроме нас, присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза, от Черного до Балтийского моря.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск, и наряду с этим, принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз (...)

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 381–383

Из показаний бывшего начальника разведки и контрразведки венгерского генерального штаба о германо-венгерском сближении, 1940–1941 гг.⁴³

(...) В ноябре 1940 года на аудиенцию к начальнику королевского венгерского генерального штаба генерал-полковнику Генриху Верту явился германский военный атташе в Будапеште, полковник генерального штаба Гюнтер Краппе с письмом от генерал-полковника Гальдера⁴⁴, начальника генерального штаба сухопутных сил Германии.

В этом письме Гальдер информировал Верта о том, что весной 1941 года необходимо заставить Югославию, если нужно будет, силой «занять определенную позицию, чтобы этим впоследствии пре-

⁴³ Ниже публикуется документ, представленный обвинением во время процесса над главными военными преступниками в Нюрнберге.

⁴⁴ Гальдер Ф. (1884–1972), генерал-полковник германской армии 1940. В 1938–1942 начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта

дупредить угрозу нападения русских с тыла». В этой предупредительной войне, возможной против Югославии и, несомненно, против России, должна принять участие Венгрия, что будет в ее собственных интересах...

В декабре 1940 года начальник штаба ОКВ, генерал-фельдмаршал Кейтель, пригласил в Берлин венгерского министра обороны (гонведа) генерала Барта, для того, чтобы:

- а) лично обсудить вопрос о вооружении;
- б) разработать план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии на весну 1941 года...

Договорились о следующем:

...Весной 1941 года выяснится позиция Югославии, угроза нападения советских войск с тыла устранится.

Венгерская гонведовская армия будет для этого обеспечена полевыми гаубицами, современными танками и бронемашинами для одной механизированной бригады.

Венгрия должна дать в распоряжение Германии 15 оперативных соединений для войны против России (в том числе три механизированных соединения, одно кавалерийское и одно танковое), закончить строительство укреплений в Закарпатской Руси до 1 июня 1941 г., содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгро-югославской и венгро-советской границе, обеспечить подвоз снабжения через Венгрию...

За участие в войне Венгрия в виде политической компенсации получит земли в Югославии и в России (старое княжество Галич, предгорья Карпат до Днестра)...

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т.1. М., 1955. С. 389–391

Закон о «Нейтралитете» США, 4 ноября 1939 г.⁴⁵

Объединенная резолюция

Настоящая резолюция имеет своей целью способствовать сохранению нейтралитета и состояния мира Соединенными Штатами и обеспечению безопасности их граждан и интересов последних.

Ввиду того, что Соединенные Штаты, движимые стремлением сохранить свой нейтралитет в войнах между иностранными государствами и не дать втянуть себя в эти войны, добровольно и суверенно налагают на действия своих граждан приводимые в настоящей резолюции ограничения;

Ввиду того что, действуя таким образом, Соединенные Штаты не только не отказываются от своих прав и привилегий и от прав и привилегий своих граждан, которыми они пользуются в соответствии с нормами международного права, но и подчеркнуто оставляют за собой все эти права;

Ввиду того, что Соединенные Штаты настоящим подчеркивают, что они оставляют за собой право аннулировать, изменять или исправлять настоящую объединенную резолюцию или любой другой законодательный акт внутреннего значения, действуя в интересах мира, благополучия и процветания Соединенных Штатов и их народа, да будет решено, что:

Объявление состояния войны между иностранными державами

Раздел 1. (а) В случае, если президент или обе палаты конгресса установят наличие состояния войны между иностранными державами и сочтут необходимым принять меры с целью охраны мира и безопасности Соединенных Штатов,.. президент путем издания прокламации объявляет, какие именно Державы находятся в состоянии войны; в случае вступления в войну новых государств он будет объявлять об этом путем издания последующих прокламаций.

Торговля с государствами, принимающими участие в вооруженном конфликте

Раздел 2. (а) В случае издания президентом прокламации в соответствии с разделом 1 (а) будет считаться незаконным для всякого американского судна перевозить пассажиров или любые предметы или материалы в любое государство, указанное в такой прокламации.

(б) Лицо, нарушившее положение подраздела (а) настоящего раздела или любые иные постановления, изданные в соответствии с ним, будет по решению суда оштрафовано не более чем на 50 000 долларов или

⁴⁵ 23 сентября 1939 г. Ф. Рузвельт обратился с посланием к конгрессу, предложив изменить законодательство о «нейтралитете» 1935 и 1937 гг., с тем чтобы воюющие страны могли закупать оружие и военные материалы в США и доставлять их на своих судах. Предложение Ф. Рузвельта преследовало цель оказать помощь Англии и Франции. После шестинедельного обсуждения в конгрессе предложения президента были приняты. 4 ноября 1939 г. вступил в силу измененный закон о нейтралитете, предусматривавший распространение принципа «плати и вези» на воюющие стороны.

заключено в тюрьму на срок до 5 лет, или подвергнуто обоим этим видам наказания. Если нарушителем окажется корпорация, организация или ассоциация, то все их должностные лица или директора, которые принимали участие в этом нарушении, будут также подвергнуты вышеуказанным видам наказания.

(в) Начиная с момента издания президентом прокламации в соответствии с положениями раздела 1 (а), будет считаться незаконным экспортировать или перевозить, или пытаться экспортировать или перевозить из Соединенных Штатов в какое-либо из указанных в этой прокламации государств любые предметы или материалы (за исключением разрешенных для вывоза предметов или материалов) до тех пор, пока все права и документация на эти товары и на получение доходов с продажи этих товаров не будут переданы какому-либо иностранному правительству, агентству, организации, ассоциации, товариществу, корпорации или отдельному лицу.

*Хрестоматия по новейшей истории в трех томах. Том II 1939–1945.
Документы и материалы. М. 1960. С. 499–500*

Из отчета комитета по проблемам международных отношений при госдепартаменте США⁴⁶ за январь–май 1940 г. с информацией о визите заместителя госсекретаря США С. Уэллеса⁴⁷ в Европу зимой 1940 г. и дискуссиях по проблемам организации европейской безопасности, начало мая 1940 г.

(...) Визит мистера Уэллеса в Европу

После того, как германская армия захватила Польшу в сентябре 1939 г., европейская война вступила в свой относительно позиционный период. Обе противоборствующие стороны укрепляли свои позиции. Этот период продолжался всю зиму 1939/40 г. Правительство Соединенных Штатов решило использовать это время для выяснения следующего вопроса — существуют ли какие-либо предпосылки для того, чтобы Европа возвратилась к миру. 9 февраля 1940 г. Белый дом объявил, что направляет с этой целью на континент заместителя Госсекретаря мистера Уэллеса. Он должен был посетить Италию, Францию, Германию и Великобританию и доложить о своих впечатлениях президенту США. Уэллес не имел полномочий высказывать какие-либо предложения по примирению сторон и не имел полномочий заключать соглашения от лица своего правительства. Однако президент снабдил его письмом, в котором была зафиксирована точка зрения Соединенных Штатов на современное положение дел в мировой экономике. Мистер Уэллес прибыл в Европу в конце февраля 1940 г. и в течении трех недель совещался как с главами правительств, так и видными государственными деятелями вышеупомянутых четырех стран.

После своего возвращения в США мистер Уэллес представил президенту конфиденциальный доклад, выдержки из которого приводятся ниже:

«Я не верю, что в настоящее время есть какой-либо шанс для проведения успешных переговоров о мире, если на них будут рассматриваться вопросы политического и территориального переустройства (то есть вопросы политического мира, как замечал Муссолини), либо вопросы экономического переустройства. Весь сложный комплекс проблем должен быть решен еще до того, как стороны смогут пойти на мирные договоренности.

Основная проблема, по моему мнению, это проблема безопасности сторон, которая неотделима от проблемы разоружения. Я все же верю, что существует еще небольшая надежда остановить войну, если ее начало было связано только с вопросом обеспечения безопасности. Если великие державы, даже за исключением СССР, смогут найти варианты такого разрешения конфликта, которые обеспечили бы взаимную безопасность и разоружение, то вопросы политического мира и экономики отошли бы на второй план.

⁴⁶ В годы второй мировой войны при Госдепартаменте США было образовано ряд комитетов, в задачу которых входило изучение вопросов, связанных с проблемами военно-политического характера, послевоенным устройством мира и ролью в нем Соединенных Штатов Америки, вопросами границ, репараций и др. Одним из первых был образован Комитет по проблемам международных отношений. Членами комитетов становились, как правило, видные дипломаты, государственные и общественные деятели: С. Уэллес, Х. Вильсон, Н. Дэвис, А. Берл, Г. Грэди, С. Хорнбек, Л. Пасвольски, Дж. Хэкворт и др. Количество консультативных комитетов Госдепартамента (имевших свои подкомитеты) в дальнейшем возрастало.

⁴⁷ Уэллес С. (1892–1961) Заместитель Госсекретаря США в 1937–1943. Специальный представитель президента США в Европе в 1940 г.

Возможность достижения мира нельзя недооценивать даже при том условии, если у власти в Германии останется гитлеровский режим.

У меня создалось впечатление, что люди в Германии сейчас живут как будто на другой планете. Для них ложь стала истиной, зло — добром, а агрессия — самообороной. Но, несмотря на все это, представляется, что вопрос собственной безопасности остается для немцев главным. Я полностью согласен с Муссолини, который считает, что сейчас никто не хочет войны. И если в настоящий момент немцы (я уверен, что их абсолютное большинство) объединились вокруг Гитлера, то они сделали это только из-за того, что чувствуют, что на карту поставлена судьба их собственной нации. Таким образом, единственная слабая надежда на то, что европейские страны смогут остановиться перед чертой, отделяющей их от катастрофы длительной и разрушительной войны (даже несмотря на то, что у власти в Германии остаются национал-социалисты) состоит в том, что сами эти страны предпримут действенные меры для заключения соглашения об обеспечении взаимной безопасности и разоружения.

Говоря по правде, было бы чудом, если бы Чемберлену удалось еще раз склонить Великобританию и Францию на переговоры с Гитлером. Инициатива любой подобной попытки должна в любом случае исходить не из Европы. Римский папа, я опасаясь, сейчас также сильно обескуражен. Основные мысли Ватикана сосредоточены на разрешении политических и территориальных вопросов. И очень мало уделяется внимания таким вопросам, как взаимная безопасность, разоружение или экономическая составляющая противоречий. Муссолини, в свою очередь, сильно привязан к Гитлеру. В итоге, остаются только Соединенные Штаты, поддержанные другими странами Нового света.

Я уверен, что если настанет момент, когда наше правительство почувствует, что настало время действовать, то Ватикан и Муссолини поддержат инициативы США (...)

(...) **Дискуссия об организации европейской безопасности Политического подкомитета (происходила в кабинете С. Уэллеса, 26 апреля 1940 г.)**

...Совершенно очевидно, что возможные агрессивные акции со стороны России занимают сейчас основное место в умах членов подкомитета. В процессе дискуссии о дислокации интернациональных вооруженных сил, членами подкомитета было высказано мнение, что если западноевропейским странам удастся договориться о взаимном согласии, тогда, скорее всего, угроза Западной Европе будет исходить со стороны России.» Следовательно, интернациональные вооруженные силы должны будут стать, по крайней мере, эквивалентными вооруженным силам Советского Союза. Их дислокация должна предусматривать возможные военные акции против СССР. Вполне очевидно, что война может закончиться таким образом, что угроза со стороны Германии еще останется. В этом случае вся рассмотренная выше схема теряет всякий смысл.

National Archive of United States (Archive II). RG. 59. Entry 499. Box 108. P. 11–14, 36

Обмен американских эсминцев на военно-воздушные и военно-морские базы Великобритании, сентябрь 1940 г.⁴⁸ (из переписки между послом Великобритании в США Лордом Лотианом и государственным секретарем США К. Хэллом, 2 сентября 1940 г.)

А.) ПИСЬМО ПОСЛА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В США ЛОРДА ЛОТИАНА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ К. ХЭЛЛУ, 2 сентября 1940 г.

Вашингтон, 2 сентября 1940 года
Сэр!

По поручению министра иностранных дел Его Величества я имею честь сообщить Вам, что правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, питая дружественную и доброжелательную заинтересованность в обеспечении национальной безопасности Соединенных Штатов и стремясь помочь им в их

⁴⁸ 2 сентября 1940 г. было подписано англо-американское соглашение о передаче Англии 50 эсминцев и некоторого количества другого вооружения в обмен на предоставление США в аренду баз на 99 лет в британских владениях в Западном полушарии. Это соглашение имело цель не только оказать помощь Англии, остро нуждавшейся в эскортных судах, но и обеспечить интересы США. Эсминцы, переданные Англии, были построены в годы первой мировой войны и к моменту подписания соглашения уже списаны из состава флота. Они предназначались для продажи на слом, общая стоимость 50 эсминцев составляла 250 тыс. долл.

усилиях эффективно сотрудничать с другими американскими странами в обороне Западного полушария, добровольно и безоговорочно выражает настоящим свое согласие предоставить правительству Соединенных Штатов разрешение на права аренды на немедленную организацию и пользование военно-морскими и военно-воздушными базами и всеми средствами обслуживания, необходимыми для снабжения, эксплуатации и обороны этих баз на Авалонском полуострове, на южном берегу Ньюфаундленда и на восточном берегу Большого Бермудского залива.

Далее, ввиду вышесказанного и стремления Соединенных Штатов получить разрешение на организацию дополнительных военно-воздушных и военно-морских баз в Карибском море и в Британской Гвиане, а также ввиду необходимости произвести денежную или коммерческую оценку различных материальных и нематериальных прав и собственности, о которых идет здесь речь, правительство Его Величества сделает все возможное, чтобы Соединенные Штаты могли немедленно приступить к эксплуатации военно-морских и военно-воздушных баз и пользоваться всеми вспомогательными средствами, необходимыми для их снабжения, эксплуатации и обороны на восточном побережье Багамских островов, на южном побережье Ямайки, на западном побережье о. Св. Лючия на восточном берегу о. Тринидада, на острове Антегуа и в Британской Гвиане в радиусе 50 миль от Джорджтауна в обмен на военно-морское и военное снаряжение и материалы, которые правительство Соединенных Штатов передаст правительству Его Величества.

Все упомянутые выше базы и вспомогательные средства будут предоставлены в пользование Соединенным Штатам на период в 99 лет без взимания с них какой-либо арендной платы или других платежей, выходящих за пределы тех сумм, о которых будет достигнуто обоюдное согласие и которые будут выплачены Соединенными Штатами с целью компенсации владельцев частной собственности за причиненный им при организации этих баз ущерб, выразившийся в экспроприации или причинении вреда их движимой или недвижимой собственности.

Правительство Его Величества, передавая Соединенным Штатам в соответствии с достигнутым соглашением разрешение на аренду, одновременно передаст им на весь период аренды все права и всю административную власть в пределах территории этих баз и в пределах, прилегающих к ним или необходимых для их снабжения и обороны, или для осуществления управления их деятельностью территориальных вод и воздушного пространства...

Имею честь быть, сэр, Вашим покорнейшим слугой,
Лотиан

Б.) ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ США ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вашингтон, 2 сентября 1940 года

Я получил Вашу ноту от 2 сентября 1940 года...

Я уполномочен президентом ответить на ее следующим образом:

Правительство Соединенных Штатов высоко ценит заявления и искренние и бескорыстные действия правительства Его Величества, которые изложены в Вашем послании и которые будут способствовать как укреплению национальной безопасности Соединенных Штатов, так и в огромной степени увеличению ее возможности эффективно сотрудничать с другими странами Америки в обороне Западного полушария. Правительство Соединенных Штатов поэтому с радостью принимает Ваше предложение.

Правительство Соединенных Штатов немедленно назначит своих экспертов для встречи с экспертами правительства Его Величества для определения точного местоположения военно-морских и военно-воздушных баз, упомянутых в Вашем послании.

В ответ на сделанные Вами заявления правительство Соединенных Штатов немедленно передаст правительству Его Величества 50 эсминцев военно-морского флота Соединенных Штатов, относимых обычно к классу эсминцев 1200-тонного водоизмещения...

Кордел Хэлл

Department of State Bulletin. 7. IX. 1940.

Из послания президента Ф. Рузвельта конгрессу США, 6 января 1941 года

Наша национальная политика заключается в следующем:

Во-первых, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы создаем всестороннюю национальную оборону.

Во-вторых, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы оказываем повсюду самую решительную поддержку тем нациям, которые борются против агрессии и тем самым не дают войне распространиться на наше полушарие. Оказывая им эту поддержку, мы тем самым выражаем нашу уверенность в том, что дело демократии восторжествует, и укрепляем собственную оборону и безопасность.

В-третьих, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы считаем, что как моральные принципы, так и наша собственная безопасность не дают нам права одобрить такой мир, который был продиктован агрессором и принят «умиротворителями». Мы знаем, что нельзя купить прочный мир за счет свободы других народов.

Во время последних президентских выборов между нашими двумя основными партиями не наблюдалось сколько-нибудь существенных разногласий в оценке национальной политики. Ни один из касающихся ее вопросов не стал орудием партийной борьбы за голоса избирателей. Сейчас совершенно очевидно, что американские граждане повсюду требуют и поддерживают принятие незамедлительных действий, которые продиктованы угрожающей нам опасностью.

Следовательно, сейчас перед нами стоит неотложная задача быстрого и всестороннего увеличения производства вооружений (...)

Я прошу также конгресс предоставить мне полномочия и денежные фонды, необходимые для организации производства дополнительного количества всевозможных видов вооружений и боеприпасов, чтобы передать их тем народам, которые уже сражаются с агрессивными державами.

Сейчас мы можем сыграть наиболее полезную роль, если мы станем арсеналом вооружений как для этих сражающихся народов, так и для себя самих. Странам, сражающимся с агрессором, не нужна людская сила. Им нужно оружие защиты, стоимость которого равняется миллиардам долларов.

New York Times. 7.1.1941.

Из меморандума отдела европейских стран госдепартамента США о политике в отношении СССР, 21 июня 1941 года

(...) Наша политика в отношении Советского Союза, по крайней мере на первой стадии конфликта, должна быть следующей:

- 1) Мы не должны давать СССР никаких советов, если только СССР сам не обратится к нам за ними...
- 3) Если советское правительство прямо обратится к нам за помощью, мы должны, насколько это возможно без ущерба для нашей помощи Великобритании, странам-жертвам агрессии и без серьезного ущерба для наших собственных усилий и подготовки, ослабить ограничения на экспорт в Советский Союз, разрешив ему получать даже военные материалы, в которых СССР остро нуждается, и которые мы можем позволить себе поставить СССР.
- 4) Экономическая помощь, которую мы можем предоставить Советскому Союзу в виде материалов, должна оказываться нами не в сотрудничестве с любой третьей державой.
- 5) Мы должны твердо придерживаться следующего политического курса: тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает, что он защищает или согласен с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы.
- 6) Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России...

*Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS).
1941. Vol. I. Washington, 1958. P. 766–767.*

Книга третья

**НА
АЗИАТСКОМ
НАПРАВЛЕНИИ**

Германия и Япония: единство и противоречия накануне Второй мировой войны

Е. Н. Кульков*

После установления в январе 1933 г. своей власти в Германии нацисты начали подготовку к ведению захватнических войн. В связи с этим наряду с утверждением авторитарного режима, милитаризацией духовной и общественной жизни, они взяли курс на сближение с другими странами, правящие круги которых также сделали ставку на насильственный передел мира. К их числу в то время принадлежала, прежде всего, милитаристская Япония, стремившаяся к установлению своего господства в Азии. Свой выбор на ней нацистская верхушка остановила еще до того, как оказалась у власти в Германии. С Японией ее связывала враждебность к СССР, стремление уничтожить его и прибрать к рукам его богатства. В нацистской программе завоевания господства в Европе первостепенное значение придавалось захвату земель «России и подвластных ей окраинных государств», что должно было усилить позиции Германии в дальнейшей борьбе за мировое господство¹. Япония же, как стало известно нацистской верхушке, захватив в 1931–1932 гг. Маньчжурию, уже приступила там к созданию военного плацдарма для нападения на СССР. В ее военных штабах началась разработка планов захвата советской территории от Владивостока до озера Байкал². Японским генеральным штабом сухопутных войск было запланировано сформировать 30 новых дивизий, из которых 24 предназначались для использования на Дальнем Востоке. Японским милитаристам все же было ясно, что в одиночку нанести «смертельный удар» СССР им не удастся. Поэтому весной 1934 г. они направили Берлин в качестве нового военного атташе генерала Х. Осима, который должен был выяснить, как себя повела бы Германия в случае войны Японии против СССР³, но еще ранее,

в сентябре 1933 г., Гитлер направил в Японию нового посла Г. Дирксена с поручением добиться германо-японского сближения. В ходе переговоров обе стороны пришли к выводу, что Германия и Япония вместе являются «бастионом против большевизма», и на этой основе уже оформилась общность германо-японских интересов. Дирксен доносил из Токио в Берлин, что в случае войны Германии с Советским Союзом Япония непременно нанесет СССР удар в спину⁴.

С осени 1934 г. Гитлер вознамерился форсировать создание германо-японского военного союза, направленного против СССР. В связи с этим им был наложен запрет на появление в печати и публичных выступлениях местных нацистских руководителей рассуждений о превосходстве «арийской» немецкой расы над «неполноценными» японцами. Однако презрительное отношение нацистов к другим народам было не единственной причиной, которая осложняла установление германо-японского сотрудничества.

Главным препятствием на пути к установлению союзных отношений между Германией и Японией было столкновение их интересов в Азии и на Тихом океане. Япония, участвуя после Первой мировой войны в дележе заморских владений кайзеровской Германии, захватила сферу ее влияния в Китае и принадлежавшие ей ранее Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Японские правящие круги и общественность Японии рассматривали Германию как страну, проигравшую войну, и даже не думали, чтобы вернуть ей то, что у нее было отнято. Естественно, такое положение не устраивало гитлеровское правительство. После Первой мировой войны германские концерны вновь включились в конкурентную борьбу за сферы влияния в Китае. В начале 1930-х гг., там уже действовали 350 немецких фирм. Одновременно

* Евгений Николаевич Кульков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

началось военное сотрудничество Германии с режимом Чан Кайши. Германия вскоре превратилась в главного поставщика оружия и военных советников для гоминьдановской армии, совершавшей военные провокации на советско-китайской границе. После прихода Гитлера к власти экономическое и военное сотрудничество с чанкайшистским режимом пошло ускоренными темпами. К 1936 г. по объему экспорта в Китай Германия среди европейских стран перешла с седьмого на третье место⁵. Захват германскими монополиями прочных экономических позиций в Китае противоречил стремлению японских милитаристов к установлению там господствующего положения.

Нацистская верхушка понимала, что быстро разрешить эти серьезные противоречия в германо-японских государственных отношениях вряд ли удастся. Потому в мае 1935 г. она решила завязать секретные переговоры о военном союзе с японскими милитаристами в обход обычных дипломатических каналов. Предложение начать переговоры об этом союзе было сделано занимавшим тогда пост советника Гитлера по вопросам внешней политики И. Риббентропом японскому военному атташе в Берлине Х. Осима через бывшего торговца оружием в Китае Ф. К. Хакка. У Осима не было сомнений в целесообразности этого шага. В состоявшейся беседе речь шла не о том, заключать или не заключать союз, а только о том, в какой форме должен быть составлен текст союзного договора. Вскоре к переговорам подключились представители японского генерального штаба и посол Японии в Германии В. К. Мушакодзи. В ходе переговоров выяснилось, что для подписания договора о военном союзе в его классической форме время еще не пришло. Германия и Япония тогда не были готовы выступить войной против СССР. Поэтому по предложению немецкой стороны было решено зафиксировать антисоветскую солидарность Германии и Японии против СССР в форме соглашения о борьбе против Коммунистического Интернационала. 9 июня 1936 г. Гитлер и Мушакодзи согласились, что «задача обеих сторон состоит в том, чтобы бороться против большевизма и коммунистических идей». Через несколько дней Гитлер в беседе с Осима откровенно заявил, что, по его мнению, «Россия должна быть раздроблена на части»⁶.

25 ноября 1936 г. в Берлине состоялось подписание «Соглашения против Коммунистического Интернационала» (Антикоминтерновский пакт), по которому Германия и Япония обязались в течение пяти лет совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно, внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического Интернационала»⁷.

Гитлеровское правительство тщательно маскировало истинное предназначение этого пакта, который заложил идеологическую основу для заключения в дальнейшем германо-японского военного союза. Германский МИД 24 ноября направил в свои посоль-

ства в Нанкине, Токио и Риме, а 25 ноября во все свои остальные дипломатические представительства сообщение, в котором им предписывалось разъяснять, что заключение этого пакта является якобы лишь «оборонительным мероприятием с внутриполитическим защитным характером», которое «не имеет никакой союзной направленности против третьих держав»⁸. В своих мемуарах, написанных после войны во время Нюрнбергского процесса, бывший министр иностранных дел в гитлеровском правительстве И. Риббентроп, однако, признал, что этот пакт был не просто соглашением о совместной борьбе против идеологического противника в лице Коминтерна. «Разумеется, — писал он, — Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причём момент этот был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва»⁹.

В Советском Союзе этот пакт была расценен как «провокация по отношению к СССР», а также как «открытая подготовка германской интервенции в малые страны, а, может быть и во Францию»¹⁰. Об антисоветской направленности «Антикоминтерновского пакта» свидетельствует и тот факт, что одновременно вместе с ним в Берлине было заключено дополнительное секретное германо-японское военное соглашение к пакту, в котором стороны обязались соблюдать нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется «неспровоцированному нападению» со стороны СССР, хотя никакой военной угрозы со стороны СССР для Германии и Японии не существовало. Напротив, и в Берлине и Токио в то время опасались, как бы один из партнеров по пакту не развязал преждевременно неспровоцированную войну против СССР и втянул в нее другого. 25 ноября 1936 г. Риббентроп вручил японскому послу Мушакодзи ноту. В ней говорилось, что «Антикоминтерновский пакт» не перечеркивает подписанные до прихода национал-социалистов к власти договоры между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик, в частности Рапалльский договор 1922 г. и Пакт о нейтралитете 1926 г. Гитлеровское правительство явно не было намерено ради заинтересованности Японии в захвате огромной части советской территории отказываться от своей внешнеполитической программы, которая предусматривала разгром Франции до начала войны против СССР с тем, чтобы обеспечить Германии свободу тыла на западе. В ответной ноте японский посол также поставил германское правительство в известность, что Антикоминтерновский пакт не отменяет заключенных им ранее договоров с СССР¹¹.

В то же время об антисоветской тенденции, заложенной в «Антикоминтерновском пакте», наглядно свидетельствует тот факт, что созданная его участниками так называемая «антикоминтерновская комиссия» изготавливала в Германии антисоветские листовки, которые затем с помощью воздушных шаров с территории дружественной Германии Польши

забрасывались на территорию СССР. По инициативе японского посла в Берлине Х. Осима, включенного в состав «антикоминтерновской комиссии», предпринимались попытки распространять антисоветские пропагандистские материалы в Крыму с территории Румынии. Он же был организатором переброски в 1937–1938 гг. в СССР десяти террористов-белоземлян с заданием убить И. В. Сталина. Однако все они были обезврежены органами государственной безопасности СССР¹².

В Токио был направлен чиновник гестапо для инструктажа японских работников министерства иностранных дел по вопросам активизации борьбы против коммунизма¹³. Такая «активизация» не осталась бесследной. Усилились пограничные конфликты на границе СССР с Маньчжурией, спровоцированные японскими военными. С 1936 по 1938 гг. там было зафиксировано 231 нарушение, из которых 35 были крупными боевыми столкновениями. Если в 1936 г. было зафиксировано 21 японское судно, ведшее хищнический лов рыбы в советских территориальных водах, то в 1938 г. там под прикрытием военных кораблей вели незаконный промысел уже 1500 японских судов. Японские ВМС захватывали советские торговые суда. При этом советские моряки подвергались допросам и пыткам. 19 июля 1938 г. японские фашисты совершили нападение на советское полпредство в Токио. 29 июля 1938 г. Япония развязала силами трех дивизий и поддерживавших их кавалерийских и механизированных частей вооруженный конфликт в районе озера Хасан. 11 августа советские войска нанесли им поражение и отбросили с советской территории. Но провокации не прекратились. В июле 1939 г. японские войска развернули агрессию в районе р. Халхин-Гол. И снова потерпели поражение, потеряв более 61-й тысячи чел. убитыми¹⁴.

Заключение «Антикоминтерновского пакта» стимулировало развертывание в Германии разведывательной деятельности с целью изучения экономического и военного потенциала Советского Союза. По инициативе рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и начальника службы эсэсовской службы безопасности (СД) Р. Гейдриха был создан в предместье Берлина Ванзее секретный «восточный институт». Гимmlер и Гейдрих при открытии этого института 20 сентября подчеркивали: «Изучение Востока — это изучение Советского Союза». С первых дней своего существования Институт Ванзее, укомплектованный белоэмигрантами и профессиональными разведчиками, регулярно представлял высшему нацистскому руководству разнообразную информацию об СССР, в том числе имевшую и военное значение. К концу 1938 г. им была в частности подготовлена полная карта железнодорожных сообщений в западных районах СССР. В то же время институт начал разворачивать деятельность по организации подслушивания радиопередачи на советской территории, выявлению складов сырья, выработке принципов немецкой пропаганды

на русском языке и языках народов СССР. В целом, деятельность Института Ванзее, подчиненная руководству СС, во многом предвосхищала деятельность военной разведки во время непосредственной подготовки Германии к нападению на Советский Союз в 1940–1941 гг.

6 ноября 1937 г. был подписан протокол о вступлении в германо-японский Антикоминтерновский пакт фашистской Италии в качестве его полноправного члена. Однако от нее скрыли наличие дополнительного секретного германо-японского военного соглашения, направленного против СССР. В рамках Антикоминтерновского пакта возник так называемый «мировой политический треугольник», который должен был стать прологом к формированию военного союза трех держав. Антикоминтерновский пакт был выгоден трем его участникам тем, что он был созвучен антикоммунистическим настроениям правящих кругов других капиталистических стран, создавал у них впечатление, что нацистская Германия вместе с ее партнерами по этому пакту действительно представляет собой «бастион антикоммунизма» и внушал им надежду, что путем уступок им удастся направить их агрессию против СССР. На практике же этот пакт служил, с одной стороны, оправданием вмешательства трех агрессивных держав во внутренние дела других стран, маскировкой их военных приготовлений с целью подготовки и ведения захватнических войн, не только против СССР, но и других стран в интересах расширения сферы своего господства также и в капиталистической части мира.

Обороной против коммунизма оправдывалась итало-германская интервенция в Испании во время развязанной там мятежниками во главе с генералом Ф. Франко гражданской войны 1936–1939 гг. В результате законное правительство Народного фронта, в котором наряду с либералами и анархистами были и испанские коммунисты, потерпело поражение. А Франкистская Испания пополнила ряды партнеров по Антикоминтерновскому пакту.

Под лозунгом борьбы против Коминтерна Япония в июле 1937 г. развязала широкомасштабную войну против Китая, цель которой заключалась в установлении там японского господства. Эта война побудила гоминьдановское правительство Китая, не проявлявшего ранее дружелюбия в отношении СССР, заключить с ним в августе 1937 г. пакт о ненападении, а через месяц принять предложение китайских коммунистов о сотрудничестве, что способствовало формированию единого национального фронта, опиравшегося на поддержку Советского Союза. Такое развитие событий внутри Китая вызвало недовольство западных демократий, которое вылилось в политику умиротворения японского агрессора. Они продолжали поставлять Японии стратегические материалы и оружие, что облегчало ей борьбу против народов Китая, вставших на защиту независимости своей страны.

Противоположную западным державам позицию в начале этой войны чуть было не заняла нацистская Германия. Гитлеровское правительство, пытаясь защитить свои позиции в Китае, обвинило Японию в том, что она своими действиями толкает Китай в объятия СССР. В ответ на это японское правительство выразило свое крайнее недовольство тем, что Германия с начала 1930-х гг. отказывается признать созданное им в Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го, продает гоминьдановскому правительству Китая оружие, а германские военные советники сидят в штабах его армии. Токио потребовал, чтобы Берлин прекратил помощь Китаю. В этом споре двух агрессивных держав верх взяла Япония. 20 февраля 1938 г. Гитлер, для того, чтобы удержать Японию в рамках Антикоминтерновского пакта в качестве вероятного союзника в будущей войне против СССР, вынужден был публично признать марионеточное государство Маньчжоу-Го. При этом он заявил: «Японское поражение в Восточной Азии никогда не принесло бы пользы ни Европе, ни Америке, а лишь большевистской России»¹⁵. В апреле 1938 г. по приказу Гитлера Германия прекратила поставки оружия Китаю и отозвала своих военных советников из его армии. В ответ на это китайское правительство объявило бойкот торговых связей с Германией. Но и этих уступок со стороны Германии Японии оказалось мало. Японское правительство не приняло во внимание просьбы германского правительства предоставить Германии как члену Антикоминтерновского пакта режим наибольшего благоприятствования в торговле на территории контролируемых японскими войсками наиболее развитых провинций Северного и Центрального Китая. В то же время Япония требовала, чтобы Германия признала сферой ее господства всю территорию Китая, в том числе и его юго-восточные районы, где власть принадлежала гоминьдановскому правительству во главе с Чан Кайши¹⁶. По существу принятие этих требований Германией означало бы ее отказ от попыток сохранить какое-либо влияние в Китае. Вопрос об урегулировании германо-японских противоречий в Китае остался неразрешенным.

Вместе с тем, политика умиротворения агрессоров, проводимая западными державами и достигшая своего апогея при заключении Мюнхенского соглашения от 29 сентября 1938 г., позволила Германии существенно укрепить свое международное положение и приступить к расширению экспансии в Центральной Европе и одновременно активизировать деятельность, направленную на превращение Антикоминтерновского пакта в военный союз. Идея его создания была выдвинута, по словам Риббентропа Х. Осима, который в августе 1938 г. был назначен японским послом в Берлине. Риббентроп и Осима быстро подготовили проект германо-итало-японского договора о военном союзе под названием «Пакт о консультациях и взаимопомощи», который

во время переговоров для краткости стал именоваться Тройственным пактом. Его основное содержание сводилось к принятию Германией, Италией и Японией обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае «неспровоцированного нападения» на одну из них одного или нескольких государств. Этот проект был представлен Риббентропом во время Мюнхенской конференции четырех держав итальянскому министру иностранных дел Г. Чиано. Затем 24 октября 1938 г. Риббентроп прибыл в Рим, рассчитывая заручиться согласием Б. Муссолини на подписание Тройственного пакта. Но Муссолини отверг этот пакт на том основании, что еще не согласованы цели его участников в войне, а также по той причине, что пакт представлен как оборонительный альянс, в то время как на его участников нападать никто не собирается. «Напротив, говорил Муссолини, мы хотим заключить союз, который должен изменить географическую карту мира. Поэтому мы должны определить цели и объекты завоеваний»¹⁷. Но после того, как 6 декабря 1938 г. Германия, уступив желанию Франции, подписала с ней декларацию, в которой говорилось, что обе стороны якобы «торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами» и «намерены поддерживать друг с другом мирные добрососедские отношения», Муссолини выразил готовность заключить Тройственный пакт без каких-либо изменений уже до истечения января 1939 г. Муссолини не хотел допустить, чтобы даже на словах Германия выступала за урегулирование отношений с Францией, которую сам он всегда считал одним из главных врагов Италии.

Затем более серьезные, по существу неодолимые препятствия на пути к созданию союза трех агрессоров возникли из-за Японии.

В январе 1939 г., как стало известно наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову, в ходе секретных переговоров японское правительство стало настаивать на том, чтобы Тройственный пакт имел исключительно антисоветскую направленность¹⁸. Тем не менее, проект был направлен курьером в Токио для рассмотрения.

В начале марта 1939 г. правительство Японии в целом одобрило содержание проекта, но при этом потребовало внести в него недвусмысленную оговорку о том, что Тройственный пакт имеет исключительную направленность против СССР и не имеет силы в войне против других стран¹⁹. При этом японское правительство выражало готовность прекратить операции в Южном и Центральном Китае, сохранив за собой лишь Северный Китай как базу для развертывания войны против СССР. Необходимость внесения в текст пакта предложенной им оговорки мотивировалась тем, что Япония еще не готова «вести эффективную войну на море» против таких мощных морских держав как Великобритания и США, а также нежеланием испортить японо-американские отношения и как следствие — лишиться

экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов, без чего она не сможет вести войну²⁰. Это требование было неприемлемо для Германии. Изначально ее руководство хотело заключить такой союз, который в зависимости от ситуации имел бы силу в войне как против СССР, так и против западных держав. При этом на первом плане у него к тому времени стояла подготовка к оккупации всей Чехословакии, а затем решение проблем с Польшей и подготовка к войне против западных держав. Что касается «войны на уничтожение» против СССР, то она рассматривалась тогда нацистской верхушкой как «последняя и решающая задача германской политики»²¹. Исключительная направленность Тройственного пакта против СССР была неприемлема и для фашистской Италии. Она строила планы завоевания при поддержке Германии господства в Средиземноморском бассейне. Определенным шагом в этом направлении стала оккупация итальянскими войсками 7 апреля 1939 г. Албании, которая затем была включена в состав Итальянской империи.

22 мая 1939 г. в Берлине был подписан «Пакт о дружбе и союзе между Германией и Италией» (Стальной пакт), в котором обе стороны обязались оказывать поддержку друг другу в войне против любого государства «всеми силами на суше, на море и в воздухе»²². При этом накануне подписания этого пакта итальянское правительство довело до сведения германского правительства, что оно в течение ближайших двух-трех лет будет занято укреплением своих вооруженных сил, и поэтому Германия до 1942 г. не может рассчитывать на его военное сотрудничество в случае возникновения общеевропейской войны. Японское правительство приветствовало заключение германо-итальянского военного союза, но предложение Германии присоединиться к нему отклонило. Начавшееся после Мюнхенской конференции обострение германо-польских отношений из-за выдвинутых Германией претензий на Данциг и так называемый коридор также не устраивало Японию. В Токио весной и летом 1939 г. отводили Польше особое место в планах «зажать в тиски» СССР с запада и востока. Через свое посольство в Варшаве японское правительство пыталось, правда, безуспешно, уладить германо-польский территориальный спор на условиях, которые были выдвинуты Германией²³.

На первом плане у Японии накануне Второй мировой войны стояла задача исключить возможность оказания помощи Китаю со стороны СССР, а также расширить плацдарм для развязывания против него

войны путем захвата Монгольской народной республики (МНР). Согласно планам, разработанным тогда в Токио, захват МНР должен был обеспечить более удобные позиции для развертывания наступления против СССР в направлении советского Приморья и Забайкалья²⁴. Руководствуясь этим планом, Япония в июле 1939 г. совершила нападение на союзную Советскому Союзу МНР в районе р. Халхин-Гол. Разразился крупномасштабный затяжной конфликт. Это событие, наряду с постоянными попытками Японии склонить Германию и Италию к заключению военного союза против СССР, о чем было известно в Москве, в определенной степени повлияло на решение советского руководства пойти на заключение договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. В противном случае СССР мог бы оказаться в войне на два фронта.

Реакция на советско-германский договор в Японии была довольно резкой. Ее правительство рассценило его как предательский с немецкой стороны и заявило официальный протест. 28 августа кабинет премьер-министра Н. Хиранума, ратовавший за заключение военного союза с Германией против СССР, подал в отставку. Советское посольство сообщало в Москву: «Известие о заключении пакта произвело здесь ошеломляющее впечатление... газеты начинают пока осторожно обсуждать возможность заключения такого же пакта с СССР»²⁵.

На смену правительству Хиранума пришло 30 августа новое правительство во главе с генералом Н. Абе, которое должно было внести коррективы во внешнюю политику Японии. Когда 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция объявили войну Германии, напавшую 1 сентября на союзную им Польшу, то уже на следующий день правительство Абе сделало заявление о «незаинтересованности» Японии в начавшейся войне в Европе и намерении сосредоточить усилия на «урегулировании конфликта» в Китае.²⁶ Однако ни Хиранума, ни Абе не поднимали вопроса о выходе Японии из Антикоминтерновского пакта, который связывал ее с Германией на антисоветской основе. Агрессивные планы в отношении СССР, которые разрабатывались и уточнялись японским военным командованием, оставались в силе. Вместе с тем, начавшаяся война в Европе вела к ослаблению позиций Англии и Франции в Азии, что подталкивало Японию также к расширению экспансии в южном направлении. Захватнические устремления явились той главной причиной, которая связывала ее с Германией практически до самого конца войны.

¹ Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. S. 296–297.

² Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 178.

³ Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 108, 137.

⁴ 1939 год. Уроки истории. М., 1985. С. 28.

⁵ Fox J.P. Germany and the Far Eastern Crisis. 1931–1938. L., 1982. P. 81.

⁶ Jacobsen H. — A. Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933–1938. S. 425–426.

■ Том I. Канун трагедии

- ⁷ Мировые войны XX века. В4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М. 2005. С. 20–21.
- ⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (далее: ADAP). Serie C. Bd. VI.1. Göttingen, 1981. S. 120–121.
- ⁹ Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 91.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Л. 249.
- ¹¹ ADAP. Serie C. Göttingen, 1981. Bd. VI. 1. S. 113–120.
- ¹² Japan at War / By the Editors of Time-Life Books. Alexandria (Virginia). 1980. P. 167–168.
- ¹³ Sommer T. Deutschland und Japan zwischen der Mächten 1935–1940. Tübingen, 1962. S. 51.
- ¹⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 210–220.
- ¹⁵ Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Aussenpolitik des Dritten Reich. Düsseldorf, 1977. S. 421.
- ¹⁶ The National Archiv of United States (далее: NAUS). A microfilm Publication. Т. 20–337. Bl. 245991–2459 93, 245985, 246003.
- ¹⁷ Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zum Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Berlin, O.J. Bd. XI. S. 525
- ¹⁸ Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 186.
- ¹⁹ NAUS. Т. 20–337. P. 245794–95.
- ²⁰ NAUS. Т. 120–337. P. 246005.
- ²¹ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 253–254, 273.
- ²² Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. С. 64.
- ²³ Politisches Archiv des auswärtigen Amt.Büro des Staatssekkrärs. Akten betreffend Japan von 2. Juni 1938 bis 29. Febr. 1940. Bl. 135965.
- ²⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 41.
- ²⁵ Там же. С. 297–288.
- ²⁶ Sommer 1939: Die Grossmächte und Europäische Krieg. Hrsg. von W. Benz und H. Graml. Stuttgart, 1979. S. 217.

«Дипломатический блицкриг» в Кремле

А. А. Кошкин*

12 марта 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Документом в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно, продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю¹.

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу — установление личных контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с СССР. Вместе с тем, Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил желание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуоки позвонил по телефону Сталину и сообщил, что «Сталин может быть через десять минут».

Ниже приводится полный текст записи первой беседы Сталина с Мацуока в том виде, в котором он хранился до последнего времени в «сталинском архиве».

СОВ. СЕКРЕТНО **ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тов. СТАЛИНА И. В.** **С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ** **ЯПОНИИ МАЦУОКА 24 марта 1941 года**

В начале беседы Мацуока говорит, что 8 лет тому назад, проездом через СССР в Женеву, он находился в течение 5 дней в Москве, однако тогда ему не пред-

ставилось случая видеться с тов. Сталиным. Он смог тогда увидеть тов. Сталина лишь на трибуне мавзолея, присутствуя на параде на Красной площади.

Далее Мацуока говорит, что он просил тов. Сталина принять его для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение и побеседовать с тов. Сталиным до отъезда в Берлин.

Тов. Сталин отвечает, что он готов к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что относительно цели посещения Германии и Италии, а также относительно своего желания остановиться на несколько дней в Москве он уже говорил в Токио полпреду СССР тов. Сметанину, а также в только что имевшей место беседе с тов. Молотовым. Поэтому, не желая утруждать тов. Сталина, просит тов. Сталина о подробностях осведомиться у тов. Молотова. Далее Мацуока говорит, что если тов. Молотов найдет нужным, то он, Мацуока, после своего возвращения из поездки в Германию и Италию сможет иметь несколько встреч с тов. Молотовым относительно улучшения японо-советских отношений. Тут же Мацуока указывает, что его убеждение в отношении улучшения отношений между Японией и Россией зародилось еще 30 лет тому назад, поэтому не является новым, и лично он имеет решимость улучшить японо-советские отношения.

Тов. Сталин отвечает, что желание Мацуока остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться, и заявляет, что улучшение отношений между СССР и Японией он считает не только необходимым, но и вполне возможным, и, если новая встреча с Мацуока будет необходима, то он будет к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что он разделяет мнение тов. Сталина относительно улучшения отношений между обеими странами, и напоминает, что перед своей поездкой в Женеву в 1932 году он имел беседу с тогдашним военным министром и министром

* Анатолий Аркадьевич Кошкин — д.и.н., профессор Восточного университета, член исполнительного совета Ассоциации историков Второй мировой войны.

иностранных дел, которые дали согласие на ведение переговоров о заключении пакта о ненападении. Однако общественное мнение Японии было против заключения пакта о ненападении, и поэтому его усилия не увенчались успехом.

На вопрос тов. Сталина, было ли это в тот период, когда министром иностранных дел был Иосидзава, Мацуока отвечает, что тогда министром иностранных дел был Учида.

Мацуока еще раз повторяет, что в тот период он вел беседу относительно заключения пакта о ненападении между Японией и СССР с тогдашним военным Араки, министром Учида, и они дали свое согласие на то, чтобы Мацуока говорил в Москве относительно пакта, хотя главной задачей, говорит Мацуока, была его работа как главы делегации Японии в Женеве. Поскольку, продолжает Мацуока, Араки и Учида согласились на заключение пакта, то они имели моральное обязательство поддерживать его в этом отношении, но общественное мнение еще не созрело для того, чтобы пакт был заключен. Тут же Мацуока добавляет, что еще и сейчас имеется группа лиц, которые возражают против заключения пакта о ненападении, однако он вместе с Коноэ имеют решительное мнение улучшить отношения между обеими странами.

Затем Мацуока говорит, что так как тов. Сталин очень занят, он не хочет отнимать у него драгоценного времени, но если тов. Сталин смог бы уделить ему еще минут 20, то у него имеются для сообщения тов. Сталину два вопроса, о которых он просил бы подумать до его возвращения из Берлина и Рима.

Тов. Сталин отвечает, что так как Мацуока редкий гость, то он готов удовлетворить просьбу Мацуока.

1. Мацуока говорит, что, как известно, в Японии верховная власть находится в руках Тенно. На иностранный язык Тенно, обычно, переводится как император. Однако, это не верно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я бы назвал, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет. Далее, например, сравнительно небогатый человек, видя какого-нибудь бедного мальчика, дает ему денег на учебу и, таким образом, оказывает свое посильное содействие.

На вопрос тов. Сталина, не есть ли это путь императора, Мацуока говорит, что он назвал бы это моральным коммунизмом, ибо Тенно — это государство, и все принадлежит ему. Англо-саксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжает Мацуока, созда-

лась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским словом Хаккоичю (Хакко ити у. — А. К.), что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливости. Все это, указывает Мацуока, имелось и раньше, но было ущемлено капитализмом и либерализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англо-саксов. С этой целью, добавляет Мацуока, был заключен пакт трех держав, при заключении которого не считались с мелкими интересами.

После этого Мацуока говорит, что если тов. Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы, заявляет Мацуока, готовы идти рука об руку с вами. При этом Мацуока выражает надежду, что до его возвращения из Берлина тов. Сталин сможет обдумать то, что сказал Мацуока.

2. Затем, касаясь японо-китайской войны, Мацуока говорит, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англо-саксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англо-саксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения. В связи со сказанным им Мацуока просит учесть намерения Японии в Китае.

На вопрос тов. Сталина, должен ли он ответить сейчас, Мацуока заявляет, что он изложил лишь общую мысль и хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал над теми вопросами, которые затронул Мацуока, и дал бы ответ после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что он может коротко ответить даже сейчас.

Мацуока говорит, что будет лучше, если тов. Сталин ответит после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что если Мацуока так хочет, то можно отложить и дать ответ после возвращения Мацуока. При этом тов. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны тов. Сталин указывает, что ему известно, что никакая идеология не мешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений. Что же касается англо-саксов, говорит тов. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить. Далее тов. Сталин заявляет, что то, что в Японии хотят, чтобы государство стало контролером отдельных капиталистов, уже продлевается в Германии и Италии. Это хорошо. Государство только в том случае может усиливаться, если оно является полным контролером всего народа и всех классов.

Мацуока отвечает, что он глубоко убежден в том, что без уничтожения англо-саксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами.

В заключение Мацуока благодарит тов. Сталина за прием.

Тов. Сталин говорит, что благодарить не стоит, так как это его обязанность как хозяина, а Мацуока у него гость.

На вопрос тов. Сталина, как прошло путешествие Мацуока, и были ли неудобства в поездке, Мацуока заявляет, что поездка его прошла очень хорошо, и он благодарит Советское Правительство за оказанный ему прием. При этом Мацуока замечает, что, путешествуя по Сибирской железной дороге, он отдохнул после большой работы в Токио.

В заключение беседы тов. Сталин просит Мацуока передать поклон Риббентропу. Тов. Молотов присоединяется к этому и также просит Мацуока передать поклон Риббентропу.

На этом беседа заканчивается.

На беседе присутствовали тов. Молотов, Татекава и Миякава.

Записал Забродин².

Как видно из содержания беседы, Мацуока в форме прозрачных намеков пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР в той или иной форме к «Тройственному пакту». При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англо-саксов» — «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Как известно, решение о нападении Германии на Советский Союз было принято Гитлером в конце июля 1940 года. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года», — сказал Гитлер 31 июля на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии³. Поэтому предложение немцев советскому правительству присоединиться к «Тройственному пакту» можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений в отношении СССР. Отсюда предложение Риббентропа уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. «подумать о форме, в которой три государства, то есть Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР».

Во время бесед с Молотовым Гитлер предложил Советскому Союзу «участвовать как четвертому партнеру» в Тройственном пакте. При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «...Мы все являемся континентальными государствами,

хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию друг на друга европейских государств, и мы хотим исключить их из Европы. Я считаю, что наши успехи будут большими, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем, если бы мы противостояли и боролись друг с другом»⁴.

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников «проектируемого» союза: «Интересы Германии идут в Восточной и Западной Африке, Италии — в Северо-Восточной Африке, Японии — на юге, а у СССР — там же на юге — к Персидскому заливу и Аравийскому морю...» Риббентроп предложил СССР, Германии, Италии и Японии подписать декларацию против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал в Берлин следующее указание Молотову: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов»⁵.

В российской историографии высказывается мнение, что германская инициатива о подключении СССР к «Тройственному пакту» была ничем иным как блефом, призванным убедить Сталина в отсутствии у Германии намерения ухудшать отношения с Советским Союзом. Блефовало и советское руководство. При этом, Москва не хотела давать Берлину повод для обвинений ее в нежелании поддерживать добрососедские отношения с Германией. 25 ноября 1940 г. Молотов сделал заявление германскому послу в Москве, согласно которому Советское правительство соглашалось принять изложенный 13 ноября Риббентропом «Проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи» при условии, если германские войска немедленно покинут Финляндию, если Советскому Союзу в течение ближайших месяцев удастся гарантировать свою безопасность со стороны черноморских проливов..., если центром территориальных устремлений СССР будет признана зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива, если Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

В российских исследованиях этого вопроса отмечается: «Условия, выдвинутые СССР были заведомо неприемлемы для Германии и ее союзников... Не случайно, что ответа из Берлина на советские условия так и не последовало, на чем Москва, впрочем, особенно и настаивала»⁶.

Что касается Мацуока, то, отправляясь в Европу, он считал, что идея подключения СССР к «Тройственному пакту» еще жива и может быть использована для японо-советского политического

урегулирования на японских условиях. Главная же цель встреч Мацуоки с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР и, если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву №24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса»⁷.

В Японии не могли не понимать, что в стратегическом плане Германия отводит своему дальневосточному союзнику роль младшего партнера, который должен таскать для нее «каштаны из огня». Подозрения японцев в искренности германского союзника неизмеримо усилились бы, знай они об истинной оценке Гитлером японских руководителей.

22 августа 1939 г. накануне подписания германо-советского соглашения о ненападении, фюрер, собрав в своей загородной резиденции приближенных генералов, разразился тирадой: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко может смести революция... Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как к лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут»⁸.

Будучи заинтересованным в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился радушно встречать японского министра, ведя с ним переговоры «на равных». С 27 по 29 марта Мацуока провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам Гитлера Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур»⁹.

Отвечая на вопрос Мацуоки о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «...Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

Что касается вступления России в Тройственный союз, о чем со стороны Германии было сделано предложение Молотову, то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять», — заявил Риббентроп¹⁰. Не раскрывая содержание плана «Барбаросса» и не упоминая о нем, Риббентроп, тем не менее, счел возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убедя своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»¹¹.

Гитлер также склонял Мацуоку к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведывательного управления генштаба армии полковник Я. Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее, Мацуока заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуока подарок — японскую картину-свиток с изображением горы Фудзи — рейхсмаршал Г. Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию с тем, чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него»¹².

Более откровенно Мацуока говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп

реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявит, что «японцы заключили пакт с СССР с одобрения Германии»¹³. О причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы скорее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление сделанное Мацуока в беседе с Риббентропом важное заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»¹⁴.

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно не договаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании — это лишь вопрос времени». Великобритания должна быть разбита? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые Мацуока видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на западе и востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как «50 на 50». «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)», — заявит он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки¹⁵. Но это будет потом. А пока предостояли переговоры в Москве.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по «Тройственному пакту». В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому

для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях, считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними — добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был, кроме всего прочего, затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр К. Оикава с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом»¹⁶.

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений Р. Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Ф. Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «...Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»¹⁷.

Советскому правительству было не просто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Тройственного пакта неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения

с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности, официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии, и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю»¹⁸. Неожиданно в гостиничном номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Долгие годы полный текст состоявшейся 12 апреля 1941 г. беседы Сталина с Мацуокой оставался неопубликованным и хранился в «сталинском архиве». Лишь в последние годы этот, имевший гриф «Совершенно секретно. Особая папка», важный документ стал доступен исследователям.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «дожимать» партнеров, добиваться от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда, казалось, что соглашения уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной беседе. Уже паковавший чемоданы Мацуока был поставлен в ситуацию, когда не ответить положительно на предложенные Сталиным компромиссы было просто нетактично. Тем более, что предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Японии никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию в целом на устраивавших Японию условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же, проявленные Сталиным откровенность и примирительный дружественный тон убеждали Мацуоку, что советский

лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Мацуока являлся единственным японским крупным политиком, с которым Сталин имел дело напрямую. Поэтому, думается, важны все нюансы состоявшегося разговора и соглашения, во многом определившего последующие события в мире.

СОВ. СЕКРЕТНО

Особая папка

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

тов. СТАЛИНА И. В. С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ МАЦУОКА 12 апреля 1941 года

Мацуока благодарит тов. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время его пребывания в СССР, а также благодарит за то, что тов. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое. Мацуока говорит, что, так как он был в старой России, а также в СССР, проездом 8 лет тому назад, то он мог сравнить то, что было раньше и что имеется теперь и с удовлетворением констатирует необыкновенный успех в развитии СССР. Двукратная встреча с тов. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким и знакомым для тов. Сталина. То же самое, — говорит Мацуока, — он может сказать о своих отношениях с тов. Молотовым, с которым он имел несколько встреч. Мацуока думает, что такое личное знакомство может способствовать дальнейшему развитию отношений между Японией и СССР.

Затем Мацуока напоминает, что еще вчера он говорил тов. Молотову о том, чтобы последний навестил Японию с тем, чтобы он, Мацуока, мог ответить ему за тот радушный прием, который ему был оказан в СССР. Мацуока указывает, что не только заключение договоров или соглашений, но также и личные визиты являются составной частью дипломатии. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран, и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор. Однако, из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику — пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения, и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени, и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорил Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время нахождения Стамера (Штамера. — А. К.) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплему морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того, чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англо-саксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англо-саксов. Чан Кайши — агент англо-американского капитала,

и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англо-саксов из Китая имело успех.

Пятое. Это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англо-саксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитала из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше — ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее.

Далее Мацуока говорит, что он хочет отметить следующий момент, чтобы не было недоразумений. Когда он говорил о моральном коммунизме, то это не означало, что весь японский народ и все японцы являются последователями морального коммунизма. Много болезней капитализма, который пришел в Японию более полвека тому назад, сказалось в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа. В Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом, и он уверен в том, что Япония сможет вернуться к моральному коммунизму.

Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов заявлял Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Гитлер заявил тогда тов. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет тов. Сталин, то и теперь Гитлер заявляет, что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает тов. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом пакта о нейтралитете с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Этот вопрос, говорит тов. Сталин, по его мнению, уже назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен,

то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе.

Далее тов. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил тов. Молотов, у Мацуока нет возражений против текста пакта, и только один пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывает сомнения. Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. «Целесообразно ли это?» — спрашивает тов. Сталин. Он говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существа дела, и предложение Советского Правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжоу-Го не союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Сталин говорит, что это все равно, и значит, здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет... Следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий.

Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то, так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей тов. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с тов. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался, и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли, и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру.

Тов. Молотов добавляет, что у него от переговоров с Мацуока такое же впечатление, как и у тов. Сталина.

Далее тов. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для

того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает тов. Сталин, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуока, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо тов. Молотова. Письмо Мацуока придется пришить к договору, как не подлежащее публикации. Если так, то, может быть, можно было бы внести в это письмо некоторые редакционные поправки.

Мацуока заявляет, что он вообще не хочет сказать, что он не может выполнить своего обещания, и потому он дает свое письмо и просит ответить ему письмом тов. Молотова. Мацуока при этом указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Сталин спрашивает — ликвидация концессий?

Мацуока отвечает — да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик.

Затем тов. Сталин передает Мацуока текст письма Мацуока с редакционными поправками.

Мацуока говорит, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2–3 месяца. Ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого, и если бы он мог согласиться на ликвидацию концессий, то для него это уже сейчас было бы не трудным делом.

Тов. Сталин спрашивает, — к чему в таком случае сводится значение письма Мацуока без поправок?

Мацуока говорит, что в беседах между ним и тов. Молотовым точки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом, и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония

держит в руках все выходы Советского Приморья в океан, — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит тов. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

Тов. Сталин отвечает, что это дает спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

Тов. Сталин отвечает, что взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить.

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что не возражает против того, чтобы вместо слов: «в течение 2–3 месяцев», указать: «в течение нескольких месяцев».

Тов. Сталин соглашается с этим.

Мацуока далее заявляет, что так как СССР не хочет продать Японии Северный Сахалин (в этот момент тов. Молотов бросает реплику: «Это невозможно», а тов. Сталин говорит, улыбаясь: «Япония хочет нас задушить, какая же это дружба»), то остается другой выход по линии протокола. Что же касается вопроса о том, сколько нефти будет поставлять СССР Японии — 100 тыс. тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Одним словом, говорит Мацуока, он будет прилагать все свои усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Тов. Сталин предлагает в текст письма Мацуока внести поправку: вместо «...вопрос, касающийся концессий...», написать «...вопрос, касающийся ликвидации концессий».

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит тов. Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио.

Тов. Молотов говорит, что он это сделает.

В заключение беседы тов. Сталин, тов. Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Го и т.д.

С японской стороны были выделены Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто и Хираока.

С советской стороны были выделены т.т. Вышинский, Лозовский, Павлов А. П. и Царапкин.

На беседе присутствовали тов. Молотов, японский посол Татекава и советник Миякава.

Беседа продолжалась около двух часов.

Записал Забродин¹⁹.

В ходе беседы Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны другой или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

В предложенном тексте пакта отсутствовали какие-либо условия и обязательства по другим вопросам. Это облегчало заключение договора.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако, по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царил атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуоки Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же, как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. — На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз»²⁰. Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу»²¹.

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожающих Мацуоку был и германский посол в Москве фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат, и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены»²².

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»²³. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Х. Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»²⁴.

О том, что наиболее агрессивно настроенные в отношении СССР японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, — заявил он, — с одной стороны, все

более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии»²⁵.

Советская разведка своевременно и объективно информировала Кремль о настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Хоцуми Одзаки. — А. К.) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...»²⁶.

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал в Москву: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. — А. К.) Такахаси заявил журналистам: „СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут“. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны»²⁷.

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее, он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако Сталин недооценил коварство государств-агрессоров, их изощренные методы дезинформации противника. Германское вероломное нападение на СССР и проявленная готовность Японии присоединиться к этому нападению с востока означали разрушение выстроенной Сталиным дипломатической конструкции на международной арене. Как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

- ¹ Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё (Хронология японской дипломатии и основные документы). Токио, 1965. Т. 2. С. 481.
- ² Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. №23. 24 дек. С. 72–74.
- ³ Гальдер Ф. Военный дневник (Пер. с нем.) М., 1969. Т. 2. С. 80.
- ⁴ Документы внешней политики (ДВП). Т. XXIII. Кн. 2. С. 46, 65.
- ⁵ Там же. С. 61–62.
- ⁶ См.: Кульков Е. Н. Блок агрессоров: мифы и реальность // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 238–239; Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 384–393.
- ⁷ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1989. Т. 3. С. 630; Полный текст директивы № 24 см.: Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002. Кн. 4. С. 106–107.
- ⁸ Ikle F.W. German — Japanese Relations 1936–1940. New York, 1956. P. 133.
- ⁹ Тайсэн-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948. С. 393.
- ¹⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 635.
- ¹¹ Japan`s Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 22.
- ¹² Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936–1945. New York, 1970. P. 66.
- ¹³ Fuhrer Conferences on matters dealing with German Navy, 1941. Vol. 1. Washington, 1947. P. 53.
- ¹⁴ ГАРФ, ф. 7876, оп. 2, д. 272, л. 12–14.
- ¹⁵ Japan`s Decision for War. P. 58.
- ¹⁶ Ibid. P. 59.
- ¹⁷ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 173.
- ¹⁸ Bergamini D. Japan`s Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 748.
- ¹⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 560–565.
- ²⁰ Мацуока Ёсукэ — соно хито то сёгай (Мацуока Ёсукэ — человек и его карьера). Токио, 1974. С. 879–881.
- ²¹ Bergamini D. Op.cit. P. 749.
- ²² Ibidem.
- ²³ Тайхэйё сэно-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 5. Токио, 1963. С. 300.
- ²⁴ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972. С. 66.
- ²⁵ ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 62.
- ²⁶ Русский архив. Т. 18. С. 176.
- ²⁷ Там же. С. 177.

Агрессия Японии на Дальнем Востоке и сражение при Халхин-Голе

Т. С. Бушуева, А. В. Серегин*

*Япония... задается широкими
великодержавными задачами...*

А. Е. Снесарев

Предисловие

Япония заставила считаться с собой как с новой мировой величиной

В год 70-летия начала Второй мировой войны на базе рассекреченных архивных документов целесообразно вновь обратиться к рассмотрению чрезвычайно сложной международной обстановки, сложившейся в мире к 1939 г.

Практически с захвата Японией Маньчжурии и до итало-абиссинской войны, то есть до 1935 г., мир переживал период окончательной ликвидации версальско-вашигтонской системы и иных прошлых мирных дипломатических установлений. А в 1936 г. И. В. Сталин уже открыто заявил о возникновении очага военной опасности на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что для Дальнего Востока XX век, с самого его начала, был беспокойным. Для России он начался с русско-японской войны. Оценивая ее итоги, выдающийся русский геополитик, первый начальник Академии Генерального штаба

Андрей Евгеньевич Снесарев предупреждал соотечественников о том, что Портсмутский мир не знаменовал собой окончания борьбы, и русское общество напрасно успокоилось, ошибочно полагая, что Портсмутским договором и последующими за ним соглашениями положение дел на Дальнем Востоке закреплено в каких-то определенных, надежных для России рамках.

«Ничуть не бывало, — писал А. Е. Снесарев. — Сражений, правда, более нет, новая Цусима не потрясает ужасом наших сердец, и новый Порт-Артур не бьет своим падением по русской гордости, но вместо открытой войны ведется замаскированная, и движение желтых ратей происходит отнюдь не в меньшем масштабе, чем это было под Ляояном или Мукденом. Япония, победоносной войной 1904–1905 гг. укрепившая свою политическую и военную мощь, а во

* Татьяна Семеновна Бушуева — кандидат исторических наук.

Александр Васильевич Серегин — кандидат культурологии, директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО (У) МИД РФ.

время мировой войны достигшая исключительной экономической и финансовой силы, является теперь той державой, которая задается широкими великодержавными задачами: она стремится не только к господству на Дальнем Востоке, но и к господству над всей Азией»¹.

Война с Японией не была проиграна — она была не окончена. Но, как уже давно было подмечено, события в Азии всегда зреют в тиши. Развитие последующих событий XX в. свидетельствовало о том, что это была лишь временная передышка держав, лежащих у Великого океана, для последующего возобновления борьбы.

В 1910 г. Япония аннексировала Корею. Победы над Россией заставили считаться с Японией как с новой мировой величиной. Ограниченное участие Японии в Первой мировой войне на стороне Антанты принесло ей бывшие германские Тихоокеанские колонии: Маршалловы, Каролинские и Марианские острова, а также дало возможность выйти на «стартовую позицию» в континентальном Китае. Фактически с сентября 1931 г. по сентябрь 1945 г. японская императорская армия вела бесконечные бои на огромном пространстве от промерзлых просторов Северного Китая и Алеутских островов до тропических лесов Бирмы и Новой Гвинеи. Япония захватила огромные территории, и миллионы людей стали подданными японского императора. Основной целью этих военных побед был захват и удержание сырьевых ресурсов, которых не было на островах метрополии.

Однако крупным фактором при решении восточных вопросов, поистине физическим и духовным мостом между Европой и Азией всегда являлась Россия благодаря своей близости к Востоку, врожденной и веками вскормленной способности понимания его и умения подойти к нему. По оценке А. Е. Снесарева, «...Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар желтой волны о берега Белого моря; он является первой дверью, в которую будет стучать желтый властелин, прежде чем вступить тяжелой ногой на поле культуры. Это обстоятельство придает Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения... Конечно, среди „русских“, может быть, и теперь, как это было в недавнюю войну, найдутся такие „сыны отечества“, которые не на словах только, а на деле готовы будут отдать родные места чужестранцу... до Байкала...»².

20 августа 1939 г. советские и монгольские войска, взаимодействовавшие с танками и авиацией и руководимые советским военачальником Г. К. Жуковым, перешли в контрнаступление, в ходе которого окружили части 6-й японской армии, расчленили их оборону на ряд изолированных очагов и затем ликвидировали. По масштабу и характеру это была крупнейшая для того времени операция современных армий, оснащенных новейшей военной техникой, операция, приведшая к поражению группировки

японских войск. На Халхин-Голе была фактически осуществлена сложнейшая операция по окружению противника. Разгром японских войск на Халхин-Голе подтвердил правильность существования в советской военной теории взглядов на ведение наступательных операций и, в частности, глубокой операции.

Уже 23 августа 1939 г. «по уполномочию правительства СССР» В. Молотов и «за правительство Германии» И. Риббентроп заключили в Москве советско-германский договор о ненападении. После его заключения И. В. Сталин сказал: «...к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами». А бывший министр иностранных дел М. М. Литвинов говорил: «Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира». Как бы то ни было, споры о значении этого договора не утихают и сегодня...

Очевидно, что по прошествии 70 лет необходимо рассматривать события на Халхин-Голе как неразрывно связанные с общей политикой мировых держав, приведшей к развязыванию Второй мировой войны.

Выявленные в последнее десятилетие в архивах ранее неизвестные, подчас ключевые документы и свидетельства по предыстории и истории Второй мировой войны помогают раскрыть малоизвестные ее страницы. И какими бы мрачными они ни оказались, их нельзя перечеркнуть, тем более забыть. Делается это с единственной целью: научиться извлекать уроки, не скрывая противоречий, ошибок и преступлений, совершенных правящими кругами великих держав в XX столетии, а не просто конъюнктурно переписывать историю.

Значимость событий, произошедших на дальневосточных рубежах СССР и сопредельной Монголии 70 лет тому назад, очевидна и сегодня. В середине XX столетия на смену послевоенной геополитической структуре мира пришел новый период перманентной нестабильности, характеризующийся попытками пересмотреть сложившийся после Второй мировой войны порядок мироустройства.

В современной ситуации проявляются однополярность, навязывание воли отдельной группы индустриально развитых стран всем остальным государствам и народам, выдвигание на первые роли в глобальной политике теневых финансово-олигархических групп. Обострилась борьба между отдельными странами за обладание ресурсами, за достижение более высокого жизненного уровня своих граждан за счет других.

Формы этой борьбы различны, но ее жестокость и бескомпромиссный характер свидетельствуют об актуализации для каждого государства в отдельности вопросов обеспечения национальной безопасности, проблем выживания и развития в XXI столетии. В этой связи исторические уроки приобретают сегодня по-новому звучащее актуальное значение.

...Стоит отказаться от ложных представлений о нашей неуязвимости, определяемой географическим положением страны, обширностью ее территории...

А. А. Свечин

Глава 1

События в Азии всегда зреют в тиши

Русский Дальний Восток, примыкающий к водам Тихого океана, как огромная политическая и экономическая величина с входившими в него восточноазиатскими областями: Забайкальской, Амурской, Приамурской, Камчатской и Сахалинской — с геополитической точки зрения сам являлся слагаемым более обширного понятия, называемого Дальним Востоком.

Следует сказать об особенностях геостратегического положения восточных советских военных округов в рассматриваемый отрезок времени, а также об их мобилизационных возможностях как в случае военных действий вообще, так и накануне халхингольских событий.

Геостратегическое положение советской военной системы на Дальнем Востоке определялось в первую очередь Тихим океаном, омывавшим с востока дальневосточный театр и образывавшим у его берегов Берингово, Охотское и Японское моря. Берингово море, как удаленное, в то время не имело ни экономического, ни военного значения, а высадка здесь военного десанта для советского командования представлялась маловероятной. В то же время на юго-восточной оконечности Камчатского полуострова имелась прекрасная гавань Петропавловск с незамерзающим и защищенным рейдом, со свободным выходом в Тихий океан. Однако он не был соединен железнодорожным путем с общей сетью государственных железных дорог (ближайшей железнодорожной станцией был Благовещенск в 4 тыс. км), а потому был изолирован и мог быть подвержен ударам со стороны Японии. Базой Дальневосточного флота оставался неудобный Владивосток, ограничивавший до крайности советские военные возможности. Для десанта противника мог служить ряд портов, находившихся на некотором удалении на юг от Владивостока: Посъет, Славянка, Стрелок, Восток, Кангауз.

Разведывательное управление Генерального штаба РККА 29 января 1938 г. сообщило наркомку обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о том, «по словам английского консула в Харбине, располагающего якобы достоверными

данными, японцы в случае войны с СССР будут вести оборонительные действия на Забайкальском и Благовещенском направлениях, а активные операции развернут в Приморье от Дунин на Ворошилов с целью овладения Владивостоком»³.

В Охотском море, лишенном удобных гаваней, находился единственный порт — в Охотске, не имевший, однако, укрытых от ветра стоянок, что снижало его военную значимость. Наибольшую ширину, в 25 морских миль, имел лиман реки Амур. Порт в Николаевске был мало пригоден для стоянки судов, однако высадка десанта здесь была возможна (для контроля выхода из реки Амур и захвата советских рыбных богатств). Залив Де-Костри на материковой части являлся наиболее удобным местом высадки десанта противника на всем побережье Татарского пролива.

В целом для десантных операций крупного размаха побережье Приамурского края больших удобств не представляло, а потому японцы обратили внимание на бухту Огый на корейском берегу, куда и подвели железную дорогу.

Весь огромный Дальний Восток как театр военных действий (ТВД) мог быть разделен на два отдельных театра: Приамурский и Маньчжурский. Приамурский театр подразделялся на Забайкальский, Приамурский, Сахалинский и Камчатский районы. Главным районом будущих военных действий Приамурского театра становилась западная его часть, включавшая Забайкалье и Приамурье. Приамурье приобретало вспомогательное значение, Камчатский и Сахалинский районы имели второстепенное значение. В стратегическом отношении Приамурский театр имел преимущества охватывающего положения по отношению к Маньчжурии. Маньчжурский театр мог быть разделен на Северо-маньчжурский, Северо-корейский и Восточно-монгольский районы.

Советское руководство намечало два района для развертывания своих вооруженных сил: Приморье — в своей южной Уссурийской части — для удара по глубокому тылу неприятеля, оперировавшего в Маньчжурии, и для действий против десантов, если таковые высадятся на побережье северной части Кореи;

и Приамурье и Забайкалье — для развертывания главных сил Дальневосточной армии. В этом смысле особенно уязвимой являлась Забайкальская железная дорога, осуществлявшая единственную связь с тылом. При сравнении Приамурского и Маньчжурского ТВД видно, что первый имел выгоды стратегического характера, охватывая с трех сторон Маньчжурский, что позволяло вести наступательные операции в концентрических направлениях одновременно из Забайкалья, Приамурья и Приморья, имея целью овладеть Средне-Сунгарийской равниной, и в частности городом Харбин, как важным транспортным узлом. Противник Красной Армии, имея в регионе сильные коммерческий и военный флоты, а также достаточное количество десантных пунктов и подготовленную сеть железных дорог, обладал всем необходимым для сосредоточения сильной армии в Северо-Маньчжурском районе, откуда мог предпринять наступление в любом направлении в Забайкалье, Приамурье, Приморье, причем направление главного удара на Забайкалье и западную часть Приамурья поставило бы Красную Армию в критическое положение, так как отрезало бы ее от ближайшей базы — Сибири.

Советское руководство понимало, что без овладения Северной Маньчжурией или по крайней мере без ее нейтралитета положение на Дальнем Востоке не могло считаться стабильным. Но обстановка в рассматриваемый период складывалась не в пользу СССР. Япония же энергично закрепляла свое положение в Северной Маньчжурии, готовясь к захвату Дальнего Востока. Однако советское руководство оказалось не в состоянии предотвратить надвигавшуюся опасность, хотя прекрасно понимало, что главной угрозой на Дальнем Востоке становится Япония, что эта угроза постоянно растет, и что на советскую территорию вновь могут позариться недавние недруги России.

О противостоявших советской военно-окруженной системе на Дальнем Востоке силах противника в начале 1930-х гг. начальник Разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзин сообщал наркомом обороны СССР К. Е. Ворошилову. Он отмечал, что против Забайкалья, на Благовещенском направлении, против Приморья, в Южной Маньчжурии, Жэхэ и Корее японцы сосредоточили 14 пехотных бригад, 2 кавалерийские бригады общей численностью 98 тыс. человек⁴.

С точки зрения советской дальневосточной геополитики огромное значение имела лежащая к западу от Маньчжурии пустынная страна — Хали или Внешняя Монголия, с территорией 1 млн 200 тыс. кв. км, населением (по переписи 1918 г.) 650 тыс. человек (в том числе 90 тыс. китайцев, 5 тыс. русских), с плотностью населения 1 человек на 21,5 кв. км⁵.

Советское руководство рассматривало Монголию, так же как и Маньчжурию, в качестве плацдарма для распространения своего влияния на Китай. Начальник штаба Квантунской армии генерал Сэйси-

ро Итагаки высказывал мысль о том, что Монголия «...является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия (МНР. — *Авт.*) будет объединена с Японией и Манчжоу-Го⁶, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении, и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение япономаньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении»⁷.

В 1935 г. официальный орган советской печати газета «Правда» поместила информацию о произнесенной японским министром иностранных дел речи, в которой высказывалась мысль о необходимости того, чтобы СССР «ослабил оборону своих границ на Дальнем Востоке». По его мнению, все, что делается советской стороной, предназначено не для обороны границ Дальнего Востока, а «для нападения СССР на Японию»⁸.

Для России всегда был характерен активный тип геополитического поведения. В XX столетии перед советской Россией, ее высшим руководством встал вопрос, к какой стороне на Дальнем Востоке примкнуть: японской, китайской, английской или американской? Как использовать в своих интересах нарождающиеся противоречия между Японией и Америкой, как создать общий блок народов, живущих и борющихся у вод Великого океана.

Выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.), командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Маршал Советского Союза В. К. Блюхер с пафосом заявил: «У нас нет намерения напасть на Японию... Если грянут боевые события на Дальнем Востоке, то Особая Дальневосточная Красная армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции под непосредственным руководством любимого вождя рабоче-крестьянской Красной Армии и флота товарища Ворошилова, Центрального комитета партии, великого вождя нашей партии товарища Сталина ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма»⁹.

М. Н. Тухачевский в своей «Записке о методах борьбы с японским морским флотом в Японском море» рекомендовал: «Практически на ближайшие годы для борьбы с наступающим японским флотом нам придется применять воздушный и подводный флот, а также торпедные катера. Эти средства достаточны для того, чтобы при соответствующей организационной и технической подготовке уничтожить те морские силы, которые Япония сможет выделить против СССР, не ослабляя себя для борьбы в Тихом океане»¹⁰.

Японская разведка в 1930-х гг. обращала внимание своего генерального штаба на факты чрезмерного, по ее мнению, увеличения советских войск на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб выражал

обеспокоенность тем, что «армия Блюхера огромной дугой выгнулась на Дальний Восток». Японские военные деятели заявляли о том, что на Дальнем Востоке развернуты огромные силы Красной Армии, созданы подземные аэродромы, с которых советская авиация сможет долететь до Японии и бомбить Токио и Нагасаки. В то же время советская сторона утверждала, что туполевские самолеты с теоретическим радиусом полета 2500 км даже в самых лучших метеорологических условиях были бы не в состоянии сделать налет вглубь Японии, а результаты их нападения ограничились бы лишь разрушениями и пожарами в полосе, прилегающей к восточному берегу Японии, к тому же советские авиационные базы и аэродромы неминуемо были бы расположены в непосредственной близости от железной дороги.

По данным разведывательного управления штаба РККА, в докладе германского военного атташе в Японии полковника Ота сообщалось в Берлин, что военный министр Японии Араки, вернувший свое прежнее политическое влияние, считает, что война против СССР остается единственным путем для Японии, а что касается боеспособности Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), по его мнению, «...она может действовать самостоятельно в течение 6–9 месяцев, используя созданные запасы»¹¹.

Еще в конце 1920-х гг. русский военный теоретик Александр Андреевич Свечин предупреждал, что стоит отказаться от ложных представлений о нашей неуязвимости, определяемой географическим положением страны, обширностью ее территории. В свою очередь его оппонент, Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский, не отрицая важности геополитического фактора, настаивал на необходимости соблюдения принципа особой классовой стратегии, выражавшейся в том, что некоторые операционные направления, безусловно выгоднейшие в войне нормальной, оказываются худшими при войне классовой. Наилучшими направлениями, по мнению Тухачевского, признаются те, на которых наступающие или обороняющиеся части встретят мощную коммунистическую прослойку среди населения. По его мнению, те государства, которые допускают у себя развитие коммунистических партий, могут быть рассматриваемы как более пригодные для операций не только политического, но и чисто военного характера.

Советское политическое и военное руководство понимало, что дело обороны советского дальнего Востока требовало от созданной здесь советской военно-окружной системы решения масштабных, дорогостоящих и многосторонних задач, осуществление которых скрыть от противника довольно сложно.

17 мая 1935 г. по приказу наркома обороны Союза ССР был впервые образован (на основе самой ОКДВА) дальневосточный военный округ (ДВО). Управление было сформировано на базе Особой

Краснознаменной дальневосточной армии и дислоцировалось в Хабаровске. 2 июня 1935 г. ДВО снова переименовали в ОКДВА с сохранением за ней функций округа. 1 июля 1938 г. в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии ОКДВА была развернута в Краснознаменный дальневосточный фронт. Командующим фронтом назначался Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, членом Военного совета — дивизионный комиссар П. И. Мазепов, начальником штаба — комкор Г. М. Штерн.

При геостратегической и геополитической территориальной «нарезке» дальневосточного и Забайкальского военных округов советское руководство учитывало в первую очередь особенности границ страны, состояние вооруженных сил сопредельных государств, и особенно тех, которые рассматривались в качестве вероятного противника, а также состояние железнодорожной сети. Граница восточных округов охватывала территорию от Чукотского полуострова до бухты Посыет по берегу Тихого океана, к которому примыкали возможные в будущем дальневосточные театры военных действий. Именно здесь активизировался новый район мирового соперничества, где сталкивались интересы СССР, Японии, Англии и США. Каждое из этих государств нацеливалось получить в самоличное пользование китайские рынки и морские пути, ведущие в Китай, а также опорные пункты и порты в Тихом океане.

Для СССР Дальний Восток в геополитическом отношении имел огромное значение: он представлял собой фонд, включающий в себя громадные, еще нетронутые богатства, которые сулили СССР широкие экономические возможности; позволял разместить на своей территории массу населения; он соприкасался с открытым и теплым морем, дававшим возможность общения со всеми странами Тихоокеанского побережья.

Среди противников СССР особенно опасной представлялась Япония, так как не располагала собственным сырьем и всегда смотрела на Дальний Восток как на свою продовольственную базу. Вдоль сухопутных границ в целях их защиты в восточных военных округах создавались укрепленные районы, устанавливались береговая артиллерия и пулеметные огневые точки на речных и морских рубежах, велось строительство складов, аэродромов и дорог в пограничной полосе. Однако увеличение численности воинских частей было только одним из направлений деятельности по усилению боеспособности дальневосточных войск, выполнявших роль стратегического авангарда на Дальнем Востоке.

Оборона Дальнего Востока требовала усиления оборонительного потенциала края, во-первых, для того, чтобы дальневосточные части, в случае нападения подавляющих сил неприятеля, смогли, используя фортификационные сооружения, удержать занимаемую полосу обороны до прибытия резервов из глубины страны, а во-вторых, необходимо было

как можно скорее удвоить сибирскую колею для своевременной переброски войск из сердца России на ее восточную окраину.

Важнейшей задачей всегда оставалась необходимость обращать внимание на подбор дальневосточных командных кадров для частей и соединений, дислоцированных на Дальнем Востоке.

Для укрепления дальневосточных границ СССР огромное значение имели общий подъем экономики Дальнего Востока и его заселение в годы первых пятилеток, а также создание Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Однако из-за большой протяженности дальневосточной границы многие ее участки не были оборудованы достаточными для обороны средствами. Особенно это относилось к горно-таежным и морским границам Дальнего Востока, протянувшимся на многие сотни километров. А потому, развязывая вооруженные конфликты против СССР, японцы учитывали особенности местности; так произошло у озера Хасан, где они воспользовались крайне неблагоприятными особенностями приграничного района для сосредоточения и развертывания советских войск.

Как известно, основными задачами военных округов являются призыв граждан на военную службу в мирное время и мобилизация в случае возможных военных действий. Однако события у озера Хасан уже вскрыли существенные недостатки в мобилизационной готовности войск 1-й Дальневосточной (Приморской) армии, в работе штабов частей и соединений, а также серьезные недоработки в боевой подготовке личного состава. Поэтому нарком обороны К. Е. Ворошилов с полным основанием мог констатировать после событий на Хасане: «...мы оказались недостаточно... молниеносны и четки в тактике и особенно в применении соединенных сил и нанесении концентрированного удара»¹².

В конце ноября 1938 г. Главный военный совет при народном комиссаре обороны принял развернутое решение, направленное на повышение боевой и мобилизационной готовности войск Дальнего Востока и усиление охраны границ. Вместе с тем советское правительство после событий у озера Хасан, официально выказывая желание нормализовать отношения с Японией, упразднило фронтовое управление на Дальнем Востоке, оставив две отдельные армии и одну северную армейскую группу, непосредственно подчиняющуюся наркому обороны. Однако провокационный характер нараставших событий на Дальнем Востоке вынудил СССР в первой половине 1939 г. увеличить численность Вооруженных сил на 345 тыс. вместо 57 тыс., предусмотренных пятилетним планом военного строительства. Тем не менее 21 августа 1938 г. заместитель наркома внутренних дел М. П. Фриновский сообщал К. Е. Ворошилову: «Состояние, в котором сейчас находится Дальневосточный фронт, не дает сколько-нибудь относительных гарантий того, что

он будет способен выполнить задачи войны на Дальнем Востоке. Требуется принятие самых энергичных и решительных мер для приведении фронта в боеспособное состояние»¹³.

31 августа 1938 г. Главный военный совет принял решение упразднить фронтовое управление на Дальнем Востоке, а его командующего В. К. Блюхера отозвать в распоряжение Главного военного совета РККА. С 1 сентября 1938 г. Блюхер был освобожден от работы на Дальнем Востоке. 17 декабря 1938 г. в своем послании К. Е. Ворошилову Чан Кайши интересовался, где в данное время находится В. К. Блюхер, и выяснял возможность его приезда в Китай. По мнению Чан Кайши, приезд Блюхера равнялся бы «присылке сотысячной армии»¹⁴.

5 июля 1939 г. Главный военный совет РККА принял решение об образовании в Чите нового органа стратегического руководства Вооруженными силами, подчинив ему все войска, дислоцированные в то время на Дальнем Востоке. В соответствии с этим народный комиссар обороны издал приказ о создании фронтовой группы войск во главе с командующим — командармом 2 ранга Г. М. Штерном (член военного совета дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба комдив М. А. Кузнецов). На военный совет и штаб созданной группы возлагались задачи по объединению и направлению действий советских войск на Дальнем Востоке, руководству их оперативной деятельностью, специальному и тыловому обеспечению как в мирное, так и в военное время. Командующий фронтовой группой подчинялся непосредственно народному комиссару обороны СССР.

Реорганизация органов управления на Дальневосточном ТВД завершилась в середине июля 1939 г. преобразованием 57-го особого корпуса, находившегося в Монгольской Народной Республике, в 1-ю армейскую группу под командованием комдива (с 31 июля — комкора) Г. К. Жукова, которая непосредственно подчинялась командующему фронтовой группой войск на Дальнем Востоке.

Проведенная реорганизация органов управления советскими войсками на Дальнем Востоке способствовала впоследствии успешному разгрому японских войск в районе Халхин-Гола и пресечению агрессивных устремлений Японии против СССР и МНР. Вновь созданные управления фронтовой и армейской групп войск продолжали функционировать еще почти год после окончания военных действий¹⁵.

В период 1934–1939 гг. танковый парк на Дальнем Востоке увеличился почти вдвое, а количество бронемашин возросло в восемь раз. На вооружение поступали новые и модернизированные артиллерийские орудия. В 1939 г. соединения и части Дальнего Востока были целиком переведены на кадровую систему комплектования. Таким образом, к лету 1939 г. в состав советских войск на Дальнем Востоке входили: 1-я отдельная Краснознаменная армия под командованием командарма 2 ранга Г. М. Штерна,

2-я отдельная Краснознаменная армия комкора И. С. Конева, Забайкальский военный округ (командующий комкор Ф. Н. Ремизов). В беседе с И. В. Сталиным по итогам халхингольских событий Г. К. Жуков особенно отметил войска, подготовленные Забайкальским военным округом. Он докладывал Сталину: «Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья». По мнению Г. К. Жукова, в преодолении трудностей материально-технического снабжения войск также большую помощь оказал Забайкальский военный округ. Жуков отметил и удачную работу военного совета Забайкальского военного округа, в частности Г. М. Штерна¹⁶.

Эти объединения подчинились непосредственно наркомату обороны СССР. В оперативном подчинении 1-й отдельной Краснознаменной армии находился Тихоокеанский флот, 2-й отдельной Краснознаменной армии — Краснознаменная Амурская флотилия, а Забайкальского военного округа — 57-й особый корпус, дислоцировавшийся на территории Монгольской Народной Республики.

Из авиационных частей и соединений было создано новое оперативное объединение — 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение.

Уже упоминавшийся военный теоретик А. А. Свечин высказывал мысль о том, что для России, всегда отстававшей от своих врагов в «разворотливости», наиболее подходящим видом военных действий с началом войны будет стратегическая оборона. Вместе с тем советское политическое и военное руководство понимало, что отныне, какой бы из двух способов действий — стратегическое наступление или стратегическая оборона — ни был бы выбран, необходимо, чтобы развертывание вооруженных сил производилось в полной безопасности, то есть не подвергаясь решительной атаке со стороны противника ранее окончания мобилизации и полного развертывания.

Но, как говорил Отто фон Бисмарк, государство, прекратившее наступление, начинает отступать. На 3-й сессии Верховного Совета СССР в мае 1939 г. советское правительство официально заявило, что границу Монгольской Народной Республики «мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»¹⁷. Приказом НКО СССР от 4 сентября 1938 г. Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия, как уже говорилось, были оперативно подчинены командующим отдельными армиями¹⁸.

В оправдание своих действий в отношении МНР японские власти утверждали, что границей между МНР и Маньчжурией в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур служит река Халхин-Гол.

В действительности же по официальным картам граница МНР с Маньчжурией проходила в этом районе восточнее Халхин-Гола по линии Хулат-Улайн-Обо, Номон-Хан-Бурд-Обо. На этой линии [24] со дня образования МНР постоянно находились посты пограничной охраны МНР. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее Халхин-Гола, никем, в том числе и маньчжурской стороной, не оспаривалась.

В соответствии с соглашением в МНР были направлены части Красной Армии, из которых был сформирован 57-й особый корпус. Советская сторона принимала действенные меры по защите дальневосточных рубежей СССР и союзной МНР. В частности, было решено увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке, укреплялись границы, завершалось строительство многих оборонительных районов на наиболее угрожаемых направлениях. Наряду с этими важными оборонными мероприятиями значительная работа проводилась по дальнейшему развитию экономики в районах Дальнего Востока. От Забайкалья до берегов Тихого океана развернулось строительство заводов, создавались военные городки. Усилиями молодежи, приехавшей со всех концов страны, вырос новый промышленный центр дальнего Востока — Комсомольск-на-Амуре. На постоянное местожительство в различные области дальнего Востока выехало большое количество демобилизованных воинов.

Планируя агрессивные действия, японское командование избрало объектом нападения восточный выступ в районе реки Халхин-Гол. Овладение этим районом дало бы японцам ряд преимуществ. Река Халхин-Гол — шириной 100–130 м и глубиной 2–3 м — имеет крутые спуски, некоторые участки заболочены и труднопроходимы для боевой техники. В нескольких километрах к востоку от реки протянулась гряда господствовавших высот. Наряду с этим в долине реки было много песчаных котлованов; здесь же в Халхин-Гол впадала река Хайластын-Гол, разрезавшая на две части район предстоящих боевых действий, что было невыгодно для советско-монгольских войск¹⁹. С маньчжурской стороны к этому району близко подходили две железные дороги, ближайшая же железнодорожная станция для снабжения советских и монгольских войск находилась на расстоянии 650 км. Степной и безлюдный район восточнее реки Халхин-Гол охранялся лишь отдельными пограничными дозорами, заставы находились в 20–30 км от госграницы.

Японская сторона на своих топографических картах обозначила границу Манчжоу-Го (марионетное государство, созданное Японией в 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая) по реке Халхин-Гол, которая фактически проходила восточнее. По их мнению, это должно было создать «правовую основу» для нападения. Наиболее серьезный инцидент произошел уже 11 мая 1939 г. На другой день

японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, отеснив пограничные заставы монгольской народной армии (монгольская Народно-революционная армия), вышли к реке Халхин-Гол. Так начались боевые действия, длившиеся более четырех месяцев.

В мае 1940 г. И. В. Сталин вызвал к себе Г. К. Жукова, уже назначенного на должность командующего Киевского особого военного округа, и присутствовавший в его кабинете член Политбюро М. И. Калинин задал Г. К. Жукову вопрос: «Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение?» Г. К. Жуков ответил: «Ближайшая цель — захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД».

В январе 1939 г. советская военная разведка передала в центр сообщение, в котором приводилось высказывание о России одного из высокопоставленных немецких полковников — Гиммера: «Знаете ли, об Россию кроме нас (немцев) многие обломали себе зубы. Однако я знаю, что планами похода на Советский Союз полны головы многих... Но Россия лежит далеко, и дорога туда не путь для прогулок, она ведет в даль, которая кажется мне более чем фантастической»²⁰.

1 марта 1936 г. в беседе с И. В. Сталиным председатель американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-н Рой Говард спросил: «Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?» На что Сталин ответил: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике». Далее Говард спрашивает: «Если вспыхнет война, то в какой части она может развиваться раньше? Где грозовые тучи войны больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?» Сталин ответил: «Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами в адрес других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют»²¹.

В конце 1930-х гг. и на Западе, и на Востоке уже запахло порохом. В этих условиях на приграничные военные округа возлагалась особая задача быть готовым к немедленным действиям. Дело шло к новой мировой войне. Вскоре ее пламя перекинулось на Восток, что свидетельствовало о стремительном вовлечении этого региона в новый мировой конфликт.

С начала 1939 г. основное внимание И. В. Сталина было обращено на внешнеполитические проблемы. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. он заявил, что СССР не даст себя одурачить и не собирается «таскать каштаны из огня для поджигателей войны». Однако мир к этому времени был уже подожжен с многих сторон. Италия напала на Абиссинию и Албанию, была осуществлена широкая германо-итальянская интервенция против республиканской Испании, Германия захватила Австрию, аннексировала Чехию и фактически Словакию.

Продолжала завоевательные действия в Китае Япония. Она оказалась сильной не только в военном отношении, но и в дипломатии, в своей осведомленности и расчетливости своих шагов на международном уровне. Сильные стороны японской внешней политики, по мнению знатока Востока А. Е. Снесарева, «...это новый и очень крупный фактор в ее могуществе; в дальневосточной обстановке он не должен быть забыт ни на одну минуту, ибо с ним России, да и другим государствам рано или поздно придется считаться... Война показала нам, что эта страна храбра, решительна до отчаяния и не останавливается ни перед какими нравственными препонами, которые в глазах народов Европы сохраняют и поныне свою вековую ценность... Военная сила нашей желтой соседки — факт неоспоримый, и если его не нужно преувеличивать до степени паники, то разумно учитывать его и необходимо, и своевременно»²².

15 января 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов заявил во время беседы с французским военным атташе полковником Паласом: «Никаких осей мы не боимся и всегда готовы встретить врага»²³.

Еще 15 февраля 1938 г. в докладе советского военного атташе в Китае комбрига Иванова, направленном Ворошилову, подчеркивалось: «Надежды (китштаба) на изменение международной обстановки также не оправдались. Не только китайцы, но и американцы, и англичане ждут выступления Советского Союза против Японии. Некоторые высказывались, что СССР потеряет удобный момент, если не выступит немедленно, когда Япония послала половину своей армии в Китай. Все хотели бы видеть Японию разбитой, но чужими руками, чужой кровью».

А 23 января 1939 г. он же совершенно секретно сообщал в Москву «Хозяину» о том, что «Чан Кайши надеется на то, что крах японской агрессии вызовут или внутренний кризис в стране, землетрясения, тайфуны, эпидемии в японской армии, или возможность войны Японии с Советским Союзом»²⁴.

20 марта 1939 г. Л. П. Берия сообщил К. Е. Ворошилову, что в соответствии с информацией от резидента из Японии, «если между СССР и Японией не будет достигнуто положительных результатов по рыболовному вопросу, то японцы, вероятно, оккупируют советскую часть острова Сахалин»²⁵.

27 марта 1939 г. в ходе беседы заместителя наркома В. П. Потемкина с министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном последний высказал мысль о том, что в случае вооруженного конфликта «Англия и Франция смогут справиться с Германией без поддержки США. Другое дело — Дальний Восток. Там против Японии необходимо действовать совместно Советскому Союзу и США... Германия едва ли решится броситься на СССР. Между тем Япония лихорадочно готовится к войне с Советским Союзом, которая представляется Хадсону неизбежной... Ни Англия, ни Франция ... не могут активно противодействовать Японии на Дальнем Востоке...».

В мае 1939 г. был смещен руководитель НКВД М. М. Литвинов, приверженец мифической идеи о «системе коллективной безопасности». На его место был назначен В. М. Молотов, взявший иной внешнеполитический курс. 8 мая 1939 г. во время встречи В. М. Молотова и английского посла Сидса последний задал ему вопрос: «Означает ли уход г. Литвинова с поста НКВД какое-либо изменение во внешней политике Советского Союза?» Молотов ответил, что «позиция Советского правительства остается без изменений, поскольку не произойдет каких-либо изменений в международной обстановке и позиции других держав». В свою очередь Молотов спросил Сидса о готовности к заключению военного соглашения с СССР. Тот уклонился от ответа²⁶.

Весь 1939 г. прошел под флагом секретной дипломатической игры, уточнения позиций, выяснения дальнейших намерений различных сторон будущих участников грядущих конфликтов.

16 мая 1939 г. США начали переговоры с Японией в Токио. В ходе них министр иностранных дел Японии Арита Хатири и посол США Грю поставили вопросы об улучшении японо-американских отношений в новой ситуации²⁷. А через день, 18 мая, в беседе принял участие премьер-министр Японии Хиранума Киихиро, высказавший мнение, поддержанное его американским собеседником, что возможно самое тесное сотрудничество между США и Японией, основанное на совместных поисках путей к разрешению противоречий в Европе²⁸.

В июне–июле 1939 г. японо-американские переговоры были продолжены в Вашингтоне между японским послом в США Хориноуци Кенсукэ и государственным секретарем Корделлом Хэллом. Посол стремился доказать Хэллу, что все военные усилия японского правительства направлены против СССР. 10 июля государственный секретарь ответил, что он разделяет эту точку зрения. В следующей беседе, спустя 10 дней, он заявил, что США также выступают против усиления СССР, как и многие другие страны²⁹.

Английское правительство тоже поощряло агрессивные устремления Японии, направленные против СССР и МНР. Ведя переговоры с СССР

о заключении пакта о взаимопомощи против агрессии в Европе, правительство Англии в то же время предприняло переговоры в Токио с МИД Японии о «дальневосточном Мюнхене». Переговоры завершились 23 июля 1939 г. соглашением, подписанным английским послом в Токио и японским МИД (соглашение «Крейги-Арита»). Английское правительство признало японские захваты в Китае и обязалось не помогать ему в войне с Японией. В тексте говорилось: «Японская армия в Китае особо нуждается в обеспечении своей безопасности и в сохранении общественного порядка в оккупированных ею районах»³⁰.

30 июля 1939 г., в разгар событий на Халхин-Голе, Чан Кайши достаточно решительно требовал от К. Е. Ворошилова: «Наша страна крайне нуждается в пополнении необходимым вооружением. Все вооружения, которые Вами обещаны Китаю, по слухам, до сих пор еще не отправлены. Если указанные вооружения не придут вовремя в Китай, то в случае возникновения европейской войны транспортирование их еще более будет затруднено и нашим — плану пополнения армии вооружениями и плану контрнаступления будет нанесен крайне чувствительный удар»³¹.

Но еще до этого, 27 апреля 1939 г., китайский маршал Ян-Цзе, находившийся в СССР, упрекал советскую сторону: «Отсутствие поставок из Советского Союза самолетов с ноября прошлого года создало в Китае чрезвычайно напряженное положение...». Ян-Цзе подчеркивал, что эти факты дают почву для разговоров о том, что «Советский Союз не хочет помогать Китаю... Советский Союз не дает самолетов... Осложнения в Европе заставили его (СССР) мобилизовать свою армию, и ему сейчас не до Китая...»³². [29]

16 августа того же года в совершенно секретной беседе К. Е. Ворошилова и маршала Ян-Цзе последний сказал: «Чан Кайши считает, что Красная Армия самая лучшая армия, у которой можно поучиться многому, и поэтому просит Вашего разрешения присутствовать на маневрах РККА в 1939 г. китайским офицерам в количестве 8–10 человек». На это Ворошилов ответил: «Предстоящие маневры РККА в 1939 г. будут носить особый характер. Исходя из особого характера маневров, мы решили на маневры 1939 г. никого из представителей армий других стран на эти маневры не приглашать»³³.

Председатель законодательного Юаня Китая г-н Сунь-Фо 8 апреля 1939 г. в Москве высказал мысль о том, что «всякому понятно, что война на Дальнем Востоке угрожает общему миру. Поэтому противодействие японскому агрессору коллективными усилиями явилось бы вернейшим средством предотвратить мировую войну»³⁴.

Однако этого достичь не удалось: вспыхнул ожесточенный вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол, вошедший в историю как «необъявленная война»...

Военная сила нашей желтой соседки — факт неоспоримый, и если его не нужно преувеличивать до степени паники, то разумно учитывать его и необходимо, и своевременно

А. Е. Снесарев

Глава 2

Япония на пути к большой войне

В 1929 г. военный историк К. К. Звонарев подчеркивал, что в ходе русско-японской войны «русская армия не знала Японии, не знала и ее армии. Больше того, она имела о ней совершенно ложное, извращенное представление...»³⁵. А. Е. Снесарев, в свою очередь, отмечал, что в Японии происходит «непрерывная упорная подготовка всей нации, словно Страна восходящего солнца готовится воевать со всем миром»³⁶.

Что же представляла собой японская армия, с которой пришлось столкнуться Красной Армии в вооруженном противоборстве спустя 34 года после русско-японской войны, теперь уже накануне Второй мировой войны? Японская императорская армия имела хорошо обученные и вооруженные воинские части, укомплектованные людьми, чьи предки жили в стране, всего менее столетия тому назад вышедшей из средневековой изоляции, в которой она пребывала несколько веков. Все противоречия японского общества, как в зеркале, отражались в императорской армии, активно впитывавшей все новшества военных технологий, но упорно цеплявшейся за уклад средневекового феодального общества. Неприхотливость, агрессивная тактика, фанатичный характер и несокрушимая дисциплинированность японского солдата вели эту армию от победы к победе в ходе войны 1930-х гг. в Китае и в последующих сражениях против американских, британских и голландских войск в Азии и на Тихом океане (в 1941–1942 гг.).

Япония оставалась авторитарным государством, в массах царил культ поклонения императору: считалось, что японские монархи были потомками богини солнца Аматерасу, и их власть безоговорочно почиталась. Гражданское общество всеми средствами поощрялось к сплочению вокруг национальных интересов, которые определяло правительство. В силу глубоко укоренившихся культурных традиций большинство японцев безропотно принимало эту систему; небольшой слой тех, кто противился ей (например, немногочисленные коммунисты и вольнодумствующие интеллигенты) были быстро выявлены и арестованы. Это послушное и вместе с тем патриотически настро-

енное общество было благодатным материалом для формирования дисциплинированной регулярной армии. В случае гибели солдата, призванного на военную службу, его имя заносилось в списки токийского храма Ясукуни, где поминались все японцы, павшие в битвах. Культ подчинения вышестоящим и служения нации любой ценой — так называемый Ямато дамаши («японский дух») — капля за каплей вливался в кровь японского солдата.

«Гиокусай» («яшма вдребезги») — акт самопожертвования на поле боя считался для японцев идеалом. Крайним его выражением стала идея введения смерти в бою в добродетель, более важную, чем сохранение жизни. Одним из последствий этого культа самопожертвования явилось двусмысленное отношение армии к собственным потерям. Если принять во внимание, как мало ценили японские солдаты собственные жизни, несложно будет понять, что жизни своих противников они ценили еще меньше.

«...Главный враг, против которого надо бороться, — это фашистская военщина. Военщина — крайне реакционная и оголтело империалистическая часть монархического аппарата власти... Военщина подчиняет всю жизнь страны делу подготовки новой захватнической большой войны... своей „небесной миссией“ она считает войну, прежде всего грабительскую войну против Советского Союза, а затем и за владычество над миром. Ради этого она не остановится даже перед превращением Японии в пепелище...», — так разъясняли японским коммунистам решения VII конгресса Коминтерна их представители в Москве Окано (Сакдзо Носака) и Танака (Кэндзо Ямамото). Альтернатива предлагалась «по-коммунистически»: «Только мощное народное движение на основе единства действий пролетариата и единого народного антифашистского фронта может спасти японский народ от ужасов фашизма и войны». А в секретной резолюции секретариата ИККИ по японскому вопросу от 8 марта 1936 г. (Москва) констатировалось, что «рабочий класс Японии стремится к пролетарской, социалистической революции»³⁷.

В сентябре 1938 г. армия Японии насчитывала 34 дивизии. Пехотные дивизии японской императорской армии делились на три основные категории: типа «А» — «усиленная», типа «В» — «стандартная» и типа «С» — «специальная».

За основу была принята «стандартная» пехотная дивизия. В ее составе было 20 тыс. человек (три пехотных полка по 3845 человек в каждом, один полевой артиллерийский полк — 2480 человек, один разведывательный полк — 730 человек, один инженерный полк — 900 человек, один транспортный полк — 2840 человек), 7500 лошадей. На вооружении имелось: 9 тыс. винтовок, 382 ручных и 112 станковых пулеметов, 340 — 55-миллиметровых минометов (гранатометов), 22 — 37-миллиметровых противотанковых пушки, 18 — 70-миллиметровых батальонных орудий, 12 — 75-миллиметровых — полковых орудий, 36 — 75-миллиметровых полевых горных орудий, 7 бронемашин или танкеток.

Каждый пехотный полк располагал 710 тягловыми или вьючными лошадьми, полевой артиллерийский полк — 2000 лошадей, дивизионный транспортный полк — 1300 лошадыми.

«Усиленная» пехотная дивизия имела 29408 человек (три пехотных полка по 5687 человек в каждом, один полевой артиллерийский полк 2379 человек, один средний артиллерийский полк — 951 человек, один разведывательный полк — 730 человек, одна танковая часть — 717 человек, один инженерный полк — 1012 человек, один транспортный полк 2729 человек), 9906 лошадей, 502 автомобиля. На вооружении было: 10 тыс. винтовок, 405 ручных и 112 станковых пулеметов, 72 противотанковых ружья, 457 минометов (гранатометов); 40 — 37-миллиметровых противотанковых пушек, 24 — 75-миллиметровых полковых орудия, 24 — 105-миллиметровые гаубицы, 13 бронемашин или танкеток, 20 легких танков, 48 средних танков. Каждый пехотный полк имел по 1083 лошади; полевой артиллерийский полк — 2463 лошади и 49 автомобилей; средний артиллерийский полк — 769 лошадей, разведывательный полк — 188 лошадей и 61 автомобиль.

Медицинская часть имела 1468 лошадей, транспортный полк — 1222 лошади³⁸.

«Специальная» пехотная дивизия насчитывала 13 тыс. человек (две пехотные бригады по 4750 человек в каждой, одну инженерную часть 600 человек, одну транспортную часть — 1800 человек), 2600 лошадей. На вооружении имелось: 6950 винтовок, 110 ручных и 32 станковых пулеметов, 112 минометов (гранатометов), 16 легких минометов, 8 — 70-миллиметровых батальонных пушек. Каждая пехотная бригада располагала 500 лошадьми, транспортная часть — 1290.

Японские бронетанковые войска вполне соответствовали международным стандартам начала 1930-х гг. Однако мощь брони и вооружения были принесены в жертву маневренности; слабость танкового

вооружения роковым образом сказалась в период халхингольских событий летом 1939 г., когда японские танки столкнулись с частями Красной Армии³⁹.

На границах с СССР и МНР японцами было построено 11 укрепленных районов. В течение 1936–1938 гг. они 230 раз нарушали границу СССР, в 39 случаях дело доходило до крупных боевых столкновений. Японское командование планировало захват Монголии как плацдарма для нанесения последующего удара в направлении озера Байкал, изоляцию и захват Дальнего Востока, а затем всей Сибири и других районов СССР.

22 апреля 1936 г. японский посол в СССР г-н Ота заявил в Москве: «... между СССР и Японией нет таких вопросов, которые не могли бы быть разрешены мирным путем». В ответ нарком обороны К. Е. Ворошилов сказал, что он «полностью солидаризировался с мнением посла о том, что между Японией и СССР нет спорных вопросов, которые не могли бы быть разрешены мирным путем»⁴⁰.

В этой связи любопытна следующая геополитическая зарисовка А. Е. Снесарева, относящаяся к оценке Японии: «Народ, как и человек, бывает молод только один раз, всякому государству дается только одна утренняя заря, когда народные силы чувствуют себя могучими, храбрыми, способными на самоотвержение... Япония является существенным и наиболее грозным фактором во всей дальневосточной обстановке, она будет непрерывно вооружаться и поведет войну при первом же благоприятном случае. Иначе думать было бы непростительно и легкомысленно... Япония все прочнее и прочнее врастает в континент Азии, и выбросить ее из этого континента чем дальше, тем будет все труднее и труднее. Япония ни в коем случае не уступит, если бы она рисковала довести дело даже до войны. Но вот вопрос: куда направит она свой первый удар? Этот вопрос... является существенным звеном всей дальневосточной политики. Япония может наметить одного из трех своих врагов: Россию, Соединенные Штаты или Китай»⁴¹.

17 июля 1937 г. Наркоминдел сообщал о заявлении, сделанном китайским послом в СССР Цзян Тин-фу народному комиссару иностранных дел о вторжении японских войск в Северный Китай. В нем говорилось: «Будучи обязан применять для защиты своей территории, национальной чести и существования все имеющиеся у него средства, Китай, тем не менее, готов разрешить свои разногласия с Японией любыми мирными средствами, известными в международном праве и договорах»⁴².

Через два месяца после заявления китайского посла, 21 сентября 1937 г., М. М. Литвинов на пленуме Лиги Наций высказался достаточно резко: «На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай, наводняет его 100-тысячными

армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету»⁴³.

Как известно, всякая война является продолжением политики. А потому, рассматривая причины, ход и характер вооруженного столкновения СССР и Японии в районе Халхин-Гола, происшедшего 70 лет тому назад, а также их отношения с другими странами, в том числе с Китаем, Англией, Германией, Италией и США, необходимо учитывать специфику конкретно-исторических условий, сложившихся в те годы в дальневосточном регионе. С этой целью обратимся к некоторым все еще малоизвестным документам российских архивов, позволяющим выявить как новые факты скрыто зревшего противостояния СССР и Японии, так и роль великих держав в разжигании пожара на Дальнем Востоке.

Еще в ноябре 1937 г. крупный политик XX столетия английский либерал Дэвид Ллойд-Джордж в беседе с советским полпредом в Лондоне И. М. Майским высказал мысль о том, что «перспективы сохранения мира туманны»⁴⁴.

27 января на 100-й сессии Лиги Наций прозвучали на весь мир слова М. М. Литвинова: «Внешняя политика Советского Союза представляет собой четкую, прямую линию, устремляющуюся ко всеобщему миру»⁴⁵.

Документы Разведывательного управления Генерального штаба РККА, регулярно докладывавшиеся наркому обороны К. Е. Ворошилову, свидетельствуют о том, что деятели японского генерального штаба высказывали в адрес Советской России обвинения в ее «идейной агрессии, в выборе ею лозунга необходимости „соединения всего мирового пролетариата“, а также в стремлении к большевизации Внешней Монголии и Китая».

Так, еще задолго до событий 1939 г., в апреле 1933 г., представитель великого князя Кирилла Владимировича г-н К. Шуберт секретно сообщал в Харбин на имя Владимира Александровича Кислицына о том, что «как только осуществится окончательный разрыв с Лигой Наций, Япония приступает к подготовительным действиям против СССР. Чтобы, однако, не вызвать предварительного шума и выступления со стороны Америки, ее действия первоначально будут носить замаскированный характер, и к войне открытой и решительной будет приступлено лишь в крайнем случае. В этих целях, прежде чем распространяться на север и запад, Японии требуется собрать по возможности уличающий большевиков материал об их помощи и об участии в снабжении китайцев своими инструкторскими и другими средствами для ведения войны. А потому японские деятели покорнейшим образом просили тщательно собрать всевозможные достоверные факты. В особенности японское правительство счита-

ет необходимым почистить основательно как свой собственный дом, так и свои тылы — в особенности же ближайшую будущую свою фронтовую полосу — Харбин и Мукден», откуда, по словам автора письма, должна быть выслана вся «русская дрянь». «А для этого необходимо иметь списки с надлежащими характеристиками вроде: „большевик“, „секретный агент“, „семеновец“, „хорватовец“, „масон“, член „общеинского Союза“ и т. п. Следует подумать о том, чтобы организовать мощный финансовый консорциум частных капиталистов-патриотов и предоставить им на севере Маньчжурии, почти у самой границы, обширные лесные концессии. И далее на эти концессии под видом работников должны направляться свои люди, которые будут осуществлять разведку, а также вести пропаганду среди красноармейцев»⁴⁶.

Этот документ, полученный советской разведкой, был представлен наркому обороны К. Е. Ворошилову с грифом «совершенно секретно» и пометкой «только лично» и с сопроводительной заместителя начальника Особого отдела ОГПУ Г. Д. Гая.

В те же годы Разведывательное управление Генерального штаба РККА, характеризуя состояние японских вооруженных сил, сообщало, что «японцы более сильны в области авиации и морских сил. Что же касается сухопутных вооруженных сил, то они к переходу советской границы не готовы, для приведения их в состояние действительной готовности к войне против РККА потребуется широкая мобилизация и переброска сил метрополии на материк на протяжении 15–17 дней»⁴⁷.

29 января 1939 г. маршалу К. Е. Ворошилову по линии Разведывательного управления Генерального штаба РККА было вручено следующее сообщение (в архиве оно без подписи, но можно предположить, что его автор Рихард Зорге): «По полученным из Токио агентурным сообщениям, германский военный аташе в Японии полковник Отт получил в январе распоряжение своего генштаба запросить японский генштаб, намерено ли японское командование немедленно после завершения войны в Китае начать войну против СССР. Однако даже самые ускоренные приготовления требуют времени, учитывая: а) необходимость содержания большой оккупационной армии в Китае в течение длительного времени; б) необходимость основного пополнения японской армии после войны в Китае; в) наличие финансовых затруднений; г) необходимость известной подготовки самого генштаба. Поэтому ориентировочным подготовительным сроком, который необходим для начала войны против СССР, генштаб считает *минимально один год, максимально — два года*»⁴⁸.

В сообщении Разведывательного управления Генерального штаба РККА от 29 апреля 1938 г., направленном с грифом «совершенно секретно» К. Е. Ворошилову, говорилось о том, что «новому

германскому военно-морскому атташе Канарису поручено создать в Японии разведывательную сеть, а также организовать там получение материалов об СССР». С. Г. Гендин (Разведупр), подписавший сообщение, докладывал также и о том, что бывший германский посол в Японии Дирксен и военный аташе Отт ратовали за войну Японии против СССР, однако они предупредили японцев, что, пока Германия не будет готова к войне, выступление Японии явится преждевременным. Дирксен и Отт рекомендовали японскому правительству начать эту войну по крайней мере через два года, ведя к ней тщательную подготовку. В связи с этим они недовольны нынешней японо-китайской войной, которая, по их мнению, только ослабит Японию в предстоящей войне против СССР⁴⁹.

В марте 1938 г. Гендин докладывал Ворошилову, что, по данным советской разведки, «германские военные круги в Японии убеждены в том, что дальнейшее ведение боевых действий в Китае будет ослаблять военную мощь Японии, и что в 1938 г. японцы не смогут начать войну против СССР». Немецкий посол в Японии Дирксен, говорилось далее в документе, полагает, что, если «Япония достигнет соглашения с Китаем, то она, безусловно, повернет свои войска против СССР». Вместе с тем Дирксен, однако, опасался возможности возникновения конфликта между Японией и Англией и признавал, что такой оборот событий может совершенно нарушить расчеты германской политики⁵⁰.

14 января 1938 г. Гендин доносил Ворошилову, что итальянцы будут использоваться для обучения «японских воздушных сил действиям против нашей авиации»⁵¹, а 11 апреля 1938 г. он же докладывал, что «в конце марта в Бэйпин прибыло 30 итальянских летчиков для участия в боевых действиях на стороне японских войск. Итальянские летчики включены в особый иностранный отряд и носят японскую форму»⁵².

Безусловно, каждая держава на Дальнем Востоке преследовала свои интересы, в том числе и Советский Союз. Имеющиеся документы свидетельствуют об особых расчетах советского руководства, стремившегося разными путями оказывать свое влияние на Японию. И сегодня мало известно о том, что помимо «коминтерновских контактов», между СССР и Японией на государственном уровне в 1930-х годах были установлены и секретные военные контакты⁵³.

Так, архивы сохранили дневники советских военных стажеров, находившихся в японской армии. Ввиду уникальности этих документов, целесообразно воспроизвести их достаточно подробно. Стажер Покладок при 61-м пехотном полку японской армии в феврале— марте 1932 г. сообщал из Вакаямы:

«...**14 февраля.** Вчера из Вакаямы отправляли в Китай добровольцев из запасных, отправлено около

40 человек, наблюдал их в Вакаяма и Осака, отправляют матросов, унтер-офицеров и солдат разных специальностей: артиллеристов, саперов и др. ... Усиленно говорят о больших потерях японцев в Маньчжурии (свыше 1000 чел.)...

15 февраля. В Вакаяму доставлен еще один покойничек-герой: моряк, убитый в Шанхае. Конечно, торжественные похороны и шовинистическая пропаганда...

20 февраля. Достоверно узнал, что из 4-й дивизии отправлено в Шанхай: а) 4-й инженерный батальон — был дополнен людским составом из запасных; б) около батальона тяжелой полевой артиллерии и в) большая группа офицеров — около 30 чел, в том числе: командир 37-го пехотного полка полковник Кита, начальник штаба 4-й дивизии полковник Усироху, начальник Вакаямского Военного госпиталя врач — полковник Симауци и другие офицеры. По-видимому, в Шанхай концентрируют крупные силы...

В Осаке случайно слышал в магазине разговоры о предполагавшейся на днях мобилизации. Поживем — увидим. Вообще, настроение повышенное, много говорят, ругают Америку, политикой которой очень недовольны; досужие обыватели в Вакаяме говорят о войне с Америкой, причем настроение, поддерживаемое военщиной, таково, что «Америку разобьем в три дня». Молодежь на улицах бросает ругань проходящим иностранцам, принимая всех огулом за американцев.

27 февраля. Вчера была объявлена мобилизация; в городе возбуждение; везде толпы народа; масса провожающих, в нескольких местах города раскинуты палатки, где происходят проверки запасных; призывают три возраста...

29 февраля. Мобилизация продолжается, в городе возбуждение, мобилизованных отправляют из Вакаямы в район Осаки, мобилизация 1930 г. окончена, сегодня мобилизуют 1929 и часть 1928 гг.⁵⁴ ... В городе циркулируют самые разнообразные слухи: одни говорят, что отправка идет под Шанхай, другие — под Кантон; а третьи — в Маньчжурию, где, дескать, будет скоро война с Россией и (японцы. — *Авт.*) займут всю Сибирь... За мной невероятная слежка, ходят сзади открыто, как собаки по пятам, ночью у ворот дежурят шпики.

Вызывал к себе командир полка, который беседовал со мной около получаса; из беседы я выяснил следующее:

- а) мобилизация будет производиться около недели и считается совершенно секретной, почему я не имею права интересоваться ее деталями во избежание крупных неприятностей;
- б) мобилизуются офицеры, солдаты и лошади;
- в) мне запрещается писать об этом и говорить, а также фотографировать что-либо относящееся к мобилизации;
- г) в Шанхае применяется новый тип танка, вооруженного одной малокалиберной пушкой и двумя

пулеметами, скорость движения 30 км в час, танк изготовлен в Японии и в январе блестяще выдержал испытание, пройдя из Токио до Аомори без единой задержки в пути;

- д) в боях под Шанхаем производятся испытания нового стального шлема и нагрудника; последний якобы заимствован у варшавской полиции, но усовершенствован японцами...

Япония до сих пор продолжает заимствовать вооружение за границей и особенно внимательно следит за новинками, которые быстро воспринимает. На это обстоятельство надо обратить особо серьезное внимание: ведь бои под Шанхаем ярко показали стремление Японии воспользоваться новейшими достижениями. Героическое сопротивление китайцев под Шанхаем, на которое неожиданно напоролась японцы, вызвало большое озлобление среди военщины, привыкшей к победам «с нахрапа»...

3 марта. Вчера вечером состоялся прощальный банкет в честь уезжающих мобилизованных из запаса офицеров, меня не пригласили в офицерское собрание с тем, чтобы я не мог сосчитать числа отправляемых; позвали к концу гулянки в ресторан-гостиницу, где после гулянки ночуют с гейшами. Когда я прибыл в 10 ч вечера (за мной командир полка послал автомобиль), все были пьяны в доску, сразу начали меня качать (видимо, было приказано), среди пьяных было очень удобно работать, прежде всего, я сосчитал все боевые мечи, которые были в комнатах и коридоре (боевой меч резко отличается размерами и формой от обычной игрушечной сабельки); всего оказалось 27. В конце пирушки (я почти не пил ничего ввиду болезни ушей) меня потащили уезжающие в гейшин домик, где в болтовне сообщили, что солдат мобилизовано около 1500 чел. и около 40 офицеров, которые направляются в Осаку, а дальше неизвестно; подтвердили данные о патронных заводах...

4 марта. Ездил в Осаку, оживление: резкое увеличение солдат с самыми разнообразными петлицами: без сомнения, и здесь мобилизация...

6 марта. Сегодня состоялись проводы мобилизованных... В одиннадцать часов из ворот казармы вышло около 300 солдат, окруженных верховными офицерами и жандармами, а впереди всех, надувшись как мышь на крупу, едет начальник Вакаямской жандармерии; учащиеся по команде учителей машут бумажными флагами и кричат три раза «банзай». Особенного энтузиазма нет... Из Осаки сегодня также отправлено несколько поездов с войсками, станции назначения никто не знает, военное командование держит это в большом секрете, даже офицеры полка не знают, хорошо поставлено дело!

За весь день вышел только на 30 минут «за покупки»; у дома дежурит шпик. Сегодня меня охраняют с исключительным вниманием, сегодня меня не отпускают ни на шаг одного...

7 марта. Во время учения ко мне подошел командир батальона Сато и сказал, что было замечено жандармерией, что я сделал несколько снимков, относящихся к мобилизации, а он, Сато, не заметил этого и получил нагоняй; жандармерия требует, чтобы после проявления лента была представлена в жандармское управление; я ответил Сато, что снимки производил только в субботу 5-го марта, и лента внутри аппарата; съемку я производил в присутствии командира бригады и всего офицерского полка, что ничего, относящегося к мобилизации, не снимал. Во избежание кривотолков, недоразумений я вынул ленту из аппарата и передал ему, чем он был страшно смущен и сказал, что «они» хотели бы видеть проявленную ленту. Тоже нашли дурака! Словом, лента погибла, но никакого повода к придирке дано не было!

8 марта. Сегодня во время вечернего учения был невольным свидетелем избиения солдат, бил командир полка полковник Отани хлыстом по голове, бил со страшной злобой, избиты были старший унтер-офицер и солдат; поводом к избиению послужили сущие пустяки... Признаюсь, я еле удержался от того, чтобы схватить полковника за руку...

Несколько позже полковник Отани сказал мне, что 4-я дивизия является одной из худших в Японии. В беседе с ним же я уловил какое-то беспокойство в действиях японских войск под Шанхаем...

20 марта. Вероятно, в связи с шанхайской операцией в полку усилилась жестокость по отношению к солдатам, причем она поощряется командованием полка...

31 марта. В июле прошлого года я закончил свои рабочие тетради и привез их в Токио, чтобы спросить у т. Кука⁵⁵ о характере наиболее рационального изложения и обработки; т. Кук решил взять на себя редактирование; но в силу занятости (я далек от мысли упрекать или обвинять т. Кука, к которому относился с большим уважением) т. Кук этого сделать не смог, и 30 января с.г. я был вынужден взять тетради обратно и приступить к обработке самому. Короткий срок — до 15 марта не позволял мне отредактировать свою работу, а газеты ежедневно подхлестывали⁵⁶, требуя скорейшего окончания. Я думаю, что было бы весьма полезно отпечатать мою работу в виде брошюры...⁵⁷.

По поводу своих записей Покладок высказывал мысль о том, что было бы «полезно отпечатать мою работу в виде брошюры „Библиотеки командира и красноармейца“, что принесло бы пользу нашему комсоставу и красноармейцу Дальнего Востока»⁵⁸.

Таким образом, можно заключить, что руководители ВКП(б) и советского правительства, с одной стороны, открыто разоблачали агрессивность Японии, подчеркивая, что самурайская военщина, одержимая фанатизмом, является орудием экспансии, насилия и войны, а с другой, втайне поддерживали с ней военные, политические и экономические контакты.

В архиве также сохранились дневниковые записи и другого советского военного стажера РККА в японской армии Вишневецкого, который сообщал в Москву в январе–апреле 1933 г. о том, что с большим подъемом проходит призыв новобранцев. Призыв также служит установлению связи между населением и армией. Родственники призывников знакомятся с жизнью воинских подразделений, их командирами, начинают проникаться интересами армии; несомненно, что это одна из причин того исключительного положения военнотружущих в стране, особого почтения к ним.

Вишневецкий сделал вывод о том, что его положение в японской армии «определяется отношениями государств и силой Красной Армии», и что «в нынешнем положении ей, Японии, пожалуй, не к лицу задираться». Настроение в Японии, по его мнению, таково, что все зовут к разрыву с СССР, а некоторые требуют проучить и Америку и убрать ее флот и ее руки от Китая.

Характеризуя японского военного министра Араки, Вишневецкий писал: «Он не просто авантюрист, он пойдет на всякую авантюру и потянет за собой очень многих, но пойдет с фанатическим убеждением и такой же решительностью. Его популярность в армии очень велика, велика и в стране». Вишневецкий обращал внимание также и на факт «усиленного обучения японцев химделу». Он подчеркивал, что армия вдохновляется верой в императорскую Японию и полна решимости бороться под знаменем защиты империи⁵⁹.

В начале 1930-х гг. отношения между СССР и Японией в военной области активно развивались. Так, рассматриваются и получают положительное решение планы взаимного прикомандирования к военным академиям и советских, и японских стажеров, прикомандировываются советские и японские офицеры соответственно к советским и японским частям; обе стороны выражают стремление расширить районы пребывания прикомандированных. В частности, рассматривалась возможность перемещения капитана Хорики из 3-го артиллерийского полка, дислоцированного в Симферополе, в Ленинград или Москву⁶⁰.

14 декабря 1932 г. Разведуправление штаба РККА просило М. Н. Тухачевского, а 25 февраля 1933 г. — К. Е. Ворошилова утвердить «проект соглашения о взаимном предоставлении самолета японскому летчику капитану Шимонуки, прикомандированному к 3-му отдельному разведывательному авиаотряду в г. Иваново-Вознесенске и нашему летчику Шаралову, прикомандированному ко 2-му авиаполку японской армии». К. Е. Ворошилов против этого не возражал⁶¹.

1 августа 1933 г. истек срок прикомандирования к РККА японских стажеров: майора Дон — к 62-му кавалерийскому полку и капитана Шимонуки — к 3-му отдельному авиаотряду. По случаю своего отъезда японцы давали банкет и фотографировались с советскими командирами⁶². А 5 августа

1933 г. совершенно секретно Я. К. Берзии докладывал К. Е. Ворошилову о том, что японцы подарили советским коллегам патефон с небольшим комплектом пластинок от майора Дон. К. Е. Ворошилов, в свою очередь, дал указание, чтобы и «наши стажеры в Японии тоже должны японцев одарить»⁶³.

В 1937 г. капитан Фастовщук на год прикомандировывался в японские части в Татиорай; капитан Кисленко — в 16-й авиационный полк 22-й пехотной дивизии; капитан Воронин, воентехники 2 ранга Калинин, Богданов — в Токио; оформлялись на стажировку капитаны Муравьев и Кулагин. Соответственно в РККА направлялись японские капитаны: Симамура — в Ленинград, Юсухара — в Смоленск (в истребительную эскадрилью); Такеда — в Калинин (в 48-й авиаполк); Найто, Цузи, Сато, Кива и Симануки — в Москву⁶⁴.

Между СССР и Японией имелись контакты другого рода. В декабре 1932 г. Союзнефтеэкспорт заключил договор с Мукденским акционерным обществом воздушных сообщений в Южной и Северной Маньчжурии на поставку бензина в количестве 1300 т. По этому договору все указанное количество бензина общество закупило на собственные нужды и для снабжения японской армии. Из всего указанного количества около 50 % общество намеревалось продавать штабу Квантунской армии, а остальное — на частном рынке... «В коммерческом отношении указанный договор был выгоден, так как мы [Союзнефтеэкспорт] выручали относительно более высокие цены, чем при других продажах. Если бы мы не продали маньчжурский бензин, то Япония без всякого труда для себя смогла бы получить бензин у мировых концернов. Тов. Ворошилов, с которым я [Розенгольц] советовался по этому вопросу, также не возражает против продажи бензина в Маньчжурию, так как этот вопрос носит политический характер, прошу Вашего согласия на продажу бензина в Маньчжурию. По ходу переговоров мне необходимо дать ответ не позже 25 марта», — такую записку А. Розенгольц направил в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину⁶⁵.

В январе 1934 г. японский журнал «Хоноде» опубликовал на своих страницах содержание одной любопытной дискуссии, в которой участвовали видные японские военные деятели: генерал-лейтенант Сато Киокацу, генерал-майор Сайто, майор Хориге, майор Симанага, майор Хаяси, Нацуаки и военный критик Хирата Сенсаке. Собравшиеся обсуждали только один вопрос: что будет, если между Японией и СССР возникнет война, и каковы причины этой войны?

Надо заметить, что материалы из журнала были срочно доложены 1 февраля 1934 г. начальником Разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзиным наркомом обороны К. Е. Ворошилову.

В ходе дискуссии генерал Хаяси высказал следующие соображения:

«Причин для войны имеется много. ...Прежде всего это вопрос о революционизировании, что

является основным принципом России. ... Неоднократно производившиеся в Японии аресты членов компартии свидетельствуют о том, что дьявольские руки России энергично работают над революционизированием Японии... Поскольку в настоящее время имеется такой антагонизм между капитализмом и коммунизмом, возникновение столкновения является естественным».

Далее Хаяси развивал свою мысль таким образом: «... маньчжурская политика Японии и дальневосточная политика СССР коренным образом несовместимы друг с другом. Агрессивная дальневосточная политика России продолжается по-прежнему, поскольку Россия не откажется от нее, столкновение обеих сторон является только вопросом времени... Россия ведет во Внешней Монголии всякого рода революционизирующую деятельность, и меня забавит то, как бы в будущем не возникли осложнения из-за этого».

Генерал Сато так обосновывал свои взгляды: «С более широкой точки зрения это представляет собой вопрос о силе развития Японии и силе развития России... Через 100 лет население Японии будет равно примерно 200 млн человек, а для прокормления такого населения необходимо развитие не только в Маньчжурии, но и вплоть до равнин Сибири... Россия также должна продвигаться на Дальний Восток, и поэтому в конце концов между силой развития той или другой страны произойдет столкновение. Я думаю, что столкновение неизбежно в районе или Байкала, или на запад, или на восток от него, но, в общем, поблизости от него. В таком случае вопрос о силе развития превращается уже в вопрос об азиатской политике Японии и дальневосточной политике России. Затем культура „кодо“ (императорский путь) в Японии является единственной в своем роде в мире. Это не капитализм и не коммунизм, это мы называем культурой японизма. Но она несовместима с коммунистической культурой России, и потому, без сомнения, столкновение произойдет. Это только вопрос времени».

Майор Хориге высказался так: «В самом начале Россия старалась революционизировать Западную Европу и сперва⁶⁶ Германию. Но она потерпела в этом неудачу, так же как после того и на Балканах. Тогда начали говорить, что революция придет с Востока, Россия стала прилагать свои старания в Китае. Чаи Кайши вначале использовал это обстоятельство, а потом повернулся спиной к России, которой не повезло и на Востоке...»

По мнению майора Хирата, Сталин для сохранения своей власти не может в течение 20 или 30 лет не вести войны, Россия стремится протянуть в будущем свои руки к Сычуани и Синьцзяну. На это Хаяси ему ответил, что «Синьцзян не в будущем, а уже сейчас все равно что Россия. Влияние России проникло уже почти до Ганьсу». Хирата, в свою очередь, заметил, что «... на берегах Янцзы произойдет столкновение между Японией и Россией...».

Присутствовавший на дискуссии Нацуаки резко высказался за то, что «необходимо быстро ударить по России... Я убежден, что необходимо во что бы то ни стало воевать с Россией». Хаяси, вновь взяв слово, добавил, что русские проводят на Дальнем Востоке газовые маневры, а недавно в район Приморья прибыло 20 с лишним тяжелых бомбовозов; к тому же, маневры, проводившиеся в Забайкалье и Приморье летом этого года, имели в виду японскую армию. Хаяси делал вывод, что, «если концентрация войск России на Дальнем Востоке имеет оборонительный характер, то в будущем Россия может перейти и к нападению».

Итог подвел Хирата: «фактически Россия является провоцирующей стороной, поскольку она имеет крупные военные силы на Дальнем Востоке»⁶⁷.

14 сентября 1933 г. Разведуправление штаба РККА совершенно секретно направило наркому обороны от Рихарда Зорге сообщение о положении в Японии и о вопросе войны с СССР. В нем Зорге обращал внимание на тот факт, что «вся экономическая и политическая обстановка в стране толкает буржуазные группировки на сближение с военными, причем на такое сближение, при котором командная роль по всем важнейшим вопросам внешней и внутренней политики остается в руках военных. Ухудшающееся внешнеполитическое положение Японии и состояние международной изоляции также побуждают буржуазные группировки сплотиться вокруг военщины как наиболее организованной и политически мощной силы в стране... Положение Араки за последние месяцы значительно укрепилось и имеет все шансы на дальнейшее укрепление. Заявление минфина Такахаши о том, что страна идет к военной диктатуре не лишено оснований. О такой же перспективе говорил тов. Козловскому в своей недавней беседе и Хирота, тесно связанный с Араки и Хиранумой»⁶⁸.

Далее Зорге, останавливаясь на вопросе войны Японии с СССР, сообщал, что «... военная подготовка как в самой Японии, так и в Маньчжурии — Монголии по всем линиям идет полным ходом; что эта форсированная подготовка к войне отнюдь не маскируется внешним миролюбивым отношением к нам, а, наоборот, сопровождается легко прощупываемой тенденцией обострения отношений с Союзом». По мнению Зорге, надо ожидать в ближайшем будущем определенного ухудшения отношения японцев к СССР. Далее Зорге писал, что пока ему неизвестны сроки выступления японцев против СССР. Однако он полагает, что сроки такого выступления у японцев намечены и, очевидно, не позднее 1934 г. Рихард Зорге делал важный вывод о том, что «как бы благоприятно сейчас ни сложилась международная обстановка для СССР на Западе, эта обстановка резко ухудшится на другой день после начала войны на Дальнем Востоке».

Зорге полагал, что «начало военных действий против нас должно, по плану японцев, быть

совершенно неожиданным для нас. В условиях современной войны, начало войны выразится, я в этом глубоко убежден, в попытке неожиданного воздушного налета японских ВВС на наши авиабазы на Дальнем Востоке, расположение которых, как Вам известно, достаточно невыгодно для нас. Особенно велика опасность неожиданного подхода авианосцев с моря во Владивостоке». Зорге делал вывод: «Мне кажется, что именно сейчас настало время, когда необходимо внимательно разработать вопрос о предупреждении неожиданного выступления...»

В апреле 1933 г. японский военный атташе, информируя генеральный штаб Японии о положении в СССР, сообщал, что «...если в Европе вспыхнет война, для Советского Союза наступит самый благоприятный момент для осуществления своей программы. Иными словами, данный момент весьма удобен для того, чтобы резко разграничить дела Европы и Восточной Азии. Мы должны встать в стороне от европейских государств и пойти прямо к осуществлению Великой миссии Империи — стать гегемоном Востока. Это единственный путь для нашей Империи... Единственной помехой для Империи при осуществлении ее великой миссии — создания вечного мира на Востоке — является Советский Союз. Поэтому наша Империя, не дожидаясь того момента, когда СССР закончит программу усиления национальной мощи и вооружения, должна обратить все свои силы на подготовку к захвату дальневосточных владений Советского Союза». Г. Гай в препроводительном письме К. Е. Ворошилову назвал это заявление документом «исключительной важности».

В архиве хранится материал о том, что еще 4 марта 1933 г. такая ключевая фигура во внешней политике СССР в XX в., как Лев Карахан, направил И. В. Сталину (копию — В. М. Молотову) следующее послание: «Приглашение Лиги Наций присоединиться к ее взглядам и согласовать наши действия в связи с дальневосточными событиями с членами Лиги Наций, является наиболее откровенной и очевидной попыткой держав втянуть нас в дальневосточный конфликт, обострить наши отношения с Японией и вообще запугать и опутать нас своими решениями и политикой. Сила и успех нашей политики в связи с дальневосточными событиями были результатом той независимой политики строгого невмешательства в конфликт, которую мы заняли с первых дней японского наступления на Китай... Нет ничего более опасного, как лишиться независимости и маневренности в политике, которыми мы обладали в полной мере, и которые являются лучшим оружием нашим в борьбе со всякими провокациями, происходящими и могущими исходить из японских, китайских, американских, всяких иных источников. С этой точки зрения для меня совершенно очевидно, что мы должны отклонить предложение Лиги Наций о присоединении к ее взглядам и приглашение согласовывать свои действия с действиями членов Лиги Наций...

Единственная страна, которая находится в стороне от всего этого мнимого общего фронта против Японии, — это СССР. Втянуть нас в это дело имеет первостепенное значение как для Соединенных Штатов, так и для других держав. Но было бы величайшей ошибкой с нашей стороны поддаться буржуазному вранью о едином антияпонском фронте и твердой договоренности между Англией, Францией и Америкой против Японии... Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на дальнем Востоке положения для САСШ [Северо-Американские Соединенные Штаты] и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это. Вопрос о признании СССР Америкой ставит себе ту же цель — использовать нас против Японии путем вовлечения нас в орбиту американской политики, путем столкновения нас лбами с Японией... Мы не должны поддаваться иллюзиям о едином антияпонском фронте, который имеет чисто преходящее значение. В случае войны все нынешние резолюции, комбинации держав, антияпонский фронт — все полетит к черту, и останется лишь одна проблема — как использовать возникшую войну, чтобы выкарабкаться из кризиса и из противоречий в капиталистическом мире за наш счет.

Поэтому правильнее в настоящий момент делать все, чтобы не дать отвлечь себя с нашей правильной линии — политики невмешательства, политики независимости, единственной политики, которая оправдала себя полностью в наиболее острые и трудные моменты в истекшие полтора года... Сейчас мы никому не обязаны давать никаких объяснений по поводу наших шагов в Маньчжурии, а состоя членом Комитета, мы должны будем на эту тему разговаривать... Или вопрос об эмбарго на ввоз оружия в Японию и Китай. Англия поставила этот вопрос перед всеми членами Комитета и ждет их решения. Если мы будем состоять в Комитете, вопрос этот будет поставлен и перед нами. Сейчас мы никому не обязаны отчетом в нашей политике. Мы можем отказаться дать объяснение и даже отвечать на вопросы любой дружественной державы, если она обратится к нам с вопросом по поводу тех или других наших шагов на Дальнем Востоке...»⁶⁹.

Политика Японии в Азии противоречила интересам США. Однако США надеялись на советско-японскую войну, которая должна была бы привести к желаемому равновесию сил и в интересах США, так как такая война должна была ослабить как СССР, так и Японию.

16 июля 1933 г. М. Н. Тухачевский, в то время заместитель народного комиссара по военным и морским делам и Председателя РВС СССР, сообщал К. Е. Ворошилову: «Планомерная подготовка Японией войны для захвата Дальнего Востока развивается неуклонно и становится реальной опасностью возникновения военных действий в 1934 г.»

13 февраля 1934 г. военный атташе Японии в СССР Кавабэ совершенно секретно сообщал в Токио о том, что о необходимости советско-японской дружбы говорили начальник штаба РККА А. И. Егоров, инспектор кавалерии С. М. Буденный, и только один М. Н. Тухачевский, «по-видимому, выступает против этой точки зрения»⁷⁰.

12 марта 1936 г. в городе Улан-Батор-Хото был подписан «Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой»⁷¹.

Статья II Протокола гласила: «Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»⁷².

После подписания этого Протокола 7 апреля 1936 г. последовала нота китайского министра иностранных дел послу СССР в Китае следующего содержания: «Поскольку Внешняя Монголия является интегральной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-нибудь договоры или соглашения. Действия Правительства Советского Союза, заключившего с Внешней Монголией вышеуказанный

Протокол в нарушение своих обязательств по отношению к Китайскому правительству, несомненно, составляют нарушение суверенитета Китая и постановлений Китайско-Советского соглашения 1924 г.»⁷³.

21 августа 1937 г. в Нанкине был заключен Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой, в котором подчеркивалось, что обе стороны отказываются от войны «как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом» и что они «воздерживаются от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами»⁷⁴.

Накануне военных событий, в мае 1939 г., японское военное командование стянуло в район боевых действий около 38 тыс. войск, 135 танков, 225 самолетов. Советско-монгольские войска, оборонявшиеся восточнее реки Халхин-Гол на фронте в 75 км, насчитывали 12,5 тыс. бойцов, 186 танков, 266 бронемашин и 82 самолета. По численности личного состава и авиации противник в три раза превосходил силы советско-монгольских войск. В таких условиях начались ожесточенные боевые действия, завершившиеся блистательными победами Красной Армии и значительными человеческими жертвами с обеих противоборствовавших сторон.

Халх освещена луной... Картина ужасная. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения...

Из дневника старшего унтер-офицера штаба 6-й японской армии Отани

Глава 3

Халхин-Гол: как это было

Оценивая события на Халхин-Голе, Г. К. Жуков говорил, что «для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта»⁷⁵.

Организуя провокации, японское правительство стремилось разведать боем прочность советских пограничных рубежей и боеспособность Красной Армии, а также захватить важные в оперативном отношении позиции для последующих действий против СССР и МНР. В планах японского генерального штаба Монголия рассматривалась как выгодный плацдарм для нападения на СССР. Японцы намеревались энер-

гичными действиями «малых сил» приковать к себе внимание советско-монгольского командования, а тем временем главной группировкой Квантунской армии, сосредоточенной в Восточной Маньчжурии, вторгнуться в Уссурийскую и Амурскую области, а также в район Хабаровска и осуществить молниеносный захват всего Приморского края. По замыслу японского командования обладание этим плацдармом открыло бы Японии кратчайший путь в советское Забайкалье с юга и поставило бы под угрозу весь советский Дальний Восток⁷⁶.

Вторжение в МНР и советское Забайкалье с востока японское командование намеревалось осуществить из района Барги, находящегося в Маньчжурии

между госграницами СССР, МНР и горным хребтом Большого Хингана. Заблаговременно японцы приняли меры для увеличения пропускной способности железнодорожной линии Харбин-Цицикар-Хайлар и приступили к постройке новой железной дороги из Солуни на Ганьчжур. Их цель заключалась в захвате территории МНР на правом берегу реки Халхин-Гол⁷⁷.

Следует подчеркнуть, что выбранный район слабо охранялся, пограничные заставы МНР были удалены от границы на 20–30 км и друг от друга на 40–60 км. К тому же вблизи этого района не было регулярных монгольских войск. Части 57-го отдельного корпуса Красной Армии под командованием комдива Н. В. Фекленко (комиссар корпуса — бригадный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба — комбриг А. М. Куцев), находившиеся в Монголии, располагались в 400–500 км от данного района.

11 мая 1939 г. до 300 японских солдат перешли государственную границу Монголии и вторглись на ее территорию на 15 км. В этот день монгольские пограничные заставы, расположенные в районе Номон-Хан-Бурд-Обо (юго-восточнее озера Буир-Нур и 16–20 км восточнее реки Халхин-Гол), подверглись внезапному нападению японо-маньчжурских войск и отошли на запад от границы к реке Халхин-Гол.

Начиная с **12 мая** в течение десяти дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные бои, в результате которых обе стороны несли потери убитыми и ранеными.

14 мая около 300 японских всадников, продвигнувшись до реки Халхин-Гол, обстреляли бойцов одной из пограничных застав. Получив приказ командования о восстановлении границы, монгольские пограничники вступили в бой с противником, но были рассеяны его авиацией.

Тогда советское командование в Монголии отдало приказ о переброске некоторых частей в район, где была предпринята японская провокация.

К концу мая 1939 г. японцы сосредоточили восточнее реки Халхин-Гол группировку войск численностью свыше 1600 штыков и 900 сабель при 75 пулеметах, 18 орудиях, 6–8 бронемашин и 40 самолетах. МНР выдвинула на правый берег реки Халхин-Гол части 6-й кавалерийской дивизии, состоявшей из двух полков. К этому времени в район конфликта подошел направленный советским командованием стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, усиленный ротой бронемашин, саперной ротой и артиллерийской батареей.

28 мая японцы перешли в наступление, стремясь охватить советско-монгольские войска с флангов, выйти им в тыл и отрезать от переправы через реку Халхин-Гол. Однако сделать это не удалось, противник попал под сильный огонь советской батареи. Советским 1-й стрелковой и саперной ротам удалось уничтожить разведывательный отряд и моторизованную роту японцев.

К вечеру того же дня в район событий стали прибывать на автомашинах подразделения советского 149-го стрелкового полка под командованием майора Н. М. Ремизова, которые сразу же вступили в бой, продолжавшийся всю ночь.

Утром **29 мая** советско-монгольские части перешли в контратаку и в результате боя, длившегося целый день, отбросили японцев к границе. За два дня японцы потеряли убитыми более 400 солдат и офицеров. Потери советских войск также были велики. Японцы были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию. Советским и монгольским войскам удалось захватить важные трофеи — японские штабные документы, в том числе штаба отряда подполковника Адзума. Был обнаружен приказ командира 23-й японской дивизии генерал-лейтенанта Камацубара из Хайлара от 21 мая 1939 г., в котором говорилось, что «дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гола»⁷⁸.

Наряду со столкновениями наземных войск имели место столкновения авиации.

28 мая группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох, советско-монгольские истребители поднялись в воздух с опозданием, что сразу же дало противнику преимущество. Однако, потеряв 3 самолета, японская авиация вынуждена была спешно отступить на свои базы. Советская авиация в этом бою потеряла 9 самолетов.

22 июня произошло новое нападение японской авиации уже в количестве 120 самолетов, закончившееся для японцев потерей 31 самолета, а для советской авиации — 12.

24 июня японская сторона вновь применила авиацию уже в количестве 60 самолетов. Советская авиация также в количестве 60 самолетов приняла бой. Были сбиты 25 японских самолетов, наши потери составили 2 самолета.

26 июня японская авиация численностью около 60 истребителей вновь нарушила границу в районе озера Буир-Нур. Над территорией погранзаставы «Монголрыба» завязался воздушный бой, в котором приняли участие 50 советских самолетов. Бой продолжался около двух часов, носил упорный характер и окончился разгромом японской авиации, которая отступила с поля боя, преследуемая советскими истребителями до района Ганьчжур. В бою было уничтожено 25 японских истребителей, без вести пропали 3 советских самолета.

27 июня было отмечено новое нападение японской авиации в районе Тамцак-Булак, отстоящем от границы на 120 км. Численность японских самолетов составила около 80 истребителей и 30 бомбовозов. В результате кратковременного боя были сбиты 7 японских самолетов, из них 2 бомбардировщика,

однако на базы не вернулось 6 самолетов из состава советско-монгольской группировки.

28 июня японская авиация в составе 15 бомбардировщиков под прикрытием истребителей снова нарушила границу МНР в районе озера Буир-Нур. Встреченные зенитным огнем артиллерии и советскими истребителями, японские бомбардировщики, сбросив несколько бомб и не приняв боя, ушли на территорию Маньчжурии. Огнем зенитной артиллерии было сбито 2 японских самолета⁷⁹.

В течение июня 1939 г. японцы сосредоточили значительные силы в районе реки Халхин-Гол и готовили их для проведения операции под названием «Второй период Намонханского инцидента». Группировка японцев, подтянутая к границам, насчитывала почти 38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 10 бронемашин, 158 пулеметов, 225 самолетов. Войска имели задачу внезапным ударом окружить и уничтожить советско-монгольские части и захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий⁸⁰. Советско-монгольские войска насчитывали 12,5 тыс. бойцов и командиров, 109 орудий, 266 бронемашин, 186 танков, 139 пулеметов, 82 самолета.

Ближайшей целью японских войск являлось: окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол; а также переправа через нее и выход на западный берег реки с целью разгрома советских резервов. Японцы стремились захватить и расширить плацдарм западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий.

Ко 2 июля 1939 г. японцы уже сосредоточили значительные силы пехоты, конницы, артиллерии и до 100 танков в районе Номон-Хан-Бурд-Обо и севернее до озера Яньху, атакуя советские и монгольские войска, расположенные к востоку от реки Халхин-Гол и стремясь прорваться к западу от реки. В наступлении участвовала 23-я пехотная дивизия Камацубара, поддержанная полком пехоты, 3-м и 4-м танковыми полками и шестью кавалерийскими полками баргут⁸¹. Всего, кроме 23-й пехотной дивизии, противник подтянул к району боевых действий 26-й и 28-й полки 7-й пехотной дивизии, два танковых полка, Хинганскую кавалерийскую бригаду, два тяжелых артполка, до двух дивизионов зенитной артиллерии, несколько батарей малокалиберной и горной артиллерии⁸².

Командование советских и монгольских войск решило удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и подготовить сильный контрудар из глубины. С этой целью войска, занимавшие оборону на правом берегу, были усилены 9-й мотоброневой бригадой и 8-й кавалерийской дивизией монгольской армии, а к району конфликта были подтянуты 11-я танковая, 7-я мотоброневая бригады и 24-й мотострелковый полк⁸³.

Цель японцев заключалась в следующем. Имея тройное превосходство в силах, японское командование намеревалось окружить и уничтожить советские и монгольские войска на правом берегу Халхин-Гола. Для этого намечалось сильной группировкой обойти советский левый фланг, скрытно переправиться через Халхин-Гол и, захватив прибрежную гору Баин-Цаган, нанести удар в тыл оборонявшихся частей.

2 июля пехоте противника при поддержке танков удалось вклиниться в расположение советских и монгольских войск. Продвижение врага было остановлено лишь на линии прибрежных барханов реки Халхин-Гол.

В ночь на 3 июля противник незаметно подошел и начал переправу на левый берег Халхин-Гола. К 7 часам утра японцы, закончив переправу и пользуясь превосходством в силах, заняли гору Баин-Цаган и стали продвигаться к югу, 6-я кавалерийская монгольская дивизия отошла на северо-западные склоны горы Баин-Цаган. В районе горы Баин-Цаган развернулось трехсуточное встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 400 танков и бронемашин, более 300 орудий и несколько сотен самолетов. Обе противоборствующие стороны несли немалые потери. Точную численность погибших в этих боях советских воинов сегодня назвать уже не представляется возможным.

К 3 июля противник сосредоточил на горе Баин-Цаган более 10 тыс. личного состава, около 100 орудий, до 60 орудий противотанковой артиллерии. Советские войска насчитывали более 1 тыс. пехоты, немногим более 50 орудий. Вместе с тем в составе советских войск имелась 11-я танковая бригада комбрига М. П. Яковлева (насчитывавшая 154 бронемашин) и 8-й монгольский бронедивизион (вооруженный 45-миллиметровыми пушками). Основную огневую и ударную мощь составляли бронетанковые соединения.

Советско-монгольское командование разгадало замысел противника. 11-я танковая бригада, 7-я мотоброневая бригада и 24-й мотострелковый полк получили приказ — нанести контрудар по японцам, вышедшим в район горы Баин-Цаган.

3 июля, выполняя этот приказ, главные силы 11-й танковой бригады совместно с бронедивизионом монгольской 6-й кавалерийской дивизии с ходу атаковали врага с северо-запада, а 24-й мотострелковый полк, усиленный дивизионом артиллерии, предпринял атаку с запада, взаимодействуя с 11-й танковой бригадой. Удар был неожиданным для противника. Впоследствии японский офицер вспоминал: «...произошло страшное замешательство, лошади разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались во все стороны. Весь личный состав упал духом»⁸⁴. В тот же день к 15 часам подошли главные силы 7-й мотоброневой бригады под командованием полковника А. Л. Лесового, нанеся удар с юга. Сюда же подтягивался броневой

дивизион 8-й монгольской кавалерийской дивизии. Бой продолжался ночью и весь день 4 июля. Неоднократно предпринимавшиеся попытки противника перейти в контратаку и перебросить через реку новые части, были отбиты. Противник, охваченный с трех сторон, перешел к обороне, стремясь удержать в своих руках гору Баин-Цаган.

4 июля японцы даже попытались перейти в контратаку, поддержанную большими силами авиации. Но японские самолеты, встреченные советской авиацией, были вынуждены повернуть обратно. Под сильным огнем советской артиллерии контратака противника захлебнулась.

Вечером 4 июля советско-монгольские части предприняли общую атаку на гору Баин-Цаган.

К 3 часам **5 июля** ожесточенное сопротивление врага было сломлено. Не выдержав натиска, особенно танков, противник в беспорядке устремился на правый берег реки Халхин-Гол. Единственный понтонный мост, наведенный японцами для переправы, был уже взорван ими. Охваченные паникой, японские войска бросались прямо в воду, многие — тонули. После кровопролитных боев японские войска, потеряв 5,5 тыс. убитыми и ранеными, вынуждены были отойти.

Поражение японцев у горы Баин-Цаган произвело гнетущее впечатление в Японии. Советник императора, крупный политический деятель Кидо записал в своем дневнике: «Армия в смятении. Все погибло»⁸⁵. Оставшиеся японские войска, захватившие гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы и на западном берегу реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, разбитые орудия, минометы, машины устилали гору Баин-Цаган. Старший унтер-офицер штаба 6-й армии Отани японского генерала Камацубара записал в своем дневнике: «Халх освещена луной... Картина ужасная. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения».

В результате ожесточенных боевых действий ударная группировка японских войск, прижатая к реке, была наголову разгромлена. 5 июля все стихло... Сражение закончилось разгромом главной группировки японских войск.

«Эта битва, — отмечал Жуков, — является классической операцией активной обороны войск Красной Армии, после которой японские войска больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол»⁸⁶. В этих боях противник потерял почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов, около 10 тыс. солдат и офицеров⁸⁷. В ожесточенных боях было убито 800 японцев, советские потери составляли до 300 человек.

6 июля японские войска были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию.

На рассвете **8 июля** японские части, подкрепленные свежими резервами, прибывшими из Мань-

чжурии, а также крупными силами танков, тяжелой артиллерией и авиацией, вновь нарушили границу МНР к востоку от реки Халхин-Гол, в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, перейдя в наступление. Это была своего рода попытка реванша. После четырехдневных кровопролитных боев японские войска, потеряв еще 5,5 тыс. человек убитыми и ранеными, вынуждены были отойти. Разгром японцев советские бойцы справедливо назвали Баинцаганским побоищем.

С 8 по 12 июля к востоку от реки Халхин-Гол происходили бои, порой принимавшие характер рукопашных схваток. Контратаками советских и монгольских войск, поддержанных бомбардировочной и штурмовой авиацией, все атаки японцев были отражены, а местность к востоку от Халхин-Гола прочно удерживалась советско-монгольскими войсками.

С 6 по 12 июля, по данным советско-монгольского штаба, японские войска потеряли убитыми около 2 тыс. человек и ранеными свыше 3,5 тыс. Советско-монгольские войска захватили 254 пленных, 4 орудия, 4 танка, 15 бронемашин, 70 пулеметов и другое оружие. В боях против монгольских и советских войск участвовали две пехотные японские дивизии (23-я и 7-я), а также 1-я мотомеханизированная бригада, до 100 танков с мотострелковым полком, 1-й отдельный полк полевой тяжелой артиллерии и до 6–7 япономаньчжурских кавалерийских полков. Советские и монгольские войска, по официальным данным, опубликованным в советской печати того времени и ТАСС, в этих боях потеряли убитыми почти 300 человек и ранеными 653.

С 6 по 12 июля в районе озера Буир-Нур и в районе Номон-Хан-Бурд-Обо происходили ожесточенные воздушные бои с использованием бомбардировочной авиации с обеих сторон. В этот период авиацией и зенитным огнем был сбит 61 японский самолет, захвачены в плен некоторые члены экипажей, большинство захваченных было тяжело ранено. Советская авиация за это время потеряла 11 самолетов.

Всего же **с 28 мая по 12 июля** было сбито 199 японских самолетов, советских — 52.

14 июля 1939 г. на страницах «Известий» было опубликовано опровержение факта применения советскими и монгольскими частями ОВ и бактериологических средств борьбы.

К ночи **12 июля** на участке к юго-западу от Номон-Хан-Бурд-Обо отряд японской пехоты силами до одного батальона при поддержке артиллерии попытался вклиниться в расположение монгольских и советских войск, но был полностью уничтожен. Японцы потеряли 100 человек убитыми, 4 трехдюймовых орудия, 8 противотанковых пушек, 4,5 тыс. снарядов, 5 станковых пулеметов и другое вооружение, захваченное советскими и монгольскими войсками. Так утверждала официальная советская пропаганда. В остальном **с 12 по 20 июля** в районе озера Буир-Нур японские войска не проявляли особой активности,

ведя лишь артиллерийский и пулеметный обстрел позиций советско-монгольских войск к востоку от Халхин-Гола.

В этот период японская авиация ограничивалась разведывательной деятельностью. Только один раз 16 июля в небе появилось до 50 японских истребителей, которые, заметив советскую авиацию, не приняв боя, ушли на свою территорию⁸⁸.

21 и 22 июля японцы несколько раз пытались атаковать советские и монгольские войска. Но они прочно удерживали позиции к востоку от Халхин-Гола.

21 июля восточнее и юго-восточнее озера Буяр-Нур японская авиация вновь нарушила границу. Над территорией МНР произошел воздушный бой, в котором участвовало до 120 японских истребителей, собранных из разных районов Маньчжурии. Им противостояло около 100 советских и монгольских истребителей. Бой продолжался около часа и закончился на маньчжурской территории преследованием японо-маньчжурской авиации. В этом бою было сбито 14 японских самолетов, из экипажей которых 2 японских летчика были захвачены в плен. Советская авиация потеряла 3 самолета⁸⁹.

23–25 июля японские войска неоднократно пытались атаковать и захватить позиции советских и монгольских войск к востоку от реки Халхин-Гол. Эти атаки были успешно отбиты. 23 июля японская авиация потеряла 15 истребителей, 2 бомбардировщика, 2 самолета-разведчика и 1 аэростат, корректировавший огонь артиллерии. К сожалению, после этих боев на аэродромы не вернулись 5 советских самолетов. 24 и 25 июля воздушные бои продолжались. Столкновения, начинавшиеся со встреч небольших групп истребителей, как правило, разрастались в крупные воздушные сражения. В результате их за 24 июля японцы потеряли 34 истребителя, 2 бомбардировщика, 1 аэростат. Не вернулись на базы 9 советских самолетов. За 25 июля было сбито 19 японских самолетов, сожжен 1 аэростат, с советской стороны потери составили 6 самолетов⁹⁰.

С 25 июля по 5 августа советско-монгольские войска прочно удерживали занимаемые позиции к востоку от реки Халхин-Гол, находясь в боевом соприкосновении с японскими войсками. Неоднократные попытки японцев атаковать советско-монгольские войска и вклиниться в их расположение отражались артиллерийским и пулеметным огнем с большими потерями для японцев. В течение этих дней произошел ряд воздушных боев. 28 июля было уничтожено 5 японских самолетов без потерь с советской стороны. 29 июля авиация японцев действовала особенно активно. В результате нескольких воздушных боев японцы потеряли 32 самолета, советская сторона потеряла 4-х летчиков. 31 июля произошло несколько воздушных боев, в результате которых было сбито 5 японских истребителей, на аэродром не вернулся 1 советский самолет.

Японское командование планировало провести в конце августа 1939 г. генеральное наступление, приурочивая его к моменту предполагаемого развязывания войны в Европе. Японские войска все еще надеялись осуществить свои политические и военные цели, изменить ход событий в свою пользу. К началу августа 1939 г. противник имел в районе боевых действий 7-ю и 23-ю пехотные дивизии, полностью укомплектованные по штатам военного времени, пехотную бригаду войск Маньчжурского государства, три тяжелых артиллерийских полка, три полка конницы. Кроме того, из Маньчжурии подходила 14-я пехотная бригада. Для усиления противотанковой обороны японцы перебросили к Халхин-Голу все противотанковые батареи 1-й пехотной дивизии. Противник значительно усилил авиационную группировку и доставил в район конфликта часть тяжелой артиллерии из крепости Порт-Артур. В начале августа была сформирована 6-я японская армия (командующий генерал О. Риппо), насчитывавшая: 75 тыс. человек и имевшая 304 пулемета, свыше 500 орудий, 182 танка, 300–350 самолетов⁹¹. Советско-монгольские войска насчитывали 57 тыс. бойцов и командиров. На вооружении было 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолетов.

1 августа японская бомбардировочная авиация попыталась нанести удар по войскам, находившимся на территории МНР, но, встреченная советскими истребителями и огнем зенитной артиллерии, не приняв боя и не сбросив бомб, ушла на свою территорию, потеряв 2 самолета, сбитых преследовавшими истребителями.

2 августа в 8 часов советская авиация разбомбила аэродром противника и уничтожила 8 японских самолетов, кроме того, 8 самолетов было сбито на взлете.

3 августа японские бомбардировщики под прикрытием истребителей попытались совершить нападение на монголо-советские войска, но, встреченные советскими истребителями, потеряв 2 бомбардировщика, ушли на территорию Маньчжурии.

4 августа над территорией МНР произошло два воздушных боя между японскими истребителями и бомбардировщиками и советскими самолетами. В результате было сбито 10 японских самолетов, на свою базу не вернулся 1 советский самолет.

С 5 по 17 августа в районе к востоку от реки Халхин-Гол происходили стычки небольших разведывательных групп. Японская авиация несколько раз пыталась проникнуть на территорию МНР, были сбиты 31 японский самолет и 7 советских.

10 августа по всему 70-километровому фронту захваченного плацдарма японцы готовили исходные позиции для генерального наступления, намеченного ими на 24 августа.

12 августа полк японской пехоты, усиленный артиллерией, бронемашинами и частично танками, при поддержке 22 бомбардировщиков атаковал

22-й монгольский кавалерийский полк и занял на южном участке фронта высоту Большие Пески.

Перед командованием советских и монгольских войск стояла задача — подготовить и провести решительное наступление с целью полного уничтожения японских захватчиков, нарушивших государственную границу МНР. Операцию, проведенную советско-монгольскими войсками в августе 1939 г., условно можно разделить на три этапа: с 20 по 23 августа — окружение противника; с 24 по 27 августа — расчленение окруженной группировки; с 28 по 31 августа — полная ликвидация окруженного противника.

Введенных в действие сил не хватало. Поэтому из глубокого тыла к Халхин-Голу стягивались свежие войска: 82-я и 57-я стрелковые дивизии, полк 152-й стрелковой дивизии, 6-я танковая и 212-я авиадесантная бригады, артиллерийские полки, части связи и др. Была усилена авиация: число самолетов увеличилось до 515. Советско-монгольскому командованию удалось добиться численного превосходства над противником: в пехоте — в 1,5 раза, по пулеметам — в 1,7 раза, орудиям — почти в 2 раза, танкам — в 4 и авиации — в 1,6 раза⁹².

Из войск, сосредоточенных у Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа под командованием комкора Г. К. Жукова (член военного совета группы дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба комбриг М. А. Богданов). Для координации действий советских и монгольских войск в районе конфликта на базе Забайкальского военного округа была создана фронтовая группа под командованием командарма 2 ранга Г. М. Штерна (член военного совета группы дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба комдив М. А. Кузнецов). Монгольскими войсками, действовавшими в районе боев, руководил маршал Х. Чойбалсан.

В то время когда советско-монгольские войска вели ожесточенные бои с японцами, китайский маршал Ян-Цзе в ходе беседы в Москве 16 августа 1939 г. спросил у наркома обороны К. Е. Ворошилова: «Чан Кайши имеет сведения, что как будто бы создана комиссия с обеих сторон и ведутся переговоры о мирном разрешении конфликта на границе Монголии. Верно ли это и с чьей стороны было сделано предложение?» К. Е. Ворошилов ответил: «Это обычная японская утка. Японцы ведут себя нагло, суют свой нос на монгольскую границу и получают по заслугам; наглее трудно придумать, как ведут себя японцы»⁹³.

17 августа в 6 км восточнее Халхин-Гола японские войска предприняли ряд атак, стремясь занять ряд господствующих высот.

17–19 августа советско-монгольские войска отбили все атаки японских войск и отбросили их на исходные позиции.

Советские войска тщательно готовились к осуществлению завершающего этапа боевых действий.

Все передвижения войск производились только ночью. За 10–12 дней до наступления вдоль фронта постоянно курсировало несколько танков со снятыми глушителями, чтобы японцы, привыкнув к шуму советских танков, как к обычному явлению, были совершенно дезориентированы в момент наступления. С той же целью проводились систематические дневные и ночные полеты советской авиации. Советские и монгольские войска внимательно изучали противника, проводилась рекогносцировка. Замысел советского командования заключался в том, чтобы не позднее 20 августа провести генеральную наступательную операцию с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы МНР. Планировалось ударами сильных групп по обоим флангам противника окружить и уничтожить японские войска между госграницей и Халхин-Голом. Для выполнения этого замысла были созданы три группы — Южная, Северная и Центральная.

Южная группа (командовал полковник М. И. Потапов) наносила главный удар. В ее состав входили: 57-я стрелковая дивизия, 6-я танковая бригада, монгольская кавалерийская дивизия, 8-я мотоброневая бригада, два танковых батальона 11-й танковой бригады, дивизион самоходных установок, 37-й дивизион противотанковых орудий, рота огнеметных танков⁹⁴.

Северная группа (командовал полковник И. В. Шевников) наносила вспомогательный удар. В ее состав входили 11-я танковая, 7-я мотоброневая бригады, стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии, 6-я монгольская кавалерийская дивизия, 87-й противотанковый дивизион. Южная и Северная группы считались ударными, на них возлагалась задача выйти в тыл противника и замкнуть кольцо окружения в районе горы Номон-Хан-Бурд-Обо.

Центральная группа в составе 36-й и 82-й стрелковых дивизий, 5-й стрелково-пулеметной бригады, двух артполков должна была фронтальными атаками сковать силы японцев. В резерве армейской группы оставались 9-я мотоброневая и 212-я авиадесантная бригады.

20 августа утром, в воскресенье, советско-монгольские войска перешли в наступление по всему фронту⁹⁵. В 5 часов 45 минут 153 бомбардировщика, сопровождаемые истребителями, произвели массивный налет на передний край обороны японцев, на их ближайшие резервы и артиллерийские позиции. Атаке предшествовала мощная авиационная и артиллерийская подготовка, длившаяся 2 часа 45 минут. После окончания последнего огневого налета артиллерии по переднему краю обороны противника и 15-минутного удара авиации по его тылам под торжественные звуки «Интернационала», передаваемые звуковещательной походной станцией, началась атака пехоты, танков и конницы советско-монгольских войск.

Удар авиации и артиллерии советско-монгольских войск оказался настолько мощным и внезапным,

что противник был морально и физически подавлен. В течение полутора часов его артиллерия не произвела ни одного выстрела, а авиация не сделала ни одного вылета.

В то время как войска центрального участка фронтальными атаками зсковывали главные силы агрессора, южная и северная ударные группировки советско-монгольских войск прорвали вражескую оборону на флангах и стремительным глубоким охватом начали окружать противника. Постепенно враг начал приходить в себя и оказывать все более упорное сопротивление. Японское командование бросило против советско-монгольских войск большое количество танков, артиллерии и авиации. Под их прикрытием в контратаки все чаще стала переходить пехота и кавалерия. На всем фронте разгорелось ожесточенное сражение. Несмотря на отчаянное сопротивление противника, к исходу первого дня серьезный успех был достигнут на внешних флангах Южной и Северной групп, где кавалерийские соединения советско-монгольских войск разгромили части японо-маньчжурской кавалерии и овладели намеченными рубежами вдоль государственной границы.

21 августа стрелковые части Южной группы глубоко вклинились в основную оборонительную полосу противника, разгромили его ближайшие тактические резервы и захватили несколько артиллерийских позиций. Стремительными ударами они расчленили оборону японцев на ряд узлов, терявших между собой связь, блокировали их и последовательно уничтожали. При этом большую роль сыграла советская артиллерия и огнемётные танки. Выдвигая на открытые позиции орудия всех калибров, в том числе и 152-миллиметровые, артиллеристы прямой наводкой с близких дистанций уничтожали огневые точки врага. Целями огнемётных танков являлись блиндажи и подземные укрытия, а пехота ручными гранатами и штыками довершала разгром противника.

За один только день 21 августа советские бомбардировщики произвели 256 самолето-вылетов и сбросили свыше 86 т авиабомб.

Северная группа в течение 21–23 августа продолжала вести упорные бои в районе высоты Фуй. Противник подтянул сюда часть своих резервов и задержал продвижение группы.

Оценив создавшуюся обстановку, командующий 1-й армейской группой Г. К. Жуков принял решение ввести в сражение на северном направлении все силы резерва. 9-я мотоброневая бригада, находившаяся в резерве, получила задачу обойти высоту Фуй с севера в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо для перехвата путей отхода северной группировки противника и уничтожения его складов в районе озера Узур-Нур.

22 августа 9-я мотоброневая бригада совершила рейд на базу японцев у озера Узур-Нур. Танкисты разгромили вражескую автоколонну, подожгли скла-

ды с горючим, уничтожили батарею, прикрывавшую японскую базу.

23 августа 9-я мотоброневая бригада достигла Номон-Хан-Бурд-Обо и отрезала пути отхода северной группировке японцев на восток. В этот же день Северной группе, усиленной 212-й авиадесантной бригадой, удалось сломить сопротивление врага и овладеть высотой Фуй. Японцев пришлось выбивать гранатами и штыками буквально из каждой щели. После боя из окопов и блиндажей было извлечено свыше 600 трупов японских солдат и офицеров.

К исходу 23 августа вся оборонительная полоса японцев на участке наступления Южной группы, за исключением одного опорного пункта, была взломана, 8-я мотоброневая бригада, вышедшая к госгранице, заняла оборону фронтом на северо-восток и окончательно отрезала пути отхода южной группировке врага. Советские и монгольские войска завершили окружение противника.

Одновременно с внешним фронтом окружения, состоявшим в основном из мотоброневых, кавалерийских, авиадесантных и частично стрелковых войск, перешедших к обороне вдоль границы, был образован внутренний фронт из стрелковых частей, наносивших по врагу сходящиеся удары. На высотах противнику удалось создать узлы сопротивления и опорные пункты. Если окружение основных сил японцев было осуществлено в течение четырех дней, то на их уничтожение пришлось затратить неделю. Для обстрела противника, засевшего на обратных склонах и в укрытиях, использовались минометы⁹⁶.

Стрелковые части, взаимодействуя с танками и авиацией, расчленили всю оборону японцев на ряд изолированных очагов, которые успешно ликвидировались. У окруженных японцев оставалось еще три очага сопротивления. Первый — на правом берегу Хайластын-Гола в районе высоты Ремизова, названной так в честь командира 149-го стрелкового полка майора И. М. Ремизова, героически погибшего здесь в июльских боях. Второй и третий очаги сопротивления были на левом берегу реки в районе сопки Песчаная и высоты Зеленая. Задача советских войск заключалась в том, чтобы плотным кольцом сжать окруженного противника и последовательными ударами уничтожить его сначала на левом, а затем на правом берегу реки Хайластын-Гол.

В течение **24 августа** части Южной группы совместно с присоединившимися частями Центральной группы продолжали ликвидировать остатки опорных пунктов врага.

Попытки японского командования прорвать кольцо окружения извне ударами подтянутых свежих резервов (25 и 26 августа) не увенчались успехом. По неся большие потери, деблокирующая группа врага вынуждена была отступить.

Артиллерийским обеспечением наступления руководили комкор Н. Н. Воронов и комбриг

Ф. Г. Корзин. В 1940 г. в беседе со Сталиным Жуков оценил Воронова как хорошо помогавшего в планировании артиллерийского огня и в подвозе боеприпасов. Вся артиллерия была разбита на группы поддержки пехоты и танков и группы дальнего действия. Южной ударной группе придавалось 72 орудия, Северной — 36, а 100 орудий оставалось на центральном участке фронта. Кроме того, в войсках имелось 100 полковых и 180 противотанковых орудий. Однако в целом артиллерии на Халхин-Голе было недостаточно⁹⁷.

При подготовке операции больше внимания уделялось завоеванию господства в воздухе. Преимущество японских воздушных сил в майских и июньских боях удалось быстро ликвидировать. Этому способствовали, в частности, обновление авиационного парка истребителями И-16 (на пяти из них впервые было применено ракетное вооружение) и И-153 («Чайка»), а также пополнение летного состава высококвалифицированными кадрами во главе с комкором Я. В. Смушкевичем, получившими опыт ведения боевых действий в небе Испании и Китая.

Многое было сделано для четкой организации связи, управления и взаимодействия войск в предстоящей операции. Управление осуществлялось с командного пункта, размещавшегося на западном берегу реки Халхин-Гол на горе Хамар-Даба. Второй эшелон штаба находился в 20 км, а тыловая группа — в 120 км. Сложные задачи решали инженерные войска: они построили и навели 28 мостов, вырыли 57 колодцев, подготовили 63 аэродрома и провели ремонт дорог. Работники тыла обеспечили войска всем необходимым для ведения боя. Грузы подвозили 3275 автомобилей Забайкальского военного округа и 2580 автомобилей 1-й армейской группы сквозными рейсами без перевалочных пунктов.

К началу операции в ряды ВКП(б) вступили 1204 человека, в комсомол — 1809 бойцов и командиров. Это были также реалии того времени⁹⁸.

В соответствии с замыслом советско-монгольское командование приступило к планомерному уничтожению окруженных японских войск. Оказавшись в котле, японские войска отчаянно сопротивлялись. Японское командование, чтобы разорвать кольцо окружения и оказать помощь своим войскам, 24 августа предприняло наступление юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо двумя полками 14-й пехотной бригады, подошедшей с востока. Удар противника был направлен против 57-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону по северо-восточной кромке Больших Песков. На следующий день японцы вновь попытались прорваться к своим окруженным частям. Их атака сопровождалась массированным налетом авиации. Но и на этот раз успеха они не имели.

26 августа командующий Южной группой решил нанести контрудар. Задача была возложена на 6-ю танковую бригаду.

24 и 25 августа советские бомбардировщики совершили 2178 самолето-вылетов. Истребители с 24 по 27 августа провели десять воздушных боев, сбив 74 самолета противника.

Южная группа советско-монгольских войск **27 августа** полностью блокировала японцев, оборонявшихся в районе сопки Песчаная и высоты Зеленая. Уничтожив практически весь личный состав в районе опорного пункта, части Южной группы к исходу 27 августа овладели всеми укреплениями на левом берегу реки Хайластын-Гол и устремились на его правый берег. Одновременно на правом берегу реки советские части с трех сторон атаковали высоту Ремизова.

К утру **28 августа** противник продолжал оказывать сопротивление только в районе высоты Ремизова. Здесь он имел наиболее сильные укрепления. 21–28 августа японские войска, окруженные с обоих флангов советскими и монгольскими войсками, понесли большие потери в личном составе и материальной части, были ликвидированы. Попытки небольших японских частей вновь перейти в наступление были отбиты.

В ночь с 28 на 29 августа остатки японских войск были ликвидированы, и советско-монгольские войска прочно закрепились на рубеже вдоль государственной границы МНР. Вечером 28 августа 24-й мотострелковый полк под командованием полковника И. И. Федюнинского получил задачу уничтожить противника, оборонявшегося на высоте Ремизова, и не позднее 24 часов захватить вершину высоты. Полк при поддержке огнетанков ворвался на вершину и в 22 часа 30 минут полностью ликвидировал последний очаг сопротивления — до трех батальонов пехоты. Примерно до 200 человек, бежавших в барханы, было уничтожено в ночном бою.

29 и 30 августа на участке севернее реки Хайластын-Гол продолжались последние бои.

К утру **31 августа** территория МНР была полностью очищена от японских захватчиков. В итоге 10-дневных боев была окружена и уничтожена большая часть сил 6-й японской армии. 31 августа последние очаги обороны врага были ликвидированы. После полного разгрома своей наземной группировки японское командование предприняло попытки нанести поражение советской авиации. Однако и этот замысел не удался. В начале сентября 1939 г. советские летчики провели несколько воздушных боев, в которых уничтожили 71 вражеский самолет⁹⁹.

Крупная группировка Квантунской армии перестала существовать. 16 сентября японское правительство вынуждено было признать поражение своих войск и попросило о прекращении военных действий. Халхингольский котел до основания потряс Кван-

тунскую армию. Ее командование в полном составе было вынуждено уйти в отставку. Были смещены командующий армией генерал Уэда и начальник штаба армии генерал Мосиган¹⁰⁰.

В боях на Халхин-Голе японцы потеряли около 61 тыс. убитыми, ранеными, пленными (в том числе около 45 тыс. в июле— августе 1939 г.). За весь период их потери только убитыми составили 25 тыс. человек.

По данным Генерального штаба ВС РФ, опубликованным в книге «Россия и СССР в войнах XX века. Статистические исследования» (под общей редакцией Г. В. Кривошеева. М.: Олма Пресс, 2001. Гл. III), ответственны были и потери советских войск. До середины сентября 1939 г. было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 949 командиров, 1153 младших командиров, 4370 бойцов (всего 6472 человека); умерло от ран в госпиталях 123 командира, 170 младших командиров, 859 бойцов (всего 1152 человека); пропало без вести 60 командиров, 149 младших командиров, 1819 бойцов (всего 2028 человек); погибло в катастрофах в результате происшествий 43 человека; было ранено, контужено и обожжено 1335 командиров, 2123 младших командиров, 11793 бойцов (всего 15251); заболел (болезни простудные, желудочно-кишечные, болезни глаз) 701 человек (данные эти неполные, так как по статистике через халхингольский госпиталь прошло, согласно его учету, 2225 человек заболевших военнослужащих).

Раненых и больных из госпиталей, находившихся на территории МНР, направляли в окружающие военные госпитали Забайкальского военного округа, главным образом в Читу. Потери по родам войск составили: в стрелковых войсках командиров, младших командиров и бойцов — 3391 убитых, 459 пропавших без вести и 10069 раненых; в танковых войсках — 659 убитых, 36 пропавших без вести, 864 раненых; в артиллерии — 177 убитых, 14 пропавших без вести, 466 раненых; в авиации — 100 убитых, 59 пропавших без вести, 102 раненых; в прочих войсках — 647 убитых, 8 пропавших без вести, 658 раненых. Следует отметить, что потери убитыми во время боев на Халхин-Голе несли практически все категории комсостава: командиры взводов, рот, батальонов, полков.

15 сентября 1939 г. в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией, в котором говорилось, что с 14 часов 16 сентября всякие боевые действия прекращались. Войска оставались на своих линиях, занимаемых ими к 13 часам 15 сентября.

Стороны согласились произвести обмен пленными. После окончания боевых действий было проведено два обмена военнопленными. Первый — 27 сентября 1939 г., когда советской стороной было освобождено 88 военнопленных, и второй — 27 апреля 1940 г., когда Японии вернули 116 человек. Приемом пленных с Халхин-Гола занимался народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия. В справке НКВД СССР, датированной 3 марта 1940 г., о япон-

ских военнопленных, захваченных в период боев на монгольской территории, говорилось: «В период событий на Халхин-Голе 19 июля 1939 г. моботделом НКВД было предложено Гулагу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных-японцев. Такой лагерь был подготовлен в городе Нижнеудинск на 2 тыс. человек. В связи с тем, что военнопленных оказалось только немногим более 100 человек и развертывать для их содержания специальный лагерь было признано нецелесообразным, военнопленные, на основании шифротелеграммы народного комиссара внутренних дел Союза тов. Берия от 30.10.1939 г. за № 801, были водворены в отдельный корпус Читинской тюрьмы». Начальник 1-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных Тишков сообщал руководству, что в настоящее время приступили к заполнению опросных листов и заводятся личные дела.

За мужество и героизм в боях на Халхин-Голе 70 командирам и бойцам Красной Армии было присвоено звание Героя Советского Союза, 21 человеку это звание было присвоено посмертно (среди них комбриг М. П. Яковлев и майор И. М. Ремизов). Летчики С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко стали дважды Героями Советского Союза. Среди Героев 33 человека были танкистами, 23 — летчиками. Всего было награждено 17 тыс. командиров и красноармейцев, орденосносными стали 24 соединения, части и подразделения. В боях на Халхин-Голе особенно отличились 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая бригада, 100-я скоростная бомбардировочная авиационная бригада, 24-й мотострелковый полк, 57-я стрелковая дивизия, 8-я и 9-я мотоброневые бригады, 22-й, 56-й и 70-й истребительные авиационные полки и др.

Умело и решительно действовали воины танковой бригады под командованием комбрига М. П. Яковлева. Танковый экипаж лейтенанта А. А. Мартынова уничтожил пять вражеских орудий. Майор Г. М. Михайлов во главе танкового батальона прорвался глубоко в тыл противника и даже раненый руководил подразделением до полного выполнения задачи. Беспрецедентный подвиг совершил танковый экипаж политрука Д. П. Викторова. Отважные танкисты подбили десять вражеских орудий; даже когда подступавшие японцы подожгли танк, советские воины продолжали сражаться до последнего дыхания. Высокое мастерство и самоотверженность проявили советские летчики. В боях с японцами В. Ф. Скобарихин и А. Ф. Мошин применили воздушный таран, повторив подвиг советского добровольца в Китае А. А. Губенко. Умело действовали монгольские цирки и дарги. 29 августа 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР вручил награды командарму 2 ранга Г. М. Штерну, комкору Г. К. Жукову, полковнику И. И. Федюнинскому; 83 человека получили ордена Ленина, 595 — Красного Знамени, 134 — Красной Звезды, 33 — медали «За отвагу», 58 человек — медали «За боевые заслуги».

В ходе августовской наступательной операции на реке Халхин-Гол для решения поставленных задач были применены бронетанковые и механизированные войска, И хотя они в оперативном построении еще не выделялись в эшелон развития успеха, опыт боевых действий наглядно показал, что они являлись основным средством в руках командующего для охвата флангов и окружения противника. Их действия, в частности в Северной группе войск, выявили целесообразность ввода в прорыв крупных масс танков, проведения ими широкого маневра по выходу на тылы и фланги противника¹⁰¹.

«Если бы в моем распоряжении не было двух танковых (6-й и 11-й) и трех мотоброневых (7-й, 8-й, 9-й) бригад, — отмечал Г. К. Жуков, — мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию». Г. К. Жуков высказывал И. В. Сталину свою идею о том, «что нам нужно резко увеличить в составе Вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска»¹⁰². Боевые действия на реке Халхин-Гол послужили определенным толчком в совершенствовании организационной структуры бронетанковых и механизированных войск.

Еще в 1933 г. вместо танка БТ-2 в СССР начался выпуск танка БТ-5, вместо 37-миллиметровой пушки была установлена 45-миллиметровая пушка. В 1939 г. немцы еще не имели таких пушек, как советские танки Т-26 и БТ-5, в начале 1930-х гг. По броню БТ-5 равнялся германским танкам, а по ходовым качествам превосходил их настолько, что танки Германии и любой другой страны мира не могли с ним сравниться по этим характеристикам. В 1935 г. СССР начал производство танка БТ-7. Его броня была увеличена до 22 мм, масса возросла до 13,8 т, мощность двигателя — до 450 л.с. Существовал также вариант БТ-7А с 76-миллиметровой короткоствольной пушкой. В 1933–1934 гг. было выпущено около 600 — БТ-2, 1900 — БТ-5 и 4600 — БТ-7. В 1939 г. Советский Союз имел средние танки Т-28, которые весили 32 т и имели двигатели в 500 л.с., броню — 60 мм, 76-миллиметровую пушку. В 1939 г. был также начат выпуск танков БТ-7М, боевой вес которых составлял 14,65 т, а главным результатом модернизации был дизельный двигатель мощностью 500 л. с. Танк обладал скоростью 62 км/ч на гусеницах и 86 км/ч на колесах с запасом хода 400 км.

Использование танков предполагалось с учетом характера местности. Было известно, что местность к востоку от реки Халхин-Гол была покрыта песчаными буграми, барханами и изрезана котловинами, лощинами и ямами глубиной до 40 м. Высота барханов достигала 40–50 м; равнинная местность к западу от реки Халхин-Гол не имела никаких естественных укрытий.

К началу июля 1939 г. японское командование подтянуло к району боевых действий две пехотные дивизии, два танковых полка, около двух дивизий кавалерии и большое количество боевой техники.

Советские войска, сосредоточенные у реки Халхин-Гол, были сведены в 1-ю армейскую группу, в которой насчитывалось в середине августа 498 танков и 385 бронемашин¹⁰³.

Основная масса танков была сосредоточена в составе созданной Южной группы советских войск, наносившей главный удар. Обеспечение флангов ударных групп возлагалось на монгольские кавалерийские дивизии.

Резерв командующего 1-й армейской группой в составе 9-й мотоброневой бригады, 212-й авиадесантной бригады и танкового батальона 6-й танковой бригады к утру 20 августа сосредоточился юго-западнее горы Хамар-Даба в готовности развить успех Южной и Северной групп.

Начало общего наступления назначалось на 20 августа. Большого успеха в первый день наступления достигли войска Южной группы: 8-я мотоброневая бригада под командованием полковника А.П. Мишулина, преодолевая полосу песчаных бугров, к исходу 20 августа вышла в район в 3–4 км от Номон-Хан-Бурд-Обо, а ее разведывательные подразделения достигли линии государственной границы юго-восточнее этого пункта. 57-я стрелковая дивизия, поддержанная 3-м и 4-м танковыми батальонами 11-й танковой бригады, продвинулась на 11–12 км, части, действовавшие на ее правом фланге, овладели большей частью района Большие Пески. Успешное продвижение 8-й мотоброневой бригады и правофланговых частей 57-й стрелковой дивизии привело к охвату левого фланга оборонявшихся японских войск¹⁰⁴.

6-я танковая бригада под командованием полковника М.И. Павелкина, насчитывавшая в своем составе около 150 танков, в первый день операции наступать не смогла, так как из-за плохой организации и обеспечения переправы через реку Халхин-Гол не сумела своевременно выйти в исходный район и вступила в бой лишь 21 августа. Бронетанковые части Северной группы войск, имея задачу охватить правый фланг противника, стремительным ударом отбросили вражескую конницу, овладели передовыми позициями японцев и к исходу дня подошли к их сильно укрепленному узлу сопротивления на высоте Фуй. Попытка овладеть этим оборонительным узлом с ходу не увенчалась успехом. Войска Северной группы вынуждены были развернуть для атаки этой высоты свои главные силы, но противнику удалось отразить удары советских войск. Войска Центральной группы в первый день наступления продвинулись незначительно.

В результате первого дня наступления советско-монгольские войска создали угрозу флангам японской группировки. Перед бронетанковыми частями встала задача как можно скорее замкнуть в тылу японских войск фронт окружения.

В полосе наступления Южной группы 21 августа вступила в бой 6-я танковая бригада, которая со-

вместно с 8-й мотоброневой бригадой обошла фланг противника и полностью овладела районом Большие Пески. Тем самым бронетанковые части вышли на предполагаемые пути отхода войск противника, находившиеся южнее реки Хайластын-Гол.

Части Южной группы, вклинившись в оборону противника, разгромили его тактические резервы и захватили ряд артиллерийских позиций. Наступающие войска, несмотря на упорное сопротивление, расчленили оборону японцев на отдельные районы, блокировали их и последовательно уничтожили. Весьма высокую эффективность показали советские огнеметные танки, которые уничтожали противника в блиндажах и укрытиях. В ожесточенных боях вся оборона противника в полосе наступления войск Южной группы к исходу 23 августа была взломана. Японцы продолжали удерживать лишь отдельные опорные пункты южнее реки Хайластын-Гол. К этому времени 8-я мотоброневая бригада, вышедшая к государственной юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо, заняла оборону фронтом на северо-восток и окончательно отрезала пути отхода южной группировке японских войск. С выходом этой бригады к государственной границе был образован внешний фронт окружения и создавались благоприятные условия для уничтожения войск противника.

При самостоятельных действиях танковых частей обычно батальон или рота танков на большой скорости подходили к какому-либо укрытию и с дистанции 700–1000 м вели ураганный огонь по оборонявшемуся противнику. Затем, сочетая огонь с маневром, танки поротно или повзводно стремительно продвигались к объекту атаки и расстреливали его с близкой дистанции, стремясь охватить или окружить его. В большинстве случаев танки прорывались до артиллерийских позиций противника, но полностью уничтожить его узлы обороны им удавалось только после повторных атак, во взаимодействии с пехотой.

Опыт действий 6-й танковой бригады на местности, покрытой песчаными барханами, свидетельствовал о том, что в подобных условиях необходимо было уничтожать оборонявшегося противника усилиями танков и пехоты при поддержке авиации.

Войска Северной группы в течение 21 и 22 августа не смогли овладеть высотой Фуй, так как атаки с фронта узла обороны противника, предпринимаемые пехотой и танками, успеха не имели. Затянувшиеся бои за высоту Фуй не позволяли завершить окружение противника. Напрашивалось решение: частью сил блокировать эту высоту, а главными силами стремительно наступать в южном направлении. Такое решение и было принято командованием. Для этого из резерва в ночь на 21 августа была выдвинута 9-я мотоброневая бригада, которой была поставлена задача: не ввязываясь в бой за высоту Фуй, обойти ее с севера и наступать вдоль государственной границы в направлении Номон-

Хан-Бурд-Обо с целью завершения окружения японской группировки, оборонявшейся севернее реки Хайластын-Гол.

Выполняя поставленную задачу, 9-я мотоброневая бригада, усиленная 4-м танковым батальоном 6-й танковой бригады, обошла высоту Фуй. Продвигаясь на юг, 23 августа она достигла Номон-Хан-Бурд-Обо, отрезав пути отхода северной группировке японцев на восток. На другой день наступления подразделения бригады при огневом взаимодействии с подразделениями 8-й мотоброневой бригады Южной группы замкнули кольцо окружения. При выполнении этой задачи 2-й танковый батальон 11-й танковой бригады, действовавшей совместно с 9-й мотоброневой бригадой, 22 августа разгромил японскую базу снабжения в районе озера Узур-Нур: была уничтожена автоколонна противника, подожжены склады ГСМ (горючего и смазочных материалов), боеприпасов и разбита артиллерийская батарея. Ликвидация этой базы в значительной степени нарушала снабжение японских войск.

Таким образом, к исходу 24 августа бронетанковые части завершили окружение противника, а стрелковые войска, совместно с танковыми подразделениями, продолжали расчленять вражескую группировку на отдельные, изолированные друг от друга, группы. В сложившейся обстановке было решено сжать окруженного противника плотным кольцом и концентрическими ударами последовательно уничтожить его сначала на южном, а затем и на северном берегу реки Хайластын-Гол. При этом часть сил должна была находиться на внешнем фронте окружения в готовности к отражению возможных попыток противника деблокировать окруженные войска.

Развернувшиеся южнее реки Хайластын-Гол стрелковые части совместно с 3-м и 4-м танковыми батальонами 11-й танковой бригады продолжали сжимать кольцо окружения. Однако уничтожить упорно сопротивлявшегося противника не удалось. Японское командование 24 августа предприняло попытку начать наступление двумя пехотными полками из района юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо. Это намерение противника было сорвано действиями 80-го стрелкового полка, оборонявшегося на внешнем фронте окружения, и 6-й танковой бригады. Все атаки противника 24 и 25 августа были успешно отражены. При отражении атак противника 3-й батальон 6-й танковой бригады действовал в боевых порядках пехоты, а 1-й и 2-й батальоны — на флангах 80-го стрелкового полка.

26 августа 6-й танковой бригаде была поставлена задача нанести удар двумя батальонами с флангов 80-го стрелкового полка. При приближении наступающих японцев к передовым позициям советской пехоты 3-й танковый батальон должен был отразить атаку противника огнем с места, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений. Танковые удары по флангам атакующего противника оказались

неожиданными и привели его к поражению. Танки огнем и гусеницами уничтожили противотанковые орудия противника и до двух рот пехоты. Понеся в трехдневных боях значительные потери, контратакующая группировка японских войск вынуждена была отступить.

Боевые действия танковых войск в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол послужили важным толчком для совершенствования боевой техники, организационной структуры и способов боевого применения советских танковых войск. На основе опыта боев на Халхин-Голе было рекомендовано увеличить толщину брони танков, особенно башен и бортов в районе топливных баков, а также сделать запасной выход из танка в днище боевого отделения. Эти рекомендации учитывались при разработке среднего танка Т-34 и легкого танка Т-50, принятого на вооружение перед Великой Отечественной войной.

Халхингольские события показали высокую боевую эффективность огнеметных танков ОТ-26 и Т-130 для выжигания противника из траншей и огневых точек, однако эти танки обладали недостаточной дальностью огнеметания (45–50 м). Работы по созданию огнеметных танков с большей дальностью огнеметания завершить до начала Великой Отечественной войны не удалось. Только в 1942 г. был принят на вооружение автоматический танковый огнемет АТО-42, выбрасывающий под давлением пороховых газов огнесмесь на дальность до 120 м. На танке Т-34 (ОТ-34) такой огнемет имел 200-литровый запас огнесмеси, что позволяло произвести 20 выстрелов. На танке КВ запас огнесмеси достигал 570 л (57 выстрелов).

Во время боев в мае 1939 г. было установлено, что броня малых плавающих танков Т-37А толщиной 9 мм пробивается бронебойными пулями японских винтовок и крупнокалиберных пулеметов. Выяснилась также низкая проходимость Т-37А на песчаных грунтах. В связи с этим в дальнейших боевых действиях на реке Халхин-Гол эти малые плавающие танки не участвовали и использовались только для связи.

В постановлении Комитета обороны от 19 декабря 1939 г., где речь шла о среднем танке Т-34, ставился вопрос о замене малого плавающего танка Т-37А и аналогичного по броневой защите, вооружению, экипажу, скоростным данным танка Т-38 плавающим танком Т-40, разработанным коллективом конструкторов под руководством Н. А. Астрова. Новый плавающий танк имел броню толщиной 13 мм, защищающую от огня крупнокалиберных пулеметов. Было усилено и вооружение, оно состояло из 12,7- и 7,62-миллиметровых пулеметов (у Т-37А и Т-38 был только один 7,62-миллиметровый пулемет). Плавающий танк Т-40 выпускался лишь в 1940–1941 гг. В дальнейшем вооружение и броневая защита этого танка оказались недостаточными, и его производство было прекращено.

Опыт боевых действий показал практическую невозможность использования тяжелых пушечных броневых автомобилей БА-6 и БА-10 на переднем крае и в глубине обороны противника ввиду их низкой проходимости. После событий на Халхин-Голе производство пушечных броневых автомобилей было резко сокращено, а весной 1941 г. их выпуск прекратился совсем.

Победа в операции на реке Халхин-Гол была завоевана согласованными усилиями всех родов войск и различных служб. Организация оперативного взаимодействия между стрелковыми соединениями, конницей, артиллерией, бронетанковыми войсками и авиацией составила один из важных элементов подготовки операции. Взаимодействие обеспечивалось: совместными рекогносцировками на местности, разработкой детальных планов взаимодействия, близким или совместным расположением командных пунктов общевойсковых командиров и командиров других родов войск, бесперебойной связью между командными пунктами начальников родов войск и командующего 1-й армейской группы.

Положительный опыт августовской операции заключался также в том, что советско-монгольское командование умело и искусно использовало бронетанковые соединения, действовавшие в оперативном и тактическом взаимодействии с общевойсковыми соединениями.

Как показал опыт этой операции, успех такого маневра зависит, прежде всего, от быстроты и стремительности действий. Получив задачу не ввязываться в затяжные бои за отдельные опорные пункты и громить при активном содействии авиации подходящие резервы противника, бронетанковые части решительно направлялись в глубину обороны японских войск, стремясь перехватить их коммуникации и замкнуть кольцо окружения.

Вместе с тем опыт августовской операции показал, что одними танками и бронемашинами невозможно решить поставленные задачи по окружению противника. Прочный фронт окружения может быть создан лишь в тесном взаимодействии бронетанковых и мотострелковых частей и соединений. Действия Северной группы показали, что бронетанковые войска целесообразно использовать для прорыва подготовленной позиционной обороны, и их лучше вводить в прорыв для смелого маневра во фланг и тыл противника.

В боях на реке Халхин-Гол выявились недостатки как в боевом использовании, так и в качестве танков. Весьма ограниченно применялся маневр танковыми частями в бою. Танки БТ-5 и БТ-7 имели тонкую броню и легко поражались противником.

По окончании военных действий Г. К. Жуков среди танковых выделил 11-ю танковую бригаду под командованием комбрига М. П. Яковлева, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Оценивая роль Д. Г. Павлова, Г. К. Жуков на

встрече с И. В. Сталиным сказал, что Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

В 1940 г. не без учета опыта Халхин-Гола было принято решение о формировании танковых и моторизованных дивизий, которые входили, как правило, в состав вновь создаваемых механизированных корпусов. На Дальнем Востоке же с этого времени дислоцировалось несколько отдельных танковых дивизий, укомплектованных по особому штату¹⁰⁵.

Что касается роли авиации, то в предвоенные годы политическое и военное руководство СССР обращало главное внимание на необходимость совершенствования таких ее качеств, как дальность, высокая маневренность, способность в сжатые сроки сосредоточить свои усилия на любом направлении, возможность самостоятельно вскрывать различные объекты и немедленно уничтожать их. По мнению высшего руководства страны, эти качества предопределяли исключительную роль авиации в бою, тем самым выдвигая ее в качестве эффективного средства при решении не только тактических, но и оперативно-тактических задач.

Необходимо подчеркнуть, что достижения в области авиации в СССР стали возможны в определенной мере благодаря развитию отечественной теории применения авиации. Подчеркивая важную роль авиации в грядущих военных столкновениях, А. Н. Лапчинский в своем труде «Воздушные силы в бою и операции» так определил важнейшие принципы ее боевого использования: сосредоточение необходимых сил авиации для выполнения задач в данной операции; неожиданный для противника ввод в дело выделенных сил (т. е. внезапность применения); тесное взаимодействие всех родов авиации; необходимость применения в операции крупных сил авиации, так как только это может дать ощутимый результат ее действий (т. е. ее массированное использование¹⁰⁶). Стратегически победа на Халхин-Голе была достигнута в короткие сроки объединенными усилиями различных видов вооруженных сил и родов войск. В достижении победы на Халхин-Голе важная роль была отведена отечественной авиации, вступившей в ожесточенные бои против японских воздушных сил. В самом начале халхингольских событий Г. К. Жуков, понимая всю сложность обстановки, обратился к наркому обороны с просьбой усилить советские авиачасти.

Следует учитывать, что с японской авиацией советские летчики встретились на Халхин-Голе впервые. Начиная с 1930-х гг. советские летчики, а по терминологии того времени «волонтеры», уже столкнулись с японскими асами в ходе ожесточенных воздушных боев в небе Китая. Так, только в воздушном бою над Ханькоу 31 мая 1938 г. ими было сбито 8 японских самолетов¹⁰⁷. Летом 1939 г. в разгар событий на Халхин-Голе, когда японцы рвались к китай-

ской столице военного времени Чунцину, 400 советских летчиков в течение четырех месяцев сдерживали японское наступление. Они бомбили тылы японцев и базы даже на Тайване¹⁰⁸. К началу 1939 г. в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов, военных летчиков, техников, шоферов. В августе 1939 г. в Москве между Китаем и СССР был подписан протокол о строительстве самолетосборочного завода в районе города Урумчи¹⁰⁹.

Разведывательное управление Генерального штаба РККА, отслеживая боевые действия в Китае и давая характеристики японских сил, столь необходимых для командования ВВС РККА, в апреле 1938 г. сообщало, что в составе японских ВВС, действующих в Китае, имеется 114 итальянских самолетов, 130 летчиков и 24 инженера, германских самолетов — 128, 115 немецких летчиков и 25 инженеров. В основном немецкие и итальянские летчики проводят подготовку летно-технического состава японских ВВС, а часть их участвует в воздушных операциях¹¹⁰.

Советский военный атташе в Китае Иванов постоянно информировал наркома обороны К. Е. Ворошилова о состоянии советской авиации и ее противоборстве с японцами. В одном из докладов он подчеркивал: «Необходимо улучшить обучение, дисциплину, организацию полетной аэродромной службы, повысить ответственность и „вернуть мозги“ по вопросу об использовании авиации. Японцы широко распространяют оценки действий на границе у озера Хасан. Указывают на неумелые действия авиации, танков, пехоты, большие потери частей РККА. Используют официальное сообщение об оставлении 200 метров сов[етской] территории в руках японцев, как наше бессилие выбить их с высоты... бросается тень на способность Красной Армии драться с японцами»¹¹¹

Иванов обращал внимание на то, что у озера Хасан авиация применялась неправильно. Вместо мощного удара по высоте, занятой японцами, очевидно, как всегда, авиацию направили в тылы японцев, не было длительного воздействия авиации по высоте в течение 2–3 часов непрерывно. Действия танков были ограничены местностью. В итоге — значительные потери, а часть территории все же осталась в руках японцев.

«Не могу представить, — подчеркивал Иванов в очередном докладе наркому обороны, — как можно оставить японцам хоть один метр, если сосредоточить на нем удар всех средств, и в первую очередь авиации. Весь опыт захвата Японией Маньчжурии, Китая, итальянцами и немцами — Испании и Абиссинии говорит о необходимости, целесообразности мощного, а главное, длительного (от 2 до 5–6 ч непрерывно) использования авиации в бою в дополнение к артиллерии, танкам. Без этого пехота, танки будут нести колоссальные потери и, несмотря на это, не всегда добиваться успеха. Дело не в особых условиях Китая, Абиссинии, Испании, а во взглядах на роль

авиации. Только в периоды между боями и перед боями нужно бросать авиацию на тылы противника. Нужно перестроить и обучение. Наши летчики могут работать только по глубоким тылам, а не учатся бомбить, пикировать, уничтожать цели на поле боя. Между тем японцы это сейчас делают успешнее»¹¹².

Г. К. Жуков, размышляя об итогах халхингольских боев, констатировал, что в начале кампании японская авиация была советскую авиацию.

28 мая 1939 г. комдив Н. В. Фекленко шифровкой сообщал Б. М. Шапошникову: «Прошу немедленно дать ответ, так как это связано с планированием боя 29 мая. 1. Авиация противника господствует в воздухе. 2. Западный берег реки Халхин-Гол совершенно открыт и не дает никакого маневра, за исключением района горы Дзукхан Ула, где местность легко пересеченная. 3. Наша авиация не в состоянии прикрыть наземные войска до захвата переправы 2 июня, так как основной удар и решительный можно нанести только 2 июня. 4. Удерживать восточный берег реки Халхин-Гол можно, но с большими потерями от авиации противника, несколько машин имеют Мессершмидт по агентурным данным 3, прикрыть себя земле [с земли в] районе действий не имею чем, рискуя обходом флангов, так как японцы делают поджог травы, этим создают тяжесть обороны, а поддержать до исхода 29 мая не имею чем, к исходу дня буду иметь резерв до одной мотобригады. 5. Прошу с наступлением темноты отвести части на западный берег и оборонять его, произведя бомбежку противника 29 мая в районе Джужур Обо, Номонканн Бурд Обо [с] задачей уничтожить живую силу противника»¹¹³.

Если в начале июля в распоряжении советского командования в районе вооруженного конфликта на Халхин-Голе имелось (благодаря быстрому маневру авиацией в район боевых действий) уже 267 самолетов, у противника — 239, то к августу 1939 г. произошли новые изменения, когда советская авиационная группировка была доведена до 515 самолетов, а у противника имелось 300 боевых машин¹¹⁴.

Исключительное значение для исхода борьбы за господство в воздухе на реке Халхин-Гол имела переброска советским командованием 29 мая в этот район большой группы опытного летного состава во главе с комкором Я. В. Смушкевичем¹¹⁵. Передача боевого опыта молодым летчикам внесла коренные изменения в характер противоборства с японской авиацией.

Все вместе взятое привело к тому, что борьба за господство в воздухе стала более результативной для советской авиации. Резко изменилось соотношение потерь авиации сторон. Например, 22 июня 1939 г. 120 самолетов противника пытались нанести удар по советско-монгольским войскам. Для его отражения было поднято в воздух 95 советских истребителей. В завязавшемся воздушном бою, который продолжался около двух с половиной часов, был уничтожен 31 японский самолет; потери советской авиации со-

ставили 11 самолетов¹¹⁶. 24 июня японская авиация вновь повторила свой массированный удар и вновь была крепко побита, по оценке Г. К. Жукова¹¹⁷.

26 июня вблизи озера Буир-Нур, в районе погранзаставы «Монголрыба», завязался еще один воздушный бой 60 японских и 50 советских истребителей. В бою противник потерял 25 самолетов, советская авиационная группа лишилась 2 самолетов¹¹⁸. Всего в боях с 22 по 26 июня включительно противник потерял 64 самолета¹¹⁹.

В течение июля и августа напряжение боев в воздухе не снижалось. За первую половину июля в нескольких воздушных боях японцы потеряли более 70 самолетов, потери советских сил составили 5 самолетов. Около 70 самолетов противника было уничтожено на протяжении нескольких дней августа¹²⁰.

Помимо напряженности и значительных потерь с обеих сторон, воздушные бои на Халхин-Голе характеризовались масштабностью, большой продолжительностью, участием в них крупных сил авиации сторон. Так, 15 сентября 1939 г. в бою участвовало 392 самолета. С 22 мая по 19 августа советские летчики уничтожили 355 вражеских самолетов, из которых 320 было сбито в воздушных боях. В последующем и до конца событий на реке Халхин-Гол враг потерял еще свыше 290 самолетов, из них в воздушных боях — 270¹²¹.

Всего в ходе крупных воздушных боев и сражений общие потери японской авиации составили около 660 боевых самолетов¹²².

«Часто я вспоминаю, — писал Г. К. Жуков, — с солдатской благодарностью замечательных летчиков товарищей С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова, В. Ф. Скобарихина, Л. А. Орлова, В. П. Кустова, Н. С. Герасимова и многих, многих других. Командир этой группы Я. В. Смушкевич был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством»¹²³.

Основным способом борьбы за господство в воздухе в районе Халхин-Гола явились бои и воздушные сражения между различными родами авиации сторон при решающей роли истребительной авиации. Взаимные удары противников по местам базирования носили эпизодический и ограниченный характер. Однако полученный опыт показал, что для достижения намеченной цели необходимо в комплексе использовать все рода и виды авиации, стремиться к уничтожению вражеской авиации как в воздухе, так и на аэродромах.

Борьба за господство в воздухе в боях на Халхин-Голе имела еще ряд особенностей. Так, здесь впервые в истории отечественной авиации в качестве самолетного вооружения были применены неуправляемые реактивные снаряды (РС-82). Несмотря на большое рассеивание и неточность стрельбы из-за несовершенства прицельного оборудования, их использование было весьма эффективным для нарушения

плотных боевых порядков больших групп бомбардировщиков противника. Японцы, как правило, не выдерживали таких ударов, строй их бомбардировщиков рассыпался, оборонительные возможности групп снижались, что создавало истребителям лучшие условия для уничтожения в воздухе оторвавшихся одиночных самолетов¹²⁴. Так, истребители И-16, имевшие кроме обычного пулеметного вооружения реактивные снаряды калибра 82 мм, под командованием летчика-испытателя капитана Н.И. Звонарева уничтожили реактивным оружием 13 японских самолетов (3 бомбардировщика и 10 истребителей)¹²⁵. В годы Великой Отечественной войны это новое средство широко использовалось в советской штурмовой авиации для уничтожения наземных объектов противника.

В ходе борьбы за господство в воздухе советское командование неожиданно для противника применило новые типы самолетов И-15 («Чайка») с убирющимися шасси и более мощным вооружением, что резко увеличило боевые возможности советской истребительной авиации, повысило эффективность ее применения.

Опыт боев на Халхин-Голе имел исключительно большое значение для определения наиболее целесообразной формы боевого использования советской авиации в интересах обеспечения операций наземных войск при совместных действиях с ними, для дальнейшего развития оперативного искусства ВВС. Прежде всего это касалось предназначения и принципов применения авиации. Опыт боевых действий на Халхин-Голе подтвердил целесообразность сосредоточения усилий авиации в интересах наземных войск, которые решали главную задачу разгрома противника. Основной ударной силой нашей авиации были бомбардировщики — 80% всех самолето-вылетов бомбардировочной авиации было произведено для уничтожения войск и техники противника на поле боя и в ближайшей глубине его обороны. Это привело к тому, что имевшееся первоначально превосходство японских войск в средствах борьбы было ликвидировано, и вражеская группировка оказалась разгромленной.

Что касается общих принципов использования авиации в наступательной операции в августе 1939 г., то следует сказать, что здесь впервые в боевых условиях проводилась непосредственная авиационная подготовка атаки крупными силами авиации, в процессе которой неоднократно наносились массированные удары по объектам обороны противника в ограниченном районе.

Так, перед наступлением советско-монгольских войск 20 августа 150 бомбардировщиков под прикрытием 144 истребителей нанесли массированный удар по оборонявшимся частям, артиллерии на огневых позициях, оборонительным сооружениям противника и его ближайшим резервам¹²⁶. За 15 минут до окончания артиллерийской подготовки новая группа

бомбардировщиков в составе 52 самолетов в сопровождении 167 истребителей нанесла еще один удар по тем же целям¹²⁷. Эти мощные по своей силе и эффективности удары советской авиации деморализовали врага, в значительной мере снизили боеспособность японских войск и предопределили успешное начало операции.

В последующие дни советская авиация эшелонированными действиями групп различного состава наносила бомбоштурмовые удары по войскам и технике противника, активно поддерживая наступавшие войска. Для этого широко использовалась бомбардировочная и истребительная авиация.

Победа, одержанная на Халхин-Голе, была возможна благодаря высокому уровню морально-психологической подготовки советских и монгольских войск, в том числе и летно-технического состава. В боях на реке Халхин-Гол комиссар 150-го бомбардировочного полка батальонный комиссар М.А. Ююкин направил свой горящий самолет на скопление японских войск¹²⁸.

Боевые действия на Халхин-Голе оказали влияние на развитие материальной части советских Военно-воздушных сил. В частности, обнаружилась несостоятельность теории о взаимодействии маневренных и скоростных истребителей. Подтвердился опыт боев в Испании, свидетельствовавший о том, что главное для истребителя в воздушном бою — скорость, а не маневренность, это привело к отказу от строительства маневренных истребителей-бипланов, уступавших по скорости истребителям-монопланам¹²⁹. Была признана важность радиосвязи для истребителей, необходимость легких и надежных радиостанций для бомбардировщиков (в японской авиации они были и на истребителях: приемно-передающие — у командиров звеньев и выше, приемные — на самолетах рядовых летчиков). Благодаря срочно принятым мерам к началу Великой Отечественной войны все новые советские истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1 были оснащены современными приемно-передающими радиостанциями.

10 июля 1940 г. было опубликовано сообщение ТАСС следующего содержания: «В Японии агентство Домей Цусин сообщило по радио, что в связи с третьей годовщиной японо-китайской войны отдел печати штаба японской армии опубликовал официальное сообщение об итогах военных действий в Китае за три года. В этом сообщении наряду с данными об итогах военных действий в Китае объявлено, что „на границе Манчжоу-Го и Внешней Монголии японские самолеты сбили 1340 советских самолетов и 30 советских самолетов уничтожили на земле“, и далее указано, что японцы на границе Манчжоу-Го и Внешней Монголии потеряли 138 самолетов. ТАСС уполномочен заявить, что приведенные выше „данные“ отдела печати штаба японской армии не только не соответствуют действительности, но являются еще смехотворными. На самом деле, по официальным

данном Генштаба Красной Армии, японцы за время конфликта на границе МНР и Манчжоу-Го в районе Халхин-Гола с 15 мая по 30 августа 1939 г. потеряли 589 самолетов. Монголо-советская авиация за этот же период потеряла 106 самолетов. Кроме того, за время с 30 августа по 15 сентября 1939 г. монголо-советской авиацией был сбит еще 71 японский самолет. Монголо-советская авиация потеряла за тот же период 37 самолетов. Всего за время конфликта на границе МНР и Манчжоу-Го японцы потеряли 660 самолетов, а потери монголо-советской авиации составили 143 самолета¹³⁰. Как бы то ни было, однако воздушные бои и сражения на территории Халхин-Гола показали возросшее значение применения авиации в современных операциях.

11 июля 1936 г. Председатель Совнаркома Союза ССР В. М. Молотов направил Председателю Совета министров Монгольской Народной Республики телеграмму следующего содержания: «От имени правительства СССР приношу в Вашем лице искренние поздравления правительству Монгольской Народной Республики по случаю 15-й годовщины самостоятельного государственного существования Вашей страны. Правительство Советского Союза с чувством удовлетворения отмечает, что дружественные отношения между нашими странами, начало которым было положено в 1921 году, оставались за истекшие 15 лет неизменными, что способствовало созданию благоприятных условий для мирного развития Монгольской Народной Республики, а также для укрепления мира на Дальнем Востоке»¹³¹.

В свое время руководитель японских коммунистов Сен Катаяма вынашивал идею «воссоединения всех монгольских племен в одну самостоятельную федеративную республику, с ближайшим курсом на советизацию и с отдельной перспективой вхождения в СССР»¹³². Большевикское руководство СССР неоднократно высказывалось за осуществление «великого восточного союза республик, который совместил бы в себе идеи коммунизма и буддизма», идеи объединения монгол от Забайкалья и Хотана и Тибета в одну Великую Монголию¹³³. Н.И. Бухарин говорил о необходимости создания всемирной федерации из 430 млн китайцев, 130 млн граждан СССР и 200 млн человек, проживавших в Индии¹³⁴. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин считал Монголию серьезным аванпостом поступления революционных идей в Тибет, Китай, Индию¹³⁵. Большевикские власти не оставляли своим вниманием Монголию. Так, по свидетельству начальника Разведуправления Штаба РККА Я. К. Берзина, сотрудник управления Я. Г. Блюмкин, известный своей причастностью к убийству Мирбаха, находясь в Монголии, в Урге, в Монгольской армии, «разлагающе действовал на монгольских партийных работников», что, по мнению Я. К. Берзина, могло отразиться на боеспособности Монгольской армии¹³⁶. Как информатор Я. Г. Блюмкин был отозван из Мон-

голии. Сведения о состоянии МНР в центр, в Москву, направлял в те годы начальник Штаба МНА Кангелари, который в конце 1920-х гг. достаточно критически характеризовал Чойбалсана, предпочитавшего политическую работу военному делу¹³⁷.

В 1930-х гг. происходили постоянные столкновения на границе Маньчжурии и Монгольской Народной Республики: в районах Халхин-Сумэ (территория халхинских монголов), озера Буир-Нор. В связи с этими инцидентами газета «Правда» 10 июля 1935 г. сообщала: «Захватнические аппетиты японской военщины не знают никаких пределов. Грабительский характер японской политики выступает все яснее и яснее наружу. Японская военщина в Маньчжурии затевает все более рискованные авантюры. Может, однако, случиться, что зарвавшиеся инспираторы этих авантюр сломают себе шею»¹³⁸.

9 декабря 1935 г. «Правда» писала: «Народно-революционная партия и трудовые аратские массы Монголии должны быть готовы к тому, чтобы отразить четвертую попытку японской военщины захватить их страну. Впрочем, токийское правительство хорошо осведомлено о том, какую опасную для него авантюру представляет осуществление этой угрозы. Можно поэтому надеяться, что оно вовремя одернет зарвавшуюся квантунскую военщину»¹³⁹. 23 декабря 1935 г. исполняющий обязанности Председателя Совета министров и министра иностранных дел МНР Чойбалсан направил по телеграфу министру иностранных дел Манчжоу-Го ноту протеста по поводу «нападений японо-маньчжурских частей на МНР»¹⁴⁰. 2 января 1936 г. в интервью Председателя Совета министров МНР господина Гендуна московскому корреспонденту «Ассошиэйтед Пресс» в Улан-Баторе подчеркивалось: «Я думаю, что подготовка к захвату МНР имеет, прежде всего, целью ликвидацию нашей независимости и превращение нас во второе Манчжоу-Го, откуда легче будет готовиться к дальнейшим нападениям на Китай и СССР. Мы не хотим быть втянутыми ни в какие чужие комбинации, мы защищаем и будем защищать свои собственные границы и свою независимость»¹⁴¹.

12 марта 1936 г. в городе Улан-Батор-Хото был подписан «Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой», в котором подчеркивалось, что правительства СССР и МНР «решили оформить в виде настоящего Протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 г. джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику...»¹⁴².

В Протоколе¹⁴³, в частности, говорилось: «Правительства Союза Советских Социалистических

Республик и Монгольской Народной Республики обяжутся в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»¹⁴⁴.

В ходе отражения агрессии и разгрома японских войск советские и монгольские воины проявили героизм и взаимную выручку. Так, уже в первых боях мужественно сражались воины 6-й кавалерийской дивизии под командованием майора Ч. Шарийбу и советского отряда во главе со старшим лейтенантом А. Э. Быковым. Когда на рассвете 28 мая 1939 г. японцы при поддержке авиации атаковали советские войска на границе, с ними в бой вступила советская саперная рота, контратаку которой метким пулеметным огнем поддержали монгольские воины. Командир 27-го полка 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народной армии Л. Дандар в конном строю трижды водил своих цириков в атаку и взял в плен 14 японцев. Отважно сражался командир взвода Зандуй, метко стреляли по противнику командир расчета противотанкового орудия Дорж и наводчик Шамба. Когда от вражеского снаряда погиб пулеметный расчет, за пулемет лег командир роты Бадай и открыл огонь по врагу. Успешно действовал бронедивизион 6-й кавалерийской дивизии. Не раз водил свой броневую автомашину в атаку монгол Д. Хаянхирва, раненый, он сумел отремонтировать свою подбитую машину и вырваться из окружения. 28 мая пример мужества и бесстрашия показывали советские инструкторы, сражавшиеся бок о бок с монгольскими воинами. Так, инструктор 8-й кавалерийской дивизии МНА капитан И. М. Афонин лично руководил действиями артиллерии и помог монгольским частям выйти из окружения. Инструктор бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии МНА майор И. Ф. Криченко в тот же день вместе с дивизионом шесть раз ходил в атаку и выполнял боевую задачу.

Особенно отличились монгольские воины в ходе боев в районе горы Баин-Цаган. Стремительной атакой танкистов 11-й танковой бригады, поддержанных 7-й мотоброневой бригадой, 24-м мотострелковым полком и 6-й кавалерийской дивизией МНА, обходящая группа противника в районе Баин-Цаган была полностью разгромлена. Отлично воевали цирики бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии МНА. Несколько раз водил в конную атаку своих бойцов командир 23-го полка 6-й кавалерийской дивизии МНА майор Ч. Дугаржав. При этом особенно успешно действовали командир 1-го эскадрона Бата, командир взвода Санжмятав и многие другие. находчивость и смелость проявили советские и монгольские воины во время переправы по затопленному на 30–40 см (в целях маскировки) понтонному мосту, по которому им удалось перебросить на восточный берег боевую технику и продовольствие.

Монгольские войска выполнили огромную работу по подготовке и оборудованию командных и наблюдательных пунктов, по поиску бродов и выбору

пунктов для понтонных переправ, оборудованию подъездных путей, организации четкой комендантской службы на переправах. Примеры взаимовыручки в бою, мужества, стойкости продемонстрировали монгольские воины в самых ожесточенных августовских боях 1939 г. 20 августа на левом фланге 6-я кавалерийская дивизия МНА под командованием Л. Данджара во взаимодействии с советскими танкистами разгромила два баргутских кавалерийских полка и к исходу дня вышла к госгранице. В ночь на 26 августа группа ночных легких бомбардировщиков Монгольской Народной армии совместно с советской авиацией атаковала позиции противника в районе Джин-Джин-Суме. Всего в боевых действиях участвовало 15 самолетов Р-5 МНА. 27 августа к исходу дня Южная группа советско-монгольских войск овладела всеми укреплениями на южном берегу реки Хайластан-Гол, притока Халхин-Гола, и укрепились на северном берегу.

Оценивая вклад цириков в победу на Халхин-Голе маршал Х. Чойбалсан говорил: «Наш народ и вы его верные сыны — в районе реки Халхин-Гол одержали большую победу. Вместе с бойцами Красной Армии вы очистили вашу землю от злейшего врага монгольского народа — японских захватчиков... Советский народ не один раз на деле доказал свою заботу о нашей революционной стране. Если бы не было помощи Страны Советов, то на нашей земле давно бы хозяйничали японские грабители. Сейчас, когда враг уничтожен, наш первый привет, наша первая революционная благодарность великому советскому народу, его могучей непобедимой Красной Армии»¹⁴⁵.

Даже после разгрома окруженных частей 6-й японской армии противник утром 4 сентября бросил два пехотных батальона из вновь подошедшей японской дивизии и попытался захватить высоту Эрис-Улайн-Обо. Однако совместным ударом двух эскадронов кавалерийской дивизии МНА, советского танкового и разведывательного батальонов противник был отброшен, потеряв убитыми свыше 350 человек. Монгольские кавалеристы в конном строю успешно преследовали отходящего противника. Г.К. Жуков вспоминал: «...Мы, советские воины, были ... восхищены героическими подвигами монгольских бойцов и командиров»¹⁴⁶. В боях на Халхин-Голе особенно отличились 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая, 100-я авиационная бригады и 24-й стрелковый полк, которые были награждены советским правительством орденами Красного Знамени. Несколько сот красноармейцев, командиров и политработников Красной Армии были награждены орденами и медалями Монгольской Народной Республики.

«...Ни в какую сумму, ни в какие миллиарды нельзя оценить те многие тысячи жизней советских людей, которые были отданы за свободу и независимость нашего народа», — говорил в свое время

Первый секретарь ЦК Монгольской Народно-Революционной партии Ю. Цеденбал¹⁴⁷. Более 400 монгольских воинов были награждены орденами и медалями, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии удостоились монгольского ордена Красного Знамени. За заслуги в разгроме японских войск 6-й кавалерийской дивизии МНА было присвоено почетное звание имени Сухэ-Батора¹⁴⁸. В феврале 1940 г. полпред МНР в СССР Самбу, бывший в 1935 г. председателем монгольской делегации по переговорам о ликвидации инцидента у Халхин-Сумэ, назвал РККА «могущественной, героической, великой, победоносной Рабоче-крестьянской Красной Армией»¹⁴⁹.

Анализируя характер боевых действий на реке Халхин-Гол, можно сделать вывод об их несомненном влиянии на развитие военного искусства. Они явились образцом сотрудничества армий двух государств, объединенное командование продемонстрировало умение решать сложные задачи.

На Халхин-Голе впервые были применены в массовом масштабе и притом вполне современные танки и самолеты. В отдельных боях число машин исчислялось сотнями, а в решительные моменты боя в воздух поднималось до 300 самолетов¹⁵⁰. Анализ замысла, подготовки и осуществления советско-монгольским командованием августовской операции свидетельствует о том, что, несмотря на чрезвычайно сложные условия, в ней были достигнуты эффективные результаты: в короткий срок было подготовлено, успешно осуществлено и завершено окружение и полное уничтожение крупной группировки противника.

В районе реки Халхин-Гол советскими войсками была осуществлена армейская наступательная операция по окружению частей 6-й японской армии в пустынно-степной местности. Вследствие незначительных размеров района глубина операции составляла 24 км, а ширина полос наступления войск ударных группировок — 20 км.

«Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, — докладывал Г. К. Жуков И. В. Сталину, — хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед „харакери“. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону»¹⁵¹.

Следует подчеркнуть, что с военным искусством японцев еще до событий на реке Халхин-Гол советское военное руководство было знакомо по подробным отчетам и докладам советского военного атташе в Китае комбрига Иванова. В одной из своих совсекретных докладных записок на имя наркома обороны К. Е. Ворошилова он обращал внимание на следующие факторы:

«У нас считают японцев, так же как и немцев, сторонниками окружения и уничтожения. Однако на деле они этого не применяют, хотя были случаи такого положения, когда очень легко было окружить китайские части. Возникает сомнение, правильно ли мы понимаем работу Шлиффена и японскую школу окружения и уничтожения. Не являются ли широко распространяемые немецкие и японские труды и статьи об окружении дымовой завесой их действительного способа действий. Это требует дальнейшего изучения и проверки. Действия японцев характеризуются не стремлением к окружению, а потрясением возможно более широкого фронта и сковыванием всех резервов путем ряда ударов в нескольких районах, концентрацией главных сил на одном-двух направлениях. Такие удары автоматически создают угрозу обхода и окружения отдельных групп, но и доводятся до конца, чтобы противник начал отход, расстроился, и уже только потом в процессе отхода, а не на укрепленных рубежах, бить его по частям...»¹⁵²

Иванов подчеркивал необходимость учитывать тот факт, что против одной японской дивизии должно быть сосредоточено не менее 60–65 тыс. бойцов, имеющих на вооружении до 30 тыс. винтовок, до 2 тыс. ручных и станковых пулеметов, до 150 гранатометов, бомбометов, минометов, а также до 240 среднекалиберных орудий, 25–30 зенитных орудий, 50–60 танков, 70–80 истребителей, до 30 бомбардировщиков. При невозможности сосредоточить такие силы лучше опираться на ряд оборонительных рубежей, огонь артиллерии и никаких контратак и наступления не проводить... Наступление организовывать только при условии сосредоточения превосходящих сил, без этого наступление захлебнется уже на второй день¹⁵³.

Особого внимания заслуживают формы и методы проведения операции. Создание внешнего и внутреннего фронта для ликвидации окруженного противника явилось новым вкладом в дальнейшее развитие военного искусства. Успешное решение такой важной проблемы, как окружение и уничтожение противника, было достигнуто не численным превосходством, а благодаря высокому уровню военного искусства командиров всех степеней, хорошей боевой подготовке войск.

Тактическое умение советских войск оказалось на достаточной высоте, военная мысль дала блестящие образцы разработки плана и его осуществления. На Халхин-Голе была осуществлена операция по окружению и полному истреблению противника, которая всегда считалась достаточно сложной. Разгром японских войск на Халхин-Голе подтвердил в основном правильность существования в советской военной теории взглядов на ведение наступательных операций, и в частности глубокой операции¹⁵⁴.

Августовская операция показала, что ее успешное проведение неразрывно связано с умелым маневрированием войск, применением контрударов, с завоеванием господства в воздухе, изоляцией рай-

она боевых действий от подходящих резервов противника и нарушением его коммуникаций. Вместе с тем опыт Халхин-Гола позволил сделать выводы о необходимости увеличения плотности артиллерии, о дальнейшем совершенствовании боевой техники и тактики наступательного боя. В итоге боевых действий был получен опыт организации управления всем ходом операции, работы штабов, тесного взаимодействия всех родов войск. С максимальным эффектом были использованы высокоподвижные бронетанковые части.

Военные действия у реки Халхин-Гол можно с полным основанием рассматривать с точки зрения их значения для дальнейшего развития военного искусства. Советские войска получили возможность в ходе боевых действий проверить на практике основные положения уставов и наставлений, выявить сильные и слабые стороны теоретических разработок советского военного искусства. Начатые сравнительно небольшими силами в мае 1939 г., боевые действия нарастали постепенно, а решающая операция, представлявшая значительный оперативно-тактический интерес, была проведена советско-монгольскими войсками в августе 1939 г. после сосредоточения необходимых сил и соответствующей подготовки. Размах операции, вследствие незначительных размеров района боевых действий, был небольшим, однако она была весьма поучительной с точки зрения искусства ее подготовки и проведения. Ее поучительность заключается, прежде всего, в оригинальной форме оперативного маневра.

Стратегическим замыслом операции предусматривалось двумя охватывающими ударами с флангов окружить и уничтожить японские войска, вторгшиеся на территорию МНР, не допустив их отхода в Маньчжурию. При этом в центре предусматривалось вести активные боевые действия, способствуя окружению и уничтожению противника. Характерной чертой операции на реке Халхин-Гол являлось создание внешнего фронта в процессе окружения и ликвидации противника, что было новым в военном искусстве. Советские войска, окружив противника, создали внутренний и внешний фронты окружения, это позволило организовать ликвидацию окруженных войск противника и противодействовать попыткам деблокировать их ударами извне. В Великой Отечественной войне эта форма оперативного маневра получила, как известно, дальнейшее развитие под Сталинградом, в Корсунь-Шевченковской и других операциях.

Командование 1-й армейской группы проявило высокое искусство не только в выборе нужной формы оперативного маневра, но и в определении направления главного удара и создании для этого группировок войск. Уступая противнику в численности живой силы, в результате перегруппировки командование сумело достичь решающего перевеса на участках нанесения главного удара. Воинские

группировки были нацелены на наиболее уязвимые места в обороне японо-маньчжурских войск — на фланги, которые оборонялись наименее стойкими частями баргутской (баргуты — жители Внутренней Монголии) конницы и маньчжурами. Этот опыт выбора направлений в нанесении ударов по слабым местам и концентрации сил и средств на участках прорыва в последующем нашел широкое применение. Как известно, в годы Великой Отечественной войны умелый выбор направлений для нанесения главных ударов и сосредоточение на избранных направлениях необходимых группировок войск имело решающее значение для успешного проведения операций.

Большую роль в успешном проведении августовской наступательной операции 1939 г. сыграла тщательно проведенная 20-дневная подготовка. Командование 1-й армейской группы одновременно с планированием операции и проведением мероприятий по ее всестороннему обеспечению уделяло большое внимание боевой подготовке частей и соединений. Ее проводили в реальных условиях боевой обстановки в соответствии с теми конкретными задачами, которые предстояло выполнить. Все занятия проходили с участием танков, артиллерии и авиации. На занятиях войска учились приемам ближнего боя, знакомились с тактикой противника. Отрабатывали вопросы взаимодействия¹⁵⁵.

Наступательная операция советско-монгольских войск для противника началась неожиданно. Внезапность была достигнута в результате проведения комплекса мероприятий по оперативной маскировке, строгого выполнения требований скрытого управления войсками, дезинформации противника и борьбы с его воздушной разведкой.

Разработку плана операции вело строго ограниченное количество лиц. С приближением срока наступления круг лиц, посвященных в детали плана, расширялся. Красноармейцы и младшие командиры узнали о своих задачах за три часа до начала наступления.

В целях введения противника в заблуждение и сохранения в строжайшей тайне замысла подготовливаемой операции, Военным советом

1-й армейской группы советско-монгольских войск был разработан план оперативно-тактического обмана противника. Он предусматривал: мероприятия по скрытному передвижению и сосредоточению прибывавших из Советского Союза частей и соединений, конспирацию проводившихся перегруппировок сил и средств, находившихся в обороне восточнее реки Халхин-Гол, а также переправ войск и материальных запасов через реку; проведение рекогносцировок исходных районов, участков и направлений для расположения и действия войск; особо секретную постановку задач всем войскам, участвовавшим в предстоящей операции; проведение скрытной доразведки авиацией и всеми родами сухопутных войск; вопросы дезинформации противника с целью введения его в заблуждение.

Неожиданным для японского командования оказалось и направление главного удара, который планировалось нанести по левому флангу обороны противника. Такое решение было обусловлено двумя факторами: во-первых, противник считал, что наиболее вероятным будет удар советских войск с севера; во-вторых, нанести главный удар на южном участке было удобно и потому, что наши войска здесь занимали наиболее выгодное положение, так как, заняв исходное положение фронтом на север, они имели возможность прямолинейным движением на северо-восток быстро охватить фланг врага и кратчайшим путем выйти ему в тыл.

Сосредоточение войск фланговых ударных группировок и выход их в исходные районы для наступления осуществлялись в ночь с 19 на 20 августа, то есть накануне начала операции. С этой целью широко применялись технические средства маскировки, громкоговорящие звуковые установки, а также скрытое расположение войск и боевой техники в заблаговременно подготовленных укрытиях.

Военный совет 1-й армейской группы, политотделы соединений советско-монгольских войск издали тысячи листовок, ряд памяток бойцу в обороне, которые подбрасывались противнику. Была разработана и осуществлена серия мероприятий по дезинформации противника по радио и во время телефонных переговоров, которые в основном сводились к вопросам инженерного оборудования участков и полос обороны частей и соединений с учетом подготовки их к осенне-зимней кампании.

Опыт оперативной маскировки войск, полученный в операции на Халхин-Голе, нашел широкое применение в годы Великой Отечественной войны. Важную роль в разгроме японских захватчиков на реке Халхин-Гол сыграла артиллерия. Ее группировка и методы огня в основном определялись положениями Полевого устава 1936 г. и Боевым уставом артиллерии РККА (часть II) 1937 г. В дивизиях по числу стрелковых полков создавались группы поддержки пехоты, а в центральных и южных группах, кроме того, и группы дальнейшего действия. Теоретические положения по созданию таких группировок были проверены практикой боев на Халхин-Голе и получили дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны. Почти до конца 1944 г. группировки артиллерии создавались в основном по тем же принципам, что и в операции на Халхин-Голе.

В ходе боев в Монголии выявилась необходимость совершенствования методов и видов огня артиллерии. Практика боев настоятельно потребовала проведения артиллерийской поддержки пехоты и танков. После этого уже в проекте Полевого устава 1940 г. было введено понятие «артиллерийская поддержка». В ст. 266 Устава указывалось: «Артиллерийская поддержка атаки обеспечивает бросок в атаку, захват переднего края и продвижение пехоты и танков». При прорыве обороны противника и бое

в глубине применялись различные виды огня. В зависимости от складывающейся обстановки применялся сосредоточенный огонь и осуществлялся маневр огнем артиллерии. Как в обороне, так и в наступлении широкое распространение получил огонь прямой наводкой всех систем вплоть до 152-миллиметрового калибра.

В соответствии со ст. 187 Полевого устава 1936 г. плотность артиллерии при прорыве обороны противника должна была составлять 30–35 орудий на 1 км фронта (без учета артиллерии группы дальнего действия). В боях на Халхин-Голе плотность артиллерии составляла только 3–5 орудий. В ходе боев выявилась настоятельная необходимость массированного применения артиллерии, увеличения плотности артиллерии на 1 км участка прорыва обороны противника. Поэтому, учитывая опыт боев с японскими захватчиками в МНР, в Полевом уставе пехоты 1939 г. рекомендовалось создавать плотность артиллерии в 35–60 орудий и минометов.

На основе опыта боев на Халхин-Голе советская военная теория правильно определяла роль артиллерии в современном бою. Это положение было записано уже в проекте Полевого устава 1939 г., в котором в ст. 285 указывалось: «Артиллерийская подготовка является важнейшим средством обеспечения успеха предпринимаемой атаки». Таким образом, опыт Халхин-Гола в значительной мере способствовал дальнейшему развитию теории применения артиллерии в бою и операции¹⁵⁶.

В области артиллерийского вооружения после Халхин-Гола также были сделаны соответствующие выводы. Так, 45-миллиметровая противотанковая пушка образца 1937 г., 76,2-миллиметровая полковая пушка образца 1927 г., 76,2-миллиметровая дивизионная пушка образца 1936 г., 122-миллиметровая пушка образца 1931/1937 гг., 152-миллиметровая пушка образца 1910/1934 гг. по таким основным показателям, как дальность стрельбы и мощность снаряда, превосходили близкие им по калибру японские орудия, но были тяжелее в боевом и походном положениях. Боевой опыт Халхин-Гола привел к интенсификации ведущихся работ, способствовал ускорению принятия на вооружение ряда артиллерийских орудий. Во время боевых действий на Халхин-Голе использовалось некоторое количество новых дивизионных 76-миллиметровых пушек образца 1936 г. (Ф-22), разработанных коллективом под руководством В.Г. Грабина. По сравнению с пушкой образца 1902/1930 г. новое орудие имело ряд преимуществ: благодаря раздвижным станинам угол горизонтального обстрела составлял 60 градусов, угол возвышения — 75. Впервые примененный полуавтоматический клиновый затвор позволил довести скорострельность до 20 выстрелов в минуту (ранее было 6 выстрелов в минуту)¹⁵⁷.

В боях против японцев пушка Ф-22 показала себя надежной и эффективной. Однако были выяв-

лены и отдельные недостатки: она была тяжела, и ее передвижение в боевых условиях силами расчета было затруднительно. Кроме того, Ф-22 отличалась сложностью в производстве и обслуживании. Исходя из опыта Халхин-Гола, пушка образца 1936 г. подверглась существенной модернизации. Новая 76-миллиметровая пушка образца 1939 г. (УСВ), разработанная под руководством В. Г. Грабина, была несколько легче, увеличилась и ее скорострельность. Дальнейшие работы по совершенствованию дивизионной пушки привели к созданию 76-миллиметровой пушки образца 1942 г. (ЗИС-3), ставшей самым массовым орудием Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

В боях против японских войск советские войска успешно использовали 82-миллиметровые батальонные минометы образца 1937 г. Они оказались особенно эффективными для поражения пехоты противника в окопах и на обратных склонах высот. Опыт Халхин-Гола способствовал их дальнейшему внедрению в Красной Армии.

Недостаточно эффективной против штурмующих японских самолетов (в основном, истребителей) оказалась 76-миллиметровая зенитная пушка образца 1931 г., прежде всего из-за низкой скорострельности по целям с большими угловыми скоростями перемещения, а также недостаточной маневренности орудия: относительно низкой скоростью при транспортировке, большими затратами времени для перевода из боевого положения в походное и обратно.

В целом следует отметить, что боевой опыт, полученный на Халхин-Голе, во многом способствовал ускорению процессов разработки и принятию на вооружение в 1939–1940 гг. более совершенных артиллерийских и зенитных орудий. Важное значение имел опыт боев для совершенствования стрелкового оружия, в частности 7,62-миллиметровой винтовки образца 1891/1930 гг. Требования, предъявляемые к стрелковому оружию, заключались в сокращении его массы и уменьшении длины. Штык при этом должен быть отъемным или неотъемно-откидным. Указанные рекомендации были учтены советскими конструкторами-оружейниками. Ручной пулемет конструкции В. А. Дегтярева (ДП-27) в целом зарекомендовал себя с положительной стороны. Пулемет «максим» в 1939 г. был заменен 7,62-миллиметровым станковым пулеметом воздушного охлаждения конструкции В. А. Дегтярева образца 1939 г. (ДС-39)¹⁵⁸.

Опыт боевых действий советских войск в 1939 г. позволил определить наиболее целесообразное построение боевого порядка в полках и дивизиях. Наступательный бой полков и дивизий на Халхин-Голе в основном организовывался в соответствии с требованиями Полевого устава 1936 г. Но в дивизиях боевой порядок практически не подразделялся на ударную и сковывающие группы, как это предусматривалось в Уставе 1936 г. В дальнейшем, учитывая опыт боев на Халхин-Голе, в проекте Полевого устава

1941 г. положение о делении на ударную и сковывающую группы было изъято. Практика боевых действий показала нецелесообразность построения дивизий в один эшелон. При таком построении командиры дивизий не имели возможности наращивать силу удара в глубине обороны противника¹⁵⁹.

Г. К. Жуков вспоминал, что, как показал опыт сражения в районе Баин-Цаган, танковые и механизированные войска, умело взаимодействующие с авиацией и подвижной артиллерией, являются решающим средством для осуществления стремительных операций с решительной целью¹⁶⁰. В ходе боевых действий в районе Халхин-Гола танки применялись для решения не только тактических, но и оперативных задач. Хотя танковые бригады еще не выделились в эшелон развития успеха, они все же являлись основным средством охвата флангов противника и играли ведущую роль в окружении главной группировки его войск.

В целом боевые действия советских войск в предвоенный период по своим масштабам носили ограниченный характер и не позволили всесторонне проверить теоретические положения глубокой наступательной операции — одновременное поражение противника на всю оперативную глубину его обороны, для чего предполагалось использовать высокие боевые качества артиллерии, танковых и механизированных войск, авиации и воздушно-десантных соединений.

В ходе боев 20–31 августа 1939 г. был получен также опыт автомобильных перевозок в дальневосточных условиях. События на реке Халхин-Гол с особой наглядностью подтвердили то, что управление войсками представляет собой сложный комплекс мероприятий, проводимый командующими (командармами), штабами по подготовке, организации и ведению боевых действий. Особое внимание советским командованием было обращено на выводы, касавшиеся управления войсками и достижения внезапности при подготовке и переходе советско-монгольских войск в наступление. Полученный на Халхин-Голе опыт личной постановки задач, маскировки и дезинформации, а также скрытного сосредоточения войск впоследствии широко использовался в годы Великой Отечественной войны.

Боевые действия на Халхин-Голе подтвердили высокую эффективность организации работы командиров и штабов на местности. Уточнение на местности принятого по карте решения на бой проводилось преимущественно в ходе рекогносцировки, в содержание которой стал вкладываться новый смысл. Летом 1939 г. многие командиры на проводимых рекогносцировках с учетом местности (ее проходимость, удобства для наблюдения и т.д.) стали решать другие вопросы, в том числе сосредоточения основных усилий, построение боевых порядков. Важные задачи в достижении успеха рекогносцировки выполнял общевойсковой штаб, который отрабатывал

план рекогносцировки, организовывал сбор и выезд командиров в намеченный район. Характерно, что к участию в рекогносцировке командирами привлекались в большинстве случаев начальники штабов родов войск и специальных войск.

Особо важной и ответственной стала работа на местности по организации взаимодействия, причем наметилась тенденция к тому, что ее возглавлял командир, а не штаб, как это определялось Временным наставлением по полевой службе войсковых штабов 1936 г. Штаб же готовил рабочую карту с принятым решением и намеченным порядком взаимодействия, уточнял расчеты, последние данные обстановки и предложения начальников родов войск, определял ориентиры, нумерацию целей, сигналы и порядок поддержания связи, то есть выступал в роли основного организатора взаимодействия. В последующие годы на основе этого опыта штабами стали отрабатываться такие документы по взаимодействию, как проекты плановой таблицы боя, схема взаимодействия. Внимание командиров и штабов при организации управления войсками в целях повышения оперативности управления было сосредоточено на практике деления состава полевого управления на три эшелона. При подготовке августовской наступательной операции на западном берегу реки Халхин-Гол на горе Хамар-Даба создавался командный пункт (первый эшелон) в составе командующего, части офицеров штаба, начальников родов войск (специальных войск). Второй эшелон штаба размещался в 20 км от первого, в него вошли отделы кадров, строевой и др.

Органы управления тыловыми частями и учреждениями (третий эшелон) были развернуты в 80–100 км от командного пункта. Для того времени это было новым явлением в организации управления войсками для оперативных инстанций. Выделение командных пунктов в последующем нашло отражение в уставах и применялось в годы Великой Отечественной войны¹⁶¹.

Был распространен также опыт инженерного оборудования пунктов управления. На основе боевой практики отрабатывался, в частности, расчет оборудования (по объему выполняемых работ и времени) блиндажей, укрытий и других инженерных сооружений применительно к армейскому звену. Пропагандировался опыт проведенных мероприятий по соблюдению требований скрытого управления войсками: применение переговорных таблиц и кодовых сигналов, организация радиоконтроля, отработка правил радиообмена и т. д.

Опыт организации связи получил распространение прежде всего с точки зрения установления радиосвязи между командирами танковых (мотоброневых) бригад и авиационных полков. Были проанализированы причины низкой устойчивости связи при ведении войсками боевых действий в оперативной глубине. В итоге был сделан вывод о необходимости иметь прямую радиосвязь авиации с бронетанковыми (или кавалерийскими) частями и даже подразделениями. Тогда же в Главном управлении связи были пересмотрены штаты частей (подразделений) связи и нормы снабжения их радиосредствами.

К Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства... Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье — Запад или Восток, кто больше испытал до дна чашу человеческих испытаний и горя...

А.Е. Снесарев

Заключение

«Русский Восток вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий...»

В своем исследовании об И.В. Сталине Д. А. Волкогонов отметил опасный характер халхингольских событий: «Блистательный Халхин-Гол, когда летом 1939 г. Жуков разгромил целую японскую армию, а осенью приказ Мерецкова — ввести войска в Финляндию. После разгрома японцев никто всерьез не отнесся к подготовке операции в Финляндии. И обожглись...»¹⁶²

Выступая в Кремле 5 мая 1941 г. с речью перед выпускниками военных академий, И. В. Сталин подчеркнул, что, по его мнению, опыт Хасана и Халхин-Гола не имеет большого значения, ибо пришлось иметь дело не с современной армией. Надо изучать опыт войны на Западе, опыт советско-финляндской войны.

В секретном Постановлении секретариата Исполнительного комитета Коммунистического интернационала «Некоторые указания для усиления

работы японских коммунистов» от 5 ноября 1939 г. (Москва) говорилось: «Развал антикоминтерновской оси в результате заключения договора о дружбе между СССР и Германией и обстановка войны между империалистами в Европе делают позицию японского милитаризма более трудной и неустойчивой. Сама японская военщина уже, по-видимому, перестала верить в возможность успешной войны против Советского Союза после суровых уроков боев у озера Хасан и на монголо-маньчжурской границе»¹⁶³.

В то время как на Халхин-Голе гремели бои, на дипломатическом фронте, практически уже в канун Второй мировой войны, обострились отношения между ведущими мировыми державами, касающиеся как политики в Европе, так и на Дальнем Востоке.

21 июня 1939 г. ТАСС объявлял вымыслом сообщение некоторых немецких газет о том, что «будто бы в переговорах с Англией и Францией Советское правительство настаивает на гарантировании своих дальневосточных границ и это является препятствием к заключению соглашения»¹⁶⁴.

14 августа 1939 г. ТАСС опроверг сообщение польской газеты «Иллюстрированы Курьер Цодзенны» о том, что «Рузвельт, якобы в своем письме, переданном Молотову послом Штейнгардтом, предлагает сотрудничество с Советским Союзом на Дальнем Востоке против японской экспансии и обещает гарантии Америки Советскому Союзу на случай войны с Японией при условии подписания Советским Союзом военного союза с Англией и Францией, а также и экономическую помощь Китаю в борьбе против Японии и что якобы для обсуждения этих вопросов Рузвельт готов послать в Москву специальную делегацию после подписания Советским Союзом пакта с Англией и Францией»¹⁶⁵.

Еще в 1930-х гг. в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» господином Барнес И. В. Сталин, высказываясь по дальневосточному вопросу, подчеркивал: «...к сожалению, очень трудно уловить существо дальневосточной политики САСШ. Что касается Советского Союза, то он придерживается и будет придерживаться твердой политики сохранения мира как с Японией, так и с Маньчжурией и вообще — Китаем... Нет ничего легче, как убедить народы обеих стран во вреде и преступности взаимного истребления. Но, к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами... Что касается СССР, то едва ли нужно еще доказывать, что народы СССР, как и правительство СССР, — хотят, чтобы вооруженное столкновение между обеими странами ни при каких обстоятельствах не могло иметь место...»¹⁶⁶.

20 августа 1939 г. появилось еще одно опровержение ТАСС: «В последние дни польские газеты „Польска збройна“, „Экспресс поранны“, „Курьер варшавски“ опубликовали сообщение о разногласиях, возникших в ходе переговоров в Москве между советской военной делегацией, с одной стороны,

и французской и английской военной миссиями — с другой, в связи с тем, что СССР якобы требует военной помощи Англии и Франции на случай войны на Дальнем Востоке...»¹⁶⁷.

14 сентября 1939 г. ТАСС опроверг появившуюся информацию, что будто бы «советско-монгольские войска после успешных операций заняли значительную часть маньчжурской территории». ТАСС заявлял, что «советско-монгольские войска ни одного вершка маньчжурской территории не занимали, не занимают и не думают занимать, а указанное сообщение Рейтера является вымыслом»¹⁶⁸.

16 сентября 1939 г. ТАСС сообщал о наконец-то достигнутом «Советско-японском соглашении по поводу конфликта на монголо-маньчжурской границе». В нем говорилось: «В результате происходивших в последние дни переговоров между японским послом господином Того и народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым обе стороны, то есть японо-манчжоугоская и советско-монгольская, пришли к следующему соглашению: 1. Японо-манчжоугоские войска и советско-монгольские войска прекращают 16 сентября в 2 часа по московскому времени всякие военные действия. 2. Японо-манчжоугоские войска и советско-монгольские войска остаются на занимаемых ими 15 сентября в 13 часов по московскому времени линиях. 3. Представители войск обеих сторон на месте немедленно приступают к выполнению п.п. 1 и 2 настоящего соглашения. 4. Пленные и трупы обеих сторон подлежат обмену, о чем представители войск обеих сторон на месте немедленно договариваются между собою и приступают к исполнению. Кроме того, в переговорах между господином Того и В.М. Молотовым достигнуто соглашение о том, что в целях уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го в районе недавнего конфликта будет организована возможно скорее комиссия из двух представителей советско-монгольской стороны и двух представителей японо-манчжоугоской стороны. Комиссия приступит к своей работе тотчас же по ее образованию»¹⁶⁹.

20 ноября 1939 г. последовало сообщение Наркоминдела о создании смешанной комиссии для уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го. Комиссия должна была приступить к работе в городе Чита, проведение второй половины заседаний комиссии было запланировано в городе Харбин. Кроме того, между В. М. Молотовым, официально выступавшим «по уполномочию правительств СССР и Монгольской Народной Республики», и японским послом в Москве господином Того состоялся обмен мнениями об основных принципах, «которые должны быть положены в основу советско-японского торгового соглашения. Обмен мнениями показал наличие общности взглядов по этому вопросу»¹⁷⁰.

9 января 1940 г. было заключено совместное коммюнике смешанной комиссии по уточнению гра-

ницы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го¹⁷¹. По поводу «Совместного коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го» 1 февраля 1940 г. было опубликовано «Примечание ТАСС», в котором говорилось: «Ввиду того, что представленные японо-манчжоугоской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существовавшей и ранее никем не оспаривавшейся линии границы, оказались лишенными признаков авторитетных официальных документов, советско-монгольская делегация отказалась признать эти документы в качестве основы для уточнения границы. Ввиду отказа японо-манчжоугоской стороны признать представленные советско-монгольской стороной авторитетные официальные документы и ввиду того, что стороны остались при своих мнениях, смешанная комиссия разъехалась, не приняв общего согласованного решения»¹⁷².

20 апреля 1940 г. последовало очередное опровержение ТАСС по поводу вопроса о соглашении между СССР и Японией. В нем говорилось: «Японская печать, в связи с недавним приемом японского посла господина Того народным комиссаром внешней торговли А. И. Микояном по вопросам советско-японской торговли, распространяет слухи о том, что СССР ищет соглашения с Японией любой ценой, чтобы освободить руки на юго-востоке и вообще в Европе. ТАСС уполномочен заявить, что эти слухи совершенно не соответствуют действительности и являются смехотворными, так как японцы не могут не понимать, что ввиду известной обстановки на Дальнем Востоке именно они, прежде всего, нуждаются в соглашении с СССР, а не наоборот»¹⁷³.

9 июня 1940 г. было достигнуто соглашение об уточнении монголо-маньчжурской границы — «по вопросу об уточнении границы в районе прошлогоднего конфликта, — по вопросу, который в свое время не был разрешен советско-монгольской и японо-маньчжурской смешанной комиссией по уточнению границы в упомянутом районе и служил препятствием к урегулированию взаимоотношений СССР с Японией, а также МНР с Манчжоу-Го»¹⁷⁴.

7 сентября 1940 г. японская газета «Хоци» распространила сообщение о якобы состоявшейся в конце августа беседе И. В. Сталина с германским послом графом Шуленбургом по вопросу о заключении соглашения между СССР, Германией, Италией и Японией и об аннулировании антикоминтерновского пакта. ТАСС опровергал это сообщение, заявляя, что И. В. Сталин за последние шесть–семь месяцев не имел никакой встречи с господином Шуленбургом»¹⁷⁵.

19 октября 1940 г. последовало новое опровержение ТАСС в связи с утверждением японской газеты «Хоци» о якобы имеющемся решении «правительства СССР созвать в Москве конференцию 4 держав: СССР, Японии, Германии и Италии»¹⁷⁶. 15 ноября 1940 г. ТАСС опроверг утверждение «Юнайтед Пресс»

о том, что «в дипломатических кругах сообщают, что Япония достигла соглашения с Советским Союзом, определяющего сферы влияния на Дальнем Востоке и предусматривающего прекращение помощи Чунцину со стороны Советского Союза»¹⁷⁷.

16 ноября 1940 г. ТАСС вновь выступил с опровержением в связи с сообщением газеты «Нью-Йорк Уорлд телеграмм», в частности редактора иностранного отдела газетного треста «Скрипс» Говарда Симса, который утверждал, что будто бы японский посол в Москве Татекава предложил Советскому Союзу «всю или часть Британской Индии, если Советский Союз присоединится к коалиции трех держав», а также сделал предложение «об уступке Восточной Сибири Японии»¹⁷⁸.

4 января 1940 г. последовало донесение исполняющего должность начальника отдела спецзаданий Генерального штаба Красной Армии полкового комиссара Соркина, военного комиссара отдела спецзаданий Генерального штаба Красной Армии полкового комиссара Потапова на имя наркома обороны Маршала Советского Союза Ворошилова. В нем говорилось: «Представляю перечень вопросов по реформированию Монгольской армии, поставленных Чойбалсаном и Жуковым в телеграмме на Ваше имя. Численный состав МНРА после реформирования останется прежний — 18 400 человек»¹⁷⁹.

10 марта 1940 г. Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. Ульрих подписал приговор бывшему председателю советско-монгольской делегации смешанной комиссии по уточнению государственной границы между МНР и Манчжоу-Го: М. А. Богданов был осужден на четыре года, а Б. В. Родов — член экспертной комиссии, заместитель директора Института востоковедения им. Нариманова — на два года. Они обвинялись в том, что «заняли соглашательскую, компромиссную позицию с Японией по уточнению границы с Манчжоу-Го»¹⁸⁰. 13 апреля 1941 г. «в результате переговоров, происходивших в течение последних дней в Москве между Председателем Совнаркома СССР и народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и министром иностранных дел господином Иосуке Мацуока», был подписан пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Манчжоу-Го. В переговорах принимали участие И. В. Сталин, а со стороны Японии — японский посол в Москве господин Татекава. 25 апреля 1941 г. император Японии ратифицировал пакт о нейтралитете между СССР и Японией и одобрил декларацию; в тот же день, 25 апреля 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР также ратифицировал пакт о нейтралитете и одобрил декларацию. 17 июня 1941 г. на страницах газеты «Известия» было опубликовано «Коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой

и Манчжоу-Го в районе конфликта 1939 года». В нем говорилось: «На основании соглашения Молотов — Того в сентябре месяце прошлого года была начата работа на местности по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го, но в связи с непредвиденными обеими сторонами техническими затруднениями с наступлением зимних холодов стороны вынуждены были временно прекратить работу. Весной текущего года было решено продолжить ее, в связи с чем в городе Чита с 28 мая вновь состоялись встречи обеих делегаций, в результате чего в весьма дружественной атмосфере были полностью устранены вышеуказанные технические затруднения и решено снова начать работу на местности с 27 июня 1941 г. Город Чита, 14 июня 1941 г.»¹⁸¹

В заключение вновь обратимся к мыслям русского геополитика А. Е. Снесарева, который говорил, что «Русский Восток своим дальним концом вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий... К Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства... Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье — Запад или Восток, кто больше испил до дна чашу человеческих испытаний и горя»¹⁸². А еще А. Н. Снесарев говорил о необходимости для России быть нейтральной мировой сверхдержавой.

Официальный визит российского Президента Дмитрия Медведева в Монголию 25–26 августа 2009 года стал первым визитом российского лидера в эту страну. Так же впервые визит Д. Медведева был приурочен к исторической годовщине — славной дате 70-летия совместной победы над японскими агрессорами советских и монгольских воинов на реке Халхин-Гол. Наблюдатели сразу же связали историческую окраску визита с недавно созданной Президентом Комиссией по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Действительно, в ходе визита с обеих сторон недвусмысленно звучало, что и Россия, и Монголия намерены решительно противостоять попыткам фальсификации истории и итогов Второй мировой войны. Д. Медведев счел недопустимыми разговоры, которые меняют суть победы в Великой Отечественной войне. По его словам, сегодняшние торжества, посвященные 70-летию совместной победы на Халхин-Голе, — это свидетельство памяти и уважения к тем героическим страницам, которые связали наши народы. Закаленная в боях на Халхин-Голе наша дружба прошла испытание временем, и сегодня мы ей по-прежнему дорожим.

Название небольшой реки Халхин-Гол на востоке Монголии стало известно миру в 1939 году — с мая по сентябрь там шли боевые действия между Красной и Квантунской армиями. Согласно советским источникам, многотысячная группировка Красной Армии, подкрепленная монгольскими войсками, про-

тивостояла превосходящей по численности армии Японии и Маньчжурии — марионеточного государства, оккупированного японскими войсками. С обеих сторон были задействованы сотни самолетов, танков и орудий. И хотя дипломатические отношения между СССР и Японией не были разорваны и война между странами официально не была объявлена, это была настоящая, жестокая война с многочисленными потерями. Советско-монгольским войскам противостояла мощная Япония и очень подготовленная армия.

Надо отметить, что, попав в начале XX века в сферу японских территориальных интересов, Монголия оказалась в весьма сложном, если не сказать, отчаянном положении. Что могла противопоставить аграрная страна с небольшим, по меркам Юго-Восточной Азии, населением рвущемуся к ее захвату гиганту, по тем же самым меркам, с развитой и милитаризованной экономикой и нацеленным на агрессию и войну обществом.

Япония динамично развивалась. Ее промышленная продукция с 1929 по 1936 год возросла в 1,7 раза, а продукция тяжелой промышленности — в 2,6 раза. Чугуна было выплавлено больше 2,8 млн тонн против 1,5 млн тонн в 1929 году, стали — больше 5,6 млн тонн, а в 1929 году ее выплавлялось около 2 млн тонн. Если к этому добавить ввозимые по экспорту товары из-за границы: железа — почти столько же, сколько и выплавлялось в стране; нефти — 90% от всей потребляемой в Японии; цветных металлов — 70% от используемых в промышленности, то картина экономического обеспечения военных приготовлений получится внушительной.

Уже тогда это не ускользало от внимания многочисленных наблюдателей. Профессор Х. Т. Эйдус, один из зачинателей отечественной японоведения, очевидец тех событий, писал: «...японское правительство направляет в тяжелую и военную промышленность максимальные средства, сильно ограничивая легкую промышленность и, в особенности, промышленность, работающую на внутренний рынок. Это придает японской промышленности однобокое, военное направление»¹⁸³.

Сконцентрированный в Японии для военных нужд материальный ресурс был не единственным. Правительство не безуспешно принимало активные меры по созданию внутри страны воинствующих общественных настроений. Народу, войскам навязывалась агрессивная, националистическая идеология. «Маньчжурия — ответственнейший участок нашей игры. Она будет нашим отправным пунктом во время будущей мировой войны... уже начал разыгрываться решительный бой Японии как гегемона Восточной Азии с белой расой». Такими наставлениями, перехваченными советской разведкой еще в декабре 1933 года, оперировал японский генеральный штаб, готовя солдат к будущим сражениям за интересы империи вне ее границ. Армия, как известно, зеркально отражает общественные настроения.

С октября 1937 года Япония развернула кампанию по «мобилизации национального духа». По существу это была кампания по борьбе с антивоенными настроениями в стране. Но этим стремление правящих кругов Японии к сплочению нации вокруг военных целей не ограничилось. В декабре 1937 года были произведены аресты представителей левых партий и противников военных приготовлений. Всего за решетку было отправлено около 400 видных оппозиционеров. Позднее — новые аресты.

Общество притихло и согласилось. В японском парламенте оппозиция правительству перестала существовать, а политические партии, ранее громко заявлявшие свое несогласие с милитаризацией страны, с ее подготовкой к военной авантюре, стали всячески поддерживать политику правительства. Типичная для многих стран на Западе и Востоке метаморфоза тех лет, ныне получившая название тоталитаризма.

К моменту последовавших затем и описанных в этой книге событий на реке Халхин-Гол японская армия подошла весьма серьезно подготовленной профессионально и хорошо оснащенной. А о ее боевом духе, надеюсь, читатель уже смог сложить свое представление после главы этой книги: «Японская императорская армия: неприхотливость, агрессивность, фанатичный характер».

Что над Монголией нависли грозные тучи, указывала и международная ситуация. Нападение Японии в июле 1937 года на Китай не вызвало практически никакого международного резонанса, за исключением «моральной поддержки» Китая со стороны Лиги Наций да бездейственного неодобрения агрессии союзниками Китая по Вашингтонскому договору — США, Англией и другими.

В таких условиях Монголия ожидало весьма прогнозируемое будущее. Остановить ее завоевание Японией могло только чудо. Или Советский Союз. По Протоколу о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 года обе стороны обязывались оказать друг другу военную помощь в случае военного нападения.

Было время, когда об этом документе и о последовавшей далее реальной военной помощи со стороны СССР советская пропаганда, да и историческая наука, весьма наивно высказались как об акте бескорыстной помощи со стороны братского, соседнего народа. Это не так. Испокон веков в истории, как и в политике и экономике, ничего не случалось и не случается при отсутствии интереса, хотя научная мысль смогла сформулировать понятия об интересе усилиями французских философов лишь в XVIII веке. Интерес может меняться, но он присутствует всегда и оплодотворяет все общественные процессы.

Советская разведка знала и докладывала о планах Японии в отношении Монголии, которая рассматривалась как промежуточный этап на пути дальнейшего военного продвижения на территорию СССР. Японский генштаб намеревался маршем из Монголии

ворваться в Уссурийскую и Амурскую области, захватить район Хабаровска и Приморский край. А дальше — Забайкалье и весь Советский Дальний Восток. СССР был кровно заинтересован в независимости и свободе соседа. Защищая Монголию, мы защищали себя. И, как себя, защитили Монголию. А монгольские воины, спасая свою страну, свою независимость, обеспечивали и территориальную и политические интересы Советского Союза.

Разгром Квантунской армии был сокрушительным, мы отбили все атаки численно превосходивших сил противника, напомнил Медведев. Наши армии доказали, что даже такого врага можно одолеть, и не только силой оружия, но и силой боевого братства. Президент подчеркнул, что победа изменила расклад в международной политике, заставила Японию не вступать в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии, что позволило в 1941-м году перебросить с дальнего Востока к Москве крупные силы войск, и именно эти войска сыграли важную роль в обороне столицы.

Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 2009 г. № 954 за большой вклад в укрепление дружбы между российским и монгольским народами и в связи с 70-летием совместной победы на Халхин-Голе орденом Дружбы награждены десять граждан Монголии — ветеранов войны. Сегодня все они, как говорится, на заслуженном отдыхе, пенсионеры. Всех их объединяла в прошлом самоотверженность, мужество и дух боевого братства во время военных действий на Халхин-Голе, напряженный труд на благо страны — в послевоенное время. И конечно же, огромный вклад в развитие дружественных связей между монгольским и российским народами — в течение всей своей жизни. Вот имена этих людей: БАЯНДАЛАЙ Сааралдай, ДОЛГОР Бат, ДОРЖ Хорло, ДУГАР Гунга, ДУЛАМ Тэгш-Еролт, ПУНЦАГ Шагдарсурэн, ХУНГУЦ Лувсандорж, ЦАГАН Дамдинжав, ЦОГТ Гэндэндаржа, ЧОЙНДОН Ганн-Очир.

Каждый из них — огромный пласт истории страны. Приведу материалы, подготовленные для российского Президента с указанием конкретных заслуг представленного к награждению **Пунцаго Шагдарсурэна**.

«Пунцаг Шагдарсурэн является одним из выдающихся политических деятелей Монголии в XX веке. Воинский путь начинал курсантом общевоинского училища, участвовал в боях на реке Халхин-Гол в качестве начальника штаба 17-го конного полка 6-й конной дивизии. Проявил героизм и отвагу. В 1945 году в должности помощника начальника Генерального штаба МНР воевал против Квантунской армии.

Оставил яркий след в истории монгольской дипломатии. Давний друг Советского Союза и России. Отстаивал незыблемость основ советско-монголь-

ского боевого и трудового братства, занимая высокие посты министра иностранных дел МНР и Посла МНР в ряде государств. Известный общественный деятель Монголии.

По мнению МИД России, Пунцаг Шагдарсурэн достоин награждения орденом Дружбы за большой вклад в укрепление российско-монгольской дружбы и боевого сотрудничества».

Комиссия по государственным наградам при Президенте Российской Федерации рассмотрела и поддержала это предложение о награждении. Поддержала и другие.

Несколько строк о награжденных.

Баяндалай Сааралдай. По образованию — учитель. Прямо из школы попал на войну на реке Халхин-Гол и отдал службе в армии 30 лет. Стал начальником секретной части 13-го конного полка 5-й конной дивизии. В 1945 году сражался с японской Квантунской армией. После службы в армии снова вернулся к педагогической работе.

Дорж Хорло. Общий стаж работы — 38 лет. Во время боев на Халхин-Голе спасала жизни монгольских солдат как медсестра 8-й конной дивизии. Потом работала в техникуме, возглавляла профсоюзный комитет Улан-Баторской трикотажной фабрики.

Долгор Ват. Девятнадцатилетним юношей сражался на Халхин-Голе. Сначала рядовым 1-го взвода 23-го полка 8-й дивизии. За героизм и храбрость был повышен в должности и к 1945 году уже замполитом роты воевал против Японии. Из армии не ушел, посвятив ей всю свою трудовую жизнь.

Дугар Гунга. Летчик, командир авиаполка, начальник отдела противовоздушной обороны Министерства обороны Монголии. На реке Халхин-Гол командир экипажа истребителя 1-го Баянтумэнского истребительского авиаполка.

Дулам Тэгш-Еролт. Общий стаж работы — 48 лет. На Халхин-Голе служил в госпитале в составе 6-й Тамсакской дивизии. Трудовую деятельность закончил заведующим делопроизводством Министерства транспорта страны.

Хунгуц Лувсандорж. Трудился 44 года. На Халхин-Голе воевал командиром роты 14-го полка 5-й конной дивизии. Уйдя в отставку, возглавлял сомон Дэлгэрхан.

Цаган Дамдинжав. 64 года жизни трудился, начав службу в армии с 15 лет. В боях на Халхин-Голе — начальник разведки 23-го конного полка 8-й конной дивизии. После окончания войны и до пенсии проработал в типографии обыкновенным линотипистом.

Цогт Гэндэндаржа. Почти полвека посвятил военной службе, из которых большую часть времени проработал военным врачом. В монгольской армии в боях на реке Халхин-Гол в 1939 году был рядовым. Был начальником лаборатории маршала Х. Чойбалсана.

По окончании войны работал военным врачом, широко известен по работе с руководителем Монголии 1950–1980-х годов Ю. Цеденбалом.

Чойндон Ганн-Очир. Сражался на реке Халхин-Гол в 1939 году курсантом общеобразовательного училища. В боях с японцами в 1945 году принимал участие в качестве командира взвода 6-й бронетанковой бригады. Оставив военную службу после завершения Второй мировой войны, находился на государственной и партийной работе.

Монгольский Президент Цахиагийн Элбэгдорж со своей стороны также наградил советских ветеранов — участников Халхингольского сражения.

Визит российского Президента в Монголию — сегодня уже история. И он накрепко привязан к исторической памяти обоих народов, к славной странице их прошлого — совместной победе на реке Халхин-Гол.

¹ Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003.

² Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 97, 94.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Коллекция документов.

⁴ РГВА. Коллекция документов.

⁵ Советская власть здесь стремилась распространить свое влияние главным образом на кочевников; учитывалось также, что основное сословие в стране — это ламы.

⁶ Манчжоу-Го — марионеточное государство, созданное Японией в 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и просуществовавшее до освобождения Маньчжурии советскими войсками.

⁷ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 42.

⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 5, 6.

⁹ Речь на съезде ВКП(б) В. К. Блюхера // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический обзор. М., 1934.

¹⁰ На документе поставлена рукой Ворошилова пометка: «Америки не вижу. Все те же отвлеченные „прожекты“ В. 23.XI.33 г.»

¹¹ РГВА. Коллекция документов.

¹² ЦАМО РФ. (АМО СССР). Ф. 1. Оп. 78424. Д. 8. Л. 100; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 236; Василевский А. Дело всей жизни. Изд. 2-е, дополненное. М., 1975. С. 93.

¹³ Ещенко В., Коротков Г. Крах «Плана Оцу» // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 16. С. 85.

¹⁴ В 1938 г. В. К. Блюхер, имевший уже к тому времени пять орденов Боевого Красного Знамени, был арестован в Бочаровом ручье, в Сочи, отправлен в Москву и репрессирован. (См.: Новая и новейшая история. 2004.)

- ¹⁵ Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 47–49.
- ¹⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
- ¹⁷ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 475.
- ¹⁸ Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 47.
- ¹⁹ Жилин П. А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981.
- ²⁰ РГВА. Коллекция документов.
- ²¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 100, 101.
- ²² Снесарев А. Е. Афганские уроки. С. 81, 79.
- ²³ РГВА. Коллекция документов.
- ²⁴ РГВА. Коллекция документов.
- ²⁵ РГВА. Коллекция документов.
- ²⁶ РГВА. Коллекция документов.
- ²⁷ Hearings before the joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Pt. 20. Washington, 1946. P. 4145; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 239.
- ²⁸ Hearings before the joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Pt. 20. Washington, 1946. P. 4177–4178.
- ²⁹ Там же; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2.
- ³⁰ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Series, Vol. 9. London, 1955. P. 279.
- ³¹ РГВА. Коллекция документов.
- ³² РГВА. Коллекция документов.
- ³³ РГВА. Коллекция документов.
- ³⁴ РГВА. Коллекция документов.
- ³⁵ Родина. 2004, № 1. С. 34.
- ³⁶ Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 75.
- ³⁷ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., РОСПЭН, 2001. С. 646, 647, 657.
- ³⁸ The Japanese Army 1931–1945. Oxford, 2002.
- ³⁹ The Japanese Army 1931–1945. Oxford, 2002.
- ⁴⁰ СССР предложил Японии заключение пакта о ненападении (Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 132, 133).
- ⁴¹ Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 79.
- ⁴² Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 281.
- ⁴³ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 304.
- ⁴⁴ РГВА. Коллекция документов.
- ⁴⁵ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 333.
- ⁴⁶ РГВА. Коллекция документов.
- ⁴⁷ РГВА. Коллекция документов.
- ⁴⁸ РГВА. Коллекция документов.
- ⁴⁹ РГВА. Коллекция документов.
- ⁵⁰ РГВА. Коллекция документов.
- ⁵¹ РГВА. Коллекция документов.
- ⁵² РГВА. Коллекция документов.
- ⁵³ Счастье на штыках. Неизвестные документы российских архивов // Октябрь. 1993. № 11.
- ⁵⁴ Такие даты приведены в документе.
- ⁵⁵ Состав советского военного представительства в Японии: военный атташе А. И. Кук — 25.01.1931 г.; военно-морской атташе Болгов с 01.04.1930 г., помощник ВАТ — т. Панов — с 01.05.1930 г. Состав японского военно-дипломатического представительства в Москве: ВАТ — полковник Касахара, военно-морской атташе контр-адмирал Арима, помощник ВАТ капитан Ямаока, помощник морского атташе капитан-лейтенант Ямагуцци, секретарь ВАТ майор Танака.
- ⁵⁶ Так в документе.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 241. Л. 300–312.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 241. Л. 300–312.
- ⁵⁹ Из стажеров известны также имена Шарапова и Константинова. О том, как сложились судьбы этих офицеров РККА в японской армии и после возвращения в СССР, неизвестно. (РГВА. Коллекция документов).
- ⁶⁰ РГВА. Коллекция документов.
- ⁶¹ РГВА. Коллекция документов. О реакции Тухачевского данными не располагаем.
- ⁶² РГВА. Коллекция документов.
- ⁶³ РГВА. Коллекция документов.

- ⁶⁴ РГВА. Коллекция документов.
- ⁶⁵ РГВА. Коллекция документов.
- ⁶⁶ Так в тексте.
- ⁶⁷ РГВА. Коллекция документов.
- ⁶⁸ Араки Садао — японский военный министр, генерал; Козловский — заместитель наркома иностранных дел. 2 июня 1933 г. Начальник IV управления Штаба РККА Берзин докладывал Ворошилову о том, что в военных кругах Японии отмечаются большие расхождения между группой «молодых военных» во главе с Араки и командованием оккупационной армии в Маньчжурии... Генерал Койсо считает, что Япония должна добиться возможности отсрочить столкновение с СССР, хотя бы временного пакта о ненападении. Араки продолжает оставаться на прежней своей позиции — более решительных действий вплоть до войны с СССР...
- ⁶⁹ РГВА. Коллекция документов.
- ⁷⁰ РГВА. Коллекция документов.
- ⁷¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106.
- ⁷² Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106, 107. Протокол был подписан на 10 лет.
- ⁷³ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 125.
- ⁷⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 281.
- ⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
- ⁷⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 230, 236; История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 215.
- ⁷⁷ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
- ⁷⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 418.
- ⁷⁹ Правда. 1939 г. 29 июня; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 420.
- ⁸⁰ Действия 1-й армейской группы в Халхингольской операции (май — сентябрь 1939 г.). М., 1940. С. 10–11; История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 216.
- ⁸¹ Баргуты — жители Внутренней Монголии.
- ⁸² ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 44–46; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 238.
- ⁸³ ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 44–46; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 238.
- ⁸⁴ ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 56–57; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 239.
- ⁸⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 239.
- ⁸⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, М., 1969. С. 159.
- ⁸⁷ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 216.
- ⁸⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- ⁸⁹ Известия. 1939. 23 июля; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- ⁹⁰ Так утверждали советские официальные сообщения. См.: Известия. 1939. 27 июля; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 73. Л. 28–30; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 240.
- ⁹² ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 28, 79; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 240.
- ⁹³ РГВА. Коллекция документов.
- ⁹⁴ ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 125. Оп. 112423. Д. 1263. Л. 1.
- ⁹⁵ См. схему боевых действий на сайте <http://bibliotekar.ru/halhin-gol/15htm>.
- ⁹⁶ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 219.
- ⁹⁷ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 217.
- ⁹⁸ ИВИ (Институт военной истории). Документы и материалы. Инв. № 6377. Л. 388–389, 396.
- ⁹⁹ Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971. С. 98.
- ¹⁰⁰ Жилин П.А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол, М., 1981. С. 21.
- ¹⁰¹ Панов Б.В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе // Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 63.
- ¹⁰² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 176.
- ¹⁰³ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 217.
- ¹⁰⁴ Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 82.
- ¹⁰⁵ Панов Б. В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 63.

- ¹⁰⁶ Лапчинский А. Н. Воздушные силы в бою и операции. М., 1932. С. 42.
- ¹⁰⁷ РГВА. Коллекция документов.
- ¹⁰⁸ Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С. 374.
- ¹⁰⁹ С октября 1940 г. началась серийная сборка истребителей «И-16», с годовым планом 300 машин. См.: Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян. Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 386.
- ¹¹⁰ Эта информация за подписью заместителя начальника Разведывательного управления Штаба РККА старшего майора госбезопасности Гендина была направлена наркомом обороны К.Е. Ворошилову (см.: РГВА. Коллекция документов).
- ¹¹¹ РГВА. Коллекция документов.
- ¹¹² Иванов, учитывая также китайский опыт, полученный советскими летчиками, предупреждал о том, что японцы против авиации применяют ядовитые дымы и химические снаряды. Советской стороной в Китай были посланы образцы дымшашек и химснарядов (РГВА. Коллекция документов).
- ¹¹³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 72–73.
- ¹¹⁴ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 216; История Военно-Воздушных Сил. М., 1954. С. 334–335.
- ¹¹⁵ С ноября 1939 г. занимал высшие руководящие должности в системе органов военного управления ВВС. С декабря 1940 — помощник начальника Генштаба по авиации. Генерал-лейтенант авиации (1940). Дважды Герой Советского Союза (1937, 1939). Награжден двумя орденами, медалью, иностранным орденом. Репрессирован и 18.10.1941 г. расстрелян. См.: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.
- ¹¹⁶ Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 71.
- ¹¹⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 155.
- ¹¹⁸ Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 71.
- ¹¹⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 155.
- ¹²⁰ Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971. С. 81–83, 97, 108.
- ¹²¹ Авиация и космонавтика СССР. М. 1969. С. 72, 73.
- ¹²² История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 212.
- ¹²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 156.
- ¹²⁴ Шестерин Ф. И. Роль и место советской авиации в разгроме японских войск на реке Халхин-Гол / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 98.
- ¹²⁵ Побратимы Халхин-Гола М.. 1979. С. 275.
- ¹²⁶ Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940. С. 57.
- ¹²⁷ Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940. С. 54.
- ¹²⁸ Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 73.
- ¹²⁹ Новиков М. В. Значение боевых действий на реке Халхин-Гол для развития советской военной техники / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 108–111.
- ¹³⁰ Известия. 1940 г. 10 июля.
- ¹³¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 177.
- ¹³² РГАСПИ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 45. Л. 31; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 194.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 45. Л. 31; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМАПРЕСС, 1999. С. 194; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 454.
- ¹³⁴ Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 98.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 7; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 98.
- ¹³⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 126. Л. 48.
- ¹³⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 126. Л. 1.
- ¹³⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 560; Правда. 1935 г. 10 июля.
- ¹³⁹ Правда. 1935. 9 декабря.
- ¹⁴⁰ Правда. 1935. 4 декабря; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 573.
- ¹⁴¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 575, 576.
- ¹⁴² Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106.
- ¹⁴³ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV.
- ¹⁴⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106; Протокол был подписан на 10 лет (Там же. С. 107).
- ¹⁴⁵ Бабин А.И. Укрепление советско-монгольского содружества в боях на р. Халхин-Гол и его развитие в годы Великой Отечественной войны / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 34.
- ¹⁴⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд., М., 1978. Т. 1. С. 170.
- ¹⁴⁷ Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи. 1941–1958 гг. М., 1962. С. 317–318.
- ¹⁴⁸ Плотников Г. К. Монгольская Народная армия. М., 1971. С. 50, 51.
- ¹⁴⁹ РГВА. Коллекция документов.

- 150 Новиков М. В. Подвиг на Халхин-Голе. М., 1971. С. 43, 47.
- 151 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд., М., 1978.
- 152 РГВА. Коллекция документов.
- 153 РГВА. Коллекция документов.
- 154 Жилин П.А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981.
- 155 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 71.
- 156 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 75.
- 157 История отечественной артиллерии. М., Л., 1964. Т. 3. Кн. 8. С. 495–535; Желанов В.Н. Советская артиллерия в боях и операциях. М., 1965.
- 158 Новиков М. В. Значение боевых действий на реке Халхин-Гол для развития советской военной техники / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 112, 113, 114; Вопросы истории. 1969. № 1. С. 124.
- 159 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 75.
- 160 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 159.
- 161 Панов Б.В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 120.
- 162 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II. Ч. 1. С. 115.
- 163 Секретариат ИККИ рекомендовал для успеха дела распространять труды Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и особенно «Краткий курс истории ВКП(б)» / См.: ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., РОСПЭН, 2001.
- 164 Правда. 1939. 21 июня.
- 165 Известия. 1939. 14 августа.
- 166 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 386. Л. 55–56. Копия.
- 167 Известия. 1939. 20 августа.
- 168 Известия. 1939. 14 сентября.
- 169 Известия. 1939. 16 сентября.
- 170 Известия. 1939. 20 ноября; Известия. 1939. 28 декабря.
- 171 Известия. 1940. 9 января. Десятое заседание Смешанной Комиссии состоялось 10 января 1940 г. в Харбине, в отеле «Ямато».
- 172 Известия. 1940. 1 февраля.
- 173 Известия. 1940. 20 апреля.
- 174 Известия. 1940. 10 июня.
- 175 Известия. 1940. 7 сентября.
- 176 Известия. 1940. 19 октября; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 531.
- 177 Известия. 1940. 15 ноября.
- 178 Известия. 1940. 16 ноября.
- 179 РГВА. Коллекция документов.
- 180 РГВА. Коллекция документов.
- 181 Известия. 1941. 17 июня.
- 182 Снесарев А.Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 99.
- 183 Проф. Х. Эйдус Япония от первой до второй мировой войны. М.: ОГИЗ. Госполитиздат. 1946 г. С. 173.

Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)

С. Г. Лузянин*

Китай вступил в 1939 год в условиях ожесточенной войны с Японией. Китайское руководство во главе с Чан Кайши продолжало выступать за углубление и развитие советско-американо-британо-китайского сотрудничества против Японии, которая в годы Второй мировой войны оставалась главным врагом и основной угрозой китайского народа, независимости и государственности Китая.

В 1931 г. Япония оккупировала территорию Маньчжурии в Северо-восточном Китае, создав марионеточное государство — Маньчжоу-Го. В 1937 г. Токио начал широкомасштабную агрессию против Китая. В условиях разворачивающейся китайско-японской войны, СССР выступил за создание единого анти-японского фронта в Китае на базе военно-политического союза КПК и партии Гоминьдан, который был успешно создан в 1937 г. 21 августа 1937 г. СССР и Китайская Республика подписали Договор о ненападении. При подписании документа стороны обменялись устными декларациями, строго конфиденциальными и не подлежащими оглашению. Одна из этих деклараций зафиксировала договоренность сторон, что СССР не заключит с Японией договор о ненападении, пока нормальные отношения между Китаем и Японией не будут восстановлены. В 1937 г. китайские войска потерпели поражения под Шанхаем и Нанкином. В декабре 1937 года японцы захватили Нанкин и вырезали в течение двух дней до 300 тысяч человек. 17 июля 1938 г. Чан Кайши перевел местонахождение правительства в г. Ухань. СССР продолжал оказывать Китаю материально-техническую, финансовую и военную помощь. К середине февраля 1939 г.

число советских военных советников в Китае составляло 3665 человек. Советская помощь предотвратила возможность капитуляции Китая в 1937–1938 гг. В сдерживании японской агрессии важную роль играло развернувшееся в тылу врага партизанское движение, организованное китайскими коммунистами (КПК). Советско-китайское сотрудничество в этот период носило характер стратегического партнерства, отвечая национальным интересам Китая — спасению китайской государственности от японской военной агрессии¹.

Война с Японией

Чан Кайши в 1939 г. рассматривал возможность создания международной антияпонской коалиции. Одним из элементов китайской политики на советском направлении была попытка вовлечения СССР в войну с Японией. В данном контексте следует рассматривать визит гоминьдановского генерала Хэ Яоцзу в Москву. В ходе визита он должен был обсудить с высшими советскими руководителями вопрос о вступлении СССР в войну. Генерал Хэ должен был сообщить, что Китай готов в этом случае предоставить Советскому Союзу ряд льгот в Китае после войны на условиях взаимной договоренности (в частности, речь шла о портах Шаньдунского полуострова).

В Китае с напряженным вниманием наблюдали за развитием событий в Европе. Чан Кайши, как свидетельствуют документы, был очень удивлен сообщением о заключении договора СССР с Германией и, рассматривая международную обстановку с точки зрения интересов китайского государства, находившегося в состоянии войны с Японией, поручил сообщить советскому полпреду, что СССР таким образом получил большую возможность в оказании

* Сергей Геннадьевич Лузянин — д.и.н., заместитель директора ИДВ РАН, проф. МГИМО (У) МИД РФ, руководитель Центра Северо-Восточной Азии и ШОС, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований. Автор выражает глубокую благодарность Раисе Анатольевне Мировицкой за предоставленные документы и материалы, использованные в данной статье.

помощи Китаю. Вместе с тем китайский лидер был обеспокоен возможностью улучшения отношений СССР с Японией, союзницей Германии. 31 августа 1939 г. китайский посол в Москве посетил НКВД СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским посол сообщил, что получил инструкцию своего правительства побеседовать по некоторым вопросам. Он подчеркнул, что на Дальнем Востоке ходят слухи, что СССР предложил Японии заключить договор о ненападении, далее, а Япония предложила СССР подписать Пакт о ненападении, и что Германия и Италия советуют Японии заключить с СССР договор о ненападении. С. А. Лозовский ответил, что среди этих слухов наиболее вероятен последний, если судить по газетам. Ян Цзэ поинтересовался, если Япония действительно возбудит вопрос о заключении договора о ненападении, какая будет позиция Советского Союза. Отвечая послу, заместитель наркома подчеркнул, что сейчас трудно что-либо сказать по этому вопросу. Когда японское правительство предложит что-нибудь конкретное, тогда советское правительство обсудит и даст ответ на это предложение. Международная обстановка весьма сложная, и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов².

В первой половине 1940 г. Чан Кайши направляет ряд писем в Москву — И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, — в которых благодарит за помощь и поддержку и просит оказывать помощь Китаю, чтобы китайский народ мог завершить дело освобождения своей родины³.

В июле 1940 г. по просьбе китайской стороны был продлен на один год договор о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенный в августе 1939 г. между китайским послом в СССР Ян Цзэ и народным комиссариатом обороны (НКО) СССР. По данным российского комитета ветеранов войны, в 1940 г. советская сторона предоставила Китаю два займа на закупку вооружения на сумму 200 млн ам. долл. Вместе с тем, целый ряд вопросов в отношениях между странами не решался или решения по ним затягивались. В их числе — вопросы о транзите через СССР вооружения для Китая, закупленного китайскими организациями в третьих странах, об авиазаводе в Урумчи и др.

16 октября 1940 г. И. В. Сталин пишет письмо Чан Кайши, в котором подчеркивает, что в сложной и противоречивой международной обстановке, по его мнению, главной задачей Китая является сохранение и укрепление китайской национальной армии. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. «Если ваша армия будет сильна, — подчеркивал И. В. Сталин, — Китай будет неуязвим»⁴.

В 1940–1941 гг. в советско-китайских отношениях на первые позиции вышли две темы: 1) укрепление единого национального фронта и 2) советско-японские переговоры.

В рамках обсуждения первой были показательны беседы советского полпреда в Китае с руководством КПК, которые состоялись 15 января 1941 г., и китайского посла в Москве Шао Лицзы с С. А. Лозовским (29 января 1941 г.), в которых затрагивалась тема сохранения единого фронта в связи с возникшими проблемами между КПК и Гоминьданом. Так, 19 октября 1940 г. китайское командование направило приказ войскам 8-й и Новой 4-й армии перебазировать части КПК на Северный берег р. Хуанхэ. 9 ноября 1940 г. Мао Цзэ-дун направил телеграмму руководству Гоминьдана, в которой возражал против переброски войск китайской красной армии (ККА). Мао подчеркивал, что армия укомплектована местным населением и неохотно покидает родные места. Гоминьдановское командование потребовало выполнения приказа. Командование ККА отдало приказ своим войскам перебазироваться на новые позиции. На прежнем месте дислокации остались лишь штабная команда. Части внезапно были атакованы японцами (провинция Аньхуй), погибло около 7 тысяч человек. КПК обвинила Гоминьдан в нарушении ее интересов и предательстве. Китай вновь оказался на пороге возобновления гражданской войны.

15 января 1941 г. состоялась беседа советского полпреда с представителем КПК Чжоу Энлаем. В беседе принимал участие В. И. Чуйков, который подчеркнул, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут оказывать вооруженную помощь Китаю в борьбе против Японии, и решился на обострение отношений с КПК, чтобы в дальнейшем получить возможность маневра, в зависимости от позиции держав. Китайские коммунисты интересовались мнением советской стороны — не начать ли им гражданскую войну в стране, выступив против ГМД. На что советский полпред сказал: «Я считаю, что основным противником КПК в настоящее время остается Япония. Если КПК начнет активные вооруженные действия против ГМД, то это будет лишь способствовать расширению гражданской войны в Китае, что не в интересах войны сопротивления Китая. Нужно во что бы это ни стало сохранить сотрудничество. Однако это не значит, что Вы должны дать себя в обиду. Вы уже начали, как вы говорите, политическое наступление против ГМД. Вам, следовательно, необходимо продолжить его с тем, чтобы, с одной стороны, реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий в южной части Аньхуй. А с другой стороны, в Вашей политике не следует ссылаться на Чан Кайши, как на организатора событий»⁵. Таким образом, советский представитель А. С. Панюшкин выступил за необходимость сохранения сотрудничества ГМД-КПК.

29 января 1941 г. китайский посол в Москве Шао Лицзы получил телеграмму от Чан Кайши, в которой предлагалось успокоить советское руководство.

Накануне 25 января в Китае состоялась встреча Чан Кайши с советским полпредом. Чан Кайши заверил полпреда, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене внутривосточного курса, разоружение частей Новой 4-й армии, заверил он посла, является лишь вопросом военной дисциплины, что речь не идет о смене курса.

Обе стороны, и КПК, и ГМД были заинтересованы в контактах с советским руководством, особенно в условиях углубления конфликта между ними. 30 января 1941 г. Чан Кайши подтвердил, что речь идет о чисто военной акции, и этот конфликт не вносит изменения в контакты с дружественными странами. 4 февраля 1941 г. Г. Димитров (Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна) телеграфировал в Яньань: «Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Димитров»⁶.

В итоге контактов и переговоров при советском посредничестве и помощи весной 1941 г. состоялась встреча Чан Кайши и Чжоу Эньлая, стороны подтвердили решимость сохранять единый фронт и бороться с Японией.

Международная обстановка в мире, включая европейские и азиатские театры действий, продолжала обостряться. СССР предпринимал очередные шаги к нейтрализации Японии. Весной 1941 г. был подписан известный Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Китайское руководство оказалось в трудном положении. Советский Союз был единственной крупной державой, поставлявшей оружие и боеприпасы Китаю, оказывал стране другую поддержку. В этих условиях гоминьдановское руководство опасалось, что эта помощь может сократиться, либо будет полностью прекращена. Одновременно, среди китайских дипломатов и журналистов обсуждалась идея возможности подписания СССР с Японией Договора о ненападении, что было еще более невыгодно Китаю.

В связи с этим 22 февраля 1941 г. С. А. Лозовский направил на имя В. М. Молотова памятную записку следующего содержания: «В связи с приездом в Москву Мацуоко (японского представителя. — С. Л.), можно ожидать, что японское правительство вновь поставит вопрос о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. Считаю необходимым напомнить вам следующее: в статье 2-й договора о ненападении, заключенного между СССР и Китаем 21 августа 1937 г. в г. Нанкине, сказано: «Если одна из Высоких Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи третьей или третьим державам

в продолжении конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению». В развитие этой статьи при подписании договора уполномоченные СССР и Китая обменялись следующей строго конфиденциальной декларацией: «Устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально: при подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный СССР заявляет от имени своего правительства, что СССР не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»⁷.

Из вышеприведенных документов видно, что СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договор о ненападении на время войны Китая с Японией, сузив формат договоренности до пакта о нейтралитете. Несмотря на все попытки японской дипломатии, СССР не пошел на заключение с Японией Договора о ненападении. Одна из причин этого — китайские интересы, которые учитывал В. И. Сталин. Одновременно, советское руководство заверило Чан Кайши, что в советско-китайских отношениях изменений не произошло.

После заключения Пакта о нейтралитете В. М. Молотов принял китайского посла Шао Лицзы и заявил ему, что политика СССР в отношении Китая не изменилась.

19 апреля 1941 г. в Чунцине состоялась беседа советского полпреда с Чан Кайши. Вот выдержки из стенограммы этой беседы. «Чан Кайши: Имеете ли Вы, г-н посол, какие-либо сообщения из Москвы? Полпред: Нет, особых и специальных указаний моего правительства я не получал. Чан Кайши: Позвольте узнать Вашу оценку Пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

Полпред: Как Вам, г-н Чан Кайши, хорошо известно, СССР постоянно и неуклонно проводит политику мира. СССР активно борется за сужение сфер войны. Пакт является подтверждением этой основной линии внешней политики моего правительства. Внешняя политика Советского Союза остается неизменной. Вы, видимо, знакомы с содержанием беседы Молотова и Шао Лицзы, в которой г-н Молотов дал исчерпывающее разъяснение значения этого пакта и дальнейших взаимоотношений СССР и Китая. Чан Кайши: Да, я знаком с содержанием беседы г-на Молотова с г-ном Шао Лицзы. Я отлично понимаю внешнеполитическую линию СССР. Мне понятен также и этот шаг СССР. Моя оценка Пакта не расходится с теми данными, которые я получал от г-на Шао Лицзы. Все дело в народе и армии Китая, которые, может быть, недопонимают много в международных отношениях и очень остро и болезненно восприняли известие о заключении пакта... Я не могу не признать,

что наш народ и армия действительно были потрясены сообщением о заключении Пакта. Вы должны понять, что народ и армия нашей страны слишком верят СССР, который неизменно помогал нам. Вы должны понять, что подобный шаг СССР не мог не произвести очень сильного впечатления на всех, интеллигенцию в том числе. Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай. Но я должен заверить Вас, что несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина осталась непоколебимой... Если СССР решит осуществить какое-либо мероприятие в его отношениях с Японией, касающееся Китая, то мы очень хотели бы надеяться на то, что СССР даст нам знать об этом, хотя бы в конфиденциальном порядке»⁸.

15 мая 1941 г. И. В. Сталин направил телеграмму Чан Кайши. В ней подчеркивалось, что СССР будет продолжать оказывать поддержку Китаю в его борьбе за освобождение страны. Чан Кайши принял позицию СССР к сведению, рассчитывая, что поставки военной помощи будут продолжены.

В воспоминаниях некоторых японских государственных деятелей, опубликованных в последнее время, подчеркивалось, что, добиваясь подписания договорного акта с СССР, Япония прежде всего преследовала цели прекращения помощи СССР Китаю⁹. Как показали дальнейшие события эти цели не были реализованы. СССР продолжал осуществлять системную поддержку Китая. После начала советско-германской войны помощь СССР Китаю не была прекращена (советские советники покинули Китай только в середине 1943 г.). Советская помощь Китаю продолжалась.

В нашем распоряжении имеется ряд документов и материалов, позволяющих проследить развитие советско-китайских отношений с июня 1941 г. Это переписка И. В. Сталина и Чан Кайши, записи бесед Чан Кайши с советским послом в Китае, советского посла и представителей китайской общественности и др. Первый из документов — телеграмма Чан Кайши в Москву — датирована 22 июля 1941 г. К этому времени правительство Китая разорвало дипломатические отношения с Германией, поскольку Германия предприняла недружественную Китаю акцию — признала прояпонское, марионеточное правительство Ван Цзинвэя Центральным правительством Китая. Телеграмма Чан Кайши в Москву, как сообщил Фэн Юйсян, считалась в Китае официальным заявлением генералиссимуса Чан Кайши по поводу нападения Германии на СССР. Приведем фрагмент телеграммы: «С радостью узнал, что вы, господин председатель, сами взяли на себя обязанность Народного Комиссара Обороны вашей страны,... наши обе страны на одном фронте борьбы, борьбы против агрессоров, народ и армия Китая, ведущие оборонительную войну, клянутся исчерпать для общей победы все имеющиеся силы, победа СССР будет победой Китая, поражение СССР будет поражением Китая»¹⁰.

В Китае продолжали следить за развитием международных отношений. 15 июля 1941 г. Го Тайци заявил, что советско-британское соглашение от 12 июля 1941 г. в рамках процесса формирования антигитлеровской коалиции, принято в Китае с большим удовлетворением. Это соглашение, отметил министр, отвечает интересам и Китая, рассматривается в Китае как шаг на пути к созданию блока демократических держав¹¹.

17 октября 1941 г. состоялась беседа министра иностранных дел Китая с советским полпредом по вопросам советско-японских отношений. Министр отметил, что он не предполагает торопить СССР с выступлением против Японии совместно с Китаем. Но, тем не менее, он хотел бы довести до сведения советского посла, что обстановка (в Японии) и время торопят с принятием решения. Он отметил, что это мнение разделяется Чан Кайши¹².

Советское правительство опасалось открытия второго фронта против СССР на Дальнем Востоке. На полях докладной записки заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского по поводу проведения в Москве международной конференции И. В. Сталин карандашом написал: «Послу (китайскому. — С. Л.) скажите прямо, что конференция будет обсуждать вопросы войны с Германией, с которой не воюет Китай, а не войны с Японией, с которой воюет Китай. Поэтому участие Китая на этой конференции СССР считаю исключенным. И. Сталин»¹³.

Нападением на американскую военно-морскую базу США на Гавайских островах Перл-Харбор Япония развязала войну на Тихом океане. Вступление США, Англии, других стран в войну на Тихом океане означало, что в японо-китайских отношениях сложилась военно-политическая ситуация, благоприятная для Китая; японо-китайский фронт стал одним из фронтов второй мировой войны на Тихом океане, в войну вступили вооруженные силы союзников Китая, то есть Китай смог рассчитывать на военную помощь всех противников Японии.

8 декабря 1941 г. Чан Кайши пригласил советского посла и послов США и Великобритании, в свою личную резиденцию. В ходе беседы китайский руководитель попытались убедить А. С. Панюшкина в том, что Советскому Союзу совершенно необходимо немедленно выступить против Японии совместно с США и Англией и сообща разгромить восточного агрессора к весне 1942 г.¹⁴ Чан Кайши обратился к послу с просьбой немедленно сообщить содержание его И. В. Сталину. При этом он подчеркнул, что его предложение имеет характер непосредственного и личного послания И. В. Сталину, равно как и президенту Ф. Рузвельту, и премьер-министру У. Черчиллю. Чан Кайши отметил, что решения по выдвинутому предложению будут опубликованы в средствах массовой информации Китая¹⁵.

Однако, предложение Чан Кайши о концентрации военных усилий всех стран, включая Россию,

в борьбе против Японии расценили в Москве как преждевременную попытку по вовлечению СССР в войну с Японией. В ответе И. В. Сталина отмечалось, что антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонская борьба в Китае, является частью общего фронта против стран оси. Одновременно И. В. Сталин сообщил Чан Кайши, что советская армия ведет тяжелые бои с гитлеровской армией, и борьба на Западе также является важной частью общего фронта против стран оси. Советское руководство не может втянуть советскую страну в войну на два фронта¹⁶.

Уровень советско-китайских межгосударственных отношений, несмотря на отказ И. Сталина, оставался высоким. Отношения носили доверительный характер. Связи советского руководства с ЦК КПК также находились на прежнем уровне. Поставки оружия шли в основном через гоминьдановские структуры. Китайское правительство получало информацию о тех или иных шагах Москвы в данном направлении. С 1937 г. в Урумчи существовала школа для подготовки военных кадров для армии КПК.

1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединенных Наций. Союзники по второй мировой войне сделали еще один шаг по пути укрепления единого международного фронта борьбы с агрессором. Среди правительств, подписавших Декларацию, были правительства СССР и Китая, несмотря на то, что СССР вел войну в Европе против Германии и не вступил в войну на Дальнем Востоке, а Китай вел войну с Японией и не вступал в войну с Германией. Внутриполитическая ситуация в Китае в этот период была также своеобразна. По данным иностранных корреспондентов, находившихся в Китае, японская блокада выглядела как решето, в отверстиях которого угнездились разного рода тайные общества, занятые среди прочего, доставкой бензина китайскому правительству. Китайская почта доставляла регулярно через линию фронта письма и корреспонденцию из Чунцина и в Чунцин. Одновременно, была ликвидирована китайская единая антияпонская армия (4-ая Армия). Было создано две новых, с гоминьдановским и коммунистическим военным руководством. На уровне верховного командования, тем не менее, происходило согласование стратегических планов и др.

Китайское национальное правительство рассчитывало вести войну с Японией до победного конца. В письме Чан Кайши И. В. Сталину от 6 марта 1941 г. он сообщал: «Я лично уверен, что наша страна, ведущая войну против Японии в течение трех с половиной лет до настоящего времени сохранила свои силы, кроме того, заставила Японию погрязнуть в топком болоте трудностей. В этом деле помощь, оказанная СССР, действительно является огромной... Наша страна для достижения скорейшей победы надеется на все увеличивающуюся помощь Вашей страны»¹⁷.

Весной 1942 г. американское военное командование создало Китайско-Бирманско-Индийскую (КБИ)

группировку для ведения военных действий. Одной из важнейших задач КБИ была координация вооруженных сил Китая и его союзников по Тихоокеанской войне на китайском фронте. Кроме того, КБИ должна была снабжать Китай вооружением и боеприпасами, провести необходимую реорганизацию действующей китайской армии с целью усиления ее боеспособности. Политическая и военная ответственность за КБИ была возложена на американского генерала Дж. Стиллуэлла. Он был назначен Главнокомандующим войсками на КБИ и в этом качестве подчинялся Военному Министерству США. В Китае он был также начальником штаба Чан Кайши. На китайском театре военных действий главнокомандующим оставался Чан Кайши. У Чан Кайши был также китайский начальник штаба Хэ Инцинь. В июле-августе 1942 г. Китай посетил представитель Ф. Рузвельта Кэрри. Он пришел к выводу, что Чан Кайши не намерен прекращать войну против Японии»¹⁸.

29 июля 1941 г. китайское правительство обратилось в НКВД СССР с просьбой продлить на один год срок действия договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже. Ответ (положительный) был дан в устной форме. По данным российского комитета ветеранов войны, в 1942 г. на различных фронтах в Китае воевало до 5 тысяч представителей России. В 1942 г. продолжались поставки военной помощи¹⁹.

В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке британским начальникам штабов писал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну с Японией». 1 августа эта тема была поднята специальным представителем Президента США А. Гарриманом в беседе с И. В. Сталиным. Сталин заявил, что Япония исторически является русским противником, и ее поражение имеет существенное значение для СССР. Существующие обстоятельства не благоприятствуют участию СССР в войне на Дальнем Востоке, но в свое время СССР несомненно вступит в нее²⁰.

В это же время китайское руководство поставило перед Советским Союзом вопрос об изыскании новых путей связи между Китаем и внешним миром через Иран и советскую Среднюю Азию (после падения Сингапура для Китая сложилось весьма трудное положение с доставкой военной помощи). Предполагалось, что этот новый путь будет проложен от Бендер-Шарнур по железной дороге через Тегеран до Бендер-Шаха, от Бендер-Шаха на советских судах по Каспию до Красноводска, от Красноводска через Ташкент до Алма-Аты, от Алма-Аты по шоссе до Хами (Китай). Это предложение было передано послом Шао Лицзы С. А. Лозовскому 24 марта 1942 г. Советский ответ был положительным²¹.

21 февраля 1942 г. Чан Кайши направляет поздравительную телеграмму Сталину по случаю Дня

советской армии, в которой говорилось: «Глубоко верю, что воины наших двух стран от морального единодушия перейдут к согласованным действиям и таким образом сообща одержат победу, совместно осуществят великий и славный исторический акт»²².

В мае 1942 г. японцы захватили Бирму, остановившись в китайской провинции Юннань. Япония усиливает военную блокаду Китая, отрезав пути подвоза в страну военной и иной помощи. США к этому времени в рамках КБИ провели подготовительную работу к началу совместных наступательных действий, решался вопрос о реорганизации и переформировании волонтерской группы американских летчиков, которую предполагалось влить в американские войсковые авиационные соединения в Китае.

В Советском Союзе вопрос о сохранении единого фронта ГМД и КПК был на контроле. Единство крупнейших политических партий считалось непременным условием возможности продолжения войны Китая против Японии. Позиция западных союзников Китая была аналогична советской. 16 июня 1942 г. Чжоу Эньлай посетил советское посольство, заверив советских представителей о сохранении «внутреннего мира» между КПК и ГМД. А. С. Панюшкин рекомендовал Чжоу Эньлаю встретиться с Чан Кайши и обсудить с ним все острые вопросы взаимоотношений.

В начале 1942 г. в Чунцин прибыл представитель КПК Линь Бяо для переговоров с Чан Кайши об урегулировании военных конфликтов между 18-й армейской группировкой и войсками ГМД. В переговорах принимал участие также Чжоу Эньлай²³. Переговоры имели место также в ноябре 1942 г. — марте 1943 г.

Задача советской внешней политики по Китаю в начальный период войны заключалась в сохранении дружественных отношений с Китаем, с китайским правительством, китайским народом. СССР оставался невоюющим с Японией союзником Китая. Эта ситуация создавала определенные сложности в отношениях двух стран, особенно в период, когда немецко-фашистские войска захватили значительную часть советской территории, рвались к Москве и Ленинграду, в период неудач союзных армий на Тихом океане. Изменение военно-политической обстановки в мире в пользу СССР способствовало улучшению политического климата в отношениях двух стран.

Проблемы Синьцзяна

Синьцзян в течение многих лет был сферой влияния России, сферой интересов России. Советско-китайские отношения в Синьцзяне имеют свою историю и в течение длительного периода определялись главным образом заинтересованностью двух стран во взаимовыгодном сотрудничестве и торговле. В 1941–1942 гг. администрация провинции, под влиянием временных неудач советской армии в борьбе с Германией и не веря в возможность кардинального

изменения ситуации на советско-германском фронте, решила внести существенные коррективы в политический курс на советском направлении, приступила к свертыванию экономических и др. связей с СССР.

12 апреля 1942 г. синьцзянский губернатор Шэн Шицай произвел массовые аресты деятелей, сторонников курса на развитие отношений с Москвой, аресты китайских коммунистов, работавших в Синьцзяне. Многие были впоследствии казнены. 5 октября Шэн Шицай потребовал от советского генконсула Г. М. Пушкина в течение трех месяцев отозвать всех советских специалистов из Синьцзяна, демонтировать оборудование на совместных предприятиях.

В условиях изменения военной ситуации на советско-германском фронте правительство Чан Кайши, заинтересованное в советско-китайском сотрудничестве в Синьцзяне, предложило советскому правительству продолжить сотрудничество в Синьцзяне, согласовывая все вопросы не с администрацией провинции, а с центром. Вскоре поставки из СССР были налажены.

9 июня 1942 г. состоялась беседа Чан Кайши и советского посла А. С. Панюшкина. Посол зачитал Меморандум советского правительства и лично И. Сталина по оценке ситуации в Синьцзяне. Чан Кайши напомнил, что рассчитывает, что по делам Синьцзяна советское правительство отныне будет обращаться к национальному правительству, а не непосредственно к администрации провинции.

В письме В. Молотова от 10 июня 1942 г. синьцзянскому губернатору: «Советское правительство полагает, что Вы, господин Дубань, сделаете для себя необходимые выводы из всего этого и найдете правильное решение вопроса, которое может предотвратить ухудшение наших отношений». Причем, на документе есть автограф Сталина — «согласен»²⁴.

16 июля 1942 г. Чан Кайши, принимая советского посла, среди других вопросов затронул синьцзянскую тему. Он сказал, что получил доклад от Шэн Шицай и намерен направить в провинцию своего представителя г-на Чжу Шаоляна для ведения дел на месте и установления соответствующего контроля над Шэн Шицаем. Чан Кайши просил передать Молотову, что территория Синьцзяна не будут использована третьей державой против СССР и сам Шэн Шицай не связан с врагами Китая. Он подчеркнул, что Шэн Шицаю будут даны указания о том, чтобы он беспрекословно выполнял волю центрального правительства и относился с уважением к советским представителям. В заключение Чан Кайши заметил, что он очень надеется, что советское правительство в дальнейшем будет обращаться по вопросам Синьцзяна непосредственно к китайскому правительству, а не к провинциальным властям, во избежание повторения недоразумений²⁵.

В 1940-х гг. в различных районах Синьцзяна создавались небольшие антигоминьдановские организации, выступающие против режима Шэн

Шица. Члены организаций: «Общество учащихся в Урумчи», «Организация свобода», «Народно-революционная партия Восточного Туркестана» в Кульдже, «Спасение нации» хотя и придерживались разных политических взглядов, но объединялись единством цели: подготовка вооруженного восстания против гоминьдановских властей, за демократизацию и национальное равноправие²⁶. В 1944 г. активизировалось казахское повстанческое движение на Алтае, начавшееся в 1940 г. Осенью 1944 г. в районе Нильха Илийского округа вспыхнуло антигоминьдановское восстание. 7–10 ноября повстанцы захватили г. Кульджу. На рубеже 1944–1945 гг. повстанцы захватили Илийский округ, была образована «Территориальная база Синьцзянского национально-освободительного движения». Ранее, 12 ноября в Кульдже «в торжественной обстановке было провозглашено создание Восточно-Туркестанской республики и ее временного революционного правительства во главе с президентом Алихан-тубе и его заместителями — уйгурским князем Хакимбекходжой и представителем казахской знати Абумхайритюр»²⁷. Выдвигались лозунги отделения Синьцзяна от Китая.

Таким образом, в Синьцзяне началось восстание неханьских народов. В условиях войны с Японией национальное правительство не могло бросить значительные силы для подавления восстания и стабилизации власти китайского правительства в провинции. Как следует из вышеприведенных документов, Советское правительство было в основном обеспокоено судьбой советских граждан, работавших в Синьцзяне.

6 декабря 1944 г. вице-министр иностранных дел Китая Ху Шице пригласил Т. Ф. Скворцова в МИД КР и сделал следующее заявление: «Кульджинские власти не исключают возможность, что по советскому консульству стреляли мятежники. Китайские кульджинские власти окажут защиту советским гражданам, но последние разбросаны в разных местах, поэтому на время ликвидации мятежа просят сосредоточить совграждан в одном месте. Эта просьба вызывается тем, что китайцам трудно отличить советских граждан-китайцев от местного синьцзянского населения. ...Мы просим облегчить нам защиту советских граждан, собрав их в одном месте, например, в консульстве. МИДом дано указание Фу Бинчану сделать такое заявление НКВД, но мы сочли необходимым параллельно сделать заявление в Чунцине»²⁸.

20 декабря 1944 г. состоялась беседа Т. Ф. Скворцова и Генерального секретаря НПС Шао Лицзы. В ходе беседы Шао Лицзы сказал, что Пу Даомин прислал в Чунцин доклад, в котором информировал о встречах с генконсулом СССР в Урумчи В. Евсеевым. В докладе Пу Даомин сообщил, что точка зрения его и Евсеева «не особенно отличаются». Но посольство СССР в Чунцине информацией о содержании беседы в Урумчи не располагало. «Касаясь вопроса о восстании в Кульдже», Шао Лицзы высказал свою

точку зрения, согласно которой «восстание могло случиться в обстановке прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых». Шао Лицзы сказал, что политика синьцзянских властей в отношении белых была неправильна: в прежние времена им не разрешался выезд в СССР, им нужно разрешить выезд, их следует достойно проводить до границы СССР, а их недвижимость должна быть выкуплена Китаем по справедливой цене. Далее Шао Лицзы говорил, что советские власти раньше не пускали белых на свою территорию по той причине, что они совершали ранее политические и другого рода преступления. Но старое поколение уже ушло в мир иной, а молодые хотят вернуться в СССР. Шао Лицзы интересовался порядком восстановления белых в правах гражданства СССР. Информация Т. Ф. Скворцова сводилась к следующим моментам: заявление на имя Президиума Верховного Совета СССР, соответствующая проверка и как ее результат: решение по каждому заявлению.

Шао Лицзы подчеркнул, что правительствам СССР и Китая следовало бы решить вопрос о возвращении «русских на родину»; после выезда русских из Синьцзяна в последнем не будет никаких восстаний²⁹. Итак, устами Шао Лицзы китайское руководство попыталось найти достойный выход из сложной политической и национальной ситуации в Синьцзяне, обвинив «белых русских». Советское правительство и китайские власти объявлялись непричастными к восстанию, полыхавшему в Синьцзяне.

Важной объективной причиной недовольства и начала восстания было резкое ухудшение экономического положения в Синьцзяне в результате разрыва советско-китайских торгово-экономических связей. Но в Чунцине все-таки связывали восстание в Синьцзяне с политикой СССР. Например, об этом шла речь в беседе Т. Ф. Скворцова и Цзян Цзинго. Цзян Цзинго говорил, что «Чан Кайши очень много думает, как улучшить советско-китайские отношения, он в последнее время дал указание средствам массовой информации не писать ничего плохого о Советском Союзе», а затем спросил: «Что нужно сделать в Синьцзяне, чтобы улучшить отношения Китая и СССР...?» Он добавил, что Чан Кайши предполагал, что все недоразумения, наблюдавшиеся в Синьцзяне, будут устранены с отставкой Шэн Шица, на деле так не получается. Итак, восстание неханьских народов в Синьцзяне было связано в первую очередь с резким ухудшением экономического положения в провинции после разрыва советско-китайских торгово-экономических связей в Синьцзяне. Китайское правительство и китайская общественность связывали беспорядки в Синьцзяне с политической линией СССР. В нашем распоряжении нет документов, которые дали бы возможность высветить события в Синьцзяне. На данном этапе изученности вопроса мы можем ограничиться

замечанием, что советская сторона, в обстановке укрепления позиций западных держав в регионе, могла оказать поддержку оппозиции³⁰.

СССР поддержал восстание в Или (в трех округах — Илийском, Тарабогатском, Алтайском). В 1944 г. произошло решающее сражение, окончившееся поражением гоминьдановских войск. 15 ноября 1944 г. восставшие провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) во главе с Алиханом Туре и Ха-кимбаем-ходжой (уйгур). Потом восстание распространилось и на Кашгарию. Оно не закончилось победой, а скорее поражением. В сентябре 1945 г. Синьцзяну была предоставлена местная автономия³¹.

Китай не мог без СССР урегулировать ситуацию в Синьцзяне. Так, 19 января 1945 г. министр иностранных дел Китая Сун Цзывэнь передал посольству СССР в Чунцине предложения китайского правительства о китайско-советской торговле и экономическом сотрудничестве в провинции Синьцзян. Предложения сводились к следующим позициям:

- а) Торговое сотрудничество. Торговые связи базируются на принципе равноправия, взаимного благоприятствования, взаимного уважения, суверенитета. Для удобства обеих сторон синьцзянские товары, в которых нуждается СССР, должны поставяться синьцзянской торговой компанией, а советские товары, в которых нуждается китайская сторона, Урумчинским отделением Торгпредства СССР в Китае.
- б) Экономическое сотрудничество. 1. Добыча вольфрамовых и оловянных руд в пров. Синьцзян производится после достижения соглашения между обеими сторонами китайско-советской Смешанной Комиссии. Капитал Компании составляет из взносов по 50%. Нефтепромыслы в Душаньцзы должны управляться согласно советско-китайскому договору от 16 февраля 1940 г. Однако китайская сторона приветствует техническое сотрудничество и, кроме того, готова продавать советской стороне часть нефтесырья. 3. Сотрудничество в области легкой промышленности должно быть налажено в надлежащее время путем согласования сторон³².

Таким образом, ситуация в Синьцзяне в 1941–1945 гг. развивалась по собственным сценариям, связанным с национальным сепаратизмом и стремлению к отделению от Китая. Советская политика в данном случае отличалась противоречивостью. СССР на каком-то этапе (1944 г.) пыталась использовать ВТР в своих планах. В конечном счете, между Москвой и Чунцином был найден политический компромисс.

Китай в 1943–1945 гг.

В 1943–1944 г. в Китае были продолжены переговоры между руководством ГМД и КПК с целью предотвратить возможность возобновления гражданской войны. Ряд факторов препятствовал успеху

переговоров, в их числе своеобразие военно-политической обстановки в Китае к 1944 г.: наступательные действия китайской армии против Японии фактически были отложены до окончания войны в Европе; национальное правительство Китая и руководство КПК не доверяли друг другу.

В 1944 г. в Москву из Китая поступали материалы, в основном создававшие позитивный имидж КПК, вынужденной занимать оборонительные позиции в споре с ГМД. Советское правительство было обеспокоено ситуацией в едином китайском фронте. По указанию И. В. Сталина Г. Димитров направляет письмо руководству КПК по этому вопросу. Г. Димитров выражал озабоченность отношениями КПК с ГМД. В ответных телеграммах в Москву Мао Цзэдун просил понять правильно внутрипартийную политику руководства КПК, отмечая, что можно ожидать улучшения в характере взаимоотношений КПК с ГМД. Цель Мао Цзэдуна состояла в том, чтобы убедить Москву в дружественности руководства КПК и убедить представителей Коминтерна в Китае в том, что такова реальная сущность позиции руководства компартии.

В записке другого советского представителя П. П. Владимиров о позиции китайских коммунистов по данной проблеме говорилось: «Мао убеждал меня в том, что Чан Кайши обязан предоставить коммунистам места в правительстве, что Особому району необходимо много оружия для борьбы с японцами. И ни словом не обмолвился о том, что боевые действия против японцев свертываются. Это факт бесспорный. Мао только на словах признает единый антияпонский фронт. Все помыслы его там — в Чунцине. Там люди, которых необходимо убрать с дороги, снять, лишить власти — это главное. Вопреки реальной обстановке, фактам»³³.

В апреле 1944 г. между КПК и ГМД возобновились переговоры. Но уже в начале мая они зашли в тупик и были прерваны. 30 апреля П. П. Владимиров записал в своем дневнике: «Вот цели Мао Цзэдуна: успокоить общественное мнение, недовольное состоянием раскола между Компартией и Гоминьданом; оправдать антигоминьдановскую политику в глазах Москвы; мол, мы всегда за переговоры — это Чан Кайши нас провоцировал; выдвижением «сверхрадикальных» требований постараться выставить Чан Кайши в невыгодном свете; переговоры свяжут Чан Кайши и явятся определенной гарантией от нападения его войск на Особый район. Таким образом, можно, не отказываясь от антигоминьдановского курса, углублять раскол и, пользуясь состоянием войны с Японией, навязывать Чан Кайши свою волю»³⁴.

Критика Чан Кайши и в целом чунцинского правительства со стороны прессы усилилась в связи с военными поражениями, которые потерпели гоминьдановские войска в апреле 1944 г. в Хэнани и в августе 1944 г. в Хунани, а также в связи с угрозой японского наступления на Гуанси.

Руководство КПК поддерживало тесный контакт с Москвой, справедливо рассчитывая на помощь в критической ситуации. Советское руководство, со своей стороны, в конце 1944 г. принимает решение об активизации политики в Китае и в гоминьдановском Китае, и в Особом районе, контролировавшемся КПК. Однако, переговорный процесс между ГМД и КПК с целью укрепления национального единства в стране в 1944 г. завершен не был.

Необходимость демократических перемен в Китае была назревшей проблемой. Эта тема присутствовала в газетной и иной печатной информации, обсуждалась видными общественными деятелями Китая. Чан Кайши и другие представители китайской правящей элиты придавали этой теме важное значение, рассматривая ее частью программы выхода Китая из кризиса — политического, экономического, социального. Коммунисты настаивали на глубокой реорганизации правительства, в ходе которой ГМД поделился бы властью с КПК. Чан Кайши рассчитывал сформировать правительство, в которое бы вошли отдельные представители оппозиции. 22 декабря 1944 г. Цзян Цзинго в беседе с советским представителем Т. Ф. Скворцовым отметил, касаясь возможности дальнейшей реорганизации правительства, что «реорганизация будет иметь место, но это длительный процесс, приходится учитывать настроения отдельных милитаристов»³⁵.

В конце 1944 года КПК в ряде своих документов выдвинула требование о реорганизации правительства. Это требование получило поддержку Демократической Лиги, широких слоев прогрессивных людей, части передовых гоминьдановцев, например, Сунь Фо, Юй Южэня, Фэн Юйсяна. За реорганизацию правительства выступили и представители президента Рузвельта. Ряд газет — «Хуаси жибао» (Чэнду), «Юньнань жибао» (Куньмин) и «Дагунбао» (Чунцин) — опубликовали статьи, в которых поддерживали необходимость реорганизации правительства. Чан Кайши понимал, что положение в стране осложняется.

Чан Кайши в новогоднем послании к народу объявил, что в связи с изменившейся обстановкой считает необходимым созвать VI Национальный Конгресс ранее намеченного срока, до окончания войны, и намерен внести на рассмотрение центра предложение о немедленном созыве Национального Конгресса и опубликовании конституции. Вопрос о сроке опубликования конституции он поставил в зависимость от стабилизации военной ситуации. Советское посольство в докладе, направленном в НКВД, подчеркивало, что «произведенная в декабре 1944 г. реорганизация китайского правительства является простой перестановкой одних и тех же лиц с одного места на другое. Она рассчитана лишь на обман общественности. Правительство Гоминьдана не предполагает осуществление реальной реорганизации правительства»³⁶.

К концу 1944 г., по имеющимся материалам, начинается переориентация американской политики

в Китае целиком и полностью на ГМД. С помощью Чан Кайши и его правительства США рассчитывали укрепить американские позиции в стране после войны. В отчете советского посольства за декабрь 1944 г. отмечается, что американцы, согласно инструкции Ф. Рузвельта, работают над программой поддержки Чан Кайши, освобождают американские загранучреждения от дипломатов, поддерживавших ранее тесные связи с КПК в споре КПК с ГМД. Американским представителям запрещено обсуждать с китайскими коммунистами вопросы внутривнутриполитической жизни Китая, выступать с критикой правительства Китая, направлять в США служебные материалы критического содержания в адрес ГМД³⁷.

Решение вопросов, связанных с доставкой военно-технических грузов для Китая через СССР, началось в конце 1944 г., в общей программе подготовки вступления СССР в войну на Дальнем Востоке (после окончания войны на Западе). Как известно, на конференции в Тегеране (1943 г.) советское правительство, идя навстречу пожеланиям союзников, дало согласие вступить в войну с Японией, но после окончательного разгрома фашистской Германии. В середине октября 1944 г. И. В. Сталин затронул тему вступления СССР в войну с Японией в разговоре с А. Гарриманом, А. Иденом, другими дипломатическими и военными представителями США и Англии. Тогда же И. В. Сталин дал согласие на разработку совместных с США планов действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки.

Советское посольство, как и посольства других стран, уделяло большое внимание анализу внешнеполитической деятельности и международных отношений Китая в целом. В отчете посольства за последний квартал года, как и в других документах, имели место термины «реакционность» правительства Китая, «нежелание вести войну с Японией» и др., тем не менее, отмечалось, что Китай вел активную внешнюю политику и не предполагал заключить сепаратный мир с Японией (данная тема неизменно беспокоила советское руководство). Отношения Китая с союзниками определялись в основном размерами военной помощи Китаю, военной активностью на китайском театре военных действий, расчетами на поддержку курса на создание единого национального китайского государства в поствоенном мире. Важнейшим партнером национального правительства Китая были США.

В Китае в 1944–1945 гг. усилилось американское влияние, этому способствовали и американские советники. Во всех отраслях экономики Китая, в том числе во вновь созданном Управлении военного производства, контролировавшем экономическую жизнь Китая, Транспортном Управлении, в чьем ведении находится транспорт, американцы укрепляли влияние различными путями. Одним из рычагов воздействия на Китай являлась построенная американцами Ледосская дорога — важный канал

доставки вооружения и другого снабжения для Китая. В конце 1944 г. между Китаем и Америкой активно велись переговоры по вопросам увеличения помощи США Китаю, привлечения американского капитала в китайскую промышленность, послевоенной организации Дальнего Востока.

Что касается китайско-английских отношений, в Китае имело место недовольство недостаточно активными военными действиями английских войск в Бирме, отсутствием действий английского флота на Тихом океане, не взаимодействием с американцами, воюющими на Филиппинах. Китайские средства массовой информации распространяли слухи, что англичане вообще не хотят воевать с Японией, а выступают за подписание сепаратного соглашения с Японией за счет Китая.

Англичане не оставляли без внимания подобные заявления китайцев и в ходе личных бесед с китайскими деятелями, через свою агентуру, миссионеров и довольно большую группу проанглийски настроенных китайцев, подчеркивали, что не могут в данный момент сосредоточить свои силы на Дальнем Востоке, так как английский фронт рассеян по планете. Влияние Англии в Китае заметно уменьшилось. Это было следствием политики Англии в Китае, направленной на расчленение Китая на сферы влияния: Англия претендовала на юго-восток страны и районы, примыкающие к Бирме и Тибету.

Китайско-французские отношения были связаны с отказом правительства Виши от экстерриториальных прав в Китае. Однако правительство де Голля заявило, что для отказа от этих прав необходимы определенные гарантии со стороны китайского правительства. Более того, деголлевское правительство старалось нащупать возможность совместного выступления в Китае ряда стран, по крайней мере, по экономическим вопросам. В этом направлении в течение всего 1944 г. работал специальный экономический советник французского посольства. Он обращался в советское посольство, объясняя, что Франция и Советский Союз имеют общие интересы в Китае, имея в виду вложенные французские капиталы в КВЖД.

В сентябре–декабре 1944 г., в Китае происходили активные военные действия на западе провинции Юньнань. Военные действия здесь в сочетании с боями в Северной Бирме были рассчитаны на открытие международного пути Китай–Индия. Как в Юньнани, так и в Бирме действия китайских частей были более успешными. Китайцам удалось отвоевать ряд важных пунктов. Чан Кайши, как реальный политик, понимал, что Китаю в решении его насущных проблем необходимо иметь дружественные отношения с СССР.

11–16 сентября 1944 г. в Квебеке состоялась встреча руководителей США и Англии. На конференции был принят ряд постановлений, в том числе по Японии. «Имея в виду конечную цель вторжения в японскую метрополию, мы договорились о буду-

щих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах»³⁸. Когда А. Гарриман информировал И. В. Сталина об итогах встречи в Квебеке, И. В. Сталин обратил внимание, что посол не упомянул об участии СССР в войне с Японией. Президент США направил соответствующее заверение союзников И. В. Сталину, и в конце сентября 1944 г. тот дал поручение Генеральному Штабу подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», — закончил разговор И. В. Сталин³⁹.

СССР начал подготовку к вступлению в войну на Дальнем Востоке; в рамках этой программы важное значение имел Китай. СССР возвращался на Дальний Восток. Одновременно, в Китае началась подготовка к направлению делегации в СССР. 13 декабря 1944 г. министр иностранных дел Китая и и. о. председателя Исполнительного юаня Сун Цзывэнь пригласил Т. Ф. Скворцова на обед в свою загородную резиденцию. Присутствовал бывший посол в СССР Шао Лицзы. Сун Цзывэнь интересовался, какие вопросы советско-китайских отношений не разрешены до настоящего времени. Он сказал, что должен направиться в Москву в конце февраля, и его поездка «является секретной». Он назвал в предварительном порядке членов делегации и заметил, что его миссия аналогична миссии Де Голля или миссии Бенеша. В конце беседы Сун Цзывэнь сообщил, что до начала визита «постарается быстро разрешить все могущие возникнуть вопросы в наших отношениях»⁴⁰.

22 декабря 1944 г. состоялась встреча Т. Ф. Скворцова с Цзян Цзинго, который предполагал быть переводчиком на советско-китайских переговорах. Цзян Цзинго заметил, что миссия Сун Цзывэня заключается в передаче советскому правительству мнения маршала Чан Кайши. Неизбежна постановка вопроса о войне с Японией⁴¹.

Национальное правительство Китая активно работало над организацией визита министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву, полагаясь на посредничество американской администрации, Чан Кайши подчеркивал, что рассчитывает на помощь США в урегулировании китайско-советских отношений.

В Москве началась подготовка к визиту высокого гостя из Китая. Советская сторона приняла решение приступить к обсуждению дальневосточных проблем. По заданию советского руководства, ДВО НКВД подготовил докладную записку о предполагаемом пакете предложений китайской стороны на советско-китайских переговорах. 5 января 1945 г. помощник заведующего 1-м ДВО НКВД СССР А. Савельев в Записке С. А. Лозовскому сообщил, что по данным ДВО в Москве будут предложены для обсуждения следующие вопросы:

1. Заключение договора о ненападении сроком на 10–20 лет.
2. Военное сотрудничество Китая с СССР.

3. Покупка оружия и боеприпасов.
4. Транзит китайских военных грузов через территорию СССР.
5. Проблема Синьцзяна: участие СССР в разработке полезных ископаемых на Северо-Западе Китая, строительство авиазавода, покупка оборудования для нефтекомбината, работа авиалинии «Хами-Ата». Возобновление торговли между Синьцзяном и СССР. Возможны и другие вопросы⁴².

26 февраля 1945 г. в советское посольство в Чунцине прибыл Цзян Цзинго. Целью его визита, как сообщил в Москву Г. Ф. Скворцов, было выяснение по просьбе Чан Кайши, обсуждались ли на Крымской конференции дальневосточные вопросы. Поверенный в делах СССР сообщил китайскому представителю, что, как явствует из заявлений, такие вопросы на конференции не обсуждались. Возможно, посольство не было соответствующим образом информировано. Цзян Цзинго в предварительном порядке изложил далее концепцию послевоенного экономического возрождения Китая. В этой концепции СССР отводилась важная роль. Посольство оценило визит Цзян Цзинго как направленный на создание благоприятных условий в работе грядущей советско-китайской конференции.

Как известно, ялтинские решения по блоку дальневосточных проблем сводились к следующим: СССР вступает в «войну против Японии на стороне союзников при условии: 1. Сохранения status-quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; г) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет; 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина, Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Главы Правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией. Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством Пакт о дружбе и союзе

между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»⁴³.

Китайская программа предполагала восстановление суверенитета Китая на всей китайской территории, захваченной японцами в ходе войны; возвращение Китаю «утраченных территорий» в XIX и XX вв., включая Маньчжурию, Тайвань, Гонконг, Внешнюю Монголию; отмену неравноправных договоров и подписание с державами новых, основанных на принципе равенства; официальное признание Китая великой державой; совместную помощь держав Китаю в становлении единого китайского государства, его экономическом развитии под руководством национального правительства⁴⁴.

Соглашение в Ялте не предусматривало возвращение Китаю Внешней Монголии и Гонконга, но в значительной степени учитывало внешнеполитические условия Китая. Советское руководство не без основания предполагало, что вопросы о МНР, а также советском присутствии в Маньчжурии будет трудно решить на советско-китайских переговорах.

28 мая 1945 г. И. В. Сталин сообщил американскому послу, что принял решение встретиться с министром иностранных дел Сун Цзывэнем в Москве, не позднее 1 июля 1945 г. с целью обсуждения Ялтинских соглашений. Информация была направлена Сун Цзывэню в Сан-Франциско, где проходила международная конференция с участием Китая.

Главой китайской делегации на советско-китайские переговоры был назначен председатель Исполнительного юаня, министр иностранных дел Сун Цзывэнь. Советскую делегацию возглавил И. В. Сталин, подчеркнув тем самым значимость для советской стороны переговоров и советско-китайских отношений в целом.

Сун Цзывэнь следующим образом изложил цели визита: «Я направляюсь в Москву для конкретной беседы с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, в ходе которой можно было бы решить все вопросы советско-китайских отношений, мы хотели бы услышать совершенно откровенно мнение маршала Сталина по вопросам советско-китайских отношений и его позицию в отношении Китая». Сун Цзывэнь отметил, что предполагал направиться в Москву из Сан-Франциско, но Чан Кайши затребовал его в Чунцин, чтобы он на месте ознакомился с текстом упомянутого соглашения Рузвельта-Сталина и получил инструкции от китайского руководства. Как сообщил Сун Цзывэнь, в состав делегации вошли известные специалисты по России, друзья СССР, и китайская сторона возлагает на миссию большие надежды⁴⁵.

В архиве МИД РФ хранится план встречи, пребывания, проводов Сун Цзывэня и вице-министра иностранных дел Ху Шицзе. Из документа следует, что была запланирована встреча на высшем уровне. В. М. Молотов и еще семь официальных лиц встречали делегацию в аэропорту, аэропорт был украшен фла-

гами СССР и Китая, гостей приветствовал почетный караул, звучали гимны двух стран. План мероприятий, включая переговоры и встречи со Сталиным, культурную программу, прием в честь высокого гостя в Особняке НКВД СССР, обед И. В. Сталина в Кремле в честь высокого гостя из дружественной державы был подготовлен на 5 дней. Таким образом, советское руководство рассчитывало все вопросы советско-китайских отношений согласовать и решить за 5 дней, учитывая, что основные параметры соглашения между СССР и Китаем уже определены при посредничестве США⁴⁶.

Руководство КПК было недовольно началом переговоров в Москве. В телеграммах и письмах в СССР Мао Цзэдун и другие не могли скрыть своего несогласия с политикой СССР. Разочарование и непонимание вызывалось: 1) тем, что ЦК КПК соответствующим образом не было информировано о переговорах и их конкретной цели — подписании договора с правительством Чан Кайши, 2) признанием Советским Союзом Чан Кайши лидером Китая в период войны. КПК предполагала, что Маньчжурия и Корея будут переданы под юрисдикцию гоминьдановского правительства. 29 июня 1945 г. Ван Жофэй в беседе с временным поверенным СССР в Китае отмечал, что «...без специальных оговорок и условий, в смысле демократизации Китая и т. п., КПК не может одобрить политику СССР в данном вопросе»⁴⁷.

30 июня 1945 г. Второй день визита делегации в СССР. Первая встреча с И. В. Сталиным. Согласно записи беседы, переговоры проходили в спокойной дружественной обстановке. Сун Цзывэнь вручил И. В. Сталину упомянутое выше Послание Чан Кайши. И. В. Сталин поблагодарил за послание и поинтересовался, следует ли приступить к деловой части визита немедленно. Сун Цзывэнь предполагал ограничиться общим заявлением о цели миссии. Сталин согласился. В заявлении доктора Суна отмечалось, что Сунь Ятсен завещал Китаю необходимость хороших дружественных отношений с СССР. Чан Кайши и весь китайский народ, подчеркнул доктор Сун, надеются на установление сердечных отношений. Миссия прибыла в Москву с целью обмена мнениями с генералиссимусом Сталиным по вопросам советско-китайских отношений и подписания советско-китайского договора. И. В. Сталин выслушал Сун Цзывэня и изложил позицию Советского Союза. Он сказал, что царское правительство стремилось к разделу Китая. Теперь у власти новые люди, уважающие целостность и суверенитет Китая и он, Сталин, думает, что обе стороны сумеют договориться между собой.

Следующая встреча со Сталиным состоялась 2 июля. С советской стороны присутствовали В. М. Молотов, С. А. Лозовский, А. А. Петров, В. Н. Павлов. С китайской стороны — Ху Шицзе, Фу Бинчан, Цзян Цзинго. В начале беседы Сталин спросил Сун Цзывэня, известно ли ему соглашение представителей трех держав, достигнутое на

Крымской конференции по Дальнему Востоку. Сун Цзывэнь ответил, что ему сообщил об этом президент Трумэн. Американцы сообщили также о точке зрения Сталина на положение в Китае. Началось постатейное обсуждение ялтинского соглашения. 1-й вопрос о МНР (Внешняя Монголия). Чан Кайши, как подчеркнул Сун Цзывэнь, считает, что вопрос о МНР не может быть разрешен в настоящее время и необходимо его вынести за рамки настоящих переговоров, оставить открытым. И. В. Сталин придерживался иной позиции. Аргументируя советскую точку зрения, И. В. Сталин подчеркнул, что, подписывая соглашение на Крымской конференции, советское правительство руководствовалось двумя соображениями: 1) необходимостью усилить свои стратегические позиции против Японии, поскольку СССР предлагает заключить союз с Китаем, и объединенными силами разгромить Японию. Идет ли речь о Порт-Артуре, о КВЖД, Южном Сахалине, о Внешней Монголии — во всех случаях Советский Союз имеет в виду лишь одну цель — усиление стратегических позиций Советского Союза, как вероятного союзника Китая в войне против Японии. Ни МНР, ни Порт-Артур, ни КВЖД не имеют значения с точки зрения извлечения какой-либо прибыли, 2) Советский народ уже воюет четыре года, и он понимает, что необходимо воевать в том случае, когда на него нападают... Теперь мы должны напасть на Японию... Чем в таком случае можно оправдать нашу акцию нападения? «Я считаю, — сказал Сталин, — ее можно оправдать тем, что записано в документе». Сун Цзывэнь заметил, «что генералиссимус Сталин не понимает, как важно для Китая возвращение Монголии. Китайское правительство находится в сложном положении, ему будет трудно объяснить, по каким причинам в итоге восьмилетней тяжелой войны с Японией оно должно отказаться от части своей территории, от Внешней Монголии». Сун Цзывэнь настаивал, чтобы СССР принял китайскую позицию и отказался обсуждать «непреодолимую проблему» в данное время. И. В. Сталин заметил, что МНР заинтересована в определении своего статуса и предложил следующую процедуру: принять решение о предоставлении независимости МНР, но объявить об этом после разгрома Японии. «Когда Китай получит, — говорил И. В. Сталин, — новые территории в результате поражения Японии, то тогда и можно будет объявить о независимости Монголии, и этот факт не произведет отрицательного впечатления на китайский народ». Сун Цзывэнь заметил, что он должен проконсультироваться с Чан Кайши. Далее обсуждался вопрос о порте Дайрен (Дальний). Сталин заметил, что в Крымском соглашении записано об интернационализации порта, т. е. о том, что порт не будет закрыт для судов других стран. Обсуждались вопросы об администрации порта, распределении таможенных пошлин и налогов и было решено продолжить обсуждение⁴⁸.

Вопрос о Порт-Артуре. Доктор Сун подчеркнул, что Китаю не хотелось бы сдавать порт в аренду, дабы не создавать прецедент. Китай за совместное использование Порт-Артура русскими и китайцами. И. В. Сталин заметил, что он поищет другую формулу (вместо аренды) и учтет пожелания Чан Кайши. Советский Союз, подчеркнул Сталин, не будет создавать прецедента, который был бы невыгоден Китаю. Вопрос о железных дорогах также подлежал обсуждению, но особых противоречий в пожеланиях сторон на данном заседании обнаружено не было⁴⁹.

В ходе обсуждения монгольской проблемы выяснилось, что стороны вкладывают разное содержание в термин «статус-кво». Советская сторона «статус-кво» МНР понимала как 24-летний период существования де-факто независимого монгольского государства — МНР, китайская сторона исходила из международно-правовой фиксации суверенитета Китая над Монголией (май 1924 г.), признав при этом, что в силу ряда причин Китай не пользовался правом суверенитета на территории МНР. В итоге продолжительной и весьма откровенной беседы И. В. Сталин подчеркнул, что без решения вопроса о МНР переговоры с мертвой точки не сдвинутся⁵⁰.

8 июля 1945 г. состоялась встреча Цзян Цзинго и советского посла А. А. Петрова. Цзян Цзинго пришел поделиться впечатлениями от встречи Сталина — Сун Цзывэня, он был обеспокоен тем, что переговоры по существу зашли в тупик. Цзян Цзинго сказал послу, что посол, как наиболее осведомленный в китайской обстановке участник переговоров с советской стороны, может понять точку зрения Чан Кайши о невозможности признания независимости МНР, ибо такое признание ослабило бы позиции китайского правительства и вызвало бы политический кризис в стране. Цзян Цзинго упомянул об учении Сунь Ятсена о территориальной целостности Китая, но посол считал, что нельзя не принимать во внимание волеизъявление монгольского народа, наоборот, учет его будет наиболее полно отражать дух учения Сунь Ятсена по национальному вопросу⁵¹.

9 июля 1945 г. Сун Цзывэнь заявил, что если Китай признает суверенитет МНР, то он пойдет против безопасности государства и против общественного мнения. Но в интересах советско-китайской дружбы Чан Кайши идет на подобную жертву». Далее доктор Сун зачитал телеграмму Чан Кайши: «Китайское правительство, желая найти радикальное решение вопроса о дальнейшем развитии и укреплении советско-китайских отношений и устранить все возможные разногласия и осложнения для того, чтобы добиться в будущем прочного сотрудничества с СССР, что является исполнением воли Сунь Ятсена, выдвигает три предложения. В основе этих предложений лежит требование сохранения территориального суверенитета и административной целостности Китая и действительного единства Китая. Китайское правительство выражает надежду на то, что Совет-

ское правительство проявит сочувствие к Китаю, окажет ему конкретную помощь и ответит ему совершенно определенно и конкретно на следующие три предложения: 1. Китайское правительство выражает глубокую благодарность за данные маршалом Сталиным обязательства уважать территориальный суверенитет и административную целостность Маньчжурии. В интересах общего блага Китай готов пойти на совместное использование Порт-Артура с целью организации там военно-морской базы, сделать Дайрен открытым портом сроком на 20 лет, совместную эксплуатацию железных дорог при соблюдении суверенитета и целостности Маньчжурии. 2. ... Китайское правительство выражает желание, чтобы Советский Союз сотрудничал с ним в устранении беспорядков в Синьцзяне и возобновлении торговли. 3. Ввиду отдельной военной и административной организации КПК военные и административные власти Китая не могут быть полностью объединены под руководством центрального правительства. Мы хотим, чтобы всякая военная помощь — политическая, материальная или моральная, которую советское правительство будет оказывать Китаю, оказывалась бы только Центральному правительству. Китайское правительство готово после поражения Японии и после того, как будут достигнуты цели, упомянутые в вышеуказанных трех пунктах, предоставить Монголии независимость... Однако этот акт должен быть осуществлен путем плебисцита. Таким образом, территориальный суверенитет и административная целостность Маньчжурии, помощь Китаю в устранении беспорядков в Синьцзяне, отказ СССР от помощи КПК — условия признания Китаем независимости МНР⁵².

Далее на переговорах 9 июля 1945 г. уточнялись позиции по всем обсуждавшимся советско-китайским вопросам, в том числе о проекте Договора о дружбе и взаимопомощи и соглашений к нему. Китайская сторона подготовила альтернативный вариант Договора и соглашений. Сун Цзывэнь подчеркнул, что «разница между советским и китайским проектами договора незначительна, она, пожалуй, сводится лишь к вопросу о ратификации». Согласно китайской конституции, договор вступает в силу не с момента подписания, а с момента обмена ратификационными грамотами. Затем глава китайской делегации возвратился еще раз к проблеме КПК. Обратимся к документу.

«Сун спрашивает, что думает тов. Сталин о китайских коммунистах. Тов. Сталин спрашивает, что хочет китайское правительство от СССР. По-видимому, речь идет о том, чтобы Советский Союз не вооружал китайских коммунистов, и чтобы вся помощь шла непосредственно в распоряжение правительства Чан Кайши. Сун отвечает утвердительно. Тов. Сталин говорит, что он согласен с этим и спрашивает, не желает ли китайское правительство, чтобы Советский Союз начал разоружение китайских коммунистических войск. Сун говорит, что такое требование было

бы фантастическим и указывает, что китайское правительство стремится решить коммунистический вопрос политическим средствами. Тов. Сталин указывает, что было бы весьма хорошо, если бы были найдены эти политические средства для решения вопроса о взаимоотношениях между ГМД и КПК. Китайские коммунисты — это хорошие патриоты, которые будут успешно сражаться с японцами. Сун говорит, что центральное правительство стремится к слиянию армий и созданию единой власти в стране. Тов. Сталин отвечает, что это вполне законное желание, ибо в государстве должна быть одна армия и одно правительство. Советская сторона еще раз подчеркнула, что Советский Союз выступает за единое централизованное китайское государство»⁵³.

10–11 июля 1945 г. уточнялись позиции сторон. По вопросу о железных дорогах Маньчжурии спорным оказался вопрос о транзитных перевозках войск в военное и мирное время. И. В. Сталин согласился, чтобы в тексте соглашения были предусмотрены только перевозки военных материалов. Продолжались дискуссии по вопросам, связанными с Дайреном, Порт-Артуром и др. В ходе переговоров, на заключительном этапе, 11 июля Сун Цзывэнь напомнил, что Чан Кайши хотел бы получить письменные подтверждения Советского Союза по вопросу о Синьцзяне, о Маньчжурии, о китайских коммунистах. И. В. Сталин заметил, что в Договоре о дружбе и союзе имеется пункт о невмешательстве во внутренние дела другой страны. Но доктор Сун настаивал на специальной телеграмме Чан Кайши. И. В. Сталин в конце концов заявил, что если по всем другим вопросам будет достигнуто соглашение, он направит специальную ответную телеграмму Чан Кайши.

12 июля, накануне отъезда И. В. Сталина в Потсдам, состоялась заключительная на текущем этапе советско-китайская встреча. Процесс выработки коммюнике свидетельствовал, что обе стороны были заинтересованы в успешном завершении переговоров. «Тов. Молотов предлагает, — отмечается в записи, — составить коммюнике о переговорах, в котором следует отметить, что имели место беседы об улучшении советско-китайских отношений, что переговоры еще не закончены и будут продолжены. В заключение Сун поблагодарил Сталина за откровенность во время переговоров, он сказал, что уезжает из Москвы под впечатлением искреннего желания Сталина установить дружественные отношения с национальным правительством Китая. Переговоры возобновились накануне вступления СССР в войну против Японии. 4 августа 1945 г.»⁵⁴

4 августа 1945 г. в Чунцине состоялась беседа Чан Кайши с советским послом А. А. Петровым. Чан Кайши сообщил послу: «Теперь заключение соглашения о «ленд-лизе» для Китая важнее любого дела. Если мы упустим настоящий момент, то Китай окажется бессильным получить американскую помощь по «ленд-лизу»⁵⁵. Указанное заявление можно было

бы объяснить и тем, что китайская сторона сняла, в основном, оставшиеся к середине июля нерешенные вопросы и готова подписать договор и соглашения к нему.

Ко времени возобновления переговоров ДВО НКВД подготовил две справки: 1) Советские и китайские предложения по вопросам КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артура, Дальнего. Основные разногласия, и 2) Перечень нерешенных вопросов между СССР и Китаем по состоянию на 6 августа. Разногласия оказались согласуемыми по всем позициям, тем не менее, подписанию договора предшествовали шесть раундов.

10 августа 1945 г. беседа началась с заявления И. В. Сталина о капитуляции Японии. Доктор Сун заявил, что это произошло благодаря Советскому Союзу. Сталин уточнил, что Япония собирается капитулировать в результате объединенных усилий всех союзников, а затем сказал: «Пора подписывать соглашение». Сун Цзывэнь согласился, что наступило время подписывать советско-китайские документы, подтвердил, что «китайская сторона стремится к этому, и хотела бы подписать договор и соглашения к нему до капитуляции Японии, ибо в этом случае эти соглашения было бы легче представить и объяснить китайскому народу». К 13 августа несогласованные ранее позиции о гражданской администрации в Порт-Артуре; смешанной советско-китайской комиссии; совместной советско-китайской собственности на сооружение и оборудование порта Дальний; об управлении КВЖД и ЮМЖД; о таможенном досмотре товаров, следующих по КВЖД и ЮМЖД из СССР и обратно; о механизме назначения начальника порта Дальний, были окончательно сняты в присутствии И. В. Сталина.

14 августа утром делегации обсудили название объединенной железнодорожной магистрали (КВЖД и ЮМЖД). Советская сторона сняла свое предложение (Северо-Восточная ж.д.). Было принято предложение китайской делегации — Китайско-Чаньчунская ж.д. По вопросу о МНР китайская делегация предложила отложить публикацию соответствующего документа до ратификации в Китае пакета документов — Договора и соглашений к нему. Западные аналитики отмечали, что китайская делегация поторопилась с завершением переговоров под влиянием военно-политической обстановки после вступления СССР в войну. Капитуляция Японии была предопределена.

Подписывая договор с национальным китайским правительством, советское руководство подтвердило курс на невмешательство во внутренние китайские дела, но предостерегло против развязывания вооруженного конфликта ГМД-КПК. 14 августа 1945 г. состоялось подписание договора и всех прилагающихся к нему документов. С советской стороны Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем подписал В. М. Молотов, министр иностранных дел

и 1-й заместитель И. В. Сталина по СНК, с китайской стороны — министр иностранных дел Ван Шицзэ.

Согласно первой статье договора, обе стороны обязались довести войну до победного конца и сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией. Состоялся обмен нотами между СССР и Китаем о суверенитете Китая над Маньчжурией, Синьцзяном, о независимости МНР. Основные железнодорожные магистрали в Маньчжурии по соглашениям объявлялись общей собственностью сторон и должны были эксплуатироваться совместно. Предусматривалось также совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы, порт Дальний объявлялся открытым портом с выделением для СССР в аренду складских помещений и пристаней. Отдельным соглашением определялись отношения между советским главнокомандующим и китайской администрацией Маньчжурии после вступления советских войск на территорию Китая в связи с совместной войной против Японии.

2 сентября 1945 г. на американском военном корабле «Миссури» в Токийском заливе представитель Японии официально подписал акт о безоговорочной капитуляции перед правительствами Китая, США, Англии и СССР. Неделю спустя, 9 сентября в Нанкине Главнокомандующий японской армией в Китае подписал акт о капитуляции перед китайским правительством. Таким образом, советско-китайский договор был подписан почти одновременно с заявлением японского правительства о капитуляции.

Подписывая договор, правительства СССР и Китая были заинтересованы в дальнейшем развитии отношений между странами на международно-правовой основе. Договор соответствовал национально-государственным интересам СССР, ибо укреплял стратегические позиции Советского Союза на Дальнем Востоке. Договор соответствовал национально-государственным интересам Китая, так как он находился в русле внешнеполитической стратегии Китая, фиксируя незыблемость китайских границ в таких пограничных с СССР провинциях Китая, как северо-восточные провинции и Синьцзян, решимость сторон строить отношения на принципе дружбы и взаимопонимания.

В Чунцине 24 августа 1945 г. состоялось заседание Законодательного юаня. Доктор Сунь Фо, председатель Законодательного юаня, представил подписанные советско-китайские документы на обсуждение. После выступления министра иностранных дел Китая Сунь Фо подчеркнул, что договор открывает путь, по которому должны пойти другие страны, ибо он закладывает фундамент новой эры дружбы между странами. После двухчасовых дебатов Договор о дружбе и союзе, предварительно одобренный Высшим Национальным Советом Обороны, был единогласно одобрен Законодательным юанем. На заседании упомянутого Совета и ЦИК ГМД Чан Кайши, дав высокую оценку договору, сказал: «Восстановление

территориальной и административной целостности Китая в трех восточных провинциях, освобождение Формозы и Пескадорских островов, восстановление независимости Кореи являются важнейшими целями революции, и они реализованы». Относительно Внешней Монголии Чан Кайши подчеркнул, что она фактически стала независимым государством в годы существования пекинского правительства, ныне мы должны в договорно-правовом порядке гарантировать независимость этой братской нам стране⁵⁶.

25 августа 1945 г. китайское правительство ратифицировало договор и соглашения к нему⁵⁷. Советское правительство также ратифицировало договор в тот же день, 25 августа. Государственные и общественные деятели ряда стран приветствовали советско-китайский договор. Сунь Фо говорил, что «величайшее значение договора в гарантии прочного мира на Дальнем Востоке, в готовности совместно отражать агрессию»⁵⁸.

Перед Китаем стояли важные проблемы упрочения китайской республиканской государственности, отвечающей нормам и духу мировой цивилизации середины XX века. Важным шагом на этом пути могли стать выработка политических механизмов преодоления ситуации «одна страна — две армии и две администрации». Советско-китайский договор по всем параметрам отвечал интересам укрепления китайской государственности, подтвердил суверенитет Китая над пограничной с СССР территорией страны — над Маньчжурией и Синьцзяном, СССР гарантировал невмешательство во внутренние дела, открывал для страны возможность реализовать планы реконструкции народного хозяйства, индустриализации, превращения в подлинно великую державу.

Таким образом, договор был предназначен для укрепления позиций Китая на международной арене как влиятельной державы. Это было реально, но только в случае взаимодействия великих держав, союзников по второй мировой войне.

Заключение

Китай в годы войны оказался в трудном положении. С одной стороны, он находился под прессом растущей японской агрессии, а с другой, внутри страны имел, фактически, две политические структуры и две партии — официальную, правящую — Гоминьдан и противостоящую ему — КПК. Скрытая борьба этих партий во многом определяла внутреннюю политическую обстановку и перспективы борьбы с Японией в рамках созданного при поддержке СССР и Коминтерна в 1937 г. единого фронта. СССР не выступал за раскол Китая и не сталкивал КПК и Гоминьдан между собой в период Второй мировой войны, что пытаются доказать некоторые российские и западные историки. Подобные фальсификации связаны с мифом о желании СССР использовать японо-китайскую войну для неких классовых целей и революционизации Китая. Позиция советского руководства нашла свое отра-

жение в советско-китайском Договоре, подписанном в Москве 14 августа 1945 г. СССР был за единый и неделимый Китай.

Официальным партнером СССР в Китае в годы войны было национальное правительство — Гоминьдан. Одновременно, как свидетельствуют документы, в период деятельности Коминтерна и после его роспуска советское руководство и ВКП (б) являлись гарантом существования КПК в рамках единого национального антияпонского фронта. Причем, советское руководство добивалось, чтобы правительство Чан Кайши не обостряло отношения с руководством КПК. Документы свидетельствуют, что поддержка Советским Союзом дела единства в Китае помогла ки-

тайскому народу сохранить страну в общем фронте союзных держав во Второй мировой войне, определило успехи Китая в системе международных отношений.

СССР и Китай были союзниками во Второй мировой войне. Но СССР до августа 1945 г. оставался невоюющим на Дальнем Востоке союзником Китая, а Китай являлся невоюющим союзником СССР на Западе. Эта ситуация создавала некоторые сложности в советско-китайских отношениях, особенно в начальный период 1941–1942 гг. После вступления Советского Союза в войну против Японии ситуация полностью нормализовалась. Разгром империалистической Японии стал последним трагическим актом Второй мировой войны.

- ¹ Архив Внешней Политики РФ (далее: АВПР), ф. 06, 1941, оп. 3, п. 28, д. 381, л. 1
- ² Советско-китайские отношения. Сборник документов. М., (далее:СКО). Т.5. Док. №410
- ³ Там же, Т. 4, док. №443
- ⁴ Там же, док. №338
- ⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁶ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁷ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 95–99
- ⁸ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. — С. 500–501
- ⁹ China White Papers. — P. 57
- ¹⁰ СКО. Т. 4. — Док. №482
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 01000, оп. 25.
- ¹² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ¹³ АВП РФ, ф. 01000, оп. 25.
- ¹⁴ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41
- ¹⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 11, л. 42
- ¹⁸ Цит. по кн.: Новейшая история Китая... С. 206
- ¹⁹ Архив Российского Комитета ветеранов войны. Китайская секция. Д. 12, л. 24–27
- ²⁰ Deane I. The Strange Alliance/ N-Y., 1947. — P. 226
- ²¹ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 9, л. 6–11
- ²² АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 9, л. 6–11
- ²³ С.Л. Тихвинский. Путь Китая к свободе и независимости... С.361
- ²⁴ СКО. Т. 4. — Док., с. 516
- ²⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 231–233
- ²⁶ Новейшая история Китая. Т. 2. М., 1984. — С. 230–235, 239
- ²⁷ Там же. — С. 234
- ²⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 24–25
- ²⁹ Там же, л. 42.
- ³⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ³¹ Дэн Лицюань. Одна страница китайско-советских отношений. До и после мирного освобождения Синьцзяна // Цзиньдайши яньцзю. — 1989. — №5–6
- ³² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38
- ³³ Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. М., 1973. — С. 252
- ³⁴ Там же ...С. 287
- ³⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35
- ³⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 38–40
- ³⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 38–40
- ³⁸ Цит. по: Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945гг. Т. 2. М., 1976. С. 160

■ Том I. Канун трагедии

- ³⁹ Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1976. — С. 352; см также: Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 2, с. 62
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 29–30
- ⁴¹ см.: С. Л. Тихвинский. Путь Китая к свободе... — С. 360–361
- ⁴² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 3, п. 243, л. 1
- ⁴³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сборник документов. М., 1979.
- ⁴⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35
- ⁴⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33.
- ⁴⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 99–103, ф. 06, оп. 7
- ⁴⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, л. 159
- ⁴⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ СКО, т. 4, док. № 667
- ⁵² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁵³ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 33. Д. 12. П. 244. Л. 199–200.
- ⁵⁵ Brznes J. All in one Lifetime. № 4. 1958. P. 291; ПДВ. 1995. № 5. С. 64.
- ⁵⁶ John W. Garver. China's Warmaritime Diplomacy // China's Bitter Victory. The war with Japan. 1937–1945. — Aug. 30, 1945. P. 26.
- ⁵⁷ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. — С. 243
- ⁵⁸ Central New Agency. Washington, Aug. 27. 1945.

Документы

Из воспоминаний Пу И.¹ о событиях в Китае в конце 1930-х годов

(...) Накануне событий 7 июля 1937 года на Севере Китая Япония непрерывно пускала в ход оружие и провоцировала различного рода инциденты. Нанкинское гоминьдановское² правительство раз за разом шло на уступки. Народу объявили декрет «О доброжелательном отношении к приказам дружественной державы», по которому строго наказывались люди, оказывающие сопротивление Японии. Таким образом, могущество Японии в Центральном Китае сильно укрепилось.

В первой половине 1937 года, до событий 7 июля, Япония усилила подготовку к войне и в целях укрепления тыла начала подавлять любые проявления патриотизма и антияпонские выступления на Северо-Востоке. 4 января 1937 года по «указу императора Маньчжоу-Го» был опубликован Уголовный кодекс Маньчжоу-Го. После этого начались проверочные кампании, карательные экспедиции, объединения кварталов и участков, укрепление Ассоциации содействия, началось строительство стратегических дорог и укрепленных баз, производилось слияние и укрепление поселков и деревень. На этот раз Япония двинула против 45 тысяч человек объединенной антияпонской армии громадные силы — свыше двадцати дивизий. Одновременно повсюду шли аресты членов Общества сопротивления Японии, за спасение родины и всех, кто казался японцам «неблагонадежным». Командующий Квантунской армией³ расхваливал мне могущество японской армии и ее потрясающие военные успехи. Но проверочные кампании и карательные экспедиции не достигли успеха, поэтому через год, теперь уже в большем масштабе, начались новые действия против бойцов сопротивления (позднее я узнал, что в них участвовало 700 тысяч японских солдат и 300 тысяч солдат Маньчжоу-Го). 7 июля 1937 года началась война между Японией и Китаем и японская армия захватила Пекин.

Квантунская армия была подобна сильному источнику тока высокого напряжения. Я был точным и послушным электродвигателем, а Ёсиока Ясунори — электропроводом с прекрасной проводимостью.

¹ Пу И. — император Маньчжоу-Го

² Гоминьдан — политическая партия в Китае. Создана в 1912 г. С 1927 г. — правящая партия страны. Главой партии и государства до 1949 года являлся Чан Кай-ши (1887–1975).

³ Квантунская армия — объединение японских вооруженных сил, ядро японских войск в Маньчжурии в 1930-х-1945 гг. Предназначалась для агрессии против СССР, МНР и Китая. Вместе с войсками расположенными во Внутренней Монголии и Корее насчитывала св. 1 млн чел.

Это был небольшого роста японец из Кагосимы, с выступающими скулами и усиками. С 1935 года и вплоть до капитуляции Японии в 1945 году он находился рядом со мной и вместе со мной был взят в плен Красной Армией. В течение последних десяти лет он от подполковника сухопутных войск постепенно поднялся до генерал-лейтенанта.

Ёсиока занимал две должности: он был старшим советником Квантунской армии и атташе при императорском доме Маньчжоу-Го. Последнее было японским названием. Собственно говоря, как переводится это название, не так уж важно, так как оно все равно не отражало самой деятельности Ёсиока. Фактически он был как бы одушевленным электропроводом. Каждая мысль Квантунской армии передавалась мне через него. Куда ехать на прием, кому отдавать честь, каких принимать гостей, как инструктировать чиновников и народ, когда поднять рюмку и предложить тост, даже как улыбаться и кивать головой — все это я делал по указанию Ёсиока. С какими людьми я мог встречаться и с какими нет, на каких собраниях присутствовать и что говорить — во всем я слушался его. Текст моего выступления он заранее писал мне на бумаге на своем японизированном китайском языке. Когда Япония начала агрессивную войну в Китае и потребовала у марионеточного правительства продовольствие, рабочую силу и материальные ресурсы, я велел премьер-министру Чжан Цзинхуэю на совещании губернаторов провинций зачитать призыв к губернаторам, написанный Ёсиока. В нем он призывал губернаторов приложить все свои усилия для поддержания священной войны.

Япония начала войну на Тихом океане, и у нее не хватало военной силы. Было решено заменить японских солдат солдатами армии Маньчжоу-Го, которые воевали на фронтах Китая, а теперь были переведены на тихоокеанский фронт. И я на банкете для командного состава военного округа по бумажке читал: «Мы хотим жить и умереть вместе с Японией. У нас единая воля и решимость разгромить силы Америки и Англии».

Кроме того, всякий раз, когда японская армия оккупировала в Центральном Китае какой-нибудь относительно крупный город, Ёсиока рассказывал о результатах боев, а затем велел встать вместе с ним и сделать поклон в сторону фронта, выражая тем самым соболезнование погибшим. После нескольких таких «уроков», когда пал город Ухань, я уже сам, без чьего-либо напоминания, выслушав до конца сообщение, встал, сделал поклон и почтил погибших японцев минутой молчания.

Тогда же, после падения города Ухань, он посоветовал мне лично написать поздравления палачу Окамура, оккупировавшему город, а также послать поздравительную телеграмму японскому императору.

В дальнейшем, когда были понастроены «храмы укрепления основ нации», я ежемесячно молился в них за победу японской армии. И эту мысль мне подсказал все тот же Ёсиока.

*Пу И. Первая половина моей жизни:
Воспоминания Пу И — последнего императора Китая.
М., 1968. С. 368–369, 374, 378–379*

Из заявления Ван Цзин-Вэй⁴ «О мире, антикоммунизме и спасении Родины», 29 декабря 1938 г.

(...) После возникшего в июле 1937 года инцидента в районе Лугоуцяо⁵ Китай понял, что мирным путем разрешить противоречия абсолютно невозможно, и был вынужден с оружием в руках вести оборонительную войну. Однако японское правительство в своем заявлении от 22 декабря (...) разъяснило свой основной курс в вопросе урегулирования японо-китайских отношений, причем в этом заявлении подчеркивалась необходимость установления добрососедских и дружественных отношений. В заявлении также указывалось, что Япония не имеет к Китаю территориальных претензий и не требует от него возмещения убытков (...)

⁴ До 1938 г. Ван Цзин-вэй являлся вице-председателем Гоминдана и лидером фракции сторонников мира с Японией. В декабре 1938 г., видя, что Чан Кай-ши сближается с группой поддерживающей продолжение военных действий с Японией, Ван Цзин-вэй покинул Чунцин — место расположения гоминдановского правительства. Начиная с этого времени японское руководство стало активно прорабатывать план формирования марионеточного центрального правительства Китая во главе с Ван Цзин-вэйем. Официально о его создании было объявлено 30 марта 1940 г., когда была проведена т. н. «церемония возвращения» новому правительству столицы — города Нанкина. (См. История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 2. С. 206, 327–328)

⁵ 7 июля 1937 г. под Лугоуцяо близ Пекина японские войска совершили провокацию против китайских сил, которая положила начало широкомасштабной агрессии против Китая.

Поскольку антикоммунистический блок с Японией может повести к вмешательству ее в военные и политические дела Китая, в Китае отнеслись с подозрением к предложению о создании подобного блока. Но подозрения в значительной степени рассеялись после чрезвычайно откровенного заявления Японии о том, что японо-китайское соглашение об обороне против коммунизма должно быть заключено в духе японо-германо-итальянского Антикоминтерновского пакта.

Цель соглашения об обороне против коммунизма заключается в том, чтобы предотвратить международный заговор коммунистических партий, но его заключение не должно повлиять на взаимоотношения между Китаем и Советским Союзом. Далее, поскольку Коммунистическая партия Китая поклялась в верности трем принципам Сунь Ятсена, она обязана безоговорочно подчиниться юридической системе национального правительства Китая. Три принципа являются руководящими принципами китайского народа, поэтому совершенно естественно, что мы, пекущиеся о защите Родины, чтобы исполнить свой долг, должны подавлять любые организации, любую пропаганду, выступающие против этих принципов.

*История войны на Тихом океане.
М., 1957. Т. 2. С. 364–365*

Из документа японского руководства «Принципы установления новых отношений между Японией и Китаем», 30 ноября 1938 г.⁶

Обсуждено на императорской конференции

Япония, Маньчжоу-Го и Китай, наряду с совместной обороной против коммунизма, будут сотрудничать в деле поддержания порядка и спокойствия в своих странах.

1) Япония, Маньчжоу-Го и Китай обязуются ликвидировать в своих странах коммунистические организации и будут сотрудничать в области осуществления антикоммунистической пропаганды, получения информации, необходимой для борьбы с коммунизмом, и т. д.

2) Япония и Китай будут совместно бороться против коммунизма. В этих целях Япония введет свои войска в те районы Северного Китая и Внутренней Монголии, которые имеют стратегическое значение.

3) Япония и Китай заключат отдельное соглашение о совместной обороне против коммунизма.

4) За исключением войск, остающихся в Китае в соответствии с пунктом 2, остальные вооруженные силы Японии, в соответствии с общей и местной обстановкой, будут в кратчайший срок выведены из Китая. Однако в целях гарантий японские войска, дислоцированные в Северном Китае и в треугольнике Нанкин — Шанхай — Ханьчжоу, будут оставаться в этом районе вплоть до установления там порядка.

В целях поддержания общего порядка и спокойствия в особых пунктах на реке Янцзы, в районе островов и проливов, расположенных вдоль береговой линии Южного Китая, а также связанных с ними пунктах, на побережье будет оставлено несколько японских эскадр, причем Японии должна быть обеспечена свобода судоходства и захода в порты реки Янцзы и китайского побережья.

5) Китай обязан принять участие в финансировании расходов по содержанию японских войск, дислоцирующихся в Китае для содействия поддержания порядка согласно пункту 4.

⁶ С июля 1937 по конец 1938 г. японские войска заняли Пекин, Шанхай, Нанкин, Кантон, Ухань и др. китайские города. Однако боевые действия китайских сил против японских захватчиков не прекращались, а, напротив, приняли затяжной характер. 3 ноября 1938 г. руководство Японии опубликовало т. н. «Декларацию о новом порядке», в которой наряду с намерениями продолжать борьбу против антияпонских сил, говорилось о возможности соглашения с национальным правительством Китая «...если оно откажется от своих прежних руководящих принципов политики, обновит свой состав... и примет участие в строительстве нового порядка...». Другими словами, говоря об установлении «новых отношений» между Китаем и Японией, в Токио имели в виду, прежде всего, создание зависимого от себя китайского центрального правительства. Документ японского руководства, публикуемый ниже, готовился и обсуждался именно исходя из этих целей. Однако в нем не было учтено реального положения дел в Китае: контроль над обширными районами страны со стороны коммунистов, усиление общенационального движения за создание в Китае единого фронта борьбы с захватчиками, недовольство политикой Японии со стороны других держав, и в частности Англии и США. (См. История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 2. С. 183–185).

6) Япония резервирует за собой право контроля и использования в военных целях железных дорог, воздушных трасс, средств связи, морских путей и гаваней, расположенных в районах пребывания японских вооруженных сил.

7) Китай проводит реорганизацию и укрепление своих полицейских и вооруженных сил. Наряду с этим в районах расположения войск Китай сводит численность своих полицейских и вооруженных сил, а также количество военных сооружений до минимума, необходимого для поддержания порядка и обеспечения обороны.

Япония будет сотрудничать с Китаем в деле строительства китайских полицейских и вооруженных сил, направляя в этих целях в Китай своих советников и поставляя ему вооружение.

*История войны на Тихом океане.
М., 1957. Т. 2. С. 359–360*

Запись в дневнике И. М. Майского от 12 апреля 1938 г. о беседе с Сунь Фо⁷

Сунь Фо провел 6 недель в Москве. Договаривался с советским правительством о помощи Китаю. Уехал довольный и выражал мне благодарность за аккуратное выполнение нами заключенных в Москве соглашений. Однако удовлетворение московскими переговорами пришло к Сунь Фо, видимо, не сразу. Насколько я мог понять из его несколько туманных в этой части объяснений (вообще же говорит он очень ясно, точно и откровенно), направляясь в Москву, он рассчитывал убедить советское правительство в необходимости военного выступления СССР против Японии в союзе с Китаем. Советское правительство отклонило такое предложение, но зато обещало энергичную помощь посылкой оружия, аэропланов и т.д. Результаты видны на ходе военных действий в Китае. Не подлежит сомнению, что китайские успехи трех недель в значительной степени объясняются прибытием нашей авиации, наших танков, нашей артиллерии и пр. Неудивительно, что Сунь Фо сейчас чувствует себя почти триумфатором.

Любопытны подробности его решающей беседы с т. Сталиным⁸. «Мне сообщили, — рассказывал Сунь Фо, — что я увижу вашего лидера в определенный день, но не указали точного числа. Я приготовился. Сажу в посольстве и жду. Наступает вечер — 8 часов, 9 часов, 10 часов, 11 часов... Ничего!.. Несколько разочарованный я решил лечь спать. Разделся, залез в постель. Вдруг без четверти двенадцать за мной приезжают: „Пожалуйста, Вас ждут!“ Я вскочил, оделся и поехал. Вместе со Сталиным были Молотов и Ворошилов. Под конец пришли еще Микоян и Ежов. Беседа наша продолжалась с 12 ночи до 5 1/2 утра. И тут было все решено».

Именно во время этой беседы, по словам Сунь Фо, советское правительство отклонило прямое военное участие СССР в борьбе против Японии. Мотивы, выдвинутые т. Сталиным в защиту такой линии поведения, в передаче Сунь Фо, сводятся к следующему: 1) военное выступление СССР немедленно сплотило бы всю японскую нацию, которая сейчас далеко не едина в поддержке японской агрессии в Китае; 2) военное выступление СССР, наоборот, могло бы напугать правые элементы в Китае и, таким образом, расколоть ныне создавшийся там единый национальный фронт; 3) военное выступление СССР с перспективой нашей победы напугало бы Англию и США и могло бы превратить нынешнюю симпатию обеих стран к Китаю в свою противоположность; 4) военное выступление СССР — и это особенно важно — было бы использовано Германией для атаки на нашу страну в Европе, и это развязало бы мировую войну.

По всем указанным соображениям т. Сталин считает открытое военное выступление СССР против Японии нецелесообразным. Но он всемерно готов помочь Китаю снабжением оружием и т. п.

Опубл.: Соколов В. В. Две встречи Сунь Фо с И. В. Сталиным в 1938–1939 гг. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 20.

⁷ Сунь Фо — глава специальной миссии Китая, направленной в СССР, Англию и Францию; доверенное лицо Чан Кай-ши, миллионер.

⁸ Сунь Фо рассказал Майскому о содержании своей беседы со Сталиным, состоявшейся в Москве в конце января или начале февраля (ДВП СССР. т. XXI. М., 1977. С. 68–69).

Из протокола заседания главного военного совета РККА посвященного событиям на озере Хасан в июле-августе 1938 г., 31 августа 1938 г.

Присутствуют: Ворошилов, Сталин, Щаденко... Блюхер⁹.

Слушали: О событиях на оз. Хасан.

Главный военный совет, заслушав сообщение НКО о положении в ДКФ [Дальневосточный Краснознаменный фронт — ред.] в связи с событиями у оз. Хасан, а также объяснениями командующего фронтом т. Блюхера и заместителя командующего фронтом, члена военного совета Мазепова, и обсудив этот вопрос, пришли к следующим выводам:

1. Боевые операции у оз. Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск ДКФ.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в составе ДКФ. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, сбережение и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов, как во фронтовых складах, так и войсковых частях, оказались в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и НКО командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате этого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 чел. убитыми и 2807 — ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайно трудной местностью, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операциях наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими...

Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — около 40%, что лишний раз доказывает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев т. Штерна¹⁰ и правильному руководству т. Рычагова¹¹ действиями нашей авиации (...)

В период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов части, допуская вредную организационную импровизацию, создавая всевозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск.

Войска выступали к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными... Во многих случаях целые артбатареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались не пристрелянными, а многие бойцы, и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии, прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий.

Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности... танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

⁹ Блюхер В. (1890–1938). С 1929 г. командующий Отдельной Дальневосточной Краснознаменной армией. Летом 1938 г. — командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован после 1953 г.

¹⁰ Штерн Г. (1900–1941). В 1938 г. — начальник штаба Дальневосточного фронта. В 1941 — генерал-полковник, начальник Главного управления ПВО НКО СССР. Арестован 7 июня 1941 г. по обвинению в участии в антисоветской военно-заговорщической организации. Расстрелян без суда 28 октября 1941 г. Реабилитирован в 1954 г.

¹¹ Рычагов П. (1911–1941) — генерал-лейтенант авиации (1940). В 1938 — командующий ВВС Приморской группы Дальневосточного фронта, 1-й Отдельной Краснознаменной армии. В 1940 г. — начальник Главного управления ВВС РККА. Арестован 24 июня 1941 г. по обвинению в участии в антисоветской военно-заговорщической организации. Расстрелян без суда 28 октября 1941 г. Реабилитирован в 1954 г.

Виновником в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней ДКФ и, в первую очередь, командующий ДКФ маршал Блюхер...

Главный военный совет постановляет:

1. Управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.
2. Маршала Блюхера от должности командующего войсками ДКФ отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.
3. Создать из войск ДКФ две отдельные армии, непосредственным подчинением НКО...

РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. Л. 183–189

Итоги боев у реки Халхин-Гол¹² (Из сообщения В. Ставского¹³ о переговорах, проводившихся между советскими и японскими военными представителями в сентябре 1939 г. — после окончания боев у реки Халхин-Гол)

ВОРОНЕЖУ. Докладываем очередную запись тов. В. Ставского о встрече делегаций 20 сентября. Особых добавлений не имеем. Считаем, что переговоры, в общем, идут нормально.

Передана в Читу для передачи в Москву по аппарату «Бодо»

«НАШИ ПЕРЕГОВОРЫ С ЯПОНЦАМИ

(...) 18.09....Группа представителей советско-монгольских войск поднимается на взгорок. У японской палатки выстроились японские офицеры. Впереди на два шага перед строем — низенький, кругленький генерал. Поодаль в ложбинке — ряд японских легковых машин, два грузовика, тарашут глаза больше полсотни японских солдат. У нашей палатки — автомобили, блистающий "ЗИС-101" и три телефониста.

Мечутся японские фото-кино репортеры. Наши товарищи тоже не теряют времени даром. Один из них заметил, как немного погодя в глубь к японцам отправились два грузовика вооруженной охраны и пулемет, стоявший на треноге и направленный в сторону советско-монгольской группы. Предусмотрительно ходя на переговоры господя японские офицеры...

С этого взгорка на неровной широкой долине хорошо видны песчаные бугры, словно берега травяной реки. Там по этим буграм проходят передовые позиции сторон. Перед нашей линией еще валяются в траве зловонные трупы японцев, разбитые колеса японских противотанковых пушек, всяческое японское военное барахло. Советско-монгольскую группу провожали веселые взгляды стрелков, танкистов, артиллеристов.

Председатель советско-монгольской делегации комбриг Потапов¹⁴ здоровается с генералом за руку. Они заходят в палатку. За ними следом проходят все остальные. И вот, по обе стороны стола, прикрытого зелеными одеялами, расположились два мира.

Японский генерал Фудзимото возглавляет ту сторону. Широкое, упитанное, холеное лицо. Тусклые, черные глаза, мешки под ними. Изредка обязательная улыбка, — словно кто-то надевает мертвую маску. На мундире три ряда орденских нашитых ленточек. За столом полковник Кусанаки и Хамада, подполковник Танака — вчера, на первой предварительной встрече бывший старшим. Кстати вчера он просил передать привет его знакомому по Хасану — командующему Штерну.

Среди японцев еще — майоры Накамура, Симамура, Оогоси, Каимото и др. офицеры.

¹² Военные действия на реке Халхин-Гол между японскими и советско-монгольскими войсками продолжались с мая по сентябрь 1939 г. Потерпев поражение, японское командование вынуждено было пойти на переговоры с советскими военными представителями.

¹³ Ставский В. П. (1900–1943), писатель. Автор военных очерков и рассказов. В годы Великой Отечественной войны — военкор «Правды». Погиб в боях под Невелем.

¹⁴ Потапов М. И. (1902–1965) — в 1939 г. комбриг, участник боев на р. Халхин-Гол. В июне 1941 г. генерал-майор танковых войск. С начала Великой Отечественной войны командующий 5-й армией. В сентябре 1941, во время Киевской оборонительной операции, был тяжело ранен и попал в плен, где находился до апреля 1945; в плену держался мужественно и с достоинством. После войны занимал различные командные должности в Советской армии.

С нашей стороны комбриг Потапов, рослый, японцы против него просто замухрышки; бригадный комиссар Горохов и комдив монгольской народно-революционной армии, сосредоточенный и молчаливый Церен.

Переговоры начинает японская сторона.

ГЕНЕРАЛ ФУДЗИМОТО: «Мы члены комиссии японской армии, назначены главным командованием. Мы обращаем внимание, что нам будет очень неприятно, если мы не договоримся».

ПОТАПОВ: «Мы члены комиссии советско-монгольских войск. Наш список мы Вам вручим. Мы хотим достигнуть хороших результатов в переговорах на основании соглашения наркоминдела тов. Молотова и г. Того в Москве¹⁵».

ФУДЗИМОТО: «Мы далеко от правительства, и очень боимся, как бы не допустить ошибок. Мы хотим действовать строго по приказу, вытекающему из соглашения...»

И генерал, и его офицеры долго еще выражают пожелание, чтобы результаты работ оказались хорошими, чтобы пункты соглашения были выполнены. В их торопливой этой настойчивости, выражении их лиц — угрюмых и злобных — мне ясно видны и удрученность, и внутренняя пустота, и даже опасение, просто боязнь.

От центральной переправы через реку Халхин-Гол, недалеко от устья Хайластин-Гол, до места переговоров с японцами — около 15 километров.

Было время — это вначале июля — когда японцы нависали мрачной угрозой и над этой переправой. Сюда с лихвою хватало дальности их пушек. Да как не хватать: вон та господствующая над всей этой округой высота в двух километрах от реки была в руках японцев. Здесь вся земля исклевана снарядами, взрыта японскими авиабомбами. Машина, покачиваясь на выбоинах, идет с бугра на бугор. Чахлая растительность. Низкорослые кусты. Песчаные обрывы, ямы. Вот это и есть здешние монгольские манханы.

Уже позади веселая долина Халхин-Гола. В берегах, окаймленных кустами, стремится могучий поток, очень напоминающий Кубань или Лабу в верховьях. Сколько раз говорили мне красноармейцы: «А какие огороды здесь выйдут!»

Круче и выше гребни, обширнее высоты. Все они стали родными. На той вон высоте был штаб полка Ремизова и высота теперь носит имя славного Героя Советского Союза Ремизова¹⁶. А вон высота «Сапог», «Яйцо», «Два яйца», «Песчаная». Все эти названия даны в период боев. На этих высотах и были созданы японцами отличные укрепленные районы. Эти ямы, манханы и оказались японскими могилами.

Здесь в этой округе были охвачены смертельным кольцом наших войск одиннадцать японских полков. Охвачены и уничтожены.

Здесь был осуществлен смелый и очень тонкий план разгрома японцев.

Когда утром 20 июля полторы сотни наших бомбовозов сбросили на японские головы свой груз, — над манханами, прикрытыми пеленой тумана, выросли фантастические цветы разрывов, дрогнула земля, от гула ахнула вся округа. И тотчас заработала артиллерия.

Десять суток непрерывного нашего наступления и истребления японцев! Пресловутый генерал-лейтенант Камацубара даже не понимал, что происходит, где наносится главный удар, судя по его приказам.

А вот красноречивое признание бывшего командующего 6-й японской армией Оогоси Риппу. В его обращении от 5 сентября сказано:

«...Благодаря смелым и решительным действиям всех частей, руководимых генералом-лейтенантом Камацубарой, хаос в ходе боя принял меньшие размеры». Подумать только. За такой строкой фельетонисты годами охотятся — «хаос в ходе боя принял меньшие размеры». День ото дня он принимал меньшие размеры (японский хаос), пока все они, окруженные здесь, не были уничтожены...

И вот, мы вновь в японской палатке, в нейтральной зоне. Это уже четвертый день переговоров, 20 сентября. Японцы сегодня еще более угрюмы и удрученны, чем вчера. Это видно по их лицам.

Генерал-майор Фудзимото сидит мрачный, как истукан. Зато изысканно любезен комбриг Потапов.

В дни наступления он командовал южной группой, которая нанесла главный удар японцам. И он то хорошо знает, что трупов японцев здесь не 5 тыс., как они заявили, а по самой крайней мере — вдвое больше. И сам Потапов — горячий танкист — врвался в расположение японцев на грохочущем смертоносном танке. Но откуда только у этого человека сейчас такая округлость жеста, плавность и четкость речи!

Комбриг ПОТАПОВ говорит: «Вчера я еще раз доложил главному командованию о вашем желании самим убрать и вывезти трупы. Главное командование, желая идти вам на встречу, не задевать ваших религиозных чувств и не нарушать ваши обряды, решило удовлетворить вашу просьбу — допустить японских солдат к выкапыванию и сбору трупов, на следующих условиях».

¹⁵ 15 сентября 1939 г., в Москве, между председателем СНК СССР, наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым и послом Японии в СССР С. Того было подписано соглашение о прекращении боевых действий в районе р. Халхин-Гол

¹⁶ Эта высота была названа в честь командира 149-го стр. полка майора И. М. Ремизова, героически погибшего в июльских боях на р. Халхин-Гол и удостоенного звания Героя Советского Союза.

Потапов зачитывает целую инструкцию, по которой воинские команды по 20 солдат, без оружия, должны будут собирать трупы. Их будут сопровождать наши командиры.

Генерал нервно записывает в свою книжку. У остальных офицеров совершенно ошеломленные лица. Никак, видно, не ожидали японцы этого...

Наконец генерал приходит в себя. Он говорит: «Я от души, искренно благодарю Вас. Я доложу своему высокому командованию. Сейчас мы между собой посоветуемся...»

Беседа дальше идет гладко. Японцы просят дать схему с указаниями могил японских солдат — они ее получают завтра. Они просят ввести десять команд — хорошо, пусть вводят десять команд. Они просят считать личными вещами — амуницию, фляжки, штыки, бинокли, офицерские револьверы. В этом им отказано. Они не настаивают, но просят разрешения: — не снимать с трупов штыков, сумок, если они находятся прямо на них, — чтобы не было плохого впечатления у солдат.

Комбриг Потапов отвечает: «С убитых снимать этих вещей не будем (...).»

Вл. Ставский

РГВА. Ф. 34725. Он. 1. Д. 11. Л. 37–48

Из письма наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко в Политбюро ЦК ВКП (б) о военно-политическом положении Китая и необходимости оказания ему материальной помощи, 14 октября 1940 г.

Сов. секретно

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

СНК тов. МОЛОТОВУ

О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КИТАЯ

(...) Чан Кай-ши остается на позиции продолжения войны, также как и значительная часть правительства. Однако в существующей обстановке опасность капитуляции или соглашения с японцами, равного капитуляции, имеется.

Чтобы этого не допустить необходимо поддержать материально китайское правительство в его дальнейшей борьбе.

Взаимоотношение Гоминдана и Компартии продолжает являться крупнейшим и важнейшим вопросом, определяющим положение Китая.

Со стороны Гоминдана и Центрального правительства с конца прошлого года были начаты репрессии против Компартии: запрещение коммунистической печати, аресты и тайные убийства коммунистов, преследования левых элементов.

Руководством Гоминдана были изданы директивы, направленные против Компартии...

Попытка вооруженным путем подавить 8-ю и 4-ю народно-революционные армии окончилась крахом, правительственные войска потерпели поражение. Вследствие этого, а также перед лицом подготовлявшегося нового наступления японцев, гоминдановцы пошли на переговоры с компартией и некоторые уступки. Однако эти переговоры ими сознательно затягиваются и до сих пор не закончились, хотя и продолжаются почти 5 месяцев.

Поход против Компартии внешне возглавляется военным министром Хо Ин-цином и командующим 6-м военным районом генералом Чень Ченем...

Чан Кай-ши, видимо, в настоящее время не пойдет на открытый разрыв с Компартией, понимая, что это будет являться разрывом с СССР. Однако его враждебное отношение к Компартии видно из следующих слов, сказанных им на закрытом заседании последней сессии ЦИК Гоминдана (июль 1940 г.): «В прошлом наша позиция по отношению к Компартии была хорошей. Но Компартия пошла на раскол и стала нам угрожать. Тогда мы заняли твердую позицию и Компартия стала призывать к объединению. Мы в настоящее время ставим Компартии твердые ограничения. Если она перешагнет за установленные ей рамки, но мы непременно ее обуздаем и решительно зажмем в кулак».

Последние события подтвердили враждебность гоминдановской верхушки к КПК. Во время наступления 100 полков 8-й армии, ее действия не были поддержаны правительственными войсками, а Хо Ин-цин отказался выделить ей боеприпасы.

Таким образом, международное и внутреннее положение Китая напряженное...

Особо должно быть выделено состояние 8-й народно-революционной армии. Ее части в течении всего периода военных действий в трудных условиях в тылу у противника. Через них влияние Компартии распространяется почти на всю территорию Северного Китая. Общая численность народно-революционных войск определяется до 500 тыс. чел.

Народно-революционная армия испытывает острый недостаток в оружии, деньгах, медикаментах и обмундировании.

Особенно остро чувствуется недостаток оружия. Полумиллионная армия ориентировочно имеет до 150 тыс. винтовок, 150 тяжелых пулеметов, 750 легких пулеметов, 15 орудий, 50 минометов, около 2,5 тыс. маузеров. Состояние оружия плохое. Боеприпасов крайне мало. В большинстве случаев бойцы идут в бой имея по 3–5 патронов на винтовку. Центральное правительство совершенно не снабжает народно-революционные войска оружием и боеприпасами.

Китайская армия остро нуждается в материальной помощи о которой китайское правительство и высшее командование неоднократно просило СССР. Помощь, оказанная Китаю, поднимет боевой дух армии и народа, нанесет удар по деятельности капитулянтов.

ПРЕДСТАВЛЯЮ НА ВАШЕ РАССМОТРЕНИЕ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ:

1. Продать китайскому правительству:

а) 120 истребителей, 80 бомбардировщиков с соответствующим комплектом запчастей, ремонтных материалов, запасных моторов;

б) легких противотанковых орудий из числа трофейных — 300;

в) снарядов к ним — 300 тыс.;

г) зенитных орудий — 20;

д) снарядов к ним — 80 тыс.;

е) бензина авиационного и автомобильного — 5 тыс. т.;

ж) масел — 500 т.

2. Разрешить увеличить количество наших советников, инструкторов и различных специалистов до 300 чел. (сейчас действуют всего 60), что в значительной степени поможет активизировать деятельность китайских войск.

3. Крайне тяжелое положение 8-й и 4-й народно-революционных армий с оружием, боеприпасами, медикаментами и обмундированием сильно снижает и сковывает боевую деятельность армии. Для поддержки народно-революционных армий в борьбе с японцами в настоящее время и для сохранения их в будущем организовать нелегальным путем доставку всех этих предметов в 8-ю армию. Существование на севере Китая народно-революционных войск, помимо политического значения имеет для нас и большое военное значение, так как оно является постоянной угрозой для японской армии, как в северокитайских провинциях, так и в Манчжурии. Кроме того, они в значительной мере препятствуют созданию японцами в Северном Китае плацдарма для нападения на СССР.

4. Для укрепления руководства и подготовки командных кадров 8-й НРА, а также для организации через Особый район разведки японской армии в Китае и Манчжурии, командировать в г.Яньань группу в 10–15 чел.

Приложение: Таблица¹⁷.

Маршал Советского Союза

С. ТИМОШЕНКО

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 34–43

Директива командования Верхмахта № 24 «О Сотрудничестве с Японией», 5 марта 1941 г.

Фюрер дал следующий приказ о сотрудничестве с Японией:

1. Целью сотрудничества, основанного на тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке... Таким образом, английские силы будут ослаблены и центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан. Чем скорее это произойдет, тем больше шансов на успех будет иметь Япония, поскольку ее будущие соперники все еще недостаточно

¹⁷ Не публикуется

подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» вызовет особенно благоприятные политические и военные предпосылки для проведения в жизнь этого плана.

2. Для того чтобы проложить путь для сотрудничества, необходимо всеми возможными средствами усилить военный потенциал Японии. С этой целью верховное командование вооруженными силами будет самым щедрым образом помогать Японии путем информации, основанной на военном опыте Германии в военно-экономическом отношении и технических вопросах. Здесь желательна взаимность, но даже иное положение не должно явиться препятствием к такого рода сотрудничеству. Прежде всего следует удовлетворять те запросы японцев, которые имеют непосредственное значение для ведения войны. В особых случаях фюрер оставляет право решения за собой.

3. Координация оперативных планов обеих держав возлагается на верховное командование флота. Она должна основываться на следующих руководящих принципах:

а) Общая цель ведения войны должна формулироваться следующим образом. Нужно быстро разбить Англию и тем самым удержать Америку от вступления в войну. Кроме этого, Германия не имеет никаких экономических, военных или политических интересов на Дальнем Востоке, которые бы давали основание для каких-либо действий, идущих вразрез с намерениями Японии.

б) Большие успехи, достигнутые Германией против торгового флота в войне, делают особенно необходимым применение мощных японских сил для той же цели. Поэтому необходимо использовать всякую возможность поддержать германские военные операции против торгового флота.

в) Положение держав оси в отношении сырьевых ресурсов требует, чтобы Япония захватила те территории, которые ей необходимы для продолжения войны, в особенности в том случае, если вмешаются Соединенные Штаты. Нужно продолжать поставку Германии резиновых изделий даже после того, как Япония вступит в войну, поскольку они жизненно необходимы Германии.

г) Захват Сингапура — опорного пункта Англии на Дальнем Востоке — явится решающим для успеха всей войны, которую ведут три державы.

Кроме того, нападение на другие базы британского флота, а также на базу американского военного флота (последнее лишь в том случае, если невозможно будет предотвратить вступление Америки в войну) приведет к ослаблению всей системы баз противника в этом районе и так же, как нападение на морские коммуникации, свяжет все другие силы (в частности, Австралию). Пока нет возможности установить точную дату для оперативной разработки этих мер.

4. В военной комиссии, которая будет учреждена в соответствии с пактом трех держав, должны решаться только те вопросы, которые касаются всех трех держав, заключивших договор. Прежде всего вопросы экономической войны. Разработка деталей возлагается на главную комиссию в сотрудничестве с верховным командованием вооруженных сил.

5. Японцам не следует предоставлять никаких данных по поводу плана «Барбаросса».

Подписал: Кейтель — начальник верховного командования вооруженными силами (ОКВ).

*Нюрнбергский процесс. Сб. материалов.
Т.1. М., 1955. С.412–413*

Из приговора международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников (О приготовлениях Японии к войне против СССР до 22 июня 1941 г.)

(...) Планы войны против СССР

(...) Перед Трибуналом подсудимый Муто признал, что, когда он был начальником первого отдела генерального штаба, он занимался изучением плана 1938 г. Военные планы японского генерального штаба на 1939 и 1941 гг. были направлены на захват советских территорий. Основу военного плана 1939 г. составляла концентрация японских главных сил в Восточной Маньчжурии для осуществления наступательных операций. Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку.

План 1941 г., составленный до нападения Германии на СССР, предусматривал осуществление тех же целей. На первом этапе войны предполагалось захватить города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман и Куйбышевку, а на следующем этапе оккупировать Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Совгавань...

Хотя говорили о том, что эти планы были «обычными» планами «стратегической обороны» и т. д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными. Возможно, что при определенных обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, требует их проведения. Однако рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными планами, а не планами «стратегической обороны».

Они были «оборонительными» только в искаженном смысле слова, о чем уже говорилось, поскольку они предусматривали защиту «императорского пути», т. е. экспансию Японии за счет своих соседей на азиатском континенте (...)

*Опубл. в: Рагинский М., Розенблит С.
Международный процесс главных японских военных преступников, М.—Л., 1950. С. 249–254*

Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, 13 апреля 1941 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Император Японии, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить Пакт о нейтралитете, и для этой цели назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик: Вячеслава Михайловича Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров и народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик;

Его Величество Император Японии: Иосуке Мацуока, министра иностранных дел, Жюсанми, Кавалера ордена Священного сокровища первой степени, и Иосицугу Татекава, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Союзе Советских Социалистических Республик, генерал-лейтенанта, Жюсанми, Кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого Коршуна четвертой степени,

которые, по предъявлении друг другу своих соответственных полномочий, призванных составленными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующем:

Статья первая

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья вторая

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья третья

Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья четвертая

Настоящий Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио, также в возможно короткий срок.

В удостоверение чего поименованные выше уполномоченные подписали настоящий Пакт в двух экземплярах, составленных на русском и японском языках, и приложили к нему свои печати.

Составлен в Москве 13 апреля 1941 года, что соответствует 13 дню четвертого месяца 16-го года Сиова.

В. Молотов

Иосуке Мацуока

Иосицугу Татекава

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕКЛАРАЦИЯ

[13 апреля 1941 г.]

В соответствии с духом Пакта о нейтралитете, заключенного 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, Правительство СССР и Правительство Японии, в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами, торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики.

Москва, 13 апреля 1941 года

В. Молотов

Иосуке Мацуока

Иосицугу Татекава

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 555–556

№ 111. Заявление министра иностранных дел Японии Мацуока по поводу значения для Японии пакта о нейтралитете с СССР от 13 апреля 1941 года, май 1941 г.

Заявление министра иностранных дел Японии Мацуока министру иностранных дел Германии Риббентропу

«Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония будет вынуждена, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой Пакт о нейтралитете.»

Опубл. в: Русские Курилы: История и современность. /

Сост. В. Зиланов, А. Кошкин, И. Латышев, А. Плотников, И. Сенченко. М., 1995. С.66–67.

Заявление министра иностранных дел Японии И. Мацуока советскому послу в Японии К. Сметанину, июнь 1941 г.

«Основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и Пакт о нейтралитете [между Японией и СССР — ред.] будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным Пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы».

Русские Курилы: История и современность. /

Сост. В. Зиланов, А. Кошкин, И. Латышев, А. Плотников, И. Сенченко. М., 1995. С.67.

КАНУН ТРАГЕДИИ

Вступительное слово Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина.....	5
Вступительное слово Ректора МГИМО (У) МИД России Академика РАН А. В. Торкунова	7
Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	9

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ О ВОЙНЕ

Выступление У. Черчилля по радио в связи с нападением Германии на СССР, 22 июня 1941 года (извлечение).....	13
Выступление И. Сталина по радио, 3 июля 1941 г. (извлечение).....	14
Обращение тов. И. Сталина к народу, 9 мая 1945 г.	17
Выдержки из выступления Президента Ф. Рузвельта на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената, 7 января 1943 г.	18
Из воспоминаний Ш. де Голля об отношении Союзников к «Свободным французам», 1942 г.	21
Речь генералиссимуса Чан Кайши, произнесенная в Чунцине на заседании подготовительной комиссии по созданию конституционного правительства Китая, 1 марта 1945 г.	23
Из записки премьера польского эмигрантского правительства В. Сикорского министру иностранных дел Великобритании А. Идену по вопросам о возможности открытия западными союзниками второго фронта в Европе, военно-политической ситуации в мире, взаимоотношений с СССР, 9 марта 1942 г.	24
Из речи премьер-министра Японии Х. Того на церемонии открытия заседаний императорского Парламента, 27 мая 1942 г.	25
Отрывок из книги Г. Раушнинга «Говорит Гитлер. Зверь из бездны» о внешнеполитических устремлениях А. Гитлера.....	27

НА ВЕСАХ ИСТОРИИ

Книга первая

О. А. Ржешевский

Защитить нашу Победу.....	33
---------------------------	----

С. М. Миронов

Фальсификация истории — угроза современности.....	36
---	----

С. В. Лавров

История реальная и мнимая.....	39
--------------------------------	----

А. В. Торкунов

Предвоенные уроки нашему времени	42
--	----

М. А. Гареев

От армии 1941-го — к армии 1945 года.....	45
---	----

Ю. А. Никифоров

Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы.....	52
--	----

В. О. Печатнов

Сталин–Рузвельт–Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет	60
---	----

А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская

Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики	69
--	----

О. Н. Каменчук, В. В. Федоров

Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе81

М. А. Мунтян

Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики.....89

ИСТОКИ МИРОВОГО ПОЖАРА

Книга вторая

А. В. Торкунов

Мюнхен: роковой перекресток на дороге войны107

В. П. Смирнов

Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков109

М. М. Наринский

Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны128

Н. К. Капитонова

Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа–Молотова: от умиротворения к политике гарантий?.....153

Е. О. Обичкина

Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий168

А. В. Мальгин

Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 — июне 1941 гг.: новая тактика или стратегический просчет?186

Мариуш Волос

Внешняя политика СССР в 1935–1939 годах: некоторые соображения.....209

Славомир Дембски

Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны.....220

М. И. Мельтюхов

Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 гг.....243

ДОКУМЕНТЫ.....260

НА АЗИАТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Книга третья

Е. Н. Кульков

Германия и Япония: единство и противоречия накануне Второй мировой войны.....305

А. А. Кошкин

«Дипломатический блицкриг» в Кремле.....311

Т. С. Бушуева, А. В. Серегин

Агрессия Японии на Дальнем Востоке и сражение при Халхин-Голе322

С. Г. Лузянин

Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)370

ДОКУМЕНТЫ.....387

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ I
КАНУН ТРАГЕДИИ

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Ю. П. Кириленко

Э. П. Семенюк

Н. Г. Ханина

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 23.06.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 51.0. Уч. изд. л. 43.7. Тираж 500 экз. Заказ № 99.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru